

Отраденское районное общество
историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца

Отраденские историко-краеведческие ЧТЕНИЯ

Выпуск V

Материалы международной научной конференции,
посвящённой 160-летию основания станицы Отрадной
Отраденского района Краснодарского края

Научный редактор С.Н. Малахов
Составитель С.Г. Немченко

Армавир – Отрадная
2017

УДК 947.1/9 (470.62)
ББК 63.3 (2 Рос-4Кра)
О 80

Научное издание

Редколлегия:

Малахов С.Н. – кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей и отечественной истории АГПУ,
с.н.с. отдела истории Института истории и археологии РСО-Алания (*науч. редактор*)

Мамиев М.Э. – кандидат исторических наук,
с.н.с. отдела истории Института истории и археологии РСО-Алания

Немченко С.Г. – краевед,
председатель Отраденского районного общества историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца (*составитель*)

Плотникова В.А. – начальник архивного отдела администрации
муниципального образования Отраденский район

Рецензенты:

Лоба В.Е. – кандидат юридических наук, доцент, начальник Управления научно-исследовательской деятельности Армавирского государственного педагогического университета

Малахова А.С. – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права Армавирского лингвистического социального института

Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. V: Материалы международной научной конференции, посвящённой 160-летию основания станицы Отрадной [Текст] / Науч. редактор С.Н. Малахов, составитель С.Г. Немченко. – Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2017. – 298 с., ил.

В пятом выпуске сборника «Отраденские историко-краеведческие чтения», посвящённом 160-летию основания станицы Отрадной, публикуются статьи и материалы, связанные с юбилеем станицы, историей и культурой Приурупья и Кубани. Представленные исследования вводят в научный оборот новые данные по археологии, средневековой, новой и новейшей истории Кубани, Карачаево-Черкесии, военной истории казачества, архивоведению, этнологии, книжному делу, истории Православия на Кубани.

Издание предназначено для историков, краеведов, учителей, студентов, учащихся и всех, кто интересуется историческим прошлым Отраденского района, Карачаево-Черкесии и Краснодарского края.

На первой стороне обложки: "Хопёрцы, славные сыны", забытые и неизвестные... – казаки Станицы Отрадной, 1-й Хопёрский Её Императорского Высочества Великой Княгини Анастасии Михайловны полк. 1910-е гг. Фото из личного архива Харланова И.К.

На концевой стороне обложки: «Традиционное жилище. Станица Отрадная, первая треть XX в.». Фото из фондов Отраденского историко-археологического музея.

Издание осуществлено при финансовой поддержке администрации Отраденского района, администрации станицы Отрадной, Отраденского районного казачьего общества, коллектива СПК колхоза-племзавода «Казьминский» Ставропольского края, пожертвований Отраденского благочиния и личных средств казака станицы Отрадной Немченко С.Г.

ISBN 978-5-91153-116-4

© Авторы статей, 2017
© Оформление. Издатель Шурыгин В.Е., 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Немченко С.Г. От составителя	6
---	----------

I. СТАНИЦЕ ОТРАДНОЙ – 160 ЛЕТ

<i>Петрова-Хорина Н.Н.</i> Отрадная – 160 лет назад: штрихи к портрету станицы	8
<i>Русанов К.В.</i> Под знаменем Урупской бригады: первые медики станицы Отрадной (1857–1870 гг.)	12
<i>Андреев А.О.</i> 1-й и 2-й Урупские (Линейные) полки Кубанского казачьего войска, с кратким обзором их архивных фондов в ГКУ «Государственный архив Краснодарского края»	19
<i>Матвеев О.В.</i> Из истории этнографического краеведения на Кубани: Д.Я. Иванов	21
<i>Орёл В.Н.</i> Из записок краеведа	35

II. АРХЕОЛОГИЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

<i>Малахов С.Н.</i> К истории аланского православного календаря XI–XII вв. (о времени появления празднования Перенесения мощей свт. Николая Мирликийского)	39
<i>Цокур И.В., Пьянков А.В.</i> Погребение № 28 из могильника «Набережный» городища Куныша Лабинского района Краснодарского края	43
<i>Пьянков А.В., Юрченко Т.В.</i> Номисма стамена Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.) из новых поступлений в КГИАМЗ	48
<i>Зеленский Ю.В.</i> Половцы и аланы: этапы взаимоотношений	49
<i>Малахов С.Н.</i> Аланская митрополия и аланы в конце XVI – начале XVII в. К вопросу об аланском компоненте в этнической структуре митрополии	51

III. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ КУБАНИ

<i>Колесников В.А.</i> О первых георгиевских кавалерах станиц Кавказского линейного полка	57
<i>Фролов Б.Е.</i> Черноморское пластунство: истоки и эволюция	60
<i>Ткаленко Н.С.</i> Военные действия на Северо-Западном Кавказе в 1827–1831 гг.	68
<i>Бурцева Ю.Б.</i> Участие черкесогоаев в русско-адыгских торговых связях (конец XVIII в. – 1840-е годы)	70
<i>Андреев А.О.</i> Создание и упразднение Лабинской кордонной линии в 1839–1865 годах, с кратким обзором дел архивного фонда ГКУ ГАКК «Штаб начальника Лабинской кордонной линии Правого фланга Кавказской линии»	77
<i>Лубков А.И.</i> Деятельность Г.Х. Засса по перенесению Кубанской линии на р. Лабу	80
<i>Русанов К.В.</i> От войсковой тюрьмы до приемного покоя: организация медицины в станице Отрадной в 1871–1917 гг.	83
<i>Емельянов О.Б.</i> О ратной службе уроженцев Моздокского, Гребенского и Кизлярского казачьих полков на Северо-Западном Кавказе в 1860–1864 годах	90
<i>Пылков О.С.</i> «В защиту угнетённых и обуздание угнетателей»: участие населения Кубанской области в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.	97
<i>Слуцкий А.И.</i> История книжного дела Кубани в делопроизводственных обстоятельствах (архивные заметки)	103
<i>Чумаченко В.К.</i> «История Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины в оценке профессора Н.И. Веселовского	111

<i>Корсакова Н.А.</i> К вопросу о судьбе казны Кубанского краевого правительства. 1918–1920 гг.	117
<i>Бамбурина И.В.</i> Из истории сбора документов по истории революции 1917 года в городе Армавире	119
<i>Казанков В.И.</i> «Привет из Ломжи». История одной старой открытки	121
<i>Радичко Л.В.</i> Направленность, акценты и механизм воздействия советской и германской пропаганды в отношении населения Кубани в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.)	135
<i>Суворова Н.Н., Фролов Б.Е.</i> «Кубанские шашки» 1941–1942 годов выпуска для 17-го Казачьего кавалерийского корпуса	139
<i>Тёр Е.В.</i> Недавнее прошлое отраденского краеведения (из переписки с проф. В.Б. Виноградовым)	145
<i>Яковлева Е.С.</i> Проблемы развития архивной службы Кубани в конце XVIII – начале XX столетий (по документам кубанских архивов)	147
<i>Шишканова А.В.</i> 85 лет Карачаево-Черкесскому институту гуманитарных исследований – важная веха в формировании научной мысли КЧР	151
<i>Карданова А.Х.</i> 95 лет Карачаево-Черкесии	158

IV. ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВИЯ НА КУБАНИ

<i>Бабич А.В., Галич А.М.</i> Пастырское служение военного священника о. Иоанна Ястребова (1879–1916)	162
<i>Кияшко Н.В.</i> Обновленческий раскол в Армавирском округе Северо-Кавказского края в 1922–1930 гг.	168
<i>Бердиев З.П.</i> Политика ВКП(б) в «церковном вопросе» и массовое религиозное сознание в 1930-е годы	173
<i>Бабич А.В.</i> Исторический очерк о приходах Курганинского благочиния Кубанской епархии в советский период	180
<i>Гетманская С.Н.</i> Православная жизнь в станицах района г. Горячий Ключ (конец XIX – начало XXI в.).	195

V. ТРАДИЦИОННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

<i>Соловьева Н.Г.</i> О традиционном праздновании Масленицы	203
<i>Заубидова И.Х.</i> От Эллады до Кавказа	206
<i>Ктиторов С.Н.</i> Первый храм черкесогоев (черкесских армян) на Кубани	215

VI. КАЗАЧИЙ АРХИВ

<i>Чумаченко В.К.</i> Сын историка (К биографии Григория Фёдоровича Щербины)	222
<i>Лукаш С.Н.</i> Потеряв родину	229
<i>Слободенюк В.В.</i> Казачья атака как превосходство народного духа! (75-летию атаки под Куцевской посвящается)	231
<i>Росликова В.И.</i> Некоторые моменты из жизни станицы Отрадной, оккупированной немцами	237

VII. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Арцибашев А.Н.</i> Мои впечатления о встречах с Петром Ефимовичем Придиусом	242
<i>Тёр В.В.</i> На горе Лазоревой	242
<i>Ложкин А.Н.</i> Славянский ход-1992. Путевые записки	251
<i>Пренко А.В.</i> Необычный роман	261
<i>Немченко Г.Л.</i> «“Лад” эту публику никак не устраивал». Беседа с В.И. Беловым	266
<i>Карданова А.Х.</i> Возвращение на Родину	270
<i>Андреева О.В.</i> К юбилею основания Отраденского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца	274

VIII. РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Малахов С.Н.</i> Новое исследование о библиотеке генерал-лейтенанта И.Д. Попко	277
<i>Малахов С.Н.</i> Чтобы помнили	279
<i>Марченко Е.В.</i> Материалы к биобиблиографии Петра Ефимовича Придиуса	281

IX. ХРОНИКА

<i>Тёр Е.В.</i> Учитель, путешественник, краевед (памяти Владимира Ивановича Чеснокова)	292
---	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	293
--------------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	294
----------------------------------	-----

От составителя

Предлагаемый вниманию читателей сборник «Отраденские историко-краеведческие чтения» является пятым выпуском и посвящён 160-летию основания станицы Отрадной. Все публикуемые материалы являются итогом профессиональных изысканий ученых, краеведов и вводят в научный оборот новые архивные и археологические данные, интерпретации фактологического материала, концепции по актуальным вопросам истории Приурупья и Кубани с древнейших времен по конец XX в.

Традиционно в сборнике присутствуют разделы «История и современность» и «Казачий архив», связанные с публицистическим и мемуарным осмыслением нашего недавнего прошлого через личностное восприятие.

По тематике и содержанию все статьи, материалы, эссе разделены на девять разделов.

В первом разделе читателю предлагаются статьи, связанные с прошлым станицы Отрадной. *Н.Н. Петрова-Хорина* рассказывает о первопоселенцах и повседневной жизни станицы в первые десятилетия ее существования. О медиках станицы в 1857–1870 гг. пишет *К.В. Русанов*. Истории 1-го и 2-го Урупских (Линейных) полков Кубанского казачьего войска посвящена работа *А.О. Андреева*. Ранее неизвестные материалы об учителе Д.Я. Иванове, авторе первого этнографического очерка об Отрадной, публикует *О.В. Матвеев*. В мае 2017 года исполнилось 60 лет со дня открытия Отраденского историко-археологического музея. В связи с этой датой мы печатаем очерк литературоведа и краеведа В.Н. Орла (1928–1987), рассказывающий о жизни станичного музея в начале шестидесятых годов XX в.

Второй раздел посвящен археологии и этнической истории Приурупья в средние века. Следам христианства на городище Куньша посвящена статья *И.В. Цокур* и *А.В. Пьянкова*. В статье *А.В. Пьянкова* и *Т.В. Юрченко* вводятся в научный оборот новые нумизматические данные по XI в. Различные этапы взаимоотношений половцев и алан анализирует *Ю.В. Зеленский*. Два отдельных аспекта этнокультурной истории алан, обитавших в верховьях Кубани, по

Урупу и Лабе, рассматривает в своих статьях *С.Н. Малахов*.

Третий раздел – история Кубани в новый и новейший периоды – наиболее объёмный. Этот раздел открывается статьей *В.А. Колесникова* о первых георгиевских кавалерах станиц Кавказского линейного полка. *Б.Е. Фролов* исследует истоки и эволюцию Черноморского пластуства. Военные действия, ратные подвиги казаков на Северо-Западном Кавказе в 1830–1860-х гг. изучаются в статьях *А.О. Андреева*, *О.Б. Емельянова*, *Н.С. Ткаленко*, *А.И. Лубкова*. Об участии черкесогоаев в русско-адыгских торговых связях в конце XVIII – первой половине XIX в. пишет *Ю.Б. Бурцева*. *К.В. Русанов* исследует организацию медицины в станице Отрадной в 1871–1917 гг. Новые материалы об участии населения Кубанской области в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. сообщает *О.С. Пылков*. Вновь поднимается вопрос о судьбе казны Кубанского краевого правительства в 1918–1920 гг. в работе *Н.А. Корсаковой*.

С историей книжной культуры Кубани связаны статьи *А.И. Слуцкого* («История книжного дела Кубани в делопроизводственных обстоятельствах») и *В.К. Чумаченко* («История Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины в оценке профессора Н.И. Веселовского»). Отдельные аспекты истории архивного дела и архивоведения на Кубани анализируются в статьях *И.В. Бамбуриной* и *Е.С. Яковлевой*.

Вопросам участия кубанцев в Великой Отечественной войне, трудовому подвигу тыла, войне в индивидуальной судьбе человека посвящены работы *Н.Н. Суворовой* и *Б.Е. Фролова* («Кубанские шашки» 1941–1942 годов выпуска для 17-го Казачьего кавалерийского корпуса»), *Л.В. Радичко*, *В.И. Казанкова* и публикация архивного материала о Куцевской атаке *В.В. Слободенюка* из раздела «Казачий архив».

Некоторые страницы из недавней истории краеведения в Отраденском районе восстанавливает *Е.В. Тёр*.

В статье *А.В. Шишкановой* кратко рассматривается 85-летняя история развития Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований и его вклад в науку Северного Кавказа. Исторический

очерк поступательного государственно-административного развития Республики Карачаево-Черкесия представлен в работе *А.Х. Кардановой*.

В четвертом разделе «История Православия на Кубани» продолжается публикация работ архивистов и историков, которые предлагают читателю новые архивные материалы по истории Русской Православной Церкви. В публикации *А.В. Бабича* и *А.М. Галича* сообщаются малоизвестные сведения о пастырском служении военного священника о. Иоанна Ястребова (1879–1916). *Н.В. Кияшко* изучает обновленческий раскол в Армавирском округе Северо-Кавказского края в 1922–1930 гг. В работе *З.П. Бердиева* анализируется политика ВКП(б) в «церковном вопросе» и ее воздействие на массовое религиозное сознание в 1930-е годы. В историческом очерке *А.В. Бабича* изучаются приходы Курганинского благочиния Кубанской епархии в советский период. На основании полевых материалов *С.Н. Гетманская* восстанавливает основные черты православной жизни в станицах района г. Горячий Ключ в конце XIX – начале XXI в.

В пятом разделе «Традиционные этнические культуры Северного Кавказа» рассматриваются феномены материальной и духовной культуры народов Северного Кавказа. *Н.Г. Соловьева* анализирует различные аспекты празднования масленицы славянским населением Верхней Кубани. В этнографическом очерке *И.Х. Заубидовой* рассказывается о материальной и духовной культуре греков, живущих в Карачаево-Черкесии. В статье *С.Н. Ктиторова* дается исчерпывающий материал о первом храме черкесогаев (черкесских армян) на Кубани.

В шестом разделе «Казачий архив» на основании ранее не публиковавшихся архивных данных и мемуаров рассказывается об эмигрантских судьбах казаков (статьи *В.К. Чумаченко*, *С.Н. Лукаша*) и истории Кубани в годы Великой отечественной войны (статьи *В.В. Слободенюка*, *В.И. Росликовой*).

В предыдущих выпусках Чтений всегда присутствовал раздел «История и современность», в котором слово предоставлялось писателям, журналистам, публицистам, размышлявшим о судьбах Отечества, Православия, Родины, о тесной связи прошлого и настоящего. В этом, седьмом разделе настоящего выпуска публикуются воспоминания *А.Н. Арцибашева* о встречах с кубанским журналистом и писателем Петром Ефимовичем Придиусом. Своими впечатлениями о новом романе Г.Л. Немченко «Красная машина» делится *А.В. Пренко*. *Отец Анатолий (Ложкин)* размышляет о судьбах русской культуры и Православия в очерке «Славянский ход – 1992. Путевые записки». Впервые публикуется интервью русского писателя *В.И. Белова*, которое он дал *Гарию Немченко* в начале девяностых годов. О людях Приурупья и их необыкновенных судьбах пишет в своем очерке «На горе Лазоревой» *В.В. Тёр*. О репрессированном народе – карачаевцах, их возвращении на родину пишет *А.Х. Карданова*. Своими впечатлениями об изданиях Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца делится краевед *О.В. Андреева*.

В восьмом разделе «Рецензии и библиография» помещены отзывы на краеведческие новинки, написанные *С.Н. Малаховым*, и материалы к биобиблиографии Петра Ефимовича Придиуса, составленные *Е.В. Марченко*. Завершает сборник раздел «Хроника», в котором слово прощания с краеведом *В.И. Чесноковым* из станицы Надёжной написано *Е.В. Тёром*.

Редколлегия выражает надежду, что настоящий сборник научных статей, затрагивающий самые разнообразные проблемы региональной истории от древности до современности, найдет своего читателя и послужит в дальнейшем основанием для продолжения более углубленного изучения истории и культуры Приурупья.

С.Г. Немченко

І. СТАНИЦЕ ОТРАДНОЙ – 160 ЛЕТ

Н.Н. Петрова-Хорина

**Отрадная – 160 лет назад:
штрихи к портрету станицы**

*«...Гей, гей, урупцы, храбрые
вы молодцы!»*

(Из песни «Мы стояли на горе»)

Сегодня нельзя пожаловаться, что история Приурупья и его станиц – «белое» пятно. Краеоведами района, начиная с М.Н. Ложкина, кубанскими историками в последние годы многое сделано, чтобы забытые страницы были прочитаны. Само издание «Отраденских историко-краеведческих чтений», весомого и серьёзного научно-культурного сборника, выходящего в районном (!) центре, является подтверждением неослабевающего интереса отраденцев к истории и проблемам нашей малой родины, интереса, который неуклонно растет в последние десятилетия под эгидой местного отделения Российского общества историков-архивистов.

Известно, что появление в годы Кавказской войны «новых» урупских станиц – результат продвижения российской границы в Закубанье. Они «водворялись» по Урупу, Тегиням, Зеленчукам: 1856 г. – Безкоробная и Попутная, 1857 г. – Отрадная, 1858 г. – Удобная, Спокойная, Надежная, Безстрашная, Подгорная, Исправная и Сторожевая.

Одной из них, Отрадной, в этом году исполняется 160 лет. Читаем архивный документ «О станицах 5-й бригады ККВ с показанием народонаселения и обустройства их...». «...1857 год. Обустроена Отрадная станица при реке Уруп, обнесена земляной оградой. Всего населения в 1861 году насчитано 2235 человек. Обустроена в живописном месте» [1]. В ГАКК сохранились и другие документы, повествующие о жизни казаков в первые годы «водворения» их станиц на кордонной Урупско-Лабинской линии.

Автора статьи интересует социально-бытовая и нравственно-психологическая составляющая жизни новопоселенцев Отрадной. Что определяло психологический климат станицы на первых этапах ее жизнедеятельности? Очевидно, что отпечаток на уклад жизни, мотивацию станичного со-

общества оказывали и условия военного времени, и статус казаков-кордонщиков (с плугом и шашкой в руках), и пестрый состав населения. А он был неоднородным по географии их прибытия. Наверное, сразу стоит упомянуть, что черноморское казачество – «запорожцы» всячески отказывались идти на Линии, в Екатеринодаре открыто возражали графу Н.И. Евдокимову против того, что он хочет «бабами да ребятишками Закубанье завоевать». И вправду, гнали казаков на новые кордоны, что называется из-под кнута, с недавно обжитых станиц в неизвестность. А там, как пелось тогда в песнях, «линеюка» по Урупу кровью текла, а Лаба-река горючей слезой.

В первую очередь, первопоселенцами здесь были казачьи семьи «местных» станиц шести бригад Кавказского линейного казачьего войска (штаб – в крепости Ставрополь). Линейцы и впрямь, по выражению боевого генерала и летописца той эпохи И.Д. Попко, как и все казачество российское, были живой изгородью на окраинных рубежах русских. Далее сюда прибывало казачество с Дона, Полтавщины, Черниговщины, со станиц Терско-Сунженской линии. И даже уральские казаки (!) – «переселенцы для водворения в станицах Кубанской области», о чем свидетельствует подорожная. В ней предписан «Путь следования 44 семейств охотников (добровольцев. – Н.П.-Х.) Уральского казачьего войска Николаевской станицы форта Александровского морем через Каспий от Шандруковской пристани тем же порядком, что и в предыдущий раз...» [2].

Пособие казакам КЛКВ при переселении на новую кордонную линию полагалось следующее. На домашнее обзаведение 71 руб. 42 и шесть седьмых коп. каждому семейству. Ружье, шашка, пистолет, фунт пороку, по 3 фунта свинца каждому могущему носить оружие (взамен этого 10 руб. на семейство на покупку оружия). Провиант на каждую душу обоого пола и детям моложе 7 лет – в течение 3 лет. Льгота от службы и земских повинностей, кроме защиты своих станиц, на 5 лет. 2-м семействам одну подводу. Кормовые в пути по 5 коп. взрослым...» [3].

Линейные станицы обязаны были дать на выселение на «новую линию» по

10-15 казачьих семей-«охотников». Зачастую добровольцев не хватало или не было желающих, тогда на станичных сходах сплски на выселение составляли по жребию или по приговору [4]. Жребий понятно: хочешь не хочешь, а ехать обязан – казак под присягой. Немало и других примеров того, как и какие порой лица попадали в станицы новой линии. Вот Приговор станичного правления 1-го Войскового казачьего полка станицы Нижегородской. Адресован на имя начальника станицы, а тот, в свою очередь, пишет ходатайство на имя командира 6-й бригады Лазебникова. Станичники просят переселить на Лабинскую линию два семейства, Семена Заева и Ягора Ефимова, потому что *«они по существу никакой пользы не приносят, кроме одного разврата в обществе. Потому что они повидения нитрезваго, дурного и буйственного характера, вздорчивости в обществе, а потому покорнейше просим Вашего Высокородия не оставить вышеуказанные семейства...»* [5].

Осенью 1856 года, казаки-первопоселенцы только что основанной станицы Попутной, одновременно с обустройством и подготовкой собственных землянок к зиме, вырубали лес в пойме Тегиня: заготавливали себе турлук и расчищали место от леса для будущей Отрадной станицы. Протокол из «Журнала Войскового Правления» от 31 мая 1857 г. свидетельствует, что весной 1857 года и развернулась трудовая эпопея по устройству Отрадной. Командир 2-й бригады генерал-майор Войцицкий, в рапорте от 20 мая № 1138, донес Наказному Атаману КЛКВ генерал-майору Рудзевичу, что «для работы по проведению Станицы при устье Большаго Тегиня, отправлено им 340 железных лопаток, 35 кирок, 20 продольных пил, 150 топоров, 20 железных ведер, 5 ломов и 16 штукатурных лопаток, и что инструмент этот не может освободиться до самой глубокой осени для устройства Станицы предполагаемой у поста Родниковского». Понятно, что вскоре часть инструмента пришла в негодность. Но чтобы работы не приостановились, майор Попчинский и есаул Апацкий «на свои деньги (17 рублей серебром) купили железа и стали» [6].

Военная обстановка отражалась на повседневной жизни линейных казаков, они чаще, чем черноморцы (потомки запорожцев), соприкасались с горцами, несли кавалерийскую службу. Линейцы искуснее за-

порожцев владели острой шашкой. Кстати, шашка (именовалась тогда как «бельгийское оружие») стоила 4 руб. 50 коп. серебром. Её надо было обязательно приобрести на выданные из казны деньги. Если казак выбывал из бригады (полка), был убит, умирал или переселялся в другую станицу, он или его родственники обязаны были вернуть в казну «оружейные» деньги. Куда бы ни скрывались родственники, какие бы причины не выставляли, рано или поздно эту, а то и большую сумму серебром с них взыскивали через дознание [7].

Жизнь на Линии была подчинена приказам военного начальства. Конные резервы проверяли окрестности, чтобы вовремя обнаружить опасность: горцы могли неожиданно напасть, захватив людей и стадо. И в Отрадной обстановка была такой же – с плугом и ружьем, но с учетом, что здесь находилось бригадное командование КЛКВ. В 1857 году – 2-я бригада, в конце 1858 года она сформирована в 5-ю бригаду, а с апреля 1864 года стала именоваться 6-й [8].

Где только ни служили казаки-урупцы, какие только работы не выполняли, начиная с охраны станицы, продовольственного обеспечения в «закрома родины» – заготовка хлеба для населения, фуража для строевых лошадей и т.п. Интересно, что командир Псекупского полка Черноморского войска (ЧКВ) Иван Диомидович Попко вспоминал, что генерал Вельяминов, прежде командовавший войсками на Кавказской Линии и Черноморье, считал, что казак не должен быть богатым, потому что богатство изнеживает воина. Казак не должен быть и беден, так как бедность не даст развиваться ни нравственно, ни физически для военного молодечества [9].

О среднем достатке семьи рядового казака можно судить по Рапорту в полковое Правление. 18 ноября 1866 года произошел пожар, сгорело имущество вдовы казачки станицы Отрадной Прасковьи Миргородской на 61 руб. 58 коп.: деревянный дом с турлучными стенами – 35 руб., турлучный сарай – 4 руб., хлеба озимого 4 четверти (за четверть 3 руб. $\times 4 = 12$ руб.), бурка – 3 руб., повесть – 2 руб., веревка – 48 коп., лопатка – 2 руб., проса – 1 руб. 60 коп., курей 8 штук (20 коп. $\times 6 = 1$ руб. 60 коп.) [10].

Командиром 2-й бригады КЛКВ и начальником Урупской кордонной линии в то время был Евпл Филиппович Семенкин,

уроженец станицы Червлёной. Умный и строгий начальник, Е.Ф. Семенкин – кавалер многих российских орденов, награжден Золотой шашкой на ленте с надписью «За храбрость», причисленной к георгиевским наградам. О нем известно из очерка есаула М.И. Санькова «*Описания поселения 5-й (Урупской) бригады ККВ и отдельных действий ея частей против непокорных горцев*», опубликованном в газете «Кубанские войсковые ведомости» [11].

В очерке истории Урупской бригады М.И. Саньков упоминает немало доблестных дел Семенкина в боях. 17 мая 1858 г. с 40 казаками он не только выдержал атаку партии черкесов в 200 человек, но и разгромил неприятеля. Посту, устроенному на горе, где происходил бой, дано было наименование «Непобедимый». Казаки ценили своих начальников, оправдывали их строгость суровостью обстановки.

В сборнике Акима Дмитриевича Бигдая «Песни кубанских казаков» с пометкой «записана Федоровым от есаула Санькова в станице Отрадной», есть веселая песня «Мы стояли на горе», она повествует о казачьем житье-бытье, их командире Семенкине. Он по-отцовски журит казаков. Те, в свою очередь, не в обиде – он для казаков «свой».

1. Мы стояли на горе, на зеленой на траве.

Припев: Гей, гей, урупцы, храбрые вы молодцы!

2. Идет Семенкин наш в поход, за собою нас ведет.

Припев: Гей, гей, урупцы, храбрые вы молодцы!

3. Едет Семенкин к нам у бурки, мы пьем водку, едим булки.

4. Мы пойдемте, братцы, в горы, мы заслужим там Егорий.

5. – Ради Бога вас прошу: не ходите вы в корчму,

6. Вы одну-то треть пропьете, за другой ко мне придете.

7. В вас коней нечем ковать и чувяки подлатать.

8. – Мы попорем чепраки, подлатаем чувяки,

9. Остры шашки поломаем, добрых коней подкуем.

10. Говорят, Семенкин злой, а он батюшка родной:

11. Он по локоть отдерет да под суд не отдает.

Припев: Гей, гей, урупцы, храбрые вы молодцы! [12].

В каждой станице (судя по документам) фигурирует «питейный дом». Пили, и, должно быть, немало. Из рапорта полковому Правлению 3-й бригады 18 июня 1857г. явствует, что во 2-ю бригаду из «Прочно-окопского питейного подвала предназначалось отправить 20 сорокаведерных бочек водки... [13].

Переписка Отрадного станичного правления с полковым Правлением свидетельствует, что пьянство, воровство не оставались без их пристального внимания. Расследование «О краже нижними чинами 6-й Отрадной сотни 1-го Урупского казачьего полка у жителей ст. Отрадной...», подписано есаулом Пистолькорсом, станичным писарем Мануйловым, секретарем Булгаковым. Дело было в ноябре 1859 г. Жители принесли жалобу: строевые казаки Дементий (Демьян) Комнатный и Иван Воробьев подозреваются в воровстве. Свидетель казачка Елена Волкова под присягою показала, что ночью встала грудью покормить ребенка и в окно увидела, как «через ее двор тащили барана 2 человека, один похож на Демьяна Комнатного». Захар Провоторов на допросе утверждал: они в это время гуляли на свадьбе и никуда от компании не отлучались; свидетелем назвал Петра Савотенкова. Допрос вели начальник станицы подхорунжий Красковский и судья Головин. Провоторова наказали: арест и 50 ударов розгами в присутствии казаков Романа Долженко, Спиридона Могилина и Кирея Жукова. Провоторов не признавался в содеянном, тогда на другой день, по указанию начальника станицы, был наказан еще 20 ударами розог. Тут по делу нашлись еще свидетели – старики Филипп Рошупкин и Прокопий Аулов. Тогда Захар признался, что баранов через двор Волковой тащили его брат Архип Провоторов, казак Комнатный и Иван Воробьев. Свадьба была у казака Сапрыкина, но ни он, ни его гость, урядник Коршунов, ничего не знают – кампания ушла во главе с казакком Беляевым «как вечерняя заря смерклась». Был учинен обыск домов подозреваемых, и у Ивана Воробьева нашли в печи баранину. Тот стал выкручиваться: куплено мясо казаками Донского казачьего полка Сергеем Косовым и Терентием Климовым, они квартировали у Воробьева. Донцы отказались

подтвердить это. Обыск чинили старики из станичного Правления, они обыскали и дом Беляева. Здесь нашли девять овчин: четыре его собственных, а чьи пять? – Подкинули, – твердил хозяин. На повальном обыске 15 жителей Отрадной показали, что Захара Провоторова и Алексея Беляева хорошо знают. Поведения неблагонадежного, постоянно упражняются в пьянстве, и «от того производят ссоры, драку, кроме того, несколько раз были наказаны обществом за разное воровство птицы и животных». Свои три овчины признали казак Морей Тарасенков и одну мещанин Митрофан Авчинников. Виновных наказали – по 100 ударов розгами [14].

Это случай из ряда вон, но такое бывает в каждом поселении. Чем еще жила станица в повседневности? Службою царю и Отечеству, трудами военно-мирными. Апрель 1863 года. Из ст. Отрадной распоряжение за подписью командира Е.Ф. Семенкина и секретаря 5-й бригады Карабицкого. «Об отпуске для продовольствия строевых лошадей чинов 5-й бригады». Пять сотен бригады постоянно в этом году должны находиться на Даховской кордонной линии. Это станицы Даховская, Губская, Бесленевская, Баракаевская, Хамкетинская. Цель – охрана Линии, заготовка продовольствия, закладка овсяных складов [15].

Май 1863 года. Уряднику Тараннику приказ: «...сотня Удобная спускается в бригаду, а сотня Отрадная, выкомандирована ей на смену и оставлена в станице Баговской». Задача – обеспечение бригады фуражным овсом с Майкопского нагорья [16].

Очередное предписание Семенкина под личную ответственность сотнику Посевину: 4-я Отрадная сотня берет на караул овсяной склад в станице Царской. 5-я сотня 18-го Отрадного полка спускается с 1-й Верхне-Лабинской линии из станицы Псеменской в станицу Спокойную [17].

Время летнее и все нижние чины – на заготовке хлебов и кормов. Две резервные сотни 5-й бригады – расписаны по постам. Одновременно служили урупцы и в конно-учебном дивизионе в Екатеринодаре, и в дежурной команде при штабах в Екатеринодаре, Ставрополе, даже в музыкальном хоре в Екатеринодаре. [18].

Станица постепенно обживалась и обустраивалась. 1869 год ознаменовался открытием женского училища. В полковое

Правление 5-й бригады подаются заявления на обучение дочерей войсковые старшины, сотники, хорунжие, поручики, штабс-капитаны, священнослужители. Плата за полугодие – 25 рублей серебром с полным пансионом для приезжих. Кто и откуда отдает своих дочерей на учебу в Отрадную – священник станицы Костромской Петр Петров – дочь Анну, священник станицы Надежной Ключенский – дочь Анну, диакон Иванов – дочерей Евдокию и Ефросинью, сотник Беседин – двух дочерей Пелагею и Александру, есаул Рыбаков из станицы Урупской – дочь Дарью, супруга командира 5-й бригады Семенкина вносит плату за свою воспитанницу Феодосию – дочь отставного войскового старшины Золотарева, купец Алексеев – дочь Прасковью, из станицы Чамлыкской сотник Захаров привозит дочь Веру, купец из станицы Темрюкской – дочь Марию, Елена и Ефросинья Геник – дочери смотрителя Губского провиантского магазина. Отставной хорунжий Жендубаев из станицы Попутной пишет рапорт на имя командира бригады Евпла Филипповича Семенкина. В семье Жендубаева малолетние (до 12 лет) дети: два сына и две дочери. Одной из дочерей, Людмиле, он желает дать приличное воспитание и образование, но из-за службы в нижних чинах не имеет достаточных средств, поэтому вынужден просить обучать ее за казенный счет. На заявлении ответ: «Правление разрешает не платить только за обучение, а на пансион порекомендовали просить вспомоществования в Ставропольском приходе». В итоге, в год открытия училища было принято 28 воспитанниц, десять из них – «вольноприходящие», т.е. живущие в станице Отрадной: Матрена и Ольга Карабицкие, Прасковья Булгакова, Олимпиада Биволистова, Евдокия Воропаева, Пелагея и Александра Беседины, Юлия Сапежко, Анна Зиневич, Анна Шаталова. Остальные – на полном пансионном содержании. Заявления желающих «получать грамоту» подписывают: заседатель Правления Карабицкий, заместитель председателя Могуков, столоначальник Нечаев, секретарь Беляков. Таково было начало пути кубанской глуминки к просвещению и культуре [19].

Итак, 160 лет назад на картах штабов КЛКВ и ЧКВ, в цепочке кордонных станиц Урупско-Лабинской линии, появилась станица Отрадная.

Позади десятилетия эпох ушедших, а действительность дня сегодняшнего диктует новые ценности и нормы поведения. Но опыт истории, и память о прошлом наших предков необходимы для ныне живущих потомков первых отраденских поселенцев. Ценность изложенных выше сведений – в их документальной достоверности, в том, что они добавляют новые штрихи к историческому портрету одной из красивых и уникальных станиц нашего края.

Примечания:

1. ГАКК. Ф. 257. Оп. 1. Д. 25. Л. 32.
2. ГАКК. Ф. 257. Д. 39. Л. 18.
3. ГАКК. Ф. 257. Оп. 1. Д. 23. Л. 29.
4. ГАКК. Ф. 257. Оп. 1. Д. 23. Л. 895.
5. ГАКК. Ф. 257. Оп. 1. Д. 23. Л. 215.
6. ГАКК. Ф. 257. Д. 25. Л. 267. Л. 302.
7. ГАКК. Ф. 355. Оп. 2. Д. 380. Л. 26. 136.
8. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 29.
9. *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858. С. 93.
10. ГАКК. Ф. 355. Оп. 2. Д. 380. Л. 24.
11. Описания поселения 5-й (Урупской) бригады ККВ и отдельных действий ее частей против непокорных горцев // Кубанские войсковые ведомости. 1868. № 11.
12. *Бигдай А.Д.* Песни линейных казаков. Том 2. Краснодар, 1998.
13. ГАКК. Ф. 257. Оп. 1. Д. 25. Л. 288.
14. ГАКК. Ф. 257. Оп. 1. Д. 25. Л. 267. Л. 302.
15. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.
16. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.
17. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 12. Л. 151.
18. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 12. Л. 54.
19. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 227. Л. 7. Л. 15.

К.В. Русанов

Под знаменем Урупской бригады: первые медики станицы Отрадной (1857–1870 гг.)

Где лечились заболевшие казаки станицы Отрадной в первые годы ее существования? Какие медики занимались их здоровьем? Упоминания об этом в литературе малочисленны, а сами публикации весьма труднодоступны.

Автору этих строк так и не удалось увидеть полный текст труда первого историографа ст. Отрадной – есаула М.И. Санькова (1829–1898) [1], участника многих описанных им событий. Да, много цитат из «Описания поселений...» привел в своих публикациях о Санькове проф. О.В. Матвеев (см., например, [2]), но болезням и медикам в тех цитатах места не нашлось. Возможно, их нет и в первоисточнике, но воз-

можности убедиться в этом мне не представилось.

Из-за дефицита информации по многим вопросам истории отраденской медицины нет единого мнения. Ниже мы попытаемся прояснить эти спорные вопросы, компенсируя дефицит использованием: 1) сведений о том, что происходило в станицах соседних линий – Лабинской и Белореченской; 2) медицинских источников – журналов и справочников того времени.

Впрочем, от путаницы не были свободны и эти последние – в период активного заселения Закубанья (вторая половина 1850-х – начало 1860-х гг.) станицы передавались из одного войска в другое, а казачьи полки и бригады часто меняли названия и номера. По данным есаула М.И. Санькова, основанная в 1857 г. ст. Отрадная вместе с другими станицами вошла в 1858 г. в Урупскую бригаду. Последняя числилась в Кавказском линейном казачьем войске (КЛКВ) под 3-м номером. В статье [3] сообщается, что сначала штаб бригады находился в ст. Урупской, а затем был переведен в ст. Отрадную. Урупскую бригаду составляли два конных полка – 1-й и 2-й Урупские. К 1-му полку были приписаны станицы Бесскорбная, Попутная, Отрадная, Удобная, Спокойная, Надежная, Подгорная, ко 2-му – Урупская, Зеленчукская, Кардоникская, Сторожевая, Преградная.

В 1860–1861 гг. Урупская бригада была передана во вновь образованное Кубанское казачье войско (ККВ), где получила № 5, а ее полки стали называться 18-м и 19-м конными полками. Имеются данные [4], что конный полк, в состав которого вошла ст. Отрадная, 4 марта 1861 г. получил № 15, 13 мая того же года – № 20, и лишь с 19 октября окончательно обрел № 18.

Период строительства и заселения ст. Отрадной описан в газетной статье [5]. Руководил операцией 1857 г. войсковой старшина Ф.П. Лазарев. Применялся общепринятый в то время порядок действий: «Сначала воинские части вокруг намеченного под станицу места выкапывали глубокий ров с насыпью, которую укрепляли дерезой, по углам воздвигали высокие курганы-батареи с пушками, с северной и южной сторон устраивали ворота (в ст. Отрадной были еще и западные ворота. – К.Р.). И только после этого прибывали поселенцы, а воинские части передвигались для подготовки и

укрепления места под другую станицу». Жаль, что автор не указал состав отряда, строившего ст. Отрадную; обычно в эти отряды входили как казаuchy, так и армейские подразделения (из пехотных полков, линейных батальонов).

Отметим в работе П.М.Галушко два важных момента. Во-первых, место, выбранное для поселения ст. Отрадной, часто заливалось р. Бол. Тегинь. Это приводило к заболачиванию местности, способствующему высокой заболеваемости, перемежающейся лихорадкой (малярией).

Во-вторых, Петр Митрофанович называет фамилию военного медика, одним из первых побывавшего в Отрадной [5]: «В 1858 году, т. е. год спустя после основания станицы (в сентябре), войсковой медик коллежский советник Никольский обследовал заселенные станицы по Уруп и Тегиню и нашел, что «многие дома еще не отстроены и даже не обмазаны». Он предлагал принять «медико-полицейские меры»: заставить жителей обмазать дома внутри и снаружи, устроить несколько общественных бань и обязать население мыться в них не реже 1 раза в неделю; приобрести два фунта хины из Ставропольской аптеки, поскольку многие жители болели лихорадкой».

Хинная корка, а затем соли хинина были главным средством борьбы с малярией и ее тяжелыми, нередко летальными осложнениями. Ставропольская запасная аптека снабжала медикаментами и перевязочными материалами войска на Северном Кавказе и в Черномории. Она располагалась на главной площади города, рядом с военным госпиталем (построен в 1844 г.) и его обширным кладбищем. Управлял аптекой провизор Владимир Карлович Тобин [6] – по легенде, он еще в 1847 г. готовил здесь серный эфир для хирургических операций Н.И. Пирогова, испытывавшего новый метод анестезии. Интересующихся биографией кавказского фармацевта отсылаем в Российский государственный исторический архив (Ф. 1304. Оп. 5. Д. 133).

Войсковой медик (то есть старший медицинский чиновник правления КЛКВ) Петр Никитович Никольский (1809–1868) заслужил более подробной характеристики. В биографической справке указано [7], он происходил из духовного звания, окончил в 1833 г. Московскую медико-хирургическую академию (МХА) лекарем II отделения и

начал служить в 10-й флотском экипаже. С 1835 г. Никольский – ординатор Архангельского морского госпиталя; в 1838 г. получил звание штаб-лекаря в С.-Петербургской МХА за рассуждение «О тифе». С 1841 г. он состоял также врачом при Архангельской духовной семинарии, старшим лекарем Архангельского полубатальона военных кантонистов. Печатался в петербургском еженедельнике «Друг здравия»: «Корень чернобыльника в детской падушке» (1840), «Излечение водяной болезни молоком» (1845), «О разрыве матки» (1845). «Эпидемия кори в Архангельске» (1845). Опубликовал в «Губернских ведомостях» популярное «Краткое физиологическое понятие об отправлении органов тела человеческого». В 1847 г. Никольского назначили главным лекарем Архангельского военного госпиталя, но через год перевели на Кавказ.

С 1848 г. П.Н. Никольский – старший ординатор Ставропольского военного госпиталя, с 1851 г. – войсковой медик КЛКВ. В эти годы им были написаны (сверх заметок в «Ставропольских губернских ведомостях») статьи «О сохранении пиявок» (1853), «Ранение артерий в локтевом сгибе» (1857-1858), «Действие тинктуры йода снаружи» (1858) и, наконец, «О прокаже между жителями Моздокского полка КЛКВ» (1859-1860).

При этом Петр Никитович являлся не кабинетным работником: и до, и после инспекции ст. Отрадной войсковой медик удостоивался боевых наград. Так, П.Н. Никольский был пожалован «орденом св. Владимира 4-й степени с мечами в воздаяние примерной заботливости и особенного самоотвержения, оказанных при подавании помощи раненым под сильным неприятельским огнем в деле с горцами при рекогносцировке в Шах-Гиреевское ущелье 26-го мая 1856 г., по засвидетельствованию начальства и удостоению кавалерской думы» [8]. А 22.10.1861 г. он получил Императорскую корону и мечи к уже имевшемуся ордену св. Анны 2-й степени [9].

После недолгого пребывания в 1861 г. войсковым медиком вновь образованного Терского казачьего войска, П.Н. Никольский был назначен штаб-доктором войск Кутаисского генерал-губернаторства (позже – старшим доктором войск Закавказского края и Кутаисского генерал-губернаторства) и произведен в чин статского советника,

неоднократно поощрялся денежными премиями. Незадолго до смерти его назначили главным врачом Горийского военного госпиталя; на этом посту Петр Никитович и скончался [10].

Краевед П.М. Галушко не назвал в вышеупомянутой статье конкретных цифр заболеваемости и смертности в первые годы жизни ст. Отрадной. Зато мы знаем, что происходило тогда в соседних регионах Закубанья.

Автор статьи [11] констатировал, что перемежающиеся лихорадки составляют господствующую болезнь на Лабинской линии. Стоит прожить здесь год, чтобы убедиться: линия эта есть «страна эндемических лихорадок пароксизмического свойства», наносящих войскам большой урон и зависящих от болотных испарений, обусловливаемых геологией местности и наводнениями. Так, в 15-м Донском казачьем полку, квартирующем в ст. Лабинской, за 3 года от «климатических болезней» умерло 120 человек из 875.

Еще сильнее страдали люди в отрядах при устройстве здешних станиц и укреплений; болезненность переселенцев или нового гарнизона была особенно высокой. В 1846 г. при постройке ст. Михайловской почти весь отряд перенес перемещающуюся лихорадку, и Михайловский военный госпиталь наполнил больными все ближайшие военные госпитали – Лабинский, Усть-Лабинский и Ставропольский. В 1851 г. то же было при устройстве Белореченского укрепления: больные этого отряда не только стеснили местные лазареты и госпитали, но и наполнили госпитали, начиная от Екатеринодарского военного, по Кубанской линии до самого Ставрополя и оттуда до Пятигорска. В 1853 г. подобная же болезненность была в отрядах при устройстве ст. Новозассовской и укрепления на Каладжинских высотах.

Другой автор отмечал [12], что в некоторых станицах области р. Белой в первые 6 месяцев по водворении умирает от 1/15 до 1/10 части всех поселенных жителей. Так, в ст. Ханской с июля 1862 г. по 1 января 1863 г. умерло 150 человек (из них 81 ребенок до 7 лет), в ст. Кужорской – 100 человек (60 детей), в ст. Белореченской – 109 человек. Смертность была меньше лишь в станицах, где переселенцы могли получать огородные овощи и др. необходи-

мые продукты потребления – например, в ст. Гиагинской (умерло лишь 15 человек).

В 13 станицах, лежащих по Пшехе, Курджипсу и отчасти Пшишу, составляющих район 26-го полка ККВ, с мая 1863 г. (времени начала заселения) по 15 ноября 1863 г. умерло 811 человек. В одной ст. Самурской в эти 6 месяцев из 1200 жителей умерло 180 человек – 1/7 всего населения.

В ст. Пшехскую начали переселяться в августе 1862 г., а в сентябре 1863 г. по спискам считалось в ней наличных жителей 1297, из них мужчин 512, женщин 448, детей 337. В продолжение первого года умерло 115 человек, из них 86 детей (четверть их числа) и 13 стариков 50-80 лет.

В летние месяцы 1863 г., в находящемся в этой станице лазарете 6-го Кавказского линейного батальона, половина больных умирала от различных форм лихорадок с их последствиями, а четверть – от кровавого и др. поносов.

Лихорадочные в Майкопском военном госпитале составляли в январе 1863 г. почти половину всего числа больных. Вообще же на их лечение тратилось большое количество хинина. Например, за 1860 г. в Кубанской области было израсходовано хинина 548 фунтов и 8 унций, то есть на каждого лихорадочного, которых было 48846, приходилось по 64 грана, а на каждого человека из 65000 бывших там войск – 48 гран (1 гран – 62,2 мг).

К сожалению, не нашлась статья [13] с красноречивым названием «О причинах громадной заболеваемости и значительной смертности переселенцев...». Но и без нее мы вправе предполагать, что обстановка на Урупской линии в 1857 г. не сильно отличалась от вышеописанной, и первые отрядники болели и умирали примерно в тех же количествах.

Необходимо подчеркнуть, что уже на другой год после водворения станиц смертность от малярии и др. болезней обыкновенно уменьшалась более чем на половину. Тогдашние врачи относили этот пик на счет больших земляных работ для строительства станиц – мол, переворачивая пласты почвы, строители выпускали в воздух губительные миазмы.

Но бесспорно, что негативную роль играл и фактор первоначальной медицинской неустроенности закубанских станиц: довольно слабое войсковое здравоохранение

не успевало развернуть сеть своих лечебных учреждений на спешно заселяемых (нередко с боями) огромных территориях Левобережья.

Впрочем, первопоселенцы не оставались вовсе без медицинской и лекарственной помощи – ведь по соседству с новыми станицами (а иногда и в них!) действовали госпитали и лазареты военного ведомства. Ведь на Кубани сосуществовали две системы лечебных учреждений – военная (армейская) и войсковая (казачья).

В цитированной выше статье П. Попова указано, что на Лабинской линии в середине 1850-х гг. имелись три военных госпиталя – Темиргоевский (в бывшей крепости) на 150 коек, Лабинский (в одноименной станице) на 400 коек, а также Константиновский (в одноименной станице) – на 300 коек. В эти госпитали направляли и серьезно заболевших поселенцев; если же коек не хватало, то больных переводили в соседние госпитали: из Темиргоевского – в Усть-Лабинский, а из Лабинского – в Ставропольский. В регионе работали также три военных лазарета: в Зассовском укреплении – от 3-го Кавказского линейного батальона, на Каладжинских высотах – от Кубанского егерского полка и в ст. Тенгинской – от Ставропольского егерского полка.

В статье И.И. Пантюхова названы Майкопский военный госпиталь и лазареты 6-го Кавказского линейного батальона (в ст. Пшехской) и Севастопольского пехотного полка, при необходимости, принимавшие на лечение жителей вновь поселенных станиц Белореченской линии. А в острых случаях (при эпидемиях и т. п.) в станицы командировались армейские фельдшеры с аптечками – ящиками готовых простейших медикаментов (не путать с аптеками, изготавливающими составные лекарства по рецептам).

Лишь через несколько лет после заселения в некоторых станицах Закубанья начал появляться войсковые лазареты, бравшие медицинскую помощь казачеству на себя.

Никто из историографов ст. Отрадной не уточняет, когда здесь появилось лечебное учреждение, а в отношении его названия нет общего мнения. П.М. Галушко [14] назвал ст. Отрадную «в некотором роде центром среди вновь населенных пунктов. Здесь находился полевой (полковой? – К.Р.) госпиталь, полковая аптека, куда фельдше-

ра направляли больных из других станиц».

С Петром Митрофановичем солидарен безымянный автор статьи [15]: «В ст. Отрадной размещался госпиталь 5-й бригады. В случае тяжелых заболеваний, население принимали в этом госпитале. С крестьян и иногородних, не принадлежащих к войску, брали плату».

В то же время учитель Д. Иванов писал в 1886 г. [16]: «В Отрадной находится войсковая тюрьма, которая помещается в громадном деревянном доме за станицей. Прежде в этом доме был военный лазарет».

Лазарет в станице был, конечно, не военным, а войсковым – бригадным. Так он назывался в документах того времени, отложившихся в фонде 355 ГАКК «Полковое правление 5-й бригады ККВ. 1849–1879 гг.». В аннотации этого фонда, помещенной на официальном Интернет-сайте ГАКК, отмечено, что среди 868 дел имеются «Отчеты, документы и переписка <...> о бригадном лазарете, врачах и фельдшерах, снабжении лазарета провиантом и медикаментами <...>», и о многих других вопросах, относящихся к станице Отрадной.

Кубанские историки, работавшие с фондом 355, не обратили внимания на его «медицинскую» часть. Хотя внимательно исследовали дела, относившиеся, например, к бригадной и полковой библиотекам в ст. Отрадной [17].

Добавим, что госпиталь и лазарет были тогда очень разными лечебными заведениями вооруженных сил, и путать их друг с другом нельзя. Лазарет предоставлял медицинскую помощь более низкого уровня, а потому имел существенно меньшее финансирование койко-дня и квалификацию медицинского и фармацевтического персонала. Далее, он в большинстве случаев входил в состав части (подразделения) и перемещался при их передислокации, а госпиталь подчинялся территориальному медицинскому управлению. Отраденский войсковой лазарет в этом смысле являлся переходной формой, поскольку до 1870 г. полки и бригады казачьих войск были не строевыми, а административно-территориальными единицами.

Датой его рождения можно считать приказ военного министра № 269 от 7.11.1859 г. [18]: «Открытие бригадного лазарета в 3-й Урупской бригаде Кавказского линейного казачьего войска. 27-го октября

1859 г. Высочайше повелено: открыть бригадный лазарет в 3-й Урупской бригаде КЛКВ с тем, чтобы лазаретные вещи были заведены согласно таблицы, приложенной к приказу Военного министра № 30 от 1854 г. на счет войсковых сумм, из которых производить и ежегодное содержание лазарета на основании правил, изложенных в 610 ст. 4-й части 4-й книги Свода военных постановлений».

Правда, в приказе не сказано, где конкретно должен быть открыт и сколько мест иметь бригадный лазарет, а вышеуказанная часть «Свода военных постановлений» нам недоступна.

Для выяснения уровня финансирования лазарета Урупской бригады проще прибегнуть к методу аналогии. Согласно документам начала 1860-х гг., открывавшиеся лазареты полков (26-го конного в ст. Пешехской, 27-го конного в станице Тверской, Абинского в ст. Хабльской, Пскупского в ст. Ключевой) и бригад (7-й в ст. Каладжинской) ККВ имели по 40 кроватей. Устраивались и содержались они «на суммы ККВ». Обычно отпускалось 500 руб. единовременно на первоначальное обзаведение лазарета вещами и посудой, и редко – еще 1000 руб. на устройство лазаретных помещений. Ежегодно отпускалось на жалованье чинам, служащим в лазарете, от 1104 руб. 5 коп. до 2795 руб. 96 коп., плюс – 370-400 руб. на довольствие 13 человек лазаретной прислуги. На содержание больных в лазарете ежегодно выделялись деньги по штатному числу полка – 245 руб. 96 коп., или двух полков бригады. Отдельно субсидировалось содержание больных «внутренне-служащих» казаков, полагая за 1 человека по 7,5 коп. серебром в сутки; это составляло от 380 до 400 руб.

Не будет большой ошибкой считать, что лазарет 5-й Урупской бригады ККВ в ст. Отрадной тоже имел 40 кроватей, а расходы на его устройство и содержание находились в вышеуказанных пределах.

Судя по тому, что в медицинских списках врачи (лекаря), заведующие лазаретами (равно войсковыми или военными), особо не выделялись, то будем считать, что эта функция возлагалась на штатного врача подразделения, которому принадлежал лазарет. В нашем случае – на бригадного врача 3-й (затем 5-й) бригады или, возможно, на полкового врача 18-го конного полка.

Есть основания полагать, что фактически бригадный лазарет в ст. Отрадной, рождение которого совпало с реорганизацией казачьих войск на Кубани, открылся далеко не сразу. С этим «пусконаладочным» периодом его истории тоже связано немало неясностей.

Так, первое сообщение о назначении в бригаду военного врача, которое нам удалось найти, датировано 21-м марта 1861 г.: приказом от этого числа коллежский асессор Козляковский, лекарь 28-го Кавказского линейного батальона, был перемещен лекарем (не сказано, каким!) в 3-ю Урупскую бригаду ККВ [19]. Трудно сказать, почему здесь Урупская бригада еще сохраняет номер, который имела в составе КЛКВ (описка? – *К.Р.*).

В.И. Козляковский состоял в бригаде 2 года, не выслужив ни чина, ни наград (ордена св. Станислава 3-й степени он удостоился еще в линейном батальоне), а в приказе от 13.03.1863 г. о переводе на должность полкового лекаря 20-го конного полка ККВ был поименован неоднозначно – «состоящий при 5-й бригаде ККВ лекарь бывшей 3-й Урупской бригады коллежский асессор Козляковский» [20]. Добавим к списку неясностей и то, что в его статье «О причинах громадной заболеваемости и значительной смертности...» речь шла о междуречье Белой и Лабы, а не об Урупской линии.

Биографическая справка о Владиславе Ивановиче Козляковском [21] еще более запутывает представление о кубанском периоде его службы. В ней сообщается, что В.И. Козляковский, православный, из дворян Минской губернии, родился в 1830 г. В 1855 г. он был выпущен лекарем из Московского университета и направлен младшим ординатором в Тифлисский военный госпиталь. Затем молодой лекарь часто менял места службы: 7-й Грузинский линейный батальон (1857), Ахалцихский военный госпиталь (1858); 28-й Кавказский линейный батальон в том перечне не назван.

Далее в справке сказано о Козляковском: с 1861 г. он – в 3-й артиллерийской бригаде, с 1863 г. – в 20-м конном полку ККВ. И если второе согласуется с вышеприведенными данными «Военно-медицинского журнала», то первое – явная ошибка: 3-я артиллерийская бригада стояла в Виленской губернии, а Козляковский служил в казачьей бригаде с таким же номером!

Дальнейшая биография врача до поры до времени однозначна: в том же 1863 г. он был перемещен из ККВ в Дагестан, где и провел всю оставшуюся жизнь. Довольно долго Владислав Иванович служил окружным медиком Самурского округа, затем уездным начальником Кубинского уездного управления; в 1870-е гг. печатался в профессиональной периодике («Два случая сопорозной лихорадки в Ахтынском отделении полкового лазарета Ширванского полка»).

К войне 1877–1878 гг. он поднялся в чинах до статского советника, однако во время мятежа, вспыхнувшего в Дагестане с началом той войны, В.И. Козляковский не проявил себя бойцом и был отправлен в отставку. Он жил в Дербенте, занимая декоративные посты – вроде директора «Кубинского отделения Бакинского попечительного о тюрьмах комитета». После 1889 г. Владислав Иванович не упоминался в «Российских медицинских списках».

Вместе с тем имеются данные, что 1.03.1896 г. собрание городских уполномоченных Дербента избрало городским старостой Козляковского Владимира Ивановича (русского, потомственного дворянина, выпускника медицинского факультета Московского университета). Думается, что это был тот же Владислав Иванович, а не его брат.

Еще известно, что в 1894–1895 гг. некий В.И. Козляковский, прежде работавший на железной дороге Баку-Дербент-Махачкала (тогда – Петровск-Порт), организовал бурение скважины на месторождении Берикей и получил нефть на глубине 182 м. Но средств на промышленную добычу у него не хватило, и предприниматель продал участок «Товариществу братьев Нобель».

Словом, жизнь бывшего лекаря Урупской бригады ККВ, служившего когда-то в ст. Отрадной, была похожа на роман...

В следующей биографии ясности гораздо больше. 31.01.1863 г. бригадным медиком 5-й бригады ККВ был назначен коллежский ассессор Степан Сильвестрович (в некоторых источниках – Степан-Сильвестр Игнатьевич) Смоленский, перемещенный с должности батальонного лекаря Ставропольского пехотного полка [22]. За его плечами уже было 10 лет службы на Кавказе: Смоленский, получив диплом в 1853 г., начал ее младшим ординатором Лабинского военного госпиталя.

Работая в ст. Отрадной, С.С. Смоленский стал надворным советником (1863), был Всемилоостивейше награжден орденами св. Анны 3-й степени (1864), св. Станислава 2-й степени с мечами (1868). После упразднения бригад Степан Сильвестрович возглавил (приказ от 28.12.1870 г.) вновь учрежденную Лабинскую войсковую больницу ККВ [23].

В 1877–1878 гг. С.С. Смоленский, уже статский советник, участвовал в войне с турками как главный врач Кавказского военно-временного госпиталя № 20 и Джелал-Оглинского госпиталя 3-го класса (тоже временного). По окончании войны опытного медика назначили главным врачом Усть-Лабинского военного госпиталя, где С.С. Смоленский и завершил более чем тридцатилетнюю службу – 4.08.1885 г. он был уволен от нее по прошению с производством за отличие в действительные статские советники [24].

Сведения о полковых лекарях 18-го конного полка ККВ удалось найти только с весны 1863 г. Приказом от 31.03 на эту должность был определен Фердинанд Петрович Грабовский (род. в 1836 или 1839 г.), только что окончивший столичную МХА [25].

За пять лет, которые молодой врач прослужил в ст. Отрадной (где, возможно, на полкового лекаря было возложено и руководство бригадным лазаретом 5-й бригады), Ф.П. Грабовский ничем не отличился. Лишь в феврале 1868 г. он, наконец, был произведен за выслугу лет в невысокий чин титулярного советника, а в апреле того же года – в коллежские ассессоры, с увольнением по прошению от службы [26].

Выйдя в отставку, Грабовский покинул Кубань и занялся частной врачебной практикой. А с 1890 г. и до революций 1917 г. он значился в справочниках врачом 1-го участка Одесского отделения Юго-Западных железных дорог; проживал Ф.П. Грабовский в центре «южной пальмиры».

А на оставленный им пост полкового лекаря 18-го конного полка ККВ был перемещен приказом от 26 июля 1868 г. младший ординатор Ставропольского военного госпиталя Иван Петрович Варавва [27].

Согласно биографической справке, И.П. Варавва, сын обер-офицера, родился в 1842 г. и окончил за казенный кошт Московский университет (1867) [28]. В станице

Отрадной он прослужил немногим более двух лет, также ничем не отличившись, и в ходе упразднения 18-го конного полка был перемещен младшим ординатором в Псекупский войсковой госпиталь [29].

Вскоре И.П. Варавва, как и его предшественник, покинул Кубань (перевелся в Московский военный округ), а затем и армию (1872). В дальнейшем он по Министерству внутренних дел, по земству – в Дмитрове, Рогачеве Московской губернии, заведовал больницами, печатался в медицинской периодике, но выше чина надворного советника не поднялся. Господь не дал И.П. Варавве такого долгого века, как Ф.П. Грабовскому: в последний раз Иван Петрович был упомянут в справочнике на 1890 г. как земский врач в Псковской губернии.

«Бригадная» эпоха истории ст. Отрадной завершилась, когда Государь, утвердив 1.08.1870 г. Положение о воинской повинности и содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск и Штаты для разных управлений по этим войскам, а также для постоянных госпиталей Екатеринодарского (2-го класса) и Псекупского (1-го класса) и для войсковых больниц, Высочайше повелеть соизволил: ввести эти Положения и Штаты в действие с 1 января 1871 г, начав с того же времени и отпуск содержания чинам по новым штатам [30].

Теперь ККВ в мирное время должно было выставлять на полевую службу 10 конных полков шестисотенного состава, 2 пеших пластунских батальона и 5 конно-артиллерийских батарей. По штатам полагался в каждом полку 1 старший врач, а в каждом батальоне или батарее – 1 младший врач. Бригады и бригадные правления (а с ними и лазареты) упразднялись; главное местное заведывание войсковыми медицинскими учреждениями по медицинской части возлагалось на областных врачей Кубанской и Терской областей.

Кроме постоянных войсковых госпиталей Екатеринодарского и Псекупского, командующему Кавказскою армиею было представлено «избрать, по местным обстоятельствам, те пункты, где должны быть учреждены войсковые больницы на 25-40 мест каждая, с тем, чтобы общее число мест в этих больницах не превосходило в Кубанском войске 280, а в Терском – 225». По Штатам войсковых больниц полагался в каждой 1 врач. Штаты же войсковых госпи-

талей Екатеринодарского и Псекупского применялись к штатам постоянных военных госпиталей соответственных классов.

Забегая вперед, скажем, что ст. Отрадной не повезло оказаться в числе 9 станиц ККВ, получивших войсковые больницы. Так что у Д. Иванова были основания меланхолически сетовать [39]: до уничтожения бригад в Отрадной находилась штаб-квартира 5-й Урупской бригады ККВ, что «способствовало возвышению станицы как в материальном отношении, так и в нравственном». Но, теперь, с уничтожением 5-й бригады «и станица опустилась». О прежнем большом значении Отрадной в 1886 г. свидетельствовали лишь руины командирского дома...

Примечания:

1. Саньков М.И. Описание поселений 5-й (Урупской) бригады Кубанского казачьего войска и отдельных действий ея частей против непокорных горцев // Кубанские войсковые ведомости. 1868. № 11. С.49–50; № 12. С. 52.
2. Матвеев О.В. Из жизни и наследия офицера Урупской бригады // Вопросы истории Поурупья. Вып. I. Армавир-Отрадная, 2012. С. 158–165; Матвеев О.В. Первый летописец казачьего Приурупья // Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. I. Армавир-Отрадная, 2013. С. 148–159.
3. Дом-музей станицы Попутной. Из истории Кубани. URL: museum.poputnaya.ru/index.php?area=history&id=1.
4. Толстов В.Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска (1696–1896): В 2-х ч. Тифлис, 1900–1901. 590 с.
5. Галушко П. К истории заселения Отрадной // Советское казачество. 1956. №№ 141, 142 (25 и 28 ноября).
6. Кавказский календарь на 1859 год, изданный при Главном управлении Наместника Кавказского. Тифлис, 1858. С. 484.
7. Змеев Л.Ф. Русские врачи-писатели с 1863 г. Вып. 1. СПб., 1886. С. 36–37.
8. Военно-медицинский журнал (далее – ВМЖ). 1859. Ч. 74. №1.
9. ВМЖ. 1861. Ч. 82. № 4.
10. ВМЖ. 1870. Ч. 108. № 4.
11. Попов П. Лабинские перемежающиеся лихорадки, с геологическим и медико-топографическим очерком Лабинской линии // ВМЖ. 1856. Часть 68. № 2. Отдел VII. С. 71–136.
12. Пантюхов И. К медицинской топографии и эндемической патологии области реки Белой // ВМЖ. 1865. Часть 93. № 3. С. 45–70.
13. Козляковский В.И. О причинах громадной заболеваемости и значительной смертности переселенцев, заселяемых между реками Лабою и Белою в Кубанской области в 1862 г. // Протоколы заседаний Общества Кавказских врачей. 1865. Вып. II. С. 100–119; 1866. Вып. III. С. 34–35.
14. Галушко П. К истории заселения Отрадной // Советское казачество. 1956. №№ 141, 142 (25 и 28 ноября).
15. Дом-музей станицы Попутной. Из истории Кубани. URL: museum.poputnaya.ru/index.php?area=history&id=1.
16. Иванов Д. Станица Отрадная, Кубанской области, Баталашинского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск шестой. Тифлис, 1888. С. 10–40.
17. Лукошкина Е.В., Слуцкий А.И. Заметки о полковой библиотеке 5-й бригады ККВ // Отраденские историко-

краеведческие чтения. Вып. I. Армавир-Отрадная, 2013. С. 159–166.

18. ВМЖ. 1859. Ч. 76. № 4.
19. ВМЖ. 1861. Ч. 81. № 1.
20. ВМЖ. 1863. Ч. 87. № 1.
21. *Змеев Л. Ф.* Русские врачи-писатели с 1863 г. Тетрадь 4. СПб., 1888. С. 155.
22. ВМЖ. 1863. Ч. 86. № 3.
23. ВМЖ. 1871. Ч. 110. № 3.
24. ВМЖ. 1885. Ч. 153. № 4.
25. ВМЖ. 1863. Ч. 87. № 1.
26. ВМЖ. 1868. Ч. 102. № 2.
27. ВМЖ. 1868. Ч. 103. № 1.
28. *Змеев Л. Ф.* Русские врачи-писатели с 1863 г. Тетрадь 4. СПб., 1888. С. 47–48.
29. ВМЖ. 1871. Ч. 110. № 3.
30. ВМЖ. 1870. Ч. 109. № 1.
31. *Иванов Д.* Станица Отрадная... С. 10–40.

А. О. Андреев

**1-й и 2-й Урупские (Линейные) полки
Кубанского казачьего войска,
с кратким обзором их архивных фондов
в ГКУ «Государственный архив
Краснодарского края»**

1-й Урупский полк был образован по указу от 21 мая 1855 года как Кавказский пеший казачий № 3 батальон Кавказского линейного казачьего войска. 8 апреля 1857 года переформирован в 3-й Лабинский казачий конный полк, а указом от 20 марта 1858 года переименован в 1-й Урупский полк Кавказского линейного казачьего войска [1].

2-й Урупский полк был образован по императорскому указу от 20 марта 1858 года из вновь водворенных станиц Кавказского линейного казачьего войска. При этом уже существовавший с 1855 года Урупский полк был наименован 1-м Урупским полком, а вновь образуемый 2-м Урупским полком [2].

По императорскому указу от 19 ноября 1860 года из Черноморского войска и первых 6-ти бригад Кавказского линейного казачьего войска было образовано Кубанское казачье войско, в которое и вошла 3-я бригада в составе 1-го и 2-го Урупских полков [3].

4 марта 1861 года бывшим частям Кавказского линейного казачьего войска были даны новые наименования. 1-й и 2-й Урупские полки стали 15-м и 16-м полками 3-й бригады Кубанского казачьего войска. По приказу Военного министра № 96 от 13 мая 1861 года – 14-м и 15-м полками 3-й бригады Кубанского казачьего войска, а от 19 октября 1861 года № 216 – 19-м и 20-м полками Кубанского казачьего войска [4].

Высочайшим повелением от 20 июля 1865 года 1-му Урупскому полку было пожаловано Георгиевское знамя «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году» [5].

1 августа 1870 года было утверждено новое «Положение о воинской повинности и содержании строевых частей Кубанского казачьего войска», по которому войско в мирное время должно было содержать 10 конных полков, при этом старые полки упразднялись, а формируемым на их основе полкам вместо номеров присваивались названия. Вновь формируемому 5-му полку было присвоено название – Урупский [6].

Приказом Военного министра от 28 марта 1874 года № 106 Урупскому полку старшинство было установлено с 1858 года – по бывшему 2-му Урупскому полку [7].

Приказом по Военному ведомству от 24 июня 1882 года № 196 было утверждено новое Положение о военной службе Кубанского казачьего войска, по которому его служилый состав был разделен на 3 разряда, из которых строевой был разделен на 3 очереди (по возрастам). Первоочередному полку было сохранено название Урупский полк Кубанского казачьего войска, а приказом по Военному ведомству от 24 мая 1894 года № 125 присвоено наименование 1-й Урупский полк Кубанского казачьего войска. При этом 1-й Урупский полк полного состава состоял из казаков, находившихся на действительной службе, а 2-й и 3-й Урупские полки представляли из себя кадрированные части из казаков старших возрастов, находившихся на льготе и призывавшихся время от времени на военные сборы, либо при проведении всеобщей мобилизации [8].

Согласно «Краткому расписанию сухопутных войск на 1 июля 1903 года» 1-й Урупский полк входил в состав 2-й бригады 2-й Казачьей сводной дивизии. Штабы дивизии, бригады и 1-го Урупского полка находились в г. Каменец-Подольске. В состав 1-й бригады входили два донских полка, а в состав 2-й бригады вместе с 1-м Урупским входил 1-й Волгский полк Терского казачьего войска [9].

Высочайшим приказом от 26 августа 1904 года 1-му Урупскому полку был пожалован «Вечный шеф» – генерал Вельяминов, и полк стал называться 1-м Урупским генерала Вельяминова полком Кубанского казачьего войска [10].

2-й Урупский полк был полностью развернут по мобилизации в 1904–1905 годах во время начавшейся русско-японской войны, но поскольку состоял из казаков старших возрастов, был оставлен на Кубани (три сотни в г. Екатеринодаре и три сотни в г. Новороссийске) для гарнизонной службы и исполнения полицейских функций в связи с событиями Первой русской революции. В декабре 1905 – феврале 1906 года произошло знаменитое восстание 2-го Урупского полка, формально начавшееся с отказа казаков выполнять полицейские функции, но в основе своей выступление было обусловлено массовыми злоупотреблениями офицеров в отношении нижних чинов и безучастным отношением к этому высшего начальства, что впоследствии признал даже наказный атаман в своем письме от 1 ноября 1906 года к начальнику штаба Кавказского военного округа. Для подавления восстания пришлось применить вооруженную силу, руководители были осуждены на сроки от 15 до 20 лет каторжных работ. Полк фактически на несколько лет был расформирован [11].

Высочайшими приказами от 9 апреля 1906 года 1-й Урупский полк был назван 1-м Линейным генерала Вельяминова полком Кубанского казачьего войска, а от 9 января 1910 года 2-й Урупский полк был поименован 2-м Линейным полком Кубанского казачьего войска. Данные переименования были вызваны желанием власти ослабить память о восстании 2-го Урупского полка [12].

На 1 января 1914 года 1-й Линейный полк входил в состав 2-й Казачьей сводной дивизии, в которую кроме него входили 16-й генерала Грекова и 17-й генерала Бакланова донские полки, а также 1-й Волгский казачий полк Терского казачьего войска. Штаб дивизии и полка располагался в г. Каменец-Подольске [13]. В дальнейшем полк принял участие в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны.

2-й Линейный полк был отоброирован и развернут до полного состава с началом Первой мировой войны, и по состоянию на 15 ноября 1914 года под командованием полковника Корягина вошел в состав 3-й Кубанской казачьей дивизии, сформированной из казачьих полков запаса [14]. В дальнейшем полк принял участие в боевых действиях на Кавказском фронте.

1-й и 2-й Линейные полки Кубанско-

го казачьего войска был расформированы приказом по Кубанскому казачьему войску от 23 декабря 1917 года № 618 [15].

В досоветский период документы о службе полков поступали на хранение в войсковой архив. 15 мая 1920 года фонды войскового архива Кубанского казачьего войска поступили на государственное хранение в Архивную комиссию (с 4 октября управление) Кубано-Черноморского областного исполкома. Впоследствии вошли в состав фондов Краснодарского исторического архива, а с января 1940 года Государственного архива Краснодарского края [16].

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов архивные фонды № 412 «1-й Урупский конный полк Кубанского казачьего войска» и № 391 «2-й Линейный полк Кубанского казачьего войска» находились в эвакуации в г. Челкар Актюбинской области Казахской ССР.

Большая часть дел архивных фондов 1-го и 2-го Урупских (Линейных) погибла в начале 1920-х годов и в годы Великой Отечественной войны при эвакуации и последующей реэвакуации дел из г. Челкара в г. Краснодар, поэтому сохранившиеся документы представляют из себя остатки некогда больших фондов. В составе архивного фонда 412, из более чем 100 дел, осталось 19 дел за 1878–1900 годы, а в архивном фонде № 391 из 210 дел осталось 45 единиц хранения за 1861–1867 годы [17].

Состав архивного фонда 412 «1-й Урупский полк Кубанского казачьего войска» представлен следующими документами:

- приказы командира 1-го Урупского конного полка по строевой и хозяйственной части, наградах казаков за боевые отличия и наложении дисциплинарных взысканий;
- послужные списки воинских чинов (Д. 21).

Состав архивного фонда 391 «2-й Линейный (Урупский) полк Кубанского казачьего войска» представлен следующими документами:

- высочайший рескрипт от 24 июня 1861 года о заселении предгорий Западного Кавказа и документы к нему (Д. 54);
- распоряжения по различным вопросам (Д. 75, 82);
- рапорты командиров сотен о продвижении их по Урупской кордонной линии, о раненых, павших и убитых горцами строевых лошадях (Д. 67);

– отчеты о состоянии 4-й сотни (Д. 65) и донесения в штаб войск Кубанской области (Д. 66, 90);

– расписания о расположении и передвижении войск (Д. 62);

– ведомости, документы и переписка о расположении войск, находящихся в станице Удобной, принятии и сдаче части, укомплектовании 4-й сотни нижними чинами, производстве казаков в урядники, составлении списков казаков, драбантах, командировках и самовольных отлучках нижних чинов, нарушении воинской дисциплины, направлении казаков на излечение, приблудном скоте, заготовке сена, удовлетворении денежным и фуражным довольствием, предоставлении отчетности по артельным деньгам и выборам артельщика и эконома, приобретении экземпляров устава о строевой службе;

– книга записей экономических сумм и приходно-расходные книги и ведомости полка;

– журналы записи входящих и исходящих бумаг;

– посемейные списки жителей станицы Удобной (Д. 88);

– именные списки воинских чинов (Д. 78, 95, 97, 98).

Примечания:

1. Справочная книжка императорской Главной квартиры. Казачьи войска на 01 апреля 1912 года. СПб., 1912. С. 118 (далее – Справочная книжка).

2. Там же.

3. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXV. (1860). СПб., 1862. Ст. 36327.

4. Справочная книжка. С. 120–122, 155.

5. Там же. С. 155.

6. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXV. (1870). СПб., 1874. Ст. 48607.

7. Справочная книжка. С. 126.

8. Там же. С. 128, 155.

9. Краткое расписание сухопутных войск на 01 июля 1903 года. Военная типография Главного штаба. С.-Петербург, 1903. С. 106–107.

10. Справочная книжка. С. 130.

11. Энциклопедический словарь по истории Кубани до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 97–101.

12. Справочная книжка. С. 130; ГАКК. СИФ. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1910. Приказ № 48, п. 1.

13. Армия и Флот. Военный справочник. Париж: Часовой, 1930. С. 12, 21.

14. РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 8. Л. 250–253.

15. ГАКК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–8об.

16. ГАКК. Ф. Р-1700. Оп. 1. Д. 5326.

17. ГАКК. Ф. 391. Лист фонда и дело фонда; Ф. 412. Лист фонда и дело фонда.

О.В. Матвеев

Из истории этнографического краеведения на Кубани: Д.Я. Иванов

Важное место в изучении исторического прошлого и духовного наследия Кубани принадлежит статистико-этнографическим описаниям, выполненным школьными учителями во второй половине XIX – начале XX вв. по программам Управления Кавказского учебного округа. В год 160-летия основания Отрадной уместно вспомнить первые опыты фольклорно-этнографического обследования станицы, осуществленные здесь в 1885–1886 гг. преподавателем местной школы Д.Я. Ивановым. В статье предпринята попытка характеристики жизненного пути и этнографического наследия этого незаурядного педагога и собирателя.

Статья «Станица Отрадная, Баталпашинского уезда, Кубанской области», опубликованная в 1888 г. в шестом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», подписана следующим образом: «Учитель Отраденского мужского училища Д. Иванов. Ст. Отрадная, 1886 г.». Ни имени (Даниил, Дионисий, Дмитрий?..), ни отчества автора очерка эта подпись не содержала. Лишь при изучении списков личного состава Кавказского учебного округа удалось получить некоторые данные. В списке на 1 января 1886 г. среди преподавателей Отраденского мужского училища значится «Иванов Дмитрий Яковлевич, учитель». Сообщается также, что в этой должности он находился с 1885 г., имел звание учителя сельского начального училища, получал жалования 300 руб. в год [1].

В фондах 470 и 472 Государственного архива Краснодарского края, содержащих персональные дела дореволюционных кубанских учителей, формулярного списка Дмитрия Яковлевича Иванова обнаружить не удалось. Не дали результата и предварительные поиски в фонде Министерства народного просвещения Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург). Возможно, список сохранился в Центральном государственном архиве Грузии. Поэтому сведения об авторе этнографического очерка станицы Отрадной приходилось собирать буквально по крупицам, разбросанным в отдельных архивных делах,

в опубликованных циркулярах по Кавказскому учебному округу и в материалах периодической печати.

Некоторые данные, из которых можно получить примерное представление о происхождении и образовании Д.Я. Иванова содержатся в уведомлении в августе 1883 г. Директором народных училищ Кубанской области Инспектора I района: «Определив Дмитрия Яковлева Иванова, имеющего звание учителя сельского приходского и начального народного училища и. д. учителя Благовещенского станичного училища с 1 сентября сего года с жалованием по 250 руб. в год при готовой квартире с отоплением и прислугой, имею честь уведомить об этом Ваше Высокоблагородие для надлежащего распоряжения и препровождая при этом прошение Иванова с документами его» [2]. Далее приводился перечень этих документов: «1. Свидетельство на звание учителя 27 апреля 1883 года за № 793, 2. Свидетельство о науках Екатеринославской духовной семинарии за № 578, 3. Свидетельство о рождении и религии за № 2963, 4. Свидетельство о приписке к призывному участку за № 1283 и 5. Свидетельство о поведении за № 9112» [3].

К сожалению, сами перечисленные документы в деле не сохранились. Семинарии, средние духовные учебные заведения Русской православной церкви, размещались в дореволюционной России по одной на епархию. Екатеринославская епархия окормляла Екатеринославскую губернию с центром в Екатеринославе и Ростовом-на-Дону с округом Войска Донского. В одной из своих корреспонденций Дмитрий Яковлевич впоследствии сообщал, что его отец был священником Ростовского округа, Донской области и жил в селе на р. Ее, которое было «населено исключительно крестьянами-малороссами» [4]. Судя по публикации песен станицы Новотитаровской, Дмитрий Яковлевич отличало хорошее знание украинского языка, что объясняется его окружением в детстве и юности.

Учитывая, что в семинарию приходили юноши 14-15 лет, окончившие в основном духовные уездные училища, и приплюсовав шестилетний срок обучения в семинарии, можно предполагать, что к августу 1883 г. прибывшему на Кубань выпускнику Екатеринославской духовной семинарии исполнилось 21-22 года.

Семинария готовила священнослужителей и учителей сельских приходских училищ для Юга России. В этом учебном заведении преподавали словесность, гражданскую историю, географию, математику, физику, философию, а из богословских дисциплин – Священное Писание, герменевтику, догматическое, нравственное и пастырское богословие, церковную историю с археологией, древние и новые языки. Поэтому Д.Я. Иванов имел неплохой уровень знаний, позволявший не только преподавать, но и заниматься исследовательской работой.

Назначению Дмитрия Яковлевича в ст. Благовещенскую способствовали драматические обстоятельства, связанные с местной учительницей П.Т. Бабковой. Прасковья Терентьевна Бабкова окончила женские педагогические курсы при Кубанской учительской семинарии, причём являлась войсковой стипендиаткой, получила звание учительницы начальных народных училищ. На службе в Дирекции народных училищ Кубанской области находилась с августа 1878 г., в 1880 г. была назначена в училище станицы Благовещенской Темрюкского уезда. Здесь ей пришлось несладко. К тяжёлым условиям существования, связанным с низким жалованием, отдалённостью станицы от торговых центров добавилась личная драма: неискушенную девушку обольстил и бросил с ребёнком какой-то местный молодой повеса. В отчаянии Прасковья Терентьевна 13 мая 1882 г. обратилась с прошением к Директору народных училищ Кубанской области: «Состоя два года в должности учительницы Благовещенской станичной школы, я постоянно с полным усердием старалась вести порученное Вами мне школьное дело, но постоянные лишения и огорчения, вызванные частью бедностью станицы и невозможностью при изолированности её достать самого необходимого для жизни, частью ограниченности содержания и некоторыми известными и Вам, несчастными, хотя, с моей стороны и невольными, семейными обстоятельствами, позволяют желать несколько лучшей жизненной обстановки, потому что при постоянной такой тяготе я, смею объяснить, совершенно выбилась из сил; вследствие чего почтительнейше прошу Ваше высокоблагородие переместить меня в какую-либо из станиц вверенной вам Дирекции, где бы мне, хотя несколько, было возможно улучшить

жизнь свою. Смею не скрыть, что я буду считать для себя более чем священным долгом приложить все свои последние силы, чтобы оправдать ваше ко мне доверие» [5].

Попечитель Кавказского учебного округа в ответ на соответствующий запрос Директора народных училищ Кубанской области уведомил последнего 6 июля 1883 г.: «На представление Вашего Высочородия от 20 минувшего июня за № 876 имею честь уведомить Вас, что так как незаконное прижитие учительницею Прасковьею Бабковой ребёнка получило большую огласку, то оставление ея учительницею на дальнейшее время сможет породить разные неблагоприятные последствия, а потому не признается ли возможным оказать с своей стороны содействие в предоставлении Бабковой в одном из Екатеринодарских женских учебных заведений места, хотя бы экономки или надзирательницы. В станицу же Благовещенскую следует назначить другую учительницу или учителя» [6].

Этим «другим учителем» суждено было стать Д.Я. Иванову, прибывшему в ст. Благовещенскую в августе 1883 г. Увидев несчастную молодую женщину и узнав её печальную историю, Дмитрий Яковлевич стал оказывать ей всяческую поддержку и помощь. В конце концов он благородно предложил Прасковье Терентьевна свою руку, прикрыв браком бесчестье своей предшественницы от предосудительных толков благовещенцев. Спустя год супруги Ивановы получили назначение в станицу Новотитаровскую: Дмитрий Яковлевич – учителем, а Прасковья Терентьевна, которая уже была записана как Иванова, – помощницей учителя [7].

В Новотитаровской Д.Я. Иванов столкнулся с прохладным отношением учеников и их родителей к посещению школы. По-видимому, именно он выступил с заметкой под псевдонимом Птица в газете «Северный Кавказ», где поделился своими размышлениями: «Школа есть и будет фундаментом народного прогресса, хотя, к сожалению, наш народ не вполне ясно понял задачу народной школы и даже относится, в некоторых местах, если не враждебно, то, по крайней мере, индеферентно. К числу таких «несчастливых» школ можно причислить и нашу. Как и когда развилось враждебное отношение местного населения к школе – не знаю, но теперь лишь приходит-

ся констатировать этот печальный факт, доказательством которого мы представляем выдержку из заявления законоучителя местного училища, отца А. Баженова. Законоучитель уже старый человек; он живёт в станице чуть ли не третий десяток лет, так что мнение его может считаться компетентным.

Новотитаровскому ст. правлению. Заявление. "Ввиду того, что ученики Новотитаровского ст. училища, поощрённые родителями, ведут себя неприлично своему званию, имею честь просить станичное правление принять должные меры к предупреждению неприличных поступков учеников, потому что, к сожалению, мои увещания и учителя на них не действуют, так как сами родители дают повод с неуважением относиться к нам, и не слушать наши приказания. Дети по своему произволу бросают училище, по своему же нерадению не являются целые недели в училище, так что нет никакой возможности поставить училище на должную высоту. Некоторые жители жалуются на учителя за то, что он оставляет некоторых учеников на повторительный курс, тогда как это совершенно не их дело, и учитель это знает лучше, от которого никто не смеет отнять это право; другие же обижаются, когда он делает их детям выговоры за весьма негодные поступки последних. Отцы должны сами явиться помощниками учителя, но они, напротив, всякие добрые начинания и меры расстраивают своим бестактным отношением к школе". Нам кажется, излишне комментировать суть дела, так как это заявление рельефно обрисовывает, с одной стороны положение училища, а с другой – отношение местных жителей к школе» [8].

Возможно, дело заключалось не только в «индеферентном» отношении новотитаровцев к школе, но и в молодости и неопытности самого Дмитрия Яковлевича, которому казалось: он лучше станичников знает и понимает, что нужно народу. Во время сельскохозяйственных работ, когда трудились, что называется, от зари до зари, местные жители задействовали всех членов семьи, в том числе и детей. Часть казаков была мобилизована на службу по охране общественного порядка – правительство рассматривало казачество как опору трона и привлекало к борьбе с остатками народнических кружков. Поэтому в станице не хватало рабочих рук.

Да и отношение к интеллигенции, вещавшей о «народном прогрессе» было настроенным: совсем недавно студенты-пропагандисты, появлявшиеся время от времени в станице, тоже говорили о «прогрессе», а потом подняли руку на самого Государя! В этих условиях следовало не закручивать гайки, не оставлять учеников на второй год и прикрываться авторитетом старого священника, обличавшего «неприличие» и «бестактность» современной молодёжи, а терпеливо трудиться на ниве народного просвещения, работать со взрослыми и детьми, разъясняя пользу от учения. Но для этого необходимо было проникнуться жизнью народа, осознать своё призвание сельского учителя. Такое приходит только с годами, супруги Ивановы же были ещё очень молоды.

Глубже вникнуть в мир станичников Дмитрию Яковлевичу в чём-то помогла деятельность по сбору фольклорного материала. Станица Новотитаровская находилась недалеко от Екатеринодара, где можно было достать учебные пособия, книги, пообщаться с представителями местной интеллигенции, проводившими краеведческие изыскания. Н.И. Бондарь, исследовавший методический инструментарий дореволюционных собирателей, выделил в их практике методы заочного интервьюирования по специальным программам, беседы и наблюдения в ходе краткосрочных или длительных экспедиций. При этом выгодно отличалась работа сельских учителей, которые «имели возможность ежедневно наблюдать жизнь народа, беседовать со старожилами, уточнять интересующие их сведения» [9].

С Новотитаровской и началась собирательская деятельность Д.Я. Иванова. Ещё в 1881 г. Управление Кавказского учебного округа поставило задачу поддержания «духовной деятельности начальных учителей, этих полезных, но большею частью молодых и неопытных в жизни тружеников, обязанных иногда многие годы оставаться в среде сельских обществ» [10]. Управление округа обращало внимание на «всевозможное-всестороннее изучение ими тех местностей, в которых они живут и где сосредоточена их деятельность. Это изучение, составляя серьёзное и весьма полезное занятие, без всякого сомнения, возбудит во многих из них интерес к наблюдению при-

роды, и имея значение умственно освежающего труда, окажет благотворное влияние и на педагогическую их деятельность, в тесном смысле» [11].

Учителям предлагалась специальная «Программа собирания сведений о разных местностях Кавказа и племенах, населяющих оныя». Программа предполагала привлечение учеников к собиранию статистико-этнографических сведений «с целью возбуждения в них правильной наблюдательности и образования сознательного взгляда на явления, их окружающие» [12]. Методическая часть сопровождалась разъяснениями по руководству собирательской работой («разъяснении способов собирания статистических сведений по этнографии, школоведению, торговле и пр.; в приучении их к производству метеорологических и естественно-исторических наблюдений с надлежащими вычислениями, в составлении планов, рисунков и пр.») [13]. Приводился обширный список литературы по кавказоведению, и, наконец, сама программа. Она включала вопросы, в том числе, этнографического характера: топонимия селения («происхождение такого названия, или по местным особенностям, или по племени, или на основании исторических фактов, или же на основании преданий»), жилище («Жилые дома и храмы в архитектурном отношении. Распределение и назначение внутренних помещений. Материал, из которого они преимущественно строятся, и способы постройки»), традиционные занятия, сведения о сословном, национальном, конфессиональном составе населения, соционормативной культуре («Авторитет отца семейства. Положение женщины»).

Отдельные пункты Программы были посвящены языковым особенностям: «Язык домашний и язык, употребляемый при взаимных сношениях с другими народностями. Сродство языка, господствующего в местности, с другими языками. Есть ли этот язык родной жителей, или он усвоен ими при переселении в обитаемую ими теперь местность». Программа включала также сбор сведений по фольклору: «Предания, легенды, сказки и песни исторические, бытовые и пр. Песни хоровые и одноголосные. Мифология. Пословицы. Поговорки».

Специально предусматривались разделы о верованиях: «Суеверия и предрассудки. Нет ли в числе обрядов, суеверных предрассудков, предания и легенд, таких,

которые бы указали на древний культ, языческий или христианский». Кроме того, были включены вопросы о религиях и сектах, традиционной кухне, одежде, обрядах жизненного цикла, традиционных формах досуга, народному воспитанию [14].

Во 2-м выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа» Управление округом опубликовало ещё одна программу, разработанную известным сибирским путешественником и этнографом Г.Н. Потаниным «для изучения поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов».

Обе программы предоставляли необходимый инструментарий для этнографической работы сельских учителей. Учительские сочинения, выполненные по этим программам, предлагалось отправлять в редакцию «Сборника материалов для написания местностей и племён Кавказа». Преподаватели сельских училищ весьма сочувственно отнеслись к этому призыву, в том числе педагоги Кубанской области. Д.Я. Иванов внимательно следил за каждым выпуском «Сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа». Особенно его заинтересовало сочинение учителя Новоминского Александровского училища П.О. Кириллова «Малороссийские песни в станице Новоминской Ейского уезда Кубанской области» [15]. В Новотитаровской проживали такие же потомки бывших черноморских казаков, поэтому имелись возможности для сравнения фольклорного материала. Дмитрий Яковлевич стал записывать местные тексты (см. Прил. I). Впоследствии опубликовал четыре бытовые песни станицы Новотитаровской в газете «Северный Кавказ» [16]. Информантом для него послужила казачка П. Перепелицына, которая напела ему тексты «Ой, не знала бабуся, чим заботиты», «Ой, пряла б я кудельщю», «Апанас волы пас», «По садочку хожу»). Относительно двух первых песен в примечании к публикации говорится: «В 4 выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа» есть две подобные песни (в очерке П.О. Кириллова. – О.М.), но они сильно изменены в ст. Новотитаровской, почему я считал не бесполезным записать их. Д. И-въ» [17].

Служба в Новотитаровской заняла чуть более года. Сохранился рапорт на имя Директора народных училищ Кубанской

области от 16 апреля 1885 г., в котором говорится: «Его высокоблагородие господин Инспектор народных училищ Кубанской области I района при ревизии 15-го апреля сего года Новотитаровского станичного училища обещал ходатайствовать пред Вашим Высокоблагородием о переводе меня в ст. Отрадную Баталпашинского уезда в мужское училище, а помощницу – жену мою – в женское училище; покорнейше прошу Ваше высокоблагородие зачислить эти места за нами. Учитель Д. Иванов» [18].

Почему стремившийся к научным изысканиям учитель из близкой к столице области Новотитаровской вдруг стал просить о переводе в далёкую закубанскую станицу? Изучение документов показало, что инициатива исходила от Прасковьи Терентьевны. Выясняется, что П.Т. Иванова была уроженкой ст. Отрадной. Узнав, что там ожидается открытие женского училища, она стала подготавливать почву к переводу в родную станицу, задействовав помимо супруга своих земляков. 7 июля 1885 г. сход отраденцев утвердил приговор, в котором говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся жители станицы Отрадной Баталпашинского отдела Кубанской области, быв сего числа на обновленном сходе, и имея в виду, что по распоряжению Начальства в нашей станице в скором времени имеет быть открыто женское училище, а потому с общего своего согласия постановили: просить распоряжения г. Директора народных училищ Кубанской области на случай открытия в нашей станице женского училища назначить учительницею Прасковью Иванову, так как она лично известна нам, и мы надеемся, что она вполне оправдает наше к ней доверие, и как бывшая жителька нашей станицы усугубит свою деятельность в обучении наших детей, и мы со своей стороны за этот её труд обязуемся выдавать ей жалование сколько постановлено нами ранее сего общественного приговора по сто семьдесят руб. серебром в год и отопление, а остальное содержание она должна получать от войска, как мы просили своим приговором» [19].

Находившаяся в это время в Отрадной Прасковья Терентьевна торопит, обращается 12 июля 1885 г. в станичное правление: «Выданный мне приговор общества ст. Отрадной о желании онаго быть учительницею женского училища в ст. Отрадной прошу станичное правление представить на

распоряжение и его Высокородию, г. директору народных училищ Кубанской области» [20]. Ещё 9 июля 1885 г. было дано предписание о перемещении учителя Новотитаровского станичного училища Д.Я. Иванова в Отрадненское мужское училище, а 28 июля Инспектор приказал: «Учителя Новотитаровского станичного училища Иванова перевести во 2-й район, уволив от должности и жену его, занимающую должность помощницы в этом же училище, согласно её заявления» [21].

Так Дмитрий Яковлевич оказался в юго-восточной части Кубани. О школе, в которой пришлось ему трудиться, Д.Я. Иванов впоследствии напишет: «Народное образование прививается весьма плохо, несмотря на то, что в станице существуют два училища – мужское и женское. Мужское училище открыто в 1859 году; оно помещается в собственном деревянном здании, расположенном на площади. Под классы отведено две комнаты, вместимость которых равна 652 13/16 куб. аршинам, а оконного стекла приходится 31 11/13 кв. верш. на 1 кв. аршин пола» [22].

Корреспондент газеты «Северный Кавказ», побывавший в гостях у Дмитрия Яковлевича дополнил эту информацию со слов учителя: «Благодаря любезности ст. учителя Д.Я. Иванова, я имею вполне верные статист. данные, по которым можно судить, сколько времени продолжалось учение, сколько было посещений и т.д.

Весьма жаль, что нет данных о жен. школе, где к сожалению, мне передала учит. В.Г. Соколова, не ведутся классные журналы...

В мужском училище по списку за 1885/6 учебный год имелось 59 учеников, но в конце года было лишь 38 учеников. Во время года выбыло 4 из старш. отделения, 3 из среднего и 14 из первого (младшего) отделения; по уважительным причинам 6, а по неуважительным 15.

Это, по словам учителя, ещё не так много. Всех учебных дней должно бы быть 180, или 6 месяцев, но из них 6 дней не было занятий по уважительным причинам: была ремонтровка здания в начале года и в конце. Учитель дал более 787 уроков, так как занимал и часы Закона Божия, по которому нужно было дать законоучителю 83 урока, но дано лишь 37 уроков; причина пропусков – уважительная. Во всё учебное

время было посещений учениками уроков 7480, или на одного ученика приходится 126,8. Пропущено по болезни 126 или на одного ученика приходится почти 2, а по неуважительным причинам 785, или на одного ученика – 13, 31. Эти немногочисленные цифры лучше других красноречивых слов могут доказать ту мысль, что наше население ещё не доросло до понимания значения образования» [23].

Картина выглядела безрадостной, и опять причина заключалась в том, что народ «не дорос», «не понял» и т.д. Д.Я. Иванов, очевидно, послужил корреспонденту источником информации и для обличения пороков общественного самоуправления в Отрадной. Недаром в заметке отмечается тяжёлое положение учителей: «Нужно обратить внимание, что ст. атаман Ш. – личность крайне недальновидная, с трудом отличающая правую руку от левой, что, однако, – надо заметить, – не мешает ему обделывать свои делишки. Наша станица в период его атаманства совсем опустилась, появились воровства, общественные здания разрушаются, а о чистоте базарной лучше умолчать. Атаманы – народные пьявки, высасывающие не только кровь, но и мозги... Особенно туго приходится, под давлением атаманского режима, учителям, фельдшерам. Жалованье вовремя не платят, прислуги не дают, дров не отпускают, письменных принадлежностей и подавно.

Разумеется, пишутся жалобы, а на эти жалобы пишутся велемудрые оправдательные объяснения, а в это время человек уже и захудал в голодовке, опустился и думает страшную думу – покончить расчёты с жизнью. Энергия в мелкой борьбе совершенно истрачена, а кругом тоска – дома семья голодная, а на людях злая насмешка» [24]. Вполне возможно, что корреспондент, скрывавшийся под псевдонимом Avis, и был сам Иванов. По крайней мере, редакция «Северного Кавказа» при публикации записанных Дмитрием Яковлевичем песен станицы Новотитаровской в 1886 г. называет его «нашим постоянным корреспондентом из ст. Отрадной» [25].

Возможно, упоминание в статье некоего «корреспондента» вызвано было стремлением ввести в заблуждение правление станицы и отрадненцев, замаскировать свою причастность к описанию пороков станичников. «Вся эта толпа, – говорится в

корреспонденции, – по науськиванию Разуваевых, Колупаевых и Грациановых [26] бросится на вас, побьет камнями. Это тем более возможно, что нельзя же не писать про закоснелое невежество нашего серого люда, про его суеверия и обычаи, про пьянство и прочие добродетели. В одной из последних кор. я писал, что отраденцы охочи до водки. Это сущая правда, каждый житель сознается, но, в общем не смей нас позорить! Видите-ли, люди обиделись за то, что их пишешь с натуры. О, Боже мой, Боже, сколько нужно энергии и любви к свету, чтобы спокойно относиться к проявлениям глухого ворчания народа на вас» [27].

С таким, явно предвзятым, отношением к народной жизни Д.Я. Иванов подошёл и к главному своему сочинению, посвящённому истории традиционной культуры станицы Отрадной. Статья начинается с описания местоположения станицы, затем даётся краткий исторический очерк. Д.Я. Иванов сообщал, что станица основана в 1858 году, ранее на месте поселения находился черкесский аул. Прежде станица называлась Усть-Тигиньской, «населена частью переселенцев из станиц старой линии, частью выходцами с Дона» [28]. Д.Я. Иванов пользовался, по-видимому, устными топонимическими преданиями, поэтому указанная им дата основания и первоначальное наименование станицы вызывают сегодня сомнение. Станица Отрадная была заложена 21 апреля 1857 г. на р. Большой Тегень, а заселена 3 июня 1857 г. [28]. Уже 30 августа 1857 г. Высочайшим приказом, объявленным Сенату Военным министром, было предписано «из устроенных в нынешнем году на правом крыле Кавказской линии двух станиц Кавказского линейного казачьего войска ту, которая поселена на Урупе, при устье Большого Тегена, – называть Отрадною» [29]. Нигде в документах название «Усть-Тигиньская» не встречается. Более сложным, нежели это представлялось Д.Я. Иванову, являлся и этносоциальный состав первопоселенцев. Помимо указанных донских и старолинейных казаков в формировании населения станицы приняли участие малороссийские казаки, государственные крестьяне, так называемые анапские поселяне, женатые солдаты кавказских армейских полков [30].

Д.Я. Иванов обрисовал «внешний вид» станицы, которая в его время занимала квадратную площадь и простиралась на 5 вёрст. «Большинство построек станицы деревянные и турлучные, крытые соломой, – отмечал автор, – но в последнее время зажиточные жители кроют и железом» [31]. Он даёт перечень общественных и частных построек: церкви, хлебных магазинов, мельниц, бань, лавок и пр. с указанием количества и сословной принадлежности хозяев. В статье подробно рассказывается о географии станицы Отрадной: водных ресурсах, климате и почве, растительности. Д.Я. Иванов дал сведения о численном, сословном и конфессиональном составе населения. По его подсчётам, «к 1-му января 1886 года, состояло казачьего сословия 1878 душ мужского пола и 1888 женского, и иногородних 916 д. мужского пола и 785 женского, всего 5467 душ обоёго пола» [32]. Автор указал численность в станице дворян казачьего и не казачьего сословия, духовных лиц, нижних чинов казачьего сословия, мещан, крестьян а также отставных солдат. Он привел таблицы распределения по возрасту, проследил по метрическим книгам рождаемость и смертность с 1875 по 1885 гг.

Автор очерка представил неприглядную картину санитарного состояния станицы. «Мешает гигиенической обстановке жизни и неряшливость в домах, резко диссонирующая с опрятною и чистою одеждою отраденца. Посмотрите на казачий двор Отраденской станицы: весь он завален кучами навоза, сором, золой и др. подобными нечистотами, – отмечалось в очерке. – То же самое можно видеть и на улицах Отрадной; даже берега Урупа унавожены до того, что невозможно пройти» [33].

Отмечены автором и некоторые стереотипные насмешливые названия: «Дразнят друг друга каплунами, выходцев с Дона – пугачами, а иногородних – чигкою востропузою» [34]. Выросший, в большей степени, в условиях украинской культуры, Д.Я. Иванов не смог оценить красоту протяжного линейного пения, оценив его как «крикливое». «В праздники, – отмечал Дмитрий Яковлевич, – молодёжь собирается и поёт песни (жители говорят: «песни играют»), но это крикливое и неразборчивое пение производит неприятное впечатление» [35].

В конфессиональном отношении Д.Я. Иванов назвал следующие цифры: православных 5432 человека, молокан – 31, армяно-григориан – 4. По национальности 5463 жителя станицы считали себя русскими, 4 – армянами. Кроме того, в станице проживали 38 горцев (видимо, адыгов или абазин), 1 осетин, 2 калмыка и 6 «персидско-подданных». Д.Я. Иванов собрал сведения о секте хлыстов в станице, «которые нам удалось узнать от одного из вожаков её». Секта была занесена в Отрадную из Тамбовской губернии. «Непосвящённые в тайны секты, – писал Дмитрий Яковлевич, – рассказывают много небылиц о сектантах, обвиняя их, например, в сводном грехе; но последние отрицают все возводимые обвинения <...>. По их учению, нужно чтить Бога в сердце, но не на словах, поэтому они смотрят на Евангелие исключительно с духовной точки зрения. Собираться в церкви считается излишним, потому что Бог везде; они собираются обычно в один какой-нибудь дом, читают воскресное Евангелие и толкуют его по своему усмотрению. После толкования поются стихи из книг, или же импровизированные стихи духовного содержания. Дозволяется руководить собранием и женщине, если она грамотна. С внешней стороны, сектанты – безукоризненные христиане: часто посещают Храм Божий, не ругаются, не пьют водки, не едят мясного и не курят табаку» [36].

Подробно описал Д.Я. Иванов занятия жителей, дал обзор общественным учреждениям в станице и состояния народного образования. В работе приведены сведения о родильно-крестильной и похоронно-поминальной обрядности. «Перед родами, – отмечал автор, – зовётся бабка-повитуха, во власть которой поступает на некоторое время мать и ребёнок. Приёмы таких бабок не всегда рациональны, и только самые опытные из них предоставляют действовать природе, а другие, и притом большинство, стараются помочь родам, для чего водят больную, кладут на пол и даже, взявши за ноги, встряхивают. Разумеется, от таких приёмов ухаживания часто происходит или смерть родильницы, или постоянные боли живота. Когда родится ребёнок и не подаёт голоса, т.е. не кричит, то его «откликают»: кладут на порог и произносят имена родителей: если мальчик – имя отца, девочка – матери. Затем ребёнка выправляют в купе-

ли: во время купанья соединяют правую руку с правой ногой, и это делают до трёх раз; при соединении руки с ногой «причмокивается» губами. За молитвой к священнику с ребенком идёт бабка-повитуха. Пред крестинами ребенка кладут на шубу, крестная мать берёт его и несёт с кумом в церковь» [37]. Несмотря на духовное образование, автор рассуждает здесь с рациональных материалистических позиций, не улавливая мифологический контекст описываемого обряда. Вождение роженицы вокруг стола, взятие за ноги, сажание на пол инсценируют преодоление ребенком пути между двумя мирами [38].

Схематично и несколько примитивно описана у Д.Я. Иванова похоронная обрядность, более подробно – основные этапы отраденской свадьбы: выбор невесты, сватовство, «своды», «выговор», вечер накануне первого дня свадьбы, повивание молодой, разделение карава, привоз приданного. Беглый обзор ритуальных действий говорит о том, что автор не понимал их глубинного содержания. Тем не менее, он добросовестно привёл зафиксированные им тексты свадебных песен.

«В станице осенью-зимой девушки собираются вместе и составляют карагод (хоровод), – сообщал Дмитрий Яковлевич, – т.е. взявшись за руки, образуют круг; тут они ходят и поют почти такие же песни, какие были записаны г. Передельским в станице Темижбекской» [39]. Речь идёт об учителе Баталпашинского городского училища Е.Ф. Передельском, известном кубанском педагоге и собирателе фольклора [40]. Его работу, опубликованную в третьем выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа» [41], Д.Я. Иванов, по-видимому, хорошо знал(как, возможно, и самого автора) и использовал для сравнительного анализа. Дмитрий Яковлевич привёл в статье варианты трёх записанных им в ст. Отрадной текстов, которые существенно отличались от темижбекских – «Наш полковничек-господин», «Сон», «Молодой кульер бежит», а четвёртая – о Хопёрском полке («Как казаченьки в поход собираются») была оригинальной.

Наконец, собиратель поместил 43 текста «суеверий» – так назывались в этнографии того времени верования, запреты, заговоры, народные медицинские знания. Спасает автора то, что он не стал комментировать

этот материал как «невежественные суеверия» в духе собирателей сведений по этнографическим программам XIX в. [42], а просто опубликовал зафиксированные им полевые материалы. Использование последних позволяет сегодня в сравнении с материалами по другим станицам выходить на обобщение и выводы по характеристике народной картины мира казачества Кубани. По записям Д.Я. Иванова, «больной лихорадкой, для излечения от болезни, носит на груди орех с живым пауком: если паук издохнет, то и лихорадка пройдет». Беременная женщина «не должна садиться на пороге или бить кошку, собаку, свинью, иначе вырастет шерсть на спине ребёнка». Когда на ребёнка «нападают криксы (кричит), его несут к воротам и говорят: «воротный скрип, возьми с младенца (имя рек) крик, с пороженного, с молитвенного, с крещеного». Проговорив эти слова трижды, плюют назад и, не оглядываясь, идут в дом». Если «собака воет, нужно читать молитву: «Господи, Иисусе Христе». Вой собак означает просьбу к Богу об избавлении людей от голода». Сны, предвещающие смерть: «когда во сне выметаешь комнату», «когда во сне встречаешь "святость", хоругви», «когда во сне увидишь ткацкий стан» [43].

Очерк о станице Отрадной сугубо описательный, в чём-то наивный, отражает уровень школьного этнографического краеведения конца XIX столетия. Однако нельзя не признать очевидного: подобные работы не только способствовали накоплению знаний о локальных особенностях традиционной культуры кубанского казачества, но и спустя столетие, на новом этапе изучения, помогали новому поколению кубанских этнографов сравнивать и обобщать, прослеживать динамику развития традиции.

Статья Д.Я. Иванова была опубликована лишь спустя два года после её написания, в 1888 г. Но зато Кубань в этом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа» была представлена весьма широко: наряду с очерком о станице Отрадной – «Станица Расшеватская» К.Т. Живило, «Станица Самурская» Вл. Кобеляцкого, «Станица Бесленевская» П. Близнюкова, «Обряды и обычаи, соблюдаемые жителями города Ейска, Кубанской области, при рождении человека, бракосочетании и погребении умерших» священника Т. Стефанова... Появление новых этно-

графических материалов по Кубани не могло не радовать Дмитрия Яковлевича. Вместе с другими станичными учителями-собирающими Д.Я. Иванов был удостоен денежного вознаграждения со стороны управления Кавказским учебным округом. 28 января 1888 г. Попечитель Кавказского учебного округа писал Директору народных училищ Кубанской области: «Препровождая при сём сто одиннадцать руб., назначенные мною в вознаграждение Заведывающему Расшеватским 2-х классным училищем Живило и учителю Отрадненского мужского училища Иванову за труды их по составлению статей, помещённых в 6 выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа», из коих 73 р. г. Живило и 38 р. г. Иванову, имею честь покорнейше просить Ваше Высочайшее расписание поименованных лиц в получении назначенных им денег не оставить препроводить в состоящую при мне канцелярию» [44].

Но к этому времени Дмитрий Яковлевич покинул Отрадную. В документах он проходит уже как учитель Кубанского сельского училища (селения Кубанского, ныне – г. Новокубанск) [45]. Причины перемещения в обнаруженных нами документах неясны. Можно лишь осторожно предположить, что отрадненцы, наконец, дознались, кто является автором обличающих корреспонденций в газету «Северный Кавказ» и сделали жизнь супругов Ивановых в станице невыносимой. Прасковье Терентьевне так и не нашлось места в Отрадненском женском училище. Известно лишь, что вознаграждение Дмитрий Яковлевич получил, о чём свидетельствует находящийся в деле краткий рапорт Директору народных училищ Кубанской области от 29 февраля 1888 г.: «Имею честь при сём предоставить Вашему Высочайшему расписку в получении от Вашего Высочайшего благородия тридцати восьми рублей из назначенных мне Попечителем учебного округа. Учитель Д. Иванов» [46].

В селении Кубанском Дмитрий Яковлевич остался верен себе: наблюдал, расспрашивал, записывал. К этой работе, по видимому, им были привлечены и школьники. В итоге, 16 августа 1887 г. в газете «Северный Кавказ» был напечатан его краткий «Этнографический очерк сел. Кубанского». Автор обрисовал «общий характер и свойства местности», дал характеристику, согласно программе Кавказского

учебного округа, почвам, воде и климату, кратко описал народонаселение, общественные и частные постройки, некоторые обычаи, состояние школьного образования, а также традиционные занятия (Прил. II). «Селение Кубанское, – сообщал автор, – основано в 1862 году разными пришельцами из России, преимущественно из Полтавской и Екатеринославской губерний и отставными солдатами. Такая разнохарактерность населения разбила село на две части, из которых «полтавская» расположена на севере села, а «солдатская» на юге. Каждому проезжему бросается в глаза такая раздвоенность жителей по внешней постройке жилищ: «полтавцы» строят дома во дворе, и с улицы ничего не видно, а «солдаты», напротив, строят дома окнами на улицу. Жителей мужского пола считается 1068 душ, а женского – 1138 душ, число дворов 407, а домов 422. Жители одеваются, как и все крестьяне юга России» [47]. Рассказывая о местных обычаях, Д.Я. Иванов отметил: «К разным новшествам население относится недоверчиво и крайне суеверно. Пред Рождеством ходят и носят «вычерю» к своим родственникам. Утром на Рождество ходят дети со звездой и поют тропарь праздника, а вечером колядуют. Чрез неделю щедруют. Из игр заметна страсть к картам – играют в фильки, в свиньи, в дураки, в дамы, в колоды. Дети-же играют в мяча, (галка), в «верхового», у «верны-головы», в «довгой лозы» и т.д. Народная медицина находится исключительно в руках у «бабок», из которых одна получила известность далеко за пределами Кубанского юрта. Говорит местное население по малороссийски» [48].

Продолжает Дмитрий Яковлевич, по-видимому, и выступать в роли местного корреспондента, поскольку в «Северном Кавказе» нередко появляются заметки под известными псевдонимами Птица и Avis [49].

В 1891 г., по данным «Кубанской справочной книжки», Дмитрий Яковлевич служит учителем училища станции Кавказской общества Владикавказской железной дороги, а Прасковья Терентьевна – помощницей учителя [50]. Но уже в 1892 г., согласно распоряжению Директора народных училищ Кубанской области, «уволены Кавказского сельского училища, содержащегося обществом Владикавказской железной дороги – Дмитрий Иванов, помощница его Прасковья Иванова – с 1 сентября» [51]. О

причине этого увольнения Д.Я. Иванов рассказал впоследствии на страницах «Кубанских областных ведомостей»: «Давно уже пишут о том, что необходимо наделить народного учителя землёй. Пока это сбудется, многие учителя, вероятно, попробуют сами заняться земледелием. Долго думал я над этим, но школьные занятия, казалось, мешали мне; почему я порешил покинуть на год школу, с тем, чтобы заняться хлебопашеством <...>. В 1892 году я уволился от должности учителя и переехал на житьё к отцу своему, священнику Ростовского округа, Донской области. Я и моя семья были обеспечены годовым пропитанием. Село, где мне пришлось жить, раскинуто на плохой речушке Ее, населено исключительно крестьянами-малороссами, которые сто лет тому назад поселились там, перепавшая мать-кормилицу землю тысячи раз. Земля в этом районе чернозёмная, жирная, но беспрерывная эксплуатация истощала её. Арендная плата с каждым годом повышается. Я нанял, боясь сильно зарваться, 10 десятин, по 12 р. десятину. По совету крестьян, я решил засеять 6 десятин озимой, 1 десятину овсом, а остальные 3 десятины ячменем» [52].

Опыт занятия сельским хозяйством был неудачным, из потраченных средств Д.Я. Иванов недополучил 150 руб., но надежды он не терял: «Этот опыт, кроме убытка, кое-чему научил. Думаю, находясь на учительской должности, можно свободно заняться хлебопашеством, но не советую полагаться на «авось» и «небось» наших крестьян» [53].

Пока же он решил вернуться на службу. В ноябре 1893 г., согласно приказу о новых назначениях, был определён «бывший учитель Дмитрий Иванов – заведующим Бекешевским двухклассным станичным училищем» [54]. О его деятельности в этот период даёт некоторое представление письмо в редакцию «Кубанских областных ведомостей», в котором Д.Я. Иванов просит поместить его опровержение на хвастливую корреспонденцию о Бекешевском станичном училище. Дмитрий Яковлевич тогда писал: «Сообщение об устройстве пасеки, выписке грены и о ремесленном отделении неверно. Выписывалась грена [55], но она не получена. Действительно, имеется несколько семей пчёл, но это дело лишь к осени организуется. Почётный

блюстителем, насколько мне известно, хлопот об открытии ремесленного отделения, но оно ещё не открыто. Кроме того, Министерство Народного Просвещения в циркуляре своём от 6 марта за № 4704 предлагает обратить внимание на то, чтобы учебные заведения способствовали введению ручного труда в число предметов преподавания в тех училищах, где дети подготавливаются не к научной, а к практической деятельности. Наибольшее внимания заслуживают, сказано, городские и 2-классные сельские училища. Преподавание ручного труда следует поручить учителям, специально подготовленным для этого в учительских институтах и семинариях. При вверенном мне училище один преподаватель изучал ремесла, так что я надеюсь ввести преподавание ремесленного труда, если конечно, будут отпущены суммы на организацию этих занятий» [56].

Однако в октябре 1894 г. Д.Я. Иванов был вновь уволен [57]. Что послужило причиной отставки, сейчас трудно сказать. В «Кубанских справочных книжках» и «Календарях» его имя больше не встречается. Не исключено, что он вновь решил заняться сельским хозяйством и вернулся в родное село. Возможно, какие-то сведения о последних годах его жизни обнаружатся в Государственном архиве Ростовской области.

Дмитрий Яковлевич Иванов был типичным представителем школьной сельской интеллигенции дореволюционной Кубани. Осознавая своё предназначение народного учителя, он «шёл в народ», сеял разумное, доброе, вечное в умы своих учеников, вместе с ними изучал быт и традиции местного населения. При этом, что называется, «держал дистанцию», обличая «невежество» носителей традиционной культуры. Работы Д.Я. Иванова, выполненные по программам Кавказского учебного округа, не только отражали уровень этнографического краеведения конца XIX столетия, но и способствовали накоплению знаний о локальных особенностях «живой старины» Кубани. Сегодня они востребованы как источниковая база для дальнейших исследований общего и особенного в развитии духовного наследия наших земляков.

Примечания:

1. Отчёт Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1885 год. Приложение III: Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1886

года. Тифлис, 1886. С. 168.

2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 470. Оп. 2. Д. 838. Л. 215.

3. Там же. Л. 215об.

4. *Иванов Д., учитель*. Заметка о занятии земледелием // Кубанские областные ведомости (КОВ). 1894. № 47. 25 июня. С. 1.

5. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 733а. Л. 94.

6. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 838. Л. 206–206об.

7. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 828. Л. 100.

8. *Птица*. Из ст. Новотитаровской, Куб. области // Северный Кавказ (СК). Ставрополь, 1885. № 34. С. 3.

9. *Бондарь Н.И.* К истории фольклорно-этнографических исследований на Кубани (Дореволюционный период) // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода / Отв. ред. С.С. Минц. Краснодар, 1991. С. 120.

10. От Управления Кавказского учебного округа // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1881. Вып. I. С. I.

11. Там же. С. III.

12. Там же. С. V.

13. Там же.

14. Программа собирания сведений о разных местностях Кавказа и племенах, населяющих оныя // СМОМПК. Тифлис, 1881. Вып. I. С. VIII–XXIV.

15. *Кириллов П.* Малороссийские песни в станице Новомиинской, Ейского уезда, Кубанской области // СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. 4. Отд. II. С. 77–122.

16. *Д.И.* Бытовые песни Кубанской области, записанные со слов казачки П. Перепелицыной // СК. 1886. № 34. С. 3.

17. Там же.

18. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 997. Л. 36.

19. Там же. Л. 95.

20. Там же. Л. 94.

21. Там же. Л. 116–117.

22. *Иванов Д.* Станица Отрадная, Баталпашинского уезда, Кубанской области // СМОМПК. Тифлис, 1888. Отд. I. Вып. 6. С. 26.

23. *Avis*. Из ст. Отрадной, Куб. обл. // СК. 1886. № 45. С. 3.

24. *Avis*. Из ст. Отрадной, Куб. обл. // СК. 1886. № 29. С. 2.

25. *Д.И.* Бытовые песни Кубанской области, записанные со слов казачки П. Перепелицыной // СК. 1886. № 34. С. 3.

26. Колупаевы и Разуваевы – у М.Е. Салтыкова-Щедрина символические фамилии кулаков-мироедов. Очевидно, писатель связывал фамилию Колупаев с глаголом «колупать» – отдирать, отделять что-либо у неимущего. Грацианов – сатирический образ, воплотивший пороки местных сельских властей и созданный М.Е. Салтыковым-Щедриным в романе «Убежище Монрепо».

27. *Avis*. Из ст. Отрадной, Куб. обл. // СК. 1886. № 29. С. 2.

28. *Шамрай В.С.* Хронология важнейшим событиям и законоположениям, имеющим отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска / Составил В.С. Шамрай. Екатеринодар, 1911. С. 80.

29. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1858. Ч. 2. Дополнение к т. XXXII. Ст. 32207а. С. 7.

30. *Саньков*, есаул. Описание поселений 5-й (Урупской) бригады Кубанского казачьего войска и отдельных действий ея частей против непокорных горцев // Кубанские войсковые ведомости. 1868. № 11. С. 49.

31. *Иванов Д.* Станица Отрадная, Баталпашинского уезда, Кубанской области. С. 11.

32. Там же. С. 17.

33. Там же. С. 20.

34. Там же. С. 21.

35. Там же.

36. Там же. С. 22.

37. Там же. С. 27.

38. *Власкина Т.Ю.* Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.) / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2001. С. 247.

39. *Иванов Д.* Станица Отрадная, Баталпашинского уезда, Кубанской области. С. 34.

40. *Русанов К.В.* Кубанский педагог и исследователь

Егор (Георгий) Фёдорович Передельский // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы X Международной Кубанско-Терской научно-практической конференции (Армавир, октябрь 2016 г.) / под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. Армавир, 2016. С. 257–260.

41. *Передельский Е.* Станица Темужбекская и песни, поющиеся в ней // СМОМПК. Тифлис, 1883. Вып. 3. Отд. II. С. 1–90.

42. *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 531–532.

43. *Иванов Д.* Станица Отрадная, Баталпашинского уезда, Кубанской области. С. 37–39.

44. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1074. Л. 1.

45. Там же. Л. 20б.

46. Там же. Л. 4.

47. *Иванов Д.* Этнографический очерк сел. Кубанского // Северный Кавказ. 1887. № 64. 16 августа. С. 1.

48. Там же.

49. См.: *Avis.* Из ст. Отрадной // СК. 1886. № 14; *Птица.* Сел. Ново-Кубанское // СК. 1888. № 42; *Avis.* Сел. Кубанское // СК. 1887. № 14; *Avis.* Станция Кавказская // СК. 1892. № 2 и др.

50. Кубанская справочная книжка 1891 г. Екатеринодар, 1891. С. 46.

51. Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом (Далее – ЦУКУО). Тифлис, 1892. – № 10. – С. 497.

52. *Иванов Д., учитель.* Заметка о занятии земледелием. С. 1.

53. Там же. С. 2.

54. ЦУКУО. Тифлис, 1893. № 10. С. 620.

55. Грена (от фр. *lagraïne* – семя) – яички бабочки тутового шелкопряда, предназначенные на племя, для размножения шелкопряда.

56. *Иванов Д.,* заведывающий Бекешевским 2-х классным училищем. Письмо в редакцию // Кубанские областные ведомости (КОВ). 1894. № 48. С. 2.

57. ЦУКУО. Тифлис, 1894. № 10. С. 732.

Приложение № 1

Песни, записанные Д.Я. Ивановым в станице Новотитаровской от казачки П. Перепелициной

1.

Ой, не знала бабусенька, чим забогатиты,
Пидсыпала куриночку, чтоб вывела диты,
Ципу квок, ципу квок, щоб вывела диты. 2 р.
Та погнала бабусенька худыбочку пасты.

Прип. 2 р.

Сама сила на стежцы кудельцю прясти

Прип. 2 р.

Дэ взялася щуря-буря, став дощ накропаты

Прип. 2 р.

Стала баба худобечку в хату загоняты

Прип. 2 р.

Одно вбила, друге стоптала, на третье споткнулась, а на четверте впала

Прип. 2 р.

Сидыт баба на печи, да голову шкребче,

Прип. 2 р.

А курыночка пид прыпычком та всё баби шепче

Прип. 2 р.

– Ой бабусю, бабусеньку, що будем робыты,

Як прииде дид, та буде нас быты,

Прип. 2 р.

– Ой, диду, дидусеньку! Худа слава встала
Як я свою худыбочку тай запакувала.

Прип. 2 р.

Погнала худыбочку пасты, сама сила была
стежцы кудельцю прясты.

Прип. 2 р.

Де взялася щуря-буря, став дощ накропаты.

Прип. 2 р.

Стала я худыбочку загоняты: одно вбыла,
Друге стоптала, а на третье споткнулась, а
на четверте впала.

Прип. 2 р.

Так я свою худыбочку тай запокувала

Прип. 2 р.

Узяв дид з воза прытыку, та побыв баби
голову и пыку

Прип. 2 р.

– Бодай тоби, старий диду, голова облизла
Що ти мэни побыв, понивычыв, що и на
пич не влизла.

Прип. 2 р.

Бодай тоби диду, права рука всохла;
Побыв, понивычыв, що трохи не здохла.

Прип. 2 р.

2.

Ой, пряла б я кудельцю, голова болыты.
Пила б горилочку – милый ны вельты.
Ой, поихав мий миленький у поле, у степ,
А я свою кудельцю пид припычек – геп! 2 р.
Лежит моя кудельця, лежит – обдулася,
А я пышла, молоденька, водки напылася. 2 р.
Ой, прыихав мий миленький из степу, из
поля.

Птаеця малых дитэй: «а чи маты дома»?

– Дома, тату, дома маты – ны гуляе:

На кровати, у кимнати спочывае. 2 р.

– Цыте, диты, цыте, диты, не шумыте,

Да своеы матусенькы не збудыты. 2 р.

– Устай мыла, устай мыла, пробудыся!

Возьм соби шагыв сорок – прохмылыся! 2 р.

– Не поможе шагыв сорок, не поможе и два,

Давай, мылый, карбованця – расплатюся,

Бо вчера пыла на корову, а сегодня на во-
ла. 2 р.

А як прийдеш из кардону, пропюще и
коня. 2 р.

3.

Апанас волы пас,

А Маруся бычки,

Постревай, не такай –

Куплю черевычки.

Гей, Маруся моя,
Ты до горя довела. 2 р.
Бодай тебе куповала
Лыхая годына
Через тебе, вражий сыну,
Меня маты была.
Гей, Маруся моя,
Ты до горя довела. 2 р.
Была мене моя маты
Ключем от киматы
Через тебе, вражий сыну,
Що ты чернобрывий.

Прип. 2 р.
Была мене моя маты
Ключем от свитлыци
Через тебе, вражий сыну,
Що ты билыций.

Прип. 2 р.
Была мене моя маты
Та ще буде быты,
Перестай, перестай
До мене ходыты.

Прип. 2 р.
– Ой, не перестану
Поки не достану,
Черных брыв, вирных слыв
Хорошаго стана.

Прип. 2 р.

4.

По садочку хожу
И сам соби ражу
До конька стыха промовляю.
«Ой, коню, мий коню,
Коню вороненький,
Порадуй мене, щеж я молоденький:
Чы лысты пысаты,
До милоы спаты,
Чи самому систы – поихаты?
Ой, поихав мылий
До мылоы в госты,
А в мылоы вес двор на помосты,
Ой, здоров, мыла,
Здравствуй, чернобрыва!
За для кого ты сы
Мосты мостыла?
– Ой, мостыла мосты
Ззеленоы сосны,
Дожидала, мыленького в госты
– Брешышь, брешышь, мыла,
Брешышь, чернобрыва,
Не для мене ты сы
Мосты мостыла
– Не для тебе мылий,
Я сы мосты мостыла,

А для того, що вырно любила.
Ой, узав мылий мылу
Пид были боки,
Тай укынув у Дунай Глубокий.
– Плывы, плывы, мыла,
Плывы за водою,
Бо не буде нам житья з тобою.
Плывы, плывы, мыла,
На жовтый писочек,
Подай тонкий голосочек.
– Ой не буду, мылий,
Голосу даваты,
Не знав, не знав
Прежде шапуваты
Чы я не хороша,
Чы я не вродлива.
А чы моя доля несчастлива?
– Ты, мыла, хороша,
Ты, мыла, и вродлива,
Тыльки-ж твоя доля несчастлива.

Приложение № 2

Д.Я. Иванов
Этнографический очерк
селения Кубанского

Общий характер и свойства местности. Селение Кубанское, или, как его жители называют, Ново-Кубанское, Кавказского уезда, 1-го полицейского участка, отстоит от Петербурга на 2025 вер., а от Москвы – на 1421 вер., от уездного полицейского управления (сел. Армавир) – на 12 вер., от квартиры участкового пристава – на 6 вер. (ст. Прочноокопская). Станица расположена в широкой долине на левом берегу Кубани. Место под поселением совершенно ровное; грунт земли в селении черноземный, поэтому, во время дождей грязь бывает невылазная. Юртовый надел к западу от селения, по направлению к Владикавказской жел. дор., приблизительно в 2 верстах от села, занимает возвышенную площадь. По берегу Кубани когда-то был прекрасный лес, а теперь остались лишь кустарники; в лесу этом растут – дуб, ольха, орешник и т.д.; кое-где на покатосях попадает терновник. Из продуктов минерального царства, применимых в технике, можно указать лишь на горшечную глину. Селение Кубанское окружают земли частных владельцев, входящие в состав Кубанской волости, именно: Каплан-Нечева, барона Штейнгеля (паровой винокурный завод), Граббе (колония

немецкая Фриденталь), Ковалева, Грамотина, Андроникова, Яковенко, Николенко. Врангеля, Неделькина и Духовского. Ближайшие станицы, соприкасающиеся с юртом Кубанской волости: Прочно-Окопская и Михайловская, и селения Армавир и Ново-Михайловское. Площадь юрта сельского не превышает 7000 десятин.

Почва, вода и климат. Почва здесь черноземная, плодородная, подпочва камень-голыш, который чередуется с глиной и песком. Луга начинают зеленеть, как только стает снег; деревья же распускаются в апреле. Бывают случаи, когда трава выгорает от бездождия и засухи; желтеет и засыхает трава после Покрова, но гулевой скот и лошади остаются на подножном корму вплоть до первых морозов – чуть не до Николе (6 декабря). Жители в большинстве случаев пользуются водою из реки Кубани и колодцев, но в колодцах вода не вкусная, и ею лишь поят животных. Климат здесь умеренный, засухи редки. Особенно сильных морозов не бывает (не мерзнет персик). Травы косят после Троицы, а хлеба созревают к Петрову дню; вишни поспевают к этому же времени, а сливы, груши и яблоки к 1 августу, персики же к 15 сентября. Летом бывают довольно часто грозы, град выпадает редко. Ветер преимущественно дует с восточной стороны и продолжается иногда по целым неделям.

Народонаселение. Селение Кубанское основано в 1862 году разными пришельцами из России, преимущественно из Полтавской и Екатеринославской губерний и отставными солдатами. Такая разнохарактерность населения разбила село на две части, из которых «полтавская» расположена на севере села, а «солдатская» на юге. Каждому проезжему бросается в глаза такая раздвоенность жителей по внешней постройке жилищ: «полтавцы» строят дома во дворе, и с улицы ничего не видно, а «солдаты», напротив, строят дома окнами на улицу. Жителей мужского пола считается 1068 душ, а женского – 1138 душ, число дворов 407, а домов 422. Жители одеваются, как и все крестьяне юга России. Население отличается крепким здоровьем. Мужчины чаще всего попадают среднего роста, а женщины низкого. Преобладающий цвет волос на голове, усах и бровях у мужчин чёрный. Преобладающая форма головы круглая; лоб плоский, низкий, лицо круглое, худощавое,

смуглое; нос умеренно-толстый; глаза серые; уши большие; подбородок круглый, а зубы крепкие. В последнее время пришлым элементом (иностранцами) занесен сифилис.

Постройки общественные. На площади находится миниатюрная деревянная церковь, во имя Иоанна Богослова. Народная школа стоит на площади, построена по нормальному плану. Имеется общественный магазин, крытый железом и здание для сельского правления. Для духовенства тоже выстроены общественные здания.

Частные постройки. В селе имеются 3 лавки мануфактурных и 3 бакалейных; мельниц ветряных 3, водяных 4, паровых 1, крупорушек 2, чембарен 1, кожевенных заводов 1, кузниц 4, бань 2. Все частные постройки выстроены из дерева и самана, за исключением одного дома, построенного из кирпича. Дома, в большинстве случаев, кроются соломой и камышом; по наружности внешней и по внутреннему расположению комнат, напоминают постройки малороссийские. Огорожа делается из хвороста. Дома освещаются «каганцем» (салом) и керосином, отапливаются соломой и кизяками. В каждом дворе имеется, хотя маленький, фруктовый сад. Пища преобладает растительная. В прошлом году населением выпито было около 2300 ведер водки, на сумму около 11500 руб.

Обычаи. К разным новшествам население относится недоверчиво и крайне суеверно. Пред Рождеством ходят и носят «вычерю» к своим родственникам. Утром на Рождество ходят дети со звездой и поют тропарь праздника, а вечером колядуют. Чрез неделю щедруют. Из игр заметна страсть к картам – играют в фильки, в свиньи, в дураки, в дамы, в колоды. Дети же играют в мяча, (галка), в «верхового», у «верны-головы», в «довгой лозы» и т.д.

Народная медицина находится исключительно в руках у «бабок», из которых одна получила известность далеко за пределами Кубанского юрта.

Говорит местное население по-малороссийски.

Образование народное стоит ещё на довольно низком уровне, хотя школа открыта в 1879 г. в данное время здесь школа с помощником, учащихся около ста душ. При школе имеется народная (?) библиотека; за право учения с жителей берется по 1 р., а с иностранцев по 10 р. в год. Школа

имеет школьный участок в 50 десятин, который приносит 100 руб., которые идут на жалование помощника учителя; запасного капитала около 500 р.

Землевладение. Общество пользуется землей на общинных правах; сельский сход сам распределяет на более или менее продолжительное время весь юртовый надел, разбивая его на особые участки, предназначенные под сенокосы, распашку и затем уже делит их на пай, указывая каждому жителю на отведенный ему участок. Из земледельческих орудий имеются у жителей следующие: 57 нем. плугов, 4 молд., 2 амер., 10 пукарей, 5 бессраб., 6 жатвен., веялок 24, 6 конных молотилок и 1 паровая. Скота же было в прошлом году: 610 лошадей, 941 рабочих волов, 1694 коров и телят, овец простых 2100, коз 11, свиней 524.

В прошлом году было посеяно четвертей: озимой пшеницы 1228 (снято 1576), ржи 281 (снято 943), овса 121½ (снято 508) проса 57 (снято 1218), ячменя 228 (снято 1225), льна 2 (снято 30), гречихи 36 (снято 342), кукурузы 2 (снято 728), картофеля 53 (снято 179) и 554 стога сена¹. Общественных расходов за прошлый год было 4438 р. 61 к.

Подспорьем народного хозяйства является огородничество, садоводство и птицеводство. Кроме того, зимою занимаются охотой, а весною и летом рыболовством. Все продукты огородничества и садоводства продаются в Армавире.

В.Н. Орёл

Из записок краеведа

Моё отраденское Предгорье

В предгорьях Северного Кавказа расположен большой и богатый Отраденский район Краснодарского края. Более ста лет тому назад пришли сюда на берега быстрой реки Уруп первые поселенцы; пришли, обзавелись курениями, образовали первое поселение. Станицу называли Отрядная², да это и понятно, именно в ней стоял вооруженный отряд кубанских казаков, отражающий набеги горцев.

Много утекло воды в горной реке.

Уходили люди, проносились события, забывались даты, менялся облик самого поселения. Теперь уже никто не называет станицу Отрядной, она стала Отрадной, что соответствует действительности: зажиточно, полнокровной жизнью живут труженики Отраденского района, славные потомки запорожских казаков.

Вечерами, когда наступают сумерки, тихо становится на улицах районного центра, молча хранят они события прошлого. Но за них говорят сами названия улиц: Пролетарская, Революционная, Кизилова, Коновалова. Чьи имена они носят, кто эти люди?

Часто в райисполкоме и райкоме партии, в районном отделе народного образования, в редакции можно было видеть пожилого мужчину с небольшой клином бородкой, в выдавшей виды фетровой шляпе. Петр Митрофанович Галушко, несмотря на преклонный возраст, не утратил юношеского пыла и настойчивости. Он большой друг всего нового, передового. Это он первый громко и требовательно сказал: «Району нужен историко-краеведческий музей».

Уже давно при средних школах была попытка создать свои школьные краеведческие музеи. И вот пожилой пенсионер-учитель стал по крупице собирать очень ценные и разрозненные экспонаты, наконец, часть их была сконцентрирована в районном доме пионеров, где для музея была отведена одна комната.

С огромным трудом в 1956 году было создано районное историко-краеведческое бюро. П.М. Галушко не отступал перед трудностями, помня о грядущем событии – столетии со дня основания станицы Отрадной. В 1957 году историко-краеведческий музей, получивший имя большевика Ивана Пузырева, переехал в новое помещение. Теперь он располагал четырьмя просторными комнатами, в которых, соответственно, и расположились отделы. Труд энтузиастов не пропал даром. У Петра Митрофановича много добровольных помощников, они зорко следят, чтобы ни одна историческая вещь не пропала, не затерялась.

Отдел археологии

Богатый материал собран в отделе археологии. На территории Отраденского района в древности была распространена

¹ Цифры эти сообщены нам сельским правлением.

² Распространённая, но ошибочная версия этимологии названия станицы Отрадной. – *Прим ред.*

скифско-сарматская культура. Так, в станице Отрадной, на правом берегу Солдатской балки, найдены черепки, курительные трубки, каменные кольца.

В этом же отделе широко представлены каменные орудия труда – топор, найденный в Отрадной, оселок точильный – в Благодарном, каменные молотки. Здесь же можно увидеть украшения – бронзовые кольца и закладки, провололочные пряжки и браслеты, металлические зеркала.

Особый интерес представляет бронзовая статуэтка воина в греческом одеянии, это говорит о том, что эллинская культура имела распространение и на Северном Кавказе. Здесь же представлены древние амулеты, фигурки глиняных божков и другие предметы.

Северный Кавказ был ареной больших исторических событий, на его территории состоялось не одно военное сражение. Естественно, что в музее представлено оружие различных эпох от старинных наконечников стрел до винтовки Мосина. Посетители с интересом рассматривают чугунную картечь и ядра, различные кинжалы, сабли и другое оружие.

Совсем недавно, в 1960 году, летом, во время работ на берегу реки Уруп были обнаружены странные кости, как позже выяснилось, они оказались костями ископаемого мастодонта. Сейчас в музее экспонируются челюсть, бивень и зубы этого животного.

В музее немало имеется окаменелых моллюсков, родственников нашей беззубки, раковин аммонита. Их обитатели – давно вымершие головоногие моллюски.

Природа и экономика района

Естественно, что всех, кто посещает историко-краеведческий музей, интересуют дела района, его природные условия, экономика.

В разделе «Природа и экономика» представлен животный и растительный мир Предгорья. Различные чучела птиц: орла, сыча, серой цапли, грача, золотистой шурки, пестрого дятла, красной пустельги, речной чайки и других птиц. Здесь дается представление о различных породах деревьев, произрастающих в районе, и минералах, которые можно обнаружить в горах. На территории Отрадненского района имеется

железо, киноварь, каменный уголь, бурый железняк, серый колчедан, сланцы и другие полезные ископаемые.

Местный промкомбинат, используя строительные материалы (камень, гипс, глину), изготавливает так необходимые в строительстве кирпич, черепицу, известь и т.д.

До сих пор в районе бережно выращивается сорт яблони, первым завезенный в Предгорье переселенцами сто лет тому назад. В музее имеются плоды такой яблони сорта «мастепановка».

Отрадненский район – один из крупнейших поставщиков шерсти и баранины в Краснодарском крае. В колхозе «Россия» ведется большая научная работа по выводу новых пород овец под руководством кандидата сельскохозяйственных наук, нашего земляка А. Ульянова. В музее представлены образцы шерсти, полученной в этом колхозе.

В отделе представлены многочисленные фотографии, рассказывающие об экономической жизни района.

Исторический отдел

Территория Предгорья богата грозными историческими событиями. Организаторы музея очень кропотливо собирали материалы по истории края. Так, в отделе истории имеется очень интересная карта Черномории 1857 года, т. е. того года, когда в наши места впервые пришли первые переселенцы.

Отрезанный от основных магистралей Кубанской области, предгорный край нуждался в хороших дорогах. И вот еще до революции возникла идея о прокладке железной дороги от города Армавира через Бескорбную, Попутную, Отрадную, Передовую, Зеленчукскую и далее на Старо-Желище. Грозные события Октябрьской революции и Гражданской войны не дали возможности осуществить смелый проект. Теперь предгорный край с Армавиром и Краснодаром связывает современная асфальтированная дорога.

Гражданская война! Огненным шквалом прошла она по полям и селениям Предгорья. Иногородние, беднейшее казачество безоговорочно встали на защиту новой народной власти. С портретов на посетителей музея смотрят мужественные лица героев Гражданской войны: первого командующего вооруженными отрядами Баталпашинского

отдела Балахонова, председателя Отрадненского ревкома Старцева, организатора советской власти в этой же станице Ивана Пузырева, чьим именем назван историко-краеведческий музей.

Героиня гражданской войны, славная дочь Кубани Татьяна Соломаха отдала свою жизнь за советскую власть также в предгорном крае. Дочь учителя из станицы Попутной Отрадненского района, она до последнего вздоха осталась верна великому делу освобождения своего народа. Татьяна погибла не одна, с нею вместе были казнены пять славных представителей семьи Корчагиных из станицы Малотенгинской. Будучи казаками, они порвали со своим сословием и бесповоротно встали на путь революционной борьбы. Богатое казачество люто отомстило отступникам – они были казнены жестокой казнью.

Один за другим проходят перед взором посетителей славные сыны народа, отдавшие свои жизни за народную власть. Среди них – Онуфрий Кизилов и Коновалов, первые командиры красных отрядов, чьими именами названы улицы в станице Отрадной.

Многие герои живы, и сейчас они окружены почетом и уважением: Никита Митрофанович Мищенко, первый военный комиссар, Назар Трофимович Шпилько, командир и комиссар, прошедший героический путь по степям Калмыкии, сражавшийся под Царицыным, освобождавший Украину, штурмовавший Перекоп и Крым; легендарный Чуйко.

Известно, что труженикам Кубани пришлось вести жестокую борьбу со всякими бандитами, засевшими в горах. Мученической смертью погиб комсомольский вожак Иван Жуков, он был зверски замучен бандитами атамана Васильева в станице Удобной.

Много славных страниц вписали отрадненцы и в историю Великой Отечественной войны. Портреты орденосцев, участников войны, также представлены в этом отделе.

Отдел культуры и искусств

Богата талантами народными земля Отрадненская. Двадцать пять лет тому назад страстная поклонница украинского искусства Лина Манжосова впервые поставила в самодеятельном музыкально-драмати-

ческом театре пьесу классика украинской литературы Квитко-Основьяненко «Сватанья на Гончаривцы». Одна за другой ставятся пьесы из украинского классического репертуара: «Бесталанна», «По ревизии», «Лимеривна», «Назар Стодоля», «Наталка Полтавка» и целый ряд других спектаклей.

Наряду с украинским коллективом в районе создан русский драматический самодеятельный театр. Особенно оживилась работа драматического коллектива с приходом в Дом культуры режиссера Серафимы Катрич. Зрители Отрадненского района посмотрели пьесы «Любовь Ани Березко», «Блудный сын», «Шестеро любимых», «Гроза». Недавно осуществлена постановка пьесы-сказки «Иван, крестьянский сын», которая пользуется большим успехом у юного зрителя.

7 апреля 1878 года в станице Отрадной родился талантливый русский певец, современник Федора Ивановича Шаляпина – Василий Петрович Дамаев. В музее бережно хранятся фотографии хаты, в которой родился певец, фото из различных опер и, наконец, две магнитофонные ленты с записями арий в исполнении Василия Петровича Дамаева.

В 30-х годах в редакции районной газеты «Красное знамя» работал литературным сотрудником советский писатель Семен Петрович Бабаевский. В 1959 году он приезжал в гости к землякам.

Советскому кинозрителю хорошо известна талантливая киноактриса Нонна Мордюкова, которая ярко исполнила роль Ульяны Громовой в кинофильме «Молодая гвардия» и множество других ролей.

Один из стендов отдела рассказывает о замечательных умельцах – отрадненских камнерезах, изделия которых известны далеко за пределами Краснодарского края. Сейчас в Отрадной ведется строительство камнерезной фабрики, крупнейшей на юге нашей страны.

Живопись в музее представлена картинами местных художников Александра Шиманского и Петра Митрофановича Галушко. Петр Митрофанович не только художник, но и талантливый скульптор. Выполненный им бюст Тараса Григорьевича Шевченко занял достойное место в недавно открывшейся в музее экспозиции украинской литературы и искусства. Музей уже несколько лет поддерживает тесные связи

с украинскими писателями и деятелями культуры. На Кубань приезжал молодой прозаик Сергей Плачинда. Его интересовала героическая жизнь славной дочери Кубани Татьяны Соломахи. Поездка получилась плодотворной. Посетители музея с интересом рассматривают книгу С. Плачинды «Таня Соломаха», которая издана на украинском языке.

В адрес музея в 1960 году поступило много посылок из различных городов Украины. Например, из Львова от сотрудников музея Марка Черемшина, которые прислали несколько книг. Поэт Микола Тарновский подарил музею фотографии памятника Тарасу Григорьевичу Шевченко, сооруженного в городе Палермо в Канаде. Центральный Дом народного творчества – богато иллюстрированную книгу «Думы» и коллекцию репродукций, иллюстраций произведений великого украинского Кобзаря. Михайло Стельмах подарил музею свою книгу «Хлеб и соль». З. Коцюбинская-Ефименко – книгу о классике украинской литературы Коцюбенском. «Кобзарь» Шевченко прислали в музей с дарственными надписями сын Ивана Франко Тарас, сын композитора Миколы Лысенко Остап и дочь драматурга М. Кропивницкого

– Ольга Кропивницкая.

В разделе «Культура и искусство» имеются стенды, посвященные местной печати, в частности работе газеты «Советское казачество», и местному литературному объединению.

Музей пользуется заслуженным вниманием со стороны тружеников района, его гостей, учащихся.

Во всех средних школах района созданы историко-краеведческие музеи, методическую помощь которым оказывает районное краеведческое бюро и историко-краеведческий музей.

Особого внимания заслуживает школьный музей интернациональной дружбы в Ильичевской средней школе № 9, где собраны богатейшие материалы, подарки из различных стран мира, особенно коллекция книг Владимира Ильича Ленина, изданных за рубежом. В Удобненской средней школе № 7 открыт историко-краеведческий музей, в котором собрано стрелковое оружие, предметы обихода и т.д.

С каждым годом пополняются фонды самодеятельного районного историко-краеведческого музея. Велика заслуга в этом местных краеведов.

II. АРХЕОЛОГИЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

С.Н. Малахов

К истории аланского православного календаря XI–XII вв.

(о времени появления празднования
Перенесения мощей
свт. Николая Мирликийского)

В статье обосновывается время появления названия месяца мая в аланском календаре, дошедшее до нас в форме «Месяц Николая» в народном осетинском календаре, и предлагается гипотеза, что подобное наименование могло появиться не ранее конца XI века.

Память о свт. Николае Мирликийском, одном из почитаемых святых в аланском православном пантеоне, отразилась в названии весеннего месяца, приходившегося на конец современного апреля – начало мая, и название его – *Никола ай* / *Луккур ай* (у дигорцев и балкарцев соответственно) – было связано с празднованием Николы «вешнего». В этот месяц начиналась пашня.

В.И. Абаев отмечал, что св. Николай был весьма почитаем у дигорцев в старину наряду со св. Георгием (*Wacgergi*) и св. Ильей (*Wacilla*) [1] и культ его был связан с земледелием. Праздник в честь св. Николая (Николай кувд) отмечается жителями с. Лезгор и окрестных сел Дигорского ущелья, этому же святому посвящено и «святилище» – пещерная часовня [2].

Унаследованный от алан месяц начала пахоты – *хычауман ай* у карачаевцев и балкарцев, как и у осетин (осет. *Хацаубон* – месяц Пасхи), в зависимости от времени наступления в горах весны, в одних случаях приходился на март-апрель, в других случаях – на апрель-май. В народной этимологии весенний месяц у карачаевцев и балкарцев обозначался через термин *луккур*, так называли коленообразную часть горского пахотного орудия – *сабан агъач*. [3]. В литературе утвердился тезис о том, что появление названия месяца мая в аланском календаре связано непосредственно с именем константинопольского патриарха Николая Мистика (901–906, 912–925), выступившего инициатором крещения алан [4],

однако это положение представляется спорным. Приведем ряд аргументов.

В богослужении на Православном Востоке придерживались трём Уставам (Типиконам): Великой церкви, Студийскому и Савваитскому Иерусалимскому. Устав Великой церкви сформировался на основе литургической практики Св. Софии Константинопольской, в календарном разделе которого было много местных (столичных) празднеств, в том числе и почитание святыми всех константинопольских патриархов, памяти их были объединены в группы по несколько святителей по хронологическому признаку, по мере изменения богослужебной практики, вытеснения Устава Великой Церкви другими уставами, особенно после 1204 г., память патриархов все меньше сохранялись в месяцесловах, особенно на периферии византийского церковного мира, что подтверждают в определенной степени древнерусские месяцесловы [5].

В источниках не сохранились сведения о том, по какому уставу (типикону) жила Аланская церковь, можно лишь только предполагать, что она придерживалась Устава Великой церкви и, возможно, память о патриархе Николае Мистике чтилась особо. Он был причислен Церковью к сонму святых, и *память его отмечалась 16 мая*. Однако маловероятно, чтобы его почитание приобрело такой размах, чтобы потом особо отразиться в народном календаре. Скорее всего, имело место наложение в праздновании памяти патриарха Николая Мистика с днями поминовения свт. Николая Мирликийского, приходящимися на май месяц церковного календаря.

Но до конца XI в. память о свт. Николае Чудотворце отмечалась в византийском календаре только 7 декабря. После перенесения мощей святителя из малоазийских Мир Ликийских в город Бари (Апулия, Южная Италия), составления клириком Никифором Пролога на перенесение мощей свт. Николая Чудотворца в 1087 г., занесения его в Римский мартиролог под 9 мая, начинают отмечать его память в Римской Церкви [6]. По наблюдениям церковных историков, вероятно, папа Урбан II установил праздник

Перенесения мощей 9 мая 1089 г. не для всей Римской Церкви [7], а только для местной, Апулийской, поэтому празднование его в ряде византийских митрополий не следует рассматривать как указание на некое подчинение Церквей, в частности русской митрополии, западной юрисдикции [8]. В русских летописях сообщение о перенесении мощей свт. Николая показывается под различными годами: 1087-м, 1089-м, 1095-м и 1096-м. Наиболее вероятно, что перенесение мощей из Мир Ликийских в Бар произошло в 1087 году – 9 мая выпадало тогда на воскресенье (Пасха была 28 марта). Установление этого праздника на Руси приписывают митрополиту Ефрему, управлявшему Киевской митрополией между владыками Иоанном III и Николаем (1091–1097) [9]. Но, скорее всего, правило отмечать это событие было узаконено уже при митрополите Иоанне II (1077–1089), при котором в Никоновской летописи и упоминается о перенесении мощей свт. Николая [10]. Такое быстрое признание его чудесного перемещения в Бари (мощи святителя были похищены 47 «барянами» из «турецкого» пленения), как и «слава» святителя как чудотворца способствовало усилению его культа не только на православном Востоке и в Италии, но и на Руси. Пытаясь определить причины популярности этого святого на Руси церковный исследователь Ф. Гусев пишет: «Главными же побуждениями к установлению праздника 9 мая в честь перенесения мощей святителя Николая служили, во-первых, глубокое уважение к святителю Николаю, издавна господствовавшие на всем Востоке и из Греции перешедшие в Россию; во-вторых, еще более, весть о многочисленных чудесах, какими сопровождалось перенесение мощей из Мир Ликийских в апулийский город Бар, где жили еще христиане православного вероисповедания, подведомые Царьградскому патриарху, хотя находились уже и латиняне; и, наконец, то важное обстоятельство, что во время самого перенесения мощей святителя Николая, архиепископа Мирликийского, Чудотворца, он и в Киеве совершил различные чудеса...» [11]. Появление древнерусских памятников, описывающих житие и чудеса святителя Николая Мирликийского, составленных иноком Печерского монастыря Ефремом, жившем в Константинополе в 1055–1073 гг., а позднее бывшем во главе Киевской митрополии, отражает возросший интерес к этому

святому на христианском Востоке во второй половине этого столетия [12].

Алано-византийские церковные и культурные контакты поездки аланской знати в Константинополь, прибытие греческих монахов в Аланию, служба аланских наемников в византийской армии способствовали укреплению и распространению культа свт. Николая, бывшего известным покровителем путешествующих по морю. Антропоним Николай был распространен как среди монашеской братии, так и прихожан Алании. Вероятно, аланы, посещавшие территорию Византию, имели возможность ближе познакомиться с местами почитания свт. Николая Мирликийского как до перенесения мощей, так и позже, когда в правление императора Иоанна II аланские дружины были в составе экспедиционного корпуса, воевавшего в 1156/57 гг. в Южной Италии, в районе городов Бари и Бриндизи [13]. Таким образом, есть основания утверждать, что в аланском календаре празднование памяти Николая Чудотворца, отразившееся со временем в названии весеннего месяца, приходящегося на конец апреля – начало мая, могло закрепиться уже после 1087/8 г. Следовательно, аланское название этого месяца, сохранившееся в дигор. *Никкола* отразило память о важном событии в восточнохристианском мире – перенесении мощей святителя Николая Мирликийского в Бари и указывает на древние христианские истоки формирования некоторых элементов народного календаря алан-осетин.

Конечно, можно допускать, что память о «вешнем Николе», отложившаяся в осетинском календаре, более поздняя и появилась под влиянием русских святцев с конца XVIII в., как результат деятельности русской православной миссии и никак не связана с аланским календарем. Но этой гипотезе противоречит название весеннего месяца в честь Николы и у балкарцев, которые не подвергались христианизации русскими миссионерами.

Остается невыясненным ещё одно обстоятельство – пути проникновения этой памятной даты в аланский и древнерусский месяцесловы. В греческих (византийских) святцах перенесение мощей свт. Николая (9 мая) не отмечается, а в южнославянских памятниках церковной письменности упоминание праздника св. Николы вешнего связано либо с западным, либо русским

влиянием. И возникает закономерный вопрос: если название аланского месяца мая древнее, то оно могло быть связано либо с древнерусским, либо западноевропейским влиянием.

Действительно: установление праздника «вешнего Николы» на Руси после 1091 г. исследователями традиционно приписывалось и приписывается многими современными исследователями русско-западнославянским языковым и культурным, в меньшей степени, – церковным связям [14]. Если следовать этому тезису, то тогда совершенно невозможно объяснить появление памяти о свт. Николае в аланском календаре, если только не признать, что он был установлен в честь патриарха Николая Мистика, или явился результатом алано-западных (католических) отношений. Но подобные выводы, на наш взгляд, выглядят поспешными.

Болгарский исследователь И. Дуйчев, например, считал, что введение данного праздника на Руси могло произойти через посредство сицилийских и южноитальянских греков, которые были хорошо знакомы с этой церковной датой [15]. Такой порядок не исключен был и для алан. Этот праздник был известен южноитальянским грекам, что подтверждается упоминанием его в Месяцеслове Кристоферратского монастыря [16] XIII в., но в собственно Византийской империи этот праздник, как считалось до недавнего времени, не был принят греческой православной церковью. Но и на католическом Западе чествование 9 мая свт. Николая не получило широкого распространения и имело характер местного апулийского праздника, отмечавшегося православными греками.

Апулия и Калабрия, как области населенные греками, считались особыми в конфессиональном отношении и даже выделялись в древнерусской книжности на карте католической Италии и Европы. В статье о «Франзах и прочих латынях» из Сборника преп. Кирилла Белозерского (1337–1427) (РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, № XII), в частности, сообщается, что «Калаври же христіане суть правоверніи издавна и въ обычайх апостольскыя църкве въспитане <...> чюжди варварьских ради обычаи...» [17]. Всё это дает основание исследователям утверждать, что празднование Перенесения мощей Николая Чудотворца, хотя и относится к

праздникам католической церкви, но его учреждение в Русской митрополии было «самостоятельной акцией Русской церкви» [18], несмотря на то, что праздник не входил в число официально признанных Константинопольской церковью. В.А. Мошин предполагал, что праздник на Руси был установлен между 1087–1090 гг., скорее всего, при посредстве дочери великого князя Всеволода – Евпраксии-Адельгейды, супруги императора Генриха IV, которая присутствовала при этом событии [19].

Установление праздника в честь перенесения мощей свт. Николая на Руси А.В. Назаренко связывает с прямыми контактами киевского князя Всеволода и папы Урбана II, идущими вразрез с интересами византийской дипломатии исходя из того, что перемещение мощей выглядело «похищением», поэтому праздника 9 мая греческая церковь никогда не знала, киевский митрополит-грек, по мнению исследователя, не мог санкционировать такой праздник, и его учредили только после смерти митрополита Иоанна III в 1091 г. не без согласия киевского князя. Более того, А.В. Назаренко полагает, что русские послы даже присутствовали осенью 1089 г. в Бари [20].

В данном случае для нас важно то, что инициатором учреждения праздника Перенесения мощей святителя на Руси выступила дочь князя Всеволода, представительница правящего великокняжеского рода, или лично сам киевский князь.

Установление в аланском календаре церковного праздника в память об этом событии также могло быть инициировано действиями эксусиократора Алании или членов его семьи по причинам особого почитания свт. Николая Мирликийского в среде аланских воинов-дружинников. В любом случае мы можем констатировать: празднование Перенесения мощей свт. Николая Чудотворца, приходящееся в святцах на 9 мая и закрепленное в аланском народном календаре в названии весеннего месяца, могло возникнуть в период с 1087 (или 1090 года) по 1158 год и было вызвано прямыми алано-греческими (южноитальянскими) или, что менее вероятно, – алано-русскими церковными связями. Как уже мною выше отмечалось, алано-греческие контакты в Южной Италии (приведшие к более близкому знакомству алан с почитанием свт. Николая в Бари) могли произойти

в период участия аланского контингента в военных действиях византийской армии в Италии в правление императора Иоанна II (1143–1118).

Однако, как показывают новейшие исследования [21], нельзя исключать и иной версии: праздник Перенесения мощей свт. Николая, арх. Мир Ликийских мог быть заимствован аланами в результате прямых алано-византийских церковно-культурных связей, что нашло отражение в названии весеннего месяца осетинского народного календаря. Дата 9 мая, как память о перенесении мощей Николая Чудотворца, присутствует не только в Типиконе Кристоферратского монастыря 1300 г., но также фиксируется в маргинальных записях Синаксаря Лейпцигского университета 1172 г. и синаксаре XII в. из Библиотеки университета в Мессине [22]. На основании латинской хроники Никифора (греческая редакция не позднее 1087/1088 г.), рассказывающей об экспедиции купцов из Бари в Миры Ликийские, было написано греческое Слово на перенесение мощей свт. Николая (BHG. N 1361b) [23]. В грекоязычной среде, о чем свидетельствует майская служебная Минея 1431 г. из Ватопедского монастыря, № 1145 (Афон), празднование перенесения мощей отмечалось ещё и 20 мая. Канон, посвящённый этому событию, был составлен монахом Иовом Мелисом. Возможно, им был церковный деятель, писатель и монах Иов Иасит Мелиас, советник константинопольского патриарха Иосифа I, автор Томоса против латинян, сосланный в Вифинию (Малая Азия) в 1275 г. [24]. Атрибуция этого канона Иову Мелису указывает на то, что перенесение мощей свт. Николая отмечалось не только 9 мая, но и 20 мая, по крайней мере, с последней четверти XIII в., и, несомненно, праздновалось в Византии [25].

Важно также отметить, что перенесение мощей в Бари состоялось в период кратковременного потепления отношений Византийской империи с Западом. В 1089 г. папа Урбан II (1088–1099) вновь активизировал политику по восстановлению церковного единства, нарушенного в ходе церковного раскола 1054 г. Как сообщается в хронике Бернольда, папа снял с византийского императора отлучение [26], а в обмен получил разрешение Алексея I Комнина (1081–1118) на возобновление запрещённого было опресночного богослужения в латинских

храмах на территории Византийской империи; также была достигнута договоренность о созыве церковного собора [27]. На этот период приходится два митрополичьих посольства в Италию: первое доставило послание киевского митрополита Иоанна II (до 1077/8–1089) антипапе Клименту III [28], а по итогам второго «грек митрополичь» Феодор (вероятно, в 1091/2 г.) от папы римского привез в Киев «много мощей святых» [29]. Стиль летописного сообщения о перенесении мощей также указывает на отсутствие конфронтации между восточной и западной церквями по поводу этого события, и значение его подчеркивается поименованием высших лиц Византии и Руси, в правление которых это произошло: «Пренесоша моши святого Николы от Миръ в Баръ при царе Алексии, при патриарсе Николѣ, при князи Всеволоде Киевском, при сыне его Володимере Черниговском» [30]. Перемещение мощей проходит как бы в грекоязычном «православном пространстве»: из Мир Ликийских в апулийский Бар.

Итак, возникшее «потепление» в церковных и политических связях между Византией и Западом и послужило той средой, которая временно содействовала укоренению, хотя и не повсеместному, празднования перенесения мощей Николая Чудотворца на восточнохристианскую почву, в том числе греческую, русскую и аланскую. Суммируя эти данные можно предполагать, что память о перенесении мощей из Мир Ликийских в греческих церквях на территории Византии могла уже отмечаться с середины XII в., а возможно и раньше, поскольку самая ранняя греческая маргинальная запись об этом событии относится к 1172 г. Эти данные не противоречат высказанному выше предположению о времени закрепления церковного празднования перенесения мощей свт. Николая Чудотворца в аланском календаре: в любом случае в Аланской митрополии это могло произойти не ранее 1087, но и не позднее 1172 г.

Примечания:

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. JL., 1973. Т. II. С. 181.
2. См.: Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. 1. С. 119–120; Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1989. С. 255.
3. Шаманов И.М. Календарь и календарная обрядность карачаевцев и балкарцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989. С. 17.

4. См.: *Шаманов И.М.* Календарь и календарная обрядность... С. 17. Автор путает имена, указывая, что «с именем византийского Николая Мистика (Мирликийского? – С.М.) – X в. – связано широкое распространение христианства на Северном Кавказе», и, вероятно, видит в наименовании месяца некую память о константинопольском патриархе, что выглядит неубедительно. М.Э. Мамиев прямо указывает, правда, отсылая читателя к работе А. Сланова (Традиционная духовная культура осетин. Учебное пособие. Владикавказ, 2007), что аланское христианское названия месяца мая – Никколаэ, дано «в честь константинопольского патриарха Николая Мистика» (Мамиев М.Э. Аланское православие: история и традиция. Владикавказ, 2014. С. 201).
5. *Лосева О.В.* Местные константинопольские праздники и их влияние на древнерусские календари // Историческая роль Константинополя (в память о 550-летию падения византийской столицы): Тезисы докладов XVI Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2003. С. 67–70.
6. Подробнее см.: *Антонин (Капустин)*, архимандрит. Перенесение мощей святителя и Чудотворца Николая из Ликии в Италию // Труды Киевской духовной академии. 1870. 2-я часть (май). С. 396–427; *Красовский А.* Установление в Русской Церкви праздника 9 мая в память перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бар-град // Труды Киевской духовной академии. 1874. Декабрь. С. 421–585.
7. *Meisen K.* Nikolauskult und Nikolausbrauch im Abendlande. Mainz, 1931. S. 190–192.
8. Русский этнограф А.В. Терещенко отмечает: «Праздник западной церкви (перенесение мощей св. Николая. – С.М.), отвергаемый греками, доказывает, что мы имели тогда дружеское сношение с Римом». См: *Терещенко А.В.* Быт русского народа. М., 1997. С. 308.
9. *Гусев Ф.* Житие святителя Николая Мирликийского. М.: Сретенский монастырь, 2005. С. 30–31.
10. «В лето 6596, месяца маия в 9 день, принесены быша мощи святителя Николы чудотворца от Мир в Бар» (НЛ. С. 186). Во второй выборке под 1088 г. в Новгородской Карамзинской летописи отмечено: «Пренесоша мощи святого Николы от Мирь в Барь при цари Алексии, при патриарсе Николе, при князе Всеволоде Киевском, при сыне его Володимере Черниговском» (ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 99).
11. *Гусев Ф.* Житие святителя Николая Мирликийского. М.: Сретенский монастырь, 2005. С. 31, 32.
12. См.: *Леонид (Кавелин) архим.* Житие и чудеса Николая Мирликийского и похвала ему. Исследование двух памятников древнерусской письменности. СПб., 1881; По смертные чудеса святителя Николая, архиепископа Мирликийского, Чудотворца. Памятник древнерусской письменности XI века: Труд Ефрема, епископа Переяславского (по пергаменной рукописи исхода XIV века библиотеки Троице-Сергиевой лавры, № 9) / Изд. Общества любителей древней письменности и искусства. СПб., 1888.
13. *Малахов С.Н.* Алания и Византия. Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. М., 2015. С. 91.
14. См.: *Соболевский А.И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии СПб., 1910. С. 172. Прим. 1 (=Отд. оттиск из Сб. ОРЯС. Т. 88.); *Шляпкин И.* Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам. СПб., 1881. (=Памятники древней письменности. Вып. 10); *Голубинский Е.* История русской церкви. Т. I. 1-я половина тома. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1901. С. 774; *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 21, 22; *Мурьянов М.Ф.* Святоша Никола // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1967/1968. Bd. 14; *Мошин В.А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей // Русь и южные славяне. СПб., 1998. С. 77.
15. *Duicev I.* Riflessi della religiosità italo-greca nel mondo slavo ortodosso // La Chiesa greca in Italia dall' 8 al 16 secolo: Atti del Convegno Storico Interecclesiale: Bari, 30 apr. – 4 magg. 1969. Padova, 1973. V. 1. P. 181–222.
16. *Toscani Th.* Ad Typica graecorum. Roma, 1864. P. 98–99; *Дмитриевский А.А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Толкѣа. Киев, 1895. С. 906, 907.
17. Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2003. С. 101.
18. *Лосева О.В.* Русские месящесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 102. Тезис о том, что празднование перенесения мощей св. Николая неизвестно восточной Церкви повторяется в новейших исследованиях, см.: *Фомина Т.Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014. С. 227.
19. *Мошин В.А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей // Русь и южные славяне. СПб., 1998. С. 77.
20. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 557, 558.
21. *Лосева О.В.* Известия о перенесении мощей свт. Николая Чудотворца из Мир в Бари (по греческой Афонской рукописи Vatopediou 1145, 1431 г.) // ВВ. 2006. Т. 65 (90). С. 186–190.
22. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Simondiano / Ed. H. Delehay. Bruxelles. 1902 (=Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris). Col. 665, 672.
23. *Anrich G.* Hagios Nikolaos. Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirche. T. 1. Leipzig, 1913. S. 435–449.
24. *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 677; *Macrides R.J.* Job // The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 2. New York; Oxford, 1991. P. 1042.
25. *Лосева О.В.* Известия о перенесении мощей свт. Николая Чудотворца из Мир в Бари (по греч. Афонской рукописи Vatopediou 1145, 1431 г.) // ВВ. 2006. Т. 65 (90). С. 187.
26. *Bernoldi Chronicon* / Ed. G.H. Pertz // MGH SS. T. 5. 1866. A.1089.
27. *Holtzmann W.* Unionsverhandlungen zwischen Kaisers Alexios I. Und Papst Urban II. im Jahre 1089 // BZ. 1928. Bd. 28. S. 38–67.
28. *Павлов А.С.* Критические опыты по истории древнейшей Греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 169–186; *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв.: Исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992. С. 30–35; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237) / Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Для русск. перев.; перев. А.В. Назаренко под ред. К.К. Аментьева. СПб., 1996. С. 285–290; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 358.
29. Под 6599 г. сообщается: «Того же лета приде Федор, грек митрополичь, от папы из Рима и принесе много мощей святых» (ПСРЛ. Т. 9. С. 116).
30. ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 98.

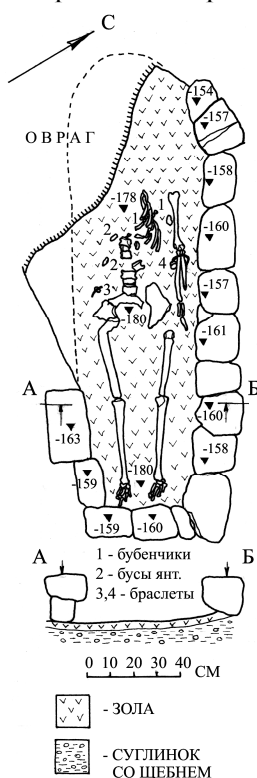
И.В. Цокур, А.В. Пьянков

Погребение № 28 из могильника «Набережный» городища Куныша Лабинского района Краснодарского края

В июле-августе 1994 г. Восточно-Закубанская археологическая экспедиция Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына (далее – КГИАМЗ) проводила охранно-спасательные работы на могильнике «Набережный» городища Куныша в Лабинском районе Краснодарского края. Руководила экспедицией И.В. Каминская (И.В. Цокур) [1].

Городище Куныша расположено в 6 км к югу от ст. Ахметовской, на окраине села Горного [2]. Городище открыто В.Н. Каминским в 1989 г. и тогда же были исследованы первые 14 погребений на могильнике [3]. В 1994 г. на участке некрополя, которому грозило уничтожение от расширяющегося оврага, были проведены спасательные раскопки. Всего в этот сезон было исследовано 49 погребений (№№ 15–63), при этом была продолжена нумерация захоронений, начатая В.Н. Каминским в 1989 г.

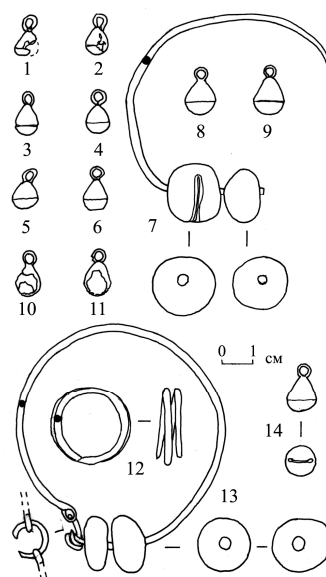
Ранее публиковались только 3 погребения из этого могильника [4]. Среди исследованных в 1994 г. погребений одно представляет особый интерес для специалистов, поскольку найденное в нём янтарное ожерелье имело на центральной детали изображение равноконечного креста, который мог быть символом личного христианского благочестия. Это обстоятельство позволяет нам опубликовать комплекс в отдельной работе. Ниже приводится его описание с иллюстрациями и краткий анализ.

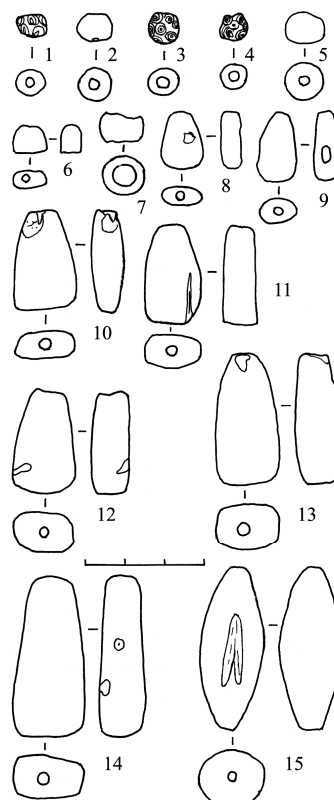
Рисунок 1. Могильник «Набережный», городище Куныша, раскопки 1994 г., план погреб. 28

Погребение № 28 (рис. 1) было открыто на правом берегу реки Гарнухи в южной части оврага, в его стенке впритык к улице

Набережной (в 10,8 м к югу от Р⁰) на глубине 1 м от поверхности земли (1,8 м от Р⁰) в слое суглинка с большим содержанием щебня. Захоронение частично обвалилось.

Рисунок 2. Могильник «Набережный», инвентарь погреб. 28: 1–6, 8–11, 14 – пуговицы-бубенчики; 7, 13 – браслеты с нанизанными бусинами; 12 – височное кольцо в 2 оборота. 1–6, 8–12, 14 – бронза; 7, 13 – бронза, янтарь

Рисунок 3. Могильник «Набережный», инвентарь погреб. 28: 1–15 – бусы. 1–7 – стекло; 8–15 – янтарь

Погребение было совершено в яме прямоугольной формы, с закруглёнными углами обложенной по периметру камнями – речными валунами: сохранились восточная и юго-восточная стенки на высоту 0,3-0,4 м. На дне зафиксирована угольная подсыпка толщиной 2-3 см. Яму заполнял жёлто-серый суглинок.

Погребение принадлежало женщине. Из костей сохранилась левая часть грудной клетки, кости левой руки, нижняя часть позвоночного столба, часть костей таза и кости обеих ног.

Костяк лежал вытянуто на спине верхней частью на северо-запад, левая рука была вытянута вдоль туловища, ноги – вытянуты параллельно друг другу и туловищу.

В погребении был обнаружен следующий инвентарь:

- в области грудной клетки между ребер находилось скопление бронзовых пуговиц-бубенчиков (10 экземпляров, рис. 1, 1) грушевидной формы с петлёй для крепления в верхней части и двумя круглыми сквозными отверстиями, соединёнными узкой щелью. Внутри находился небольшой кусочек металла, создающий шумящий эффект. Размеры: h – 12-18 мм, d – 8-11 мм (рис. 2, 1–6, 8–11);

- справа от позвонков лежали две крупные янтарные бусины эллипсоидной формы с продольным сквозным отверстием (рис. 1, 2); размеры: h – 45x20 мм, d – 0,2 мм, 2) h – 36 мм, d – 0,2 мм (рис. 3, 15; 4, 2);

- справа в 12 см от поясничных позвонков были найдены фрагменты бронзового браслета (рис. 1, 3), из проволоки круглой в сечении с сужающимися концами, на которые нанизаны по две янтарные бусины в форме уплощенного шара; размеры: d браслета – 7,1 см, d проволоки – от 0,13 до 0,3 см; бусина 1: h – 18 мм, d – 21 мм, бусина 2: h – 12 мм, d – 18 мм (рис. 2, 7);

- на левом предплечье находился браслет (рис. 1, 4), из круглой в сечении проволоки с сужающимися концами загнутыми в петли. Петли соединены разомкнутым кольцом из проволоки. На один из концов браслета нанизаны две янтарные бусины в форме уплощенного шара; размеры: d браслета – 7,6x6,9 см, d дрота – от 0,1 до 0,3 см; бусина 1: h – 7 мм, d – 17 мм, бусина 2: h – 11 мм, d – 19-17 мм (рис. 2, 13);

При разборке погребения в области грудной клетки открыто скопление следующих предметов:

- височное кольцо из круглой в сечении проволоки в 2 оборота, размеры: d кольца – 25 мм, d дрота – 3 мм (рис. 2, 12);

- бусины пастовые черного цвета шаровидной формы, уплощенные, отверстие коническое (2 экз.). Размеры: h – 7 мм, d – 8 мм, d отв. – 3-2 мм (рис. 3, 2);

- бусина пастовая черного цвета в форме уплощенного шара, частично разрушена. Отверстие крупное цилиндрическое, размеры: h – 6 мм, d – 11 мм, d отв. – 5x6 мм (рис. 3, 7);

- янтарная бусина конической формы, с продольным отверстием, сохранилась на 2/3 части, размеры: h – 7 мм, s – 9 мм, t – 5 мм, d отв. – 2 мм (рис. 3, 6);

- пуговицы-бубенчики бронзовые грушевидной формы, 8 фрагментов;

Дождевые потоки вымыли из обнажённой обвалом северо-западной части погребения следующие предметы:

- бусины пастовые черного цвета в форме уплощенного шара, отверстия конической формы (6 экз.). Размеры: h – 5-8 мм, d – 9-11 мм, d отв. – 3-2 мм (рис. 3, 5);

- бусины янтарные трапециевидно-призматической формы, уплощенные, с продольным отверстием небольшого размера (2 экз.). Размеры: 1) h – 15 мм, s – 12 мм, t – 5 мм, d отв. – 2 мм; 2) h – 17 мм, s – 10 мм, t – 6 мм, d отв. – 2 мм (рис. 3, 8, 9);

- бусины янтарные трапециевидно-призматической формы, уплощенные, с продольным отверстием среднего размера (4 экз.). Размеры: 1) h – 25 мм, s – 15 мм, t – 9 мм, d отв. – 2 мм; 2) h – 25 мм, s – 14 мм, t – 8,5 мм, d отв. – 2 мм; 3) h – 26 мм, s – 16 мм, t – 11 мм, d отв. – 2 мм; 4) h – 33 мм, s – 16 мм, t – 12 мм, d отв. – 2 мм (рис. 3, 10–13);

- бусины янтарные трапециевидно-призматической формы, уплощенные, с продольным отверстием крупного размера (4 экз.). Размеры: 1) h – 40 мм, s – 18 мм, t – 11 мм, d отв. – 2 мм; 2) h – 48 мм, s – 24 мм, t – 12 мм, d отв. – 2 мм; 3) h – 46 мм, s – 19 мм, t – 10,5 мм, d отв. – 2 мм; 4) h – 42 мм, s – 19 мм, t – 11 мм, d отв. – 2 мм (рис. 3, 14; 4, 3, 4, 6);

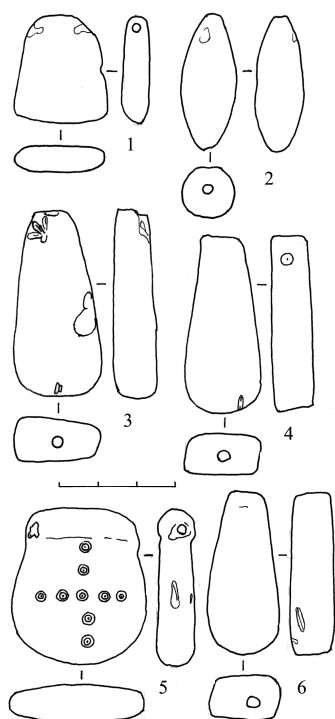
- бусины пастовые чёрного цвета с глазками из белых двойных ободков, неправильной шаровидной формы, уплощенные, отверстия конической формы (3 экз.). Размеры: 1) h – 5 мм, d – 8 мм, d отв. – 3-2 мм; 2) h – 8 мм, d – 8 мм, d отв. – 3-2 мм; 1) h – 7 мм, d – 7 мм, d отв. – 3-2 мм (рис. 3, 1, 3, 4);

– пуговица-бубенчик бронзовая грушевидной формы в верхней части имеется проволочная петля для крепления, в нижней части – два круглых сквозных отверстия, соединённые узкой щелью. Внутри пуговицы находится кусочек металла, создающий шумящий эффект. Размеры: h – 16 мм, d – 10 мм (рис. 2, 14);

– пуговицы-бубенчики, 2 фрагмента, бронзовые грушевидной формы с проволочной петлёй для крепления в верхней части и двумя круглыми сквозными отверстиями, соединённые узкой щелью. Внутри для шумящего эффекта находится кусочек металла. Размеры: 1) h – 6 мм, d – 6 мм, h – 6 мм, d – 3 мм;

– раковина каури с отверстием в узкой части, размеры: 22x18x7 мм.

– бусина-подвеска янтарная, красно-коричневого цвета, полупрозрачная, формы близкой к трапециевидной призме с закруглёнными углами и выделенным горизонтальным валиком с отверстием в нём, на лицевой стороне нанесён круглыми углублениями равноконечный крест, размеры: h – 40 мм, s – 35 мм, t – 10 мм, d отв. – 2 мм (рис. 4, 5).

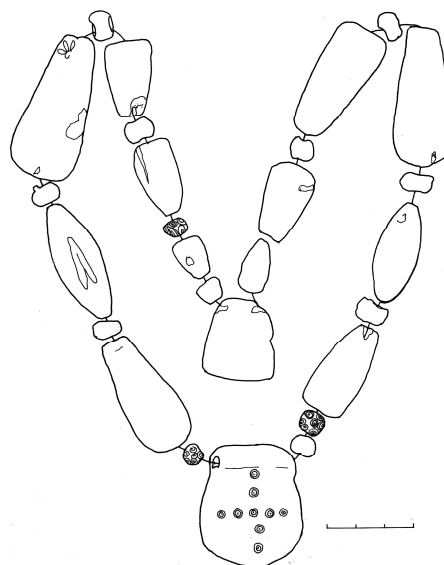

Рисунок 4. Могильник «Набережный», инвентарь погреб. 28:

1–6 – бусы и подвески. 1–6 – янтарь

– бусина-подвеска янтарная, красно-коричневого цвета, полупрозрачная, непра-

вильной трапециевидно-призматической формы и горизонтальным отверстием у верхнего края. Размеры: h – 28 мм, s – 24 мм, t – 7 мм, d отв. – 2 мм (рис. 4, 1).

Рисунок 5. Могильник «Набережный», инвентарь погреб. 28: ожерелье из бус.
Реконструкция И.В. Цокур

Набор бус, вероятнее всего, составлял ожерелье. Возможная реконструкция выполнена автором раскопок и приведена на отдельной иллюстрации (рис. 5). Несомненно, центральным украшением ожерелья являлась бусина-подвеска с изображением креста.

Основание для датировки погребения дают браслеты с нанизанными бусинами. Подобные браслеты были найдены в могильнике Колосовка на реке Фарс в Адыгее. Предварительную публикацию материалов осуществил автор раскопок П.А. Дитлер [5]. В погребении 1 1964 г. находился браслет из серебряного дрота с завязанными концами и с нанизанными на него тремя бусинами из глухого стекла [6]. Автор датировал могильник суммарно X–XI вв. [7]. Пять лет назад Национальный музей Республики Адыгея выпустил альбом «Художественное золото и серебро Адыгеи», где были опубликованы ещё 2 браслета из могильника Колосовка. Браслеты были гибкие из плетёной серебряной проволоки и с нанизанными бусинами: металлическими и одной глухого стекла, датированные в каталожной статье X–XI вв. [8]. Авторы ранее высказывались в научной литературе, что погребения могильника Колосовка-1, как курганные, так и грунтовые датируются второй половиной X – первой половиной XI вв. [9].

Вероятно, этим же временем (втор. пол. X – пер. пол. XI вв.) должен датироваться и дровотый браслет с металлической и стеклянной бусинами, опубликованный среди новых поступлений Краснодарского музея в альбоме «Возвращённые сокровища», и ошибочно отнесенный к древностям скифского времени [10].

Круглые височные кольца из проволоки бронзовой и из драгоценных металлов разного размера и с разным количеством оборотов были распространены на Северо-Западном Кавказе после X в. вплоть до начала позднесредневекового периода и позднее. Например, они есть в комплексах X–XII вв. в могильниках на горе «Параход», в Церковной щели у Нижне-Архызского городища в Карачаево-Черкесии [11] и в погребениях могильника Циплиевского в Западном Закубанье датирующихся XII в. [12].

Бронзовые пуговицы-бубенчики известны на Северном Кавказе во многих некрополях домонгольского времени. Например, в Змейском могильнике в северной Осетии [13] и в закубанских могильниках Колосовка, Черноклён и Циплиевский датирующихся в пределах X – начала XIII [14].

Таким образом, погребение может датироваться всем временем существования Аланского царства на Северо-Западном Кавказе, в границах которого находится археологический комплекс Куньша, т.е. X – первой половиной XIII вв. По аналогиям браслетам датировку погребения можно сузить и датировать в пределах второй половины X–XII вв.

Рассматриваемое захоронение из могильника на ул. Набережной совершено в составном каменном ящике по ингумационному обряду, костяк лежал вытянуто на спине, головой в западный сектор, что характерно для других погребений некрополя городища «Куньша» [15], комплекса памятников аланской археологической культуры [16].

Нас не должно удивлять, что в погребении с предметом личного христианского благочестия находились и другие женские украшения: височные кольца, браслеты с янтарными бусинами, богатое ожерелье из крупных янтарных и стеклянных бус, включая дорогие полихромные. Состоятельная горожанка вполне могла быть христианкой, поскольку христианство в средневековой Алании было синкретичным и допускало в быту языческие черты [17].

Введение в научный оборот данного погребения пополнит базу данных по христианизации населения Западной Алании.

Примечания:

1. Каминская И.В. Отчет об охранно-спасательных раскопках могильника городища Куньша в Лабинском районе и могильника Трубный в Отрадненском районе Краснодарского края в 1994 г. Краснодар, 1995 // НА КГИАМЗ. № 528; Каминская И.В. Альбом № 1 к отчету И.В. Каминской об охранно-спасательных раскопках могильника городища Куньша в Лабинском районе и могильника Трубный в Отрадненском районе Краснодарского края в 1994 г.
2. Информация о городище: Каминская И.В. Новые материалы алано-византийских отношений в эпоху Средневековья на Северо-Западном Кавказе // Российское византиноведение: итоги и перспективы: Тезисы докладов и сообщений. М., 1994. С. 56–57; Она же. Захоронения с альчиками из грунтового могильника городища Куньша // Древности Кубани: Материалы семинара, посвященного 85-летию Н.В. Анфимова. Краснодар, 1997. С. 27–28; Каминский В.Н., Каминская И.В. Куньша городище // Энциклопедический словарь по истории Кубани: с древнейших времен до октября 1917 года / Составитель, научный редактор Б.А. Трехбратов. Краснодар, 1997. С. 238; Цокур И.В. Город на караванной тропе // Голос минувшего. Краснодар, 2000. Вып. 2.; Она же. Аланское городище в бассейне р. Большая Лаба // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 286, 287.
3. Каминский В.Н. Отчёт о разведках в Лабинском районе Краснодарского края в 1990 году // Научный архив КГИАМЗ. № 491.
4. Каминская И.В. Захоронения с альчиками из грунтового могильника городища Куньша. С. 27–30. Рис. на стр. 29.
5. Дитлер П.А. Могильник Колосовка № 1 (Раскопки экспедиции АНИИ 1962 г.) // Вопросы археологии Адыгее / Отв. ред. П.У. Аутлев. Майкоп, 1985. С. 114–136. Табл. I–V.
6. Там же. С. 128. Табл. V, 1.
7. Там же. С. 134.
8. Художественное золото и серебро Адыгее / Сост. и авт. текстов: Ф.К. Джигунова и др. Майкоп, 2012. С. 41. № 49.
9. Пьянков А.В., Цокур И.В. О реконструкциях сабли из могильника Колосовка-1 (Адыгея) // Военная археология: Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Выпуск 2. М.: Русская панорама, 2011. С. 160.
10. Возвращённые сокровища Кубани: Альбом / Сост. и авт. текстов А.В. Пьянков, Т.В. Юрченко, Е.А. Хачатурова. Краснодар, 2014. С. 75, верхняя ил.
11. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь, 1993. С. 149. Рис. 79, 7; 115, 10, 11.
12. Пьянков А.В. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея. Абинск, 2000. Вып. 3. С. 21. Рис. 4, 19.
13. Кузнецов В.А. Исследование Змейского катакомбно-могильника в 1958 г. // Средневековые памятники Северной Осетии. (=Труды Северо-Кавказской экспедиции 1968–1969 гг., том II) / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Из-во АН СССР, 1963. (МИА № 114). С. 13. Рис. 4.
14. Дитлер П.А. Могильники в районе посёлка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгее / Под ред. Н. Анфимова. Майкоп, 1961. Том II. С. 153, 163. Табл. XI, 2; XIX, 6; Пьянков А.В. Средневековый могильник Черноклён из Краснодарского края // Крупновские чтения: Тезисы доклада конференции XV по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 63, 64; Она же. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский... С. 21. Рис. 4, 8; 5, 4.
15. Каминская И.В. Захоронения с альчиками... С. 27–30.
16. Цокур И.В. Аланское городище... С. 286, 287.
17. Малахов С.Н. Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей: избр. ст. / Ин-т истории и археологии РСО-Алания. М.: СЕМ, 2015. (Аланская старина. История и культура). С. 31.

А.В. Пьянков, Т.В. Юрченко

Номисма стамена Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.)

из новых поступлений в КГИАМЗ

Год назад авторы этой публикации издали работу, в которой было дано полное описание номисмы стамены из фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына (далее – КГИАМЗ), а также приведены сведения об обстоятельствах находки монеты, её снимок и метрические данные [1]. К моменту выхода упомянутой статьи из печати авторы не знали о втором экземпляре номисмы стамены императора Никифора III Вотаниата, аналогичном публикуемому, имевшемся в музее. В 2011 г. из ФСБ в КГИАМЗ была передана большая коллекция древностей, конфискованная у контрабандистов и их сообщников [2]. Вещи были переданы по общим спискам, составленным наспоро, без точного описания предметов. Приёмка на хранение этих вещей затянулась, так как артефакты требовали квалифицированного описания, а общее количество предметов насчитывало более 7000. В 2016 г. при разборке последней партии конфиската была выявлена византийская электрова монета. Точное место находки номисмы стамены неизвестно, хотя значительная часть вещей этой коллекции происходит из Краснодарского края [3], а средневековые предметы – из юго-восточной части края, с территории исторической Западной Алании [4]. Далее приводится описание и метрические данные публикуемой монеты.

Рисунок 1. Номисма стамена византийского императора Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.), а, b – лицевая и оборотная стороны. Особая кладовая КГИАМЗ. Из поступлений 2011 г. Фото А.В. Пьянкова

Описание монеты. Номисма стамена (рис. 1, а, b) выпукло-вогнутой формы им-

ператора Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.), по внешнему виду электр, не апробирована. Вес: 4,39 г, диаметр: 29х27,5 мм, соотношение осей: 6 час. КМ 13913/162.

Л.с.: погрудное изображение Иисуса Христа в нимбе с крестом из двойных линий, внутри трёх ветвей по две «жемчужины», одет в тунику и гиматий; правая рука поднята для «благословления» (или отстраняет край гиматия), левая держит Евангелие; по сторонам бюста: «IC–XC» под титлами; двойной точечный ободок.

О.с.: погрудное изображение императора Никифора Вотаниата анфас, с короткой бородой, в короне с подвесками, увенчанной крестом, одет в лорос; в правой руке – крест на длинном древке, в левой – держава с крестом; легенда: «+НИК Н ФР ΔΕΣΠ,Τ»; двойной точечный ободок.

Сохранность. На обеих сторонах заметны участки плохого оттиска штемпеля: на аверсе смазаны верхняя часть нимба и двойного ободка над головой Христа; на реверсе не оттиснуты половина внешнего и правая часть внутреннего двойного ободка, имеются две трещины монетного кружка.

Номисма стамена с бюстом Христа на лицевой стороне и бюстом императора Никифора Вотаниата на оборотной представляет собой отдельный тип электрова монеты, который составителями каталога коллекций Думбартон Оукс и Виттемора выделены в класс I, датирующийся всем периодом правления Никифора, т.е. апрелем 1078 – апрелем 1081 гг. [5].

В упомянутом каталоге коллекции Думбартон Оукс и коллекции Виттемора были опубликованы 4 электрова монеты Никифора III Вотаниата этого класса [6]. В Британском музее хранятся, по крайней мере ещё 4 таких же номисмы [7]. Ранее о монетах этого класса писал Ж. Сабатье [8]. В собрании византийских монет И.И. Толстого имелся один экземпляр подобной номисмы стамены, купленный им в Крыму [9]. Сегодня эта коллекция хранится в Эрмитаже. Ещё один экземпляр монеты Никифора III из случайных находок на территории городища Фанагории 1950 г., приобретённый Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, был опубликован Л.П. Харко в 1968 г. [10]. Судя по снимку, помещённому в публикации, фанагорийская стамена так же относится к I классу монет императора Никифора Вотаниата, согласно классификации А. Беллинджера и

Ф. Грирсона. Автор пишет, что она из низкопробного серебра, но не приводит её пробы [11].

К перечисленным монетам следует добавить номисму стамену Никифора III Вотаниата, найденную в дельте Дона в разрушенном кочевническом погребении № 1 могильника Бубнов Ерик IV в 1985 г. и опубликованную И.Н. Парусимовым [12]. Судя по описанию и рисунку, эта монета так же должна быть отнесена к I классу по классификации, использованной в публикации коллекций Думбартон Оукс и Виттемора.

Упомянутыми выше экземплярами электроновых монет общее количество номисм Никифора III Вотаниата не исчерпывается: авторам стало известно ещё об одной номисме стамене I класса, хранящейся в Анапском археологическом музее и подготовленной сегодня к публикации³.

Ещё одна электроновая монета Никифора III Вотаниата была сравнительно недавно найдена в окрестностях Варнавинского водохранилища (Абинский район Краснодарского края) и сегодня хранится в частной коллекции⁴. По непроверенным сведениям, в этом же месте ранее были найдены ещё 4 такие монеты (2 целых экз. и 2 четвертинки).

Общее количество электроновых монет Никифора III Вотаниата на Юге России вместе с последними находками достигло 7 экз. Если же учесть непроверенные сведения, то можно говорить и о большем количестве.

Таким образом, мы имеем дело с заметным увеличением находок в регионе номисм византийского императора, правившего всего 4 года. Возможно, увеличение поступлений электроновых монет императора Никифора III произошло после интернирования князя Олега (Михаила) Святославича и восстановления византийской власти над Таматархой (Тмутараканью) в 1079 г., что сказалось на политической и экономической активности византийцев в эти годы. Или это произошло при следующем императоре – Алексее I Комнине (1081–1118), который укрепил контроль империи над Матархой (Тмутараканью). Вероятно, после возвращения князя Олега (Михаила) из ссылки и восстановления его в качестве правителя

Матархи, на правах условного владельца, политические и экономические связи Византии с Северо-Восточным Причерноморьем и Северо-Западным Кавказом резко активизировались. Но этот вопрос требует отдельного изучения.

Примечания:

1. Пьянков А.В., Юрченко Т.В. О номисме Никифора III Вотаниата, найденной на Ильичёвском городище // Отрадненские историко-краеведческие чтения / Науч. ред. С.М. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир – Отрадная: Изд-ль Шурыгин В.Е., 2016. Выпуск IV. С. 34–38. Рис. 1, а, б.
2. Власенко М.Б. К читателю // Возвращенные сокровища Кубани / Сост. и авторы текста А.В. Пьянков, Т.В. Юрченко, Е.А. Хачатурова. Краснодар: Традиция, 1914. С 4, 5.
3. Возвращенные сокровища... С. 6.
4. Там же. С. 68.
5. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Edited by A.R. Bellinger and Ph. Grierson. Vol. 3. Leo III to Nicephorus III 717–1081 by Ph. Grierson. Part II. Basil I to Nicephorus III (867–1081). Washington: Dumbarton Oaks, 1993. P. 821, 822, 824. Kat. 1.1–4. Pl. LXIX, 1.3; 1.4.
6. Ibidem.
7. Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British Museum. Vol. 2. London, 1908. P. 535. №№ 1–4. Pl. LXIII, 4.
8. Sabatier J. Description Generale des Monnaies Byzantines. T. II. Paris, 1862. P. 180. Tabl. LI, 14.
9. Толстой И.И. Византийские монеты. Барнаул, 1991. Вып. 10. С. 98. № 1. Табл. 85, 1.
10. Харко Л.П. Монетные находки из Фанагории // Сообщения государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина / Под ред. Н.А. Сидоровой. М., 1968. Вып. IV. С. 97, 98. Рис. 3, 2.
11. Там же. С. 98.
12. Парусимов И.Н. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Москва / Иерусалим: Гешарим; 2007. Вып. II. С. 315, 317. Рис. 6, 5.

Ю.В. Зеленский

Половцы и аланы: этапы взаимоотношений

Проблемы взаимоотношений Древней Руси и древнерусских княжеств XII–XIII вв. с половцами достаточно подробно рассматривались в древнерусских летописях. Вопрос о пребывании половцев в Грузии освещался в грузинских средневековых хрониках.

Гораздо менее подробно рассматривались в письменных источниках проблемы взаимоотношения половцев с народами Северного Кавказа. Это касается, прежде всего, взаимоотношений кочевников со средневековыми аланами.

В.А. Кузнецов предположил, что алаано-половецкие отношения прошли через два основных этапа:

³ Авторы благодарят за информацию о монете Никифора III Вотаниата сотрудника Анапского археологического музея А.М. Новичихина.

⁴ Приносим искреннюю признательность за эти сведения жителю г. Абинска краеведу В.П. Понаморе́ву.

1) период враждебных отношений и вооружённой борьбы;

2) период мирных отношений и сближения.

Исследователь считает, что половцы появились в степях Северного Кавказа в середине XI в., одновременно с расселением их в южнорусских степях [1]. Д.А. Расовский предположил, что половцы не достигали предгорий Кавказа. «Предкавказские степи занимали аланы и ряд других мелких кавказских народов» [2]. В.А. Кузнецов предположил, что это не соответствует показаниям археологических источников [3]. Однако непонятно, о каких археологических источниках идёт речь. У нас нет сведений о появлении и пребывании половцев в Предкавказье в середине – конце XI в.

Т.М. Минаева связала с половецким вторжением затухание жизни на некоторых аланских городищах [4]. В частности, именно этим объясняется появление кочевнических погребений у аула Кубина в Карачаево-Черкесии [5]. Однако данное явление необязательно можно объяснять именно этими причинами. Мы видим, что у нас нет оснований говорить о каких-либо взаимоотношениях половцев и алан в XI в.

Русские князья в начале XII в. от обороны границ своих владений переходят к походам против половцев. В 1111 г. был совершён поход на Дон (Северский Донец), в результате этого похода половцы были разгромлены. В 1116 г. поход был повторён.

Считается, что в результате одного из этих походов половцы во главе с Атраком откочевали в Предкавказье, а затем в Грузию [6]. А.В. Гадло отмечает: переселение половцев в Предкавказье негативно сказалось на состоянии Алании. По его мнению, это было связано с тем, что половецкое вторжение мешало аланам в проникновении в степи. Нарушился отгонный скотоводческий цикл, и осложнилось развитие земледелия в предгорьях [7].

Для переселения половцев в Грузию необходимо было договориться с аланами, которые контролировали горные проходы. Действовать без их согласия половцы не могли. Описывая процесс переселения донских половцев в Грузию, придворный историк царя Давида IV Строителя сообщал, что «овсы (аланы) и кипчаки (половцы) отдали царю заложников и заключили между собой соглашение» [8]. Только после этого по-

ловцы сумели пройти через территорию Алании. Никаких военных столкновений между половцами и аланами не зафиксировано. Если половцы и перекочевали в Предкавказье, то это произошло после похода русских князей на Дон в 1116 г. В Грузию они переселились в 1118–1120 гг. Во время войн Давида IV с сельджуками в его войске были как аланы, так и половцы.

Интересно, что о взаимоотношениях алан и половцев в 30-х гг. XII в. – начале XIII в. нам ничего не известно. Грузинские исторические хроники об этих фактах не сообщали. Нет сведений о взаимоотношениях половцев и алан во время возвращения Атрака в донецкие степи и во время переселения так называемых «новых» кипчаков в Грузию в конце XII в. Тем не менее, даже такой кратковременный контакт, имевший место во время переселения половцев в Грузию, можно считать первым этапом половецко-аланских взаимоотношений.

В 1222 г. во время похода монголов во главе с Джебе и Субеем произошло сражение монголов против объединённого алано-половецкого войска. Это сражение не принесло никому успеха. Арабский историк XIII в. Ибн-ал-Асир писал: «Перебравшись через Ширванское ущелье татары двинулись по этим областям, в которых много народов, в том числе аланы, и лезгины, и (разные) тюркские племена... Они ограбили и перебили много лезгин, которые были (отчасти) мусульмане, (отчасти) неверные. Нападая на жителей этой страны, мимо которой они проходили, они прибыли к аланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Они (аланы) употребили всё своё старание, собрали у себя толпу кипчаков и сразились с ними (татарами)» [9].

После этого сражения монголы обратились к половцам с предложением отказаться от союза с аланами. Они сказали: «Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесём вам денег и одежды, сколько хотите; оставьте нас с ними». Уладило дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одеждах и пр.» [10]. Соблазнившись подарками, половцы покинули территорию Предкавказья. Разгромив алан, монголы напали на половцев и разгромили их. Эти события можно рассматривать как второй этап взаимодействия алан и половцев.

Мы видим, что и в начале XIII в. взаимоотношения алан и половцев были весьма напряжёнными. Кочевники воспользовались малейшим предлогом и отказались от непрочного союза.

Таким образом, можно сделать вывод, что взаимоотношения алан и половцев были, скорее всего, напряжёнными и возможно нейтральными. У нас нет прямых свидетельств о военных конфликтах между половцами и аланами. Но и говорить о дружественных отношениях весьма сложно. Военный союз, сложившийся во время монгольского похода 1222 г. оказался непрочным и не выдержал серьёзного испытания. Так что говорить о прочном содружестве половцев и алан нельзя.

Примечания:

1. Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 32.
2. Расовский Д. Половцы, торки, печенеги, берендеи. М., 2017. С. 58.
3. Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. С. 32.
4. Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по истории Ставропольского края. Ставрополь, 1964. Вып. 11. С. 194.
5. Там же. С. 168.
6. Каргалов В.В. Русь и кочевники. М., 2004. С. 57.
7. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа в X–XIII вв. СПб., 1994. С. 164.
8. Анчабадзе З.В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. // Материалы сессии о происхождении балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960. С. 118.
9. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 25.
10. Там же.

С.Н. Малахов

Аланская митрополия и аланы в конце XVI – начале XVII в. К вопросу об аланском компоненте в этнической структуре митрополии

Последнее свидетельство, подтверждающее существование Аланской митрополии, относится к концу XVI в. В 1589 г. решался вопрос об учреждении Патриаршества в России. Константинопольский патриарх Иеремия II выехал из Москвы в мае 1589 г. и прибыл в Константинополь лишь весной 1590 г. Стремясь как можно быстрее реализовать договоренности, достигнутые в Москве, облегчить тяжелое материальное положение Константинопольской патриар-

хии путем получения богатых даров из России за утверждение Московского патриаршества, предстоятель греческой церкви созвал собор, и, несмотря на отсутствие большого числа его участников, утвердил соборной грамотой поставление Иова.

Патриарх Иеремия II пытался придать собору более представительный характер, были приглашены все иерархи, даже из самых отдаленных мест, подконтрольных Константинопольскому патриархату, но они не смогли приехать вовремя. Акт заседания Константинопольского собора 12 февраля 1593, о поставлении Иова главой Русской православной церкви был подписан именами 42 иерархов греческой церкви. Но из-за неявки многих владык чиновникам Константинопольской патриархии пришлось самостоятельно воспроизвести подписи всех отсутствующих членов собора [1]. Среди неприбывших в Константинополь был и митрополит Алании Пахомий (ὁ Ἀλανίας Παχόμιος). Можно уверенно полагать, что он был митрополитом и возглавлял Аланскую епархию между 1590–1593 гг. Что стало причиной его неявки на собор – отдаленность, нехватка средств, враждебное отношение турецких властей – об этом мы можем только догадываться. Аланская митрополия ещё является составной частью территорий, подконтрольных Константинопольскому патриархату, но о реальных ее границах, этническом составе, местоположении сведений не сохранилось.

Нет данных об Аланской митрополии и в русских источниках, несмотря на внешнеполитическую активность России на Кавказе в конце XVI в., которая, казалось, должна была способствовать расширению сведений о Северном Кавказе и народах, исповедующих христианство. С конца 70-х гг. укрепляются контакты с кабардинскими князьями, приведшие к принятию ими коллективной присяги и заключению в 1588 г. союза Кабарды с Россией против Крымского ханства и Османской империи. В 1587 г. царь Кахетии Александр признал себя вассалом московского царя и просил защиты от войск турецкого султана. Однако военные действия против ряда дагестанских правителей в поддержку Кахетии, вероятно, отвлекли внимание России, не содействовали налаживанию отношений с христианскими общинами в горных ущельях Северного Кавказа, кроме того, усиливался процесс

этнизации христианства по мере угасания византийской культурной традиции и исламизации территорий, не только подконтрольных, но и сопредельных Османской империи.

Была ли Аланская епархия уже номинальным диоцезом, в котором от алан осталось лишь историческое название епархии, или определенные группы аланского населения еще присутствовали в Западной Алании, включавшей верховья Кубани, часть Пятигорья, горные районы Карачая и Балкарии – вопрос в историографии остается до сих пор открытым и дискуссионным. Объясняется это слабой обеспеченностью этого периода источниками, в недостаточной степени изучены и материальные памятники.

Категорически считать, что после нашествия Тимура Тамерлана аланы полностью покидают западные области средневековой Алании, вероятно, будет неверно.

Память об Алании ещё сохраняется в европейской картографии. И это связано не только с инерцией картографической традиции. На карте Московии венецианца Якопо Гастальди 1548 г. Алания (Alania) размещена в горной местности (ближе к северным предгорьям Кавказа) в окружении Кабата (Cabata) и Паластра (Palastra) – с севера, Киппике (Chippiche) – с востока, Чиркассия (Circassia) – с запада и Тартакосия (Tartarcosia) – с юга, т.е. локализуется на Северо-Западном Кавказе [2]. На карте Турецкой империи, изданной Ф. де Виттом в 1670 г. в Амстердаме, к северу от Имеретинского царства были расположены последовательно сваны (Scuani), карачаевцы (Caraccioli), аланы (Alani). Причём аланы были помещены севернее карачаевцев и их соседями слева были абазинцы (Abasia). Все эти народы были «свободными» (Populi liberi) и не платили дань Турции [3]. Вероятно, связи Алании и Трапезунда в искаженной форме отражаются в свидетельствах иезуитского монаха, посланных из Мокви в 1615 г., который пишет, что население страны Лазия [4] говорит на «мингрельском», а ближе к Трапезунду – на греческом; Мингрелия же – бывшая колония «лазов или аланетов» (Lazons ou Alains)[5]. В верховьях Кубани локализует Аланию в начале XVII в. миссионер о. А. Ламберти [6] и грузинский царевич Вахушти в первой половине XVIII в.[7]. Упоминания А. Ламберти в 1654 г. этногеографических терминов

зихи / Зихия, аланы / Алания, авазги / Авазгия, как и в целом для европейской картографии XVI–XVII вв., по мнению Б.А. Бгажнокова, является анахронизмом, а реальным было только название Черкесия (Circassia) [8].

Ватиканские историки в начале XVIII в., называют апостолами христианской веры Солунских братьев среди славян и включают в сферу их миссии также земли Хазарии, Мингрелии и Черкесии [9]. И в этом случае важна даже не точность сообщаемых географических сведений, а то, что церковный этнохороним «Аланская митрополия» (Алания) замещается в трудах учёных-католиков этнотопонимом Черкесия.

Это уже была фиксация новых этнополитических реалий.

Однако бытование этнонима *аланеты*, как реального этника, и фиксация его русскими военными и исследователями, подтверждает, кажется, сохранение аланского этнического следа вплоть до конца XVIII в.

Это чрезвычайно занимало европейских ученых, находившихся на российской службе. Они надеялись обнаружить живых потомков некогда могущественного народа раннего средневековья. Но их усилия запоздали лет на 150-200.

В «кабинетных» штудиях русских военных, описывавших Кавказ в первой половине XIX в., ещё изредка упоминается Аланская митрополия как диоцез Константинопольского патриархата в XIV в., но информация дается лишь в форме краткой справки [10]. Так же и свидетельства об *аланах/аланетах* отражали скорее книжную («академическую») традицию, когда этнографическая информация некритично переписывалась из предшествующих трудов и уже не соответствовала новым этнотерриториальным и языковым реалиям. Так, И. Бларамберг вносит в свой труд новые сведения, полученные в 1834 г., и указывает, что сванеты отделяются горными хребтами от «аланетов, карачаевцев, кабардинцев высокогорья (балкарцев и чегемцев) и осетин» [11]. Любопытно, что военный историк и географ, следующий преимущественно письменным донесениям, поступавшим в военное ведомство, отделяет «аланетов» от карачаевцев и осетин. В этом случае трудно представить, кого он имел в виду под «аланетами».

Неудивительно, что, характеризуя этническую ситуацию в 1830-х гг. на северной

покатости Кавказского хребта, т.е. почти в это же время, когда пишет Бларамберг, русский военный разведчик Ф.Ф. Торнау ведет, по сути, полевые наблюдения и по возвращении серьезно уточняет этническую карту этого региона: «Из Абхазии, до верховьев Урупа, я шел совершенно по местам незаселенным, наполненным на нашей карте множеством несуществующих народов, которые мне пришлось стереть. Ошибки происходили оттого, что карты местностей, куда не проникали ещё ни путешественники, ни войска, пополнялись через рассказы людей, дурно говоривших по-русски и которых языка мы совершенно не знали. Таким образом, Верховья Зеленчугов (Большого и Малого Зеленчуков. – С.М.) считались заселенными довольно сильным племенем аланетов, которого я нигде не мог отыскать или, вернее сказать, находил повсюду, потому что аланет на мингрельском языке значит “горец”» [12]. Но легенды об аланах, потомках средневековых христиан, которые сохранились в глубинах ущелий Верхней Кубани, ещё долго тревожили воображение историков и этнографов.

В рапорте генерал-майора князя Бековича-Черкасского и полковника Гасфорта, направленного графу Паскевичу в 1830 г., приводятся сведения о народонаселении за Кубанью, в том числе среди племен «абадза», указывалось, что имеется этническое подразделение *аланета* или *медовей* (медовеевцы. – С.М.), имевшее численность в 8 тыс. [13].

По данным Ю. Клапрота, относящимся к 1808–1809 гг., медовеевцы (мидавей или мадовейцы) относились к «абазе» – абазинским племенам, но не являлись магометанами [14]. По сведениям Палласа, в конце XVIII в. «абазы» были христиане, но знать уже исповедовала магометанство [15].

В 1842 г. в «Русском вестнике» была опубликована заметка «О народонаселении за Кавказом», в которой, в частности, указывалось, что среди племени абазин («абадза») существуют три подразделения: бибердухадж – 10 000 человек, *аланеты* – 8 000 человек, *босхох* – 10 000 чел. [16]. Действительно одно из абазинских объединений – *басхог* – ещё в начале XIX в. занимало верховья Кубани [17]. И. Бларамберг пишет, что от правого берега Урупа до левого берега Подкумка «абазинцы» жили с XVII в., а одно из их подразделений, именуемое

«черкесами» *наш-хох* (т.е. *басхог/босхох*) располагалось между верховьями Кубани и Кумы [18]. Согласно данным Л.Я. Люлье, под этнонимом *басхог*, следует видеть племена Алты-Кесек – «шестидольных» абазов, т.е. абазинские этнические подразделения. Исследователи XIX в. не выделяли особых отличий между абазами, абазинцами и абхазами, кроме территории обитания [19]. Упомянутые в «Русском вестнике» *аланеты*, вероятно и есть медовеевцы. На картах Кавказа того периода медовеевцы показывались живущими выше убыхов и подразделялись на объединения Псху, Ахчипсу и Аибга (Аибу) [20]. Вполне вероятно, что неточные указания А. Ламберти (1624 год) и Шардена (1671 год) о неких аланах, обитавших на альпийских высотах Кавказских гор у истоков Кубани и по древней дороге в Кодорской долине, примыкавшей к Диоскурии, т.е. Сухуму, на которые обратил внимание Люлье [21], как раз и относятся уже к *аланетам-медовеевцам*, или горным абхазам, с которыми ираноязычные аланы имели тесные контакты, по крайней мере до XIV в. У убыхов даже существовало одно племя (*dan*), которое именовалось *Алань* [22].

Перевальные пути, соединявшие северокавказскую Западную Аланию и горную Абхазию могли способствовать перемещению части алан на южные склоны Кавказского хребта в XIII–XIV вв., что могло привести к закреплению этнонима *аланы/аланеты* за некоторыми абхазскими племенными группами. Среди грузинских фамилий фиксируются Черкезишвили, Кашакашвили, Алания, Джикия и др., указывающие на миграцию предков носителей этих фамилий с Северного Кавказа, по крайней мере, уже в позднее средневековье. Мегрельская фамилия *Амбалия*, известная по документам первой половины XVII в. [23], напрямую связана с осетинским словом *анбал* – ‘товарищ’, ‘спутник’, ‘товарищ по военному походу’ – балцу [24], и ее появление, вероятно, было вызвано миграцией алан-осетин в Мегрелию не позднее XVI в. С алано-мегрельскими контактами была связана также абхазская фамилия *Алания*, которая, по мнению Г.В. Цулая, представляла собой просто этноним «Алан» [25]. Мегрелы «аланами» называли карачаевцев, и в мегрельском языке слово «алан» использовалось в качестве эпитета при обозначении

сильного человека [26]. Семантика этой лексемы, возможно, косвенно указывает на бывшее военное превосходство алан над южными соседями в средние века.

Можно предположить, что этноним *аланы/аланеты*, отложившийся в русских военных донесениях и этнографических описаниях Кавказа, скорее всего, был экзоэтнонимом, которым мегрелы и сваны обозначали своих соседей на северном склоне за Главным Кавказским хребтом. К.Ф. Ган отмечал, что сваны ближайших соседей-горцев называли *савар* и страну их *Сави*, а страны плоскостные, лежавшие к северу от Карачая, Баксана и Чегема были известны сванам под названием *Кашаг*, жителей этих земель звали *кашгарами* или *аланами* [27]. Эти данные позволяют утверждать, что этноним *аланеты* в XVII – первой половине XIX века имел два значения: расширенное – этногеографическое содержание, и более узкое – этнономенклатурное. В последнем варианте речь должна идти об отдельном абазинском обществе, проживавшем в среднегорье верхней Кумы и Кубани и их притоков на рубеже XVIII–XIX вв. и говорившем на одном из диалектов абазинского языка. Историко-географическая этнонимика мегрелов и сванов сохранила исконное название населения средневековой Алании в живом употреблении вплоть до Нового времени, и в силу инерции исторической памяти законсервировала традиционное название *аланы* за населением, уже существенно изменившим в XIV–XVI вв. свой племенной состав по сравнению с VII–XIII вв. Населения, говорившего на аланском (алано-овском) языке, конечно, среди *аланетов*, да и в целом на Северо-Западном Кавказе уже не было.

В.Ф. Миллер, также безуспешно, как и его современники, пытавшийся идентифицировать и выявить «аланов» в верховьях Кубани пришел к следующим, во многом гипотетическим, выводам: 1) «аланеты» – тюркоязычное племя, жившее в Карачае и говорившее на особом наречии «кавказско-татарского языка»; 2) «Аланетия» Вахушти лежала к западу от Сванетии и на север от Бедии; 3) аланы соседствовали со сванами и на северной покатости Кавказского хребта, на рубеже XVIII–XIX века, существовало ещё около 1000 человек; 4) Алания могла находиться в истоках р. Кодор [28].

Таким образом, В.Ф. Миллер выска-

зывался в пользу тюркоязычности *аланетов*, обитавших на границе со Сванетией. Очевидно, что он не связывал в лингвистическом отношении этих «алан» напрямую с ираноязычным населением средневековой Алании, как и воздержался от объяснения реликтового микроэтнонима – *аланеты*, было ли оно в данном случае поименование автоэтнонимом или экзоэтнонимом.

Гипотеза В.Ф. Миллера о тюркоязычности «аланетов» вступает в противоречие с этнономенклатурными данными о Северо-Западном Кавказе, собиравшимися русскими военными в XIX в., которые указывают, как мы уже выше отметили, на присутствие *аланетов* (если это только не канцелярская ошибка), напротив, не в карачаевской, а в абазинской этнической среде.

С учетом гипотезы В.Ф. Миллера, следует обратить внимание на то, что самоназвания *алан* и *ас*, по мнению ряда исследователей, у современных тюркоязычных карачаевцев и балкарцев не существует, как нет и исторических свидетельств о бытовании у них этнонимов *алан* и *ас* в качестве самоназваний в историческом прошлом [29]. Тем не менее филолог М.А. Хабичев, напротив, отстаивал точку зрения о тюркоязычности алан-асов, согласно которой, кар.-бал. обращение «алан» является самоназванием балкарцев и карачаевцев, а под аланами скрывались разноязыкие племена, одни из них были тюркоязычные (предки карачаевцев и балкарцев), другие ираноязычные – предки осетин [30]. Надо полагать, позитивная семантика лексемы «алан» отражает особые исторические условия алано-тюркского этнического синтеза в послемонгольскую эпоху. Аланы верховьев Кубани в XIII–XIV вв. проникновение тюрков (предков карачаевцев и балкарцев) в регион их обитания, соотносившийся с территорией Аланской митрополии, вероятно, не восприняли как враждебное вторжение, или были уже не в состоянии в силу своей ослабленности и малочисленности, ему ответить. Переселенческие, ассимиляционные и адаптационные процессы протекали относительно спокойно, что привело к заимствованию карачаевцами некоторых аланских культурных, в том числе и христианских, традиций. Об этой этнокультурной ситуации говорит семантика слова «алан» в карачаевском, где присутствует не только обозначение этнической принадлежности «аланин», но и такие значения,

как 'единомышленник', 'друг' [31]. В этой связи Б.А. Калоев справедливо уточняет, что термин «алан» в значении 'товарищ, друг' не встречается у иных тюркских народов: «Можно полагать, – пишет известный кавказовед, – что аланы, оказавшиеся среди пришлых тюркоязычных народов, сохраняя в какое-то время свою этническую обособленность, действительно были их товарищами в труде, походах, при набегах на соседей или же при отражении врага» [32]. И это отражало уникальность этнической ситуации, сложившейся в Верхнем Прикубанье.

Есть основания предполагать, что косвенные сведения о народе *ас* (этим этнонимом обозначали в тюркоязычной среде ираноязычных алан), т.е. об аланах XIV–XV вв., отложились в фольклоре адыгов и карачаевцев. В адыгских нартовских преданиях героям-нартам противостоят некие антропоморфные великаны, среди которых присутствуют и «ажачкиши» (вероятно, от тюрк. *агачкиши* 'лесные люди', 'люди, живущие на деревьях') [33], их территория отделена от территории Нартов семью реками, семью морями и семью горами, они конфликтуют с нартами. Нарты вступали в брачные отношения с женщинами-великаншами (*иснами*) [34], что можно рассматривать как пример брачных связей двух этнических сообществ. Карачаевцы *агачкишам* [35] приписывали сохранившиеся каменные статуи (в том числе и так называемых «христианских рыцарей»), встречавшиеся в XIX в. в верховьях Большого Зеленчука, на р. Кыфар.

Восточные историки, лексикографы X–XI вв., в частности Махмуд Кашгарский, сообщают о древнем тюркском племени *аз кеше* 'люди аз', исчезнувшем в VIII веке [36]. В персидских словарях XI–XV вв. наряду с народами *каса* (касогами) и *аланами* [37], город и область под названием *Ас* отмечается в Стране кипчаков, и его исследователи идентифицируют с аланами [38]. С некоторой долей осторожности эти данные позволяют предположить, что для региона Верхней Кубани фольклорные *аз кеше* > *ажачкиши* > *агачкиши* могли быть теми группами аланского христианизированного населения, редкие упоминания о которых сохранились в устных преданиях карачаевцев и адыгов. Подобные мифоэтнонимы могли вобрать в себя и сохранить последние сведения об исчезнувших ираноязычных аланах. Характе-

ризуя после монгольского нашествия смену этнического состава в регионе, который занимала территория исторической Алании, В. Ф. Миллер писал: «Балкарцев (племя пришлое), вытеснивших из этих мест осетин, они (т.е. осетины) называют *асами* (*асиаг* – балкарец, *Аси* – страна ими занятая), древним именем, сохранившимся в летописи в форме ясы. Однако, нет сомнения, не балкарцы, пришедшие в свои теперешние места весьма поздно, а осетины были ясами наших летописей; но имя прикрепилося к местности и осталось за нею, несмотря на смену народности» [39]. В позднее средневековье Балкария осетинами называется «Ассы», а выходец из этой страны – «ассиаг», но в Карачае, как указывает Б.А. Калоев, «это старое аланское самоназвание жителей Западной Алании сохранилось и в карачаево-балкарском языке, но означает здесь другое понятие – безбожник: «Ассыдан тугъан» – рожденный от «безбожника», т.е. от человека другой веры, какими были аланы» [40]. Вероятно, одно из названий алан – *асы*, распространенное в тюркоязычной среде, в период утраты аланами своего ареала проживания в Западной Алании после XIII в., постепенно теряет этническое содержание и начинает обозначать вероисповедальную составляющую этнической группы. Последнее является важным указателем на конфессиональную, в данном случае христианскую (православную), принадлежность алан периода распада Аланской государственности.

Как известно, *аланами* называют карачаевцев мегрелы, а балкарцев осетины называют *ассиями* [41]. «Это, – как отмечал этнограф А.И. Попов, – хороший пример передвижения этнического имени на другой народ через территориальное наименование» [42]. Подобное передвижение и замещение было возможно только в условиях тесного межэтнического культурного синтеза. Полевые этнографические материалы, собранные исследователями в XIX – XX вв. указывают на осетино-балкаро-карачаевское родство в материальной культуре, семейных, похоронных обрядах, традиционной пище, языческих верованиях, архитектурных приемах, музыкальном и хореографическом искусстве и пр., что объясняется активным участием алан в этногенезе балкарцев и карачаевцев [43].

Подобного не могло случиться, если бы аланское население в короткий срок в

конце XIV в. исчезло под давлением военного и эпидемиологического факторов в Западной Алании. Передача и усвоение культурных традиций, сохранение христианских культов говорит о длительном, хотя, может быть и не столь масштабном, сохранении аланского компонента в полиэтническом пространстве бывшей Западной Алании. Об этом свидетельствуют и реликты в этнонимике, и остаточные формы христианской культуры, являющиеся наследством Аланской митрополии.

Примечания:

1. *Мальшевский И.* Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви. Киев, Т. 1. С. 337; *Фонкич Б.Л.* Греческие грамоты советских хранилищ // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М.: Наука, 1974. С. 252, 257.
2. *Багров Лео.* История русской картографии / Пер. с англ. Е.М. Ламановой. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2005. С. 127. Рис. 41.
3. См.: *Гвасалия Дж.Г.* Территория Грузии на европейских картах Турецкой империи XVII века // Известия АН ГССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1987. Вып. 2. С. 103, 106, карта № 1.
4. Прибрежную зону Лазии И. Бларамберг в первой трети XIX в. определял в 80 верст – от Поти до Батума – и отмечал, что там ещё живут лазы (*Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. с франц., предис. и коммент. И.М. Назаровой. М., 2010. С. 74–75). Здесь, вероятно, от Батума и проходила дорога к устью Чороха в Сотириуполь и далее к Трапезунду, хорошо известная аланам в Средневековье.
5. Письмо, посланное с Востока отцом веры Гранжиэ его преподобию отцу Клод Аквивива, генералу иезуитского ордена, из Мокви, в Мингрелии, 2 марта 1615 г. // СМОМПК. 1915. Вып. 44. С. 38.
6. Описание Колхиды или Мингрелии о. Ламберти, миссионера конгрегации для распространения христианской веры // ЗООИД. Т. X. С. 210.
7. Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904. С. 237.
8. *Багжанов Б.А.* Кабарда и кабардинцы в ранней истории Северного Кавказа // Вестник КБИГИ. 2015. № 4 (27). С. 45.
9. *Йосиф Симоний Асемани.* Календари на Вселенската Църквата / Съст. М. Кискинова. София: Наука и изкуство. 1987. С. 78.
10. *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 86.
11. Там же. С. 258.
12. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XXI, 2008. С. 267.
13. См.: *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. Этностатистическое исследование. СПб., 1996. С. 175.
14. См.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 236–237.
15. См.: Там же. С. 215.
16. *Зубарев Д.* О народонаселении за Кавказом // Русский вестник. 1842. № 4. С. 83.
17. *Инал-Ина Ш.Д.* Абхазы (историко-этнографические очерки). 2-е изд. Сухуми, 1965. С. 371.
18. См.: *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 132, 183.
19. *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические статьи. Репринт 1990 г. С. 9. В состав объединения Алты-Кесек, по Люлье, входили подразделения Биберд, Лоу, Ду-

дарук, Кияшь, Джантемир и Клишь

20. *Люлье Л.Я.* Черкесия: Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927 (Репринт). С. 9.
21. Там же. С. 14.
22. Там же.
23. См.: *Джомидава Н.Н.* Колхские (мегрельские) фамилии. Тбилиси, 1996. С. 22; *Цулая Г.В.* Из кавказских связей грузинского ономастикона // ЭО. 2002. № 5. С. 85.
24. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М., 1958. С. 264.
25. *Цулая Г.В.* Из кавказских связей грузинского ономастикона // ЭО. 2002. № 5. С. 82.
26. Там же.
27. *Ган К.Ф.* Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. 1909. Вып. 40. С. 129. Если быть более точным, то население Касогии именовалось *кашаками*, но любопытно (если это не ошибка автора) второе поименование – аланы. Черкесов осетины называли *казах* или *кесек* (Там же. С. 156).
28. См.: *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. III. С. 114–115.
29. Ср.: *Шагиров А.К.* О тюркизмах в абхазо-адыгских языках // Этимология. 1982. М., 1985. С. 160. Более того, по мнению некоторых исследователей, «самоназвание» или приветствие *алан* или *аланла* в карачаевском языке имеет современное и далекое от науки происхождение и имеет целью через псевдофилологические подтасовки удревнить историю этноса и сделать его автохтонным, см.: *Фоменко В.А.* Этноним «алан» и современное карачаево-балкарское обращение // Вестник КБИГИ. 2015. № 2 (25). С. 20.
30. *Хабичев М.А.* Об этнонимах *alan*, *byzynyly*, *malkarly*, *karacajly*, *tegejli* // Советская тюркология. 1971. № 2. С. 126–129.
31. См.: *Хабичев М.А.* Об этнонимах *alan*, *byzynyly*, *malkarly*, *karacajly*, *tegejli* // Советская тюркология. 1971. № 2. С. 126–129. Он же. Из тайников карачаевских этнонимов // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.
32. *Калоев Б.А.* Аланский субстрат в этногенезе балкарцев и карачаевцев по данным этнографии // Вестник КБИГИ. 2015. № 2 (25). С. 106.
33. Не исключено, что в тюркской этнонимике компонент *-киши* в значении 'не наши, чужие' использовался для обозначения неродственных тюркских (и, вероятно, также иноязычных) племенных подразделений. См., например: *Закиев М.З.* Происхождение тюрков и татар. М., 2003. С. 55.
34. См.: *Едыдж Батырбай.* Общности социальной организации Нартов и черкесов. Майкоп, 2013. С. 101.
35. Некий народ, обитавший на территории Карачая до прихода предков карачаевцев в эти места, назывался *ааг-киши*. См.: *Алиев У.* Карачай (Карачаевская автономная область): Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов-на-Дону, 1927. С. 39.
36. Тюркское племя (народ) *азкиш* позднее исчезло, после его разгрома Кюль-тегином (715 г.) при озере Кара-кюль. См.: *Бартольд В.В.* Тюрки (историко-этнографический обзор) // Сочинения. М., 1968. Т. V. С. 324, 587.
37. См.: *Бартольд В.В.* Тюрки (историко-этнографический обзор) // Сочинения. М., 1968. Т. V. С. 587.
38. *Баевский С.И.* Географические названия в ранних персидских толковых словарях (XI–XV вв.) // Страны и народы Востока. М., 1980. Вып. 22. С. 85.
39. *Миллер В.С.* Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. С. 505, 509.
40. *Калоев Б.А.* Аланский субстрат в этногенезе балкарцев и карачаевцев по данным этнографии // Вестник КБИГИ. 2015. № 2 (25). С. 106.
41. *Хабичев М.А.* Карачаево-балкарское именное формообразование и словообразование. Черкесск, 1977. С. 75.
42. *Попов А.И.* Название народов СССР. Введение в этноимику. Л., 1973. С. 140.
43. *Калоев Б.А.* Аланский субстрат в этногенезе балкарцев и карачаевцев по данным этнографии // Вестник КБИГИ. 2015. № 2 (25). С. 103–113.

III. ИСТОРИЯ КУБАНИ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

В.А. Колесников

О первых георгиевских кавалерах станец Кавказского линейного полка

Для современного регионального казачковедения основные вехи более чем столетнего боевого пути Кавказского полка Кубанского войска давно уже не таят в себе каких-то загадок и возможностей для иных интерпретаций. Проблемы, связанные с происхождением первопоселенцев, пограничными буднями станиц, участием «кавказцев» в различных военных кампаниях XIX – начала XX вв., бытом и фольклором станичников, и даже началом собственно полкового историописания, были неоднократно рассмотрены в статьях и монографиях имперского и постсоветского периодов [1]. И все же, несмотря на достаточно высокую степень изученности, в прошлом одного из старейших и заслуженных казачьих соединений Кубани остается достаточно микросюжетов, еще ожидающих своих исследователей. Одна из таковых сохраняющихся до сегодняшнего дня упущенных тем – казаки полка, первыми удостоившиеся знака отличия Военного ордена Святого Георгия.

Казалось бы, тема не нова, поскольку сведения о тех, кто представлялся к высшей награде воинской доблести империи, содержались в «Полном формулярном списке 1-го Кавказского полка» (как удалось установить профессору О.В. Матвееву данный труд принадлежал перу сотника Г. П. Головкова [2]) и рукописи войскового старшины А.Д. Ламанова [3], относительно недавно изданной кубанскими коллегами [4]. Вместе с тем, при ближайшем рассмотрении можно обнаружить, что печатные сведения, обнародованные офицерами-энтузиастами, далеко не полны. Дело в том, что информация черпалась ими лишь из анналов Кубанского войскового архива, куда материалы о линейном казачестве стали системно поступать только в 60-е гг. XIX в., а до этого они формировались в других архивохранилищах Российской империи.

Сами же списки георгиевских кавалеров Г.П. Головкова и А.Д. Ламанова грешат

целым рядом различных неточностей и упущений в виде искаженных фамилий, отсутствия имен, не говоря об отчествах, станичной принадлежности казаков и номеров самих наград. Имеет место и хронологическая путаница, когда, например, указывается, что урядника Матвея Григоренкова поощрили знаком отличия в 1828 г., но в действительности он был награжден тремя годами ранее [5]. Нельзя не указать и на откровенные информационные пробелы в отношении самих героев, когда авторы только констатируют, что за отличие 18 августа 1825 г. на реке Белой 13 нижних чинов полка удостоились знаков отличий без какой-либо конкретизации [6].

В предлагаемой статье [7] предпринята попытка восполнить вышеуказанные недочеты в отношении первых георгиевских кавалеров Кавказского линейного полка в период до 1828 г., т. е. до начала активных действий по покорению Закубанья, когда казакам-линейцам приходилось участвовать и в строительстве передовых укреплений, и в ежегодных и неоднократных экспедициях против враждебных горских владельцев и обществ, что, соответственно, множило и число награжденных.

Согласно данным Г.П. Головкова и А.Д. Ламанова, первыми представителями Кавказского полка, удостоившимися знаков отличия Военного ордена Св. Георгия, стали Филипп Авершин и Василий Равлин, проявившие отвагу в перестрелках с абадзехами и темиргоевцами на реках Лабе и Белой в ходе похода генерал-майора С.А. Портнягина в октябре-ноябре 1813 г. [8]. Благодаря привлечению таких источников, как «ревизские сказки» и «исповедные росписи», относящихся к полковым станицам, выясняется, что Филипп Иванович Авершин являлся жителем ст. Темижбекской [9], но фамилия другого героя – Равлин – совершенно не прослеживается среди казаков-кавказцев. Вместе с тем, в ст. Казанской обнаруживается Василий Петрович Ловлин [10] (представители именно этой фамилии стояли у истоков возникновения «именного» отселка, превратившегося в начале XX в. в ст. Ловлинскую нынешнего Тбилисского

района Краснодарского края). Его и следует считать обладателем высокой награды. К сожалению, пока не удалось установить номера врученных этим казакам знаков отличия.

Вопреки точке зрения имперских полковых историков, выявленные архивные данные дают основание первыми кавалерами Кавказского полка считать не вышеуказанных станичников, а все же тех, кто проявил себя, защищая российские интересы вдали от берегов Кубани. Как известно, весной 1808 г. по распоряжению генерал-фельдмаршала, графа И.В. Гудовича, руководившего кавказскими войсками, от всех казачьих подразделений Линии был сформирован т. н. сборно-линейный полк и тогда же отправлен в Тифлис для охраны назначавшихся Петербургом имперских наместников. В состав первой смены, служившей с 1808 по 1811 гг., от Кавказского полка отрядили 2-х офицеров и 88 пятидесятников и казаков [11]. Среди тех, кто прибыл за Кавказ в составе новой полусотни, оказался и будущий георгиевский кавалер.

Осенью 1812 г. линейцы, наряду с донскими казаками и солдатами регулярных частей участвовали в подавлении восстания, вспыхнувшего в Кахетии после появления там, поддерживаемого Ираном, беглого грузинского царевича Александра [12]. За выдающиеся воинские качества, продемонстрированные при разгроме кахетинских мятежников, к георгиевским наградам были представлены несколько казаков сборно-линейного полка: в том числе, Иван Андреевич Кишкинов (из ст. Казанской), получивший крест под номером 28257 [13].

Как явствует из обнаруженных архивных источников, другой житель все той же ст. Казанской Тимофей Иванович Евсюков оказался среди отличившихся казаков, собранных из разных линейных полков и действовавших под началом генерал-майора войска Донского В.А. Сысоева против воинственных чеченцев в 1819 г. За проявленную 15 сентября отвагу при штурме аула Дадан-юрт его представили к знаку отличия под номером 41108 [14]. Однако список героев едва ли ограничивается только представителями Кавказского конного полка. В том же 1819 г. георгиевский крест под № 41214 пожаловали Афанасию Ивановичу Волкову [15] (из ст. Ладожской),

ставшему, таким образом, первым кавалером среди одностаничников. Этот казак служил канониром в конно-артиллерийской № 4 роте (до 1818 г. № 1 роте), образованной в 1808 г. и комплектовавшейся от Кавказского, Кубанского, Хоперского и Волгского полков [16]. Смелость, выказанная им в Дагестане в делах против «акушинцев» (одного из подразделений даргинцев) под началом самого А. П. Ермолова, нашла достойное отражение в полученной награде.

В упомянутом 1819 г. состав Кавказского полка подвергся небольшой реорганизации, когда вместо ст. Темижбекской, отошедшей в Кубанский полк, из последнего была присоединена географически более близкая ст. Усть-Лабинская, населенная донскими казаками [17]. Представители именно этой станицы пополнили почетный список полковых георгиевских кавалеров. В ходе экспедиции на Лабу в сентябре-октябре 1823 г. под командованием генерал-майора А.А. Вельяминова в перестрелках с ногайцами и черкесами отличились пятидесятник (урядник) Иван Иванович Лобачев (впоследствии хорунжий) и казак Леон (Леонтий) Александрович Леухин, получившие награды под номерами 45094 и 45144 [18].

Куда большее число линейцев из станиц Кавказского полка смогло отличиться в закубанских событиях 1825 г. За храбрость, проявленную в многочисленных перестрелках с абадзехами и при взятии аула темиргоевского князя Джембулата Айтекова в июне-июле 1825 г., были отмечены: пятидесятник Федор Кондратьевич Корягин (впоследствии хорунжий), знак № 45348 (из ст. Казанской); урядники конно-артиллерийской № 4 роты Петр Алексеевич Золотарев (впоследствии есаул), знак № 45344 (из ст. Усть-Лабинской) и Лаврентий Иванович Шалимов, знак № 45342 (из ст. Ладожской) [19].

Повторная экспедиция в земли абадзехов с целью возведения в Майкопском урочище укрепленного лагеря, предпринятая генерал-майором А.А. Вельяминовым в августе того же 1825 г. принесла награды следующим чинам Кавказского конного полка: из ст. Усть-Лабинской – пятидесятникам Иуде Васильевичу Староверову (№ 45355), Матвею Ивановичу Григоренкову (впоследствии сотнику за № 45357), казакам Анисиму Алексеевичу Барышникову

(№ 45364), Самойле (Самуилу) Михайловичу Познышеву (№ 45368), Даниилу Федоровичу Братчикову (№ 45382); из ст. Казанской – пятидесятнику Ивану Кондратьевичу Ватутину (знак № 45352) и казаку Матвею Степановичу Валуйскому (№ 45388); из ст. Тифлисской – пятидесятникам Алексею Леонтьевичу Гречишкину (впоследствии хорунжему № 45361) и Павлу Ивановичу Кореневу (№ 45365); из ст. Ладужской – пятидесятнику Василию Лукьяновичу Птухину (№ 45356), казакам Петру Павловичу Птухину (№ 45367), Меркулу Васильевичу Абросимову (№ 45372) и Михаилу Тимофеевичу Седову (№ 45375). Знак под № 45371 за этот же поход получил бомбардир конно-артиллерийской № 4 роты Леон (Леонтий) Петрович Аскольский [20] из ст. Тифлисской.

В конце описываемого 1825 г. полутысячная партия черкесов, возглавляемая вышеупомянутым князем Джембулатом Айтековым, сумела прорваться через пограничный кордон и устремиться для грабежа на р. Челбас, но быстро была обнаружена и обращена в бегство. Отряд под началом полковника, князя Ф.А. Бековича-Черкасского, вытеснив неприятеля за Кубань, и далее продолжил преследование, нанеся горцам ощутимый урон [21]. Среди заметных участников этого дела, имевшего место 18 декабря, вновь оказались представители полковых станиц. Знаки отличия Св. Георгия вручили пятидесятнику Карпу Ивановичу Балабуеву (из ст. Казанской № 45396), казакам Василию Ивановичу Васильеву (из ст. Тифлисской № 45394) и Прокофию Абрамовичу Гречишкину (из ст. Тифлисской № 45395) [22].

Свой след оставили «кавказцы» и во внешних военных конфликтах России с её давними восточными соперниками. По словам А.Д. Ламанова в составе сборно-линейного полка, находясь при главном командующем Отдельным Кавказским корпусом, генерале от инфантерии И.Ф. Паскевиче, они участвовали в делах «против персиян» при Сардар-Абаде, Эривани и прочих местах [23]. За персидскую кампанию 1826–1828 гг. к знакам отличия военного ордена Св. Георгия оказались представлены: пятидесятник Василий Федорович Сальников (ст. Тифлисская, № 48879), казаки Тимофей Самсонович Дейкин (ст. Тифлисская, № 48878), Георгий (Егор) Васильевич Кольцов

(ст. Тифлисская, № 46260), Марк Гаврилович Митин (ст. Казанской, № 48882), Емельян Григорьевич Солодилов (ст. Ладужской, № 48881) и Иван Поликарпович Тырин (ст. Ладужской, № 46304) [24]. Спустя считанные месяцы по завершении войны с Ираном, с июня 1828 г. открылись боевые действия против Турции, к которым вновь привлекли сборно-линейный полк, размещавшийся в Тифлисе. От Кавказского полка в его состав направили 73 нижних чина при сотнике Иване Никифоровиче Пыльцыне (переведенном в 1826 г. на жительство в ст. Воронежскую из Волгского полка) и зауряд-хорунжем Иване Давыдовиче Котлярове (из ст. Усть-Лабинской) [25]. В течение лета – начале осени 1828 г. линейцы стали участниками сражений с турками при Карсе, Ахалкалаками, Ахалцах и Ацхуром. Причем при взятии крепости Ахалцах на юге современной Грузии отличились урядники Григорий Федорович Тырин (из ст. Ладужской) и Артем Прокофьевич Субачев (из ст. Воронежской), представленные к георгиевским наградам под номерами 52661 и 52662 [26].

Как известно, военные перипетии с Османами продлились до сентября 1829 г., и в них себя проявили еще несколько представителей станиц Кавказского полка. Однако награждение героев состоялось позднее, уже в 1830 г., и пока исчерпывающей информации на их счет не обнаружено, что, конечно же, не означает прекращение самого процесса научного поиска.

Примечания:

1. См., например: Дебу И.Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. С 1816 по 1826 год. СПб., 1829. С. 70–76; Фелицын Е.Д. Переселение на Кубань казаков бывшего Екатеринославского войска и образование из них Кавказского конного полка Кубанского казачьего войска // Кубанский Сборник (КС). Екатеринодар, 1894. Т. III. С. 1–33; Могилевцев Н. Из боевой жизни Кавказского полка // Кубанские областные ведомости (КОВ). 1891. № 40–46; 1892. № 1, 5; Шахов Д. Воронежская станица // КС. Екатеринодар, 1883. Т. I. С. 643–690; Василькова М. Песни, записанные в станице Ладужской Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып. 29. С. 87–108; Колесников В.А. От служилых людей Московии: К 200-летию со дня основания Темужбекской, Казанской, Тифлисской, Ладужской и Воронежской станиц // Освоение Кубани казачеством: Вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 100–125; Матвеев О.В. «Дорогой мне полк...» К историографии 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка Кубанского казачьего войска // Мир казачества: Сборник науч.

трудов. Вып. 1. Краснодар, 2006. С. 6–27; Соловьев В.А. Подвиг сотни Гречишкина. Краснодар, 1996.

2. Полный формулярный список 1-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска. Б/м, б/д.; Матвеев О.В. К историографии 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина Таврического полка Кубанского казачьего войска // КС. Краснодар, 2006. Т. 1 (22). С. 64–65.

3. Ламанов А.Д. История 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала, князя Потемкина-Таврического, полка Кубанского казачьего войска. 1803–1918 гг. – Б/м, 1919. (Рукопись); Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 670. Оп. 1. Д. 5.

4. Ламанов А.Д. История Первого Кавказского полка. Кропоткин, 2012.

5. Там же. С. 183.

6. Там же. С. 182.

7. Автор выражает благодарность Е.В. Герасименко (г. Москва) и В.В. Сменянову (г. Черкесск) за помощь, оказанную при написании данной статьи.

8. Ламанов А.Д. Указ. соч. С. 182.

9. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 459. Оп. 2. Д. 60. Л. 16 об.

10. Государственный архив Астраханской области (ГА-АО). Ф. 599. Оп. 2. Д. 1936. Л. 275 об.

11. ГАСК. Ф. 838. Оп. 1. Д. 33. Л. 17.

12. Толстов В.Г. История Хоперского полка Кубанского Казачьего войска. 1696–1896: [В 2-х ч.] / Под ред. В.А. Потто. Тифлис, 1900–1901. Приложения к I-й и II-й части. С. 123.

13. Российский государственный исторический архив (РГИА. г. Санкт-Петербург). Ф. 496. Оп. 6. Д. 743. Л. 161 об.

14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА. г. Москва). Ф. 13454. Оп. 1. Д. 422. Л. 1570–1794; РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 743. Л. 11.

15. РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 743. Л. 22; ГАСК. Ф. 459. Оп. 2. Д. 59. Л. 1–34.

16. Фелицын Е.Д. Материалы для истории Кубанского казачьего войска // Кубанские областные ведомости (КОВ). 1897. № 91.

17. Ламанов А.Д. Указ. соч. С. 30.

18. РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 745. Л. 15; РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 422. Л. 1635 об.; ГАСК. Ф. 105. Оп. 1. Д. 2662. Л. 3.

19. РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 745. Л. 35–36; ГААО. Ф. 599. Оп. 2. Д. 7148. Л. 593.

20. РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 745. Л. 36 об. – 39 об.; РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 422. Л. 1570–1790; ГАСК. Ф. 105. Оп. 1. Д. 2662. Л. 3–30 об., Ф. 135. Оп. 3. Д. 1032. Лл. 536, 541 об. – 542, 567 об.

21. Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. Т. 2. Ермоловское время. Ставрополь, 1994. С. 482.

22. РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 745. Л. 40–40 об.

23. Ламанов А.Д. Указ. соч. С. 48–49.

24. РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 745. Л. 126 об., 130 об., 387 об. – 388.

25. Ламанов А.Д. Указ. соч. С. 49; РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 422. Л. 1594 об., 1619 об.

26. РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 746. Л. 367; РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 422. Л. 1580–1790.

Б.Е. Фролов

Черноморское пластуновство: истоки и эволюция

Пластуновство – один из удивительных феноменов социальной и военной жизни Черномории первой половины XIX в. Прямые аналоги этому явлению подыскать довольно трудно. Охотники-профессионалы, первоначально добровольно охранявшие

границы, военные товарищества, штатные элитные команды «стрелков-разведчиков» – вот схематичная линия эволюции черноморского пластуновства.

Казаки-пластуны в середине XIX в. приобрели широкую известность в России и за ее пределами (французы называли их «русские зуавы»). Недаром в рабочем кабинете Александра II стояла статуэтка, изображавшая черноморского пластуна. Но почему этой вполне заслуженной известности добилась столь немногочисленная группа черноморского казачества? Может быть, сыграли свою роль внешние, экзотические факторы – смесь азиатского костюма, украинской мовы, русского оружия и казачьего снаряжения?

Дело в том, что пластуны были наиболее боеспособной частью черноморского казачьего войска, наиболее профессионально подготовленной; они создали своеобразное, только им присущее военное искусство – пластуновство. Удивительно, что, разбивая пластуновство на составляющие его элементы, мы легко находим подобные в русской и зарубежных армиях. В целом же это явление самобытное, уникальное.

Цель настоящего исследования – попытка выявить основные этапы в эволюции черноморского пластуновства.

В 30-е гг. XIX в. была дана первая (известная нам) зарисовка черноморских пластунов [1]. Принадлежит она, вероятно, перу Я.Г. Кухаренко. Делается попытка выяснить причины появления пластунов и объяснить этимологию самого слова. Даются краткие сведения об одежде и вооружении. Им же написан небольшой очерк «Пластуны», опубликованный на украинском языке в феврале 1862 г. в петербургском журнале «Основа». В 1880 г. очерк был переиздан в Киеве с небольшими, но существенными изменениями [2]. В нем рассказывается о приемах борьбы с черкесами, одежде и вооружении пластунов и др.

Отдельную главу в своей книге посвятил пластунам известный кубанский историк И.Д. Попко [3]. Эта работа стала классической; в ней дана физическая и психологическая характеристика черноморского пластуна, его одежды и оружия середины 50-х гг. XIX в., представлена тактика и организация службы. Исследование этой темы историк продолжил в работе «Исторические и биографические очерки» [4], где

основное внимание уделено участию пластунов в обороне Севастополя.

Значительное внимание уделил пластунам Ф.А. Щербина [5]. В отличие от своих предшественников, сделавших «зарисовки с натуры», историк использовал архивные документы и обрисовал историю пластунов второй четверти XIX в. Особое значение имеет его мнение о причинах возникновения черноморского пластуинства и его самобытности.

В 90-е гг. XIX в. «Кубанские областные ведомости» опубликовали воспоминания Митрофана Седых [6]. Это, пожалуй, главный источник, рассказывающий о подготовке молодых пластунов.

Фрагментарные сведения о пластунах можно встретить почти во всех дореволюционных работах кубанских историков.

Ряд интересных предположений о ранней истории черноморских пластунов высказал советский историк М.В. Покровский [7]. Военной истории пластунов и, особенно, участию пеших батальонов в русско-турецкой и первой мировой войне посвящена работа В.Н. Ратушняка [8].

Формулировка определения такого сложного и многогранного явления, как черноморское пластуинство, довольно затруднительна, хотя она и имеется во всех изданиях справочного и энциклопедического характера. Почти всем дефинициям присущ односторонний или даже ошибочный подход.

В. Даль определял пластуна как пешего запорожского, а потом черноморского застрельщика [9]. (Совсем упущена вторая сторона военной деятельности пластуна-разведчика). Словарь Брокгауза и Ефрона: «Пластуны – особые казачьи команды, установленные в 1842 г. при пеших и конных частях Черноморского войска, высылались вперед от сторожевой линии и, лежа в камышах Кубани, составляли линию засад...» [10]. (Начав историю пластуинства с 40-х гг., автор определения потерял несколько десятилетий.) Военная энциклопедия (1914): название пластун первоначально «было присвоено в Черноморском казачьем войске казакам-охотникам, занимавшим в камышах и плавнях Кубани, впереди сторожевых постов, линию засад ...» [11] (неуместно выражение «было присвоено» и сделан упор на сторожевую службу). В казачьем словаре, первым изданием вышедшем в Ка-

лифорнии в 1968 г., а затем переизданном в Москве, содержится такая краткая формулировка: «Пластуны – казачьи пешие воины» [12].

Несколько примеров из источников советского периода. «Пластуны, в царской армии, пешие батальоны Кубанского казачьего войска»; «пластуны – пешие подразделения и части в Черноморском и Кубанском казачьем войске в XIX – нач. XX в.» [13]. (Малоудачная трактовка, в которой совсем забыты подлинные пластуны первой половины XIX в.). В энциклопедическом словаре (1954) появилось определение пластунов, вошедшее затем с небольшими изменениями в Большую советскую энциклопедию и 17-томный Словарь современного русского литературного языка [14]: «Пластуны – особые пехотные команды и части Черноморского и Кубанского казачьих войск в 19 в., комплектовались из числа охотников-разведчиков, которые специализировались на сторожевой службе в камышах и плавнях Кубани. Первые команды пластунов сформированы в 1842 г.».

Упоминание о «частях» Кубанского войска говорит о смешении принципов комплектования пеших пластунских команд и пластунских батальонов. Последние формировались из казачьей бедноты, не имевшей средств на покупку коня, и представляли собой обычную пехоту, никогда не выполнявшую сторожевую службу в кубанских плавнях. Утверждение о создании первых пластунских команд в 1842 г. было бы правильным в формулировке «первые штатные команды...».

Составители Большой советской энциклопедии пошли еще дальше, заявив, что в 1842 г. были созданы первые штатные батальоны пластунов, в то время как до их формирования еще добрых три десятилетия. Отождествление черноморских пластунов с пешими казаками черноморских казачьих батальонов и личным составом пластунских батальонов Кубанского войска наблюдается еще с дореволюционной поры не только в популярных, но и в серьезных научных работах.

Не отстала от БСЭ и Советская военная энциклопедия [15]. Там содержится совершенно фантастическое утверждение о том, что пластуны несли сторожевую службу в камышах Кубани еще в XVII в. Ошибки, конечно, досадны, но если даже исключить

их, то все равно необходимо признать, что никакие формулировки не в состоянии адекватно отразить такой сложный феномен, как пластуновство. В нем присутствуют не только военные элементы, но и гражданские, социальные, семейные, имущественные, бытовые... Пластуновство – это не столько какие-то военные навыки и приемы, сколько образ жизни. Прежде всего это отличает пластунов от охотничьих команд русской регулярной армии, ягдкоманд вермахта, от разведчиков и стрелков любой армии мира.

На наш взгляд, самое удачное и в то же время самое краткое и образное определение пластунов дал И.Д. Попко: «Особенный, единственный в своем роде разряд стрелков-разведчиков, предприимчивых, мужественных, неусыпных, которых могли вызвать и воспитать только известная местность и известные военные обстоятельства» [16]. Дефиницию энциклопедического характера мы бы сформулировали, следующим образом.

Пластуны: 1) казаки Черноморского казачьего войска из числа охотников-профессионалов, объединенные впоследствии в особые команды, специализировавшиеся на несении разведывательной и сторожевой службы вдоль кордонной линии по р. Кубань. В бою выполняли роль застрельщиков. Первые штатные пластунические команды были созданы в 1842 г. Существовали до 1870 г.; 2) личный состав пеших пластунических батальонов Кубанского казачьего войска. Первые два батальона образованы в 1870 г. С 1894 г. – Кубанские пластунические батальоны. Службу несли в Закавказье. Приравнялись к стрелковым частям регулярной пехоты.

Существует несколько версий, этимологии слова «пластун». Я.Г. Кухаренко считал, что оно «заимствовано от малороссийского глагола «пластать», т. е. бродить по грязи, по болоту, ибо они, с малолетства пристрастясь к охоте, проводят всю жизнь в топких местах, заросших непроходимым тростником, где обитают одни дикие звери» [17]. В очерке «Пластуны» (1862) появилось существенное добавление: «Больше приходилось месить им грязь, а не ходить посуху, то есть пластаться, пластом вылеживаться в камышах, вот и прозвались пластунами» [16]. В киевском издании этого очерка (1880), фраза «пластом вылеживаться в камышах» опущена.

И.Д. Попко вначале полагал, что в основе малороссийского слова «пластун» лежит польское *plazy*, т. е. «ползающие». Позднее он высказал несколько другое предположение. «Во время Кавказской войны называли пластунов ползунами и кажется, были правы. Слово «пластун», может происходить от древнеславянского «плазати» – ползать...» [18]. По его мнению, когда-то это слово было родовым названием пеших ратников. В языке черноморских казаков слово «пластун» было синонимом слов «егерь», «стрелок», «охотник».

Многие авторы считают, что слово «пластун» произошло от выражения «лежать пластом», т.е. лежать плашмя во всю длину, не шевелясь, неподвижно.

Нет единого мнения относительно происхождения пластунов. Крайней представляется точка зрения В. Червинского: «Как только начал существовать казак, тут же явился и пластун...» [19].

Некоторые авторы полагают, что пластунами в Запорожской Сечи называли казаков, охранявших границы войска и часами лежавших неподвижно в пикетах. Более предпочтительным является мнение Л.И. Лаврова: «...корни пластуновства принесены из Запорожья. Само слово «пластун» было давно известно на Украине. В 1649 г. в четырех разных полках армии Б. Хмельницкого служили казаки по фамилии Пластун. Казаки Пластун и Пластуновский известны в Запорожье в 1773 г. Один из 38 запорожских куреней назывался Пластуновским, от него пошла одноименная станица на Кубани. Но в Запорожье слово «пластун» означало охотника на зверя, а в Черномории – прежде всего своеобразного пешего воина, который в свободное время занимался и охотой» [20]. Вот как описывает занятия казаков в Сечи Я.Г. Кухаренко: «...вольно было в мирное время заниматься – кому рыболовством, кому пластуновством.» [21], т.е. в Запорожье пластунами зовут охотников, а не часовых и дозорных на границе. Другое дело, что и пластунов могли привлекать к ее охране.

Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. пластуны были в коннице и в пехоте, однако служба их ничем не отличалась от службы других казаков. После переселения на Кубань «охотники на зверя рассыпались по плавням и промышляли на запорожский лад». Однако в отличие от

Запорожья, где не было сплошной линии кордонов и постоянного контакта с противником, пластуны-черноморцы сразу же начинают сталкиваться с черкесами, проникающими на земли войска. «Бывшие в войске бездомки (серомы), более приобвыкшие к военным трудам, презиравшие самую жизнь, алкавшие одних битв и добычи, отличнейшие стрелки, заняв первую цепь над самою Кубанью в тонких гнилых болотах, заросших густыми, непроходимыми камышами и упражняясь там почти безвыходно звериною охотою, служили большою помощью кордонной страже» [22].

Именно в кубанских плавнях, в условиях постоянных стычек с горцами постепенно складывается пластуновство как вид военного искусства, вырабатывается тип «этого своеобразного воина». Трудно не согласиться с Ф.А. Щербиной, считавшим совершенно ошибочным мнение о том, что пластун был создан в Запорожской Сечи и перешел в Черноморию в готовом виде первообраза: «...Пластун – произведение Черноморского казачьего войска, родился, крестился, вырос и исторически возмужал в Черномории, под влиянием тех военных условий, в которых находился этот край. Поэтому ему присущи своеобразные черты местного происхождения и склада – военная техника и организация» [23]. Напомним слова И.Д. Попко про «известную местность и известные военные обстоятельства». «В пограничных секретах Кубани, – считал Н. Дьячков-Тарасов, – выработались черноморские пластуны» [24].

По словам историка М.В. Покровского, термины «пластуновать», «пластуны» встречаются уже в документах 1792–1795 гг. и употребляются в значении охотиться-разведывать, охотники-разведчики [25]. Ему же принадлежит чрезвычайно интересная мысль о том, что пластуны в конце XVIII в. снабжали гарнизоны казачьих кордонов дичью и одновременно добровольно следили за переправами на реке, оставаясь формально вне войсковых соединений. Дело в том, что призвать пластунов на официальную службу было довольно трудно, так как они вели полукочевой образ жизни. Большую часть года пластуны жили в плавнях, где на сухих «грядынях» ставили свои курени (шалаша). Только весной они приходили в слободы, где выменивали свою добычу на нужные товары.

Но если многие Черноморцы просто уклонялись от службы (поставляя вместо себя наемников, укрываясь на рыбных заводах и при отарах), то с пластунами все обстояло иначе. Их повседневная жизнь была одновременно и службой. По воспоминаниям старого пластуна, казаки в то время резко делились на две категории: одни, отбыв кордонную службу, спешили домой и занимались сельским хозяйством, другие служили всю свою жизнь, сначала по обязанности, а потом «из любви к искусству».

В 1803 г. в Черноморском казачьем войске было сформировано 10 конных и 10 пеших полков. Видимо, в эти годы и состоялось распределение пластунов по полкам. Годичный срок службы пластун отбывал теперь в составе конкретного полка и на определенном участке кордонной линии. После этого он уже мог служить «из любви к искусству». Мы думаем, что эта приписка была вызвана не столько военными, сколько экономическими причинами. Ведь пластунов было довольно мало, и они не могли кардинально изменить боеспособность черноморской границы. В то же время проблема «продовольствования» кордонных казаков была в войске очень острой. Нехватка продуктов – одна из причин многочисленных побегов со службы. Теперь пластуны помогали решать эту проблему для своих однополчан. Пластун буквально служил охотником, занимаясь попутно и разведкой. Примечательна фраза из сообщения генерала Власова атаману Матвееву, датированного июнем 1821 г.: «...посланный из Андреевского поста за зверем казак Степан Мельниченко, называющийся пластуном...» [26].

По сведениям Ф.А. Щербины, в конных полках имелись и конные пластуны. Материалы, относящиеся к началу 60-х гг. прошлого века, свидетельствуют, что пластуны конных полков имели лошадей, и часть своих служебных обязанностей выполняли в конном строю и только в бою, выступая в роли застрельщиков, действовали в пешем [27]. (По этим соображениям мы опустили слово «пешие» в предложенном нами определении пластунов. Если же учесть, что у линейных казаков пластуны «представляли едва ли не самых выдающихся наездников» [28], то подобная осторожность будет вдвойне оправданной. Эти

факты вовсе не опровергают тезис: «пехота – колыбель пластунов». Пластун-разведчик, пластун-стрелок, «пластунское искусство» ассоциируются, и вполне оправданно, с пешим воином. Использование пластунов в конном строю говорит об их умении приспособляться к требованиям времени и военной обстановки.).

Пластуны резко выделялись среди остальных казаков своим умением «цельно стрелять», что не удивительно, учитывая их постоянные занятия охотой. Солдат регулярной армии обучали умению вести, прежде всего, залповый, а не прицельный огонь. Для стрельбы по одиночным целям лучшие стрелки отбирались в егеря, застрельщики, стрелковые полки и батальоны.

Снайперские способности пластунов позволили объединить их в специальные команды для использования в бою в качестве застрельщиков. Ф.А. Щербина полагал, что пластуны как самостоятельная и организованная часть войска впервые появляются в 1824 г., когда генерал Власов формировал отряд для рубки леса за Кубанью. В литературе можно встретить упоминания и о более ранних таких попытках (правда, они не документированы).

Автор истории 1-го Полтавского полка И.Е. Гулыга, описывая поход атамана Ф. Бурсака на шапсугов в 1804 г., утверждал: «В авангарде шел 1-й пеший полк, сборная сотня пластунов...» [29]. В 1811 г. Бурсак из Федоровского укрепления тревожил шапсугов то всем отрядом, «то малыми партиями отборных черноморских пластунов» [30]. Документально подтверждается попытка создания особой команды из отборнейших стрелков в 1810 г. [31]. Ее формировал близ Великолагерного кордона граф Рошешуар «для нечаянных нападений на закубанских жителей». Почти полностью угасший текст архивного дела не позволяет выяснить подробности. Из других источников известно, что команда эта не состоялась.

В 1823 г. для действий за Кубанью формировался специальный отряд. Исправлявший должность войскового атамана подполковник Дубонос приказал командирам полков «с поручением сего зараз выбрать из вверенного вам полка искусного в стрельбе пластуна, коему не следует поступить на первую очередь в нынешний отряд, прислать ко мне в Екатеринодар...» [32].

В том же году начальник штаба Кавказского корпуса генерал-майор Вельяминов попросил прислать десять «лучших черноморских пластунов» для охраны его во время поездок. В этом – доказательство уже достаточно широкой известности пластунов на Кавказе и подтверждение высокого уровня их боевого мастерства. Здесь вновь идет речь о снайперских качествах пластунов, ибо генеральской охране ни к чему было заниматься разведкой.

Эта просьба породила обширную переписку, которая помогает уточнить некоторые детали [33]. Командир полка Головинский сообщает, что в полку «есть искусные в стрельбе два пластуна», но отыскать их будет трудно. Командир 5-го конного полка есаул Животовский докладывает: «Отысканного мною через кого следует казака моего полка, искусного в верной стрельбе, посылаю». Командир 2-го пешего полка сетует: «За учинением выправки и как мне самому известно всем полку искусного пластуна не имеется». Слово «пластун» употребляется здесь в значении «охотник». Следующий рапорт подтверждает это: «Казаки моего полка, искусные в стрельбе, которые мною употреблялись в пластуны...». И еще две выписки: «искусных в стрельбе пластунов...», «знающего несколько пластунов...». Слово «пластуновство» употребляется в смысле «охота», как использовал его еще в 30-е г. Я.Г. Кухаренко.

Таким образом, в начале 20-х гг. пластуны занимаются разведкой, а при встрече с противником поражают его удивительно точными выстрелами. В составе специальных отрядов, действовавших за Кубанью (военные репрессалии, рубка леса), пластуны объединяются в особые команды, выступая в роли застрельщиков. По всей видимости, в этот период пластунов еще мало привлекают непосредственно к сторожевой службе в составе пикетов; сохраняется положение конца XVIII в., когда в документах отдельно фигурируют пикетные и разъездные казаки и пластуны [34].

Генерал Власов, «обнаружив среди черноморцев таких оригинальных представителей войска», как пластуны, счел полезным значительно увеличить их количество. 12 января 1824 г. он предписал войсковому атаману полковнику Матвееву: «Озабочиваясь по возможности увеличить число

лучших стрелков, или пластунов, я нужным почел просить Ваше высокоблагородие вызвать охотников (здесь – добровольцев.– Авт.), умеющих целно стрелять, из поселяющихся по границе в пяти селениях старожилых казаков и пользующихся теперь льготой, а также из отставных ближайших к границе старых селений, коим и приказать являться в Екатеринодарскую канцелярию как можно поспешнее...» [35]. В лексике Власова «пластун» синонимичен стрелку.

Дело, как и просил Власов, двигалось скоро. Г.К. Матвеев дает соответствующие указания смотрителям селений и полицмейстеру г. Екатеринодара. Уже 14 января полицмейстер есаул Гардовский рапортует об отборе из живущих в городе отставных и престарелых казаков «лучших стрельцов» в количестве 50 человек. 14, 15, 16 января поступают рапорты от смотрителей селений. Из селения Старонижестеблиевского выбрано 7 казаков, из Новоекатериновского – 15, из Пашковского куреня – 2, Кореновского и Дядьковского – по одному. В некоторых местах нужных людей не нашлось. Например, смотритель Мышастовского селения сообщил: «Но таковых пластунов, кои бы могли целно стрелять, в селении не оказалось». Во многих рапортах встречается фраза: «выбрал в застрельщики». Военная специализация этой команды очевидна.

Из селений и Екатеринодара было отобрано 133 человека. Очевидно, это количество не удовлетворило Власова, поскольку поиски пластунов начались в полках. 23 января в пластунскую команду были определены офицеры – есаул Комянченец и сотник Гелюх. Для назначения постоянного командира Власов попросил атамана Матвеева «уволить от должности», полицмейстера Гардовского.

Подведем итоги. В черноморском пластуnstве первой трети XIX в. можно выделить два направления. Первое представляют «естественные» пластуны, т.е. охотники-профессионалы, второе – «искусственные» пластуны, т.е. меткие стрелки, собираемые из селений и полков в особые команды. Диапазон действия первых значительно шире. Прекрасно зная местность, овладев приемами маскировки, навыками незаметных и бесшумных движений, они быстро становятся незаменимыми разведчиками. В свободное и служебное время активно занимаются охотой. При отраже-

нии нападений на границу и в составе закубанских экспедиций действуют как застрельщики.

Этих пластунов очень мало. Когда командиры полков рапортуют об отсутствии у них пластунов или о наличии 2-3 человек, то становится ясно, что речь идет об охотниках, оформившихся уже в своеобразных стрелков-разведчиков. (Трудно предположить, чтобы в полку не нашлось хотя бы нескольких приличных стрелков.). Этих людей очень ценят, крайне в них нуждаются и знают чуть ли не поименно. Показательно в этом отношении предписание Власова атаману Матвееву от 7 января 1824 г.: «Для открытия мест закубанцев и самого даже неприятеля встречается большая надобность в пластунах, а потому... прошу уведомить меня, сколько их в... отряде будет находиться, каких полков и кто именно; а также оставить лучших пластунов на сию смену из теперешнего отряда, дав им нужное продовольствие и позаботиться в вознаграждение их...» [36].

Успехи пластунов навели на мысль о создании особых команд из отборных стрелков. (В годы Крымской войны черноморские пластуны стали образцом для создания пластунских групп в регулярных частях.). Комплектуются они в основном из отставных, престарелых и льготных казаков, в силу чего их участие в разведывательных поисках представляется довольно ограниченным. Эти казаки действуют прежде всего как застрельщики во время масштабных военных акций. В их состав включались, конечно, и пластуны первой группы, происходила передача технического опыта и военных традиций. Формируемые пластунские команды были довольно многочисленными, но в силу военной необходимости дробились на более мелкие группы. Специфика боевых действий на Черноморской кордонной линии обусловила временный характер этих команд. При отсутствии крупных сражений содержание больших концентрированных партий лучших стрелков было нецелесообразно. По окончании военной акции одни пластуны («пластуны-добровольцы») возвращались в свои селения, другие – на службу в полки, третьи уходили охотиться в плавни.

В эти же годы складывается морально-психологический тип пластунов, людей «предприимчивых, мужественных, неусыпных». Постоянные трудности, лишения и

опасности выковывают эти черты характера. Кроме того, войсковое начальство начинает сознательно отбирать в пластунские отряды именно таких казаков, как бы культивируя этот элитный тип. (Точно так же в охотничьи команды Кавказских войск отбирались люди испытанной в боях храбрости и редкого воинского умения.). Вероятно, с середины 20-х гг. начался количественный рост пластунов. «Уходу в пластуны» способствуют не только социально-экономические причины – бедность, сиротство, пристрастие к охоте (они были и раньше), но и привлекательно-героический стереотип, сложившийся вокруг него. В плавнях появляется все больше «охочих до пластуны хлопцев».

В первой четверти XIX в. утверждается и образ жизни, характерный для пластунов. Это не только охота как главный источник существования (по документам известно, что часть пластунов подрабатывала на рыбных заводах, при отарах). В пластунский образ жизни мы включаем также равнодушие к хозяйству, нежелание заниматься сельскохозяйственным трудом, пренебрежение к семье и женщине. Большая часть пластунов была по-прежнему холостой, «к бабам они выражали тенденциозное пластунское презрение», а если и женились, то относились к семье очень апатично. По воспоминаниям М. Седых, жена видела своего мужа-пластуна «на мясныцу, да на Вылык день». Образом жизни стал и постоянный поиск противника, опасности и военных приключений. Если это не было естественным качеством человека, то становилось хорошо усвоенной с детства привычкой. Образ жизни черноморских пластунов, являясь реминисценцией сечевого товарищества, сложился в конкретной военно-исторической обстановке и под влиянием, в какой-то степени, образа жизни горских народов. Профессионал-охотник постепенно становится и воином профессионалом.

С ростом численности пластунов начинается более активное привлечение их к сторожевой службе на пикетах. Они всегда находятся впереди всех в зоне повышенной опасности. Неудивительно, что пластунские команды становятся своеобразным «штрафным батальоном» для провинившихся офицеров войска. Если в России офицеров ссылали на Кавказ, то в Черномории – в пла-

стуны. Так, в ноябре 1824 г. сотника Стецинского в наказание перевели в отряд, рубивший лес за Кубанью, и повелели два месяца «содержать его впереди засеки с пластунами» [37].

Практика Формирования из пластунов особых временных команд для отправки на самые ответственные участки границы сохраняется и в последующее время. В апреле 1824 г. в дистанции Ольгинского поста создается группа пластунов под командой войскового полковника Табанца [38]. В конце 1824 – начале 1825 гг. в составе пограничного отряда (отрядом в Черномории называли казаков, вызванных со льготы на внеочередную службу) действует пластунская команда, сотника Гелюха. В январе 1826 г. 500 конных, 200 пеших казаков и 70 пластунов отряжаются в Новоекатериновское селение для обороны его от наступающего неприятеля [39]. В апреле 1828 г. специальную команду из лучших стрелков организует А.Д. Безкровный. В 1830 г. он создал особую партию из 40 казаков для выслеживания и наблюдения за горами. В рапорте командующему войсками Кавказской линии и Черномории генералу Емануелю он рекомендовал их как «отличнейших стрелков, храбрейших в делах с неприятелем и расторопнейших, называемых пластунами».

В 1832 г. атаман Заводовский приказал сформировать особую пластунскую команду (1 офицер, 3 урядника и 18 казаков) для преследования черкесских отрядов. В нее должны были войти люди, «знающие совершенно пластунское искусство», опытные и храбрые «в деле с неприятелем». В марте 1833 г. пластуны были распушены по своим полкам. По мнению Ф.А. Щербины, к 30-м гг. выработался «интересный тип этих воинов-стрелков и разведчиков».

Пытаясь выделить основные этапы в истории черноморского пластуныства, можно условно назвать первые четыре десятилетия XIX в. периодом «полковых пластунов» или периодом «военных товариществ». Последнее выражение заимствовано у И.Д. Попко, им характеризуются принципы военной организации пластунов более позднего времени. Однако и в описанную эпоху значительное число пластунов проживало совместно, группами из нескольких человек. Начало 40-х гг. принесло войску, и пластунам в том числе, столь значительные перемены, что

следующий этап их истории можно назвать периодом «штатных батальонных команд».

Положением о Черноморском казачьем войске от 1 июля 1842 г. устанавливалось количество строевых частей, их штатный состав, названия, утверждались образцы оружия и формы. Пешие полки были переименованы в пешие батальоны, устроенные наподобие регулярной пехоты. Пластуны получили «право гражданства» и были признаны отдельной частью войска. В каждом из 12 конных полков и 9 пеших батальонов войска образовывалась особая штатная пластунская команда в количестве 60 человек. Кроме того, было установлено и штатное количество застрельщиков – по 36 на полк и батальон.

Немногочисленные команды пластунов считались аристократией войска. Они были на особом, привилегированном положении, самостоятельно решали многие служебные вопросы, включая комплектование своей команды. «В справедливом уважении в их более трудной и полезной службе назначено им преимущественное, пред прочими товарищами их, жалование» [40]. В то время как простые казаки получали «на улучшение артелей» по 8 руб. в год, застрельщики по 10 руб. 71 3/7 коп., то пластуны – по 14 руб. 28 4/7 коп. [41].

В октябре 1854 г. командир 7-го конного полка подполковник Гусаров предложил уравнивать жалование пластунам и застрельщикам, так как и те и другие «находятся против неприятеля на одной линии» [42]. Эту просьбу поддержал исправлявший должность наказного атамана Я.Г. Кухаренко. Его ходатайство привело к неожиданным последствиям. 31 января 1855 г. Департамент военных поселений, на основании высочайшего утверждения, постановил: «Застрельщиков конных полков и пеших батальонов Черноморского казачьего войска... переименовать в пластуны и затем в каждом полку и батальоне иметь пластунов вместо 60 по 96 человек» [43].

Бывшим застрельщикам было решено выдавать на содержание артелей по 12 руб. в год. Возникла неуместная разница в выплатах старым и новым пластунам. После долгих дебатов в июле 1857 г. всем пластунам стали отпускать от войска по 12 руб. при службе на кордоне. При полевой службе вне войска решено было пластунам полков деньги от войска не давать, так как они

получали от казны ремонтные деньги (на содержание лошадей) в размере 21 руб. 45 коп., а пластунам батальонов отпускать от казны на улучшение артелей по 14 руб. 28 4/7 коп. [44].

В 1859 г. произошла очередная реорганизация строевого состава. Войску было повелено иметь 9 конных полков и 12 пеших батальонов трехочередного состава. Первоначально в составе каждого батальона предполагалось иметь три линейные и одну стрелковую роты (последняя из 160 казаков и 10 урядников). По ходатайству войска штат стрелковой роты был увеличен до 20 урядников и 230 казаков [45].

Создание в 1860 г. стрелковых рот юридически означало ликвидацию пластунов в пеших батальонах Кубанского казачьего войска. Современники прекрасно понимали главную причину происходящих процессов. В записке, подготовленной штабом войск Кубанской области для Главного штаба Кавказской армии, прямо говорилось: «Война закончилась, и пластуны утратили свое значение». В конных полках пластуны еще держатся, но мысль об их упразднении уже витает в воздухе, готовятся проекты практической реализации этих идей.

В 1866 г. ревизия обнаружила в конных полках первых номеров всего 0,74% личного состава к штату, в пеших батальонах – 0,78%. В связи с предполагаемым упразднением пеших батальонов главнокомандующий Кавказской армией разрешил пополнить конные полки за счет батальонов. При этом в конных полках были сформированы пешие пластунские команды [46]. В отчете Кубанского казачьего войска за 1868 г. указано, что пластунские команды численностью от 50 до 100 человек несут «военно-полицейскую и административную службу в районе своих полков» [47].

Формально тема черноморского пластуинства могла быть завершена 1860 г. в связи с образованием Кубанского казачьего войска. Однако десятилетний период существования пластунских команд в конных полках, отчасти сохранивших старые черноморские традиции, заставляет нас продолжить рассказ до 1870 г.

В этом году было реорганизовано Кубанское войско. В его составе сформировано 10 конных полков и 2 пеших пластунских батальона. В конных полках пластунов не было, не найти их и в пластунских

III. История Кубани в новое и новейшее время

батальонах. Не охотник, не стрелок-разведчик, а пехотинец – вот что представляет из себя пластун Кубанского войска. На батальоны распространяются основные уставные положения регулярной пехоты. Устанавливаются новые принципы комплектования, обучения, снабжения оружием (если черноморским пластунам правительство выделяло самое современное, то кубанские получают образцы, снятые с вооружения регулярной армии). Налицо преемственность названия, но не традиций.

Естественно, находясь на кордонной службе в Закавказье, кубанские пластуны использовали военно-тактические приемы черноморцев. Но, взятые отдельно, эти приемы характерны для соответствующих частей любой армии. С таким же успехом можно назвать пластунами современных пограничников, войсковых разведчиков или снайперов. Вот почему во главу угла мы поставили образ жизни, на базе которого сложились и эти приемы, и особый менталитет.

Черноморские пластуны как феномен родились и выросли в конкретной военно-политической ситуации, в определенной местности и определенной социально-экономической обстановке. Изменение одного из этих условий повлияло бы на облик черноморского пластуна. Трансформационные процессы, пока не видимые отчетливо из-за фрагментарности документальных источников, протекали в пластунской среде непрерывно. Ускоряющиеся темпы социально-экономических преобразований рано или поздно взорвали бы этот образ жизни и уничтожили питающие его родники. Окончание Кавказской войны помогает установить хотя и формальную, но четко очерченную временную границу. Уход с исторической сцены черноморских пластунов был исторически неизбежен.

Примечания:

1. Туренко А.М. Исторические записки о войске Черноморском // Киевская старина. 1837. Т. 17. № 3 (март). С. 509.
2. Кухаренко Я.Г. Пластуны // Збирник творив. Киев, 1880.
3. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858.
4. Попко И.Д. Исторические и биографические очерки. Екатеринодар, 1872.
5. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар, 1913.
6. Седых М. Записки пластуна 20-х годов // Кубанские областные ведомости. 1896. № 250.
7. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX в. Краснодар, 1989.

8. Ратушняк В.Н. Из исторического прошлого кубанских пластунов // Из дореволюционного прошлого Кубанского казачества. Краснодар, 1993.
9. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб., 1882. С. 121.
10. Малый энциклопедический словарь. Т. 2. СПб., 1908.
11. Военная энциклопедия. Т. 15. СПб., 1914.
12. Губарев Г.В. Казачий словарь-справочник. М., 1992.
13. Малая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1930; Советский энциклопедический словарь. М., 1981.
14. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1954; Большая советская энциклопедия. Т. 33. М., 1955; Словарь современного литературного языка. Т. 9. М.; Л., 1959.
15. Советская военная энциклопедия. Т. 6. М., 1978.
16. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858. С. 240.
17. Кухаренко Я.Г. Пластуны // Вольная Кубань. 1993. 11 марта.
18. Попко И.Д. Исторические и биографические очерки. Екатеринодар, 1872. С. 69.
19. Червинский В. Памятка Кубанского казачьего войска. СПб., 1896. С. 35.
20. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 89.
21. Кухаренко Я.Г. Указ. соч.
22. Туренко А.М. Указ. соч. С. 509.
23. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 497.
24. Дьячков-Тарасов Н. Черноморская кордонная, Черноморская береговая линии и правый фланг Кавказа перед Восточной войной в 1853 г. // Кубанский сборник. Т. 10. Екатеринодар, 1903. С. 257.
25. Покровский М.В. Указ. соч. С. 91.
26. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 284. Оп. 1. Д. 32. Л. 63.
27. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 620. Л. 75.
28. Щербина Ф.А. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего войска // Кубанское казачье войско. 1696–1888 гг. / Под ред. Е.Д. Фелицына. Воронеж, 1888. С. 182.
29. Гулыга И.Е. 1-й Полтавский кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска. 1788–1912 гг. Тифлис, 1913. С. 49.
30. Кубанский сборник. Т. 13. Екатеринодар, 1908. С. 62.
31. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 603.
32. ГАКК. Ф. 284. Оп. 1. Д. 32. Л. 63.
33. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 865. Л. 1–20.
34. Там же. Д. 355. Л. 82.
35. Там же. Д. 874. Л. 167.
36. Там же. Д. 873. Л. 1.
37. ГАКК. Ф. 287. Оп. 1. Д. 98. Л. 13.
38. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 38. Л. 231.
39. ГАКК. Ф. 284. Оп. 1. Д. 59. Л. 55.
40. Попко И.Д. Указ. соч. С. 255.
41. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 915. Л. 14.
42. Там же. Л. 1.
43. ПСЗ. Собр. 2. Т. 30. СПб., 1856. Ст. 28969.
44. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 915. Л. 43.
45. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 620. Л. 65.
46. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 261. Л. 15.
47. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 25. Л. 200, 227, 229.

Н.С. Ткаленко

Военные действия на Северо-Западном Кавказе в 1827–1831 гг.

Северо-Западный Кавказ долгое время неизменно находился в сфере интересов и влияния Российской империи. Важную роль в развитии событий в регионе играла разносторонняя политическая деятельность

царских наместников. Целью данной работы является рассмотрение военных мероприятий в Закубанье как метода насильственного покорения горцев в период деятельности на Кавказе в качестве Главноуправляющего генерала Ивана Фёдоровича Паскевича (1827–1831 гг.). Источниками для рассмотрения темы послужили документы, собранные и опубликованные Кавказской археографической комиссией.

Современный историк Ю.Ю. Клычников отмечает, что И.Ф. Паскевич, помимо мирных методов усмирения региона, видел и признавал основной и наиболее, по его мнению, успешный метод покорения горцев – проведение военных экспедиций на территории Северного Кавказа. Их целью «являлось занятие войсками плоскостей предгорья и наиболее важных пунктов в горах. Это должно было заставить немирные горские племена покориться» [1].

В 1827 году И.Ф. Паскевич в своем «отношении» генералу Еммануэлю писал: «В течение целого года крупных вторжений из-за Кубани не было, но мелкие нападения, грабежи, воровство и угон лошадей наблюдались. Паша не был в силах предупредить эти беспорядки» [2]. Таким образом, ещё за два года до включения региона в состав России, генерал обращал внимание на «беспорядки» на кубанской границе.

В апреле 1828 года началась российско-османская война (1828–1829), после чего ситуация на Северном Кавказе обострилась. Призывы российского правительства к горцам сохранять мир не увенчались успехом [3]. По сведениям лазутчиков стало известно, что на реке Урупе абадзехи и беглые кабардинцы численностью около 3000 человек готовятся вторгнуться в российские пределы. В ответ на это генерал Антропов дал распоряжение о формировании резервов для создания помехи вторжению горцев. 24 мая войска Антропова перешли реку Кубань и вскоре были уже в верховьях реки Лабы у горы Ахмет. Антропов создал прикрытия для мирных ногайских аулов, и горцы не решились такими силами вторгнуться в российские пределы. Однако ими был осуществлён набег на село Незлобное, после чего отряд «набежчиков» ушёл обратно за Кубань [4].

В июле и августе 1828 года вновь ожидалось вторжение закубанцев в российские пределы, на что в октябре того же года

по распоряжению генерала Еммануэля за Кубань были отправлены две экспедиции. Первая, под начальством генерала Антропова, – на Лабу против мохошевцев, другая, под командованием майора Канивальского, – на Теберду против абазинцев. Было разрушено несколько горских аулов, захвачены пленные, уведено большое количество рогатого скота, освобождены из плена несколько российских солдат и казаков [5].

В конце 1828 года за реку Кубань был двинут большой отряд под личным командованием генерала Еммануэля, который в ноябре-декабре с карательными целями совершил ряд переходов по горам и горным речкам. Войска разделились на три части: первая колонна, под командованием генерала Турчанинова, из 780 человек пехоты, 900 казаков и 2-х конных орудий должна была напасть на аул Хамурзина на реке Урупе; вторая колонна, под командованием полковника Луковкина, состоявшая из одной роты пехоты и 350 казаков с одним орудием, должна была пойти в верховья Лабы, на реку Копис; третья – колонна генерала Антропова, в которой находился и сам Еммануэль, состоявшая из 800 человек пехоты, 550 казаков при 6-ти орудиях, должна была двигаться в верховья Чамлыка, в аулы бесленеевцев. В ходе экспедиции были истреблены несколько аулов, освобождены многие российские солдаты и казаки, возвращено всё то, что было похищено горцами в российских пределах. После этого присягу российскому императору принесли большая часть бесленеевцев (630 домов которых переселилось на открытые места), а также башилбаевцы и беглые кабардинцы на Урупе [6]. В том же 1828 году о верноподданстве России заявили хамышевские князья, ногайцы, хатукаевцы и темиргоевцы [7].

В апреле 1829 года генерал Засс от лазутчиков узнал, что несколько партий черкесов направляются к переправе через Кубань. Г.Х. Засс в тот же день, взяв с собой казаков, переправился через Кубань. Вскоре они уже были на реках Лабе, Чокраке, Белой. Застав там неприятеля, генерал Засс приказал атаковать, закубанцы были разгромлены [8].

В том же году между реками Кубанью и Степным Зеленчуком казачий отряд в количестве около 60 человек во главе с сотником Гречишкиным, из станиц Казанской и Тифлисской, попал в окружение

к превосходящему по силам неприятелю. Отряд Гречишкина был уничтожен. Это вызвало ответную экспедицию генерала Антропова в Закубанье: было сожжено несколько аулов вдоль рек Белая и Лаба [9].

В январе 1830 года генерал Антропов провёл ещё одну экспедицию по горским аулам для наказания черкесов-кизылбаевцев. В ходе неё было разорено и сожжено несколько аулов. Однако на обратном пути отряду Антропова пришлось часто отражать нападения горцев, которые стремились спасти своих товарищей из плена [10].

В 1830–1831 гг. российское командование также предприняло несколько экспедиций за Кубань, сопровождаемых не только разорением черкесских аулов, но и строительством системы крепостей. Особое внимание было уделено береговым укреплениям и организации крейсирования российских судов вдоль побережья Чёрного моря [11].

Таким образом, военные экспедиции этого времени становились не столько ответными на набеги горцев на Линию, сколько упреждающими, предупреждающими готовящиеся акции закубанцев. Российское командование переходит к созданию крепостей на побережье. Военные действия проходят в глубине Закубанья и рассматриваются командованием в качестве эффективного метода покорения горцев, приведения их в российское подданство. Однако военные экспедиции рубежа 1820–1830-х гг. способствовали присягам лишь на кратковременный срок, приводили к возросшим потерям с обеих сторон. Военные методы разжигали ненависть к российскому правительству, усиливали освободительное движение горского населения, обостряли обстановку в регионе.

Примечания:

1. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. С. 310–311.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 875–876 (Далее – АКАК, с указанием тома).
3. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 344.
4. АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 878–879.
5. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: В 2-х т. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. Т. 2. С. 457–458.
6. Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. С. 248.

7. Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. 2. С. 461.
8. Там же. С. 462.
9. АКАК. Т. VII. С. 439.
10. Там же. С. 440.
11. Панеш А.Д. Юридикализм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп: ОАО Полиграфиздат «Адыгея», 2006. С. 45–46.

Ю.Б. Бурцева

Участие черкесогоаев в русско-адыгских торговых связях (конец XVIII в. – 1840-е годы)

С момента поселения Черноморского казачьего войска на Кубани между русским населением и адыгейскими племенами начался оживленный торговый обмен, в котором все возрастающую роль начинают играть наряду с горской знатью и закубанские армяне – черкесогоаи. Предпосылками торгового обмена были, с одной стороны, стремление массы свободного горского населения (тфакотлей) получить русские товары за счет сбыта своих изделий и продуктов на русских базарах и ярмарках и, с другой стороны, потребность русского, казачьего населения, пограничных гарнизонов Черноморья в горских товарах, в том числе и хлебе, особенно в первые десятилетия после переселения Черноморского казачьего войска на Кубань. Участники и структура торговли с конца XVIII по середину XIX века, условия обмена, как и номенклатура и объем товаров, активно менялись. Постепенно меновая торговля приобретает товарно-денежный характер, в нее втягиваются различные социальные и этнические группы, в том числе и черкесогоаи.

В исследовательской литературе середины XX в. постоянно присутствовал тезис о незаинтересованности «царизма» в сближении с горскими народами. М.В. Покровский писал: «Это сближение адыгов с русскими происходило вопреки политике и воле царизма, который всеми мерами старался ему воспрепятствовать» [1]. Однако документы показывают несколько иную картину развития русско-адыгейских торговых связей и участия в них закубанских армян, которые выступали часто посредниками в торговых контактах.

Порядок и таможенные ограничения часто менялись в зависимости от военно-политической и экономической ситуации в адыгско-русской пограничной зоне на Кубани.

Уже в 1793 г. войсковой атаман Черноморского казачьего войска З. Чепига определяет порядок торговли солью с горцами: закубанцы пересекали Кубань и могли торговать и менять свои товары в строго определенном месте, число участников товарообмена контролировалось, пресекалась спекуляция, чтобы «не подвышали уже установленных цен»; вводились строгие наказания на обмен и продажу военного оружия, пороха, свинца, черной селитры и железа, которые рассматривались как военный товар. Полковой хорунжий на меновом пункте обязан был обеспечивать общественный порядок, чтобы не было драк, воровства и ограблений [2].

По данным торговых ведомостей Екатеринодарского менового двора, в 1796–1798 гг. торг и мена в основном охватывали небольшие объемы товара и ограниченную номенклатуру. Из-за Кубани привозили хлеб (пшеница, мука ржаная, просо, ячмень, овес), продукцию пчеловодства (воск, мед), товары домашних промыслов (сукно, свитки, бурки, шкуры) для обмена на соль из войсковых запасов или соль, добываемую казаками Кисляковского, Медведовского, Щербиновского куреней. В октябре–ноябре 1796 г. только через Богоявленский меновой двор в фонд войскового провиантмейстера поступило хлеба разного 553 четверти 4779 пудов и 19 фунтов, а соли в обмен выдано 3505 пудов (с. 11).

Через Екатеринодарский меновой пункт с мая по декабрь 1796 по июнь 1797 г. у закубанцев было выменяно «разного хлеба» и поступило в приход на войсковые склады 883 четверти 21851 пудов, а соли «променено» закубанцам 15 146 пудов (см.: с. 12–30). В апреле 1798 г. на этом же пункте закубанцам было променено 413 пудов войсковой соли.

При этом меновом дворе находились на жаловании два смотрителя, два толмача, писарь и тридцать один пеший казак. Соль была распространенным товаром в бартерных сделках. При строительстве карантина при Екатеринодарском меновом дворе были использованы бревна, колья, хворост, выменянные у черкесов на соль. Это строительство в апреле 1798 г. обошлось войсковой казне в 49 пудов соли (с. 31). Весной того же года по указу Войскового Черноморского правительства было выкуплено несколько солдат у закубанских черкесов за 400 пудов войсковой соли (с. 28).

Армянские купцы, приходящие с товаром из Черкесии, «с той стороны Кубани», как и собственно сами черкесы еще малоизвестны для служащих меновых дворов в конце XVIII века и они еще не называются по именам. К товарам применяются противоэпидемические мероприятия, и в ведомости в июне 1798 г. появляется следующая запись: «Взыскано с армян, вышедших с той стороны реки Кубани за окурение порошками их товаров» 10 рублей (с. 18, 19).

Проходившие через меновые дворы армянские купцы, как и черкесы находились под защитой карантинных начальников, которые должны были строго следить, «чтобы купцам и поселянам ни от кого и никаких обид и притеснений чинимо не было». Здесь также собиралась информация о событиях у зарубежных народов, их благосостоянии. Каждые две недели информация об обмене с горскими народами поступала в канцелярию Кавказского гражданского губернатора М.В. Малиновского. Смотрителю Усть-Лабинского менового двора строго наказывалось обеим торгующим сторонам обеспечить полную справедливость при строгом соблюдении таможенных законов (с. 33, 34). Особые льготы предоставлялись торговцам тех горских народов, которые вели себя мирно по отношению к русской стороне (с. 34–36). Командир отдельного Кавказского корпуса генерал А.П. Ермолов распорядился, чтобы в число беспошлинных товаров были также включены просо и пшеница, привозимые из Закубанья в 1818 г. в связи с засухой в Черноморье (с. 44). В частые периоды эпидемий и падежа скота торговые связи временно прекращались, усиливались меры предосторожности. Перебои в налаженных торговых отношениях, прекращаемые односторонне русским командованием всегда вызывали осложнения с горской стороны. Закубанские горцы настраивались враждебно, выражали «отвращение» к просьбам кордонной стражи Черноморского казачьего войска, что заставляло войскового атамана просить у высшего начальства послабления в карантинных запретах (с. 46–47).

Постепенно складывается порядок торговли и обмена на меновых дворах. Этот порядок постоянно корректируется различными положениями о меновой торговле с горскими народами. Он распространялся и на армянских «промышленников», как часто именуются закубанские армяне-торговцы.

С русской стороны горцам предлагался хлеб, различные холсты и ткани и прочее, «нужное для горцев». От горцев получали взамен воск, мед, сало, кожи, живой скот и прочие товары. Горский товар подвергался обязательному карантину. Обязательное очищение в карантине предписывалось для бумажных, шерстяных, шелковых, гарусных, льняных материй, меха и шерсти. Не допускался обмен для золотой и серебряной как русской, так и иностранной монеты, золота и серебра в слитках, персидских и турецких товаров (с. 36).

По правилам русской кордонной линии разрешалось в исключительных случаях открывать меновые дворы на черкесской стороне. Так, в 1824 г. «приверженный России» шапсугский дворянин Читагож и хамышевский князь Магмет открыли свои меновые дворы. Свой «караул» Магмет устроил напротив карантина и Екатеринодарского менового двора. Лодки для переезда (каюки) торгующим казакам подавались только по распоряжению начальника «черкесской караульни», который пользовался полным доверием у властей русской кордонной линии (с. 51).

В карантинах чиновники должны были строго соблюдать социальные различия в среде прибывающих горцев, с должным уважением относиться к князьям, узденям и духовенству, размещать их отдельно от холопов, а при предоставлении помещений для отдыха размещать отдельно пол мужской от женского (с. 51). Меновые дворы размещали как на левом, так и на правом берегу Кубани, приближая их насколько это было возможно к скоплениям черкесских аулов для удобства торговли и доставки товаров. Так, Чернолесский меновый двор в 1823 году был закрыт и перемещен к Великолагерному посту. Основной причиной закрытия стали «мена в малом количестве» из-за его дальности от горских жилищ (с. 48, 49).

Одно из первых упоминаний участия армянских торговцев с закубанской стороны в обмене хлеба и леса на соль относится к 1823 году: 27 января в Чернолесский меновый двор прибыло восемь арб с хлебом от закубанских черкесов и два армянина – «промышленника» Авадим и Бедрос (с. 48). Армяне выступали в роли посредников в налаживании торговых связей между русским командованием Черноморской кордонной линии и адыгскими владельческими

князьями. Армяне привлекались для переговоров, составления документов, отправлявшихся с черкесской стороны русскому начальству. На армянском языке было составлено прошение хамышевских князей Алкаса и Магмета Гаджимока о возобновлении торговли в районе Анапской крепости 27 мая 1827 г. Торговля была прервана в 1822 г. из-за обострения отношений с шапсугами и абадзехами. Хамышевские князья подчеркивают в своем прошении постоянную верность России и просят возобновить торговлю на «прошлых основаниях», чтобы беспешинно торговать солью, лесом, хлебом, кожами и другими товарами, за исключением персидских и турецких. Особо подчеркивалось, что русские купцы могут торговать в хамышевских владениях, а черкесы и армяне, «жительствоющие в хамышевских владениях» – на русской. Прошение писали армянские купцы, владевшие грамотой и имевшие свой торговый интерес, а неграмотные братья Алкас и Магмет заверили документ своими личными печатями (с. 54, 55). Ужесточение торгового режима с декабря 1822 г. было связано с осложнением военной обстановки. Командир отдельного Кавказского корпуса генерал А.П. Ермолов предписывал для торгующих за Кубанью: пропускать с русской стороны армянских купцов под их ответственность, торговые риски, потери и убытки кордонное начальство не возмещало и ни в какие обстоятельства не входило, за Кубань и оттуда могли переправляться только закубанские армяне, за ними требовалось учинить строгий надзор. Армяне, жившие на русской стороне, пользовались большим доверием, но казаков, русских вообще за Кубань, как и горцев из-за Кубани пропускать и принимать не разрешалось (с. 47). Подобные запреты использовались армянскими купцами из Нахичевани и закубанскими черкесогаями как возможность расширить на свой страх и риск объем торговли с горцами, монополизировать торговые услуги, завязать цены на различные виды товаров к своей выгоде. На меновых дворах, где по-прежнему самым ходовым товаром была соль, русское правительство пыталось сдерживать цены и продавать ее по фиксированном таксам.

Периодические запреты на торговлю с шапсугами, в качестве наказания за связи с турками, не всегда достигали нужного

эффекта, поэтому атаман Черноморского казачьего войска Н.С. Заводовский предпочитал расширение торговли и привлечение горцев на сторону России путем открытия меновых дворов. Так, в 1829 г. торговля и обмен были возобновлены на Редутском, Малолагерном и Екатеринодарском меновых дворах (с. 68).

Закубанские армяне наиболее активную торговлю вели через Екатеринодарскую карантинную контору, через которую шел поток товаров с Дона, от нахичеванских армян. Запрету на вывоз подлежали золотая, серебряная и медная монета, иностранные и российские банковские ассигнации, огнестрельное и холодное оружие, порох и свинец. Торговые поездки на Дон занимали до 4-6 месяцев и связаны были с транспортировкой товара, прохождением карантина, реализацией и закупкой товаров для Закубанья, возвращением в родные места. В 1827 г. торговлю с Нахичеванью вели закубанские армяне Киворк Саркисов, Бабасик Габламов, Минас Исаев, Хачарес Кушков, Капрел Аретюнов, Исай Тволов, Семен Аксентьев, Иван Хачадуров, Чора Асланов, Хазем Кушков. В Екатеринодаре купцы черкесогаи часто дожидались подвоза своего товара с Дона, который могли осуществлять как нахичеванские армяне, так и русские купцы. На карантинных заставах черкесогаев рассматривали как представителей горской стороны, не чинили им «оскорблений и обид», поскольку это рассматривалось как неуважение к горским князьям, «у которых сии армяне имеют, вроде гостей, свои обиталища» (с. 58, 59). Вероятно, в этот период закладываются тесные этнокультурные, родственные и хозяйственные связи нахичеванских и закубанских армян. Например, по данным на 1859 г., число переселившихся из Армавира в Новый Нахичеван черкесогаев составило 309, а в Моздок – 129, причем показательно, что вместе с черкесогаями в этот период переселялись и находившиеся в зависимости от них черкесы: в Новый Нахичеван вместе с черкесогаями переселилось 95 черкесов, а в Моздок – 53. И в последующие годы имели место аналогичные явления [3]. Подвижность черкесогайского населения закладывалась в ходе торговой активности в 1830–1840-е годы.

С ноября 1837 года высочайшим императорским указом было разрешено для

поощрения торговли с мирными горскими народами по Кавказской линии беспоплатно отпускать железо и сталь на том же основании, как и другие российские товары. С горской стороны стали привозить рыбу, известь, мел, строительный камень. Пропуск железа и стали к мирным горцам разрешался только в трех пунктах – Екатеринодаре, Екатеринограде и Кизляре, только для личных нужд, с указанием количества и в какое селение оно отвозилось с записью в таможенных книгах (с. 142–143, 152). Взаимовыгодные торговые отношения были настолько тесными, что когда по каким-либо причинам прекращалась меновая торговля, то Черноморское войско лишалось значительных доходов от торговли солью, а жители испытывали большие затруднения в строительных материалах, дровах, которые только и использовали для отопления госпиталей, богаделен, присутственных мест (с. 42). Примечательно, что взаиморасчет ведется уже в денежной форме.

Торговые связи по объему и потребностям обеих сторон давно уже вышли за рамки небольших меновых дворов, и сама жизнь диктовала необходимость перехода к открытым базарам и ярмаркам. Особо массовой становится с 1845 года Благовещенская ярмарка в г. Екатеринодаре. Эта ярмарка позволяла провозить товар без карантинного «очищения», что естественно способствовало значительному расширению торговых отношений с горцами. О готовящейся ярмарке горские народы были широко извещены, несмотря на запреты со стороны клевретов Шамиля. Горцы были чрезвычайно довольны состоявшейся ярмаркой (с. 219–220, 223).

Еще одной причиной ярмарочной и открытой акции становится наметившаяся со стороны армянских купцов линия на монополизацию русско-адыгейской торговли с середины 1840-х годов. Этому способствовало укрепление курса серебряного рубля и допущение денежного оборота в русско-закубанской торговле и меновых операциях. В циркуляре командующего Черноморской кордонной линией Г.А. Рашпиля прямо указывается: «Вторая причина, отдаляющая горцев от непосредственных торговых сношений с нами, скрывается в спекуляции армян, так именуемых – закубанских. Эти в высшей степени пронырливые аферисты-торгаши, основав

коммерческие связи с соплеменниками своими нахичеванскими армянами, захватившими в свои руки внутреннюю торговлю в Черномории, передают горцам в виде чистой монополии наши произведения и товары, которые без того горцы должны бы были получать непосредственно от нас, следовательно, по необходимости вступать с нами в сношения» (с. 220).

Позднее, в официальном донесении Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом графу М.С. Воронцову, Г.А. Рашпиль несколько смягчил оценку роли армянских купцов в торговых сношениях с горцами. По его мнению, прямая торговля с горцами сведет на нет своекорыстие «недеятельного прикубанского народонаселения», которое должно будет обратиться к предпринимательской и промышленной деятельности из принципа соревновательности (с. 241).

Прямые контакты в ходе ярмарочных дней мирных, и особенно немирных горцев с русской администрацией укрепляли доверие между горцами и казаками. Особенно массовой была Троицкая ярмарка в июне 1845 г. в Екатеринодаре, на которой побывало только в начале ее работы более 4085 черкесов, пригнавших 2590 арб и 250 лошадей с товаром (с. 233).

На ярмарке побывало более 1000 немирных шапсугов и абадзехов. Армянский купец Никита Черкасов, торговавший в Екатеринодаре, выступал посредником между русским начальством и немирными шапсугами, которые не верили в возможность свободно торговать и подозревали хозяев ярмарки в попытке заманить черкесов в западню. Всего на Троицкой ярмарке побывало к 11 июня 1845 г. 7205 мирных и 2595 немирных горцев, продано 4901 арб с лесом, 120 голов скота, 80 лошадей, в целом на сумму 13550 руб. серебром (с. 235–237).

Широкие ярмарки по типу Благовещенской и Покровской стали называться в народе «черкесскими». Было сделано послабление в пропуске мирным горцам железа и стали, привозимых из России, как в виде изделий, так и кусками, поскольку железо использовалось для выделки земледельческих и хозяйственных орудий, а не для изготовления оружия. С октября 1845 г. железо и сталь разрешалось вывозить в Закубанье через г. Екатеринодар, Усть-

Лабинское и Прочноокопское укрепления (с. 257). Кавказский наместник князь Воронцов 9 февраля 1846 г. издает обновленные правила для меновой торговли с горцами. По всей Кавказской линии было определено 11 основных меновых пунктов, но содержалась оговорка, что могут учреждаться и новые, в зависимости от потребностей торговли. В частности, меновые пункты действовали при заставах Баталпашинской, Прочноокопской и Усть-Лабинской, в укреплениях Махошевском и Темиргоевском (с. 265). К привозу на меновые дворы допускались все категории товаров, и горцы могли ими торговать свободно и беспопылинно.

По-прежнему не допускались к продаже в горы пушки, ружья, пистолеты, шпаги, кинжалы, штыки, копья, пики и всякого рода оружие. Железо и сталь, олово и чугун в кусках дозволялось вывозить, как и прочие российские товары. Обмен товаров и торговля, а также ценообразование были абсолютно свободными. Горцы теперь могли сбывать свой товар не только на меновых дворах, но и провозить его через карантин на ближайшие городские и сельские ярмарки. На меновых дворах торговля разрешалась свободная круглый год, но могли назначаться и особые ярмарочные дни. Горцы могли теперь продавать и покупать соль на деньги, или выменивать на свои товары и изделия. Главный принцип русско-горской торговли – справедливость и добросовестность. Все торговые споры разрешались смотрителями меновых дворов, которые должны были убеждать торгующих к «миролюбивому» между собой соглашению. Рост товарооборота на меновых дворах, постепенное обустройство их в удобных местах по доставке товара превращают дворы в небольшие городки, в которых русским промышленникам разрешалось строить лавки для торговли, а мещанам-одиночкам, ведущим прочную торговлю при меновых дворах за карантинной линией, «с некоторой там оседлостью», предоставлялось право купцов 3-й гильдии без уплаты повинностей, пока они будут заниматься горской торговлей. Семейным мещанам предоставлялась такая льгота после трехлетнего пребывания в означенных местах и занятия торговлей. При этом семейные мещане освобождались и от рекрутской повинности (с. 266). Такие льготы стали

активно использоваться как русскими купцами, так и закубанскими армянами-черкесогоями, переходившими под русское подданство.

В ведомостях Екатеринодарского частного карантинного отряда отмечались фамилии торговцев, которые в 1844 году из Закубанья привезли для продажи в Россию горские товары. Наиболее часто встречаются имена закубанских армян, которые наладили тесные отношения с нахичеванскими купцами. Так, «закубанский армянин» Кондрат Кусиков доставлял в карантин товар для передачи армянину (нахичеванскому мещанину) Егору Черкесову 5 января, а Товшу Халаджев 17 марта. Тому же Черкесову товар доставлял торгующий за Кубанью нахичеванский армянин Григорий Кузнецов (13 января), закубанские армяне Хакос Беспанов (25 февраля) и Накупш Баронов (22 марта, 27 октября), черкесы Кремчирей Дедо (24 марта) и Магмет Алекуш (19 ноября), закубанские армяне Хачедур Черкесов (30 мая), Нахупш Баронов (28 сентября), Агуп Варганов (19 октября).

В свою очередь Григорию Кузнецову товар передавал закубанский черкес Ибрам Шпок (13 января). Закубанский армянин Асвадур Аведиков лично доставил товар для князя Четогозу (22 января). Закубанский армянин Егор Хачиков лично доставил товар для передачи, вероятно, своему родственнику армянину Михаилу Хачикову (26 января, 20 марта, 29 мая, 3 ноября, 20 декабря). 13 марта Михаилу Хачикову, «закубанскому армянину», товар доставляет Зерук Магмет, закубанский армянин Темерчан Каспаров (9 мая), Асвадур Саркизов (4 июня). Закубанский армянин хорунжий Даду Назаров привез товар для передачи нахичеванскому мещанину Семену Попову 8 февраля, 17 марта, 18 апреля, 23 мая, 30 сентября. Закубанский армянин Мелкон Хачедуров передал товар нахичеванскому мещанину Егору Хачедурову (18, 26, 29 февраля и 7, 19, 31 марта, 11, 22 мая, 28 сентября). Егору Хачедурову передали товар черкес Магмет Шалвыров (19 февраля), Капрел Хачедуров (4 апреля), Мсикоп Хачедуров (17 мая). Закубанский армянин Аракел Боронов лично доставляет товар для передачи 22 февраля армянину Чуречь. Закубанский армянин Назар Асланов передает товар армянину Егору Чентемирову 23 февраля. Черкес Пако Гагуб передал товар для армянина Торлу 14 марта. Че-

рез карантин торгуют между собой закубанский армянин Багдасар Варганов и нахичеванский мещанин Владимир Аведиков (29 апреля), Владимиру Аведикову направляет свой товар черкес Ебергам Хачау (22 декабря); обмениваются товаром Борух Баронов с Пшемафом Багарсуковым (22 мая) и черкесом Сокуром Ростомом (27 сентября). Закубанские армяне передают товары нахичеванским мещанам: Аведик Шабаров – Максиму Овганову (12 мая). Закубанский черкес Умар Сау доставляет товар Никите Данокову (27 мая), черкес Умар Пшемаф доставляет товар для армянина Егора Данокова (29 декабря), а закубанский армянин Гакоб Каракубаков – армянину Багдасару Варганову (7 июня); закубанский армянин Егор Хачиков лично доставляет в карантин товар для Михаила Хачикова 28 декабря 1844 г.

Товары для нахичеванских купца 3-й гильдии Ованеса Хачедурова, а также мещан Егора Хачедурова доставляли из Закубанья Мелкон Хачедуров (21, 23 июня, 2 июля, 18, 27, 28 сентября, 3 октября, 10 октября, 2, 19 декабря), а для купца 3-й гильдии Ованеса Миссерова – закубанский армянин Капрел Хачедуров (30 декабря). Тому же Ованесу Миссерову на карантин доставлял 18 декабря свой товар черкес Мет Женель. Перечень участников торговых операций только за один год показывает, что активными участниками ее были черкесогаи, нахичеванские армяне и черкесы. Вероятно, уже были целые торговые кланы, имевшие своих агентов-представителей как в Закубанье, так и на российской стороне в Прикубанье и Подонье.

Нередко карантинный пост использовался закубанскими армянами для осуществления внутренней торговли в Закубанье: так, 1 ноября 1844 г. закубанский армянин Темир Шириков доставил товар для передачи киркинейскому дворянину Шупак Берзечу кожи буйволиные, коровьи, воловь, овечьи, козьи, куньи, ноговицы, чекмени, коровье масло, мед в тулуках, воск, орехи лесные, курительный табак в листах (с. 186, 187).

В 1844 г. через Екатеринодарский частный карантин в Закубанье выезжали нахичеванские: купец 3-й гильдии Егор Черкесов – 7 раз, мещанин Семен Попов – 4 раза, мещанин Егор Хачедуров – 15 раз, купец 3-й гильдии Ованес Хачедуров – 13 раз, мещанин Карп Хазизов – 1 раз; живущий

в пределах войска Черноморского в станице Пашковской армянин Никита Чентамиров – 1 раз, армянин Циок Чантамиров – 1 раз; закубанские армяне: Михайло Хачиков – 4 раза, Борух Баронов – 1 раз, Минас Баронов – 2 раза, Аракел Баронов – 1 раз, Бабук Джантамиров – 3 раза, Егор Джантамиров – 1 раз, прапорщик Бен-Мирзе – 1 раз, Борух Богорсуков – 1 раз (см.: с. 195–214).

Только дважды за год в горские деревни за Кубань с товарами отправлялись черкесы Ебергам и Урсубет. Набор товаров был традиционный: ситец, миткаль, китайка, аладжа бумажная, платки и одеяла бумажные, пестрядь, сафьян, сундуки деревянные (с. 199). Армянские торговцы вывозили в горские деревни в основном ткани (ситец, миткаль, нанка, беза, зона, аладжа, китайка, мешина, холст простой, парча, сукно красное, канифас, камлот, кисея, тафта) войлок, вата, одеяла и платки бумажные, сафьян – тонко выделанную козлиную кожу, сундуки деревянные, серебро, котлы чугунные, тазы медные, чашки деревянные полированные, бумага писчая, зеркала, гребешки, наперстки, иголки, шубы овчинные (с. 199).

Даже в периоды обострения Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе небольшие партии закубанцев являлись на ярмарки, вели себя соответственно с правилами и всегда, «расторговавшись», возвращались обратно в свои аулы «довольными» (с. 223).

На вольных базарах свободный обмен товарами с весны 1846 г. постепенно превращается в куплю-продажу за деньги. Получая деньги, черкесы приобретали товары в станичных лавках, вследствие чего товары на меновых дворах не имели сбыта. Г.А. Рашпиль требует соблюдать правила меновой торговли от подчиненных, особо указывая: «...правительство установило на Кубани между казаками и черкесами не торговлю, а мену, дабы избыток произведений нашего края имел сбыт за Кубань, а оттуда также в натуре пополнялся бы недостаток местных потребностей войска». Причину превращения бартера в торговлю с использованием денег Рашпиль видит в армянских торговцах: «...эти пронырливые станичные торгаши армяне находят возможность вредить войсковым меновым оборотам...». От своих подчиненных Рашпиль требует, чтобы «станичные торгаши не выносили своего торга за круг станичных жителей и при-

надлежащих к ним хуторян и чтобы относительно закубанцев, со свойственной армянам пронырливостью, не вступали они в соперничество с торговыми действиями меновых дворов» (с. 276–277). Таким образом, торговые операции армянских купцов способствовали расширению торгово-денежных связей горцев и казаков, от чего начинает страдать даже деятельность меновых дворов. Это вызывало определенную настороженность и даже недовольство отдельных чинов военного командования.

Эффективная торговая деятельность армянских купцов вступала в противоречия с ограничительными мерами, принятыми для меновой торговли с горцами. Имея широкие связи и доверие среди горской знати, черкесогаи прибыльно обменивали привезенный товар с русской стороны. В торговые отношения под влиянием черкесогаев втягивались представители адыгской знати и дворяне мирных черкесских деревень. В казачьих станицах, городах и крепостях армяне имели свои лавки. Плотными были торговые и деловые связи нахичеванских и закубанских армян, которые выступали их постоянными торговыми контрагентами.

Российская администрация колебалась в отношении к их деятельности: от запрещения армянской торговли, которая составляла нежелательную конкуренцию для меновой деятельности воинской администрации, до поощрения, ввиду ее благотворного воздействия на горское население, привлекаемого, таким образом, к мирной жизни [4].

Черкесогаи в 1790-х – 1840-х гг. принимали активное участие в выстраивании русско-адыгских торговых связей, опираясь не только на прямые выгоды коммерции, но также используя этноконфессиональный фактор: присутствие армянского населения на Нижнем Дону, комплиментарность русского командования к закубанским армянам как христианскому населению, через представителей которого можно было оказывать влияние на горцев Северо-Западного Кавказа. Несомненно их позитивное воздействие на расширение и укрепление русско-адыгейских торговых связей. Выселение черкесогаев из Закубанья на правобережье Средней Кубани и их компактное расселение под охраной крепости Прочный Окоп заставило «закубанских армян» перейти постепенно от трансграничных торговых

посреднических операций к производящему хозяйству, связанному с земледелием, скотоводством и ремеслом.

Примечания:

1. Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1947. С. 68.
2. Русско-адыгейские торговые связи. 1793–1860 гг.: Сборник документов. Майкоп, 1957. С. 10–11. Далее ссылки на этот сборник опубликованных архивных документов даются в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
3. Аракелян Г.С. Черкесоган // Кавказ и Византия. Т. 4. Ереван, 1984. С. 221.
4. Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия. Историко-этнографические очерки / Под ред. В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2010. С. 191.

А.О. Андреев

Создание и упразднение Лабинской кордонной линии в 1839–1865 годах, с кратким обзором дел архивного фонда ГКУ ГАКК «Штаб начальника Лабинской кордонной линии Правого фланга Кавказской линии»

Лабинская кордонная линия начала создаваться в связи с перемещением правого фланга Кавказской линии с р. Кубань на р. Лабу. Инициатива наступательного движения русских войск за Кубань принадлежала генерал-майору Г.Х. Зассу, активно продвигавшему её с 1837 по 1839 годы. Начало созданию Лабинской кордонной линии было положено формированием в 1839 году Лабинского отряда под командованием Г.Х. Засса, в обязанности которого вменялось строительство линии для охраны и защиты поселяемых казачьих станиц на пространстве между р. Кубанью и р. Лабой. Тогда же для координации действий войск был образован и Штаб начальника Лабинской кордонной линии [1].

Указом императора от 23 января 1840 года генерал-майор Г.Х. Засс был назначен начальником Правого фланга Кавказской линии, а полковник Лев Львович Альбрант командующим Лабинской линией под непосредственным начальством Г.Х. Засса. Этим же указом были утверждены штаты по управлению Правым флангом и Лабинской линией. По управлению Правым флангом – начальник фланга, адъютант, аудитор, переводчик для письменных дел, 2 переводчика словесных и 6 писарей из кантони-

стов; по управлению Лабинской линией – начальник линии, адъютант, 2 словесных переводчика и 2 писаря из кантонистов [2].

Именным указом императора Николая I от 25 марта 1841 года «О формировании особого полка из переселяемых на Лабинскую линию 4 станиц Кавказского линейного казачьего войска» вновь формируемому полку было повелено «именоваться Лабинским линейным казачьим полком» [3].

В 1841 году на линии были поселены четыре новые станицы Лабинская, Чамлыкская, Урупская и Вознесенская, образовавшие к январю 1842 года Лабинский линейный казачий полк под командованием ротмистра (с 1843 года майора, с 1845 года подполковника) П.А. Волкова со штабом полка в станице Вознесенской [4].

Указом императора от 5 октября 1842 года, объявленным в приказе военного министра были присвоены наименования четырём укреплениям, строившимся на Лабинской линии: находящемуся в 12,5 верстах ниже укрепления Махошевского – пост Родниковый, второму, отстоящему на 13,5 верст ниже от него – укрепление Курганное, третьему, в 12,5 верстах ниже Курганного – укрепление Эрукаевское и четвёртому ещё на 12,5 верст ниже – пост Каратюбе [5].

Впоследствии в 1843 году были поселены станицы Некрасовская, Тенгинская и Воздвиженская, в 1845-м – Михайловская и Петропавловская, в 1847-м – Константиновская, в 1848-м – Владимирская. Полковые правления располагались в станицах Воздвиженской и Вознесенской. В 1852–1860 году было основано ещё 15 станиц, в том числе Бесскорбная, Бесстрашная, Упорная, Передовая, Сторожевая, Отрадная, Преградная, Надёжная и другие [6].

Станицы заселялись казаками линейных полков, женатыми солдатами и унтер-офицерами регулярных войск, дислоцированных на Кавказе прослужившими «беспорочно от 15 до 20 лет, по добровольному согласию каждого, в семействах которых находится, по крайней мере, по одному взрослому сыну», государственными крестьянами Харьковской, Полтавской, Воронежской и ряда других губерний, зачислившимися в казачье сословие. При этом переселенцам предоставлялись существенные льготы и выделялась серьёзная материальная помощь. Например, бывшим солдатам и унтер-офицерам «для устройства

домов и хозяйственного заведения» выделялось по 72 рубля 42 копейки серебром на семью, на первое время бесплатно предоставлялся провиант и потом в течение 3 лет порционные и кормовые деньги, прогонные деньги на одну подводу для двух семей, льгота от службы на 3 года, от казны «каждому взрослому могущему носить оружие» выдавались ружьё, шашка, пистолет, 1 фунт пороха и 3 фунта свинца [7].

6 декабря 1845 года Лабинский казачий полк был разделён на 1-й и 2-й Лабинские конные полки, составившие 2-ю бригаду Кавказского линейного казачьего войска. При этом командовавший полком с момента его создания подполковник Пётр Аполлонович Волков был назначен командиром 2-й бригады. Командирами полков были назначены: 1-го Лабинского войсковой старшина Иван Андреевич Коровин, а 2-го Лабинского войсковой старшина Михаил Никитич Потапов [8].

Вскоре П.А. Волков получил чин полковника и должность начальника Лабинской кордонной линии, впоследствии в чине генерал-майора командовал 1-й бригадой Отдельного Кавказского корпуса, передав в 1853 году командование 2-й бригадой Кавказского линейного казачьего войска полковнику А.С. Войцицкому [9].

Приказом от 19 мая 1857 года был сформирован 3-й Лабинский конный полк, а все три Лабинских полка составили 2-ю бригаду Кавказского линейного казачьего войска, стоявшую на Лабинской кордонной линии. Каждый полк при этом состоял из 6 станиц и 6 сотен. В состав 1-го Лабинского полка вошли станицы Некрасовская, Ново-Лабинская, Тенгинская, Воздвиженская, Темиргоевская и Петропавловская, командир полка – войсковой старшина Станислав Иванович Нолькен; в состав 2-го Лабинского полка – станицы Михайловская, Константиновская, Курганная, Родниковская, Лабинская и Зассовская, командир полка – подполковник Михаил Михайлович Баскаков; в состав 3-го Лабинского полка – станицы Владимирская, Вознесенская, Чамлыкская, Урупская, Безскорбная и Попутная, командир полка – войсковой старшина Николай Михайлович Демидовский. Командир бригады генерал-майор Адам Станиславович Войцицкий одновременно был и начальником Лабинской кордонной линии [10].

Приказом главнокомандующего Кавказской армией генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского от 3 мая 1860 года № 185 было объявлено войскам повеление императора впредь именовать Правое крыло Кавказской линии – Кубанской областью, а Левое крыло Кавказской линии – Терской областью, а всё пространство к северу от Кавказского хребта – Северным Кавказом. Командующие Правого и Левого крыла становились соответственно начальниками Кубанской и Терской областей с правами командующих войсками, расположенными в этих областях. [11]

Указом императора от 29 октября 1860 года, объявленным в приказе военного министра, Лабинская кордонная линия была продлена от укрепления Каладжинского через станицу Отважную до станицы Бесстрашной и разделена по течению реки Лабы на три участка: нижний в районе 1-го Лабинского полка, средний в районе 2-го Лабинского полка и верхний в районе 3-го Лабинского полка. Каждый участок состоял в ведении своего полкового командира, вся линия, как и прежде, состояла в ведении начальника Лабинской бригады [12].

По указу императора от 19 ноября 1860 года Лабинская кордонная линия вместе с первыми шестью бригадами КЛКВ вошла в состав Кубанского казачьего войска [13].

Приказом главнокомандующего генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского от 18 января 1861 года о переименовании частей вновь образованного Кубанского казачьего войска бывшая 2-я бригада Кавказского линейного казачьего войска стала 2-й бригадой Кубанского казачьего войска, а 1-й, 2-й и 3-й Лабинские полки стали 12-м, 13-м и 14-м полками Кубанского казачьего войска [14].

Главная цель действий войск в Кубанской области с 1 апреля по 1 ноября 1861 года «заключалась в занятии всего пространства между верховьями Лабы и Белой и заселении его казачьими станицами». Для этого были созданы 4 отряда: Абадзехский, Верхне-Абадзехский, Верхне-Лабинский и Мало-Лабинский. В состав последних двух вошла и часть бывших Лабинских полков, другая часть была оставлена для охраны территории Лабинского округа. В результате действий этих отрядов

Абадзехская и Лабинская линии продвинулись вглубь территории горцев, образуя новые станицы и посты. С 1 ноября 1861 года войскам в Кубанской области со стороны Лабинского округа была поставлена задача колонизации пространства на р. Белой и далее по долинам рек Курджипса и Пшехи [15].

По ходатайству командующего Кавказской армией император своим указом от 14 ноября 1861 года разделил Лабинскую кордонную линию на две части. 1-я часть линии от станицы Псеменской до станицы Владимирской (пост Мефедьевский) была наименована Верхне-Лабинской линией и подчинена командиру 7-й бригады Кубанского казачьего войска. 2-я часть от станицы Владимирской до устья р. Лабы была наименована Нижне-Лабинской линией и подчинена командиру 6-й бригады Кубанского казачьего войска. Кроме того линии были поделены на 2 участка каждая. По Верхне-Лабинской линии 1-й участок подчинялся командиру 23-го полка, второй командиру 22-го полка; по Нижне-Лабинской линии 1-й участок подчинялся командиру 21-го полка, а второй командиру 20-го полка [16].

По состоянию на август 1862 года в Кубанской области числилось 13 кордонных линий, в том числе Верхне-Лабинская и Нижне-Лабинская кордонные линии. По состоянию на начало 1864 года части 6-й бригады с полковым правлением в станице Лабинской располагались в станицах – 20-й полк: Воздвиженская, Тенгинская, Ново-Лабинская, Некрасовская, Темиргоевская и Петропавловская; 21-й полк: Лабинская, Чамлыкская, Родниковская, Константиновская, Курганная и Михайловская. После окончания Кавказской войны 21 мая 1864 года кордонные линии в связи с утратой их стратегического значения в течение последующего года постепенно были упразднены [17].

6-я и 7-я бригады в составе 20-го, 21-го, 22-го и 23-го полков были расформированы по «Положению о воинской повинности и о содержании строевых частей Кубанского казачьего войска» от 1 августа 1870 года. При этом вновь формируемому 6-му полку Кубанского казачьего войска было присвоено наименование – Лабинский [18].

Первоначально документы фонда поступили на хранение в войсковой архив Кубанского казачьего войска, впоследствии вошли в состав фондов Краснодарского ис-

торического архива, а с января 1940 года Государственного архива Краснодарского края [19]. Большая часть дел фонда погибла в периоды Гражданской и Великой Отечественной войн. Сохранившиеся документы фактически фрагменты некогда большого архивного фонда. На сегодняшний день на государственном хранении в архивном фонде № 347 «Штаб начальника Лабинской кордонной линии Правого фланга Кавказской линии» значится 43 единицы хранения за 1839–1865 годы. Документы фонда в основном в значительной мере отражают деятельность штаба Лабинского полка (с 1845 2-й «Лабинской» бригады) на Лабинской кордонной линии за указанный период.

Состав архивного фонда 347 «Штаб начальника Лабинской кордонной линии Правого фланга Кавказской линии» представлен следующими документами:

- императорский манифест от 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права и рескрипты на имя графа Евдокимова по заселению предгорий Западного Кавказа (Д. 40, 42);

- приказы и приказания по Кавказской армии, главнокомандующего и штаба отдельного Кавказского корпуса, наказного атамана Кубанского казачьего войска об окончании Кавказской войны, преобразовании Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск, по военным, административным, хозяйственным вопросам, переселении и заселении станиц (Д. 14, 22, 29, 38, 52, 81);

- приказы командира Лабинского полка по полку и станицам, входящим в его состав по строевой и военно-хозяйственной части (Д. 4, 6, 8, 10);

- выписки из «Положения о Кавказском линейном казачьем войске»;

- инструкция по несению кордонной службы 1860 года (Д. 36);

- рапорты генерала Г.Х. Засса о необходимости перенесения кордонной линии с р. Кубани на р. Лабу и заселении этой территории казачьими станицами (Д. 1);

- рапорты командующего Правым флангом Кавказской линии и начальника Лабинской кордонной линии о состоянии линии и отдельных частей, планах и действиях против горцев, мирных переговорах с горцами;

- журналы военных действий Лабинского отряда, отряда генерала Ковалевского,

других отрядов и войск на Правом фланге Кавказской линии, Кубанском и Лабинском округах (Д. 2, 7, 11–13, 15–20, 26, 27, 32–34);

– описание предгорной полосы между реками Кубанью, Лабой, Фарсом и Псефиром, составленное в 1841 году (Д. 3);

– донесения, ведомости, документы и переписка о военных действиях на Кавказе, распределении войск и кордонных постов, заселению новых станиц, обучению казаков обращению с оружием, льготах, гибели казаков, военном снаряжении, содержании строевых лошадей, вознаграждении казаков за лошадей, убитых в делах с горцами.

Примечания:

1. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5; 15–16; Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 179, 243 (далее – Энциклопедический словарь...).
2. Полное Собрание Законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание 2-е (1840). СПб., 1841. Т. XV. Ст. 13098. Штаты к ст. 13098.
3. ПСЗРИ. Собрание 2-е (1841). СПб., 1842. Т. XVI. Ст. 14393.
4. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 4, 6, 8, 10; ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8689. Л. 130б; Энциклопедический словарь... С. 243.
5. ПСЗРИ. Собрание 2-е (1842). СПб., 1843. Т. XVII. Ст. 16051.
6. ГАКК. Кубанские областные ведомости, 1892. 11 апр., 27 июня; Энциклопедический словарь... С. 243.
7. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 14; Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986. С. 17.
8. Справочная книжка императорской Главной квартиры. Казачьи войска (далее – Справочная книжка). СПб., 1912. С. 118–119; Энциклопедический словарь... С. 243; Фролов Б. Казачество Кубани: Военно-энциклопедический словарь. Краснодар, 2014. С. 109; Кавказские календари на 1846 и 1848 годы. Тифлис, 1845. С. 209; 1847. С. 69.
9. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 17. Л. 7–18; Кавказский календарь на 1854 год. Тифлис, 1853. С. 707, 725.
10. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 29. Л. 3–4об.; Справочная книжка... С. 118–119; Энциклопедический словарь... С. 243; Фролов Б. Казачество Кубани: Военно-энциклопедический словарь. Краснодар, 2014. С. 109; Кавказский календарь на 1858 год. Тифлис, 1957. С. 492.
11. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 38. Л. 11.
12. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 23; Д. 38. Л. 21; ПСЗРИ. Собрание 2-е (1860). СПб., 1862. Т. XXXV. Ст. 36268.
13. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 38. Л. 23–27; Энциклопедический словарь... С. 233.
14. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 41. Л. 46–47.
15. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–5.
16. ПСЗРИ. Собрание 2-е (1861). СПб., 1863. Т. XXXVI. Ст. 37628.
17. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–8, 18–20об.; Энциклопедический словарь... С. 243; Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. С. 763–764; Фролов Б. Казачество Кубани: Военно-энциклопедический словарь. Краснодар, 2014. С. 101.
18. Справочная книжка... С. 125.
19. ГАКК. Ф. Р-1700. Оп. 1. Д. 5326.

А.И. Лубков

Деятельность Г.Х. Засса по перенесению Кубанской линии на р. Лабу

По Адрианопольскому миру с Турцией 1829 г. Закубанье вошло в состав России. Эту территорию населяли черкесские племена, которые, несмотря на формальное подданство Османской империи, фактически были независимы. Они не имели собственной государственности и были раздираемы внутренними политическими и социальными противоречиями. Перед Россией встала проблема включения региона в общеимперское пространство.

Историография темы представлена трудами дореволюционных авторов, которые основное внимание уделили описанию событий, происходивших на Северо-Западном Кавказе в 30–40-е гг. XIX века (М.И. Венюков, В.А. Потто, Е.Д. Фелицын и др.) [1; 2; 3]. Современные исследователи (В.Б. Виноградов, А.К. и М.К. Босхановы, А.А. Остахов, Н.С. Степаненко и др.) [4; 5; 6; 7; 8] расширили подходы к теме. Ими даны оценки взаимодействия Г.Х. Засса с казаками, черкесогаями, Кавказскими начальниками, приведены мнения современников о деятельности Г.Х. Засса на Кавказской линии, дан анализ его военной системы и тактике.

В то же время роль Г.Х. Засса в переносе Линии на р. Лабу по-прежнему изучена недостаточно, что и побудило нас специально обратиться к данной теме.

Источниками для написания статьи послужили записки Е.А. Головина [9], а также мемуары участников событий Г. Атарщикова и Г.И. Филиппсона [10; 11], акты, собранные Кавказской археографической комиссией, и материалы фонда № 347 «Штаб начальника Лабинской кордонной линии Правого фланга Кавказской линии, станица Лабинская» Государственного архива Краснодарского края.

В 1830–1840-е гг. работа по включению территории Закубанья в общеимперское пространство велась поэтапно в двух направлениях: 1) покорение черкесских племён, 2) казачья колонизация территории. Проводились экспедиции против наиболее враждебных аулов, с целью наказания горцев за хищнические набеги, и нанесения контрударов по группам, намеревающимся

вторгнуться на подконтрольные России территории. К 1837 г. племена, жившие на территории между Кубанью и Лабой, в большинстве своём либо переселились за Лабу, либо изъявили покорность и были переселены к берегам Кубани [12].

Для закрепления и развития достигнутых успехов в 1837 г. командующий Кубанской линией Г.Х. Засс представил царю через командующего Отдельным Кавказским корпусом барона Е.Ф. Розена проект устройства новой оборонительной линии по р. Лабе. Предполагалось построить укрепления, поставить боевые посты, а затем станицы от истоков Большой Лабы до устья Лабы. В будущем планировалось приписать черкесов к казачьим станицам целыми племенами или аулами [13].

Николай I утвердил проект новой линии, однако смена кавказского наместника, обустройство Военно-Грузинской дороги и черноморского побережья, а так же обострение ситуации в Дагестане отложили реализацию плана до 1840 г. [14].

В 1838 г. на Кубанской линии сохранялись достигнутые в предыдущие годы результаты по предупреждению восстаний и переселения в горы покорённых черкесских племён. Так, в марте Г.Х. Засс предотвратил переход с левого берега Лабы в горы егерукаевцев, побуждаемых к тому абадзехами. Затем, пользуясь их покорностью, он приступил к переселению живших между егерукаевцами и темиргоевцами черкесов с последующим основанием на р. Кубань, под защитой Прочно-Окопского укрепления, Новоармянского поселения (позднее получившего название Армавир). В апреле того же года Г.Х. Засс за р. Белой разбил крупное скопление абадзехов, чем лишил их на некоторое время возможности проведения агрессивных действий по отношению к русским и покорённым черкесским поселениям [15].

Стоит отметить, что Г.Х. Засс вел себя с горцами отнюдь не по правилам европейской войны. Он перенял у черкесов «некоторые принятые у них обычаи, немыслимые в европейской войне, как, например, отрубать у убитых неприятелей головы и выставлять их на шести». Он считал, что если противник, нападая на станицы, не щадит ни женщин, ни детей, то и ему дозволено не щадить жён и детей неприятеля. С мирными черкесами Г.Х. Засс себе жестокостей не позволял,

а наоборот пытался оберегать их от произвола российской бюрократии. Г.Х. Засс, по достоинству оценив сильные стороны военного искусства горцев, скопировал их и наложил на европейские военные достижения в лице российской армии, создав высокоэффективную военную систему [16].

Вскоре после назначения Е.А. Головина Кавказским наместником между ним и начальником Кавказской линии графом П.Х. Граббе начинается соперничество и противодействие, приведшее к ухудшению ситуации на Кавказе. «Самонадеянный и высокомерный, Граббе с трудом переносил зависимость от Головина, постоянно воевал с Тифлисским штабом и добился наконец того, что самостоятельно сносился с Петербургом о предположениях относительно военных действий в районе Кавказской линии» [17]. Что касается методов Г.Х. Засса, то для Е.А. Головина, его поступки выглядели варварством, что в будущем и привело к отставке.

В 1839 г. была предпринята широкая операция по всему фронту Кавказской линии. На правом фланге десантный отряд генерала Н.Н. Раевского возвёл ряд укреплений на Черноморском побережье. На левом фланге действовали Дагестанский отряд генерала Е.А. Головина и Чеченский – графа П.Х. Граббе. На Кубанской линии была попытка со стороны «немирных» черкесов совершить набег крупной партией на Кубанскую линию, однако она окончилась неудачей [18].

Ввиду малочисленности войск, оставшихся на Кубанской линии, Г.Х. Засс, с разрешения П.Х. Граббе, выдвинулся и стал лагерем на р. Лабе в месте, где планировалось построить укрепление близ ручья Арджин. Организовав разъезды, он заставил горцев обороняться, прикрыв тем самым Кубанскую линию. Там же он увидел возможность начать строительство крепости на год раньше, чем планировалось, чтобы удерживать в покорности мирных горцев и угрожать непокорным, а также с целью прикрытия и облегчения будущего переноса линии на Лабу. К октябрю крепость была построена, проверена и признана соответствующей своему назначению. Позже укрепление было переименовано в Зассовское.

На 1840 г. Е.А. Головин предполагал продвинуть правый фланг Кавказской линии на р. Лабу. Но горцы предупредили

этот манёвр, и в последних числах февраля вспыхнуло восстание, охватившее большую часть Северо-Западного Кавказа. В январе Г.Х. Засс назначается начальником правого фланга Кавказской линии и в конце апреля начинаются мероприятия по перенесению кордонной линии с Кубани на Лабу с попутным сдерживанием враждебных нападений абадзехов и нанесением им ответных ударов.

Кроме строительства новых, особое внимание уделялось ремонту и восстановлению ближайших к линии старых укреплений. Г.Х. Засс разделил свои войска на два отряда, первый занялся постройкой трёх новых постов, а второй ремонтом и перестройкой двух старых фортов.

Первым делом было налажено сообщение Кубани с передовой линией. Для этих целей был отремонтирован, выстроенный в 1839 году у Прочно-Окопской крепости, мост через Кубань и выставлены три поста с казачьими разъездами: 1) между Прочно-Окопской крепостью и строящимся Ново-Георгиевским укреплением на р. Уруп; 2) между Ново-Георгиевским укреплением и Ново-Донским на р. Синюхе; 3) между Ново-Донским укреплением и Зассовским на р. Куксе. Одновременно с этим велись работы по перенесению Георгиевского укрепления с правого берега р. Уруп на левый под именем Ново-Георгиевского, и Жировского укрепления с правого берега р. Чамлык на левый под именем Ново-Донского. В июне эти работы подошли к концу [19].

В том же месяце Лабинский отряд Г.Х. Засса приступил к строительству Махошевского укрепления (в двадцати километрах от Зассовского, ниже по течению Лабы на правом берегу) и Темиргоевского, расположенного на правом берегу Лабы, при слиянии рр. Чамлык, Лабёнок и Лаба. К осени новая линия уже была прикрыта тремя укреплениями и имела налаженное сообщение с Кубанской линией.

В апреле 1841 г. начался процесс заселения станиц новой линии. Первоначально планировалось основать на линии восемь станиц, но поскольку заселить такое количество станиц сразу было трудно, решено было остановиться на четырёх по триста дворов каждая (две трети – линейные казаки, треть будущие переселенцы с территории России). Были основаны следующие станицы: Урупская на р. Уруп, у

Ново-Георгиевского укрепления, Вознесенская на р. Чамлык, у Ново-Донского укрепления, Чамлыкская на одноимённой реке у Чамлыкского поста и Лабинская на правом берегу р. Лабы у Махошевского укрепления. В июне Г.Х. Засс упреждающим ударом сумел нейтрализовать вылазку егерукаевцев, тем самым защитив строящиеся станицы от разорения. В этом же году было построено Ахметовское укрепление у подножья Ахмет-горы и три поста по линии Лабы [20].

Несмотря на успешные действия Г.Х. Засса по устройству Лабинской линии и водворению казачьих станиц, племена, жившие на Лабе, а именно: темиргоевцы, мохошевцы, егерукаевцы, оказавшись отрезаны от прочих горских племён передовой российской линией, и не желая становиться частью Российской империи, удалились на р. Белую и стали враждебными по отношению к России. Количество набегов участилось, а сопротивление российским властям в Закубанье возросло.

Тем не менее, Лабинская линия продолжала укрепляться. В 1842 г. были построены два укрепления – Курганное, Егерукаевское, и два поста – Родниковый, Кара-Гюбе, расположенные по берегам Лабы между Мохошевским и Темиргоевским укреплениями на равноудалённом друг от друга расстоянии.

Несмотря на военные успехи, ситуация за Кубанью продолжала обостряться. В августе муллы, посланные Шамилём, развернули в крае фанатичную пропаганду мюридизма, ранее местному населению не свойственного. Абадзехи собрались в большие отряды и двинулись через Лабу к верховьям Кубани с целью увлечь за собой покорённые аулы. Бесленевцы, башимбаевцы и тамовцы оставили свои места и присоединились к непокорным племенам. Начиналось кровопролитное противостояние, которое, то затухая, то вновь разгораясь, продолжалось до начала 1860-х гг.

В 1842 г. из-за скандала вокруг действий начальника правого фланга Кавказской линии Г.Х. Засса на пике своей карьеры был удалён с Кавказа; «одновременно с ним остался не у дел и П.Х. Граббе, которому было поставлено в вину покровительство Зассу» [21]. Вскоре и сам Е.А. Головин был отозван с Кавказа.

В целом успешные и эффективные действия Г.Х. Засса по обустройству

Лабинской линии не привели к интеграции Закубанья в состав России. Он так и не смог остановить переход покорённых закубанских племён в ряды непокорных. Е.А. Головин ставил Г.Х. Зассу в укор отсутствие «мер благоразумного управления» в предотвращении «измены и побега с Лабы покорных аулов». Он считал, что польза от водворения между Лабою и Кубанью казачьих станиц, в первое время не могла компенсировать вреда, причинённого этой «изменой» [22]. Однако стоит отметить, что наступательные действия кавказских начальников и вся доктрина российского правительства в этот период приводили к аналогичным результатам на других участках Кавказской линии.

В большинстве своём задачи, которые планировалось достигнуть переносом Кубанской линии на р. Лабу, были выполнены. Фланг соприкосновения с непокорными черкесскими племенами был передвинут вглубь Закубанья, прикрывая от набегов станицы Кубанской линии. Лабинская линия сократила охраняемую войсками границу и сделала её оборону удобнее в географическом плане. Всё это дало толчок развитию Кубанских территорий в долгосрочной перспективе и в этом заслуга Г.Х. Засса, инициировавшего, разработавшего и реализовавшего план переноса Кубанской линии на Лабу.

Отсутствие единовластия и чёткого понимания способов взаимодействия с горцами, как в Санкт-Петербурге, так и в Тифлисе привело к затягиванию «Кавказской войны» ещё на долгие годы и трагедии мухаджирства черкесского народа.

Примечания:

1. Венюков М.И. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868. С. 432–523.
2. Потто В.А. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Тифлис, 1900. С. 320–328.
3. Фелицын Е.Д. Кубанское казачье войско. 1696–1888 гг. Воронеж, 1888. С. 155–159.
4. Виноградов В.Б. «Отступления со мной нет, не было и не будет...» (Генерал Г.Х. Засс) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. М., 2000. С. 150–157.
5. Басханов А.К., Басханов М.К., Егоров Н.Д. Линейцы: очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия, 1991. 392 с.
6. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918). Армавир, 2002. 384 с.
7. Остахов А.А. Военная система генерала Г.Х. Засса на Кубанской линии (1833–1842 гг.) // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – VI: Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 22–23 ноября 2013. Пятигорск: ПГЛУ,

2014. С. 258–263.

8. Великая Н.Н., Степаненко Н.С. К вопросу о военной тактике генерала Г.Х. Засса // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – VI: Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 22–23 ноября 2013. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. С. 70–74.

9. Головин Е.А. Очерк военных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 года // Кавказский сборник, издаваемый по указанию Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской Армией. Тифлис, 1877. Т. II. С. 1–74.

10. Атарщиков Г. Заметки старого кавказца. О боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса. (Сырой материал для истории покорения Кавказа) // Военный сборник. № 8. 1870. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Atarsikov_G/text1.htm (дата обращения: 22.03.2017).

11. Филиппсон Г.И. Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Русский архив. № 5. 1883. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Filipson_G_I/text1.htm (дата обращения: 22.03.2017).

12. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией (далее – АКАК): В 12 т. Тифлис, 1881. Т. VIII. № 273. С. 387.

13. АКАК. Т. VIII. № 263. С. 361.

14. АКАК. Тифлис, 1885. Т. IX. № 245. С. 231.

15. АКАК. Т. IX. № 385, 386. С. 445–447.

16. Остахов А.А. Указ. соч. С. 259.

17. Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды. Тифлис, 1901. С. 312.

18. Керсновский А.А. История русской армии Т. 2. М., 1993. С. 107.

19. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 347. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–10.

20. АКАК. Т. IX. № 367. С. 420.

21. Вейденбаум Е.Г. Указ. соч. С. 314.

22. Головин Е.А. Указ. соч. С. 51.

К.В. Русанов

От войсковой тюрьмы до приемного покоя: организация медицины в станице Отрадной в 1871–1917 гг.

В 1870–1871 гг. станица Отрадная при очередной реформе Кубанского казачьего войска (ККВ) лишилась бригадного правления, а с ним и войскового лазарета. Однако наследие упраздненной 5-й Урупской бригады тоже было использовано для оздоровления – теперь уже не телесного.

Ведь тюрьма – лечебное заведение для устранения девиаций социального поведения некоторых личностей, для профилактики рецидивов правонарушений и преступлений. И устройство Отраденской войсковой тюрьмы в «громом доме» бывшего лазарета в этом смысле вполне логично – тем более, что при тюремной команде проживал военный фельдшер [1].

Отраденская тюрьма и вправду была большой: к 1.05.1886 г. в ней содержались 170 арестантов мужского пола и 10 – женского. К сожалению, современник Д. Иванов

не указал год ее открытия. Не назвал эту дату и краевед П.М. Галушко [2], скупое отмечив: «Вскоре была устроена и тюрьма (она находилась за рвом с южной стороны станицы – по нынешней улице Союзной)». Как, впрочем, – и дату закрытия войсковой тюрьмы.

Не добавляет сведений о тюрьме в ст. Отрадной и современная книга [3]. Автор работы [4] говорит, что в связи с открытием 1.01.1871 г. в Кубанской области войсковых тюрем в станицах Полтавской, Уманской, Ладожской, Прочноокопской, *Отрадной*, Лабинской и в г. Баталпашинске приказом по ККВ №36 от 25.02.1871 г. были «утверждены смотрители войсковых тюрем: Полтавской – есаул Дондеберин, Уманской – есаул Скаун, Ладожской – прикомандированный к войску подпоручик из азиатцев Батыев, Прочно-Окопской – есаул Суханов, *Отрадной* – *отставной войсковой старшина Саньков*, Лабинской – есаул Раковский и Баталпашинской – есаул Бочаров».

В статье «История пенитенциарной системы Краснодарского края» (Интернет-ресурс 23.fsin.su) утверждается, что войсковая тюрьма в ст. Отрадной «действовала к концу 1860-х годов», а упразднена была в 1885 г. Но это противоречит работе Н.И. Галкиной и данным ежегодных справочников.

Отраденская войсковая тюрьма и ее смотритель отставной войсковой старшина Матвей Иванович Саньков впервые упомянуты в «Памятной книжке Кубанской области», составленной в 1873 г. [5]. Затем ежегодники называли Санькова смотрителем до 1879 г. включительно [6].

После него смотрителем тюрьмы в ст. Отрадной состоял губернский (позже – коллежский) секретарь Исаакий Савельевич Ефременко (с 1881 г.), прежде – урядник станицы Исправной. Затем должность два года занимал коллежский секретарь Иван Маркович Чиков (с 1885 г.). А последним смотрителем был титулярный советник Иван Елистратович Захаров – по 1888 г. Со следующего года Отраденская тюрьма не упоминалась в справочниках.

Два слова о местной тюремной команде и ее фельдшере. По данным [7], в 1882–1883 гг. в ККВ были сформированы 7 местных команд (в том числе в ст. Отрадной). Служба в них считалась наравне со строевыми частями; форма и вооружение в

основном соответствовали пластунским батальонам. По штату в Отраденской местной команде состояли 1 обер-офицер (в 1891 г. – подьесаул Иосиф Федорович Доморацкий), 48 строевых и 7 нестроевых нижних чинов, 1 старший медицинский фельдшер. В 1893 г. она была упразднена. Вероятно, до 1882 г. наряд в тюремные караулы выделяли войсковые части.

Вне службы тюремный фельдшер лечил, конечно, и вольное население станицы. А была ли доступна жителям более квалифицированная помощь?

Говоря о занятиях жителей станицы в 1886 г., Д. Иванов упомянул 1 врача – «местного жителя помощника лекаря М.А. Романовского» [8]. Но лекарский помощник – лицо, не закончившее высшее образование. А Романовский знал толк в минеральных источниках (даже в составе воды!) станичной округи.

Вероятно, это был Михаил Алексеевич Романовский – полноценный врач, имеющий право на производство врачебной практики в России. В первый раз он появился в «Российском медицинском списке» (далее – РМС) на 1866 г. как врач, состоящий по Министерству государственных имуществ [9]. В 1867–1868 гг. М.А. Романовский продолжал служить, а в 1869 г. вышел в отставку, и следующие 20 лет занимался частной врачебной практикой. В последний раз он упомянут в РМС на 1889 г. [10].

Д. Иванов не сообщил, насколько давним местным жителем ст. Отрадной был М.А. Романовский. Возможно, этот врач поселился здесь, выйдя в отставку, и своей практикой компенсировал населению закрытие лазарета 5-й бригады.

Наличие врача – столь же необходимое условие получения эффективной медицинской помощи, как и наличие аптеки. Врач лечил, выписывая рецепты, а аптека изготавливала по ним лекарства. Без рецептов и платежеспособных пациентов частная коммерческая («вольная») аптека не окупала расходов.

Вольные аптеки разрешалось открывать в населенном пункте с более чем 7 тыс. жителей. В ст. Отрадной первая такая аптека открылась в 1888 г. (см. [11]) и проработала 30 лет – сначала как сельская (с упрощенными требованиями), а с 1913 г. – как нормальная аптека. Значит, рецептов ей хватало. Но кто их выписывал отраденским станичникам?

В 1870 г., с образованием Баталпашинского уезда (позже – отдела), они оказались под опекой врача уездного управления, а лечиться теперь были должны в уездной Баталпашинской войсковой больнице (далее – БВБ) – за сотню верст от ст. Отрадной. И потому медики, базировавшиеся в ст. Баталпашинской и служившие по Кавказскому гражданскому медицинскому ведомству, тоже причастны к истории здравоохранения ст. Отрадной. Вспомним их поименно.

Первым Баталпашинским уездным врачом был назначен 1.01.1870 г. уже немолодой надворный советник Петр Сергеевич Хотунцев (Хотунцов, Хатунцев) [12]. Он прослужил в уезде 11 лет, стал коллежским советником, и наверняка не раз бывал в ст. Отрадной. Под его началом состояла уездная повивальная бабка Елисавета Павловна Давидова (Давыдова), объезжавшая станции уезда (отдела) около четверти века, оказывая помощь казачкам.

После П.С. Хотунцева Баталпашинский уезд год (1882) опекал лекарь Сергей Зурабович Шеварднадзе. В 1883 г. его сменил Николай Аветисович Ярамышев (род. в 1856 г.). В 1885 г. штат уездного управления расширили до двух врачей, и Ярамышеву стал помогать лекарь Илья Васильевич Жуков.

В 1887 г. на вахту заступили Георгий Яковлевич Аушев (лекарь с 1879 г. – вероятно, осетин) и молодой врач (с 1885 г., род. в 1858 г.) Василий Егорович (Георгиевич) Мансветов. А при реорганизации уездов в отделы пошла новая волна ротации кадров: 9.07.1888 г. старшим врачом Баталпашинского отдела стал коллежский асессор Алексей Афанасьевич Крикливый (род. в 1852 г., лекарь с 1881 г.) [13]. Он работал в отделе 12 лет, стал коллежским советником, защитил докторскую диссертацию (1898), прославился борьбой с проказой.

Младшим врачом отдела некоторое время служил В.Е. Мансветов, затем – вернувшийся сюда в 1890 г. Г.Я. Аушев. В 1893 г. последнего сменил коллежский асессор Василий Васильевич Скидан. Он работал в Баталпашинском отделе пять лет – 30.08.1898 г. Скидан был уволен от службы по болезни; на его место перевели Ивана Даниловича Скочко (Скачко) из 156-го пехотного Елисаветпольского полка.

В 1900 г. состав медиков Баталпашинского отдела полностью сменился: А.А. Крикливый ушел создавать Холмскую лепрозорию, И.Д. Скачко уволился по болезни. Новые старшие врачи не задерживались в отделе подолгу. Лишь год прослужил здесь коллежский советник Василий Григорьевич Забора (род. в 1856 г., лекарь с 1882 г.): 23.09.1901 г. он уволился по прошению. Его место занял коллежский советник Николай Константинович Лопатин (род. в 1850 г., лекарь с 1880 г., прежде старший врач БВБ). Н.К.Лопатин был старшим врачом отдела до 1904 г., когда его перевели в Карский военный госпиталь. Недолго возглавлял медиков Баталпашинского отдела и коллежский советник Вениамин Андреевич Соболев (род. в 1857 г., лекарь с 1889 г.): в 1906 г. он был перемещен старшим врачом в Невинномысский местный лазарет.

Зато наверняка запомнился в отделе старший врач коллежский советник Петр Петрович Сурвилло, назначенный 5.08.1906 г. «согласно ходатайству, без расходов для казны» [14], а уволенный по болезни 11.05.1914 г. с награждением чином статского советника, орденом св. Анны 2-й степени, с мундиром и пенсией. До этого П.П. Сурвилло (род. в 1859 г., лекарь с 1885 г.) служил в Терском казачьем войске, «за отличия в делах против японцев» удостоился ордена св. Станислава 2-й степени с мечами. Его работу в ст. Прохладной в 1890-е гг. и сегодня помнят как «веху в развитии здравоохранения».

Младшие врачи Баталпашинского отдела с начала века сменялись реже. 24.08.1901 г. сюда был перемещен из 78-го пехотного Навагинского полка молодой лекарь (с 1898 г.) Павел Дмитриевич Корсун (род. в 1869 г.). Проработав в отделе 6 лет, Корсун, уже надворный советник, был переведен 30.10.1907 г. на аналогичную должность в Екатеринодарский отдел ККВ. После него младшими врачами Баталпашинского отдела служили Владимир Петрович Архангельский (род. в 1873 г., лекарь с 1897 г.), а затем Михаил Иванович Курчин (род. в 1880 г., лекарь с 1908 г.).

С началом Мировой войны М.И. Курчин год занимал должность старшего врача Баталпашинского отдела, уступив место младшего врача Эддре Соломоновичу Авашу (род. в 1886 г., лекарь с 1913 г.). Правда, по другому источнику старшим

врачом состоял этот год надворный советник Николай Георгиевич Гурский (род. в 1878 г., лекарь с 1904 г.). А последним старшим врачом оказался еще один молодой лекарь – Григорий Степанович Демьянов (род. в 1885 г., диплом получен в 1913 г.)

Перейдем теперь к БВБ. В ее штате имелись 1 врач, 2 медицинских фельдшера (классный и младший), а также 1 аптечный фельдшер.

В г. Черкесске сегодня полагают, что в ст. Баталпашинской «в 1868 г. за счет армейской казны была построена первая войсковая больница на 48 коек» (см. Интернет-ресурс ru.wikipedia.org –Черкесск). Однако ККВ имело свою «казну», а его переход на войсковые больницы начался с 1.01.1871 г.). Первым врачом БВБ был назначен 28.12.1870 г. врач упраздненной 4-й бригады ККВ коллежский советник Новик [15].

Михаил Казимирович Новик (род. в 1832 г.) проработал здесь 10 лет. «Сын вольного хлебопашца Минской губернии» [16] в 1858 г. окончил лекарем столичную МХА и служил на Кавказе – в госпиталях, линейных батальонах, полках и бригадах. Руководя БВБ, М.К.Новик участвовал в войне 1877-1878 гг. как главный врач Кавказского военно-временного госпиталя №59, стал статским советником. 6.06.1881 г. он вернулся в войска старшим врачом казачьих и драгунских полков, а в 1883 г. получил отставку.

В 1881–1883 гг. БВБ заведовал надворный советник Петр Алексеевич Взоров (род. в 1844 или 1848 г., лекарь с 1873 г.). Позже, выйдя в отставку статским советником, он дожил в ст. Невинномысской до Первой мировой войны.

С 23.03.1883 г. старшим врачом БВБ стал надворный советник Петр Иванович Касперович [17]. За плечами опытного медика (род. в 1846 г.) было и участие в войне 1877–1878 гг., и руководство Псекупской войсковой больницей ККВ. В БВБ он прослужил 14 лет, стал коллежским советником, получил орден св. Станислава 2-й степени (1885). В 1897 г. Касперовича перевели в Невинномысский лазарет, а 13.08.1900 г. уволили по болезни. Он вернулся в ст. Баталпашинскую, где занимался частной практикой и в годы Первой мировой войны.

Следующие три года БВБ возглавлял коллежский советник Владимир Алексеевич Попов (род. в 1849 г., лекарь с 1876 г.).

Но в 1900 г. он перевелся в Люблин, где к 1914 г. вырос в чинах до действительного статского советника.

Освобожденное им «кресло» занял 22.04.1900 г. коллежский советник Н.К. Лопатин, но через год с небольшим стал старшим врачом Баталпашинского отдела. А больницу возглавил надворный советник Михаил-Максимилиан Иванович Марциновский (род. в 1854 г., лекарь с 1885 г.).

Поляк Марциновский прослужил в БВБ три года и перевелся в 15-й гренадерский Тифлисский полк. Перед Первой мировой войной он вышел в отставку статским советником и держал частную практику в Нухе (ныне – г. Шеки).

31.01.1904 г. старшим врачом БВБ был назначен надворный советник Георгий Алексеевич Добатовкин (род. в 1867 г., лекарь с 1891 г.) [18]. Выслужив в ст. Баталпашинской чин коллежского советника и орден св. Анны 3-й степени, он перевелся в 1907 г. в Лабинский отдел ККВ.

Менее года (17.09.1907–9.03.1908) руководил БВБ коллежский советник Виктор Филиппович Кригер (род. в 1857 г., лекарь с 1880 г.) – тоже ушел в отставку по болезни с мундиром, пенсией и чином статского советника. Но болезнь не помешала ему практиковать в Армавире до 1914 г. Зато на совесть проработал 5 лет в БВБ (с 4.06.1908 г.) коллежский советник Иосиф Михайлович Соцков (род. в 1870 г., лекарь с 1895 г.), руководивший до этого Славянской войсковой больницей и переведенный в ст. Баталпашинскую «для пользы службы» [19]. И.М. Соцков воевал с японцами, за что был награжден боевым орденом св. Анны 2-й степени с мечами. А в 1913 г. и он, выйдя в отставку по болезни статским советником с мундиром и пенсией, остался жить в ст. Баталпашинской.

Назначенный 5.08.1913 г. старшим врачом БВБ коллежский советник Евгений Николаевич Сакун (род. в 1871 г., лекарь с 1896 г.) повышал в это время квалификацию в столице [20]; до его возвращения должность временно исполнял Сергей Аврелиевич Журавский (род. в 1885 г., лекарь с 1910 г.) – врач для командировок Кубанского областного правления.

Е.Н. Сакун еще в 1900-е гг. получил известность внедрением грязелечения на Тузле [21]; позже он применял грязь из озер Баталпашинского отдела. А при большевиках развивал кубанскую курортологию.

Но вернемся к ст. Отрадной. Работали ли в ней после М.А. Романовского другие врачи, имеющие право на практику?

В официальном справочнике нашлось имя Михаила Александровича Дьякова (род. в 1861 г., лекарь с 1896 г.) – «станичного врача» в ст. Отрадной на 1905 г. [22] Термин «станичный врач» здесь не ясен. Если медика принимало на работу станичное правление, оплачивавшее ему прием малоимущих больных, то такой врач обычно назывался «общественным». А медик, живущий лишь на гонорары от состоятельных пациентов – «вольнопрактикующим» врачом.

Хотя о М.А. Дьякове (1861–1920) известно немало, но не ясно и другое – а лечил ли он отраденских станичников? Если верить написанному о Михаиле Александровиче, то занятия медициной служили ему ширмой для антиправительственной деятельности. Одна биографическая статья о нем называется «М.А. Дьяков – врач и профессиональный революционер» (Здравоохранение Российской Федерации. 1983. № 11).

По некоторым данным [23], М.А. Дьяков учился на врача сначала на медицинском факультете Московского университета, но был исключен за участие в студенческой забастовке и выслан под надзор родителей. Затем Михаил продолжил и окончил образование на медицинском факультете Дерптского университета, где также принимал участие в деятельности марксистского кружка. Получив, наконец, диплом и значась земским врачом в Новгородской и Тверской губерниях, большевик М.А. Дьяков подвергся обыскам, отбывал заключение в тюрьме, находился под надзором полиции с запретом проживания в центральных городах.

«В 1902 г. в ст. Григориполиской появляется вольнопрактикующий врач Михаил Александрович Дьяков, сосланный из Тверской губернии. Вскоре он переезжает в ст. Отрадную, где к 1904 г. сложилась социал-демократическая группа, которая вела агитационную работу среди казаков, иногородних и горцев» [24].

До начала 1904 г. М.А. Дьяков состоял под гласным надзором станичных властей и «никаких вредных идей не проповедовал». Однако в феврале надзор был снят, и врач, по полицейским донесениям, начал агитировать за «равноправие»: дескать, не

слушайте начальства и власти, не отдавайте честь офицерам, не выполняйте их приказаний, потому что все люди одинаковы. Не платите никаких податей, и т. п. В ход пошли «брошюрки и прокламации против государственного направления, газеты вредного содержания», а центром агитации стала читальня при народной чайной общества трезвости.

По словам свидетеля, «врач Дьяков говорил, что у нас плохо лечат людей, что на скотину больше докторов, чем на людей». Но в РМС на 1905 г. список врачей-медиков занимал 446 страниц, а ветеринарных врачей – только 75!

Интересно, что и сын врача (тогда семилетний) отмечал: в Отрадную к отцу часто приезжали здоровые студенты, а пациенты ребенку не запомнились. Подрывной деятельностью М.А. Дьякова занялись правоохранительные органы, и 12 декабря 1904 г. он бежал из ст. Отрадной, спрятавшись в возе сена «вместе с помощницей З. Томсон, женой артиллерийского офицера».

Затем Дьяков, как сказано в вышеупомянутом словаре Б.А. Трёхбратова, «оставаясь верным большевистским идеям, работал в Тверской и Самарской губерниях». Справочник [25] уточняет: в 1905 г. М.А. Дьяков нелегально вернулся в Тверскую губернию, «возглавил аграрную группу Тверского комитета РСДРП, вел революционную пропаганду среди крестьян Первитинской волости» <...>. В 1906–1907 гг. он заведовал земской больницей в с. Таложня Тверской губернии, с 1908 г. жил в Самарской губернии».

Однако в столичных справочниках на 1906, 1907 и даже 1908 г. [26] М.А. Дьяков по-прежнему значился станичным врачом в ст. Отрадной! И кубанский ежегодник на 1908 г. [27] назвал Дьякова вольнопрактикующим врачом в ст. Отрадной, чего прежде не было! С этим еще надо разбираться.

Отметим, что в одном с «врачом-большевиком» списке был тогда впервые упомянут в качестве участкового врача в той же станице И.М. Беседин. Это в Отрадной почти через 40 лет после упразднения войскового лазарета снова открылось официальное лечебное заведение.

Появлению в станице врача И.М. Беседина предшествовали решения на высшем уровне: 30.11.1906 г. Военный совет решил усилить медицинскую часть ККВ

учреждением 12 врачебных участков (до этого их не было), а 3.01.1907 г. Государь Высочайше утвердил это решение. Каждый участок должен был иметь участкового врача, фельдшерицу-акушерку и фельдшера, а также приемный покой (стационар) на 6 кроватей. На наем и содержание зданий и прислуги, покупку медикаментов, лечение и содержание больных каждому участку отпускали по 2200 руб. в год, а на первоначальное оборудование – единовременно 1200 руб. География расположения врачебных участков была оставлена на усмотрение войскового начальства [28].

Оно и назначило ст. Отрадную местопребыванием врачебного участка №7. В дальнейшем число врачебных участков ККВ дважды увеличивалось (до 27, потом до 40), но Отрадненский участок сохранил седьмой номер до 1917 г.

По данным РМС, Иван Михайлович Беседин родился в 1875 г., диплом лекаря получил в 1902 г., служил младшим врачом 8-го Кавказского стрелкового батальона в Эривани. В последний раз он был упомянут в РМС на 1910 г. как участковый врач в ст. Отрадной, коллежский асессор [29].

Мы предположили, что И.М. Беседин окончил здесь свои земные труды и дни, и председатель Отрадненской районной организации Краснодарского краевого отделения РОИА С.Г.Немченко запросил об этом архивный отдел администрации Отрадненского района. Архивная справка № 3697 от 05.11.2015 г. подтвердила догадку на основании записи в метрической книге за № 80 (ф. 303, оп. 1, д. 90, л. 185об.–186): «В метрической книге записей об умерших за 1910 год Рождество-Богородицкой церкви ст. Отрадной значится врач 7-го врачебного участка Кубанской области коллежский асессор Иван Михайлович Беседин, 35 лет, умер от крупозного воспаления легких. Дата смерти 9 июня 1910 года, дата погребения 1910 года. Погребен на общем кладбище, исповедован и причащен протоиереем Максимом Сапежко».

И.М. Беседин упомянут как участковый врач в ст. Отрадной и в кубанских ежегодниках на 1909 и 1910 гг. [30]. В обоих случаях указано, что участковой фельдшерицей-акушеркой Отрадненского приемного покоя состояла Елизавета Васильевна Пономарева. Она продолжала занимать эту ответственную должность и в три после-

дующих года. Кстати, согласно ежегоднику на 1913 г., конкуренцию Е.В. Пономаревой составляли две вольнопрактикующие акушерки – Надежда Матвеевна Романовская и Александра Степановна Беседина.

Новым врачом 7-го участка стал Михаил Иванович Канивецкий (род. в 1883 г., получил диплом в 1909 г.) [31]. В этой должности он упоминался «Кубанскими календарями» три года – вплоть до справочника на 1913 г. [32].

Фактически очередная ротация участковых врачей в ст. Отрадной произошла в 1912 г. Приказом от 24 мая этого года [33] были «перемещены для пользы службы участковые врачи ККВ, лекаря: 7-го врачебного участка Михаил Канивецкий – в 25-й врачебный участок, 11-го врачебного участка Владимир Телега – в 7-й врачебный участок».

Покинувший Отрадную М.И. Канивецкий заведовал другими врачебными участками – в ст. Невинномысской, затем Платнировской. Владимир Иванович Телега (род. в 1881 г., лекарь с 1908 г.) впервые упомянут как участковый врач в ст. Отрадной в РМС [34]. А затем и «Кубанский календарь» сообщил [35], что войсковым приемным покоем на 6 кроватей в ст. Отрадной заведует врач коллежский асессор В.И.Телега, фельдшером состоит кандидат на классную должность Я.М. Фомин, а фельдшерицей-акушеркой – Е.В. Пономарева.

До занятия этой должности врачебная карьера В.И.Телеги была не длинной. В РМС на 1909 год его еще нет, а в этих справочниках на 1910–1912 гг. он упомянут, как участковый врач в ст. Зеленчукской Кубанской области. Это и есть 11-й врачебный участок того же Баталпашинского отдела ККВ.

«Кубанские календари» упоминают фамилию В.И. Телеги со справочника на 1910 г., причем, на с. 144 он назван врачом для командировок врачебного отделения Кубанского областного правления, а на с. 150 – участковым врачом 11-го участка в ст. Зеленчукской. В «Кубанских календарях» на 1911–1913 гг. В.И. Телега – врач того же 11-го участка.

В последний раз коллежский асессор В.И. Телега упомянут как врач Отрадненского войскового приемного покоя на 6 кроватей в кубанском ежегоднике на 1915 г. [36]; его сотру-

состояли фельдшер Фомин и фельдшерица-акушерка Пономарева. В «Кубанских календарях» на 1916–1917 гг. Владимир Иванович уже не значился – покинул пределы области.

Недавно в г. Черкесске, бывшем Баталпашинске, была опубликована большая статья [37]. Из нее можно узнать, что В.И. Телега родился в ст. Ахтырской Кубанской области в семье священника – народного учителя, окончил гимназию в Екатеринодаре, затем получил высшее медицинское образование на стипендию ККВ, служил на Кубани участковым врачом, участвовал в Мировой войне на Кавказском фронте. После Гражданской войны В.И. Телега восстанавливал бывшую БВБ, а теперь областную больницу Карачаево-Черкесской автономной области, работал ее старшим врачом. Он руководил областной больницей в годы Великой Отечественной войны, не прекратив лечить людей даже при немецкой оккупации.

Кубанский врач вышел на пенсию в 1955 г., умер в 1962 г. Но только в 2012 г. городская Дума Черкесска решила увековечить его память, установив мемориальную доску на здании старого корпуса Черкесской городской больницы, где В.И.Телега проработал свыше 30 лет.

Из статьи Т. Ивановой следует, однако, что все время от назначения в 1910 г. в ст. Зеленчукскую, «в войсковую казачью больницу» (на самом деле – войсковой врачебный участок с приемным покоем), до мобилизации на Кавказский фронт в 1915 г. «старшим ординатором лазарета 2 пехотного полка 39 дивизии» (полки 39-й пехотной дивизии носили номера с 153-го по 156-й) Владимир Иванович провел в ст. Зеленчукской, а не в Отрадной.

Этот вопрос еще нуждается в выяснении. Но в любом случае с уходом врача на фронт работа приемного покоя 7-го участка пошла на спад. В следующем году место Телеги занимал зауряд-врач Сальков (зауряд-врач – студент, не окончивший курс, но исполняющий обязанности врача в военное время) [38]; фельдшерица-акушерка Пономарева оставила службу. А еще через год единственным представителем медицины в станице остался участковый фельдшер Яков Михайлович Фомин [39].

Между тем началась Гражданская война, окончательно обесценившая жизнь и

здоровье людей. В воспоминаниях ее участников и свидетелей встречается «больница в ст. Отрадной». Так, Ф.И. Бандурка (1895–1987), уроженец станицы, вернулся на родину в октябре 1918 г., проучившись 4 года в Военно-медицинской академии, и сначала «работал короткое время в больнице», и лишь затем стал врачом в казачьем полку [40].

В статье [41] рассказано о восстании казачества ст. Отрадной 24 марта 1918 г. В бою между казаками и красногвардейцами был смертельно ранен Никита Васильевич Черных. По воспоминаниям его дочери Марии, раненого отца «привезли в больницу, где теперь Отраденский музей».

Логично предположить, что больница 1918-го г. базировалась в бывшем войсковом участковом приемном покое и стала его наследницей. Но это были уже другие времена, выходящие за рамки нашего очерка⁵.

Примечания:

1. Иванов Д. Станица Отрадная Кубанской области Баталпашинского уезда // СМОПК. Вып. 6. Тифлис, 1888. С. 25.
2. Галушко П. К истории заселения Отрадной // Советское казачество. 1956. № 141, 142.
3. Марков В.Н. История в истории: тюремное ведомство Кубанской области. Майкоп, 2012. 186 с.
4. Галкина Н.И. Создание уездных тюремных отделений Общества попечительного о тюрьмах на Кубани // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 1. С. 26–28.
5. Памятная книжка Кубанской области на 1874 год, изданная от Кубанского областного правления. Екатеринодар, 1873. Адрес-календарь. С. 79.
6. Кавказский календарь на 1880 год, изданный Главным управлением Наместника Кавказского. Тифлис, 1879. Адрес-календарь. С. 62.
7. Фролов Б.Е. Войсковые подразделения Черноморского и Кубанского казачьих войск. URL: www.yuga.ru; См. также: Фролов Б.Е. Строевые части и подразделения Черноморского и Кубанского казачьих войск // Historia Caucasica: Региональный исторический сборник научных статей. 2000. Вып. 1.
8. Иванов Д. Станица Отрадная Кубанской области Баталпашинского уезда. С. 14, 24.
9. Российский медицинский список (далее – РМС), изданный Медицинским департаментом МВД на 1866 год. СПб., 1866. Алфавитный список находящимся в России медикам, имеющим полное право на производство врачебной практики. С. 201.
10. РМС, изданный Медицинским департаментом МВД на 1889 год. СПб., 1889. Алфавитный список находящимся в России медикам, имеющим полное право на производство врачебной практики. С. 397.
11. Русанов К.В. Поляки-фармацевты в вольных аптеках Кубанской области и Черноморской губернии // Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов и их соседей. Краснодар, 2015. С. 265–274.
12. ВМЖ. 1871. Ч. 110. № 3.

⁵ Автор благодарен С.Г. Немченко, председателю Отраденской районной организации Краснодарского краевого отделения РОИА за предложенную тему работы, внимание к ней и помощь историческими материалами о ст. Отрадной.

13. ВМЖ. 1888. Ч. 162. № 4.
14. ВМЖ. 1906. Т. 217, сентябрь.
15. ВМЖ. 1871. Ч. 110. № 3.
16. Змеев Л.Ф. Русские врачи-писатели с 1863 г. Тетрадь 5. СПб., 1889. С. 37.
17. ВМЖ. 1883. Ч. 146. № 4.
18. ВМЖ. 1904, март.
19. ВМЖ. 1908. Т. 222, июль.
20. ВМЖ. 1913. Т. 238, октябрь.
21. Русанов К.В. Материалы к ранней истории Тузлянской грязелечебницы Кубанского казачьего войска // Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. II. Армавир-Отрадная, 2014. С. 72–76.
22. РМС, изданный Управлением Главного врачебного инспектора МВД на 1905 год по сведениям на 1.03.1905 г. СПб., 1905. Алфавитный список лицам, имеющим право врачебной практики в России. С. 123.
23. Дьяков М.А. Энциклопедический словарь по истории Кубани (с древнейших времен до октября 1917 года) / Составитель, научный редактор и рук. авт. коллектива Б.А. Трехбратов. Краснодар: Эдви, 1997. С. 149–150.
24. Суслин А. У истоков // Сельская жизнь (Отраденский район). 16.11.1971 г.
25. Дьяков М.А. Тверская область: Энциклопедический справочник / Гл. ред. М.А. Ильин. Тверь, 1994. 335 с.; URL: region.tverlib.ru.
26. РМС, изданный Управлением Главного врачебного инспектора МВД на 1908 год по сведениям на 1.05.1908 г. СПб., 1908. Алфавитный список лицам, имеющим право на производство врачебной практики в России. С. 140.
27. Кубанский календарь на 1908 год. Издание Кубанского областного статистического комитета / Под ред. действ. члена И.З. Садило. Екатеринодар, 1908. С. 179.
28. ВМЖ. 1907. Т. 218, апрель.
29. РМС, изданный Управлением главного врачебного инспектора МВД на 1910 год по сведениям к 15.03.1910 г. СПб., 1910. Алфавитный список лиц, имеющих право врачебной практики в России. С. 32.
30. Кубанский календарь на 1909 год. Издание Кубанского областного статистического комитета / Под ред. Л.Т. Соколова. Екатеринодар, 1909. С. 144, 146; Кубанский календарь на 1910 год. Издание Кубанского областного статистического комитета / Под ред. Л.Т. Соколова. Екатеринодар, 1910. С. 147, 149.
31. РМС, изданный Управлением главного врачебного инспектора МВД на 1912 год по сведениям на 20.04.1912 г. СПб., 1912. Алфавитный список лиц, имеющих право врачебной практики в России. С. 181.
32. Кубанский календарь на 1913 год. Издание Кубанского областного статистического комитета / Под ред. Л.Т. Соколова и А.С. Селевко. Екатеринодар, 1913. С. 143.
33. ВМЖ. 1912. Т. 233, июль.
34. РМС, изданный Управлением Главного врачебного инспектора МВД на 1913 год по сведениям на 20.04.1913 г. СПб., 1913. Алфавитный список лиц, имеющих право врачебной практики в России. С. 434.
35. Кубанский календарь на 1914 год. Издание Кубанского областного статистического комитета / Под ред. Л.Т. Соколова и А.С. Селевко. Екатеринодар, 1913. С. 141, 146.
36. Кубанский календарь на 1915 год. Издание Кубанского областного статистического комитета / Под ред. Л.Т. Соколова и А.С. Селевко. Екатеринодар, 1915. С. 117, 122.
37. Иванова Т. Доктор Телега // День республики (Карачаево-Черкессия): газета. 01.10.2012 г. URL: denresp.ru/ludiisudb/794-doc.
38. Кубанский календарь на 1916 год. Издание Кубанского областного статистического комитета / Под ред. Л.Т. Соколова и А.С. Селевко. Екатеринодар, 1916. С. 124, 128.
39. Кавказский календарь на 1917 год / Под ред. Н.П. Стельмашука. Издан по распоряжению Наместника Его Императорского Величества на Кавказе канцелярией Наместника. Тифлис, 1916. С. 225–226.
40. Бандурка Ф.И. Записки казачьего врача. Краснодар: Вишера, 2013. 272 с.
41. Суслин А. Под гимн «Интернационала» // Сельская жизнь (Отраденский район). 30.04.1988 г. С. 3.

О.Б. Емельянов

О ратной службе уроженцев Моздокского, Гребенского и Кизлярского казачьих полков на Северо-Западном Кавказе в 1860–1864 годах

Отгремевшие последние артиллерийские залпы в глубинах горных теснин при взятии последнего оплота воинственного мюридизма, труднодоступного аула Гуниба в августе 1859 года, вселили надежду жителям благодатного края на установление долгожданного мира на Северо-Восточном Кавказе. Многие участники этого исторического события удостоились от правительства памятных серебряных медалей с надписью «За покорение Чечни и Дагестана в 1857, 1858 и 1859». Однако, помимо продолжения участия в боевых экспедициях вблизи своих станиц и после уничтожения теократического имамата Шамиля, казаки с Терского левобережья находились также в составе нескольких военных отрядов, действовавших на территории Северо-Западного Кавказа. «Характер местности Закубанского театра войны представлял много общего с Чечней: то же множество горных рек и речек, та же пересеченная местность (особенно по предгорьям главного хребта), те же непролазные лесные трупцы... Сходство местности Закубанья с Чечней обуславливалось и сходством в образе военных действий» [1]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что было сформировано временное подразделение из 500 терских казаков, в состав которого вошли и служащие Моздокского, Гребенского и Кизлярского полков. К сожалению, отрывочные сведения, обнаруженные в различных источниках, не дают полного представления об участии терцев в событиях завершающего периода «Кавказской войны» на берегах Кубани, но красноречиво свидетельствуют о том, что и вдали от дома лучшие из них получили возможность отличиться на полях сражений.

В последние годы военного противостояния с горцами на Кубани принимали участие строевые казачьи сотни с Терского левобережья. Многие из них отличились и вписали свои имена в летопись замирения Кавказа. Одним из первых, попавших в наградные списки, был гребенской урядник Иол Фаддеевич Пережогин, который

проявил себя с самой лучшей стороны в сражении 28 марта 1860 года, за что и был отмечен знаком отличия Военного ордена «Святого Георгия» 3-й степени под №1030 [2]. Вместе с тем, с установлением теплой погоды в середине апреля 1860 года началось возведение новых опорных казачьих пунктов во все еще беспокойном крае, в Закубанье на реке Уруп. Одним из отрядов, назначенных для устройства станицы Преградной, распоряжался Е.Ф. Семёнкин уроженец притеречной станицы Червлённой, штаб-квартиры Гребенского казачьего полка. Еще 31 июля 1857 года заслуженный боевой офицер, имевший многочисленные правительственные награды, в том числе награжденный золотым Георгиевским оружием с надписью «За храбрость» [3], был Высочайшим приказом утвержден в должности командира 2-го Хопёрского казачьего полка. На следующий год, 8 апреля Евпил Филиппович был назначен командиром 3-го Урупского казачьего полка и настолько хорошо зарекомендовал себя, начальствуя над отдельным воинским подразделением на новой оборонительной линии, что уже 14 мая 1858 года получил чин подполковника. В завершении 1860 года основные работы по возведению станицы Преградной были окончены и первым ее начальником стал уроженец станицы Наурской штаб-квартиры Моздокского казачьего полка сотник И.А. Абозин, прикомандированный на новое место службы из 1-го Хопёрского казачьего полка, которым с 1855 года командовал его родной старший брат Иван Алексеевич, награжденный уже несколькими боевыми орденами. (С 25 октября 1855 года на должность командира 2-го Лабинского казачьего полка был назначен уроженец Моздокского казачьего полка полковник Михаил Николаевич Баскаков, вскоре награжденный орденом «Святого Станислава» 2-й степени с мечами за успешное командование отдельным подразделением [4]). После выполнения задания по обустройству важного рубежа в Закубанье, Илья Алексеевич получил звание есаула и через три года вернулся на службу к хопёрским казакам [5].

В главном Шапсугском отряде с 20 апреля по 2 ноября, в составе Терского подразделения находился старший урядник Я.А. Увыжев (Увижев), уроженец станицы Горской Моздокского казачьего полка.

Яков (Якуб) Алексеевич принимал участие в боях, «при вырубке леса для устройства промежуточного редута, в жарком деле при штурме аула Кабаниц и при возведении укрепления Хамкеты». За эту экспедицию узден из Малой Кабарды был «Всемилошвейше награжден 10 руб. серебром» из Войсковой кассы, о чем объявили в приказе по Кавказской армии 6 июля, а 20 июля 1861 года подтвердили приказом за №71 по Терскому казачьему войску. Добросовестная служба на берегах Кубани помогла крещенному малокабардинскому узденю в продвижении по служебной лестнице и 29 февраля 1864 года он получил производство в первый офицерский чин хорунжего [6].

В начале лета 1860 года основные события на Северо-Западном Кавказе стремительно разворачивались в Адагумском округе. Сформированный отряд, куда приданы были и терские казаки передвигался по вражеской территории, охваченной всеобщим волнением, и вел упорные бои с черкесами [7]. За этот поход, отдельным приказом по Терскому казачьему войску за №31 от 20 апреля 1861 года гребенской урядник из станицы Червлённой, ранее уже дважды награжденный орденом «Святого Георгия Победоносца», Парфентий Терентьевич Кулебякин (в скором времени офицер, а затем и командир гвардейского казачьего подразделения, получивший тяжелое ранение при убийстве террористами российского императора Александра II) был отмечен знаком отличия «Военного ордена» 2-й степени под № 29 «за отличия, оказанные в делах с горцами в Шапсугском и Адагумском отрядах летом 1860 года в Кубанской области» [8].

На Северо-Западный Кавказ направлялись не только служащие казаки строевых сотен, но и штатные пушкары с Терека, обладавшие обширными военными познаниями. Так, моздокский есаул П.Ф. Панкратьев, имевший уже три боевых ордена, а также два «именных Высочайших благоволения» 3 июня 1860 года был назначен «заведовать конно-артиллерийской казачьей №14 батареей» и вскоре с частью вверенного ему подразделения оказался в составе Верхне-Урупского отряда. Из подробного формулярного списка казачьего артиллерийского офицера известно, что он принимал непосредственное участие в значимых сражениях «19 сентября при отбитии партии хищников,

напавшей на фуражиров близ укрепления Майкопского и крупного дела 27 (сентября) между укреплением Каладжинским и станцией Отважной. 30 октября между станциями Передовой и Преградной. 31 (октября) при осмотре пластунами станицы Кардоникской и 14 ноября выше станицы Зассовской к реке Лабе. 23 декабря перестрелка при нападении горцев на казаков, возвращающихся в станицу Преградную». 34-летний Пётр Фёдорович настолько профессионально и самоотверженно действовал на просторах Кубани, что был произведен в следующий офицерский чин, «о чем объявлено в Высочайшем приказе, состоявшемся 11 ноября 1860 года» [9].

С наступлением нового 1861 года кровопролитные сражения с немирными горцами продолжились. Уже 4 января войсковой старшина П.Ф. Панкратьев поддерживал артиллерийским огнем отряды правительственных войск во время упорных перестрелок «при нападении хищников на работающих в поле казаков близ станицы Воронежской». После, 24 февраля «при нападении партии на казаков, следовавших из станицы Кардоникской на реку Нирух и при нападении на казаков между станцией Отважною и укреплением Колинджинском», 5 марта «при нападении партии горцев на казаков между станциями Лабинскою и Владимировскою». 6 марта «при нападении на казаков, следовавших из станицы Преградной на пост Гольтунский». 9 марта «при нападении партии горцев на казаков, рубивших лес близ станицы Курганной». 19 марта снова стычка с горцами и 23 марта отражение вражеской вылазки «близ станицы Михайловской». 12 апреля длительный бой «с партией горцев на реке Ходзе» и 22 апреля преследование набегчиков, напавших на казаков близ станицы Сторожевой, а 27 апреля «отражение ночного нападения хищнической партии близ станицы Владимировской». Вслед за этим Пётр Фёдорович передал конно-артиллерийскую казачью №14 батарею своему преемнику и 12 мая прибыл в распоряжение Моздокского казачьего полка, где сразу же принял под командование 1-ю стрелевую сотню [10].

Моздокский урядник Т.В. Астахов с 20 по 23 июня, находясь в отдельном Сводном подразделении терских казаков принимал участие в боях в составе Мало-Лабинского отряда «в действиях противу

общества бесленеевцев и выселении их из гор». На следующий день терцы были переведены в Верхне-Абадзехский отряд, в котором проходили службу по 21 декабря. За полгода прикомандированные казаки принимали участие в делах «близ укрепления Хамкеты в верховьях реки Фирш, при занятии отряда рубкою леса близ Ханского брода, устройством через реку Белую моста и жарким делом на этом же берегу 30 октября 1861 года» [11]. В числе отмеченных вышестоящим командованием за бой 11 июля находился и гребенской урядник И.Ф. Перезогин, представленный «за отличия в делах против горцев» к первому офицерскому чину, о чем было объявлено в приказе за № 80 от 10 сентября 1861 года по Терскому казачьему войску. Однако Иол Фаддеевич не остановился на достигнутом, а продолжил совершать воинские подвиги уже в новом статусе и «за особенные отличия, оказанные в делах против горцев во время зимних действий Шапсугского отряда в 1860 и 1861 годах» приказом за №16 от 28 января 1862 года по Терскому казачьему войску был награжден первым боевым офицерским орденом «Святой Анны» 4-й степени с надписью «За храбрость» [12].

Вместе с тем, на берега Кубани был направлен уроженец станицы Червлённой В.Е. Фролов, участник знаменитого «Сусловского дела», состоявшегося 24 мая 1846 года на правом берегу Терека, во время которого менее сотни гребенцов устояли в чистом поле против 1500 разъяренных мяридов, отразив несколько ожесточенных атак. В этом сражении урядник Влас Ефимович был ранен «ружейной пулей в стопу правой ноги с повреждением кости» и за отличие получил производство в офицеры. Во второй половине 1850-х годов он, уже отмеченный высокими правительственными наградами, командовал 1-м Кавказским казачьим полком и в 1859 году удостоился ордена «Святого Станислава» 2-й степени с Императорской короной и мечами. В начале 1861 года опытный войсковой старшина В.Е. Фролов находился на новой оборонительной линии в должности командира 2-го Лабинского казачьего полка, демонстрируя хорошие воинские умения [13].

Следующий 1862 год для уроженцев Терского левобережья, проходивших службу на Северо-Западном Кавказе начался с приятной новости – подполковник

Е.Ф. Семёнкин за успешное командование казачьим подразделением во время военных действий получил весомый орден «Святой Анны» 2-й степени с Императорской короной, затем еще и орден «Святого Станислава» 2-й степени с Императорской короной. 15 июля Евпл Филиппович был произведен в полковники, что согласно российским законам давало значительные преимущества всей семье заслуженного гребенского офицера. (Евпл Филиппович Семёнкин дослужился до звания генерал-лейтенанта и долгие годы возглавлял Майкопский отдел Кубанского казачьего войска) [14].

О действиях пятисотенного Сводного подразделения терских казаков на просторах Кубани, во всяком случае о той его части, в которой служили представители моздокских станиц в различных сформированных отрядах, можно судить по записям, внесенным в формулярный список Тимофея Варламовича Астахова: «В Верхне-Абадзехском отряде с 8 февраля по 8 марта при передвижении главных сил отряда к укреплению Майкопскому и при передвижении большей части войск к Ханскому броду в составе главного отряда, собранного для проложения просеки и дороги на реке Пших. 7 марта 1862 года.

В Даховском отряде с 25 апреля по 20 мая при движении на урочище Анакоп, при рубке просеки и разработок спусков в долину Дахо, при производстве работ на рубке леса и проложении дорог от Даховской станицы вниз по Белой и в ущелье Шишок. 19 мая 1862 года.

В Пшихском отряде с 1 по 6 октября при движении вверх на (реку) Пших к аулу Салохова и уничтожении ближайших неприятельских хуторов и аулов и жарком деле при отражении большой партии горцев, нападавших на колонну, сопровождавшую командующего войсками Кубанской области от станицы Тименной к лагерю у аула Салохова. В делах этих оказал отличие. 5 октября 1862 года». По итогам напряженной военной кампании, во время которой несколько тысяч абадзехов совершили нападение на только что построенное укрепление Хамкеты [15], 25-летний урядник Тимофей Варламович Астахов «за отличия в делах с горцами в 1862 году в Кубанской области награжден знаком отличия «Военного ордена» 4-й степени под № 8651, о чем объявлено в приказе по Кавказской армии 7 ноября за № 109» [16].

В начале 1863 года урядник Т.В. Астахов в составе подразделения терских казаков продолжил службу на Кубани и с 26 февраля по 4 марта попеременно находясь в Адагумском и Пшихском отрядах, принимал участие в боях непосредственно под руководством командующего Кавказской армией Великого князя Михаила Николаевича Романова при следовании «через бывшее Ильское укрепление в укрепление Георгиевское к укреплению Цанубай». Особенно «жаркое дело» произошло 28 февраля на подходе к реке Пседах. На следующий день сильная перестрелка «при обратном движении к позиции на реке Цанубай» и 3 марта у реки Афипс. В этих сражениях урядник Тимофей Варламович Астахов выделился и «за отличия в делах с горцами в 1863 году награжден знаком отличия «Военного ордена», 3-й степени под № 67», о чем было объявлено в приказе по Кавказской армии 25 апреля 1864 года [17]. Здесь же, в середине лета находился и моздокский урядник Елизар Баманов, который числился в Терском казачьем войске кандидатом на поступление в гвардейское казачье подразделение, а именно в Собственный Его Императорского Величества конвой [18].

Между тем, к 1863 году на Северо-Восточном Кавказе все лидеры кровавого мятежа были обезврежены и основные очаги вооруженного сопротивления чеченцев в Аргунском округе были жестко пресечены, вследствие чего появилась возможность направлять на Кубань значительно большее количество добровольцев, на смену казакам, отправляющимся по домам на заслуженную льготу. В начале весны во всех иррегулярных подразделениях Терека были определены списки желающих продолжить службу на передовых рубежах. В их числе находились кизлярский хорунжий Артамон Ефимович Ушинкин, гребенской сотник Игнат Фомич Губернаторов, уроженец станицы Шелковской, ведший свою родословную от грузин и др. [19].

Уже 1 апреля в Кубанскую область прибыли служащие самого отдаленного Кизлярского казачьего полка. Одним из них был внук зауряд-сотника, сын войскового старшины – 29-летний старший урядник Ериной Макарович Кособрюхов, имевший уже три знака отличия Военного ордена «Святого Георгия», и так как он успешно

выдержал многоуровневый экзамен «по программам, предусмотренным к 913 статье 1 книги II-ой части "Свода военных постановлений"», то реально претендовал на получение первого офицерского чина [20]. Кизлярцы находились «по 26 ноября под командою генерал-адъютанта графа Н.И. Евдокимова при взятии Западного Кавказа» в многочисленных делах против абадзехов и по возвращении на Терек казаки Иосиф Савельевич Ковалёв, Лука Кондратьевич Кошелев в числе других сразу же получили производство в приказные, а Константин Фёдорович Фролов получил первую нашивку незадолго до командировки на берега Кубани. В то же время, с наступлением ненастной погоды, военные действия не затихали на протяженном фронте, что позволило 27-летнему гребенскому старшему уряднику Парфентию Терентьевичу Кулебякину вновь отличиться и стать офицером с 9 декабря 1863 года [21].

На примере старшего урядника Е.М.Кособрюхова из станицы Дубовской, который в ближайшие годы так и не получил долгожданного повышения по службе, видно, что очередные чины в Императорской армии, даже в условиях систематических вооруженных стычек с горцами, просто так не раздавались, особенно офицерские эполеты, несмотря на самоотверженную службу родителей, прошлые боевые заслуги и соответствующее образование. Необходимо было совершить что-то из ряда вон выходящее за рамки уже привычного на поле битвы, чтобы не просто выделиться среди огромного количества достойнейших, но и быть замеченным вышестоящим начальством. По этой причине так высоко ценились в казачьих общинах боевые награды от Российского правительства, воинские звания и прочие атрибуты солдатской доблести, полученные за личное мужество в сражениях с хорошо вооруженным противником и ветераны прошлых войн пользовались заслуженным почетом и уважением во всех порубежных станицах от Черного до Каспийского морей.

Очередная смена из Моздокского казачьего полка, с которой прибыл хорунжий Карен Аминович Негоднов, отличившийся «при взятии Гуниба», находилась в составе Пшехского отряда «с 9 мая по 31 октября при наступающих действиях войск в земли абадзехов и заселении казачьими станица-

ми местности между низовьями рек Белой и Пшеха». Опытные воины проявили себя настолько хорошо под начальством сотника В.Т. Щербакова, только 9 апреля утвержденного в должности командира 3-й моздокской сотни, что по возвращении из командировки в середине ноября, Василий Трифонович «за отличия в делах с горцами в 1863 году» был представлен к чину есаула, который и получил приказом по Терскому казачьему войску 25 июня 1864 года [22].

Казаки с Терского левобережья издавна проходили службу не только в конвойных командах при начальниках различных округов и других военных администраторов края, но и неотлучно находились при Кавказском наместнике. Причем на два года в Тифлис направлялись из разных линейных полков «отборные молодцы из молодцов» [23]. Достойнейшие из них по личному распоряжению Александра II удостоивались высокой чести, а именно, не меняя места службы, зачислялись в Собственный Его Императорского Величества конвой со всеми вытекающими по этому случаю правами и привилегиями по дальнейшей службе в Войске. Одним из таких гвардейцев при Великом князе Михаиле Николаевиче Романове состоял гребенской урядник Фрол Ергушев [24]. Казалась бы, нахождение в личной воинской свите Его Императорского Высочества не предусматривало активного участия в кавалерийских сражениях с немирными черкесами. Однако, только «в разновременных стычках, во время следования... главнокомандующего Кавказской армии... от Константиновского укрепления до Пшехонской станицы» с 24 февраля по 4 марта 1864 года погибло 2 офицера и 10 ранено, а также, соответственно, нижних чинов 8 и 75 человек [25]. Подобные большие потери в привилегированном подразделении за столь короткий срок, позволяют говорить о жесточайших схватках на завершающем этапе долголетней войны с кавказскими горцами.

Для восполнения людских потерь в конвое главнокомандующего Кавказской армией были срочно отобраны и направлены лучшие представители северокавказского казачества. Среди них находился 26-летний кизлярский казак Фёдор Осипович Максимов, который добросовестно исполнял служебные обязанности «с 28 марта по 1 июня при покорении Западного Кавказа и

за отличия, оказанные в экспедиции произведен в урядники», что в приказе за № 223 по Кавказской армии объявили 1 июня 1864 года, а 15 октября по Терскому казачьему войску [26]. В 1864 году моздокский урядник Т.В. Астахов продолжал проходить службу вдали от дома, но уже в конвое (после возвращения из столицы, где проходил испытательный срок в Собственном Его Императорском Величества конвое), возможно при особе Великого князя Михаила Николаевича Романова. Тимофей Варламович в последние недели военного противостояния имел возможность снова проявить себя и «за отличия в делах с горцами» был произведен в первый офицерский чин со старшинством с 30 мая, о чем сразу же объявили в приказе по Кавказской армии уже 1 июня 1864 года, а Парфентий Терентьевич Кулебякин получил эполеты сотника. В числе других в хорунжие «за боевое отличие» получил производство и гребенской урядник Григорий Максимович Филипов, а также с 21 мая урядник Федот Евдокимович Черников, с начала прошлого года проходивший службу при штабе Терского казачьего войска, и не раз находившийся на передовых позициях на Северо-Западном Кавказе [27].

Лучшие из лучших, как и прежде, удостоивались наиболее почетной и знаковой солдатской награды, по итогам завершения многолетней кровопролитной компании. Среди них присутствовал 24-летний урядник Павел Артамонович Ушинкин из Кизлярского казачьего полка, который «за отличия против закубанцев» был награжден 26 мая 1864 года знаком отличия Военного ордена «Святого Георгия» 4-й степени под № 20424, о чем объявили в приказе за № 224 по Кавказской армии. Вслед за заслуженными награждениями началась отправка, в первую очередь подразделений с Терека, к местам постоянной дислокации, в том числе и из привилегированной казачьей части. Так, хорунжий Тимофей Варламович Астахов был отчислен на льготу из конвоя 26 июля и вместе с представителями остальных левобережных полков Терека прибыл в конном строю в станицу Наурскую, штаб-квартиру Моздокского казачьего полка, уже 10 августа 1864 года [28].

Следует отметить, что в левобережных станицах по Тереку зачастую наблюдался переизбыток опытных офицеров, по-

лучавших очередное производство за боевые отличия и находившихся за пределами установленных штатов полков. Это являлось одной из причин, по которой служащие иррегулярных подразделений не только командировались для прохождения службы на соседние кордонные оборонительные линии, но и отправлялись вместе с семьями на постоянное местожительство во вновь возводимые станицы. Еще в 1845 г. приказом за № 49 по Кавказскому Линейному казачьему войску от 3 августа сотнику Кизлярского казачьего полка Алпатову 4-ому было разрешено поступить в Лабинский казачий полк, «но с тем, чтобы для него никакого особого пособия требуется от казны не было, в том внимании, что должен получить представленные сотнику И.С. Алпатову 3-ему, на место которого переселяется». А приказом за № 78 от 27 сентября поступило распоряжение «сотника Моздокского казачьего полка А.К. Евсеева согласно изъявленного им желания перевести на службу в Лабинский казачий полк» [29].

С основанием новых станиц на Кубани подобная практика возобновилась, и одним из прибывших офицеров был сын войскового старшины, бывшего презуса (председателя) военно-судебной комиссии 8-й бригады Кавказского линейного казачьего войска Г.А. Чередников, получивший производство в хорунжие 13 ноября 1862 года. Уроженец моздокской станицы Наурской – Герасим Александрович навсегда связал свою судьбу с Кубанским казачьим войском. Со временем он удостоился за добросовестное исполнение служебных обязанностей чина войскового старшины и находился в составе казачьего подразделения еще во второй половине 80-х годов, то есть прослужил только в офицерских чинах более двадцати пяти лет [30].

По установлению относительно мирной жизни на южной окраине страны, 12 июля самодержец Александр II учредил серебряную медаль «За покорение Западного Кавказа 1859–1864», которая вручалась всем военнослужащим, в том числе и нестроевым, участвовавшим в боевых действиях на берегах Кубани в последние годы военного противостояния с черкесами. Среди представителей казачьих полков Терского левобережья, награжденных памятной медалью, должны быть десятки казачков от каждого подразделения, но нами

установлено только несколько человек. А именно: приказные Иосиф Савельевич Ковалёв, Лука Кондратьевич Кошелев, урядники Ериной Макарович Кособрюхов, Фёдор Осипович Максимов, сотники Игнат Фомич Губернаторов, Парфентий Терентьевич Кулебякин и хорунжий Федот Евдокимович Черников [31].

В тот же день российский император принял решение о выпуске памятного креста «За службу на Кавказе. 1864», бронзовый для нижних чинов и серебряный для офицерского состава, принимавших активное участие в войне с горцами в период с 1859 года. Помимо вышеупомянутых военнослужащих, почетным знаком были награждены в Кизлярском казачьем полку: казаки Василий Ульянович Климов, Денис Петрович Кукляев, Виктор Степанович Петанов, Денис Тимофеевич Петанов, Кирила Иванович Чернышев, приказные Фёдор Трофимович Абидин, Иосиф Савельевич Ковалёв, Константин Фёдорович Фролов, урядники Дмитрий Константинович Аверьянов, Гордей Ипполитович Донсков, Семён Алексеевич Кочетков, Феофил Ивлиевич Кузьмин, Иосиф Фёдорович Львов, Денис Сергеевич Максимов, Кондратий Нистратович Нырков, Максим Дорофеевич Старченков, Ювиналий Куприянович Старченков, Ефпл Матвеевич Суханкин, Трифон Венедиктович Урчукин, Алексей Куприянович Фетисов и др. [32]. Среди награжденных офицеров Гребенского казачьего полка установлены: хорунжие Родион Иванович Багаевский, Ефрем Григорьевич Крючков, Куприян Куприянович Рогожин, Клим Акимович Фадеев, сотники Парфентий Терентьевич Кулебякин, Иван Данилович Скороходов, Борис Иванович Тюшеков, а также есаул Ефим Петрович Зубков из единственной семьи Георгиевского кавалера в Кизлярском казачьем полку, проходивший службу в Резервной артиллерийской казачьей батарее и др. [33].

Однако не для всех служащих казаков с Терского левого бережья, направленных на Северо-Западный Кавказ, все складывалось благополучно. Так, многократно отобранный для прохождения службы в Собственном Его Императорском Величества конвое трубач Стефан Зубков из Кизлярского полка, в июле 1863 года находился «по собственному желанию» в штатном составе «вновь сформированного Сборного Терско-

го полка» в Кубанской области, где должен был получить «знак отличия за военные дела», после чего отправиться на службу в Санкт-Петербург. Но судьба распорядилась иначе, и уже в ноябре 23-летний казак находился за сотни километров от места прикомандирования в лазарете своего полка в Кизляре. Из выявленного документа не совсем понятно, что так быстро подкосило здоровье молодого парня, но в апреле следующего года он был срочно заменен на другого терца «по случаю продолжительной болезни... и не способным к строевой Гвардейской службе» [34].

Вместе с тем, в апреле 1863 года началось следствие в отношении проштрафившегося есаула Кизлярского казачьего полка по факту угона немирными горцами стада баранов из окрестностей аула Армавир. За допущенные грубейшие нарушения по кордонной службе, несмотря на многочисленные былые заслуги, 53-летнего Матвея Куприяновича Алпатова отправили обратно на Терек в крепость Кизляр «для содержания в каземате». Была произведена подробная опись скромного казачьего имущества, которое начиная от 15-рублевого деревянного домика «длиною в 3 сажени, шириною в 1,5 сажени об одной комнате с сенцами и с камышовою крышей» в станице Бороздинской и заканчивая «старым топором», оцененного в 10 коп., составило всего 55 руб. 22½ коп., то есть немногим более стоимости средней строевой казачьей лошади. Было вынесено решение освободить заслуженного боевого офицера, проводшего всю жизнь в походах и на кордонных постах «только от денежного взыскания во внимание к бедному состоянию его», но все-таки в качестве наказания, отправить его «на год на передовые позиции» [35].

Таким образом, для населения Терского левого бережья боевые действия с соседними горскими народами не закончились с пленением имама Шамиля в августе 1859 года. Еще несколько лет лучшие служащие чины Кизлярского казачьего полка, помимо уничтожения последних шаек абреков на Северо-Восточном Кавказе, оказывали посильную помощь своим собратьям и находились в Кубанской Области, в составе не только 500-сотенного Сводного подразделения. Среди них были представители нескольких этнических групп, но это

не помешало им совместно с кубанскими казачьими подразделениями, где на постоянной основе проходили службу и уроженцы левобережных станиц, своими успешными действиями приблизить наступление долгожданной мирной жизни. Особо отличившиеся в многочисленных сражениях, как и в предыдущие десятилетия, удостоивались высоких правительственных наград, быстрее продвигались по служебной лестнице, поощрялись единовременными денежными премиями и пользовались заслуженным авторитетом во всех частях российской армии.

Примечания:

1. И.О. Граф Николай Иванович Евдокимов. 1804–1873 // Русская старина (далее – РС). СПб., 1889. Т. LXII–LXIII. Вып. 8. С. 399.
2. Петров А.В. Из истории Гребенского казачьего полка. Самара, 2015. С. 250.
3. Список майорам по старшинству. Исправлено по 17-е февраля [1856 г.]. СПб., 1856. С. 148; Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 2. Оп. 1. Д. 111. Л. 52. Л. 52–52об.
4. ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 52. Л. 181, 194–194 об.
5. Список майорам по старшинству. 1857 г. СПб., 1857. С. 175; Петров А.В. Указ. соч. С. 251; Гребенские казаки // Форум. URL: combcossack.opk.ru, сообщение от 27.11.2016 г.
6. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. Нальчик, 2007. С. 256; ЦГА РСО-А. Ф. 16. Оп. 1. Д. 62. Л. 67об.–68; ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2039. Л. 199об., 201–201об.
7. Лациский А.С. Хронология русской военной истории. Хронологический указатель войн, сражений и дел, в которых участвовали русские войска от Петра I до новейшего времени. СПб., 1891. С. 104.
8. ЦГА РСО-А. Ф. 16. Оп. 1. Д. 62. Л. 44.
9. ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2039. Л. 17, 19об.–20об., 27.
10. Там же. Л. 18, 20об.–21.
11. Там же. Л. 204об.
12. Петров А.В. Указ. соч. С. 250; ЦГА РСО-А. Ф. 16. Оп. 1. Д. 62. Л. 77; ЦГА РСО-А. Ф. 16. Оп. 1. Д. 162. Л. 14об.
13. Петров А.В. Указ. соч. С. 254; Список майорам по старшинству. Исправлено по 17-е февраля [1856 г.]. СПб., 1856. С. 326; Список майорам по старшинству. СПб., 1859. С. 217; Список майорам по старшинству. Исправлено по 13-е марта [1861 г.]. СПб., 1861. С. 107.
14. Петров А.В. Указ. соч. С. 251.
15. Прудков Е. Штурм горцами укрепления Хамкеты 14 июня 1862 года // Военный сборник. СПб., 1868. № 11–12. Т. LXIV. С. 13.
16. ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2039. Л. 202об., 204об.–205.
17. Там же. Л. 202об., 205.
18. ЦГА РСО-А. Ф. 16. Оп. 1. Д. 58. Л. 63об.
19. Петров А.В. Указ. соч. С. 248, 253.
20. Колесников В.А. Офицерский состав линейных полков Терка в 1842 году // Терский сборник. М., 2016. Вып. 1. С. 294; ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 52. Л. 83об., 84об., 86.
21. Петров А.В. Указ. соч. С. 248–249; ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 52. Л. 125об.–126, 127об., 134об.–135, 137об.–138.
22. ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2039. Л. 95об., 96об., 101об.
23. Записки Василия Антоновича Инсарского // РС. СПб., 1898. Т. XCIII. Вып. 2. С. 371–372.
24. Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. СПб., 1899. С. 158.

25. Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. Тифлис, 1901. С. 124.
26. ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 52. Л. 118об.–119.
27. ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2039. Л. 202об.; Список подполковникам по старшинству. Исправлено по 1-е мая [1893 г.]. СПб., 1893. С. 46, 59; Петров А.В. Указ. соч. С. 249.
28. ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 52. Л. 113об.–114; ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2039. Л. 2об.
29. ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 133. Л. 22об.–23об., 35.
30. ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 108. Л. 12об.–13; Список майорам по старшинству. Исправлено по 1-е мая [1887 г.]. СПб., 1887. С. 12.
31. Петров А.В. Указ. соч. С. 248–249, 254; ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 52. Л. 83 об., 118об., 125об., 134об.
32. ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 52. Л. 86об., 87об., 88об., 90об., 91об., 92об., 93об., 94 об., 99об., 101об., 110об., 118об., 119об., 122об., 124об., 125об., 128об., 133об., 134об., 135об., 137об., 143об.
33. ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 52. Л. 23, 25; Гизетти А.Л. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Тифлис, 1901. С. 37; Петров А.В. Указ. соч. С. 247–250, 252–254.
34. ЦГА РСО-А. Ф. 16. Оп. 1. Д. 58. Л. 56, 132, 240.
35. Колесников В.А. Указ. соч. С. 294; ЦГА РСО-А. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568. Л. 9, 19–20об., 60.

О.С. Пылков

«В защиту угнетённых и обуздание угнетателей»: участие населения Кубанской области в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

В 2017 г. исполняется 140 лет с начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая в обществе России вызвала невиданный подъем патриотизма. В истории второй половины XIX века война за освобождение балканских народов от османского владычества занимает особое место и является одним из важнейших событий, оказавших воздействие на развитие ряда народов Европы. Противостояние с одной стороны Российской империи и её союзников, в лице балканских государств, а с другой Османской империи, в общественном сознании запечатлелось как самая справедливая война второй половины XIX века. Это было связано с идеей освобождения православных славянских народов Балканского полуострова (сербов, болгар, черногорцев и др.) от османского ига.

Восстание против турок, вспыхнувшее в 1876 г. в Болгарии, турецкими войсками было подавлено с чрезвычайной жестокостью. В европейских странах и в России, которая позиционировала себя покровительницей христиан, волна возмущения вызвала нежелание дальше терпеть зверства турок над христианами. Однако

реальные шаги в этом направлении, в качестве укора всему цивилизованному миру, летом 1876 г. предприняли маленькая Сербия и крошечная Черногория, объявив войну Османской империи. В сердцах людей по всему миру это нашло живой отклик. В ряды сербской армии, которую возглавил покоритель Средней Азии, туркестанский герой русский генерал М.Г. Черняев, вступали добровольцы, в том числе и из России (около 7 тыс. человек), принадлежавшие к разным социальным слоям [1].

Из-за неравенства сил Сербия оказалась на грани военного поражения и захвата её столицы г. Белград. В целях спасения сербской армии российским правительством, 19 октября 1876 г., Османской империи был предъявлен ультиматум с требованием прекращения в течение 48-ми часов всех военных действий. 1 ноября 1876 г., в качестве демонстрации серьезности намерений, императором Александром II была объявлена частичная мобилизация российских войск.

К началу русско-турецкой войны, обновленная преобразованиями 1870-х гг., армия Российской империи была сформирована уже на основе всеобщей воинской повинности, заменившей, 1 января 1870 г., наборы рекрутов [2]. Государству это дало возможность иметь, в мирное время, не только уменьшенную кадровую армию, но и запас обученных резервов, на случай войны. А российское общество получило более монолитную военную силу, которая становилась его отражением и выразителем существующих в нем настроений.

К 1877 г., известия об османских бесчинствах, приходившие с Балкан и из других уголков Османской империи, отзывались единодушным стремлением жителей Российской империи выступить «в защиту угнетенных и в обуздание угнетателей» [3]. Подтверждением этого является участие различных представителей населения Кубанской области (солдаты, казаки и северокавказцы), объединенных общей идеей, в сражениях и боевых походах «Освободительной войны» 1877–1878 гг. [4].

В ходе начавшейся 12 апреля 1877 г. русско-турецкой войны Российской империей были развернуты две армии (Дунайская, численностью около 185 тыс. чел. и Кавказская, числом около 75 тыс. чел.). В их составе, на Кавказско-Малоазиатском и

Балканском театрах военных действий, успешно сражались и вносили свой посильный вклад в победу над Османской империей располагавшиеся в Кубанской области регулярные армейские полки, конные и пластунские иррегулярные части Кубанского казачьего войска (ККВ), а также, сформированные в крае из народов Северного Кавказа милицейские подразделения.

Мобилизация (с 11 ноября 1876 г. по 12 апреля 1877 г.), объявленная российскими властями, затрагивала в первую очередь части регулярной Российской армии, например, расквартированный в Кубанской области 76-й пехотный Кубанский полк. Сформированный в 1845 г. из батальонов разных российских полков (Литовского, Виленского, Кавказского линейного № 2, Минского и Замосцкого), с целью усиления Отдельного Кавказского корпуса (ОКК), он участвовал в походах на западном Кавказе в составе экспедиционных отрядов, в сражениях с «немирными» горцами (например, 1849 г. – участие в осаде аула Чох; 1855 г. – атаке позиции на хребет Кадыко, Магомета-Амина; 1862 г. – походы Средне-Фарского и Пшехского отрядов, сражения с горцами и т.д.), а также прокладке просек и дорог в крае [5].

После объявления мобилизации сборным пунктом полка, штаб-квартира которого с 1857 г. располагалась в крепости Майкоп, была назначена ст. Прочноокопская, находившаяся близ Армавирской станции Ростово-Владикавказской железной дороги. Отсюда, 28 ноября 1876 г. полк в количестве 5 штаб-офицеров, 39 обер-офицеров, 6 классных чиновников, 1 священника, 4 портупейюнкеров, 3165 нижних чинов и 68 денщиков, выступил в поход на Кавказский театр военных действий. Движение полка к намеченной цели сопровождали различные трудности (например, нехватка обмундирования и припасов, задержка перевозки по железной дороге, неблагоприятные погодные условия, переход через Кавказские горы без теплой одежды и др.) [6].

Первоначально, оказавшись на Кавказском фронте, полк воевал на Черноморском побережье и в рядах отряда генерала Я.К. Алхазова. Несколько его батальонов участвовало в кровопролитных сражениях на р. Гализге, у селений Очемчир, Илора, и в освобождении от турок г. Сухума. Другие батальоны 76-го пехотного полка, под начальством генерала И.Д. Оклобжио, были

задействованы в боях на Цихисдзирской позиции, а впоследствии, являясь частью Ардаганского отряда, в блокаде крепости Карс и битвах с турками на территории Закавказья. Боевые будни полка включали в себя и занятия военнотружеников строительством оборонительных укреплений (редут, траншеи и т.д.) и хозяйственных построек (хлебопекарни, бани), устройством гатей, рубкой просек, прокладкой и ремонтом колесных дорог, устройством мостов в районе дислокации частей подразделения. Так, с 18 по 28 апреля 1877 г. 1-я, 3-я и 4-я стрелковые роты 4-го батальона, расположенные на правой стороне р. Чолок, строили мосты через «топкие лесистые балки и ручьи», исправляли дорогу, прорубали просеку по направлению к р. Натонеби и, под начальством полковника Мачканина, совершали двухдневную рекогносцировку к турецкой деревне Пичпара. Лишь в ноябре 1878 г., стяжав боевую славу (например, среди полученных наград было Георгиевское полковое знамя с надписью «За изгнание Турокъ изъ Абхазіи въ 1877 году»), 76-й пехотный Кубанский полк, через селение Армавир, возвратился в свою штаб-квартиру в Майкопе [7].

Призыву на фронт подлежали и части Кубанского казачьего войска (ККВ). Предварительная мобилизация кубанских казаков началась 12 сентября 1876 г. [8]. Согласно данным военного министерства ККВ должно было поставить под ружьё 184 сотни и эскадрона, шесть пеших четырехсотенных пластунских батальонов, конно-артиллерийскую бригаду в пять батарей, каждая восьмиорудийного состава, учебный дивизион и 7 местных команд, а также, совместно с Терским и Оренбургским войском, сформировать учебный конно-артиллерийский взвод. Всего на Кубани из казаков было призвано 31913 нижних чинов и 827 офицеров, в части поставлено 27780 лошадей. В действующую армию ККВ направило двадцать пять конных полков шестисотенного состава и двенадцать пеших батальонов четырехсотенного состава из пластунов, пять конно-артиллерийских батарей восьмиорудийного состава и две лейб-гвардии Кавказского Собственного Его Императорского Величества конвоя сотни [9].

Военная реформа, проведенная в России, к этому времени положительным образом сказалась и на изменениях в подготовке офицерских и нижних чинов, оснащении но-

выми образцами вооружения частей Кубанского казачьего войска. Например, винтовками казачьего образца системы Бердана-2 удалось вооружить нижних чинов, а револьверами системы Смит и Вессон трубачей и вахмистров сформированных казачьих конных полков (Лабинско-Урупский, Полтавский, Уманско-Ейский и др.). При себе казаки также имели кремнёвые пистолеты [10]. Однако, в отличие от полков первого комплекта, второй комплект казаков являлся на сборный пункт уже с устаревшими, заряжавшимися с дула, шестилинейными винтовками системы Таннера, ружьями системы Карлея (например, в некоторых пеших пластунских батальонах) или драгунскими ружьями системы Крнка. В результате такое разнообразие в оружии порождало сложности при обеспечении боеприпасами [11]. Казачьи части также снабжались всем нужным для похода снаряжением. По распоряжению войскового штаба ККВ, в конные и пластунские подразделения казаков, за счет войсковой казны (выделено около 1128 рублей), приобреталось снаряжение (денежный ящик, аптечный выюк и подъёмные лошади, конская упряжь и оружейный инструмент) [12].

Высокая степень патриотизма, хорошая выучка частей ККВ, а также единая поддержка планов освободительной войны против османского ига положительно сказались на боевом духе казаков, сражавшихся с турками в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., на обоих фронтах [13]. Кубанцы явили героизм и мужество при обороне крепости Баязет, при приступе стен Эрзерума и Карса, в сражениях на Шипке и на кавказском берегу Черного моря. Например, в боях на Балканском полуострове отличились 2-й Кубанский казачий полк, сотни 7-го пешего пластунского батальона и 1-я и 2-я сотни Собственного Его Императорского Величества конвоя, эскадрон Собственного Его Императорского Величества конвоя. Так, боевая деятельность 2-го Кубанского конного полка под командованием подполковника С.Я. Кухаренко, начавшаяся 21 июня 1877 г. с переправы через р. Дунай, была связана с выполнением казаками боевых задач (несение охранной службы, разведка турецких позиций, сражение с черкесской кавалерией и башибузуками, осуществления «летучей связи», рекогносцировка, и др.) при плотном соприкосновении с противником, а

также добровольной защите болгарского населения от черкесских и башибузукских набегов и грабежей. До своего возвращения на Кубань полк проявил себя при штурме фортификационных сооружений крепости Никополь, в сражении у г. Плевны и других битвах.

А казаки 1-й и 2-й сотни 7-го пластунского пешего батальона, под руководством есаула А.А. Баштанника, используя стрельбу и манёвр, воевали с турками (например, при штурме города Ени-Загры и взятии г. Казанлык, а также в бою у деревни Джураны) в составе Передового отряда под командованием генерала И.В. Гурко и участвовали в оборонительных боях в районе Шипкинского перевала. Многие нижние чины и офицеры пластунских сотен, за подвиги, проявленные на полях сражений, были награждены Георгиевскими крестами и званиями.

Широко части ККВ были представлены на Кавказско-Малоазиатском фронте. Например, в Закавказье с турками-османами сражались вторые Екатеринодарский, Ейский, Таманский, Уманский и Хопёрский конные казачьи полки, а в Черноморском округе, в районе города Сухум, второй Лабинский конный казачий полк и шестой пеший пластунский батальон [14]. Остальные формирования ККВ располагались на территории Кубанской области, где поддерживали внутренний порядок и несли пограничную службу.

С началом войны на Кавказском театре, конные и пластунские казачьи сотни (например, второго пешего пластунского батальона и Полтавского конного полка), под руководством генерал-адъютанта М.Т. Лорис-Меликова, успешно действовали при снятии турецких погранпостов и обеспечении свободного прохождения основных военных сил, а также в составе рекогносцировочных отрядов для разведки местности, сбора данных о характере местности, противнике, его укреплениях и силе гарнизонов. При этом, случалось, что боевые задачи казаки выполняли плечом к плечу с горцами. Например, в июле 1877 г., под начальством полковника Маламы, успешная разведка сил турок у Дагора была произведена отрядом, состоявшим из двадцати пластунов и двадцати чеченцев Чеченского конно-иррегулярного полка.

Казаки Кубанского казачьего войска (например, 2-й сотни Уманского, 1-й сотни

2-го Хоперского), в составе гарнизона крепости Баязет (численностью в 1587 нижних чинов и 32 офицеров), отличились в ходе двадцати четырех дневной её осады много тысячным турецким войском Фаика-паши. После деблокады крепости отрядом генерал-лейтенанта А.А. Тер-Гукасова, кубанские казаки, наряду с остальными защитниками, за проявленный героизм были награждены орденами Св. Георгия. А казаки Уманского казачьего полка из второй и пятой сотен также удостоились знаков «За геройскую защиту Баязета с 6 по 28 июня 1877 года» на свои папахи.

Однако среди участвовавших в войне жителей Кубанской области были не только солдаты и казаки, но и северокавказцы. В общей сложности более тысячи горцев Кубанской области за время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., получили возможность увидеть «белый свет», проявить свою удалость и удостоиться наград, защищая границы России в лихую годину. Оставшиеся на западном Кавказе горцы, помнили о гибели многих своих соплеменников при переезде в Турцию и печальной судьбе достигших её берегов. Стремление отомстить туркам за тиранию и гибель близких от их рук, заставляла многих вступать в ряды царской армии или оказывать ей материальную помощь [15].

Осенью 1876 г. началось создание милицеских частей из северокавказцев. Способы применения горцев Северного Кавказа (например, служба на аванпостах, приспособленность горной, лесной местности к «малой войне», точность кинжального удара, ночная стрельба навскидку, умение сражаться спешившись и верхом) давали возможность, прежде всего, использовать их на Кавказском фронте в разведке и сторожевой службе [16]. Аульные и сельские сходы, в конце 1876 г., показали готовность к участию в наборе милиции, обязавшись выставить около 13 конных сотен всадников, снаряженных собственными силами.

20 апреля 1877 г. из горских жителей Кубанской области (станции Гривенско-Черкесской и поселка Суворовского) началось комплектование конно-иррегулярной сотни (127 нижних чинов), командиром которой стал войсковой старшина Посполитакки. Из жителей восточного побережья Черного моря также была образована Особая горская сотня Черноморского округа. А

«призывом охотников» в Кубанской области, из северокавказцев, удалось укомплектовать Кубанско-Горский конно-иррегулярный полк шестисотенного состава. Чины полка являлись на службу с собственным обмундированием и снаряжением, получая огнестрельное оружие на пункте сбора, расположенном в помещениях упраздненной Усть-Лабинской крепости. Командиром полка был поставлен имевший Георгиевскую награду (золотую шашку на георгиевской ленте с надписью «За храбрость») кубанский казак подполковник А.Г. Пентюхов, а командиры сотен, младшие офицеры, мулла и лекарь назначались из горцев [17].

После получения одинакового обмундирования (бешметы, черкески, шаровары, бурки и папахи, желтые погоны из фабричного сукна с прикрепленными к ним литерами "К.Г." т.е. Кубанско-Горский) и принесения присяги всадники были разбиты по взводам [18]. Из-за нехватки современного оружия, горцам выдавали кремневые ружья и пистолеты, которые требовали починки и «капитальных исправлений». Но, несмотря на это, кавалерийская часть, которой, по мнению наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-лейтенанта Н.Н. Кармалина, можно было «щегольнуть в любой европейской армии», 24 мая 1877 г., была отправлена в действующую на Кавказском фронте армию [19]. Лишь пятая и шестая сотни полка оставили в пределах Кубанской области (5-я Майкопская сотня назначена в Майкопский уезд с прикомандированием ко 2-му Урупскому, а 6-я Карачаевская – в Баталпашинский уезд, с прикомандированием к сборному Хоперско-Кубанскому конным полкам) для охраны горных перевалов от возможных вылазок турецкого десанта.

28 июля 1877 г. 6-я сотня Кубанско-Горского полка, в составе Марухского отряда генерал-лейтенанта П.Д. Бабыча, приняла участие в наступлении через Марухский перевал в Абхазию, где сражалась с турками при освобождении Сухума. При этом мирное горское население (например, карачаевцы) оказывало помощь провиантом, проводжатыми и вьючным транспортом войскам. А дороги для отряда, через топкие и опасные места, в верховья рек Кубани и Лабы, через Марухский и Санчарский перевалы, совместными усилиями прокладыва-

ли солдаты-саперы, работники Владикавказской железной дороги, казаки и горцы-милиционеры (например, карачаевцы) [20].

Всадники сотни (урядники Осман Байрамуков и Магомет Могулжев, юнкер Темир-Султан Карабашев, милиционеры Шедот Батчаев, Беннегор Джачалериев, Каспот Заурумов и Канчук Шугенов), из разных аулов, за проявленные в бою храбрость и мужество, были награждены специальными, установленными для мусульман, Георгиевскими крестами. При этом военными властями вознаграждались не только военные, но и трудовые подвиги горцев. Так, командированный в отряд из Карт-Джуртовского аула старшина Юсуп Баташев, являясь опытным в прокладке дорог и постройке мостов через горные реки человеком, за свой труд во время похода был награжден серебряной медалью на ленте ордена Святой Анны с надписью «За усердие». А за проявленную во время столкновения с турками храбрость, 14 апреля 1878 г. его удостоили золотой (Георгиевской) медали «За храбрость». В общей сложности медалями за мирные заслуги и храбрость, по распоряжению Главнокомандующего Кавказской армией, был награжден 41 всадник.

В то же время основная часть Кубанско-Горского конно-иррегулярного полка проследовала в Закавказье, где первоначально осуществляла охрану участка границы между Грузией и Арменией. Так, согласно распоряжению 27 июля 1877 г. генерал-лейтенанта Лазарева, три полковые сотни разместили для защиты южной части Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии (у селений: Сулды, Большие Ханчалы и Орловки), а одну у поста Шиштопинского Александропольского уезда Эриванской губернии. Всадники 4-хсотенного состава полка, во главе со своим командиром, 31 июля, 3, 7, 13 и 25 августа участвовали в перестрелках с турками. А в ночь с 5 на 6 ноября 1877 г., 25 человек особой команды во главе с командиром полка были задействованы в штурме и взятии крепости Карс. За это всадники были награждены орденами, медалями и очередными воинскими званиями (например, командир полка А.Г. Пентюхов произведен в полковники).

Ежедневная служба северокавказцев в карауле, стычки с турками и курдами, защита мирного населения, в среде которого они находились, снискали всему полку

добрую славу, а также различные награды и почести от начальства [21]. 6 декабря 1877 г. приказом № 63 по войскам, расположенным в Кубанской области и Черноморском округе, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 6-я сотни Кубанско-Горского конно-иррегулярного полка были расформированы, а 5-я сотня была оставлена на службе. Часть чинов сотни, совместно с чинами Урупского и сборного Лабинско-Урупского полков осуществляла конвоирование казенных почт между Майкопом и станицами Тенгинской, Лабинской и селением Армавир.

В мае 1878 г., по распоряжению императора, для командировки на западные границы Российской империи, из горцев Кубанской области (абадзехов, кабардинцев, карачаевцев, бжедухов, темиргоевцев и других горцев Екатеринодарского, Майкопского и Баталпашинского уездов) вторично был сформирован шестисотенный полк [22]. Форма обмундирования и обоз оставались прежними. Воины должны были быть щегольски одетыми, иметь запасные черкески и обувь. Отличием формируемого полка стало добавление трех дивизионеров из русских офицеров (есаул Митрофан Посполитаки, есаул Иван Еглевский, войсковой старшина Амурат Корицкий) и по одному строевому уряднику из казаков в каждую сотню, и четырех сотенных офицера. Командиром вновь сформированного Кубанско-Горского конно-иррегулярного полка, приказом по Кавказской армии и Кавказскому военному округу от 20 мая 1878 г. за № 308, был назначен полковник А.Г. Пентюхов. В состав сотен вошли несколько благонадежных и влиятельных лиц, а остальные были назначены по приговорам аульных обществ, с ручательством и ответственностью за их благонадежность [23].

К 25 мая 1878 г. сотни Кубанско-Горского конно-иррегулярного полка прибыли на сборный пункт полка в село Армавир. Отсюда 13 июня 1878 г., по железной дороге, тремя эшелонами, полк отправиться из Кубанской области в Варшавский военный округ в город Варшаву. 19 июня, при следовании через г. Киев, полк был направлен в лагерный сбор при городе Луцке Волынской губернии Киевского военного округа, где и был расквартирован 24 июня [24].

16 августа 1878 г., во время смотра войск Луцкого лагеря, император Александр II выразил начальнику Луцкого лагеря гене-

рал-лейтенанту Сорочинскому благоволение и за смотр пожаловал нижним чинам по 50 копеек, а Георгиевским кавалерам по 3 (три) рубля серебром [25]. При этом за все время пребывания в г. Луцке, полк отличался «благонравием» и «приобрел симпатию местных жителей» [26]. В сентябре 1878 г. он был возвращен в Кубанскую область и собрался на респускном пункте в Армавире, откуда все офицеры и нижние чины из горцев были распущены по своим домам, а имевшиеся револьверы, ударные пистолеты с патронами и принадлежности были сданы в Усть-Лабинский артиллерийский склад [27]. 21 апреля 1879 г. А.Г. Пентюхов был отчислен от должности командира Кубанско-Горского конно-иррегулярного полка с зачислением по Кубанскому казачьему войску и с оставлением при Главном Управлении иррегулярных войск [28].

Таким образом, во второй половине XIX в. рост национального самосознания вылился в начало освободительного движения славянских народов на Балканах. Попытка Османской империи искоренить этот процесс привела к началу русско-турецкой войны 1877–1878 г. При этом изменения в системе комплектования российской армии, рост патриотизма в российском обществе обеспечили высокую степень готовности Российской империи к войне. Наличие справедливой идеи борьбы с османской «тиранией» и готовность встать на защиту угнетенных способствовали консолидации населения России в целом и Кубанской области в частности.

Проживавшие на территории Кубани представители различных социальных групп приняли активное участие в событиях русско-турецкой войны. Посильный вклад в победу над Османской империей солдат, казаков и горцев, мобилизованных на территории области, свидетельствовал о качественных изменениях в крае, произошедших со времени окончания Крымской и Кавказской войн. При этом русско-турецкая война 1877–1878 гг. способствовала не только возникновению у населения Кубанской области представления об общности цели, но и осознания возможности её достижения только совместными усилиями.

Примечания:

1. Анатолий Степанов. Русские добровольцы, участники восстания в Герцеговине в 1875-1876 гг., в общественно-

политической жизни России. URL: http://ruskline.ru/analitika/2016/01/04/russkie_dobrovolcy_uchastniki_vosstaniya_v_gercego_vine_v_18751876_gg_v_obvestvenopoliticheskoi_zhizni_rossii/.

2. Милютинские военные реформы 1860–1870-х гг. как последствия Крымской войны. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=10882327%40cmsArticle>.

3. Описание боевой жизни 76 пехотного Кубанского полка в минувшую войну 1877–1878 годов. Составил того же полка капитан Егоров / Под редакцией артиллерии генерал-майора Чернявского. Тифлис, 1884. С. 24.

4. Богданович Л.А. Двадцатилетие Великой освободительной войны. М., 1902; Епанчин Е.А. Освободительная война 1877–1878 гг. СПб., 1902.

5. Описание боевой жизни 76 пехотного Кубанского полка в минувшую войну 1877–1878 годов... С. 1–3.

6. Там же. С. 5, 7–14, 16.

7. Там же. С. 27–28, 30–31, 47.

8. Кубанский сборник. Екатеринодар, 1909. Т. 14. С. 448.

9. Желобов В.Н. Мобилизация частей Кубанского казачьего войска в период подготовки к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. URL: http://www.rusnauka.com/28_NPM_2013/Istoria/4_145887.doc.htm; Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1901. Т. 1. С. 118; Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1898. Вып. 2. С. 28–43.

10. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1898. Вып. 5. С. 114.

11. Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1901. Т. 1. С. 126.

12. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 1811. Л. 469, 185; Сборник приказов по ККВ. Приказ № 12 от 19 января 1877 г.

13. Борисова А.Г. Кубанское казачество в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // История и обществознание. 2016. Вып. XIII. С. 34–39.

14. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1812. Л. 7–8, 404–405, 429–430.

15. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2089. Л. 19, 29; Покровский М.Н. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. URL: http://budetinteresno.info/kraeved/adig_history_23.htm.

16. Чеченцы и ингуши – герои русско-турецкой войны 1877–1878 гг. URL: www.yandiyev.narod.ru/geroi.html.

17. Шкуро В.И. Участие горцев-добровольцев Кубанской области в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. URL: <http://www.gipanis.ru/?level=338&type=page>.

18. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2456. Л. 447–457.

19. Кубанские областные ведомости. 1878. № 9.

20. ГАКК. Ф. 349. Д. 52. Л. 2–2об., 3, 4, 10об., 13, 14, 15–15об., 17–17об.; Ф. 396. Оп. 1. Д. 2089. Л. 29.

21. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2456. Л. 447–457.

22. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2549. Л. 173–174об.

23. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2549. Л. 151об., 152, 201; Ф. 349. Оп. 1. Д. 30. Л. 4, 22, 22об.

24. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2449. Л. 33, 34.

25. ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 34. Л. 14.

26. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2549. Л. 347, 348.

27. ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 30. Л. 3–5об.

28. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2489. Л. 10–10об., 14–14об.; Ф. 396. Оп. 2. Д. 646. Л. 3об., 4.

ственного архива Краснодарского края наряду со свидетельствами, рассказывающими о реальных историко-книжных обстоятельствах, сохранилось большое количество организационно-распорядительных документов цензурного ведомства, документов, которые навсегда остались в области проектов, инициатив, если можно так выразиться, остались фактами только архивной «делопроизводственной» реальности.

Система исполнительного делопроизводства жестко регламентировала порядок составления документов, нормы работы с ними (характер учета, оформления, визирования, исполнения, рассылки) и так далее [1]. Следствием этого, как правило, было то, что вокруг практически всякого полученного организационно-распорядительного документа формировалось дело, структура которого отражала не столько реалии действительности, сколько нормы делопроизводства.

Вместе с переселением черноморцев на земли Кубани, вместе с административным вхождением Черномории в состав Российской империи, в крае начало действовать российское законодательство (в том числе в области печати). Главным правительственным институтом, регламентирующим развитие российского книжного дела (и в столицах, и в провинции) было цензурное ведомство. Именно оно выступало инициатором большей части всех «начинаний» и «ограничений». Важно отметить, что деятельность институтов цензуры, цензурное законодательство, особенности и практики его применения не только «ограничивали» и «запрещали», не только декларировали взгляды правительства на перспективы развития российского книжного дела, но и фиксировали его реальную повседневность, его кадровый потенциал, регулировали создание его инфраструктуры, формировали корпус источников, позволяющих историкам во времени реконструировать его историю как сложную систему.

Существующая специфика цензурного законодательства проявлялась еще и в том, что «... только законодательными актами невозможно было предусмотреть все случаи, которые могли встретиться на практике, а тем более сориентироваться в быстро меняющейся политической обстановке <...> Требовалось большое количество подзаконных актов, уточняющих документов (предложений, распоряжений,

А.И. Слуцкий

История книжного дела Кубани в делопроизводственных обстоятельствах (архивные заметки)

Нам хотелось бы обратить внимание на одну проблему реконструкции истории книжного дела Кубани. В фондах Государ-

циркуляров, дополнительных инструкций), с помощью которых власть пыталась наладить эффективную работу ведомства» [2]. Эти уточняющие документы регламентировали все – «техническую сторону цензурных практик (порядок представления рукописи, выдачу цензурных дозволений, условия напечатания и выпуска из типографии, выдачу свидетельств на открытие библиотек, периодических изданий, книжных магазинов, процедуру их закрытия, наложения на них взысканий)» [3]. Документы рассылались согласно норм министерского делопроизводства во все канцелярии губернаторов и наказных атаманов, откладывались в фондах их канцелярий, в том числе, в архивном фонде Канцелярии наказного атамана Черноморского казачьего войска. Большая часть присылаемых на Кубань (в Черноморию) документов историко-книжной тематики (прежде всего, в первой половине XIX века) непосредственного отношения к региону не имела. Следует помнить, что в этот период на Кубани книг не печатали, единственная типография изготавливала только акцидентную продукцию, тиражировала всевозможные правительственные и войсковые распоряжения, газеты не выпускались, общественных библиотек и книжной торговли не было вовсе, крайне редкие черноморские литераторы к власти были абсолютно лояльны. То есть реальных поводов для противостояния власти и формирующегося регионального книжного дела не было. Но циркуляры из столицы шли, а местные органы власти (несмотря на отсутствие реальных поводов для реагирования) обязаны были на эти документы отвечать, накладывать резолюции, контролировать их прохождение. Черновики, копии, отпуски подшивались, накапливались; начинала формироваться архивная (делопроизводственная, документная) реальность. В ситуации генерал-губернаторств, наместничеств (а Кубань входила в состав Кавказского наместничества) количество делопроизводственных документов и дел увеличивалось вдвое, а то и больше. Одни и те же циркуляры отправлялись из Петербурга не только в губернские и областные центры, но и в административные квартиры генерал-губернаторств, наместничеств, а оттуда (на Кубань – из Штаба Кавказского военного округа или из Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на

Кавказе) еще раз присылались в Канцелярию наказного атамана. И тоже в обязательном порядке требовали реакции и ответов. Все это формировало большое количество повторяющихся одинаковых делопроизводственных комплексов. В них преобладала организационно-распорядительная и отчетно-статистическая документация. Циркуляры традиционно были отмечены грифами: «циркулярно», «секретно», «конфиденциально». В сохранившихся архивных делах документы группировались преимущественно по «номинальному» признаку.

Впрочем, сразу следует оговорить, что нормы вовсе не приводили к тождественности корпуса документов, отражающего реальность цензурных практик в разных регионах. На его структуру влияли административно-управленческие и территориальные особенности региона, уровень развития и характеристика инфраструктуры самого книжного дела, наличие в регионе надзорных органов за его состоянием.

Прежде всего на структуру и потоки ведомственного делопроизводства, на формы цензурного контроля влияли характер реформирования цензурного законодательства и цензурного ведомства, подчинение его сначала Министерству народного просвещения, впоследствии Министерству внутренних дел. В разные периоды отечественной истории функционировали внутренняя и иностранная цензура, духовная, военная, театральная цензуры, бывали периоды, когда едва ли не каждое ведомство имело своего чиновника, готового выполнять цензорские функции, вмешиваться в работу цензурных учреждений, издавать регламентирующие документы, уточняющие конкретные цензурные практики. Н.М. Куфаев, известный русский книговед, в своей «Истории русской книги в XIX веке» писал, что «сами цензоры нередко положительно теряли голову, не имея ясного представления о том, что можно пропустить без последствий для них самих и за что обрушится на них гнев начальства» [4]. Даже сугубо официальное статистико-хозяйственное описание какого-нибудь края (наиболее типичное провинциальное издание тех времен) независимо от общей цензуры должно было не вызвать возражений Министерства просвещения, Министерства внутренних дел, Министерства финансов, ведомства военно-учебных заведений и синодского обер-прокурора.

На структуре сохранившегося комплекса документов сказывалось отсутствие на Кубани учреждений, непосредственно представляющих цензурное ведомство. Это привело к тому, что в Государственном архиве Краснодарского края (далее – ГАКК) не сформировались отдельные архивные фонды, посвященные цензурным практикам. Но отдельных дел и документов этой тематики в ГАКК сравнительно много. Они откладывались в фондах государственных учреждений, которые согласно своим функциям были призваны осуществлять контроль за региональным книжным делом. Общеизвестно, что «система государственного надзора за печатью <в провинции> опиралась на губернатора (начальника области), чиновника особых поручений и полицию» [5]. Именно это и предопределило номенклатуру фондов, включающих документы цензурного происхождения. Среди них, в первую очередь, следует назвать 454-й (Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска) [6]. Согласно функциям канцелярии, в нем наиболее многоаспектно раскрыта история регионального книжного дела. Кроме того, в этом фонде отложилось делопроизводство инспектора «для надзора за типографиями, литографиями и металлографиями...», который числился в штате канцелярии начальника Кубанской области. Второй по объему историко-книжной информации фонд – это фонд 583 (Кубанское областное жандармское управление). В нем 17% (около 1500) дел так или иначе отражающих цензурную (историко-книжную) тематику [7]. Функционально в реализации цензурных практик в разное время участвовали Екатеринодарское отделение жандармско-полицейского управления Владикавказской железной дороги (ГАКК. Ф. 585. Оп. 1. 281 ед. хр.) [8], Екатеринодарский охранный пункт (ГАКК. Ф. 586. Оп. 1. 1907–1914), Екатеринодарское почтовое отделение управления 8 отдела перевозки почт по железным дорогам Владикавказской железной дороги (ГАКК. Ф. 600. Оп. 1. 1900–1918 гг.) и т.д.

* * *

Естественно, отдельные периоды отечественной истории характеризуются различной активностью цензурного ведомства. Ужесточением цензурных ограничений отмечена, например, вторая четверть XIX ве-

ка. Борьба с проникновением революционных идей с Запада, контрабанда на территорию России различных запрещенных изданий приводили к увеличению числа соответствующих циркуляров и распоряжений [9]. Это в равной степени отражалось и на деятельности внутренней цензуры, и на деятельности цензуры иностранной.

По внутренней цензуре циркуляры пестрили указаниями на то, что внимание следует обращать не столько на слог и литературные достоинства того или иного произведения, а на его политическую ориентацию, вредность содержания относительно веры, нравственности и политики [10]. Особенно суровой русская цензура стала после французской революции. 2 апреля 1848 года под началом члена Государственного совета статского советника Д.П. Бутурлина образован комитет «для высшего надзора в нравственном и политическом отношении за духом и направлением всех произведений нашего книгопечатания, на каком бы языке и по какому ведомству они не появлялись» [11]. И хотя Кубань, как мы уже замечали, изданием книг в те времена особо не злоупотребляла, Наказной атаман Черноморского войска получил предписание, где говорилось, что Государь Император «... повелеть соизволил: 1) об учреждении сего [Бутурлинского] комитета, составляющего неофициальную часть, дать знать только конфиденциально лишь Министерству и Главным управлениям; 2) для установления Комитету большей возможности следить за ходом нашего книгопечатания сделать распоряжение, дабы из всех вообще типографий были доставляемы ежемесячно < ... > именные ведомости о выпущенных <...> книгах, периодических изданиях, брошюрах, отдельных листах и прочая...» [12].

Еще в большей степени ужесточение отразилось на содержании работы цензуры иностранной [13]. Все внимание циркуляров было сосредоточено на необходимости бороться с «тайным ввозом в Россию» запрещенной литературы. Возникла настоятельная необходимость в усилении таможенного контроля. К началу 40-х годов XIX века на восточном побережье Черного моря действовали только две таможни (Анапская и Редут-Кальская) и две таможенные заставы (Сухум-Кальская и Николаевская). Этого было явно недостаточно. 1 января 1846 г. таможенные заставы были

открыты в Новороссийске и 23 марта 1848 г. – в Ейске. Им поручалось следить за привозимыми и присылаемыми из-за границы книгами, «предотвращать» ввоз запрещенной литературы. Правительство было обеспокоено тем, «что революционные комитеты, как в Париже, так и в других местах, будут теперь пуще прежнего действовать и заниматься пропагандой, посылать эмиссаров, для действия по их предположениям, между прочим, и на умы поляков, на Кавказе находящихся...» [14].

Сразу следует отметить, что большое количество циркуляров, поступающих на Кубань, носило профилактический, «предупреждающий» характер. Непосредственного отношения, как мы уже указывали, к Кубани они не имели. Например, циркулярное письмо «О принятии мер к недопущению привоза из-за границы в Россию запрещенных сочинений. Марта 31 дня 1857 года – апреля 5 дня 1857 года. В шести листах», в котором сообщалось, что «революционные возмутительные сочинения», издаваемые в Лондоне, через Любаву и Тильзит на дне тюков с детскими игрушками доставляются в Россию или доставляются «вложенными в другие брошюры, коих листы не разрезаны» [15]. Никаких свидетельств, что издания попали на Кавказ, нет. Запрещенные сочинения в Мемеле на почте были изъяты. Но документ в атаманскую канцелярию прислан. По распоряжению канцелярии были сделаны его копии и с соответствующими резолюциями разосланы в областные адреса – станичным атаманам, городским полицмейстерам, окружным сыскным, портовым и таможенным начальникам. Сегодня эти идентичные циркулярные письма (и их копии) с сопроводительным текстом, с резолюциями, с ответами таможенных и полицейских начальников (кстати, тоже почти идентичными) сохраняются отдельными делами в различных ведомственных фондах ГАКК.

Впрочем, петербургские предписания касались и непосредственно Северного Кавказа, где разворачивались события Кавказской войны. Особенно придирчива цензура к польской книге. Дело в том, что в составе Отдельного Кавказского корпуса служило сравнительно много поляков, сосланных на Северный Кавказ после поражения польского восстания 1830–1831 г. В 1834 году генерал-фельдмаршал князь И.Ф. Паскевич-Эриванский предупреждает исполняющего

должность наказного атамана Войска Черноморского Н.С. Завадовского, что из Парижа в Краков прислана значительная партия книг, «изданных на французском языке аббатом де-ла-Менне и переведенных на польский язык мятежником Яловицким для распространения оных в царстве Польском и России». Необходимо проследить, замечал генерал-фельдмаршал, чтобы пограничные таможи не пропускали эту книгу в пределы России [16]. Большое волнение в начальстве вызвало донесение российского посланника из Константинополя, что польские эмигранты отпечатали в местной литографии «несколько сот возмутительных воззваний, из коих одно на русском и французском языках к народу Донских казаков, а другое на малороссийском наречии с надписью «до панов атаманов, полковников, сотников, старшин и панов молодцов казацкого Черноморского войска и всего казацкого народа». III Отделение предупреждает, что изданное в Париже сочинение И.Г. Головина «Катехизис русского народа» [17], «излагая преступное учение о монархической власти, представляет средства к изменению настоящего правления в России». Агенты доносят, что оно отправлено на Восток с целью дать ему «проникнуть с этой стороны в пределы нашей империи, может быть в корпус войск на Кавказе расположенных» [18]. Из канцелярии Кавказского наместника предписывают «по всей Черноморской береговой линии строго осматривать привозимые из заграницы книги и никак не допускать «Катехизису русского народа» проникнуть в край, а если он уже успел проникнуть в какое-нибудь укрепление или окажется при осмотре, то немедленно, отобрав, представить его князю наместнику» [19]. К сожалению, в документах практически нет информации о том, были ли прецеденты попадания в край запрещенных книг в первой половине XIX века, как они изымались, как реагировало начальство на их появление.

Подобных циркуляров цензурного ведомства в архивных фондах ГАКК много. Они самого разного содержания – запретительные, требующие реорганизации цензурного контроля или статистической характеристики инфраструктуры книжного дела. Большая их часть характеризует политику правительства в целом, но не расширяет нашего знания о конкретной ситуации на Кубани.

Случалось, что цензурные циркуляры создавали совершенно непредвиденные коллизии. Можно с улыбкой вспомнить историю с циркуляром о болезни Л.Н. Толстого. 29 января 1902 г. последовало шифрованное распоряжение начальника области о том, чтобы в случае смерти Толстого не служить по нем панихид, не разрешать никаких «демонстративных требований о служении панихид», в периодической печати не публиковать об этом никаких материалов [20]. Но расшифровать распоряжения начальника области атаман Темрюкского отдела никак не смог, собрал в помощь себе станичных атаманов. В обсуждении секретного распоряжения принял участие весь отдел. Это еще не все. Расшифровав общими усилиями распоряжение, темрюкский атаман послал его открытым текстом в канцелярию начальника области, спрашивая, правильно ли он его расшифровал. К тому времени Л.Н. Толстой давно уже выздоровел, а темрюкскому атаману еще долго приходилось оправдываться и получать нагоняи за свой промах перед начальством.

* * *

Иногда «нереализовавшиеся» историко-книжные ситуации возникали вследствие индивидуальных пожеланий начальства. В классическом труде по истории Кубанского казачьего войска Федора Андреевича Щербины в главе «Народное просвещение» есть такой пассаж: «Кроме школ, возникла нужда и в библиотеках. В 1818 году Херсонский военный губернатор гр. [Александр Федорович] Ланжерон писал войсковому атаману [Григорию Кондратьевичу] Матвееву, что он находит полезным завести в г. Екатеринодаре библиотеку, в которой желательно было бы иметь военные книги для офицеров. Для получения средств на библиотеку граф предложил открыть подписку по войску и «обратиться к благородному сословию» [21].

Больше Ф.А. Щербина на протяжении своего монументального двухтомного труда к сюжету организации библиотек не возвратился ни разу. Не объяснил, не подтвердил документально, в чем он увидел «возникшую потребность в библиотеках». Не уточнил, чем руководствовался Ланжерон, направляя это письмо в Черноморию, как к его рекомендации отнесся Матвеев, была ли предпринята работа по организации библиотеки, была ли библиотека открыта и так

далее? По сути, историк только зафиксировал наличие в войсковом архиве документа с «рекомендациями начальства».

Общеизвестно, при подготовке своей истории Ф.А. Щербина работал с фондами войскового архива (сейчас ГАКК). Документ, который он цитирует, и сегодня сохраняется в фондах. Почему Щербина оборвал сюжет? Может быть, не нашел больше источников? Документы, рассказывающие о дальнейшей судьбе рекомендаций А.Ф. Ланжерона, сохранились. Историк мог с ними работать. Может быть, ему это представлялось не столь важным в широкой панораме исторического изучения (и описания) Кубани (Черномории)? Сегодня мы этого уже не выясним. В любом случае понятно, что для историка и его заказчиков (а история была написана и издана по инициативе кубанских властей) главной задачей было создание широкомасштабной военной и гражданской истории Кубанского казачьего войска. Упоминание библиотеки было просто «микросюжетом» в этой панораме. Начни Щербина подробно рассматривать историю организации этой или другой библиотеки он бы отвлек внимание читателей от главного, помешал частными подробностями восприятию целого.

Сразу следует уточнить, что по поводу организации библиотеки письмо Ланжерона не носило циркулярного (обязательного) характера. Идея создания офицерских, полковых, флотских библиотек, возможные принципы их финансирования и комплектования в это время достаточно широко обсуждалась в Петербурге [22]. Организация библиотеки в письме формулировалась как пожелание, причем вовсе не самое важное в перечне других поручений. Название архивного дела, где это пожелание зафиксировано, звучало так: «О постройке сарая для войсковых овец испанской породы, истреблении саранчи, улучшении суконной фабрики и заведении между офицерами библиотеки и др. вопросам» [23]. В августе 1818 года граф Ланжерон прислал в Черноморию лейб-гвардии драгунского полка господина полковника Селехова «осмотреть черноморские кордоны, пограничную стражу, тамошний госпиталь, конские заводы». В извещении о том, что едет «ревизор», Ланжерон «рекомендует» наказному атаману встретиться с Селеховым, ознакомиться с его «справкой», выслушать его замечания.

«Если что будет найдено в неисправности, прикажите немедленно по требованию его <Селехова> исправить, и сколько возможно во всем к благоустройству лучшему относящегося, прошу содействовать». Селихов подготовил справку, представил ее графу Ланжерону. В этой справке упоминаний о библиотеке вообще нет. И это, наверно, справедливо, если учесть ситуацию в Черномории в те времена: необходимо было обустроить край (прошло немногим более четверти века с момента его заселения и административного учреждения), необходимо было отрегулировать работу органов управления, наладить экономику, и главное – организовать защиту границ и возникающих поселений от регулярных набегов закубанских соседей.

На основании доклада Селихова Ланжерон отправил свое послание Матвееву, в котором указал, как и что следует исправить. Не только в названии дела, но и в самом письме Ланжерона библиотеке, мягко говоря, отведено не самое важное место. Главное внимание уделяется переправам, суконной фабрике, борьбе с саранчой, постройке загонов, войсковым дорогам, войсковому госпиталю. Только в конце письма на его шестом листе читаем: «Я признаю полезным в Екатеринодаре завести библиотеку, и чтобы между прочими книгами находились все военные: из них-то офицеры могут получить сведения, необходимо нужные воину, а особливо о должности их на форпостах...».

Были ли рекомендации о создании библиотеки личной инициативой генерал-губернатора графа А.Ф. Ланжерона, или скорее отражением общерусских библиотечных веяний начала XIX века, нам сегодня сказать сложно. Был ли Г.К. Матвеев против этих инициатив, или просто местные реальные обстоятельства открытию библиотеки еще не способствовали? Можно попытаться лишь «гипотетически» ответить на эти вопросы.

История провинциальной книжной культуры глубоко персонифицирована. В особенностях (коллизиях) ее развития большую роль играла местная интеллигенция, офицеры, педагоги, духовенство, литературные деятели. Поэтому и в нашем сюжете важно, хотя бы коротко, охарактеризовать главных персонажей. Обстоятельства их биографий разительно не похожи, но

тем не менее знание этих обстоятельств позволяют глубже понять то, как разворачивался сюжет.

Григорий Кондратьевич Матвеев был выходцем из крепостных крестьян графа Разумовского, бежал от него к запорожцам. Его послужной список – это, прежде всего, список сражений, в которых он участвовал, и список наград, которые он за проявленные в этих сражениях мужество и храбрость получил. Специального образования не имел, начал свою службу рядовым казаком, а в марте 1816 года был назначен наказным атаманом Черноморского казачьего войска, в этой должности прослужил до 1827 года.

Александр Фёдорович Ланжерон (Луи Александр Андре) выходец из аристократического французского рода; эмигрант, имел титулы графа де Ланжерон, маркиза де ла Косс, барона де Куньи. В его послужном списке тоже основное место занимает список сражений, в которых он участвовал, и – опять-таки – список полученных наград. 16 ноября 1815 Ланжерон был назначен Херсонским военным губернатором, градоначальником Одессы и управляющим по гражданской части Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний. Черномория тогда входила в состав Таврической губернии. Есть упоминания о том, что Ланжерон и Матвеев встречались на полях сражений, что граф покровительствовал Матвееву, что оба они принимали участие в русско-турецкой войне, оба отличились при штурме Измаила и что Матвеев спас жизнь графа в одном из сражений [24].

Александр Федорович Ланжерон был, безусловно, человеком книжным, сам обладал богатой библиотекой. В молодости занимался журналистикой, сотрудничал с французскими газетами, в зрелости сочинил несколько пьес. Пушкину, бывавшему в доме Ланжерона в Одессе, по свидетельству очевидцев, приходилось выслушивать его стихи [25]. Его историко-книжные инициативы известны. Создание первой городской одесской газеты, реализация в 1817 году идеи Дюка Ришелье по открытию в Одессе лицея (в структуре которого была организована и библиотека). Поэтому мысль об учреждении в Черномории библиотеки могла ему казаться вполне естественной.

Есть предположение, что и Григория Кондратьевича судьба тоже однажды свела

с Пушкиным: во время путешествия в 1820 году семьи Раевских по Кавказу и Крыму [26]. Но это только предположение... Кроме того, следует, наверное, обратить внимание, что именно в атаманство Матвеева в Черномории открылась первая гимназия и первая в 1821 году типография. Но документов, которые бы свидетельствовали непосредственно о книжных интересах самого Григория Кондратьевича, нам не встречалось. Григорию Кондратьевичу в тех условиях идея создания библиотеки едва ли могла казаться актуальной. Щербина подчеркивал, что «период пребывания Матвеева в должности атамана совпал с постоянными набегам горцев на Черноморию» [27]. Сложно в это время складывались и личные обстоятельства службы Матвеева.

Но письменные рекомендации начальства (открыть в области офицерскую библиотеку) – это рекомендации начальства. Они зарегистрированы в журнале входящих бумаг, и реагировать на них следовало непременно. В фондах ГАКК сохранились документы, фиксирующие не только предложение Ланжерона, но и реакцию Матвеева, и начало работы по созданию библиотеки. Делопроизводство заработало. От имени наказного атамана письма по поводу открытия библиотеки (и соответствующего сбора средств) были разосланы командирам полков. В этих письмах предлагалось «пригласить всех обер-офицеров полка Вашего. Собрать <...> сумму по подписке, и сколько собрано будет денег той подписки доставить ко мне. Имена сих чиновников будут находиться всегда в библиотеке как учредителей. Сумма будет находиться у меня до предписания его сиятельства. Его Сиятельство изберет средство для покупки книг и составит правила об употреблении оных для чтения». Из полков пошли рапорты в канцелярию. Можно только с сожалением констатировать, что в сохранившихся архивных фондах отдельных полков Черноморского казачьего войска (ГАКК. Ф. 293–303) документов по 1818 году осталось очень мало. В журналах входящих и исходящих бумаг зафиксирована информация о существовании писем по поводу организации библиотеки. Например, в «Журнале исходящих бумаг» (ГАКК. Ф. 290), в «Указах войсковой канцелярии и предписаниях наказного атамана (присланных для сведения)» (ГАКК. Ф. 289). Но самих докумен-

тов нет. В отдельных полках сбор средств на организацию библиотеки так и не начался. В других полках к сбору средств все таки приступили. Но не все пошло так гладко, как представлялось начальству. Добровольное желание вносить средства на библиотеку выразили далеко не все казачьи офицеры. Единственный фонд, в котором сохранилось одно самостоятельное дело, посвященное сбору средств на открытие библиотеки – это фонд 290-й (8-го пешего полка Черноморского казачьего войска. 1802–1842). Дело так и называется – «О сборе и получении средств на заведение библиотеки в Черноморском казачьем войске. 1818 – 1819» [28]. Дело всего в восемь листов. В полку командир и четыре офицера собрали и отправили в Войсковую канцелярию 46 рублей. Попросили и получили расписку. «Отправленные при рапорте № 768 сорок шесть рублей денег, внесенных вверенного Вам полка чиновниками и самими Вами по заведению в городе Екатеринодаре библиотеки я получил. О чем Вас уведомляю. Полковник. Подпись» [29].

На этом хлопоты об организации библиотеки практически прекратились. В 1819-м, особенно 1820-м году, положение в крае стало еще более тяжелым и напряженным. Были месяцы, когда набеги на станицы, нападения на кордонные посты совершались почти каждую ночь. В Черноморию приехал генерал-майор М.Г. Власов, который принял на себя командование военными действиями и которому в своих действиях обязан был подчиняться Матвеев [30]. Все это, естественно, заставило забыть о хлопотах по поводу организации библиотеки. И что, наверно, не менее важно в этом контексте: Высочайшим указом 11 апреля 1820 года Черноморское войско, подчиненное до того Херсонскому военному губернатору (то есть А.Ф. Ланжерону), передано было в ведение командующего войсками Отдельного Кавказского корпуса (то есть А.П. Ермолова). Сменилось начальство, идея Ланжерона перестала быть актуальной, а всякие попытки ее реализации прекратились. Присланные в Екатеринодар деньги вернули офицерам 8-го пешего полка.

* * *

Так складывались обстоятельства истории и делопроизводства. Мы позволили себе рассказать о нескольких исторических сюжетах, порожденных циркулярами

и рекомендациями властей, но так и оставшихся нереализованными. Напрашивается вопрос: можно ли, реконструируя историю книжного дела на Кубани, ограничиться только обзором и систематизацией фактов «свершившихся», можно ли обойтись без осмысления и фиксации замыслов, оставшихся «нереализованными»? Скорее всего, нельзя. Правомерно ли вообще делать описанные сюжеты предметом исторического исследования? На наш взгляд, безусловно, правомерно.

Нам представляется, что анализ предписанного, но неосуществленного позволяет проследить отличия в характере, обстоятельствах, динамике развития книжного дела отдельных регионов сравнительно с процессами, характеризующими становление национального книжного дела России, позволяет понять, каким образом правительству виделось осуществление цензурных практик в провинции. В то же время, в резолюциях, в сохранившихся всевозможных делопроизводственных отметках, сделанных местной властью на полях циркуляров и распоряжений, просматривается то, каким образом она (местная власть) была готова к осуществлению на конкретной территории государственных цензурных практик. Без этого картина оставалась бы неполной.

Изложенные сюжеты и делопроизводственные документы достаточно точно характеризуют книжную культуру Юга России. Библиотеки (несмотря на отдельные инициативы), не открывались не только в Черномории, они не открывались во многих провинциальных городах России, особенно на окраинах. Или открывались, чтобы тут же прекратить свою деятельность. Историк русского библиотечного дела М.Д. Афанасьев подметил: «Основной причиной неуспеха первой библиотечной инициативы было отсутствие потребности в коллективном пользовании книгой в обществе» [31]. Но это вовсе не означало, что не было тяги к чтению, что в домах отдельных представителей войсковой старшины и духовенства не формировались личные библиотеки [32].

Практически одновременно с Черноморией возникает идея создания первой публичной библиотеки на Дону. Инициатива принадлежит донскому историку Василию Дмитриевичу Сухорукову. «<...> в 1821 году <он> обратился к атаману Войска Донского Денисову с предложением об от-

крытии в Новочеркасске библиотеки. Предложение было принято, но с условием, чтобы любители чтения внесли по 50 рублей каждый на обеспечение библиотеки. Однако на тот момент таких состоятельных любителей чтения оказалось немного, и дело замерло. Вскоре В. Д. Сухоруков переехал в Петербург, и об организации библиотеки в Новочеркасске забыли» [33]. Ряд примеров можно продолжить.

Современный читатель всякое упоминание о «потребности в библиотеке» воспринимает как показатель уровня образованности и культуры края. Особенно, если это упоминание зафиксировано в уважаемом историческом труде. Фраза Ф.А. Щербины закрепилась в более поздних кубанских исторических текстах и факт «возможного открытия библиотеки» зачастую фиксировался как факт «осуществленный». На самом деле в инициативах в области книжного дела на Кубани в начале XIX века мы видим не столько «динамику культуры», сколько потребности кубанской администрации.

О чем конкретно может свидетельствовать анализ рассмотренных сюжетов? Можно констатировать то, что книжная культура Кубани по своим показателям отставала (скажем так) от «книжной культуры» столиц и центральной России, но одновременно, и это важно отметить, мы видим, что библиотечные идеи очень быстро докатывались из Петербурга до отдаленной тогда Черномории. Докатывались, но не реализовывались. Что тому было причиной: характер колонизации новых территорий, отдаленность от центра, недостаток транспортных и почтовых коммуникаций, характер военной службы и хозяйственный уклад черноморского казачества, условия Кавказской войны, социальные и образовательные характеристики черноморского офицерства, «полковое устройство» Черномории, ее военно-административное деление?

Не менее (в нашем контексте) важны вопросы о сохранности и структуре архивной источниковой базы истории кубанского книжного дела. Исследователями замечено, что делопроизводственные практики в провинции (естественно, не только на Кубани) осуществлялись хуже, чем в столицах. И опять напрашивается вопрос, а почему? Одновременно с особенностями административно-территориального управления, о которых мы писали, недочеты могли быть

следствием низкой исполнительской дисциплины провинциальных чиновников, следствием недостатков их профессиональной подготовки, наконец, противоречивостью самих цензурных циркуляров.

Эти заметки только предварительные размышления над проблемой. Они не предполагают фронтального анализа массивов документов, их статистической обработки. В фондах ГАКК сегодня сохранился огромный корпус «исполненных» и «неисполненных» документов историко-книжной тематики, анализ которых (по нашему глубокому убеждению) позволяет качественно и, главное, системно реконструировать региональное книжное дело. Впрочем, всякая постановка проблемы требует продолжения исследования, обсуждения целей и методологических подходов к освоению источниковой базы, формулировки новых вопросов.

Примечания:

1. Митяев Г.К. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959. С. 66.
2. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2013. С. 27–28.
3. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: пособие для студентов. Изд. 2. СПб., 1908. С. 220–221.
4. Куфаев М.Н. История русской книги в XIX веке. Л., 1927. С. 100.
5. Горлова Н.И. Печать, цензура и полиция российской провинции в XIX в. (На материалах Курской губернии) // Цензура и доступ к информации: история и современность: Тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 16–18 марта 2005 г. СПб., 2005. С. 18.
6. Слуцкий А.И. Архивный фонд Канцелярии начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска Государственного архива Краснодарского края как источник изучения регионального книжного дела // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: Сб. науч. статей. СПб., 2014. Вып. 17. С. 47–66.
7. Алиева Н.Э. Материалы по истории книжного дела Северного Кавказа в фондах жандармских управлений // Развитие социально-культурной сферы Северо-Кавказского региона: Сб. материалов научно-практической конференции молодых ученых. Краснодар, 2001. С. 304–306.
8. С 1915 по 1917 год – Кубанское отделение Ростовского областного жандармского управления.
9. Горбачев И.Г., Печников В.Н. Институт цензуры в российском законодательстве XVI – XIX веков: (ист.-правовое исследование). Казань, 2006. С. 107.
10. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи: сборник документов / Сост. Н.Г. Патрушева, И.П. Фут. СПб., 2016. С. 58.
11. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 252. Оп. 1. Д. 251. Л. 52.
12. Там же.
13. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи... С. 75, 85 и т.д.
14. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 788. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.
15. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2223. О принятии мер к недопущению привоза из-за границы в Россию запрещенных сочинений. Марта 31 дня 1857 года – апреля 5 дня 1857 года. В шести листах. Л. 20б.

16. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1400. О запрещении ввоза из-за границы сочинений аббата Де-Мене, переведенного на польский язык. 6.XII–7.XII.1834; Петлюра С. Секретні циркуляри правительства на Кубані // Україна. 1907. № 6. С. 347–350.
17. Головин Иван Гаврилович (1816–1890), русский публицист, эмигрант (с 1844), сотрудник русской вольной печати. «Катехизис русского народа» издан в Париже в 1849 г.
18. РГВИА. Ф. 15925. Оп. 5. Д. 21. Л. 5.
19. РГВИА. Ф. 15925. Оп. 5. Д. 21. Л. 8.
20. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 59. Л. 11; Слуцкий А.И., Ефимова-Сякина Э.М. Л.Н. Толстой в архивных комментариях // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 42–45.
21. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 749.
22. А.Т.Б. Граф Аракчеев об офицерских библиотеках // Русский инвалид. 1903. 13 июля; Новикова Л.И. Военно-морские библиотеки России: история формирования и развития фондов (XVIII – первая четверть XX вв.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. СПб., 2007. 24 с.
23. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 741. О постройке сарая для войсковых овец испанской породы, истреблении саранчи, улучшении суконной фабрики и заведении между офицерами библиотеки и др. вопросам. I.XI–19.XII.1818.
24. Фелицын Е.Д. Григорий Кондратьевич Матвеев. Цит по: URL: pohodd.ru/article_info.php?article.
25. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1978. С. 217.
26. Казарин В.П. Когда Пушкин впервые увидел берега Крыма? URL: feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v95/v95-185-.htm.
27. Энциклопедический словарь по истории Кубани: с древнейших времен до октября 1917 года / Под ред. Б.А. Трехбрата. Краснодар, 1997. 559 с.; Шкуро В.И. Имена кубанских дворян на стенах Георгиевского зала Московского кремля // Из истории дворянских родов Кубани: Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2000. С. 39–40, 61; Короленко П.П. Атаманы бывшего Черноморского (ныне Кубанского) казачьего войска // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Т. 2; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 699; Ф. 250. Оп. 2. Д. 305, 515 (л. 1–4), 530; Ф. 427. Оп. 1. Д. 74.
28. ГАКК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 42. О сборе и получении средств на заведение библиотеки в Черноморском казачьем войске. 1818–1819. Л. 8.
29. ГАКК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 42. Л. 4.
30. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 231–241.
31. Афанасьев М.Д. Место библиотеки в культурной жизни провинции (XIX в.) // Российская провинция XVIII–XX веков: Материалы III Всероссийской конф. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 4.
32. Горлова И.И., Слуцкий А.И. Об исторических особенностях формирования инфраструктуры книжного дела Кубанской области (1793–1917 гг.) // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность: Сб. статей. Краснодар, 2004. Вып. 2. С. 15–59.
33. Сборник Области войска Донского Статистического Комитета. Вып. 2. Новочеркасск: Частная Дон. тип., 1901. С. 125, 128.

В.К. Чумаченко

«История Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины в оценке профессора Н.И. Веселовского

В наше время мало кто рискует в открытую критиковать «Историю Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины, особенно на самой Кубани. Редким исключением

является разве что обстоятельный критический разбор одной из её глав, предпринятый Б.Е. Фроловым [1]. Гораздо чаще, хотя и с должным пиететом, на отдельные неточности, допущенные учёным, указывают нынешние кавказоведы, прежде всего имея в виду недостаточное знакомство Ф.А. Щербины с локальной историей и этнографическими частностями бытовой стороны жизни конкретных малых народов Кавказа. Некоторая робость в этом деликатном вопросе легко объяснима всё возрастающей величиной и значением личности Фёдора Андреевича, провозглашённого патриархом всего кубанского казачества. А с символами особенно не поспоришь, без опасности навлечь на себя гнев адептов-непрофессионалов.

А между тем сам Ф.А. Щербина хорошо понимал значение научной критики для дальнейшей работы над «Историей Кубанского казачьего войска». Он внимательно изучал печатные отклики на первые два тома своего труда, стараясь выявить в них «зерно истины», а в случае необходимости вступал с авторами в ожесточённую полемику. И это правильно. Ведь по законам академической науки отсутствие критики однозначно свидетельствовало бы о провале издания и бросало бы тень глубокого провинциализма на тогда только зарождающуюся научную репутацию нашего края, где уже успешно действовали такие учреждения, как Кубанский областной статистический комитет (с 1879 г.) и Общество любителей изучения Кубанской области (с 1889 г.), имевшие свои пока ещё не периодические серийные издания («Кубанский сборник» и «Записки ОЛИКО»).

В деле оценки нового научного труда, как известно, большое значение имеют такие детали, как: кем написан отзыв, где он напечатан, мнение какой научной институции он консолидировано выражает. В этом плане Фёдору Андреевичу необыкновенно повезло, ибо самым первым непредвзятым критиком его знакового сочинения стал выдающийся российский ученый-археолог Н.И. Веселовский. Опубликованы обе его рецензии в «Записках Разряда военной археологии и археграфии Императорского русского военно-исторического общества» – т.е. в специализированном научном издании, рассчитанном на подготовленного читателя.

Их автор, профессор Петербургского университета, выдающийся русский восто-

ковед и археолог Николай Иванович Веселовский (1848–1918), не нуждается в особом представлении, но всё же мы напомним некоторые факты его биографии, объясняющие его обращения к труду кубанского коллеги. Впервые археолог появился на территории нашего края летом 1895 года в качестве посланца Московского археологического общества. Ему было поручено руководить раскопкой большого кургана возле станицы Крымской. Тогда же учёный посетил Екатеринодар, где вместе с Е.Д. Фелицыным осмотрел экспозицию войскового музея, сфотографировал самые интересные из них, и Анапу, где приобрёл у частных лиц интересные экспонаты для музейного собрания пославшего его общества. С этого времени его поездки на Кубань становятся регулярными и едва ли не ежегодными. Несколько полевых сезонов он проводил раскопки курганов и могильников в окрестностях станиц Белореченской, Ярославской, Костромской, Калужской, Марьянской и других, а также возле современного адыгейского аула Уляп и города Майкопа. Именно раскопки пятнадцатиметрового Майкопского кургана принесли археологические открытия мировой значения, так как означали открытие не известной ранее древней культуры, получившей название «майкопской».

Занимаясь раскопками, Н.И. Веселовский не всегда имел возможность посетить казачью столицу, но он зорко следил за её научной жизнью, скупал все выходившие здесь книги на историческую тематику, как и все местные читатели, следил за подготовкой к печати первого тома «Истории...» Ф.А. Щербины. Эта стопочка кубанских книжных новинок особенно пригодилась в 1911 году, когда Русское военно-историческое общество поручило ему редактировать один из своих печатных органов – «Записки Разряда военной археологии и археграфии». Весь довольно обширный библиографический раздел первого тома этого ежегодника состоит из рецензий на труды кубанских авторов: П. Орлова «Кубанские казаки. Откуда повелось Кубанское казачье войско и как несло оно государеву службу на благо Руси» (1908), В.С. Шамрая «Хронология важнейшим событиям и законоположениям, имеющим отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска» (1911), А. Ламонова «К материалам

для истории Кавказского полка Кубанского казачьего войска» (1910), П.П. Короленко «Переселение казаков за Кубань. Материал для истории Кубанской области» (1911), И.И. Кияшко «Станичные и хуторские архивы Кубанского казачьего войска и приём их в Кубанский войсковой архив в 1908–9 гг.» (1911). Центральное место среди них занимает развёрнутая рецензия на первый том «Истории Кубанского казачьего войска». Все отклики в книге, подписанные и неподписанные, принадлежат перу Н.И. Веселовского – главного редактора «Записок».

Разбор сочинения Ф.А. Щербины подписан криптонимом «Н.В.». О том, что им подписывался Н.И. Веселовский, подтверждает четырёхтомный словарь псевдонимов И.Ф. Масанова [2] и генеральный каталог Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Но и без этих авторитетных источников понятно, что автор он, ибо, напоминая, Николай Иванович был не только главным редактором этого издания, но и фактически единственным его «штатным» сотрудником, да к тому же ещё и тесно связанным по своей научной работе с Кубанью.

Веселовский начинает свою рецензию с оптимистического высказывания, что «судя по первому тому, следует ожидать, что мы будем иметь капитальный труд по истории Кубанского казачьего войска» [3], гарантией чему является местное происхождение автора и его обширный опыт работы с архивными документами, полученный во время службы в воронежском земстве. А все достоинства рецензируемого труда, по его мнению, как раз «заключаются в извлечении новых данных из архивов и надлежащее освещение их» [4]. Остальной текст посвящён перечислению увиденных автором недостатков, с большинством которых трудно не согласиться. «Труд Ф.А. Щербины, – говорит Веселовский, – носит на себе обычные качества провинциальных изданий. Его недостатки – прежде всего стремление начинать рассказ чуть ли не от Адама, поползновение объять необъятное при отсутствии на месте необходимых научных пособий, некоторая доля наивности, вызываемая полной верой в печатное слово вместо необходимой критики» [5].

Суть основных претензий такова:

1. Автор начинает работу с изучения естественно-исторических условий, в кото-

рых пришлось поселиться и жить войску, но они, – считает Веселовский, – и без того хорошо известны, например, по труду Л. Я. Апостолова [6]. К тому же очень сомнительным кажется рецензенту сам теоретический посыл Щербины. «Неужели, – восклицает он, – автор думает серьезно, что нефтяные богатства области или каменно-угольные пласты, выступающие по берегам р. Белой, или миф о Прометее (ему посвящено 16 страниц) и о богатырях могли иметь какое либо влияние на историю кубанского войска?»

2. Согласно утвержденной программе, автор должен был предпослать основному тексту исследование о народностях, населявших землю нынешнего Кубанского казачьего войска. Но без надлежащей подготовки, без знания языка ничего дельного на данную тему сказать нельзя. К тому же этот вопрос в научном плане малоизучен, а бесконечно повторять чужие домыслы нет смысла. Несколько лет упорного труда в этой части не только не принесли никакой пользы, но и послужили в ущерб главной теме – истории войска.

3. Не было необходимости и подробно останавливаться на истории запорожских казаков (VII гл.), ибо об этом подробно уже написал Д. И. Эварницкий в своем трёхтомном классическом труде «История запорожских казаков» [7].

И несколько технических замечаний: некритическое заимствование явных опечаток из чужих изданий, плохая бумага, неудачный подбор иллюстраций.

Итак, рецензент по существу забраковал первые 7 самых больших глав первого тома. А что же остается в остатке? «Несомненное значение, – признает рецензент, – имеют последующие главы, в которых подробно говорится о заселении казаками Кубанской области, об их хозяйственном быте, об их военном быте и заселении Старой линии» [8]. Если помнить, что всего в первом томе насчитывается 22 главы – казалось бы, много, но остающиеся 15 глав, признанные в рецензии уместными и аутентичными, невелики и занимают в нём всего одну треть от общего объёма текста. А этого, согласитесь, маловато.

Рецензия на второй том также больше походит на разгромную, чем положительную, если бы не конечный вывод о том, что, несмотря на указанные незначительные

недостатки, «книга эта является крупным вкладом в нашу военно-историческую литературу». Причём весь критический отклик, собственно говоря, и состоит из сплошного перечисления этих недостатков. Главных претензий две. Первая (перекочевавшая из рецензии на первый том) – автор не филолог, а, следовательно, ему не стоило углубляться в филологические изыскания, особенно на материале кавказских языков [9]. Второй недостаток, по мнению Веселовского, проистекает из того факта, что автор к тому же ещё и не военный, а потому судит о некоторых событиях Кавказской войны и личностях её участников некомпетентно.

Некомпетентно или все-таки предвзято? Речь конкретно идёт об отношении Ф.А. Щербины к Текелию. Вероятно, Веселовский был прав, и Фёдор Андреевич действительно не знал об отвлекающем характере операции по взятию Анапы. Но столичный профессор не понял или не принял к сведению настоящей причины явной неприязни кубанца к известному полководцу. А именно: для Щербины, потомка запорожцев, каким он себя ощущал, Текелия был, прежде всего, палачом «рідної неньки» Запорожской Сечи, и эта кровная ненависть прослеживается даже в поздних работах казачьего историка, написанных им в конце жизни в эмиграции [10].

Главным достоинством второго тома Н. Веселовский вновь называет введение Ф.А. Щербиной в научный оборот и анализ большого количества архивных документов. И с этим трудно не согласиться.

Итак, давайте попытаемся определить: положительными или отрицательными были рецензии Н. Веселовского на главный исторический труд Ф.А. Щербины. На первый взгляд, количество сделанных рецензентом замечаний удручает. Но нам следует сразу же понять разницу, отличающую академическое рецензирование тех лет от провинциального (как правило, носящего комплементарный характер). Во-первых, сам факт написания рецензий означает, что наука имеет дело с научным трудом, заслуживающим подобного пристального внимания. Во-вторых, в академических кругах тогда, да и теперь, главным считается указать на недостатки исследования для того, чтобы читатели, пользуясь книгой, знали о допущенных автором ошибках и просчетах, не принимали их на веру и тем более не по-

вторяли. Собственно говоря для того и пишутся такие научные разборы.

Какие выводы напрашиваются после знакомства с публикациями профессора Н. Веселовского? Во-первых, следует принять его замечание о неудачном подборе иллюстраций в первом томе книги и при переиздании их состав кардинальным образом пересмотреть. Принимается совет учёного снабдить труд Щербины вспомогательными указателями (именным, географическим, предметным). От себя добавим: верить и уточнить приложенную, но не профессионально оформленную библиографию. Во-вторых, выправить все замеченные фактологические ошибки, названные в рецензиях. В-третьих, донести до специалистов и читателей критическую оценку крупного отечественного историка, данного труду кубанского автора. Вот почему мы сочли возможным разместить в приложении к своей статье полные тексты обеих рецензий, благо, они не так уж велики по объёму, а опубликованы в малодоступном и практически не вспоминаемом сегодня издании.

Примечания:

1. Фролов Б.Е. О спорных вопросах кубанской истории (опыт исторического анализа одной главы из Ф.А. Щербины). URL: <http://www.slavakubani.ru/read.php?id=3757>.
2. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 2. М., 1957. С. 212.
3. Н.В. Рец.: Ф.А. Щербина. «История кубанского казачьего войска». Т. 1. История края. Екатеринодар, 1910. Стр. I–XV–700 // Записки разряда военной археологии и археографии Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1911. Т. 1. С. 18.
4. Там же. С. 18.
5. Там же.
6. Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области. Тифлис, 1897.
7. Эварницкий Д.И. История запорожских казаков: В 3 т. СПб., 1892–1897.
8. Н.В. Рец.: Ф.А. Щербина. «История кубанского казачьего войска». Т. I. История края. Екатеринодар, 1910. Стр. I–XV–700 // Записки разряда военной археологии и археографии Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1911. Т. 1. С. 19.
9. Н.В. Рец.: Ф.А. Щербина. «История Кубанского казачьего войска». Т. 2. Екатеринодар, 1913. С военно-исторической картой Кубанской области за время с 1800 по 1860 годы; с 25 рисунками. Стр. III +847 // Записки разряда военной археологии и археографии Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1914. Т. 3. С. 11.
10. См.: Щербина Ф.А. Идеалы Запорожья не умерли / публ., текстологическая реконструкция текста, перевод с укр. яз. и коммент. В.К. Чумаченко // Научное наследие Ф. А. Щербины: казачество и история Кавказа: XVII Международная научно-практическая конференция. Краснодар, 2017. С. 133–138.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Рец.: Ф.А. Щербина. История Кубанского казачьего войска. Том I. История края. Екатеринодар, 1910. Стр. I – XV + 700 // Записки разряда военной археологии и археографии Императорского русского военно-исторического общества. – СПб., 1911. – Т. 1. – С. 18–20.

Судя по первому тому, следует ожидать, что мы будем иметь капитальный труд по истории Кубанского казачьего войска. Автор по происхождению кубанский казак, уже ранее имел опыт по разработке архивных документов для истории Воронежского земства, когда служил в этом земстве. По возвращении в родную область он получил (в 1902 г.) официальное поручение составить историю войска. Была выработана программа и приступлено к работам по выборке архивных материалов, для чего было приглашено несколько лиц, и тут случилось, как в известном анекдоте: когда были работники, не оказалось для ведения достаточных средств, и штат сотрудников пришлось распустить, а когда деньги, наконец, были ассигнованы, негде было достать надлежащих работников. Это необходимо должно было отразиться на содержании задуманного сочинения.

Труд Ф.А. Щербины носит на себе обычные качества провинциальных изданий. Его недостатки – прежде всего стремление начинать рассказ чуть не от Адама, поползновение объять необъятное при отсутствии на месте необходимых научных пособий, некоторая доля наивности, вызываемая полною верою в печатное слово вместо необходимой критики. Достоинства заключаются в извлечении новых данных из архивов и надлежащее освещение их.

Автор говорит во Введении: «Исторические условия, вытекавшие из взаимоотношений людей, тесно переплетались с условиями естественно-историческими, составлявшими обстановку природу» (стр. VII). Эта точка зрения, как говорит сам автор, была положена им в основу утверждённой военным министром программы по «Истории Кубанского казачьего войска». Если признать эту мысль правильной, то и тогда надо сказать, что естественно-

исторические условия, составляющие обстановку природы Кубанской области довольно хорошо известны, хотя бы по труду Л.Я. Апостолова, и г. Щербина мог бы не повторять сделанную уже работу. Далее он заявляет: «История казачества была бы не полна и не планомерна без истории края, без знакомства с естественною обстановкою и условиями, при которых пришлось жить и действовать казаку». Неужели автор думает серьёзно, что нефтяные богатства области или каменноугольные пласты, выступающие по берегам р. Белой, или миф о Прометее (ему посвящено 16 страниц) и о богатырях могли иметь какое-либо влияние на историю кубанского войска?

Чтобы подойти к истории заселения Кубанской области казаками, автор начинает историю края с «диллювиального человека»! Здесь столько ещё неизвестного и загадочного, что вперёд следовало бы сказать, что из такой попытки ничего путного выйти не может; а повторять чужие взгляды, часто ошибочные, повторять без всякой критики (вроде, например, мнения Е.Д. Фелицына, что дольмены относятся к неолитическому периоду) даже вредно⁶.

По указанию военного министра, утверждавшего программу в 1903 г., нужно было историческому исследованию о возникновении Кубанского казачьего войска предпослать исследование о народностях, населявших территорию нынешнего Кубанского войска (стр. 1). Легко сказать: предпослать исследование, да кто же может это сделать по отношению к Кубанской области? Не только относительно прошлого населения области, но даже и современных нам туземцев без надлежащей подготовки и, в особенности, без знания их языка ничего дельного сказать нельзя. Автор называет туземцев Черкесами, когда ни один народ так себя не именует, потому что это термин не этнографический. Половина вышедшего тома и занята подобными исследованиями, которые заняли у автора несколько лет упорного труда и не только не принесли делу никакой пользы, а прямо послужили в ущерб главной задачи – истории войска.

⁶ Насколько г. Щербина не был самостоятелен в работе и рабски подражал своим предшественникам, может служить следующий пример. Е.Д. Фелицын в «Сборнике архивных документов, относящихся до истории Кубанского казачьего войска» (т. 1, Екатеринодар, 1904 г.), напечатал по недосмотру: «грамота Екатерины II от 3 ноября 1725 года» (стр. 9), и то же самое буквально повторил г. Щербина (стр. 339).

Интерес возбуждается только с VI-й главы, когда автор приходит к описанию борьбы русских войск и казачества с горцами и татарами, но и в дальнейшем изложении автор остается верен себе и посвящает особую главу VII-ю истории Запорожской сечи по Эварницкому, что и без того хорошо известно.

Несомненное значение имеют следующие главы, в которых подробно говорится о заселении казаками Кубанской области, об их хозяйственном быте, об их военном быте и заселении Старой линии.

Из экономии взята очень плохая бумага, так что печать просвечивает на обратной стороне. Книга снабжена 49-ю рисунками, среди которых много лишних, как-то: Прикованный Прометей, Освобожденный Прометей, Полифем требует вина, Амазонка, Русские богатыри (Васнецова), Битва Кимаров с Амазонками, Убегающий от врага скиф, Сцена перевязки раны с Кульобской вазы, Военный совет с Кульобской вазы, Запорожцы, сочиняющие ответ турецкому султану Магомету IV (Репина). Ну, не есть ли это провинциальная наивность?

Н. В[еселовский]

Приложение № 2

Рец.: Ф.Н. Щербина. История Кубанского казачьего войска. Том II. Екатеринодар, 1913. С военно-исторической картой Кубанской области за время с 1800 по 1860 годы; с 25 рисунками. Стр. III + 847 // Записки Разряда военной Археологии и Археографии Императорского Русского Военно-Исторического Общества. Том III / Под ред. Н.И. Веселовского. – Петроград: Тип. Главного Управления Уделов. – СПб., 1914. – С. 10–12.

Второй том «Истории Кубанского казачьего войска», еще более обширный, чем первый, обнимает время, как говорит сам автор, с начала организованной казачьей войны с горцами на Кубани и до объединения Черноморцев и Линейцев в одно Кубанское казачье войско. Т. е. излагается ход войны казаков с закубанскими горцами за период с 1800 по 1860-й год.

Продолжение этого широко задуманного труда отличается теми же достоинствами и теми же недостатками, какие мы видели в первом томе: ценное изложение

событий по архивным документам и рядом с этим попытки к разрешению научных вопросов, которое при современном состоянии наших знаний разрешены быть не могут. Вследствие этого дело только запутывается, и в результате получается вред, тем более досадный, что объем книги увеличивается в ущерб её главной задаче. Я имею в виду пространные рассуждения г. Щербины о черкесах, про которых он выразился так: «Черкесы называют сами себя Адиге» (стр. 5). Это неверно, так черкесы себя не называют, они говорят: Адыхе.

Без надлежащей подготовки, при отсутствии филологических познаний, которые сдерживали бы полёт фантазии, нельзя приниматься за решение вопросов, о происхождении того или другого народа; иначе можно забраться в такие дебри, из которых с честью не выбраться. Так случилось и с автором «Истории Кубанского казачьего войска». Не обладая данными, чтобы критически отнестись к измышлениям Шора Ногмова, сближавшего по созвучию слова адиге и анты, г. Щербина уже самостоятельно увидел в данном случае «новое указание» на связь, существовавшую между прародителями черкесов и прародителями славян (стр. 5). Подобные выступления в серьёзном труде, безусловно, нежелательны. Применим к данному случаю филологически приём. Слово Адыхе состоит из трех частей: а + ды + хе, причем хе означает множественное число, а есть префикс; остается корень ды, который и означает собственное имя народа (сравн. у классических писателей: Зи + хи, где хи = хе и означ. множ. число, а Зи = Ды, потому что звук д произносится у черкесов не так чисто как у нас). Вот теперь и защищайте созвучие «ант» и «ды».

Приходится еще отметить, как наивный курьез, что г. Щербина имена Астемир, Оздемир, Хастемир считает славянскими (стр. 5).

Труд г. Щербины разделяется на 37 глав, в которых излагаются параллельно, в хронологическом порядке: военные походы и вообще борьба казаков с горцами, порядок управления и самоуправления, заселение занятых мест, устройство крепостей и городов, экономическое состояние войска и поселенцев и проч. Без непосредственного знакомства с архивным материалом трудно сказать, насколько исчерпывающе использовал

его автор. Однако общее впечатление получается вполне благоприятное, никаких упущений, сколько-нибудь существенных не чувствуется. Можно было бы лишь пожелать большей объективности со стороны автора при сообщении сведений о кавказских деятелях и не основываться исключительно на удачах или неудачах. Например, генерал-аншеф Текелий назван, за неуспешный поход на Анапу «самонадеянным, но бездарным» (стр. 292). Едва ли бездарному офицеру на войне можно дослужиться, хотя бы и к преклонному возрасту, до столь высокого положения; что же касается самонадеянности, то читатель может подумать, что Текелий сам задумал поход на Анапу, тогда как это было предписано князем Потемкиным, да и поход то носил характер военной диверсии, чтобы отвлечь внимание турок от Крыма.

Несколько странной является манера г. Щербины повторять одни и те же фразы и даже целые периоды; иногда такие повторения приходится объяснять только недосмотром. Напр., на стр. 86–87 приводится характеристика войска атамана Безкровного и его подвиг спасения людей с люггера под Анапой во время бури; а на стр. 295–296 повторено буквально то же самое.

Встречаются и неверные пояснения. Так, г. Щербина говорит довольно подробно о ревизии войска Перовским и замечает, что впоследствии он был министром внутренних дел (стр. 89); между тем ревизию производил брат министра – В.А. Перовский, бывший потом оренбургским генерал-губернатором.

Отсутствие указателей при такой большой книге является существенным недостатком. При ознакомлении с этим вторым томом чувствуется, что история Кубанского казачьего войска написана человеком не военным.

Несмотря на указанные незначительные недостатки, книга эта является крупным вкладом в нашу военно-историческую литературу. Читается она легко и с захватывающим интересом, который вполне понятен: герои, покорявшие Кавказ, не могут изгладиться из нашей памяти, они всегда будут служить нам яркими примерами исключительной храбрости, беспредельной любви к отечеству и безусловной преданности долгу до конца. И сколько бы ни писали о них, мы никогда не скажем: довольно!

Н. В[еселовский]

Н.А. Корсакова

К вопросу о судьбе казны Кубанского краевого правительства. 1918–1920 гг.

На протяжении многих десятилетий историки и краеведы пытаются найти достоверные сведения о судьбе так называемого «золота Кубанской Рады». Под этим названием, прежде всего, понимаются денежные, валютные средства, драгметаллы, которые принадлежали краевому правительству периода гражданской войны. Учитывая революционные потрясения 1917–1918 гг., необходимо сделать некоторые уточнения в самом понятии, что представляла собой кубанская казна, вернее, ее остатки. Сюда вошли денежные, валютные средства краевого правительства, драгметаллы, а также частные средства состоятельных кубанцев, которые они держали в отделениях Госбанка, в основном, в г. Екатеринодаре. В 1918–1919 гг. по распоряжению краевого правительства они были изъяты на нужды военного времени. Об этом свидетельствуют как документы, так и воспоминания кубанцев. Супруга наказного атамана Кубанского казачьего войска и начальника Кубанской области София Бабыч в своей переписке из Лондона с кубанским казаком Ф.И. Елисеевым, проживавшим в Нью-Йорке, писала с обидой о том, что краевое правительство не вернуло ее сбережение, которое хранилось в банке. «Усевшие за кормило правления, – писала Бабыч – разрушив все старое и загубившие Отечество, пустившие народ, казачество по миру, затопившие матушку Россию в море крови» [1].

В этот трагический для России период истории шло неприкрытое разграбление страны. Государство понесло огромные людские потери, уничтожение элиты общества, утраты экономического и культурного наследия. В европейские государства, Англию, США уходили вагоны с золотом, памятниками искусства, награбленными в музеях, церквях, монастырях, домах состоятельных граждан. Это могло произойти и с казной краевого правительства. Разного рода авантюристы, предатели и преступники попали во власть и грабили как государственное, так и частное, тем более это поощрялось.

Главная газета Кубани «Красное Знамя» с восторгом сообщала о том, что пять тонн золотых изделий из российских церквей отправили на пароходе из Мурманска в Англию [2].

В беседе с внуками кубанских казаков-эмигрантов я записала несколько воспоминаний о том, что в 1920-е гг. несколько раз в год в Нью-Йорк приходили пароходы из России с контейнерами, наполненными предметами из драгметаллов. На пристани ставились весы, и ювелиры покупали эти предметы по цене лома.

Среди документов Кубанского войскового музея в штате Нью-Джерси, США, мне удалось обнаружить некоторые сведения и о судьбе казны Кубанского правительства.

На сегодня существуют несколько версий судьбы казны. Одна из распространенных: казну и ценности не увезли в эмиграцию, а где-то спрятали. Время от времени пытаются искать этот клад. Эта легенда была особенно популярна в годы гражданской войны и после нее. Об этом пишет на основании архивных документов краснодарский исследователь С.Р. Илюхин в своей книге «Течет вода Кубань-реки, или 1918. Екатеринодар: иллюстрированная хроника одного года Гражданской войны на Кубани с рисунками, фотографиями, картами и документальными свидетельствами». В марте 1918 г. после ухода краевого правительства в Екатеринодар пришли красные части. После парада и митинга приступили к военнопольным судам, массовым расстрелам и реквизициям. Чтобы красноармейские отряды заставить преследовать белогвардейцев, комиссары усердно распространяли слухи о том, что в обозах правительственного отряда находятся несметные богатства Кубанской Рады, и их необходимо конфисковать [3].

В июне 1918 г. комиссаром Толмачевым и комиссаром финансов Дуниным был отправлен в Москву вагон с награбленными ценностями, которые иногда считают «золотом Кубанской Рады» [4]. Свой запас красноармейцы пополняли грабежами, убийствами и насилием. Особенно отличились военный комиссар г. Екатеринодара Золотарев и командир полка Рогачев. Они устраивали расстрелы целых станиц. В июне 1918 г. красноармейцы под командованием Рогачева расстреляли священников

Марии-Магдалинского монастыря в станице Роговской и Богоявленской церкви станицы Поповичевской, разграбив церковное имущество.

Существует еще одна версия исчезновения казны краевого правительства и причастности к этому авантюристических деятелей-генералов В.Л. Покровского и Н.А. Букретова, последнего кубанского атамана с января по апрель 1920 г. В эмиграции имя генерала Покровского, убитого в 1922 г. в Болгарии, часто упоминается в воспоминаниях казаков-эмигрантов в связи с продажей им предметов из драгметаллов. Генерал Букретов, находясь в период власти большевиков в Екатеринодаре, почему-то избежал преследований. В августе 1918 г. с возвращением Добровольческой армии был назначен краевым правительством на пост председателя продовольственного комитета, помощника управляющего Торгово-промышленным отделом. Главное командование выдвигало против него обвинение во взяточничестве и воровстве, интригах и предательстве. В апреле 1920 г. он сдал большевикам более чем 30-тысячную Кубанскую армию в Адлере и всячески препятствовал перевозу кубанских казаков в Крым. Вместе с председателем краевого правительства В.Н. Иванисом 26 апреля он удрал в Грузию, где передал атаманскую насеку Иванису и сложил с себя полномочия. Позже Иванис увез насеку в Канаду, где она и сейчас хранится в частном музее [5].

В начале 1920-х гг. Букретов эмигрировал в США, устроился служащим в Нью-Йоркский банк, даже не владея английским языком. В 1930 г. он был убит в Нью-Йорке. Некоторые эмигранты считали, что он хранил какие-то средства в этом банке. В середине 1990-х гг. на кладбище Бруклина имела место попытка вскрытия его могилы, по этому поводу полиция вела расследование.

В архиве войскового музея в Нью-Джерси имеются интересные документы: секретная переписка с атаманом Таманского отдела о разведывательных командах, которые в июле-августе 1920 г. перемещались в Крым для получения распоряжений Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала П.Н. Врангеля. В деле Управления Таманского отдела хранится акт «О проверке денежных войсковых сумм», составленный 23 июля 1920 г. в г. Феодосия. В акте указано, что юнкерский

разъезд доставил 14 опечатанных деревянных ящиков, 10 опломбированных мешков, 5 ящиков документов и бумаг, два знамени кубанских войсковых частей и один штандарт [6]. В сдаточной ведомости указываются сумма и виды банковских бумаг. Кредитных билетов было на 30 310 000 руб., процентных бумаг на 37 775 000 руб., золотой и серебряной монеты на 41 329 руб., валюты на 14 млн. руб. [7].

Возможно, в июле 1920 г. в Крым из Таманского особого отдела и была доставлена казна или уже часть казны краевого правительства. Интересным документом является акт с подробным отчетом о финансовой деятельности атаманского правления станицы Андреевской Таманского отдела, где есть сообщение о том, что более чем 5 млн. руб. получено по прибытии из Грузии от сына погибшего казначея хорунжего Волкодава.

Кубанское казачье войско прибыло в эмиграцию в бедственном материальном положении, о чем свидетельствуют письма председателю государственной комиссии по делам беженцев в Сербии от председателя Кубанского краевого правительства Д.Е. Скобцова. В «Сдаточной ведомости капиталов и сумм ККВ» указаны металлические тарелки, котелки, вилки, награды и вещи умерших казаков – медалей бронзовых 38, крестов 11, орденов 16, часы одни и обручальное кольцо одно [8]. Чтобы раскрыть поставленную тему, необходимы новые исторические документы, свидетельства, факты.

Примечания:

1. *Бабыч С.И.* Письмо от 26 июля 1951 г. // Родная Кубань. 2002. № 1. С. 115–116.
2. Красное Знамя. 1928. 5 мая.
3. *Илюхин С.Р.* Течет вода Кубань-реки, или 1918. Екатинодар: иллюстрированная хроника одного года Гражданской войны на Кубани с рисунками, фотографиями, картами и документальными свидетельствами. Краснодар, 2015. С. 43–44.
4. Там же. С. 45–46.
5. *Гулый Е.* Атаман Букретов и Кубанское казачье войско // Казачий путь. [Сиракузы, США]. 1960. № 1. С. 20–29.
6. Архив войскового музея. Д. 13. Управление особого Таманского отдела. О проверке денежных войсковых сумм на 1920 год.
7. Архив войскового музея. Д. 5. 1920 г.
8. Сдаточная ведомость имущества ККВ. Архив Кубанского войскового музея. Л. 1–4.

И.В. Бамбурина

Из истории сбора документов по истории революции 1917 года в городе Армави́ре

20-е годы XX века ознаменованы созданием целой системы новых научных центров. Среди них особое место занимал Истпарт – Комиссия по изучению истории Октябрьской революции РКП(б). Он представлял собой разветвленную сеть организаций исследовательского характера, занимавшихся сбором, изучением и публикацией материалов по истории Октябрьской революции и революционного движения в целом.

Истпарт являлся качественно новым типом научной организации и по своим целям (изучение исторического опыта партии, опыта революционной борьбы пролетариата России под её руководством за победу социалистической революции) и по формам и методам работы, направленным к их достижению.

С первых шагов своей деятельности Истпарт поставил перед собой задачу «быть не только учёной комиссией, но и такой организацией, которая во всей текущей работе обслуживает текущие нужды партии в области пропаганды и политического просвещения». Только «поставленная таким образом работа сделает из Истпарта живую действенную организацию, которая действительно превратится в средоточие научного изучения истории партии», – говорится в одном из первых протоколов заседания коллегии Истпарта.

На местах эта работа была возложена на отделы при краевых и областных комитетах партии. С 1926 года были назначены уполномоченные Истпарта.

В Армавирском округе работа по собиранию материалов по Октябрьской революции и Гражданской войне предпринималась еще в 1923 году, однако широкого развития не получила. И только в 1925 году по настоянию краевого Истпарта при окружном Архивном бюро была создана политическая секция, на которую по совместительству были возложены обязанности по собиранию материалов и учету участников революции 1905 года, Великой Октябрьской революции и Гражданской войны.

14 июня 1926 года на первом организационном совещании участников Гражданской войны в Армавирском округе была

отмечена чрезвычайная историческая важность сбора и обработки материалов по истории гражданской войны в Армавирском округе, определены задачи и методы работы Истпарта и назначены члены бюро группы содействия Истпарту: товарищи Захаров, Чревко, Пикалов, Курочкин, Караченцев и кандидаты тт. Филин, Дыбля. Председателем президиума бюро был избран Захаров, заместителем – Пикалов, секретарем – Караченцев [1]. На заседаниях президиума разрабатывались планы по восстановлению главнейших моментов событий по Армавирскому округу в годы гражданской войны, организовывались вечера воспоминаний и вечера памяти о важных исторических событиях с привлечением очевидцев и обязательной проверкой воспоминаний созданной рабочей группой содействия Истпарту. Работа по поиску исторических материалов планировалась по отдельным моментам, событиям, фактам; сбор сведений проводился путем привлечения показаний участников и очевидцев событий, а также через поиск и описание фотографий, плакатов, брошюр, газет и др.

Надо отметить, что самих документальных материалов по Гражданской войне и послевоенных событиях имелось очень мало. Материалы собирали буквально по крупинкам. Членами Истпарта проводились обследования учреждений, где возможно сохранились документы, однако больших находок это не принесло. Так, по сведениям, в штабе дивизии, дислоцированной в Армавире, могли сохраниться партийные архивы с ранними документами, но при проведении раскопок в подвалах, документы не были обнаружены. Бралась также на учет имеющиеся у частных лиц, в частности у коллекционера, сотрудника местной почтово-телеграфной конторы Федосеева (позднее продавшего документы в Московский институт имени Ленина), исторические материалы, состоящие из газет, брошюр, листовок революционного периода. Однако ведущей истпартотделом Овчинниковой отмечалось, что такая работа возлагалась все же на Архивное бюро, а работа же Истпарта заключалась исключительно в сборе воспоминаний от участников гражданской войны по Армавирскому округу, их систематизации и передаче в крайистпарт [2].

В целях более полного собрания исторического наследия проводились компа-

нии по популяризации задач истпарта через общие собрания бывших партизан – участников гражданской войны, через совещания секретарей комьячеек городского парткома, через общегородские собрания делегатов и в отдельности на собраниях ячеек. В Армавире были созданы две группы содействия истпарту: одна из участников гражданской войны, членов ВКП(б), другая – из женщин-участниц делегатского аппарата. Всего в городе при учреждениях и предприятиях было создано 33 комиссии по выявлению участников Гражданской войны и сбору от них воспоминаний.

К 10-летию Октябрьской революции на Краевой истпарт возлагались большие задачи по увековечиванию событий гражданской войны, вследствие чего был создан Институт уполномоченных Истпарта. В состав уполномоченных истпарта по Армавирскому району вошел тов. Крымский, член ВКП(б), районный военком; по городу Армавиру уполномоченным истпарта назначен тов. Захаров, член ВКП(б), управляющий текстильным синдикатом, а уполномоченным Истпарта по Армавирскому железнодорожному узлу стал тов. Ларионов, председатель железнодорожной страховой кассы [3].

К 10-летней годовщине Октябрьской революции усилиями Армавирского истпарта были собраны следующие сведения: выявлено и учтено по Армавирскому округу 500 живых участников гражданской войны, погибших – свыше 1800 человек; собрано материалов-воспоминаний от участников исторических событий – 215, а также были найдены фотографии и комплект газеты за 1920 год «Известия Советов», проведено 5 вечеров-воспоминаний, из которых три встречи посвящены событиям 1918 года. Признавая субъективный характер воспоминаний истпартовцы все же отмечали, что они содержали весьма ценные исторические сведения о событиях при весьма скудных архивных фондах.

В 1927 году армавирский Истпарт был ликвидирован и все документы были пересланы в Северо-Кавказский краевой Истпартотдел ВКП(б), а на местах работа по сбору материалов об Октябрьской революции и гражданской войне продолжала осуществляться через ячейки, через группы содействия, через тройки уполномоченных по районам [4].

В 1932 году региональные Истпарт-отделы были упразднены, а их функции и документация были переданы партийным архивам.

Примечания:

1. Архивный отдел администрации Армавира (АОАА) Ф. Р – 1194-а. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–5.
2. АОАА Ф. Р – 1194-а. Оп. 1. Д. 16. Л. 12–13.
3. АОАА Ф. Р – 1194-а. Оп. 1. Д. 16. Л. 15–18.
4. АОАА Ф. Р – 1194-а. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–32.

В.И. Казанков

«Привет из Ломжи».

История одной старой открытки

*Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли, тебя защищая?*
Константин Ваншенкин

Мой хороший знакомый Малахов Сергей Николаевич, учёный-историк, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского педагогического университета, помня о моем увлечении историей станицы Бесскорбной и всем, что связано с нею, как-то купил для меня на армавирском «блошином» рынке две старые, пожелтевшие от времени, советские открытки довоенной поры.

Открытки, дословно открытое письмо (почтовая карточка [1]) — естественный и популярный в то время «жанр» общения, и вряд ли найдётся человек, который бы не отправлял или не получал открытку к какому-либо празднику или событию, а то и просто как знак внимания.

Рукописные послания, настоящие, на бумаге, по почте... – это всегда событие, это нечто большее, нечто особенное, душевное и незабываемое, чем современные электронные. Прежде всего, это прикосновение рук близких, отпечатки времени, места, обстоятельств. Поэтому зачастую некоторые послания люди любовно хранили, большинство для себя, для души, для памяти, чтобы оглянуться назад, проанализировать прожитое, сделать какие-то выводы. В них, порой весьма причудливо, отражалась как личная история, так и история страны.

Любая открытка, разумеется, неразрывно связана с людьми. Оба этих душевных романтических послания адресованы

одному и тому же адресату, некой Пичугиной Нине Даниловне, тогда ученице 10 класса средней школы ст. Бесскорбной. Одна открытка, видимо от подружки, бывшей одноклассницы, другая вероятно от друга – солдата срочной службы Ф.Е. Лещенко. Отправлены они адресату в марте 1940 года.

Обе открытки ничем особо не примечательные – обычные, массовые. Изготовленные в 1939–40 гг., самым простым тогда чёрно-белым фотографическим способом печати, с традиционными видовыми сюжетами – одна с изображением Пушкинской набережной, другая с видом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, открывшейся в 1939 г. в Москве. Особый интерес вызвала та, что «...Ниночке – от Ф. Лещенко».

Попробуем «разобраться» – 77 лет, это уже не «чужие письма», это уже история... Нина и Лещенко Ф.Е. меня простят.

Внимание привлекли, конечно, не красные чернила, которыми казак Ф. Лещенко написал своё обращение к подруге. Всем понятно, что красный цвет у всех народов во все времена символизировал любовь, и не редкостное изображение несохранившегося до настоящего времени удивительного павильона «Пчеловодство», с входом в виде стилизованных пчелиных сот, и «пчелой» на ризалите, а также самым первым обликом клумб-цветников перед павильоном, хотя это тоже заслуживает внимания [2]. Интерес вызвала обратная сторона почтовой карточки, город с необычным названием Ломжа, и не менее необычное воинское подразделение, о котором сообщает Лещенко Ф.Е., в котором он служит – 3-й Кубано-Белореченский казачий полк.

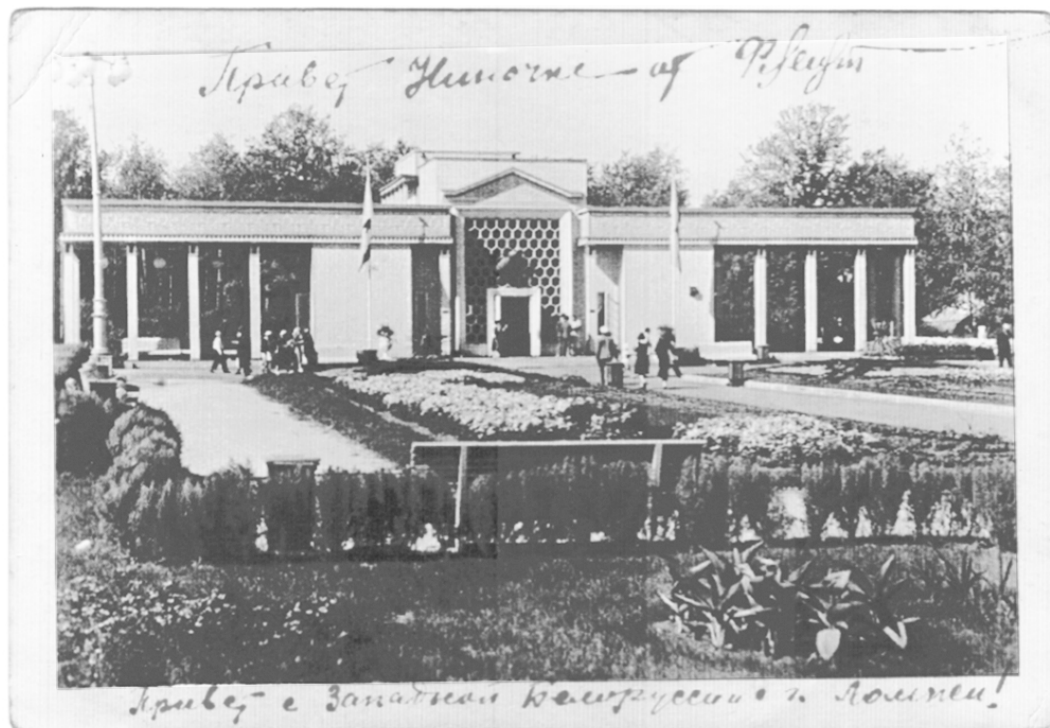
Ломжа?... Ломжа сегодня нуждается в особом представлении, на карте современной Беларуси Ломжу вы не найдёте. И всё же в тысячелетней истории этого симпатичного, аккуратненького, польского городка был период, когда он входил в состав Белорусской ССР. Случилось это осенью 1939 года, после освободительного похода Рабоче-Крестьянской Красной армии. С этим неприметным городком связаны самые страшные первые минуты и дни грозного июня 1941-го, о которых долго официально старались не вспоминать.

Специфична и воинская часть, где служил Ф.Е. Лещенко. Оказывается, на долю этого имевшего официальный статус

III. История Кубани в новое и новейшее время

«казачьего» полка, в первые мгновения войны выпали самые серьезные испытания. Находясь на самом острие «белостокского

выступа» [3] полк плечом к плечу с пограничниками первым принял на себя огненный вал наступающих немецких армий.

Казаки не дрогнули, мужественно оказав исключительно упорное сопротивление, в очередной раз поддержали свою славу первоклассных воинов – драться до последней капли крови – как завещали отцы. К сожалению, судьба полка оказалась весь-

ма трагичной. В первый день войны, в стремительной и безжалостной схватке перемолотый авиацией и артиллерией немцев, не отступив ни на пядь, полк погиб полностью... С 22 июня 1941 года казак Ф.Е. Лещенко «...больше не жених» Нине...

Появление этой открытки на «блошином» рынке в наше время свидетельствует о том, что эту бесценную для себя реликвию Нина хранила бережно всю свою жизнь. Это была её Память, Память о войне, опалившей своим огнём и слезами её самые светлые мечты и надежды. С нетерпением и с замиранием сердца ждала она эти открытки, не подозревая, что всё это скоро беспощадно перечеркнёт одно страшное слово – война...

Подвиг казаков погибшего полка сродни подвигу защитников Брестской крепости. Однако Герои – не стали героями. И в этом ничего удивительного нет. Крупнейшая по масштабам потерь катастрофа 41-го не вписывалась в официальную приглаженную и вычищенную память о войне, вслух «воспоминать», и тем более размышлять о ней было, что называется, не принято, уж больно тема щепетильная. Полк стал «забытым полком» для последующих поколений, его короткий, но исполненный драматизма боевой путь поныне остаётся страницей малоизвестной, с сопутствующими белыми пятнами и легендами. Вот такая реальность. Однако, обо всём по порядку.

Для начала, прежде чем коснуться казачьих частей «несокрушимой и легендарной» РККА, будет правильным сделать некоторое предисловие, оживить некоторые сюжеты казачьей истории, которые в силу разных причин до сих пор остаются не до конца осмысленными, а порою и совсем не известными.

Быть не допущенным к службе для казака во все времена считалось страшным позором. Любая девушка от него отвернётся! В 30-х гг. прошлого века на парня в красноармейской, морской или лётной форме кубанские мальчишки смотрели с замиранием сердца, и самой заветной мечтой у них было желание, чтобы их тоже «забрили» в Красную армию.

Дело в том, что в силу открыто враждебных отношений советской власти к казачеству, уроженцев казачьего происхождения бывших областей Кубанского, Терского и Донского казачьих войск, как представителей эксплуататорских классов, до 1936 г. в армию не брали [4]. Поэтому «Постановление о снятии с казачества ограничений по военной службе в РККА» ЦИК СССР от 20 апреля 1936 г., молодым казачьим поколением было воспринято с безусловным одобрением.

В рамках широко разрекламированной кампании «за советское казачество» [5], приказом НКО № 19 от 13.02.37 г. в казачьи были переименованы даже несколько кавалерийских дивизий [6].

Казалось бы – над казачеством взошло новое солнце, но на деле идеологический маятник качнулся лишь в другую сторону. Восстанавливать казачьи сообщества в их традиционном социальном обличье большевики категорически не собирались. Волей ВКП(б) замедлился всего только процесс «расказачивания» (целенаправленного истребления), вступившего в менее радикальную пассивную фазу. Казак, занятый «честным колхозным трудом», был уже не страшен советской власти.

Ещё есть мнение, что эта сталинская псевдореабилитация («мобилизация») представляла собой меру вынужденную. Обострявшееся международное положение требовало консолидации советского общества и мобилизации его ресурсов для отражения вероятной агрессии, вот большевики и вспомнили о главном предназначении казачества – защищать Отечество. Терять такой потенциальный «мобресурс» было слишком расточительно, даже для большевистских вождей. Тем не менее, мудрый Сталин сделал то, что должен был сделать – обеспечил единство будущего фронта и тыла [7].

Казачье поколение, родившееся в Гражданскую и начале 20-х росло и мужало вместе со страной. Жизнь в стране Советов бурно кипела, и внушала потомкам казаков ценности, уже очень далёкие от тех, на которых воспитывалось поколение их политически неграмотных родителей, отцов и дедов. Их героями становились герои Гражданской войны – легендарные красные командиры Ворошилов и Будённый, челюскинцы и папанинцы, патриот Павлик Морозов, легендарные лётчики Чкалов и Громов, киношный Чапаев и книжный Корчагин, пограничник Карацупа и знатная трактористка Паша Ангелина... Казачьи традиции теперь остались и продолжали сохраняться только на бытовом уровне, среди немногочисленных представителей среднего и пожилого возрастов, сохранивших казачий иммунитет.

Однако полагать, что вся казачья молодёжь под высоким градусом бодрого патристического гипноза поголовно рвалась в Красную армию из идейных соображений –

сильно не так. Такое утверждение выглядит странным хотя бы с точки зрения того, что буквально за пару-тройку лет до этого «разрешения» советский режим вышел победителем в затяжной кровавой войне с казачеством, и вдруг мгновенно все оставшиеся казаки сразу превратились в советских патриотов?! Конечно же, это далеко не так!

Чудовищные детали жесточайших репрессий, унижений и бесправия ... Всего не перечислишь, со стороны Советской власти в конце 30-х не могли никак стать мрачным преданием, были слишком свежи и будили массу тяжких мыслей и воспоминаний [8]. Организованному «голодомору», заставившему людей есть друг друга... в 36-м только три года исполнилось... 1937–1938 гг. – это пик репрессий [9]. Бесконечные поиски врагов народа, волны арестов тех, кого не зачистили в 20-е, или «недокулачили» в начале 30-х не прекращались до самой войны [10].

Выросшая в этих условиях советской действительности молодёжь отлично понимала – кампания «за советское казачество» – чистейшей воды идеологическая декорация советской власти, и является, в общем и целом, всего лишь системой допризывной кавалерийской подготовки. Никакие тактические ходы и демонстративно-пропагандистские жесты не могли отменить того факта, что такому «пережитку проклятого прошлого» как казачество, в «новом прекрасном советском мире» места нет и быть не может. За примерами далеко ходить не надо [11].

Пропаганда имела свои плоды, отрицать это глупо, но на самом деле основная причина попасть в армию для молодых «станичан» и «хуторян» была прозаической – выскользнуть из колхозного хомута. Станичные будни слишком сильно отличались от ярких пропагандистских картинок. Перспектива беспросветно прозябать на трудоднях, быть безропотным поставщиком продовольствия, лишённым свободы передвижения до конца жизни – вдохновляла не всех. А вот отслужив в армии можно было легко осесть в каком-нибудь городишке, или завербоваться на какую-либо стройку первых пятилеток, получить койку в общежитии и паспорт, освоить любую рабочую специальность. Главное, перестать быть колхозным крепостным рабом. Поэтому «закосить» от армии в 30-е гг. – у

«...окружённых горячей любовью советского государства и большевистской партии» сынов Кубани даже в мыслях не было.

Быть призванным в РККА молодым представителям изрядно поредевшего казачества было всё же не просто. Допризывника тщательно «просвечивали» комсомол, партячейка, сельсоветский актив. В армию не брали, если сельсовет признал: что родители допризывника или родственники (братья, сёстры, дедушки, бабушки, дядя, кумовья и т.д.) использовали наёмный труд, имели раньше торговлю, хотя бы на короткое время были в армии белых, были служителями религиозного культа, были лишены избирательных прав или раскулачены или парень переписывался с людьми с «замаранной» биографией и т.п. Поэтому ребята «старались» как могли, табунами шли в комсомол, клубы и кружки «ворошиловских всадников» [12]. С молодёжью были «солидарны» и родители, вволю хлебнувшие колхозного рая, они горячо одобряли и благословляли «выбор» своих детей.

Попасть казаку в казачью часть было ещё сложнее. Казачье происхождение не являлось обязательным признаком. Главным критерием отбора стала политическая благонадёжность. Для службы в казачьих дивизиях партийно-советскими и мобилизационными органами на местах отбирались представители казачьей молодёжи с наиболее безупречной характеристикой – комсомольцы, активисты «Ворошиловских всадников» и ОСОАВИАХИМа и т.д.

Если блеснуть дедукцией, учитывая дату на открытке – 9.3.1940 г., то исполнять свой священный долг Лещенко Ф.Е. призвали осенью 1939 года. Год призыва – 1939, это особый год. Это начало форсированной реформы по превращению РККА из кадровой в регулярную армию. Одной из главных задач этой реформы являлось качественное повышение грамотности и культурного уровня молодых командиров и всего личного состава РККА. Закон СССР «О всеобщей воинской обязанности», принятый 1 сентября 1939 года Верховным Советом СССР учитывая эти задачи, устанавливал – год призыва для всех на действительную военную службу в девятнадцать лет, а окончившим среднюю школу и ей соответствующие учебные заведения – восемнадцать лет. Плановых призывов стало два: весной (впервые – уже в 1940 году) и

осенью. Одновременно были сняты ранее существовавшие социальные ограничения, плюс отменены отсрочки для студентов и представителей интеллигенции, включая учителей. Вот потому-то с осени 1939 года и хлынул поток...

Для казачьих частей приказом Наркома обороны СССР № 67 от 23.04.1936 г. была введена особая форма одежды, во многом совпадавшая с исторической, только – без погон [13]. После обретения нового облика её личный и младший командирский состав стал постепенно пополняться за счёт призываемых на действительную службу уроженцев бывших областей Кубанского и Терского казачьих войск.

Важно отметить, что при формировании советских казачьих подразделений, в отличие от дореволюционной эпохи, социальное происхождение не учитывалось, кавалерийские дивизии комплектовались по территориальному принципу [14]. К концу 30-х было физически истреблено, рассеяно по СССР и выброшено из страны около 70% прежнего казачьего населения. Их место в станицах занимали «расселенцы» – демобилизованные красноармейцы с семьями и разного рода «хлебоборобы» со всей России. Поэтому потомственных казаков среди призывников, и соответственно рядового состава в советских казачьих полках было как воды в Урупе в середине августа – не больше трети, а среди высшего и среднего начкомсостава этих формирований «природных» казаков вообще практически не наблюдалось.

Лещенко Ф.Е. – казак «природный»! В списках первопоселенцев ст. Безкорбной за 1856 год упоминается его прадед – Лещенко Кирила, прибывший из Малороссии и зачисленный в казаки вновь заселяемой Безкорбной. Имеются некоторые архивные сведения об участии казаков Лещенко в Первой мировой войне.

Тем не менее, призванные в Красную армию «...со всего населения Дона, Терека, Кубани и Ставропольщины», казаки и «не-казаки» всё же ощущали себя казаками, и гордились службой именно в «казачьей» части и усердно выполняли свои воинские обязанности вне зависимости от их отношения к сталинскому режиму. Можно заметить, что слово казак (а не какой-то там красноармеец!) на открытке Ф.Е. Лещенко выделяется, и выведено им с особой тщательностью!

Несмотря на относительную малочисленность, прирождённые конники и воины, казаки зарекомендовали себя в советских казачьих частях как первоклассные бойцы и младшие командиры. На них в отношении боевых навыков и специфического духа товарищества равнялись красноармейцы и младшие командиры «иногороднего» происхождения. Сплочённость воинских коллективов и боевой дух казачьих частей РККА находились на очень высоком уровне, никак не уступавшем таковому в армиях их предстоящих противников во Второй мировой войне.

3-й Кубано-Белореченский казачий полк (3-й кп), куда попал служить Ф.Е. Лещенко, являлся составной частью одной из самых старейших кавалерийских соединений РККА – 6-й кавалерийской Кубано-Терской казачьей Чонгарской Краснознамённой ордена Ленина и ордена Красной Звезды дивизии имени товарища Будённого (6-я кд), генеалогия которой начиналась ещё с 1918 года! Статус «казачьей» 6-я кавдивизия получит в 1936 году.

6-я кд – краса и гордость РККА! Кавдивизия считалась одним из самых подготовленных соединений Красной Армии, и имела репутацию одного из наиболее элитных соединений советской конницы. Служба в ней считалась престижной, дивизия гордилась превосходным личным и конским составом, отличным снабжением, а также высоким уровнем боевой и политической подготовки.

Стоит отметить, что 6-я кд – ещё кузница кадров высшего командного состава РККА. Военную карьеру в ней начинали многие будущие наркомы и маршалы – С.К. Тимошенко, К.А. Мерецков, А.И. Еременко, К.С. Москаленко. Высокий уровень подготовки 6-й кавдивизии отметит в своих мемуарах, вступивший в 1937 г. в должность командира 6-го кавкорпуса будущий маршал Г.К. Жуков: «6-й кавалерийский корпус по своей боеготовности был много лучше других частей... Выделялась 6-я Чонгарская дивизия, которая была... хорошо подготовлена, особенно в области тактики, конного и огневого дела. Надо отдать должное бывшему её командиру Л. Я. Вайнеру (репрессирован в 1937 г. – В.К.), положившему много сил и энергии для того, чтобы поднять дивизию до высокого уровня» [15].

Со своим будущим противником – германским Вермахтом казаки 6-й кд впервые «столкнулись» ещё до войны, во время Польского похода Красной армии в составе Конно-механизированной группы и 4-й армии (6-й кавкорпус) Белорусского фронта (17–28.09.1939 г.). По окончании похода 6-я Кубано-Терская казачья кавдивизия была передислоцирована на новоприсоединённые к СССР территории – в район Ломжа – Дроздово – Езерко Белостокской области, т.е. прямо на самую границу с Германией!

15-16 июня 1940 г. Кубано-Терская казачья кавдивизия была введена в Литву и участвовала в присоединении этой прибалтийской республики к СССР. По окончании операции дивизия была возвращена к месту постоянной дислокации.

Разумеется, эти «освободительные» походы было бы излишне вписывать в боевой актив дивизии, так как эти операции были всего лишь лёгкой бескровной прогулкой. Тем не менее, без преувеличения можно отметить, что эта незаурядная дивизия на начало войны с Германией никак не уступала предстоящему противнику, была уверена в себе, и готова по первому сигналу ВКП(б) завершить молниеносную войну «малой кровью на чужой территории» – в Берлине, неся поработённому буржуазией пролетариату свободу равенство и братство.

14 марта 1941 г. в должность командира дивизии вступил генерал-майор М. П. Константинов, ранее командовавший горно-кавалерийскими дивизиями. Не имевший на тот момент академического военного образования он, тем не менее, запомнился сослуживцам как храбрый и толковый командир, заслуженно уважаемый подчинёнными, а кроме того, как обладатель пышных усов и зычного «атаманского» голоса. Можно сказать, что на фоне печального состояния советского генералитета, обескровленного сталинско-ежовскими репрессиями, 6-я Кубано-Терская казачья кавдивизия к началу войны имела вполне адекватного командира.

К июню 1941 года в результате реформ в РККА, проведённых по итогам Советско-финляндской и первого периода Второй мировой войны, кавалерия РККА подверглась резкому сокращению. Считалось, что она не может составить серьёзной конкуренции танковым и моторизованным соединениям на поле боя. Одновременно

сворачивалась и сталинская программа «заигрывания» с казачеством. Согласно приказу НКО СССР № 005 от 1 февраля 1941 г. упразднялась особая форма – черкески, башлыки, кубанки и т.д. К огненному лету 41-го *единственным* соединением Красной армии, имевшим статус казачьего, оставалась только 6-я кавдивизия, и то, вероятно, в силу хрестоматийной для советской идеологии её репутации.

В роковую ночь на 22 июня 1941 г. части 6-й Кубано-Терской казачьей кавдивизии находились на местах своей постоянной дислокации в военных городках в Ломже, Дроздово и Езерко. 6-я Кубано-Терская казачья кавдивизия входила в состав 6-го кавалерийского корпуса (генерал-майор Никитин И.С.) [16], самой мощной 10-й армии (генерал-майор К.Д. Голубев), дислоцированной на Белостокском выступе, одного из сильнейших военных округов в Советских Вооружённых силах – Западного Особого военного округа (командующий – генерал армии Д.Г. Павлов).

Сегодня есть все основания утверждать, что внезапное вероломное нападение, мол, немцы застали советских солдат спящими – намеренные выдумки, оркестрованные в советскую эпоху. Не будем вдаваться в подробности этой неоднозначной страницы войны, отметим только, что нападения ждали и к нему готовились. Пограничные войска всех западных округов в связи с обострением обстановки были приведены в боевую готовность ещё 18.06.1941 г., а к 21.30 21.06. были завершены работы по дооборудованию опорных пунктов застав. В ночь на 22 июня в городе Ломже на участке 87 погранотряда находился начальник погранвойск СССР генерал-лейтенант Соколов и с ним начальник погранвойск НКВД БССР генерал-лейтенант Богданов. Всё это не случайно. Главный пограничник страны не мог быть там без приказа Берии и санкции Сталина, и ясно, что Соколов нужен был в Белоруссии для того, чтобы с началом боевых действий организовать боевую работу пограничников в условиях войны. 21 июня заставы, пограничные комендатуры и отряды вышли из казарм и заняли оборонительные сооружения [17].

Известно, что 3-й Кубано-Белореченский полк (командир – подполковник В.В. Рудницкий) был кадрированный, т.е. не полного состава [18]. Также известно, что,

согласно Плану прикрытия государственной границы, на территории Западного Особого военного округа два эскадрона этого полка (по сути, включившие весь его строевой состав), усиленные двумя взводами танков, 19 июня были направлены на усиление 87-го отряда Погранвойск НКВД, прикрывавших госграницу на ломжинском направлении [19]. Собственно, последние дни перед вторжением для пограничных войск западного участка фактически уже не были мирными.

Потом грянула война. Коварные «генералы-супостаты» Вермахта спутали все карты нашим прославленным полководцам – «неожиданно» для них изловчились и через белорусские леса и болота ударили первыми. Около 3.30 утра истошный вой «тревожных» сирен и голоса игравших тревогу кавалерийских горнов стали для казаков 6-й Кубано-Терской дивизии первыми звуками войны. Следуя абсурдному приказу Генштаба, не сообразующемуся с обстановкой, – «быть в боевой готовности, но людей из казарм не выводить», на плацу городка стояли командиры, их замполиты и начальники штабов! [20] Вспоминает начштаба 94-го Кубанского Северо-Донецкого кавполка майор Гречаниченко: «Все стало на свои места, когда на городок посыпались фашистские бомбы. Удар с воздуха по городку был комбинированным. После массовой бомбардировки налетели вражеские истребители прикрытия, расстреливая из крупнокалиберных пулемётов выбегавших из казарм бойцов и командиров, коней, привязанных к коновязям» [21]. Однако первая кровь не деморализовала дивизию, казаки сохранили управляемость в отличие от других войск ЗапОВО. Действуя чётко и слаженно, 6-я кд уже в 4 часа утра выдвинулась к госгранице.

Для развёрнутых на линии госграницы двух эскадронов 3-го Кубано-Белореченского полка «белостокская мясорубка» началась ещё раньше. Ещё до всех «приказов о контрударе», ещё когда дивизия только «строилась» на плацу, когда ещё даже Брестская крепость в бой не вступила, казаки 3-го полка, державшие оборону в приграничной полосе, уже вели неравный бой...

Пограничников и приданное им «усиление» советское командование изначально обрекало под абсолютно неизбежный разгром. 87-й (Ломжинский) пограничный от-

ряд (начальник отряда – подполковник И.М. Горбатюк), штаб в городе Ломжа, насчитывал 2131 человека и охранял участок границы протяжённостью 141,3 км. В среднем, на заставу отряда приходилось по 7 км охраняемой границы при средней плотности 9 человек на 1 км охраняемой границы [22]. С учётом численности приданных на усиление двух эскадронов, получается – не более 13 человек на километр границы. Танковый взвод – это три танка, два взвода – шесть танков, следовательно, один танк – на 23 километра границы! Не густо против полностью укомплектованных и оснащённых по штатам военного времени немецких пехотных дивизий, учитывая, что на одну дивизию приходилась полоса наступления в среднем 15 км [23]. Однако Генштаб не беспокоило, что такое «усиление», по сути, – посылка полка на истребление.

Между тем, 3-й полк вообще не должен был находиться там! Участок 87 Пограничного отряда по «плану» должен был прикрывать полнокровный 48-й Кубанский казачий Белоглинский кавалерийский полк той же 6-й Кубано-Терской кд [24]. Почему по факту вместо него оказались лишь два «сабельных эскадрона» 3-го кп и два танковых взвода, вопрос, требующий исследования. ...Впрочем, вопрос этот к нашим прославленным полководцам не единственный.

Следует также обратить внимание на то, что боевой потенциал 6-й кавдивизии был значительно снижен из-за ощутимого недокомплекта, который наблюдался в не достигающем штатов личном и конском составе, в бронетехнике, средствах связи [25]. Недокомплект по табелям положенности такой вещи первой необходимости как зенитное вооружение вообще был катастрофический. Более того, разработанный штабом ЗапОВО «план боевой подготовки войск округа на летний период обучения», утверждённый в Москве Г.К. Жуковым и К. А. Мерецковым, лишил дивизию и этих мизерных средств ПВО, а также огневой поддержки артиллерийских полков [26].

Коварный враг, коим являлась фашистская Германия, не простил этих «ошибок», которые, как говаривал ещё Талейран [27], хуже, чем преступление. За все пришлось платить сотнями и тысячами жизней красноармейцев и мирного гражданского населения. Когда немецкая авиация начала безнаказанно «утюжить» военные объекты

дислокации 6-й кд в Ломже и её окрестностях, зенитчики кавдивизии в это время находились на корпусных «стрельбах» на полигоне около села Крупки близ Минска... [28]. Кроме немногочисленных счетверённых «максимов» времён Первой мировой войны, отбиться от авиации противника у дивизии было нечем. Да и авиации нашей также не было видно. Согласно боевому донесению № 1 штаба 10-й армии по состоянию на 14 часов 40 минут, противник совершил на Ломжу 10 налётов, каждый по 30-35 самолётов... Ju-87, Do-17 и Do-53... [29]. В результате, кавдивизия в первые часы войны не только понесла тяжелейшие невосполнимые потери в личном и конском составе, но и лишилась своего тыла – складов боеприпасов, ГСМ и продовольствия. Комментарии, как говорится, здесь излишни.

Страшное время выпало на долю вчерашних мальчишек. На подавление пограничных застав немцы отводили тридцать минут. Корпусная и дивизионная артиллерия немцев метким шквальным огнём буквально в клочья разносила заранее разведанные цели – заставы, склады, полевые позиции пограничников и казаков. Ситуация с самого начала стала критической. Удержать стремительный натиск дивизий наступающего Вермахта заставы пограничников и приданные им в усиление казачьи эскадроны, конечно же, не могли. Неся значительные потери, окружённые заставы 87-го погранотряда добросовестно выполняли то, что нужно было сделать в данный отрезок времени на данном участке, не отступив ни шагу, продержались от нескольких часов до суток, никто без письменного приказа не отошёл [30]. Одним словом, это был крошечный АД! ...на соединение к главным силам дивизии вышли единицы...

О многочисленных примерах бесстрашия и мужества, проявленного в те июньские дни казаками, к сожалению, не сохранилось документальных подтверждений, лишь народная память из уст в уста донесла до нашего времени некоторые подробности о героях того времени. Вспоминает Богуславский Ян Емельянович, зам. политрука 13-й заставы 87-го Ломжинского погранотряда: «...прикрываясь дымовой завесой, били по огневым точкам пограничников, пытались подавить огонь их дота. В разгар одной из вражеских атак из леса, с саблями наголо, в развевающихся бурках

выскочил эскадрон наших кавалеристов-казаков. Они начали рубить фашистскую пехоту. Эта лихая контратака отбросила врага за Писсу, но и конники понесли тяжёлые потери от кинжального огня из-за реки» [31].

После полудня 22 июня упоминаний о 3-м Кубано-Белореченском полке нет. Нет нигде, ни в документах министерства обороны, ни в мемуарах... Его просто вычеркнули из списков как без вести пропавшего и более нигде не упоминали.

Судьба 3-го Кубано-Белореченского полка официально так и осталась объективно невыясненной. История сложилась так, что подвиг казаков погибшего казачьего полка практически неизвестен и на их Родине. Вспомнить о казаках-героях 3-го Кубано-Белореченского полка – наш долг, право на память казаки безоговорочно заслужили.

Поиск бойцов этого полка на сайте «Солдат.ру», на «Тризне», на «Милитере», «Забытый полк», на ВГД, ОБД «Мемориал» и на других поисковых сайтах, а также обращение в г. Подольск, в Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) принёс малоутешительные результаты – документов Управления 6 кавалерийской дивизии и её полков за 1941 г., необходимых для наведения справок на хранении в ЦАМО нет.

В ОБД «Мемориал» встречаются несколько персональных карт на бывших воинов, служивших непосредственно в 3-м Кубано-Белореченском полку в июне-июле 1941 года, угодивших в плен на участке Ломжа – Минск. Каждая карточка – живая история, но выживших нет, погибли все ...

На сайте «Белостокский выступ – июнь 1941 г.» (https://ok.ru/belostoksk/album/52201698361434?st._aid=Groups_Photo_Album_List_openAlbum&st._aid=GroupAlbumsList_Albums_OverTitle) есть страничка «6 кавалерийская дивизия 6 кавалерийского корпуса». Там тоже есть биографии нескольких бойцов 3-го Кубано-Белореченского полка, и также выживших нет...

Огромную работу по возвращению имён павших воинов проводит белорусская поисковая группа «Батькаўшчына». Основная задача группы – поиск и захоронение бойцов и командиров Красной армии, погибших в июне 1941 года на территории Слонимского района Гродненской области

при прорыве из окружения, останки которых остались брошенными и не захороненными на местах боев. Собственно всё, что на сегодня найдено и известно о 6-й кд и, в частности, о 3-м Кубано-Белореченском полку – их заслуга.

И всё же один выживший из 3-го Кубано-Белореченского полка нашёлся! На сайте «Бессмертный полк» есть история Григория Андреевича Райкова, жителя г. Армавира, в 1941 году бойца 3-го Кубано-Белореченского полка [32]. Райкову невероятно повезло. Ему посчастливилось не только уцелеть в той пограничной мясорубке, но и пережить долгие четыре военных года, дожить до Победного салюта, прожить долгую удивительную жизнь. Провоевал 20-летний казак три дня. После трёхсуточного боя, получив пять тяжёлых ранений, он так и остался в окопе. Истекающего кровью, без признаков жизни, его нашли монашки ломжинского монастыря сестёр-бенедиктинок, которых немцы, опасаясь эпидемий, заставили собирать убитых советских солдат и лошадей по окрестным лесам, полям и дорогам [33]. Тела стаскивали в ближайшие ямы, траншеи или воронки от снарядов и присыпали землёй. В такой яме оказался и Григорий Андреевич, уже полуприсяпанный землёй он пошевелился, и его вытащили, вытащили буквально с того света. Воевать больше не пришлось, лишившись руки, он два года заново учился ходить, можно только догадываться, чего это ему стоило. Потом практически пешком всё-таки доберётся до своего Армавира. Трудно представить, но вероятно Григорий Андреевич единственный выживший из всего 3-го Кубано-Белореченского полка...

Непосредственно против 6-й Кубано-Терской казачьей кавдивизии, к югу от Ломжи, могли сражаться германская 23-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Гейнца Гельмиха, или 87-я пехотная дивизия Вермахта (87. Infanterie-Division, командир – генерал-лейтенант Богислав фон Штудниц – Bogislav von Studnitz, дивизионное прозвище «Grünes Herz») [34]. 23-я пехотная дивизия – одно из лучших пехотных соединений Вермахта, известное под почётным прозвищем «Grenadierkopf» – «Голова гренадёра», по дивизионной эмблеме. 87-я пехотная дивизия соединение, хоть и «новорождённое» (сформировано в

1939), тоже имела хорошую боевую репутацию. В любом случае, безусловно, это был исключительно опытный, грамотный и опасный враг, и проиграть такому врагу было не обидно. Мужество противника нельзя недооценивать – иначе просто принижается собственная победа.

Прорвав оборону на границе, немцы двинулись в направлении Ломжи. Попытка с ходу овладеть Ломжей не получилась. Около 10.00 22 июня на рубеже Ломжица-Завады в 1-2 км западнее Ломжи началось встречное сражение между наступающими частями германской 23-й пехотной дивизии и выдвигавшимися ей навстречу кавполками 6-й Кубано-Терской казачьей. Захватить Ломжу с хода и сокрушить 6-ю Кубано-Терскую казачью кавдивизию отборной пехоте Вермахта не удалось: она натолкнулась на мужественное сопротивление такой же элиты РККА – казаков.

Между тем командование Западного фронта, столкнувшись с ситуацией, не имевшей места в их прежнем военном опыте, поспешило «списать» 6-ю кд (и не только её) уже 22 июня. После войны, бывший 1-й заместитель командующего войсками ЗапОВО генерал-лейтенанта Болдин в своих мемуарах «Страницы жизни», вспоминая первый день войны не стесняясь, напишет: «...Шестая дивизия разгромлена...» [35]. «Списали» её и немцы, 87-я пехотная дивизия, воевавшая против 6-й кд, сообщила в штаб, что на 22 часа 22 июня русская 6 кд разгромлена в течение дня, взято в плен 6 тыс. человек.

А в это время, сброшенная со счетов дивизия, представленная самой себе, выполняя не вполне адекватные приказы командования [36], отважно сражалась, делая всё, что было в её силах, сильно осложняя жизнь немцам. Стойкость и воля к победе сделали невозможное – чувствительные удары казаков заставили некоторые немецкие подразделения приостановить наступление; 23 июня командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок зафиксировал в своём дневнике: «...Действия противника приняли более планомерный характер. На участке Ломжа отход 8-й, 2-й и 27-й дивизий на рубеж реки Бебжа (Бобр). Показания плененных подтверждают, что противник намерен удерживать эту позицию... Русские воюют зачастую до последнего, и в отдельных случаях,

чтобы не попасть в плен, предпочитают застрелиться. Противник несёт большие потери в живой силе, число пленных незначительно...» [37].

К концу дня 23 июня, дивизия фактически состояла только из сильно поредевших 94-го и 48-го кавполков, двух эскадронов 152-го кавполка и различных разрозненных групп и подразделений.

День 25 июня стал для дивизии самым черным днём. «...Начиная с рассвета, немецкая артиллерия открыла массированный огонь на всю глубину нашего боевого порядка. В воздухе на небольшой высоте непрерывно барражировала вражеская авиация. Она наносила бомбовые удары даже по небольшим группам наших войск, а истребители прикрытия гонялись за каждым человеком... Уже в первые часы всё наше тяжёлое вооружение было выведено из строя, радиостанция разбита, связь полностью парализована. Полк нёс тяжёлые потери, был плотно прижат к земле, лишён возможности вести какие-либо активные действия» [38]. К концу дня от дивизии мало что осталось. Большинство бойцов и командиров 6-й Кубано-Терской казачьей кавдивизии, не погибших в роковом бою 25 июня, разделили судьбу обескровленной и деморализованной 10-й армии РККА, загнанной войсками Вермахта в печально знаменитый «Белостокский котёл». Но даже этот кровавый кошмар был лишь преддверием ада. То ли ещё будет...

В штабных документах Западного фронта 6-я кавдивизия в последний раз упоминается 29 июня, оперативная сводка явно запоздала, к этому моменту дивизия существовала уже только на бумаге.

Определённой части личного состава 6-й кд всё же удалось избежать смерти и плена «Белостокского котла». Беспрерывные тяжёлые, кровопролитные бои в обстановке общего развала и хаоса, невозможность даже похоронить своих товарищей, безнаказанные массированные налёты авиации и артиллерийско-миномётный огонь вынуждали 6-ю кд, вернее её героические осколки – отходить в сторону Минска, к старой границе. Где, как представлялось дезориентированным бойцам и командирам, группируются свежие силы Западного фронта для отпора агрессору.

Оставаясь едва ли не единственной боееспособной единицей, расплачиваясь

кровью за каждый шаг продвижения вперёд, питаясь буквально подножным кормом – сырым зерном, травой, остатки дивизии отходили «дорогой смерти», так называлась дорога Волковыск – Слоним в сторону Минска. В конце июня 1941 г. район этого шоссе был завален брошенными танками, сгоревшими автомашинами, разбитыми пушками. Но самое главное – на этой дороге полегла огромная масса солдат и офицеров, пытавшихся пробить кольцо окружения. 30 июня казаки вышли на линию старой госграницы, где их ждало столь же ужасающее зрелище разгрома и панической неразберихи, теперь уже «Минского котла». То, что творилось в «минском котле», вообще не поддаётся описанию...

Вываться из немецких «котлов» было почти невозможно. Пауль Карелл, бывший немецкий офицер, в своей книге «Барбаросса: от Бреста до Москвы» (1963) описывает попытку такого прорыва: «...кавалерийская атака захлебнулась. Страшнее никто ничего не видел. Ржанье лошадей. Нет, это не ржанье – лошади кричат, кричат от боли рвущейся на куски плоти. Падают, давя, сбивая с ног друг друга, усаживаются на прошитые пулемётами зады, судорожно молотя воздух передними копытами. «Огонь!» Надо кончать это дело. Кончать. Тем, кто находится у противотанковой пушки, легче – танки, по крайней мере, не вопят».

Последняя группа казаков в количестве 300-350 бойцов, с которой шли остатки штаба и политотдела 6-й кд, которой удалось вырваться из окружения в «Минском котле» отступила в район Орши. Там, в неравных боях, непокорные казаки 6-й Кубано-Терской кавдивизии почти все сложили свои головы или попали в плен.

Вспоминает казак 94-го Кубанского Северо-Донецкого кавполка, уроженец Краснодара Евгений Константинович Литвиненко: «...Мы вначале изрубили немцев под Сокулкой, потом пошли дальше на восток. И под Волковыском они нас хотели задержать. Пошли на прорыв, и вышли к какой-то речушке. Я и не знал, как она называется. С одной стороны высотки, с другой река. Нас загнали между высотками и берегом, и тут налетели штурмовики и начали нас расстреливать. Лошади сбиваются в кучу, а они нас поливают из пулемётов... И когда мы переправились через эту

речушку, в нашей группе всего 17 человек живых было. А сколько ещё прорвалось в других местах, я не знаю...» [39].

В парадном строю на Красной площади 24 июня 1945 года казаки 6 кд не стояли, официально дивизия была расформирована 19 сентября 1941 года. Так закончился путь легендарной кавалерийской дивизии, имевшей официальный статус «казачьей», из-за «ошибок» стратегов полёгшей полностью, казалось бы, не за понюх табака. Такова была «цена» Победы. Упрекнуть казаков в чем-то сложно, совесть их чиста, несмотря на чудовищные потери, сражались достойно и долг свой исполнили до конца. «Блицкриг» впервые застыл именно на них, их безнадёжные контратаки, получасовые задержки немецких колонн – небольшой, но вклад в итоговое его торможение. Они останавливали Смерть, наше тотальное уничтожение. Эти люди действительно умирали для того, чтобы мы жили. Если бы этого они не сделали, не сделал бы никто. Потому забывать такое нельзя. В списке трофеев Вермахта на Восточном фронте ни одно из знамён 6-й Кубано-Терской казачьей кавдивизии не упоминается. Точная судьба знамён до сих пор загадка. Вероятнее всего, они были либо безвозвратно утрачены в боях, либо спрятаны последними остававшимися в живых казаками и впоследствии так и не найдены. В кадрах Красной армии её решили больше не восстанавливать.

Кому посчастливилось не погибнуть и избежать плена, воевали в партизанских отрядах. К примеру, рядовой кавалерист 6-й кавдивизии Д. Денисенко, сын кубанского казачьего офицера Первой мировой, сумел организовать партизанский отряд, действовавший в Налибокской Пуще [40].

В плену казаки также не запятнали казачьей чести. Командиры кавалерийских полков В.В. Рудницкий и Д.М. Алексеев при прорыве окружения во главе своих полков попали в плен, но на сотрудничество с фашистами не пошли. После освобождения из плена были восстановлены в званиях и продолжили службу, но не в рядах Красной Армии, а в системе НКВД, в БАМЛАГе, на строительстве железных дорог в Сибири.

Командир 6-й кавдивизии генерал-майор М.П. Константинов при прорыве 29 июня из окружения под местечком Россь

был ранен в ноги и спину. Казаки его вынесли на руках и оставили на попечение жителей д. Хатежино у крестьянина Иллариона Даниловича Гуда в Старосельском лесу. Встав на ноги, генерал организовал партизанский отряд, в который вошли его спаситель с двумя сыновьями – Владимиром и Семёном, сумел объединиться с другими отрядами и стал заместителем начальника штаба Минского партизанского соединения. В сентябре 1942 года его на самолёте доставили в Москву. Здесь генерал М.П. Константинов прошёл все проверки, окончил в 1943 году Академию Генерального штаба, стал командиром 7-го гвардейского кавалерийского корпуса, которым командовал до конца войны. За освобождение Польши ему присвоено звание Героя Советского Союза. После войны генерал Константинов пытался собирать сведения о своих бывших подчинённых из 6-й кавдивизии, однако результаты оказались неутешительными: из почти семи тысяч удалых кубанских и терских казаков, принявших свой первый бой в Белоруссии 22 июня 1941 г. до долгожданного мира дожили считанные десятки людей [41].

После войны о 6-й кд и её полках практически забыли, причём в первую очередь те, кто имел самое непосредственное отношение к событиям на Западном фронте в 1941 году. В своих мемуарах военачальники в лучшем случае отрывочно вспоминают лишь о 6-м кавалерийском корпусе.

Маршал Г.К. Жуков, в своих «Воспоминаниях» найдёт в себе силы замолвить слово только о генерале И.С. Никитине, командире 6 кавкорпуса: «Не вышел из боя и генерал И.С. Никитин, который заслуженно имел репутацию умного, волевого и храброго командира кавалерийского корпуса» [42]. О рядовых бойцах, тем более о казаках – ни слова. Полководец даже номера корпуса не вспомнил, догадайтесь сами.

Маршал Советского Союза А.И. Еременко [43], в своих мемуарах, осмысливая события первых дней войны, отметит, что в Москве очень слабо представляли себе обстановку, сложившуюся на фронте: «Задача состояла в том, чтобы быстро вывести из-под удара соединения, находившиеся в приграничных районах, на те рубежи, где можно было организовать жёсткую оборону, а не бросать разрозненные соединения в беспечное в тех условиях контрнаступление.

В итоге этих событий многие наши части оказались в кольце и в неравных боях понесли громадные потери или были полностью уничтожены. Среди этих войск находился и 6-й кавалерийский корпус...» [44].

О судьбе Лещенко Ф.Е. можно только гадать. Согласно документам ЦАМО (Ф. 58. Оп. 977525. Д. 33.), казак Лещенко Филипп Ефимович, 1921 г. рождения, ст. Бесскорбная – вполне конкретно – убит в 1941 году, правда, как и где – неизвестно. По другим данным («Книга Памяти Краснодарского края, 7 том, с. 281) – Лещенко Филипп Ефимович, уроженец ст. Бесскорбной, 1922 г. рождения, призван в 1941 г., пропал без вести в 1941 г. [45].

О нестыковках в датах рождения и причинах невозвращения с войны – «убит» или «пропал без вести», судить сложно. Источник документа ЦАМО – донесение послевоенного периода 1952 г. № 13743. Судя по дате – результат так называемого «подворного опроса» – мероприятий конца 1945–57-х гг. по сбору и уточнению сведений о невернувшихся с войны военнослужащих. В документе ЦАМО сведения более правдоподобные, констатировать «убит» военкомат мог только при наличии похоронки. Категория «пропал без вести» позволяла очень многим и очень долго надеяться на чудо. С Лещенко чуда не произошло, скорее всего, похоронка была.

Обращает на себя внимание то, что обе открытки присланы на школу, а не по месту жительства. Здесь уместно напомнить, что эпистолярные коммуникации советских граждан всегда находились в поле зрения власти, особенно в предвоенный и военный периоды, поэтому вся почтово-телеграфная корреспонденция доставлялась по месту работы или учёбы. Событие получения письма всегда происходило в присутствии какого-нибудь начальства. Открытка, очевидно, пришла в конверте, посылать открытку на школу личные романтические послания вряд ли было позволительно. Отсутствие треугольного штемпеля почтового ящика полевой почты [46] – это вполне подтверждают.

Любопытно, что тогда на территории Белостокской области, практически рядом с Ломжей служили и другие бесскорбненцы. В местечке Россь [47] находился Отюцкий Иван Иванович, 1921 года рождения, призванный в РККА в 1940 году. Отюцкий

служил в стройбате, строил объект № 360 – аэродром [48].

Только в полосе 10 армии в начале 1941 года находилось на оборонительных работах до 70 батальонов и рот общей численностью 40 тысяч человек [49]. Разбросанные по 150-ти километровому фронту и на большую глубину, плохо или вообще невооруженные, они не могли представлять реальной силы. 22 июня бойцы этих бригад отбивались от немцев кувалдами и лопатами. Брошенные на произвол судьбы, не имея вооружения, стройбаты начали отход на восток, создавая панику в тылу. Вот отсюда и байки об одной винтовке на пятерых. Отюцкий тоже пропал без вести.

28.06.1941 года попал в плен в «минском котле» и там погиб другой бесскорбенец – Цапик Георгий Павлович, 1915 г. рождения [50].

Имён Отюцкого Ивана Ивановича и Цапика Георгия Павловича на обновлённом обелиске воинам-бесскорбненцам, павшим в годы Великой Отечественной войны, нет. Почему их нет, и чья это оплошность, вопрос не только к администрации, военкомату, совету ветеранов, «юным жуковцам» и т.д. – вопрос ко всем нам.

P.S. 22 июня – День памяти и скорби – один из самых мрачных дней в нашей современной истории. «Никто не забыт, ничто не забыто» – мне лично хочется верить этим словам, но почему-то не верится... Нетрудно заметить, что о войне, и кто в ней действительно участвовал, мы помним лишь пару дней в году – до следующего 9 мая. Официальная помпа давно стёрла то истинное значение этого дня, которое должно быть на самом деле. После памятной даты рвение граждан «помнить» как-то напрочь ослабевает, почти сводится к нулю. О тех, кто с войны не вернулся, кто собственно принёс нам эту Победу, мы до сих пор толком ничего не знаем... Простое «гугление» в интернете даёт полсотни бесскорбненцев, которых нет на обелиске погибшим воинам в Бесскорбной. Почему? Но эта ситуация никого не смущает. Главное, что победили, очередной раз прикрепим георгиевские ленточки и устроим салют во всё небо! Мы победили!?

И напоследок. О войне можно узнавать из разных источников, даже вот из таких, как эта невзрачная довоенная открытка. Казалось бы – кусочек картона, а

чуть поглубже копнёшь – целая история получается, трагическая, которую забывать не имеем права...

Примечания:

1. Почтовая карточка или пост-карта (от нем. Postkarte) – вид почтового отправления с письменным сообщением, не запечатанное в конверт, а выполненное на специальном стандартном бланке из плотной бумаги или картона. Почтовые открытки впервые появились в Австрии 1 октября 1869 года. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Почтовая_карточка.

2. BCXB. Павильон «Пчеловодство». URL: <https://pastvu.com/p/300376>.

3. «Белостокский выступ» – советская территория, выступающая крутой дугой в сторону оккупированной тогда Германией Польши. Предвоенное понятие «белостокский выступ» с первых же дней Великой Отечественной превратилось в «белостокский котёл», в котором оказалась значительная часть войск советского Западного фронта. В этом смертельном мешке, накануне войны скованные тайными авантюрами замыслами Генштаба, очутились целых 3 армии. Зачем их, заранее обречённых на окружение в случае войны, славные сталинские полководцы «напихали» в эту ловушку – поныне загадка.

4. Закон 1936 года отменял ограничения по классовому признаку всего лишь на призыв в армию, в военные училища по-прежнему принимали только детей рабочих и крестьян. Подтверждение этому – знаменитые бескорбейцы, генерал Потоцкий Г.В. и адмирал Деревянко К.И., все они не казачьего происхождения.

5. Совпадение это или нет, но одним из следствий кампании «За советское казачество» стало модно рядиться в «кубанцев»! Казачьи мотивы в одежде в конце 30-х пользовались огромной популярностью. Примечательно, что этой кубано-гардеробной моде выходцы из казачьего сословия не придавали большого значения, надевать свои привычные черкески казаки не спешили. Зато таскать бешметы и наборные пояса стали все, кому не лень. Особенно в них обожали облачаться представители советских провинциальных руководителей мелкой и средней руки. Мода даже проникла в кино: вспомним, как был одет товарищ Бывалов из любимого фильма товарища Сталина «Волга-Волга»!

6. Интересен и тот факт, что, начав создавать казачьи дивизии в 1936 г., советская власть создавала донские, кубанские, терские части, была даже создана одна оренбургская казачья дивизия (89-я, потом 11-я), правда, в кубанской форме! Однако так и не появилось уральских, сибирских, семиреченских, енисейских, иркутских, якутских, забайкальских, амурских, уссурийских казачьих частей. По Забайкалью ответ, возможно, в том, что участники собрания по возрождению забайкальского казачества были собраны специально из бывших «красных партизан» и большинством проголосовали «против», меньшинство же, которое было «за», было быстренько отправлено по лагерям. Ну а уральцы, сибирцы и «семиречи» – тут, видно, сказалось то, что про них вообще было решено партийной властью не вспоминать, т.к. земли их и самих их, кто остался, всунули в никогда ранее не существовавшую Казахскую ССР – и решила, видимо, партийная власть «своих казахов» не обижать.

7. По мнению «старых большевиков», Сталин тогда изменил делу революции. «Восстановление казачьих лампасов и чубов» не всем было по нутру, особенно в верхах и чекистских кругах. О накале страстей говорит следующее свидетельство: «На праздновании годовщины ОГПУ, которое состоялось в декабре 1935 г. в Большом театре, всех поразило присутствие группы казачьих старшин в форме царского образца... Взгляды присутствовавших более устремлялись в сторону воскрешённых атаманов, чем на сцену. Бывший начальник ОГПУ, отбывавший когда-то каторгу (имеется в виду зампред ОГПУ в 1926–1930 годах), впоследствии репрессированный Меер Трилиссер – прошептал, обращаясь к сидевшим рядом коллегам: «Когда я на них смотрю, во мне вся кровь закипает! Ведь это их работа!» – и наклонил голо-

ву, чтобы те могли видеть шрам, оставшийся от удара казачьей шашкой».

8. Потом удивляемся, почему на Кубани, Дону и Северном Кавказе наряду с красными кавдивизиями казачье население, замордованное большевиками в 30-х годах, с приходом вермахта формировало и для него полки и нещадно уничтожало коммунистов и комиссаров, а в 1943 году народ табором повалил оттуда вместе с отступающими частями немецкой армии.

9. Трагическая атмосфера тех лет затронула практически каждую кубанскую семью и глубоко переплетена с семейными историями, прежде всего как фактор жизни и смерти, можно сказать – судьбы. В базе данных «Мемориала» (URL: <http://lists.memo.ru/d26/f323.htm>) есть информация на Пичугина Ивана Даниловича, это родной брат Нины. Родился в 1910 г., Краснодарский кр., Армавирский р-н, ст. ца Бесскорбная; русский; чл. ВЛКСМ с 1931 г.; зав. красноармейской столовой, пом. ком. взвода, 192 полк войск НКВД. Проживал: Краснодарский кр., Армавирский р-н, ст. ца Бесскорбная. Арестован 1 июля 1937 г. Приговорен: отделом военного трибунала ПриВО внутренних войск НКВД ТАССР 22 ноября 1937 г., обв.: 58-10 ч. 1. («подрыв воинской дисциплины, боеспособности Красной армии, агитация против мероприятий Сов. вл.»). Приговор: 10 лет ИТЛ, поражен. прав на 5 лет. Реабилитирован 6 июня 1995 г. Источник: Книга памяти Республики Татарстан.

10. В июле 1937 года был принят печально известный приказ НКВД № 00447 (Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов») – секретный приказ НКВД от 30 июля 1937 года (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 52-54). На основании этого приказа с августа 1937 года по ноябрь 1938 года 390 тыс. человек были казнены, 380 тыс. отправлены в лагеря ГУЛАГа. Таким образом, установленные первоначально квоты – репрессировать 268,95 тыс. человек, из которых 75,95 тыс. расстрелять, были превышены в несколько раз. Операция по этому приказу стала крупнейшей массовой операцией Большого террора. К репрессированным лицам относились: бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания или сбежавшие из лагерей и трудовых поселений; скрывающиеся от раскулачивания и уличённые в антисоветской деятельности. Бывшие кулаки и социально опасные элементы, которые находились в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях. Члены антисоветских партий, резмигранты, скрывающиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и ведущие активную антисоветскую деятельность. Участники казачьих и белогвардейских организаций. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержатся в тюрьмах, лагерях, трудовых поселениях и колониях. Уголовники, а также преступники, которые содержатся под стражей, но чьи личные дела судебными органами ещё не рассмотрены. Уголовники, находящиеся в лагерях и трудовых поселениях и ведущие там преступную деятельность.

11. Несмотря на яркий след, который оставили кубанские казаки в Великой Отечественной войне, после войны поддержка казачьей этнокультурной самобытности в СССР стала неактуальной и довольно быстро прекратилась. Песня Цезаря Солодаря на музыку Дмитрия Покрасса «Казаки в Берлине» и фильм Ивана Пырьева «Кубанские казаки» стали своеобразными памятниками стремительно исчезающему явлению «советского казачества». Клубы и кружки «ворошиловских всадников» также поспешно, как и появились, прекращали своё существование, а ликвидация в начале 50-х годов казачьих частей в Советской армии явилась уже завершением этого процесса. Казачество снова станет полузапретной темой, такой экзотикой, в рамках которой разрешалось создание музейных экспозиций, фольклорных ансамблей.

12. Движение «ворошиловских всадников» зародилось в конце 1935 г. и в предвоенные годы было чрезвычайно популярно. Прежде всего, на землях бывших казачьих войск. Его курировали партийные и комсомольские работники. 4

III. История Кубани в новое и новейшее время

марта 1936 года Центральный совет Осоавиахима утвердил большой и серьёзный список норм, а также знаков «Ворошиловский всадник». В 1936 году бесскорбенцу В.Л. Поднебесному, одному из первых в Советском Союзе, маршал С.М. Будённый вручил знак «Ворошиловский всадник». На конноспортивных соревнованиях Василий показал своё мастерство, заняв первые места по джигитовке и рубке лозы.

13. Парадная форма кубанских частей состояла из темно-синей черкески с красными обшлагами рукавов, рядами газырей серебристого металла на груди (обычно газыри изготовлялись из латуни или алюминия; бойцы быстро приспособили их под хранение свёрнутых трубочкой писем из дома). Под черкеской носился красный бешмет, у комсостава обшитый по застёжке золотистым сутажом или галуном, у политеостава – черным. Уставной поясной ремень в парадном строю заменялся на тонкий «наборный» пояс с украшениями из серебристого металла, «общекавалерийские» сапоги – на мягкие кавказские; носилась также кавказская шашка. Головным убором, причём как парадным, так и повседневным, при зимней форме являлась круглая папахакубанка с красным донцем, перекрёстным у личного состава черным сутажом, у начкомсостава (командиров, политработников и т.д.) – золотистым (или галуном). При парадной и повседневной форме одежды носились широкие казачьи шаровары синего цвета с красным кантом. К зимней форме одежды полагалась чёрная бурка-«крылатка» и красный башлык, эпатажно закидывавшийся на спину. Форма терских частей отличалась от кубанской тем, что черкеска была «серо-стальной», а ее обшлага, бешмет, донце папачи, башлык и кант шаровар – светло-синими. Для начкомсостава кубанских и терских казачьих частей был также введён повседневный бешмет защитного цвета. Петлицы, нашивавшиеся при парадной форме на воротник чекмена, были установленного для кавалерии РККА синего цвета, с золотистой окантовкой у комсостава и с черной – у политеостава. За вышеупомянутыми отличиями, полевая и повседневная форма казаков были принятого для всей Красной армии образца. URL: http://samlib.ru/m/mihail_kozhemjakin/6_kavdivizia_rkka.shtml.

14. Перевес «иногогородних» на казачьих территориях был ещё до 1917 г., а после того как усилиями большевиков казачество существенно поредело, этот перевес стал подавляющим.

15. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 7-е изд. М.: АПН, 1986. Т. 1. С. 253.

16. На начало войны 6-й кавкорпус состоял из управления корпуса и двух кавалерийских дивизий бывшей легендарной 1-й Конной армии, хранивших богатые боевые традиции Гражданской войны: 6-й Чонгарской Кубано-Терской дивизии (командир – генерал-майор М.П. Константинов, штаб и части размещались в районе Ломжи) и 36-й кавдивизии (командир – генерал-майор Е.С. Зыбин, штаб и части – в районе Волковыска). 6-я кд находилась в первом эшелоне, а 36-я кд – во втором эшелоне оперативного прикрытия.

17. См. статью об участии Пограничных войск в ВОВ: Военно-исторический архив. 2002. № 6.

18. Штатно кавалерийские дивизии 1941 г. имели четыре кавалерийских полка, конно-артиллерийский дивизион (восемь 76-мм пушек и восемь 122-мм гаубиц), танковый полк (64 танка «БТ»), зенитный дивизион (восемь 76-мм зенитных орудий и две батареи зенитных пулемётов), эскадрон связи, сапёрный эскадрон и др. тыловые части и учреждения. Кавалерийский полк, в свою очередь, состоял из четырех сабельных эскадронов, пулемётного эскадрона (16 станковых пулемётов и четыре 82-мм миномёта), полковой артиллерии (четыре 76-мм и четыре 45-мм орудия), зенитной батареи (три 37-мм орудия и три счетверённых «максима»). Общая штатная численность кавалерийской дивизии составляла 8968 человек и 7625 лошадей, кавалерийского полка соответственно 1428 человек и 1506 лошадей. URL: <http://www.bibliotekar.ru/antisuvorov/45.htm>.

19. Соединения РККА в годы Великой Отечественной войны посвящён материал. URL: <https://rkkawwii.ru>.

20. В ночь на 22 июня Жуков подписывает Директиву № 1: «Не поддаваться ни на какие провокационные действия... никаких других мероприятий без особого распоряже-

ния не проводить». Эта директива прямо воспрещала вводить в действие план прикрытия государственной границы и поднимать войска по тревоге: будет особое распоряжение из Москвы – объявите тревогу, не будет – поплатитесь головами, если объявите. Интересно, что эту срочнейшую директиву Генштаб передавал в округа целых 2 часа.

21. 94-й кавалерийский. URL: <http://www.rkka.ru/memory/belostok/94kp6kd.htm>.

22. Материалы сайта. URL: <http://www.belta.by/society/view/dose-podvig-pogranichnikov-v-pervye-dni-velikoj-otechestvennoj-197320-2016>.

23. Немецкая пехотная дивизия могла иметь на вооружении орудий полевой артиллерии: 74 пушки и гаубицы калибров 75-105 мм, орудий противотанковой артиллерии – 75, миномётов – 138, зенитных орудий – 12, пулемётов, автоматов – 1380 (Залесский К.А. Вооружённые силы III Рейха. Вермахт, люфтваффе, кригсмарине. 2008. С. 165–166).

24. ЦАМО РФ. Ф. 16. О. 2951. Д. 243. Л. 4–34. URL: <http://www.rkka.ru/docs/plans/zapovo.htm>.

25. Дивизия насчитывала 6 759 человек личного состава (при штатах в 8 968 чел.), из них – 608 чел. начкомсостава и 1 068 младшего начкомсостава; 5 758 лошадей (при штатах в 7 625 лошадей), в т.ч. – 4 122 строевых, 1 054 артиллерийских, 582 обозных; 175 автомашин, в т.ч. – 13 легковых, 91 грузовую, 71 специальную; 10 мотоциклов; 6 тракторов; 132 автоматических винтовки и автомата; 4967 винтовок и карабинов; 2408 револьверов и пистолетов; 155 ручных пулемётов; 64 станковых пулемёта; 15 зенитных пулемётов; 20 45-мм противотанковых орудий; 24 76-мм полевых орудия; 4 76-мм зенитных орудия (при штатах в 8 орудий); 8 122-мм гаубиц; 48 танков БТ-7 (при штатах в 64 танка); 9 бронеавтомобилей БА-21 (при штатах в 18 бронеавтомобилей). (Справочник по боевому использованию кавалерийских дивизий за период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кн. 2. С. 43, 44.)

26. Егоров Д.Н. 30 июня 1941. Разгром Западного фронта. М.: Яуза; Эксмо, 2008. С. 49.

27. Шарль Морис де Талейран-Перигор (фр. Charles Maurice de Talleyrand-Périgord; 2 февраля 1754, Париж – 17 мая 1838, там же) – князь Беневентский, французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при трёх режимах, начиная с Директории и кончая правительством Луи-Филиппа. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Талейран-Перигор_Шарль_Морис_де.

28. Материалы сайта. URL: <http://maxpark.com/community/14/content/2761115>.

29. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 3038сс. Д. 15. Л. 17. Машинописная копия. URL: http://www.teatrskazka.com/Raznoe/SbornikBoevyhDokumentov/Issue35/Issue35_143.html.

30. Ни одна из 489 пограничных застав на западной границе не отошла без приказа – или все погибали, защищая Родину, или же выжившие отходили только по приказу вышестоящего командования. URL: <http://liewar.ru/tragediya-22-iyunya/309-tragediya-22-iyunya-itogi-istoricheskogo-rassledovaniya.html>.

31. Материалы сайта. URL: <http://rubon-belarus.com/japomnju/91-----13---87--->.

32. Материалы сайта. URL: <http://moypolk.ru/armavir/soldiers/raykov-grigoriy-andreevich/detailinfo>.

33. Погибших бойцов обычно закапывали в братские могилы, которыми служили воронки от авиабомб, бывшие окопы, блиндажи, природные овраги и дорожные кюветы.

34. Этот вывод можно сделать на основании немецких боевых расписаний, так как сведения разведки Западного военного округа о противнике крайне отрывочны и недостоверны.

35. Болдин И.В. Страницы жизни. М.: Воениздат, 1961; URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/boldin/index.html>.

36. Находясь в панической прострации, полководцы Западного фронта в «Боевом распоряжении от 23 июня 1941 г. командующему войсками 10-й армией на оборону рубежа Забеле, Визна, Сураж, Гайновка» отдали совершенно фантастический приказ «6-ю кавалерийскую дивизию 24.6.41 г. сосредоточить в районе Свислочь в готовности 25.6.41 г. вести ею решительное наступление направлении Пружаны». Достаточно посмотреть на карту, чтобы понять, что для

выполнения этого плана казакам предстояло проделать ещё один, почти 100-километровый марш и перейти с северного фланга «Белостокского выступления» на южный. URL: http://samlib.ru/m/mihail_kozhemjakin/6_kavdivizia_rkka.shtml.

37. Катастрофа на «Белостокском выступе». URL: <http://vpk-news.ru/articles/6507>.

38. См.: В июне 1941 г. Воспоминания участников первых боев на Гродненщине / Под ред. Р.И. Карачун. Гродно, 1997.

39. Журнал «Казарла». 2009. № 3, декабрь. URL: <http://kazarla-journal.livejournal.com/31918.html>.

40. Подробнее о 6-й Кубано-Терская казачьей кавдивизии РККА в боях лета 1941 г. URL: http://samlib.ru/m/mihail_kozhemjakin/6_kavdivizia_rkka.shtml.

41. 6-я Кубано-Терская казачья кавдивизия РККА в боях лета 1941 г. URL: http://samlib.ru/m/mihail_kozhemjakin/6_kavdivizia_rkka.shtml.

42. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 265.

43. 28 июня генерал-лейтенант А.И. Ерёмченко был назначен новым командующим Западного фронта вместо предыдущего командующего генерала армии Д.Г. Павлова, который был отлучён от командования и вскоре расстрелян. 30 июня вступил в командование фронтом, которым руководил до прибытия маршала Тимошенко, который был назначен командующим фронтом 2 июля, прибыл в войска 4 июля, после чего оставлен заместителем командующего Западного фронта. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/мен-ко,_Андрей_Иванович#.D0.92.D0.BE.D0.B8.D0.BD.D1.81.D0.BA.D0.B8.D0.B5_.D0.B7.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.8F.

44. Ерёмченко А.И. В начале войны. Глава 2. Война началась. М.: Наука, 1965; URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/eremenko_ai_1/02.html.

45. Книга Памяти. (Российская Федерация. Краснодарский край). Краснодар: Краснодарское. кн. изд-во, 1997. Т. 7. С. 281.

46. 3-й Кубано-Белореченский полк имел номер — п/я 19/17. См.: Список номеров почтовых ящиков войсковых частей Западного особого военного округа по состоянию на 10 марта 1941 года в местных почтовых отделениях связи / К.Б. Стрельбицкий. М., 2009.

47. Под Россью был ранен командир 6-й кавдивизии генерал-майор М.П. Константинов.

48. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 1312.

49. Попов В. 1941: тайна поражения / Послесловие Юрия Кублановского. Новый мир. 1998. № 8.

50. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 1674.

пропаганды возрастает в кризисные моменты существования общества, поэтому в период Великой Отечественной войны советская пропаганда приобретает тотальный, всеобъемлющий характер.

На примере кубанской прессы военного времени можно рассмотреть весь спектр воздействия советской пропагандистской машины в отношении гражданского населения: от популяризации идеи защиты советской Родины и призыва сплотиться вокруг партии Ленина – Сталина, до усиления звучания контрпропаганды, бичующей врагов как внутренних (трусы, паникеры, дезорганизаторы тыла), так и внешних (фашистских агрессоров).

Как известно, фашистские агрессоры оккупировали территорию Кубани летом 1942 года, после чего здесь был установлен жесткий оккупационный режим. Пропаганда и идеологическая обработка населения проводилась в основном через газеты, которые издавались почти во всех оккупированных районах Краснодарского края. В краевой столице рупором германской пропаганды являлась газета «Кубань», на страницах которой регулярно появлялись материалы, прославляющие германскую победоносную армию, освободившую Кубань от владычества большевиков.

Вследствие того, что в планах Германии региону Северного Кавказа отводилась роль плацдарма для экспансии в направлении нефтеносных районов Ирана и Ирака, то возможное сопротивление северокавказских народов было бы весьма нежелательным для оккупантов. Поэтому германская пропаганда обещала народам Северного Кавказа автономию, национальную свободу, восстановление права собственности, свободу вероисповедания и достойную жизнь при «новом порядке».

Необходимо отметить, что в начальный период Великой Отечественной войны население Кубани подвергалось идеологической обработке как со стороны советской власти, так и со стороны германского оккупационного режима, который функционировал на территории Краснодарского края в период с июля 1942 г. по октябрь 1943 г. Целью работы как одной, так и другой пропагандистской машины было привлечение на свою сторону населения края, создание социальной опоры для своей власти, вовлечение наибольшего числа людей в трудовой

Л.В. Радичко

**Направленность, акценты и механизм
воздействия
советской и германской пропаганды
в отношении населения Кубани
в начальный период Великой
Отечественной войны (1941–1942 гг.)**

Политическая пропаганда представляет собой целенаправленное распространение и утверждение в общественном сознании тех или иных идей, взглядов, суждений, оценок. С помощью пропаганды распространяемые идеи доводятся до сознания каждого человека и оказывают влияние на формирование его поведения в желательном направлении. Значение политической

процесс на пользу своего государства. Как та, так и другая сторона использовала сходные пропагандистские приемы: критику и очернение политики оппонента, апологию действий вождя режима, дифференцированный подход к определенным категориям населения, призыв к сотрудничеству и агитация в поддержку мероприятий, проводимых той или иной властью.

Рассмотрим подробнее направленность, акценты и механизм воздействия, как советской, так и оккупационной пропаганды, их действенность и результат.

Критика враждебного режима.

В основе нацистской пропаганды лежала критика сталинского режима. Уже в первых номерах оккупационной прессы подчеркивалось, что большевики развязали настоящую войну против своего народа: «много людей было замучено в казематах НКВД, много сослано в Сибирь»; «много-страдальная Кубань перенесла много бед от жидо-большевистской власти» [1]. Подчеркивая роль НКВД в проведении широких политических репрессий против своего народа, оккупационные пропагандисты называли его «наркоматом государственной опасности» [2].

Особое внимание уделялось коллективизации и раскулачиванию, когда «тысячи опухших от голода людей расстреливали, сажали в тюрьмы, выселяли». Указывалось также на то, что советская власть уничтожила русскую культуру: «храмы были превращены в вертепы, а школа в агитационный клуб», что «господство жидов» нанесло непоправимый ущерб сельскому хозяйству, а политика «выжженной земли», проводимая по приказу Сталина, стоила Кубани более 570 млн. рублей, к тому же свыше 20 тысяч человек стали безработными в результате ликвидации их предприятий [3].

В Адыгее в оккупационной прессе в пропагандистских целях сообщалось о том, что в подвале местного НКВД, при вступлении немецких войск в Майкоп, было найдено около 70 сожженных трупов. Сообщение начиналось с призыва: «Горцы! Знайте о кровавой расправе чекистов над вашими братьями!». На страницах этой же газеты передовая статья заканчивается оптимистическим утверждением: «теперь, когда наша Адыгейская область освобождена от клещей красного дракона, она свободно вздохнула и принимается за устройство новой счастливой жизни» [4].

Что касается советской пропаганды, то она не скупилась на эпитеты в отношении фашистских оккупантов: «клика кровавых фашистских правителей», «двухногие звери», «банда людоеда-Гитлера» и т.д. Заголовки статей в газете «Большевик» первых дней войны говорят сами за себя: «Разгромим врага», «Раздавим фашистскую гадину!», «Волна народного гнева», «Смерть фашистским разбойникам!» и т.д.

Советская пропаганда военного времени прилагала много усилий для формирования собирательного «образа врага» - фашистского оккупанта, несущего смерть и разрушения. Призыв: «Раздавим фашистскую гадину!» сопровождался в газетах рисунком, на котором был изображен красноармеец, штыком винтовки пронзающий змею с высунутым жалом [5]. Как известно, змей в народном представлении еще с начала Руси олицетворяет собой силы зла. Интересно, что изображение красноармейца напоминает близкое по смыслу изображение святого Георгия Победоносца, вонзающего свое копьё в змея, что символизирует победу добра над злом. Обращение советской пропаганды к народным истокам проявляется в следующем призыве к разгрому врага, который приобретает почти былинное звучание: «Не топтать фашистскому сапогу советской земли, не летать черным коршуном над необъятными просторами нашей Родины!» [6]. Советская пропаганда активно разоблачала захватническую сущность «нового порядка» на Кубани, например, введение немцами нового порядка землепользования сопровождалось следующей критикой в советской прессе: «Сейчас они дали вам землю – вы её засеиваете. Но если гитлеровцы дальше будут находиться на нашей земле, они отберут у вас весь урожай и увезут его в Германию. Фашистские бандиты – это волки в овечьей шкуре» [7]. Много публикаций в кубанской прессе военного времени было посвящено зверствам гестапо, уничтожению жителей с помощью «душегубок» и другим репрессивным акциям немецких оккупантов на Кубани.

На этом материале по «горячим следам» сразу после освобождения края была создана книга И. Юдина «Следы фашистского зверя на Кубани», где подвергается моральному осуждению политика «выжженной земли», реализуемая оккупантами по приказу Гитлера перед отступлением и уходом с территории Кавказа: «в звериной

злобе к русским людям гитлеровские мерзавцы, отступая под ударами Красной Армии, уничтожили все, что не могли сожрать или увезти с Кубани. Развалины и пожарища, рвы, наполненные трупами советских людей, груды обгоревших человеческих костей – вот страшные следы фашистского чудовища, проползшего по Кубани» [8].

Апология действий вождя.

В центре как германской, так и советской пропаганды всегда находился образ вождя нации – мудрого, великого, всесильного, ведущего народ к передовым свершениям. В оккупационной прессе в ряде статей описывался рельефный образ Адольфа Гитлера – вождя нации, проникшегося нуждами народа и много сделавшего для его процветания. В частности, указывалось на то, что «в Германии также было тяжело трудовому народу, пока великий вождь Адольф Гитлер не выгнал из своей страны всех капиталистических эксплуататоров и не ввел национал-социализм» [9].

Среди пропагандистских материалов, рассылаемых всем бургомистрам, старостам, управляющим можно выделить иллюстрированный журнал «Современная Германия». Содержание журнала должно было убедить в превосходстве немецкого государства и немецкого образа жизни. Фотоиллюстрации показывали немецкие города, заводы, пароходы, железные дороги, фермерские хозяйства, жилищные поселки – и везде на этом фоне улыбающиеся лица немецких крестьян, рабочих, горожан и т.д. На последней странице фотографии запечатлели улыбающегося фюрера с немецкой девочкой на руках, министра Геббельса среди рабочих, министра Розенберга среди крестьян, рейхсмаршала Геринга среди детей. Задается вопрос: «почему же Германия достигла таких блестящих успехов?» Ответ: «разгадка в гениальной личности Адольфа Гитлера и его национал-социалистическом учении. Фюрер сам вышел из народа и хорошо понимает его нужды, а его министры постоянно держат связь с народом и заботятся о его благосостоянии» [10].

Для того чтобы сформировать положительный образ своего вождя в глазах оккупированного населения, на улицах вывешивались плакаты с изображением Гитлера и улыбающегося русского крестьянина сопровождавшиеся надписью: «Фюрер дал мне землю» [11].

Что касается прославления образа вождя советской прессой, то она, еще до войны, наделяла главу государства Сталина различными превосходными эпитетами: «отец и учитель», «великий продолжатель дела Ленина», «зодчий социализма», «гениальный полководец», «военный гений», «корифей науки», «друг детей», «великий вождь всех времен и народов» и т.д.

С началом войны образ Сталина был поставлен в центр советской пропаганды. Широко известный всему народу агитационный призыв военных лет: «За Родину, за Сталина!» впервые прозвучал в советской прессе уже на следующий день после начала войны. Советская пропаганда связывала надежды победить жестокого врага с именем Сталина: «Сталин с нами – победа обеспечена!» – такие лозунги печатались крупными буквами на передовых страницах газет [12].

Как правило, исходной точкой очередной пропагандистской волны становились опубликованные в центральных газетах или произносимые по радио речи Сталина, которые затем тиражировались краевой, областной или районной прессой. Произнесенные им призывы «отрешиться от благодушия и беспечности», «перестроиться на военный лад» способствовали психологической перестройке миллионов советских людей, что явилось необходимым условием победы над врагом.

В своем обращении к советскому народу 6 ноября 1941 г. Сталин призывал устранить у нас недостаток танков и самолетов, объясняя этим неудачи Красной Армии в первый период войны. Это было сразу же подхвачено советской прессой и привело к многочисленным акциям по сбору средств на строительство военной техники. Так слово вождя получало реальное воплощение.

Призыв к сотрудничеству.

Советская пропаганда, призывая народ к объединению перед лицом грозной опасности, использовала дифференцированный подход, апеллируя к тем или иным слоям населения (колхозникам, рабочим, военнообязанным, учителям, школьникам, женщинам-домохозяйкам и т.д.), нацеливая их на определенные действия: рабочих – на перевыполнение плана, колхозников – на снабжение фронта, школьников – на сбор металлолома, помощь в уборке урожая и т.д. Главный тезис советской пропаганды,

тиражируемый всеми средствами коммуникации – помощь фронту и доблестной Красной Армии, воюющей с жестоким врагом.

Массированное воздействие советской политической пропаганды было направлено на советское колхозное крестьянство, которое должно было кормить и снабжать всем необходимым фронт и страну. Наибольшее количество публикаций в кубанской прессе военного времени содержит в себе прямое или косвенное обращение к «казакам-колхозникам», которых товарищ Сталин призвал «работать на полях, не покладая рук и давать фронту и стране все больше и больше хлеба, мяса, сырья для промышленности» [13]. Обращение советской пропаганды носит конкретный характер, призывает к определенным действиям: «Уберем вовремя урожай с наших полей!», «Создадим могучее народное ополчение!», «Увеличим производство винтовок, пулеметов, орудий, снарядов, самолетов, танков!», «Организуем охрану заводов и электростанций!».

В этой связи самый главный агитационный призыв военных лет – сплотиться вокруг партии Ленина-Сталина, объединить все силы для разгрома врага, обрел понятную всем и каждому формулировку: «Все для фронта, все для победы!».

Немецкая пропаганда на оккупированной территории Кубани также призвала население к сотрудничеству с оккупационной администрацией, делая акцент на преимуществах «нового порядка» по сравнению с прежней советской властью. Так, например, публикация в газете «Кубань» от 7 января 1943 года под названием «Германия дает хлеб и работу» всячески расхваливала условия жизни восточных рабочих в рейхе: «Нам дают большой паек..., по воскресеньям мы ходим в цирк или в кино...» [14]. Однако реалии политики оккупантов входили в видимое противоречие с пропагандистскими лозунгами, чем было обусловлено отсутствие позитивных результатов.

Главным различием в содержании пропагандистских материалов обеих враждующих сторон было то, что советская пропаганда могла указать и указывала ясную и понятную каждому советскому человеку цель – защитить свое Отечество от опасности завоевания и уничтожения. При этом советская пропаганда апеллировала к патриотическим чувствам людей, нацеливая их

на определенные действия: выращивать хлеб, ковать металл, обучаться военному делу, помогать фронту всем, чем только можно. Так пропагандистское слово воплощалось в реальность, служило проводником политики правительства, способствовало укреплению фронта и тыла, а также консолидации народа вокруг руководящего центра.

Что касается германской пропаганды, то ее главная проблема заключалась в невозможности указать ясную политическую цель оккупационного режима в России. Это не значит, что подобной цели не было в реальности. Она, разумеется, была и состояла в завоевании и порабощении советской страны – но ее никак нельзя было пропагандировать. Напротив, пропаганда как раз и была призвана скрыть и замаскировать эту цель путем восхваления «нового порядка», который в нацистской трактовке был значительно лучше «старого» – т.е. советской власти. Однако, реальная жизнь советских людей в оккупации, ощутивших на себе все «прелести» этого порядка, резко отличалась от оптимистичной картины, нарисованной германской пропагандой, вследствие чего она воспринималась с недоверием.

В заключение необходимо отметить, что крах оккупационного режима на Кубани во многом был обусловлен провалом германской пропагандистской политики.

Примечания:

1. Кубань: Оккупационная газета. Орган управы бургомистра г. Краснодара. 1942. 26 сентября. № 1.
2. Там же.
3. Кубань: Оккупационная газета. Орган управы бургомистра г. Краснодара. 1942. 20 октября. № 8.
4. Майкопская жизнь: Оккупационная газета. Издание городской управы. 1942. 15 октября. № 17.
5. Большевик: Орган Краснодарского крайкома и горкома ВКП(б) и краевого совета депутатов трудящихся. 1941. 23 июня. № 146.
6. Большевик: Орган Краснодарского крайкома и горкома ВКП(б) и краевого совета депутатов трудящихся. 1941. 23 июня. № 146.
7. Большевицкая правда: Орган Крымского райкома ВКП(б) и райисполкома. 1942. 4 ноября. № 121.
8. Юдин И. Следы фашистского зверя на Кубани. М.: ОГИЗ, 1943. С. 28.
9. Цит. по: Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943). Майкоп, 2000. С. 76–77.
10. ЦДНИКК Ф. 1774 – р. Оп. 2. Д. 1450. Л. 182.
11. Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 78.
12. Большевик: Орган Краснодарского крайкома и горкома ВКП(б) и краевого совета депутатов трудящихся. 1941. 3 июля. № 154.
13. Там же.
14. Кубань: Оккупационная газета. Орган управы бургомистра г. Краснодара. 1943. 7 января. № 24.

Н.Н. Суворова, Б.Е. Фролов

**«Кубанские шашки»
1941–1942 годов выпуска для 17-го
Казачьего кавалерийского корпуса**

В 1965 г. народы СССР отмечали 20-ю годовщину победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В Краснодарском крае юбилей инициировал серию публикаций по участию казачьих формирований в боевых действиях на фронтах этой войны. С тех лет историография вопроса стала почти беспредельной, а фактографического материала почти не добавилось. Исследователи по-прежнему увлеченно описывают боевой путь 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, а на военный быт казаков, на проблемы материального обеспечения почти не обращают внимания. Действительно: как на весах истории чаша с портянками, махоркой, уздечками, кинжалами, шашками... может перетянуть чашу с подвигом казака Недорубова, зарубившего в одной конной атаке 70 фашистов.

Стремясь исправить сложившийся перекос, авторы обратились к теме снабжения 17-го казачьего кавалерийского корпуса (с 27 августа 1942 г. – 4-й гвардейский, с 20 ноября 1942 г. – Кубанский) холодным клинковым оружием. Объектом нашего исследования будут шашки, изготовленные на предприятиях (мастерских) Краснодарского края в конце 1941 и первой половине 1942 гг.

Задачи исследования, поставленные в самом начале работы, удалось решить далеко не все. Причина – фрагментарность источниковой базы.

Хранящаяся в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК) делопроизводственная документация краснодарских предприятий оказалась совершенно «пустой» в интересующем нас аспекте. В ней нет даже косвенных намеков на производство оружия. Основным архивным источником стали фондовые материалы Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). В них содержится переписка руководителей различного ранга по вопросам формирования корпуса и изготовления для казаков предметов снаряжения и вооружения.

Надо признаться, что и этот источник информации оказался сильно урезанным,

так как многие дела по интересующей нас тематике по-прежнему остаются под грифом «секретно». Фрагментарность письменных источников, не позволяющая создать цельной и ясной картины происходящих событий, усугубляется терминологической анархией, царящей на страницах документов, авторами которых были партийные, советские и хозяйственные руководители. Холодное оружие называется просто «шашки», «шашки кавалерийские», «шашки кубанские», «клинки», «сабли» и «шашки драгунские».

Последнее определение поставило нас в тупик. Возможно, оно связано с пресловутым «человеческим фактором» и отражает (в данном случае) уровень эрудированности автора. После изучения сохранившихся образцов оружия, удалось установить, что «шашки кубанские» и «шашки кавалерийские» означают два типа шашек, производившихся в крае. Остальные термины являются просто синонимами.

Архивные документы практически ничего не говорят о процессе производства шашек, что для нас особо интересно. Поэтому авторы разыскивали несколько участников описываемых событий и записали их воспоминания. Понимаем, что ретроспективные источники не отмечаются высокой степенью надежности, но сейчас это единственная возможность хоть что-то узнать о технологиях производства местных шашек. Третья группа источников представлена самими шашками. Нам удалось разыскать 7 экземпляров: три шашки хранятся в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике (КГИ-АМЗ), одна – в Усть-Лабинском музее, две – в частной коллекции и одна у ветерана 4-го гвардейского корпуса. Понимаем, что это далеко не репрезентативная подборка, но, тем не менее, ряд общих, характерных для кубанских шашек черт нам уловить удалось.

История Кубанского казачьего кавалерийского корпуса начинается в июле 1941 г., в первый месяц войны, когда в Краснодарском крае стали создаваться первые 15 добровольческих казачьих сотен в качестве отрядов самообороны. «Посаженные на коня», казачьи сотни (вскоре они были реорганизованы в сабельные и пулеметные эскадроны) по ходатайству партийного и советского руководства края в октябре 1941 г. были сведены в дивизии «в

III. История Кубани в новое и новейшее время

порядке добровольности из числа казаков и адыгейцев без ограничения возраста по принципу сотню из района». Обмундированием, снаряжением и холодным оружием эскадроны должны были обеспечиваться силами советских и хозяйственных организаций районов и колхозами края [1]. К декабрю 1941 г. в формировавшихся трех Кубанских ополченческих дивизиях проходили подготовку 6500 казаков, а 4 января 1942 г. они были реорганизованы и зачислены в 17-й корпус РККА как 10, 12, 13-я ккд. 23 февраля 1942 г., в день 24-й годовщины РККА, личный состав принял присягу. Вскоре 10-я Кубанская казачья кавалерийская дивизия была направлена на доукомплектование 12 и 13-й Кубанских казачьих кавалерийских дивизий, а в состав корпуса вошли 15 и 116-я донские казачьи кавалерийские дивизии. С первых боев корпус проявил лучшие воинские качества и стал гордостью Кубани.

Формирование дивизий проходило в крайне тяжелых условиях. Промышленные предприятия края имели серьезные проблемы с поставками металла и оборудования, а у мелких предприятий местной промышленности не было ни специалистов, ни оборудования. Выход нашли в кооперировании производства, который широко был применен и при выпуске холодного оружия. К тому же, необходимо отметить, что накануне в крае было сформировано девять кавалерийских дивизий. Большие трудности возникли с обеспечением эскадронов обмундированием, снаряжением и вооружением. Особенно остро стоял вопрос с изготовлением шашек.

27 октября 1941 г. бюро крайкома ВКП(б) рассмотрело вопрос о производстве кавалерийских шашек и установило план по их выпуску на ноябрь и декабрь 1942 г. Их требовалось 6300 штук. Согласно этому плану поковку шашек должны были производить Краснодарские заводы им. Калинина и им. Седина, предприятия краевого гужевого треста, крайавтоуправления и даже Краснодарский мясокомбинат; шлифовку клинков осуществляли предприятия «Крайметаллосоюза» и завод автоприцепов, а термообработку и сборку – завод противопожарного оборудования. Завод «Октябрь» должен был изготовить 10200 комплектов фурнитуры. На завод «Пожарпром» г. Краснодара (в то время единственный в

СССР завод по производству пожарных лестниц) возлагалось обеспечение предприятий, задействованных на выпуск шашек, чертежами клинков. Директора предприятий обязывались немедленно приступить к работе и обеспечить выполнение плана в установленные сроки [2].

Таблица

План выпуска кавалерийских шашек [3]

Наименование предприятий	Обеспечивает чертежами на изделие	Что выпускает	План в шт.	
			ноябрь	декабрь
1.Завод им. Калинина	3-д противопожар. оборудования	Поковку	500	500
2.Завод им. Седина	- // -	Поковку и термообработку	1000	1000
3.Ремтрест Крайзо	- // -	Поковку, шлифовку	600	600
4.Росглавхлеб	- // -	Поковку	300	300
5.Крайгужтрест	- // -	Поковку	100	100
6.Крайавто управление	- // -	Поковку	100	100
7.Мясокомбинат	- // -	Поковку	50	50
8.Завод Автоприцепов № 5	- // -	Поковку и шлифовку	500	500
9.Завод Октябрь	- // -	Фурнитуру	5200	5200
10.Крайметаллосоюз	- // -	Шлифовку	2100	2100
11.Завод противопожарного оборудования	- // -	Термообработку, сборку	3100	3200

Решения бюро крайкома ВКП(б) не всегда отражали реальное положение дел. Когда в конце ноября подвели первые итоги выпуска оборонной продукции на предприятиях края, то оказалось, что было изготовлено всего только 600 кавалерийских клинков [4], а к концу декабря – около 2000 [5]. Согласно справки заведующего военным отделом крайкома ВКП(б) Егорова А.А. «для вооружения шашками казачьих дивизий, таковых требуется – 10000 штук », но так как ряд районов приступил к их изготовлению на месте, требовалось «изготовить промышленностью края 5000 штук» [6].

Учитывая создавшееся положение, решено было к выполнению плана производства шашек привлечь предприятия железнодорожного транспорта, треста «Майкопнефтекомбинат», пищевой промышленности и ряд др. Так, например, Тихорецкому заводу № 7 установили план на

изготовление в январе 1942 г. 750 клинков. По 1000 шашек ежемесячно в 1 квартале 1942 г. должны были выпускать предприятия треста «Майкопнефтекомбинат» и Краснодарский завод им. Седина. Задание на изготовление еще 9900 комплектов фурнитуры к шашкам в январе-марте 1942 г. установили заводу «Октябрь» г. Краснодара. Работали предприятия, выполняя это спецзадание, «за счет использования внутренних ресурсов без ущерба для основных производственных заданий» [7].

К февралю 1942 г. об успешном выполнении плана доложили Новороссийские мастерские треста «Росглавхлеб»: они изготовили 1000 шашек [8].

Сколько шашек изготовил Госмаслозавод № 3 «Красный пищевик» в станице Усть-Лабинской неизвестно, но качество их было, по воспоминаниям Новикова Б.И., хорошее. «Наш клинок нельзя было отличить от фабричного», – с гордостью вспоминал главный механик завода В.Р. Котелец, – пишет Б.И. Новиков. В этом была большая заслуга заводских мастеров: кузнеца З.П. Грищенко, слесаря П.В. Бочарова, модельщика Н. Дубового [9].

Усть-Лабинский мехзавод краймелестреста также освоил и стал выпускать шашки, одна из них экспонируется в экспозиции КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына.

Полковник в отставке Ф.В. Овсянко рассказывал авторам, как он 17-летним юношей осенью 1941 г. в г. Нефтегорске (ныне станица Нефтегорская Апшеронского района) поступил на работу в мастерскую по ремонту аппаратуры связи треста «Майкопнефтекомбинат», где принял непосредственное участие в изготовлении шашек. Заготовки клинков делал авторемзавод (или авторемонтные мастерские?), а нужный способ закалки клинков подобрал инженер-механик указанных мастерских Алексей Петрович Плахотников. В этих мастерских делали также рукоятки и ножны к шашкам. Всего ими было изготовлено около трех тысяч шашек. Решением рабочего собрания одну шашку с гравировкой и соответствующим приветствием отослали в подарок Сталину. Об этом событии сообщили местные газеты в конце 1941, или в начале 1942 г. К сожалению, запись воспоминаний и ответы на интересующие нас вопросы, нам так до сих пор и не удалось получить [10].

В большинстве районов края своевре-

менно приступили к формированию казачьих эскадронов. По решению Краснодарского крайкома ВКП(б) от 22 октября 1941 г. они должны были быть созданы уже к 27 октября. Численный состав эскадронов был разным. Первоначально, согласно штатному расписанию, в состав полка входило (кроме спецподразделений) четыре сабельных эскадрона по 134 человека в каждом [11]. Позже, когда шло формирование корпуса, численный состав эскадрона увеличился до 170 бойцов. При формировании полков они принимали одинаковую структуру.

В соответствии с казачьими традициями станицы и районы формировали эскадроны, полки и т.д. Это способствовало установлению постоянных связей с местным руководством, участвовавшим в снабжении подразделений продовольствием и фуражом, а в бою – взаимовыручке. Форма одежды у формирующихся эскадронов была разнообразной – от кубанских черкесок до армейских гимнастеров. Парадная форма кубанских казаков включала синюю черкеску, черную кубанку с красным верхом, красный башлык, шаровары и кинжал на тонком поясе.

В конце октября месяца райкомы партии информировали крайком ВКП(б) о проведенной работе по организации эскадронов. Так, в Лабинском районе из 217 заявлений, поданных добровольцами для вступления в казачий эскадрон, зачислено было 194 человека, из них членов и кандидатов ВКП(б) – 43, красных партизан – 143. К 29 октября для эскадрона было отобрано 147 лошадей. В районе предполагалось собрать 50 седел, 50 клинков, 210 уздечек, 210 недоузdkов, а обмундирование изготовить в промартелях за счет хозяйственных организаций района. И, видимо, не надеясь на собственные силы, секретарь Лабинского РК ВКП(б) Шевцов обращается в крайком партии с просьбой: «В нашем районе дело обстоит плохо с **седлами, клинками и обувью** (эти слова в документе подчеркнуты секретарем Краснодарского крайкома ВКП(б) П.И. Селезевым красным карандашом. – *Авт.*). Поэтому просим Вас обязать крайкожпромсоюз дать наряд Лабинской артели кожноопремонт на изготовление для кав. эскадрона седел 150 штук, сапог армейских 170 пар, ботинок армейских 24 пары, а также заслать нам клинков 150 штук». Такие просьбы, наверное, были не

единичны, иначе как объяснить наложенную П.И. Селезнёвым резолюцию на данном документе: «т. Егорову (зав. отделом военной работы крайкома партии. – *Авт.*). Все вопросы, связанные с организацией сотен – эскадронов надо подготовить и решить из каких источников и кто именно будет снабжать недостающим – клинками и др. 31.X.1941 г.» [12].

В ряде районов края в короткие сроки удалось наладить производство клинков в механических мастерских промкооперации и МТС, а также в колхозных кузницах. В Темрюкском районе, например, изготовление клинков организовали на базе механических мастерских местных предприятий. «Всего клинков было изготовлено 580 штук, качество их было признано хорошим», – докладывал крайкому партии в июне 1942 г. председатель Темрюкского городского комитета обороны Долголенко А.Т. [13]. В мастерских Северского района изготовили «167 клинков казачьих» и 104 кинжала [14]. 150 клинков местного производства поступило на вооружение бойцов Приморско-Ахтарского эскадрона [15].

Война требовала крайнего напряжения сил и средств. Изыскивались различные способы, чтобы выполнить поставленные задачи. Местные умельцы использовали для изготовления клинков не только буферные пружины железнодорожных вагонов, но и пружины культиваторов и тракторов. На ножны и эфесы использовали серый (сталистый) чугун вместо бронзы. В Гулькевичском районе кузнецы и слесари совхоза «Кубань» изготовили шашки из стальных пружин культиваторов. Ножны для них изготовил столяр-краснодеревщик из колхоза «Красный Перекоп» Григорий Филиппович Куцеволов [16].

В условиях военного времени, срочности проводимой работы по формированию эскадронов и отсутствия в районах металла местные органы власти разрешали изъятие холодного оружия у населения. Упорненский район «мобилизовал все имеющиеся клинки в районе». Их оказалось всего 19 [17].

По воспоминаниям организатора Пластуновского эскадрона политрука Мацко С.С., в сборе холодного оружия им оказывали помощь комсомольцы и пионеры. Они ходили по дворам, «собирали оружие и сносили в стансоветы» [18].

В Горячеключевском районе «в порядке изъятия в хозяйствах района, изготовления в местных мастерских и приобретения на стороне» в эскадрон было передано «125 сабель-клинков и 30 портупей для сабель» [19].

Для ряда районов вопросы обмундирования и снаряжения личного состава эскадронов оказались самыми трудными, сырьевые ресурсы были практически исчерпаны. Так, секретарь РК ВКП(б) Кагановичского района Искренков докладывал, что на 20 января 1942 г. в эскадроне имелось всего 40 шашек: «Постановление крайкома ВКП(б) от 15 января 1942 г. № 98 о Кубанских казачьих дивизиях полностью выполнить не имеем никакой возможности... все, что могли изыскать и изготовить на месте мы сделали. Больше мы не имеем никакой возможности внутри района изыскать или изготовить недостающее количество седел, шашек кавалерийских, курток, шапок кубанок, башлыков, ремней, котелков и фляг» [20].

Подобное положение сложилось и в Архангельском районе. Проверкой состояния сформированного кавэскадрона, численность которого составляла 151 человек, было установлено, что на 8.01.1942 г. эскадрон полностью не обмундирован. «Бойцы не имеют бурок, башлыков и холодного оружия (шашек)... мы не в состоянии достать шашки, которых не хватает 83 шт.», – докладывал секретарь Архангельского РК ВКП(б) Демченко [21].

Учитывая эти сложности, местные органы власти выделяли эскадронам деньги на приобретение обмундирования и снаряжения, в т. ч. и клинков. Например, на «покупку клинков и сапог» Упорненскому кавэскадрону было выделено 7000 рублей и «на хозяйственные нужды» – 1200 рублей [22]). Ново-Леушковский район «на нужды казачьей сотни» передал 147 тысяч рублей, и сотня приобрела «все необходимое, предусмотренное для казаков» [23]). Анапский эскадрон на обмундирование получил 53200 рублей, а «на питание, фураж, **приобретение клинков** и прочие расходы» – 50659 рублей [24]. 117 бойцов Верхне-Баканского эскадрона полностью вооружили – им было «куплено 117 клинков» [25]. Где приобретались клинки, установить не удалось.

Немаловажной проблемой в изготовлении шашек являлось и отсутствие мастеров.

Так, кавэскадрон Спокойненского района был сформирован в установленные сроки, однако, «по выбытию на сборы» не был укомплектован 109 клинками. «К производству шашек в районе приступили только с 25 ноября, – писал в объяснительной записке от 5.01.1942 г. секретарь РК ВКП(б) Соколов. – Освоение производства шашек было сопряжено с рядом трудностей, в основном – отсутствием мастеров. На изготовлении шашек работал один мастер и на изготовлении ножен тоже один мастер. Весь процесс изготовления шашек производился кустарным способом и только к 5. 01. закончили выполнение комплекта. В данное время отправка шашек в кавэскадрон задерживается изготовлением справок на ножны, которые полностью будут закончены 6.01 и шашки направим только 8.01.1942 г.» [26]. Однако изготовление клинков оказалось «не совсем качественное, по причине плохого освоения термической обработки» [27]. Командованием полка также были забракованы из-за слабой закалки 150 шашек, изготовленных в Отраденском районе. Их отдали районному совету ОСОАВИАХИМа для учебных целей [28].

Таким образом, несмотря на все принятые меры, ряд районов так и не смогли обеспечить свои эскадроны шашками. На завершающем этапе формирования казачьих дивизий в Удобненском эскадроне имелось 100 «клинков кубанских» [29], в Кропоткинском – 75 шашек «драгунских» [30], в Крыловском – 49 «шашек кавалерийского образца» [31], в Тбилисском – 10 клинков [32], в Абинском – 44 шашки и 8 кинжалов [33]. Лиманский эскадрон, в составе которого было 52 бойца, при отправке в полк имел 2 клинка [34].

Итак, на 2 января 1942 г., накануне передачи кубанских дивизий в РККА, как свидетельствует справка зав. военным отделом крайкома ВКП(б) Егорова А.А., степень готовности Кубанских казачьих дивизий не могла не вызывать тревогу.

Справка о готовности 3-х кубанских казачьих дивизий

(полк рассчитан по штату 976 чел.)

люди		лошади		седла		шашки	
По штату	Имеется	По штату	Имеется	По штату	Имеется	По штату	Имеется
9084	7172	9498	7480	9420	4349	8241	3055

В пояснительной записке к справке Егоров А.А. сообщал, что к настоящему времени в дивизиях имеется 5 тыс. шашек, а «в сводке показаны только шашки, сделанные в районах... кроме того, мы выдаем им (дивизиям. – Авт.) шашки, изготавливаемые на предприятиях Краснодара» [35]. Так, по состоянию на конец января – начало февраля 1942 г. из общего количества в 1199 шашек, имеющихся в 1-й Кубанской казачьей дивизии, 851 шашка была получена от предприятий края. «В ближайшие 5 дней шашками дивизия будет обеспечена полностью», – обещал Егоров [36].

С образованием корпуса дивизии переходили на новые штаты полков. Менялось вместе с этим количество личного состава и шашек. 13 января 1942 г. командир 3-й казачьей кавалерийской дивизии полковник Цепляев Н.Ф. сообщал в крайком партии, что «к ранее преподанному штатному расписанию» по штату полагалось людей – 3059 человек и 2241 шашка, фактически имелось – 3122 человека и 2304 шашки. В соответствии с новым штатом, – указывал Цепляев Н.Ф., – необходимо к 1 февраля 1942 года доукомплектовать в дивизии «как данный состав, так и подлежащий доукомплектованию» в количестве 530 бойцов и 978 шашками [37].

Однако в феврале 1942 г. комиссар дивизии Шипилов Б.С. докладывал, что формирование дивизии подходит к концу, а «отдельные районные руководители не выполнили решение крайкома ВКП(б) и стоят в стороне, надеясь, видимо, что недостающее обмундирование и снаряжение выдаст дивизия за счет государства...». На 1 февраля 1942 г. дивизии требовалось 3844 шашки, в наличии имелось 2282, не хватало 1562 [38]. Такая же картина была и в других дивизиях.

Вопрос об окончании формирования Кубанских казачьих дивизий еще не рассматривался на заседаниях бюро крайкома ВКП(б). Так, постановлением бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) от 15 января 1942 г. все бойцы должны были быть обеспечены шашками к 5 февраля 1942 г., а крайисполком обязан был обеспечить на промышленных предприятиях края изготовление 2500 шашек [39]. Однако корпус продолжал формироваться вплоть до начала боевых действий лета 1942 г.

На основе документов и натурного исследования шашек нам удалось выявить два типа шашек, выпускавшихся предприятиями Краснодарского края для 17-го Казачьего кавалерийского корпуса в 1941–1942 гг. Крупные предприятия края изготавливали «шашки кавалерийские» по образцу уставной кавалерийской шашки для красноармейцев и младших командиров, утвержденной в 1927 г. По воспоминаниям директора завода «Октябрь» К.П. Мирошниченко, «для изготовления сабель не было материала, поэтому было организовано распрямление буферных пружин и изготовление из них клинков. Испытание сабель проводил сам командир дивизии, герой Гражданской войны генерал-майор В.И. Книга, соратник С.М. Буденного, и одобрил качество. Негде было взять цветных металлов для эфеса и деталей ножен сабель. На заводе испытали (нашли. – *Авт.*) возможность изготавливать эти детали из ковкого чугуна, и успешно решили эту задачу» [40].

Как вспоминал Б.И. Новиков, на Усть-Лабинском государственном заводе № 3 «Красный пищевик» на изготовление кавалерийских клинков шла рессорная сталь. Вначале ее рубили на куски нужной длины и ширины, а затем кузнец У.П. Грищенко вручную ковал клинок по лекалу. Дол изготавливался кузнечным способом с использованием щипцов с полукруглыми насадками. Затем слесарь П.В. Бочаров с помощью наждачного круга доводил клинок до конечного вида. Для закалки клинок нагревали в кузнечном горне, затем резко опускали в одну воду и быстро вынимали оттуда. Через две-три секунды вновь опускали в другую холодную воду. Шлифовкой и полировкой клинков занимались ученики. После завершения всех работ на пяте ставилось клеймо «ГМЗ» и год «1942». Каждая буква и цифра выбивалась отдельным пунсоном.

В модельном цехе модельщик Дубовой простым напильником (терпугом) делал деревянную рукоять. Дерево использовали разное, но цвет всегда делали темным. Красили морилкой или «заводским» маслом. Здесь же делали из дерева ножны, потом покрывали дерматином или клеенкой. Все металлические детали были привозными. В день изготавливали до 5 шашек [41].

В описанном процессе изготовления клинка самым слабым звеном является процесс термообработки. Из рассказа куз-

неца военных лет нам известно, что шашечные клинки при вертикальном погружении в бочку с водой очень сильно «вело». Испробовав разные способы, мастер остановился на добавке в воду белой глины.

В КГИАМЗ хранится кавалерийская шашка, изготовленная на Краснодарском ремонтно-механическом заводе в 1942 г., клинок по внешнему виду ничем не отличается от уставного, разве что верхний край дола выходит прямо к обуху. Общая длина 940 мм, длина клинка 805 мм, ширина клинка 32 мм. На левой пяте выбито клеймо в виде ромба, в верхнем углу которого находится буква «К», в левом углу – «Р», в нижнем – «М» и в правом – «З». Клинок покрыт никелем.

Нижняя втулка рукояти и головка – латунные и ничем не отличаются от златоустовских выпуска военных лет. А вот черен рукояти изготовлен из оленьего рога. Крепление эфеса на хвостовике настолько нерациональное и мудреное, что мы не станем его описывать. Дело в том, что эту шашку в 1974 г. казачий хор станицы Медведовской подарил композитору Г.М. Плотниченко. Очевидно, тогда аутентичный эфес заменили новым, да и клинок покрыли никелем. К сожалению, наши поиски эфеса из «ковкого чугуна» пока ничего не дали.

Второй тип шашек, изготавливавшихся для казачьего корпуса, можно действительно назвать «шашки кубанские». Очевидно, авторы идеи взяли за образец шашки Кубанского казачьего войска, заказываемые Златоустовской оружейной фабрике в конце XIX – начале XX в. Но в 1941–1942 г. вместо прекрасной казачьей шашки получился какой-то гибрид. Дело в том, что клинки этих шашек делали на мелких предприятиях, в различных мастерских и колхозных кузницах. Квалификация мастеров не позволяла им отковать широкий клинок с двумя узкими долами у обуха, да еще и клиновидного сечения. Поэтому выделялись плосковатые клинки разной длины, ширины и изгиба, и с одним широким долом (так, по крайней мере, на четырех известных нам экземплярах). Эти клинки так называемых «местных предприятий» действительно напоминали клинки солдатских драгунских шашек образца 1881 г.

А вот хвостовик у этих клинков по форме повторял дореволюционный, был плоский и предназначался для эфеса

кавказского/казацкого типа. На двух шашках из частной коллекции к хвостовику прикреплены тонкие деревянные щечки, покрытые густой черной краской.

В КГИАМЗ хранится шашка этого типа производства Усть-Лабинского механического завода. Коротко опишем ее. Клинок заметно искривленный, однолезвийный, с одним широким долом, на правой стороне клинка в доле выполнена гравированная надпись: «От военного отдела РК ВКП(б) Председателю крайисп-ма Т.Ф. Тюляеву», на левой стороне – «Усть-Лабинский мехзавод». Рукоять деревянная, цельная; под хвостовик в ней сделан пропилен. Крепление на трех железных заклепках. Размеры: общая длина 985, длина клинка 925, ширина клинка 34 мм.

На этом подарочном экземпляре есть надпись, указывающая на место производства. На обычных экземплярах, по словам Б.И. Новикова, проставлялось клеймо Усть-Лабинского ремонтно-механического завода № 20 – «РМЗ», «1942 г.», пока это единственная известная нам «шашка кубанская» с клеймом изготовителя. Думаем, что большинство подобных шашек, сработанных в станичных кузницах и мелких мастерских, так и остались безымянными.

Всего край поставил Кубанскому казачьему кавалерийскому корпусу: лошадей – 13000 голов, седел – 12800 шт., шашек – 2500 шт. [42].

Примечания:

1. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 165. Л. 12а.
2. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 1 доп. Д. 20. Л. 78, 79.
3. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 1 доп. Д. 20. Л. 79.
4. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 269. Л. 146.
5. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 492. Л. 34.
6. Оп. 1 доп. Д. 18. Л. 49.
7. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 1 доп. Д. 18. Л. 97, 100–103.
8. Оп. 2. Д. 295. Л. 164.
9. КГИАМЗ. ПМ-1020.
10. Овсянко Ф.В. Незабываемое // Центральный музей Вооруженных сил: Информационно-методический сборник. № 17. Москва, 2006. С. 20; Тараненко А.Ф. Откликнитесь, ветераны! // Вольная Кубань. 29.03.2006.
11. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 492. Л. 5.
12. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 273. Л. 6.
13. Документы отваги и героизма. Кубань в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Сборник документов и материалов. Краснодарское книжное издательство, 1965. С. 71.
14. Д. 491. Л. 13.
15. Д. 491. Л. 16.
16. Ереско Е.М. Встреча с прошлым и настоящим. Сообщения, факты, справки, цифры по Гулькевичскому району. Краснодар, 1998. С. 27.
17. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 492. Л. 89.
18. КГИАМЗ. ПМ 1808/1а.
19. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 492. Л. 24.

20. Д. 492. Л. 128.
21. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 492. Л. 70.
22. Д. 392. Л. 89.
23. Д. 491. Л. 9.
24. Д. 491. Л. 28.
25. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 491. Л. 31.
26. Оп. 2. Д. 489. Л. 25.
27. Оп. 2. Д. 491. Л. 57.
28. Оп. 2. Д. 489. Л. 79.
29. Д. 491. Л. 12.
30. Д. 491. Л. 61.
31. Д. 491. Л. 50.
32. Д. 491. Л. 30.
33. Д. 491. Л. 51.
34. Д. 491. Л. 17.
35. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 492. Л. 34.
36. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 492. Л. 60.
37. Д. 492. Л. 56.
38. Д. 492. Л. 39.
39. Оп. 1 доп. Д. 26. Л. 3.
40. КГИАМЗ. КМ-2208. Л. 9.
41. КГИАМЗ. ПМ-1021.
42. Д. 931. Л. 6.

Е.В. Тёр

Недавнее прошлое отраденского краеведения (из переписки с проф. В.Б. Виноградовым)

На страницах отраденских изданий местного отделения РОИА (Российского общества историков-архивистов) автору этих строк уже приходилось освещать тематику становления краеведения в 1990-х годов в Приурупье [1]. И в этом очерке постараюсь осветить ту точку отсчёта, с чего началось творческое взаимодействие с руководителем Кавказоведческой школы д.и.н., профессором, заслуженным деятелем науки РФ, Кубани и Чечено-Ингушской АССР, академиком нескольких международных и российских общественных академий Виталием Борисовичем Виноградовым. Личные встречи, которые проходили во время лекций (многие учителя-историки того времени учились заочно в Армавирском государственном педагогическом институте), курсов переподготовки педагогов, а также знакомство с научными и методическими новинками – всё это придавало творчеству новый импульс.

Виталий Борисович Виноградов знал, какую роль выполняют местные любители истории, поддерживал творческие связи со станичными краеведами, вёл с ними активную переписку, публиковал отзывы на их работы на страницах городских и станичных газет, дарил научные издания своей «школы».

Влияние Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова на становление краеведения в Приурупье несомненно. Работы его «школы» позволили краоведам определиться с приоритетами в исследованиях, дали возможность по достоинству оценить роль отрадненского Приурупья в истории, ценности памятников в археологии региона, страны.

В семейном архиве Тёров хранятся письма, открытки, записки-вложения от В.Б. Виноградова. Этот архив следует разделить на два периода – Отрадненский (1998–2001) и Ленинградский (с 2002 г.).

Началом переписки послужила личная встреча с В.Б.Виноградовым. Зимой 1998 года мы с моим товарищем Н.В. Серенко, учителем истории из хутора Зеленчук-Мостового, тогдашние студенты-заочники, навестили нашего преподавателя, который находился на лечении в больнице. При встрече рассказали о том, что привезли археологические находки из Отрадной. Некоторые из них заинтересовали Виталия Борисовича, была опубликована заметка в «Армавирском собеседнике» [2]. Не забыл Виталий Борисович расспросить о Михаиле Николаевиче Ложкине. Брошюру о нём в последующем передал в музей и лично Михаилу Николаевичу [3]. И уже через месяц пришло письмо из Армавира.

14.02.98. г. Армавир

Здравствуй, Женья!

Высылаю Тебе и для передачи Николаю по экземпляру газеты с заметкой о вашей находке. Ещё раз спасибо за то, что привезли и показали их. Передал ли ты брошюры Мих. Ник. Ложкину и И.В. Боярчук? Надеюсь, что да! Но подтверждения я не получил. Попроси, пожалуйста, Ирину Владимировну позвонить мне домой (см. визитную карточку), часов в 16-17, когда я уже дома! Из больницы вышел ровно неделю назад, но ещё на амбулаторном лечении.

Может быть, есть смысл перепечатать нашу заметку в вашем районе? Пусть люди знают... Если сделаете это – пришли экземпляр. Мой адрес для переписки – на конверте. Газетчики «Армавирского собеседника» вспоминали твоего отца и передавали ему привет. Всего доброго! Пиши, звони! Искренне, В.Б. Виноградов (подпись).

Без знакомства с книгой В.Б. Виноградова «Топонимия Средней Кубани» вряд ли вышло бы в свет издание моего отца (в соавторстве с автором этих строк), первое краеведческое издание тех лет, – «Топонимия Приурупья» [4]. С него и началась активная публицистическая деятельность моего отца, В.В. Тёра, насчитывающая на сегодняшний день 25 брошюр и книг. И экземпляры новых краеведческих изданий высылались Виталию Борисовичу. Отзывы на них публиковал В.Б. Виноградов, его ученики [5].

6.11.98 г. Армавир

Дорогой Евгений!

С благодарностью и удовольствием открыл сегодня твой пакет с интересной, хорошей книжечкой, написанной тобой вместе с отцом! Сегодня же показал её журналистам из «Арм.собеседника», и они порадовались за хорошо известного им Виктора Васильевича. 1 экз. передал уже Е.И. Нарожному, а другой – посылаю в г. Краснодар С.В. Самовтору, который сейчас завершает канд. дисс. по исторической топонимике Кубанского казачества. Мне хочется в ближайшие дни написать отклик на вашу книжечку и запустить его в прессу. Постараюсь сделать это. Итак, спасибо за доброе дело! Поздравляю с очередной годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции! Будьте здоровы. В.Б. Виноградов (подпись).

Позднее получил и следующее письмо.

31.12.98 г.

Дорогой Евгений!

Вернулся из 0,5-месячной поездки. Поздравляю с Новым годом! Желаю всяческого добра: здоровья, успехов и удачи в эти и Рождественские дни, а также и круглый год, всегда! Долго держала газета мой отклик на вашу с папой книжку. Но вот он вышел. Шлю также «свежий» сборник «Чтений». Буду признателен, если на зимнюю сессию привезёшь мне ещё экз. 3 вашей книжки. Всего доброго! Обнимаю. В.Б. Виноградов (подпись).

Насколько мне известно, ученики В.Б. Виноградова вели подобную переписку и с другими отрадненскими исследователями прошлого. Поэтому желательно было бы узнать больше об этой стороне отрадненского

краеведения, сохранить в памяти историко-культурного наследия Приурупья роль Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова.

Переписка, но уже с моим отцом В.В. Тёром, продолжилась до 2010 года, когда мы вернулись на малую родину в станицу Ленинградскую. Но это уже другая тема, не касающаяся Приурупья и его краеведения.

Примечания:

1. См. Тёр В.В. Продолжая традиции М.Н. Ложкина: некоторые страницы истории краеведения в Отрадненском районе // Вопросы истории Приурупья. Ильичёвское городище как памятник средневековой археологии и церковной архитектуры. Отрадная, 2012; *Он же*. История села Пискуновского в судьбе Н.А. Герасименко // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Выпуск I. Материалы региональной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Сергея Даниловича Мастепанова. Армавир-Отрадная, 2013. С. 254–255.

2. Виноградов В., Болтенкова И. Свидетели минувшего // Армавирский собеседник. 1998. 13 февраля; *Он же*. Свидетели минувшего // Сельская жизнь (Отрадная). 1998. 25 марта; Виноградов В.Б., Боярчук И.В. Ложкин Михаил Николаевич // Кавказские историки-краеведы. Вып. 4. Библиографический очерк. Армавир, 1998. 12 с.

3. Тёр В.В., Тёр Е.В. Топонимия Приурупья (методическое краеведческое пособие). Отрадная, 1998. 48 с.

4. Виноградов В.Б. Душа старинных названий // Армавирский Собеседник. 1998. 16 декабря; *Он же*. Душа старинных названий // СКИТ (Отрадная). 1998. 30 декабря; Нарожный Е. Узор на камне времени // Армавирский Собеседник. 2000. 24 марта; *Он же*. Право, книга, что надо // Сельская жизнь (Отрадная). 2000. 27 апреля.

Е.С. Яковлева

Проблемы развития архивной службы Кубани в конце XVIII – начале XX столетий (по документам кубанских архивов)

Архивисты Кубани ведут свою историю с конца XVIII века. Первым кубанским архивом были документы запорожских казаков, которые были привезены при переселении на Кубань. Причем казаки проявляли большую заботу о сохранности документов по своей истории.

В январе 1792 года, за полгода до получения «жалованной грамоты» Екатерины II на кубанские земли, войсковой судья Антон Головатый, человек грамотный и достаточно образованный делает предписание «О доставлении войскового имущества и архивных дел из разных мест в Слободзею». Отсюда на подводах, запряженных волами, отправился войсковой архив в неблизкий путь на Кубань. Здесь, в необжитом порубежном крае, войсковой архив первоначально

разместился в открытой казаками землянке в Карасунском куте, которая стала первым «архивохранилищем» на Кубани. Но вскоре для канцелярии войскового правительства на территории Екатеринодарской крепости построили деревянный дом под камышовой крышей. Там и хранились архивные дела вместе с другим войсковым имуществом [1]. В дореволюционный период количество документов в войсковом архиве ежегодно пополнялось.

Заселение обширной территории Северного Кавказа, охрана границ, взаимоотношения различных народов, обустройство хозяйственной жизни – все эти и другие обстоятельства требовали создания соответствующих учреждений и ведения соответствующего документооборота. Поэтому богатая событиями история Кубани в XIX – начале XX веков создавала уникальные предпосылки для формирования архивов. В этот период на Кубани складывается множество архивов различных организаций: городских управ, церковных учреждений, учебных заведений, промышленных предприятий, учреждений юстиции и др.

Больше всего свидетельств дошло до нашего времени о войсковых архивариусах. В 1842 году была установлена штатная должность архивариуса, а после преобразования Черноморского войска в Кубанское, с 1870 года. В 1893 году были введены новые штаты для казачьих войск, по которым архивариусу в год определялось жалования 630 рублей, «столовых» 420 рублей. На содержание двух писарей отпускалось 360 рублей, на канцелярские расходы, отопление и освещение – 200 рублей, для найма сторожей – 240 рублей в год. Архивариус имел класс должности по 8-му разряду государственной службы, а пенсии – по 6-му разряду [2].

Кубанский войсковой архив был учрежден в 1877 году. Штатная численность архива в это время состоял из войскового архивариуса, его помощника, двух писарей и двух сторожей. С 1 марта 1877 года войсковым архивариусом был назначен подполковник Л.Ф. Черный, которого в 1884 году сменил войсковой старшина В.С. Вареник. Это был одаренный и неординарный человек, для которого история Кубани не была пустым звуком. Участник многих событий, В.С. Вареник трепетно относился к сохранению исторической памяти. В войсковом архиве он прослужил 10 лет.

В 1893 году новым войсковым архивариусом был назначен П.П. Короленко. Это был период роста общественного интереса к вопросам истории, культуры, этнографии. В это время развивается краеведческое движение, в котором П.П. Короленко принимает самое деятельное участие. Все годы службы П.П. Короленко в архиве продолжалась и текущая работа: выдача архивных справок, прием дел и даже выдача их во временное пользование. В 1902 году П.П. Короленко подал в отставку и со 2 июля 1902 года войсковым архивариусом стал сотник Иван Иванович Кияшко. Архивная работа стала главным делом его жизни. Именно И.И. Кияшко пришлось спасать архив в период революции и гражданской войны.

До революции в России государственных архивов не существовало. Ведомственные архивы были разобщены и существовали автономно. В период революции и гражданской войны архивы были самым уязвимым звеном в системе историко-культурных ценностей. Архивы рассматривались как собрание ненужных бумаг, оставшихся от учреждений царского и временного правительств, поэтому, оно должно быть уничтожено. Такой взгляд бытовал не только в массах, но и у многих представителей власти, которые, не понимая всего значения архивных документов как важных источников по истории страны, высказывали то же мнение. Архивы попали в критическое положение, и хотя не оставались без внимания, но преобразования, продиктованные декретом Советской власти о централизации архивного дела, из-за военных событий тогда не удалось осуществить. 18 марта в Екатеринодаре и Кубанской области введена в действие конституция РСФСР [3]. Постановлением Кубано-Черноморского революционного комитета от 4 октября 1920 года № 348 образуется Кубано-Черноморское областное архивное управление. С этого времени на Кубани был создан единый административный орган, в ведении которого находилось архивное дело. Был образован и областной архивный фонд, в основу которого легли документы бывшего Кубанского войскового архива.

Архивные материалы объявлялись государственной собственностью, а все организации и предприятия были обязаны хранить как текущие, так и архивные документы. Уничтожать документы без разре-

шения Архивного управления запрещалось.

Архивной службой с 1920 по 1922 годы руководил Борис Митрофанович Городецкий. Он был профессором Кубанского государственного университета, в декабре 1920 года был назначен проректором университета. Уже в дореволюционный период становится известным исследователем – кубановедом, общественным деятелем. Работая в университете, благодаря своей колоссальной работоспособности он опубликовал значительное количество работ: статей и очерков по истории, краеведению, библиографии. С целью подготовки профессиональных кадров архивное управление во главе с Б.М. Городецким просит разрешить включить в программу курсов при советских учреждениях дисциплину архивоведение.

Важным направлением деятельности в послереволюционный период было и создание архивных органов на местах. Эта работа началась практически одновременно с проведением централизации архивов в Екатеринодаре и активизировалась в 1921 году, когда 31 января Совет Кубано-Черноморского архивного управления постановил открыть архивные отделения в городах Армавире, Анапе, Ейске, Краснодаре, Новороссийске, Сочи, Туапсе и др. [4].

Вопрос об организации архивных органов на местах поднимался вторично в 1923 году. Но проект об учреждении в крупных населенных пунктах Кубанской области архивных уполномоченных, в обязанности которых должны были входить собирание, хранение, разбор архивных материалов и исполнение других поручений областного архивного бюро, а также инструктирование учреждений по архивным вопросам был отклонен Президиумом облисполкома. Поводом к отклонению было заявление представителей бюджетной комиссии о недостатке средств на местах для содержания архивных уполномоченных.

Становление архивной службы на местах ярко прослеживается на примере организации архивного дела в городе Армавире. История архивной службы в Армавире начинается в 1923 году, когда при отделе Управления Армавирского отдельского исполнительного комитета был создан общий архив, в который все подведомственные учреждения и организации должны были сдавать законченные делопроизводства дела

[5]. Должность архивариуса исполнял экспедитор отдела управления. В 1923 году Армавирским отдельским исполкомом было издано распоряжение, по которому все подведомственные учреждения и организации сдавали в архив при отделе управления законченные делопроизводства дела. Большую помощь в собирании архивных документов оказал заведующий рабочим клубом при Армавирском дворце труда Н.И. Гуров. До введения оплачиваемой должности архивариуса, уполномоченного архивного бюро в Армавирском отделе, Н.И. Гуров занимался собиранием архивных документов как революционного, так и дореволюционного периодов в городе Армавири и в Армавирском отделе. И только в конце года, 12 декабря 1923 года на должность архивариуса при Армавирском отдельском исполнительном комитете был назначен бывший следователь по профессии Анатолий Павлович Шмидт. В его прямые обязанности входило оборудование помещения для хранения документов, собирание архивных документов и приведение в порядок архива Армавирского отдельского исполнительного комитета. Помимо этого А.П. Шмидт производил обследование архивов действующих организаций и предприятий, инструктировал их в области архивного дела.

В августе 1923 года в юго-восточной России произошло районирование. В связи с этим был образован Северо-Кавказский край вместо Кубано-Черноморской области и центр его был перенесен в город Ростов-на-Дону. В связи с районированием и созданием округов в составе Северо-Кавказского края Кубано-Черноморское архивное бюро стало Кубанским окружным архивным бюро, а также образованы Армавирское, Майкопское и Черноморское окружные архивные бюро. Они являлись самостоятельными учреждениями при президиумах окружных исполкомов. За Кубанским окружным архивным бюро сохранялась руководящая роль.

Фактически Армавирское архивное бюро было учреждено 1 октября 1924 года [6]. Штат архивного бюро в этот период состоял из двух человек. Возглавлял архив А.П. Шмидт. С первых дней образования архивного бюро А.П. Шмидт организовал сбор документов по истории города, контролировал работу организаций в области архивного дела не только в Армавири, но и

в близлежащих районах: Лабинском, Ванновском, Кропоткинском, Отрадненском и Невинномысском. Если в первые годы организации архивного бюро движущим стимулом в собирании архивов являлось стремление спасти дела, которым грозила гибель, то теперь же для скорейшего использования документов необходимо было основать постоянные архивохранилища. Но собрать находившиеся в хаотическом состоянии документы было недостаточно. Их нужно было систематизировать, составить описи на принимаемые документы.

В начале 1930-х годов наблюдается большая текучесть кадров, особенно это касалось архивариусов, которых сменилось пять человек. Причины увольнения были следующими: одним из архивариусов являлась дочью подполковника царской армии и владелицей имения, второй архивариус – была дочью бывших торговцев, третий уволился вследствие материальной необеспеченности, четвертый был уволен с формулировкой несоответствующий своему назначению и последний весьма слабо ориентировался в архивной работе. В 1934 году за явку на работу в нетрезвом состоянии был уволен инспектор Армавирского архивного отделения. Таким образом, кадровый вопрос в этот период являлся одним из самых насущных проблем архивного строительства. К тому же заработная плата, как отмечалось в годовом отчете Армавирского архивного отделения за 1934 год была низкой. Заведующий отделением получал 215 рублей, и с июня этого же года ему была введена из спецсредств надбавка в размере 50 рублей. Инспектор получал зарплату в размере 150 рублей, а архивариусы, которых числилось двое, – всего по 80 рублей каждый, хотя им еще доплачивали 20 рублей надбавки [7].

24 декабря 1929 года на должность заведующего Армавирским окружным архивным бюро был назначен Андрей Антонович Гортлевский (1882 – 1970) [8]. В отличие от А.П. Шмидта это был большевик с революционным прошлым. На архивную работу он пришел с богатой боевой биографией и опытом партийной деятельности. Родился А.А. Гортлевский в 1882 году в семье служащего. В 1903 – 1904 годах был осужден полковым судом на 4 года и 2 месяца тюрьмы за неподчинение приказам, самовольные отлучки и большевистскую

агитацию среди солдат. С 1917 по 1920 годы был в Красной Армии. На архивной работе он освоился очень быстро, этому способствовала его деятельность в органах ЧК. По устным свидетельствам, А.А. Гортлевскому была присуща горячность в отстаивании интересов дела. В его лице архивная служба города получила активного защитника, который самоотверженно продолжал дело своих беспартийных предшественников. Кроме заведующего в этот период в архиве трудились Сергей Федорович Скрипкин на должности инспектора, архивариусы Н.В. Королева и И.А. Герусенко.

Архивистами 1920-30-х годов был собран уникальный исторический материал по дореволюционной истории Армавира и прилегающих к нему населенных пунктов. Помещение, которое занимало в это время отделение, состояло из семи комнат. Причем пять из них находились в двух помещениях, расположенных в одном дворе и там же находилась одна комната, отведенная под канцелярию. Другая комната находилась от основного архивохранилища на расстоянии двух кварталов. Документы хранились на 28 стеллажах и в 11 шкафах, в которых также размещалась библиотека архива. Причем устройство стеллажей было произведено с соблюдением действующих стандартов.

К началу 1939 года архивы были созданы только в 36 районах края из 67. Из них только шесть имели удовлетворительные помещения, остальные совершенно не соответствовали своему назначению. Согласно акту обследования из всех городских архивов пригодным было признано только архивохранилище в Армавире, а помещения Новороссийского, Сочинского и Туапсинского архивов комиссия, обследовавшая архивные учреждения края, признала неудовлетворительными по причине малой вместимости, сырости и пожароопасности [9].

Учитывая значимость архивной службы и востребованность документов в политических, народнохозяйственных, культурных и других целях, в 1938 году постановлением Президиума Верховного Совета СССР сеть государственных архивов была передана в ведение НКВД СССР. Передача архивных органов в ведение НКВД СССР повлекла за собой большие изменения в организации управления архивным делом. Эти меры были необходимы в связи с надви-

гающей опасностью войны и способствовали обеспечению сохранности документов в период Великой Отечественной войны, в период которой изменений в организации управления архивных органов внесено не было. Армавирский архив на основании приказа начальника НКВД СССР по Краснодарскому краю от 10 февраля 1939 года также перешел в подчинение Армавирскому городскому отделу НКВД. Были уточнены задачи и права архива, и с этого времени архив представлял ежемесячные отчеты в городской отдел НКВД. Эти меры способствовали еще большей ответственности в подборе кадров на архивную службу.

Благодаря кропотливой работе кубанских архивистов по собиранию и сохранению документальных памятников по истории Кубани и всего Северо-Кавказского региона к началу войны был создан уникальный региональный архивный фонд, который был частично утрачен в период Великой Отечественной войны. Однако большую часть исторических источников ценой невероятных усилий кубанских архивистов все же удалось спасти в казахском городе Челкар, куда были эвакуированы документы архивных учреждений Краснодарского края. Документы, хранящиеся в кубанских архивах, широко востребованы: тысячи граждан ежегодно пользуются ретроспективной документацией для подтверждения своих законных прав, различные организации и предприятия, органы государственной власти и местного самоуправления получают с помощью архивистов информацию, необходимую для их деятельности, а кубанские ученые, студенты и школьники изучают историю родного края по историческим источникам, сохраненным не одним поколением архивистов Кубани.

Примечания:

1. См.: Государственная архивная служба Краснодарского края. К 85-летию создания. Краснодар, 2005. С. 15–16.
2. См.: Там же. С. 27–28.
3. Краснодар – Екатеринодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 442.
4. См.: Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1700. Оп. 1. Д. 503. Л. 25.
5. См.: Там же. Д. 126. Л. 11.
6. См.: Там же. Д. 159. Л. 33.
7. Архивный отдел администрации муниципального образования город Армавир (АОАА). Ф. Р-1370. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
8. АОАА. Ф. Р-1370. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
9. ГАКК. Ф. Р-1700. Оп. 1. Д. 503. Л. 25.

А.В. Шишканова

85 лет Карачаево-Черкесскому институту гуманитарных исследований – важная веха в формировании научной мысли КЧР

Многопрофильное научное учреждение «Карачаево-Черкесский Орден «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР» (далее – КЧИГИ), 85-летие которого научная общественность отмечает в 2017 году, стало одним из признанных научных центров Северного Кавказа. Юбилейную дату ученые КЧИГИ встречают с чувством глубокого удовлетворения, осознавая значительный научный вклад института в российскую науку в разных отраслях гуманитарных знаний. КЧИГИ – один из атрибутов государственности народов Карачаево-Черкесии. Обобщение материалов и источников по учреждению и становлению КЧИГИ актуально в плане 155-летия зарождения российской государственности в КЧР и 85-летнего юбилея Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований.

Основные этапы становления и развития КЧИГИ за 85 лет его функционирования тесно связаны с развитием научной мысли Карачаево-Черкесии, Северного Кавказа и РФ в целом. Становление научных знаний о Карачаево-Черкесии, ее народах заложено вхождением северокавказских этносов в состав Российского государства и последующим углублением и развитием русско-кавказских взаимоотношений. Вплоть до присоединения к России на всем Северном Кавказе сохранялись политическая и этническая раздробленность. Фактическое объединение Кавказа впервые было достигнуто только в составе Российской империи, вставшей в XIX веке на капиталистический путь, и способствовало вовлечению северокавказских этносов в прогрессивные общероссийские процессы, политическому, экономическому и культурному развитию.

Важнейшей задачей начала XX века была ликвидация неграмотности взрослого населения страны. Чтобы решить ее, было необходимо создать письменности на родных языках всех народов. К решению этой проблемы подключились все научные силы Северного Кавказа и Москвы. В 1923 году, в Пятигорске, была созвана конференция по

вопросам культуры и просвещения народов Северного Кавказа, посвященная разработке письменностей на родных языках. 10 мая 1931 года было издано Постановление ВЦИК РСФСР, обязывающее Народный комиссариат просвещения РСФСР и Северо-Кавказский крайисполком создать научно-исследовательские институты во всех национальных областях Северо-Кавказского края и обеспечить их нормальную работу. Организация первых профессиональных научно-исследовательских институтов гуманитарного профиля в 30-е годы XX в. была связана с важнейшей государственной задачей – завершением создания национально-территориального обустройства народов РФ и СССР, проведением в стране культурной революции.

В литературе приводились разные мнения о датах учреждения Черкесского и Карачаевского научно-исследовательских институтов. Мы опираемся на документы, найденные учеными РГБУ КЧИГИ в республиканском, Ставропольском и Ростовском архивохранилищах [1]. Два последних архивохранилища содержат материалы по учреждению НИИ, представляющие значительный интерес для всех республик Северного Кавказа, в том числе и для Карачаево-Черкесии, так как здесь оказались сосредоточены и дошли до наших дней многие уникальные документы, не сохранившиеся в Карачаево-Черкесии из-за немецкой оккупации во время войны, когда архивы были сожжены.

Так, например, обнаружено письмо от 10 марта 1932 г., отпечатанное на бланке Черкесского областного комитета ВКП(б), в котором заведующий культпропом (отдел культуры и пропаганды) области Х. Булатов обращается в Горский научно-исследовательский институт с просьбой прислать руководящий и организационный материалы или специального работника для организации научно-исследовательского института в Черкесии [2].

Был прислан проф. Николай Георгиевич Лехницкий, совмещавший в Горском институте должности заместителя директора, заведующего историческим отделом, заведующего учебной частью. Само заседание прошло 9 апреля 1932 г. в Черкесске, о чем говорит сохранившийся протокол. Из него мы узнаем не только время создания Черкесского НИИ (9 апреля 1932 г.), но и

организатора, первого директора, созданные первоначально отделы, состав сотрудников [3].

Карачаевский научно-исследовательский институт (КНИИ) был открыт 15 апреля 1932 г. в Микоян-Шахаре, что также установлено по архивным документам: см. Выписку из протокола № 11 объединенного заседания бюро обкома и президиума обл. Комитета ВКП(б) карачаевской организации от 15 апреля 1932 года [4].

К работе в КНИИ были привлечены специалисты и руководящие работники областных учреждений. Начаты работы по составлению терминологического сборника, но, ввиду отсутствия планового финансирования и соответствующего помещения, КНИИ в 1933 году был вынужден свернуть работу. В том же 1933 г. Карачаевский НИИ образован вторично, что подтверждается документами из Ставропольского государственного архива (уже по решению облисполкома КАО), который уведомляет руководство Горского НИИ в Ростове-на-Дону об этом. [5] Однако из-за нефинансирования КНИИ вновь был закрыт. В 1935 году КНИИ открыт вновь, что устанавливается выпиской из протокола № 52 заседания бюро Карачаевского обкома ВКП(б) от 18 сентября 1935 года.

В довоенные годы учеными-фольклористами КНИИ были изданы первые работы: "Къарачай таурухла" (Карачаевские сказки. Микоян-Шахар, 1940), а также "Эски къарачай джырла" (Старинные карачаевские песни. Микоян-Шахар, 1940) [6].

Тогда же впервые было начато планомерное научно-археологическое освоение края, проведены первые раскопки аланских городищ совместными усилиями местных исследователей и специалистов АН СССР.

Учеными КНИИ была подготовлена коллективная работа «Итоги хозяйственного развития и культурного строительства в КАО» и на ее основе выпущена книга «Советский Карачай. 1920–1940 гг.» (издана Карачаевским областным национальным издательством в Микоян-Шахаре в 1940 году). В ней отмечено, что за этот период в КНИИ разработаны новый алфавит и новая орфография карачаевского языка на основе русской графики, составлены орфографический словарь, краткий русско-карачаевский словарь, сборники карачаевского фольклора (песни, сказки, поговорки, пословицы и др.).

Институтом собран богатый фонд архивных и печатных документов по истории дореволюционного Карачая, написаны статьи по истории, этнографии, археологии народа [7]. Ученые ЧНИИ и КНИИ подготовили к печати сборники П. Вередибина и М. Черкезова "Флора и фауна Черкесии", "История города Баталпашинска", "Черкесско-русский словарь" (составитель М. Сакиев, в соавторстве). Тогда же впервые увидели свет сборники карачаевских народных песен и сказок "Карачаевский фольклор" (Микоян-Шахар, 1940), "Старинные карачаевские песни" (Микоян-Шахар, 1940), "Поэзия аула" (Махачкала, 1935). Учеными ЧНИИ был составлен двуязычный «Русско-черкесский словарь» (1949), и «Терминологический словарь по географии» (Сулимов, 1935). Составители словаря – Хасан Дышеков, Абдуллах Охтов, Абубекир Гукемух.

Итак, из архивных документов следует, что образование Черкесского научно-исследовательского института (ЧНИИ) в г. Черкесске следует исчислять с 9 апреля 1932 г., а Карачаевского НИИ (КНИИ) в г. Микоян-Шахаре – с 15 апреля 1932 г. [8] при облисполкомах депутатов трудящихся автономных областей. Затем институты несколько раз закрывались в связи с нефинансированием и воссоздавались вновь при облисполкомах и областных музеях краеведения. Между тем истоки возникновения ныне функционирующего объединенного КЧИГИ относятся к 1932 году.

Мы выделяем четыре периода функционирования КЧИГИ.

Первый период функционирования КЧИГИ: 1932–50 гг. XX в. (период учреждения Черкесского в г. Черкесске /ЧНИИ/ и Карачаевского в г. Микоян-Шахаре (ныне г. Карачаевск) /КНИИ/ институтов, начало их функционирования и прекращение деятельности в связи с временной оккупацией территории областей и последовавшей в 1943 г. депортацией карачаевского народа). Возобновление работы Черкесского НИИ в 1947 г.

Важнейшими задачами первого хронологического этапа в развитии КЧИГИ – 30–50 гг. XX в. – явились: а) целенаправленное всестороннее изучение условий материального производства, общественного строя, культурно-бытового уклада каждого отдельного народа, истории, экономики, природных богатств, обычаев, традиций,

национальных языков, фольклора коренных народов; становление научных знаний о народах Карачая и Черкесии; б) приобщение широких масс к грамоте, создание национальных письменностей; подготовка первых букварей, учебников, лексикографических работ по младописьменным языкам; в) налаживание школьного, печатного и издательского дел; г) приобщение местного населения к активной культурной и общественно-политической жизни государства; д) подготовка учительских и научных кадров из представителей местных этносов на базе русского языка и российской образовательной системы.

Благодаря ученым ЧНИИ и КНИИ, в короткие сроки была решена основная задача – создание письменности на всех языках коренных народов. Абазинская письменность создана в 1932–1933 годы на основе латинской графики, с 1938 г. переведена на русскую графическую основу. В 1924–1926 гг. на основе арабской графики была создана письменность карачаевцев и балкарцев, в 1926–1937 г. она переведена на латинскую графическую основу, в 1937 году – на кириллицу. Ногайская письменность на основе русской графической системы функционирует с 1938 года. Черкесская письменность создана в 1923–1924 гг. на базе латиницы. В 1936 году она переведена на кириллическую (русскую) графическую основу. Введение письменности на русской графической основе имело важное политическое и производственно-техническое значение. Оно явилось одним из решающих факторов сближения российских этносов, укрепления экономических и культурных связей между ними. Письменность на русской графической основе значительно облегчала преподавание русского языка в национальных школах, устранила разрыв между русским и национальными алфавитами.

Черкесский научно-исследовательский институт (ЧНИИ) в 30–50 гг. XX века был единственным научным учреждением в стране, занимавшимся разработкой вопросов абазинского языка. В ЧНИИ впервые были подготовлены и изданы буквари, научные грамматики абазинского языка, хрестоматии. Благодаря деятельности ученых института, стало возможным введение в 1938 году абазинского языка в общеобразовательных школах области.

Т.З. Табуловым была создана письменность для черкесов на арабской графической основе. М. Дышеков написал первую практическую грамматику кабардино-черкесского языка, стал автором учебников чтения и литературных сборников, хрестоматий на кабардино-черкесском языке. В довоенные годы сотрудники ЧНИИ занимались, главным образом, написанием учебников для национальных школ, сбором и подготовкой к публикации фольклорных материалов, составлением русско-национальных словарей переводного типа, разработкой алфавитов и орфографий черкесов, абазин, ногайцев. В первые годы существования Черкесского НИИ, А. Гукемухом и М. Сакиевым выпущены «Русско-черкесский словарь», «Краткое пособие по грамматике и стилистике кабардино-черкесского языка». А. Гукемух написал «Граматику черкесского языка». В эти же годы Х. Абуковым, М. Дышековым, С. Темировым, И. Амировым и другими были созданы первые художественные произведения малых жанров. Черкесский НИИ опубликовал «Черкесско-русский словарь», «Историю города Баталпашина» М. Черкезова, брошюру П. Вередибина «Флора и фауна Черкесии» и др.

Таким образом, в первый период становления и функционирования ЧНИИ и КНИИ ученые институтов создали национальные письменности абазин, карачаевцев, ногайцев, черкесов. Однако в то время отсутствовала необходимая финансово-материальная база для развития научных организаций. Не хватало подготовленных национальных кадров. Руководители учреждений нередко подвергались политическим репрессиям; судьба многих из них была трагической, как и судьба страны в целом. Речь идет о репрессиях 30-х, 40-х и начала 50-х годов XX века, в жернова которых попали миллионы честных самоотверженных людей, в их числе руководители и сотрудники ЧНИИ и КНИИ. Многие сотрудники НИИ погибли в годы ВОВ 1941–1945 гг., поэтому не все задачи, поставленные перед учеными НИИ этого периода, были решены.

Второй период функционирования КЧИГИ: Создание и функционирование объединенного Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института /КЧНИИ/ (с 1957 года до 90-х гг. XX в.).

В 1957 г. карачаевский народ вернулся на Кавказ после депортации в Среднюю Азию и Казахстан. Черкесская автономная область, объединившись с территорией, бывшей до 1943 года КАО, преобразована в Карачаево-Черкесскую автономную область. Объединенный Карачаево-Черкесский НИИ был учрежден 29 сентября 1957 года. В штат института влились и молодые исследователи-карачаевцы, соискатели ученых степеней.

Важнейшими государственными задачами функционирования объединенного института в этот период стали: а) консолидация научных сил всех народов Карачаево-Черкесской автономной области; б) подготовка высококвалифицированных научных кадров в центральных вузах и аспирантурах по профилям отраслей гуманитарных знаний из представителей местных этносов; в) создание и издание фундаментальных работ историко-филологического и обществоведческого циклов обо всех народах Карачаево-Черкесии в центральных и региональных издательствах страны; г) становление и дальнейшее развитие научных отраслей знаний на материале проводимых исследований о народах Карачаево-Черкесии.

Создание объединенного КЧНИИ выдвинуло на повестку дня необходимость подготовки первых лексикографических работ переводного типа по всем языкам народов Карачаево-Черкесии, монографического изучения диалектных, фонетических, лексических особенностей и грамматических категорий национальных языков, научного осмысления фольклорного наследия и литературного процесса в младописьменных литературах. Эта задача была успешно выполнена.

Например, только в канун празднования 400-летия присоединения народов Карачаево-Черкесии к России (1957 год) были изданы: «Очерки по экономике и культуре народов Карачаево-Черкесии в XVI–XVII веках», «Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия» (В.П. Невская), «Добровольное присоединение Черкесии к России: (К 400-летию юбилею)» (Е.П. Алексеева), «Культура и быт Черкесского колхозного аула», «Народы Карачаево-Черкесии: (Историко-этнографические очерки)» (В.П. Невская, И.Х. Калмыков, Е.П. Алексеева), «Очерки по экономике и культуре народов

Черкесии в XVI–XVII вв.» (Е.П. Алексеева). Лексикографическая работа института завершилась в 1965 году выпуском в свет русско-абазинского и русско-ногайского словарей.

Во второй период функционирования КЧНИИ учеными-историками и этнографами были осмыслены вопросы этногенеза, древней и средневековой истории народов Карачаево-Черкесии (Е.П. Алексеева, Х.Х. Биджиев), генезиса феодализма (В.П. Невская), зарождение элементов капиталистических отношений (Ш.Ш. Хуранов), социально-политических и экономических отношений (А.Х. Карданова, Р.С. Тебуев). Впервые написан и издан фундаментальный коллективный труд – «Очерки истории Карачаево-Черкесии» (том первый – Ставрополь, 1967, том второй – Черкесск, 1972) – это первый обобщающий труд, освещающий историю, начиная с древнейших времен и заканчивая периодом социалистического строительства в Карачаево-Черкесии (Отв. ред. В.П. Невская, З.А. Романовский). Подготовлен цикл историко-этнографических очерков по черкесам (И.Х. Калмыков), карачаевцам (И.М. Шаманов), абазинам (Л.З. Кунижева и др.), ногайцам (И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И. Сикалиев). Начиная с 1957 года, учеными-историками КЧНИИ были изданы ряд книг с богатым конкретно-историческим материалом: «Народы Карачаево-Черкесии» (Ставрополь, 1957), «40 лет автономии Карачаево-Черкесии» (1962), «По ленинскому пути» (Черкесск, 1963), «Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. Дореформенный период» (В.П. Невская), «Карачай в пореформенный период» (В.П. Невская), «Преображенная деревня Карачаево-Черкесии за полвека» (В.П. Невская), «Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии» (Е.П. Алексеева) и мн. др.

С 1976 г. ученые-историки и этнографы КЧИГИ (В.П. Невская, И.Х. Калмыков, И.М. Шаманов, К.Т. Лайпанов и другие) в содружестве с учеными ведущих научных центров АН СССР поставили перед собой новую ответственную и почетную задачу: принять участие в осуществлении крупного регионального проекта «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней». Данный проект был завершен изданием в 1988 году «Истории народов Северного Кавказа». Ученые-историки и

этнографы института создали историко-этнографические очерки по всем народам Карачаево-Черкесии; литературоведы – очерки истории национальных литератур; языковеды опубликовали переводные, топонимические и общественно-политические словари по карачаевцам, абазинам, ногайцам, черкесам.

Во второй период функционирования Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института учеными-лингвистами осуществлена публикация новых лексикографических работ по родным языкам народов Карачаево-Черкесии: русско-национальных и национально-русских словарей переводного типа, орфографических, словарей общественно-политической терминологии, диалектологических, школьных и других словарей (Н.Т. Табулова, Х.И. Суюнчев, С.А. Гочияева, С.А. Калмыкова). Впервые были написаны и опубликованы научные грамматики абазинского (Н.Т. Табулова) и ногайского языков (С.А. Калмыкова, М.Ф. Саруева), монографические исследования по младописьменным языкам народов Карачаево-Черкесии. Активно разрабатывались вопросы орфографии, взаимовлияния и взаимообогащения языков, двуязычия, культуры речи и топонимики КЧАО (Х.И. Суюнчев, С.А. Калмыкова, С.А. Гочияева, Р.Х. Темирова, С.Х. ИONOва, М.А. Булгарова, А.В. Шишканова, С.А. Хапаев).

В этот период КЧНИИ стал также центром разработки актуальных вопросов художественного развития народов Карачаево-Черкесии. Учеными-литературоведами и фольклористами КЧНИИ проанализирован процесс становления младописьменных литератур, созданы и опубликованы очерки по карачаевской литературе (А.И. Караева), черкесской советской литературе (Л.А. Бекизова), абазинской (В.Б. Тугов), ногайской литературе (Л.А. Бекизова, Ш.А. Курмангулова). Проводились сбор, публикация и научное осмысление произведений устного народного творчества карачаевцев (Р.А. Ортабаева), черкесов (М.И. Мижаев), ногайцев (С.А. Калмыкова, А.И. Сикалиев), абазин (В.Б. Тугов, В.Н. Меремкулов).

Второй период развития института сотрудники нередко называют «золотым веком» Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института, потому что все поставленные перед научной организацией задачи были успешно решены. Долж-

ная материально-техническая поддержка научных исследований обеспечивала тесную координацию плановых проектов с ведущими академическими учреждениями страны и качественное издание подготовленных работ в центральных издательствах России. Институт был учредителем многих научных форумов страны по всем отраслям гуманитарных знаний. Кадровое обеспечение научных исследований осуществлялось представителями местной интеллигенции, подготовленными в ведущих научных центрах страны.

Третий период функционирования КЧИГИ: *Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований в период перестройки (с 90-х гг. и до конца XX в.):* он связан с переходным периодом перестроечного процесса страны в 90-х гг. XX в. Карачаево-Черкесская автономная область, входившая в Ставропольский край, 3 июля 1991 г. преобразована в Карачаево-Черкесскую ССР в соответствии с Законом РСФСР № 1537-1. Начавшиеся демократические преобразования сняли идеологические запреты на доступ в закрытые ранее государственные исторические архивохранилища, ученые смогли освободиться от сильно политизированной методологии исследований. Стали возможными более тесные связи карачаевцев, черкесов, абазин, ногайцев, русских со своими соотечественниками, проживающими за рубежом, а также в соседних республиках, краях и областях РФ. Главной задачей функционирования КЧИГИ в третий период его развития стала проблема переосмысления методологических подходов к анализу фактического материала в аспекте программы возрождения лучших культурно-исторических традиций этносов Российского государства, а также обретшей более высокий государственный статус молодой Карачаево-Черкесской Республики. В институте было начато переосмысление, подготовка и издание комплексных трудов историко-культурного, искусствоведческого и социологического характера с учетом новой методологии исследования и анализа демократических преобразований в РФ. Исследовательская тематика была приближена к практическим нуждам высшей и средней школы.

Благодаря активной пассионарной позиции руководства института, помощи Правительства КЧР, в перестроечный период

институту удалось 14–19 октября 1991 году, совместно с Научным советом РАН «Отечественная и мировая духовная культура (языки, литература, фольклор и искусство)», провести первую в стране международную научную конференцию по теме «Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения». Материалы ее изданы под редакцией Н.С. Надъярных и Л.А. Бекизовой (Черкесск, 1993). В период перестройки также была подготовлена институтом и проведена 28–31 октября 1997 г. в Черкесске – Архызе научно-практическая конференция «Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе». Материалы изданы в двух томах в 1999 году (под редакцией А.В. Шишкановой).

В 1993 году Распоряжением Совета Министров КЧР № 304-р от 22.06. 1993 г. в целях усиления социальной направленности проводимых научных исследований и повышения эффективности работы Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института, привлечения в институт специалистов высшей квалификации, способных решать поставленные временем новые задачи, Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики был реорганизован в Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР (далее – КЧИГИ). Так был сделан основной акцент на развитии гуманитарных отраслей научных знаний о народах Карачаево-Черкесии.

За небольшой период с 1997 по 2001 год работники института опубликовали 37 книг и 347 научно-исследовательских статей по историко-культурному наследию народов Карачаево-Черкесии в российских и зарубежных изданиях, материалах научных конференций, являющихся источником полезной информации не только для научных учреждений, но и для преподавателей, студенческой молодежи, руководителей и работников средств массовой информации, широкого круга читателей.

К примеру, в перестроечный период учеными-историками и этнографами института подготовлено и увидело свет учебное пособие для старшеклассников «Народы Карачаево-Черкесии: история и культура» (Под редакцией В.Ш. Нахушева, 1998 г.).

Было продолжено издание и переиздание учебников для средних общеобразовательных школ по родным языкам, литературам народов Карачаево-Черкесии (Н.Т. Табулова, Х.И. Суюнчев, С.А. Гочияева, В.Б. Тугов, Ш.А. Курмангулова и др.). Была издана важная для интернационального воспитания молодежи Карачаево-Черкесии книга доктора философских наук, профессора В.Ш. Нахушева «Российской Отечество и драма патриотизма многонационального народа» (2001) и др.

В перестроечный период ученые КЧИГИ участвовали в выполнении международных научных проектов, например: «Словарь тюркских языков» (Турция, М.А. Булгарова), «Сравнительная грамматика тюркских языков (Турция, М.А. Булгарова) и др. Л.З. Кунижева, И.Х. Калмыков, М.И. Мижаев опубликовали разделы по своим народам в фундаментальных академических трудах «Страны и народы мира», в коллективной монографии РАН «Религии народов мира» и др. Ученый-фольклорист Р.А.-К. Ортабаева (в соавторстве) получила международную премию за публикацию свода «Нарты: историко-героический эпос карачаевцев и балкарцев» и др. В этот период также были опубликованы работы Л.А. Бекизовой, В.Б. Тугова, Н.Х. Суюновой, В.Н. Меремкулова, Р.Х. Керейтова, Л.З. Кунижевой, Х.А. Хабекировой, Р.Т. Хатуева, Х.И. Суюнчева, С.Х. Ионовой, М.А. Булгаровой, Р.Х. Темировой, С.Х. Ионовой, А.В. Шишкановой, З.Б. Боташевой, З.Н. Алемединовой и др. в изданиях Российской Академии Наук (Москва). В Северо-Кавказском научном центре высшей школы (г. Ростов-на-Дону) в этнографическом своде о народах Северного Кавказа были изданы главы по карачаевцам (И.М. Шаманов), черкесам (И.Х. Калмыков), абазинам (Л.З. Кунижева), ногайцам (Р.Х. Керейтов), подготовленные сотрудниками института.

Однако на постсоветском пространстве были разорваны экономические связи, начался резкий обвал цен, выросла инфляция и др. В результате прервались и сложившиеся ранее устойчивые связи КЧИГИ с академическими учреждениями гуманитарного профиля и смежными НИИ соседних регионов. Отложены перспективные научные программы. Из-за свертывания финансирования научных изданий, подготовленные работы ученых КЧИГИ перестали

выпускать в центральных издательствах страны. Тираж региональных изданий стал минимальным, что не могло обеспечить знакомство широкого круга читателей с изданными работами ученых-гуманитариев КЧИГИ и в целом – ввести их в учебно-воспитательный процесс молодежи Карачаево-Черкесии.

Четвертый (современный) период функционирования КЧИГИ (с начала XXI века):

Основными задачами РГБУ КЧИГИ в современный хронологический период его функционирования являются: создание фундаментальных комплексных трудов историко-филологического и обществоведческого циклов на основе новых методологических подходов, соблюдения принципа историзма, с учетом исторических документов, найденных после открытия государственных архивохранилищ страны: написание объективной истории народов КЧР, а также новейшей истории КЧР и истории Карачаево-Черкесии XIX века, подготовка и выпуск современных лексикографических работ разного предназначения с целью сохранения и изучения проблем миноритарных языков; сбор и комплексное изучение фольклорного наследия; создание истории национальных литератур КЧР; разработка вопросов традиционного и профессионального искусств народов КЧР; планомерное осуществление социально-политических исследований; интеграция науки и образования; уважительный и содержательный диалог с обществом; оказание помощи органам государственной власти; финансирование издательской деятельности института; существенное обновление материальной базы науки.

Современное начало возрождения учредения науки ознаменовано «первой ласточкой» – выпуском первого серийного издания – Вестников РГБУ КЧИГИ: в современный период увидели свет одиннадцать выпусков тематических Вестников института. На средства авторов издано большое количество монографических исследований по всем отраслям гуманитарных научных знаний, напр.: «Этническая история ногайцев» (Р.Х. Керейтов), «Народные промыслы абазин» (Л.З. Кунижева), «Абазин. Страницы древней и средневековой истории» (М.С. Тхайцухов), «Лечебная культура черкесов» (Х.А. Хабекирова), «Антропология

образования и социальный конфликт» (Х.М. Гожев), «Этнополитические процессы и конфликты на Северном Кавказе» (А.А. Санглибаев), «Этническая конфликтология: региональный аспект» (Е.А. Щербина), «Ногайская поэзия XX века в национальном и общетюркском историко-культурном контексте» (Н.Х. Суюнова), «Абазинские фамилии и имена» (С.Х. ИONOва), «Язык и верования адыгов» (Л.К. Хужева), «История создания и пути совершенствования карачаево-балкарской орфографии» (Х.И. Суюнчев), «Функционально-семантический потенциал формально совпадающих падежей в карачаево-балкарском языке» (Ф.П. Эбзеева), «Фауна в лексике черкесов» (Х.С. Братов), «Проза Суюна Капаева» (А.И. Капланова), «Художественная культура полиэтнической Карачаево-Черкесии как исторически сложившаяся целостность» (З.Н. Алемединова) и мн.др. Ныне в научном портфеле института большое количество подготовленных к изданию работ (в их числе и словарей).

В КЧИГИ издан библиографический указатель «Публикации сотрудников КЧИГИ. Библиографический указатель (1924–2010 гг.)» (Черкесск, 2012), содержащий немаловажную статистику об изданных научных работах по предметным областям знаний, что позволяет лучше оценить влияние КЧИГИ на развитие науки и образования в республике. Так, за период функционирования КЧИГИ его работниками удалось издать более 3000 научных работ, что весомо для исследовательского научного процесса в регионе и оказания помощи образовательным учреждениям республики. Важным средством преодоления изоляции ученых считаем организацию на базе института крупных общероссийских и международных научных форумов. В современный период учеными КЧИГИ получен ряд результатов, созвучных с требованиями времени, среди которых есть достижения общероссийского и мирового уровней.

Примечания:

1. Выражаем благодарность ученым КЧИГИ, работавшим в архивах Ставропольского края, Ростова-на-Дону и Карачаево-Черкесии: Х.И. Суюнчеву, И.Х. Калмыкову, Р.Х. Керейтову, С.У. Пазову, П.К. Чекалову, любезно предоставившим найденные материалы по истории учреждения КЧИГИ.

2. ГАСК. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 41. Л. 10.

3. Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований: 70 / Ред. В.Ш. Нахушев,

А.В. Шишканова. Черкесск: КЧИГИ, 2002. 253 с.

4. ГАКЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 41. Л. 247; Оп. 1. Д. 67. Л. 314.

5. См.: Письмо облисполкома КЧАО от 21 мая 1933 года, № 25 // ГАКЧР. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 41. Л. 40.

6. Карачаевский фольклор. Микоян-Шахар, 1940; Старинные карачаевские песни. Там же; Поэзия аула. Махачкала, 1935.

7. См.: Итоги хозяйственного развития и культурного строительства КАО // ГА КЧР. Л. 75.

8. Биюков М.А., Гочияева С.А., Шаманов И.М. Карачаево-Черкесскому НИИ – 50 лет // Вопросы партийного руководства по ликвидации национального неравенства народов Карачаево-Черкесии (1917–1941 гг.). Черкесск, 1984. С. 132–159; Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований: 70 / Ред. В.Ш. Нахушев, А.В. Шишканова. Черкесск: КЧИГИ, 2002. 253 с.; А.В. Шишканова. Роль России в становлении научных знаний о народах Карачаево-Черкесии // Россия в исторических судьбах народов Карачаево-Черкесии: Вестник КЧИГИ. Серия «Общественные науки». Черкесск, 2009. С. 4–98; и др.

А.Х. Карданова

95 лет Карачаево-Черкесии

До революции 1917 года большая часть территории современной Карачаево-Черкесии в составе Баталпашинского отдела входила в Кубано-Черноморскую область, восточная часть, где компактно проживали карачаевцы, входила в состав Терской области. После окончания гражданской войны и установления Советской власти в марте 1920 года народы смогли приступить к мирной жизни. Важным элементом политической доктрины большевиков было предоставление российским народам права на самоопределение. «Декларация прав народов России», один из первых актов советского государства, провозгласила принцип равенства и суверенности народов России, их право на самоопределение.

Федеративное устройство страны, основанное на национально-территориальном делении, было закреплено в Конституции РСФСР 1918 года. Становление, развитие и совершенствование национальной государственности народов Северного Кавказа в 20–30 годы прошлого столетия было основополагающей задачей в жизни этих народов. От правильного учёта всех нюансов их национальных особенностей зависело в дальнейшем решение вопросов социально-экономического и культурного развития многонационального Северного Кавказа.

В программе партии большевиков всем народам России были предоставлены равные права. Создание национально-государственных образований становилось

практической реализацией этих прав. Это был существенный шаг в деле ликвидации возникающих недоразумений между национальностями. Он обеспечивал условия для выявления единства интересов трудящихся всех национальностей страны, для осознания необходимости объединения их усилий в решении общих задач.

На Северном Кавказе провозглашались Терская, Кубано-Черноморская, Северо-Кавказская, Ставропольская республики. По своему статусу все эти республики имели характер областного значения.

К практическому осуществлению своего права на самоопределение народы Карачая и Черкесии приступили лишь после окончания Гражданской войны и восстановления Советской власти на территории современной Карачаево-Черкесии в марте 1920 года. Первый опыт создания национальной государственности показал, что самоопределение народов может иметь различные формы: союзная республика, автономная республика, автономная область. Для немногочисленных этнических групп предусматривалось создание национальных округов.

11 ноября 1920 года был созван чрезвычайный съезд трудящихся Карачая, на котором было принято решение о провозглашении Карачаевского округа. В состав избранного на съезде окружного ревкома вошли У. Алиев (председатель), А. Хасанов, М. Батчаев, К. Курджиев, Н. Токов и другие. Съезд принял также важные решения по восстановлению разрушенного в результате двух войн и революций народного хозяйства, развитию народного образования, здравоохранения и культурно-просветительских учреждений. Особое внимание было уделено скорейшей ликвидации всех форм бандитизма. На съезде были избраны делегаты на съезд народов Терека. Образование Карачаевского округа явилось первым этапом создания национальной государственности карачаевского народа.

До обретения автономии Черкесия, на территории которой проживали абазинцы, ногайцы, русские, черкесы и др., находилась в составе Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области. Вся политическая и культурно-просветительская работа была сосредоточена главным образом в политотделе национальных меньшинств при областном комитете партии. На проходившем 2–8

марта 1921 года в г. Краснодаре 2 областном съезде трудящихся горцев Кубано-Черноморской области был рассмотрен вопрос о создании органа самоуправления для горских народов и принял решение о создании Горского исполкома для управления делами горского населения Кубано-Черноморской области.

Горский исполком приравнялся по своим правам к губернским исполкомам. В целях установления более тесной связи с центральными органами он имел постоянного представителя при Наркомнаце.

17 ноября 1920 года во Владикавказе состоялся 2 съезд народов Терека, на котором был рассмотрен вопрос государственности горских народов, обсуждены проблемы границ будущей Горской республики.

20 января 1921 года ВЦИК принял постановление о создании Горской АССР. В состав провозглашённой республики вошли следующие округа: Владикавказский, Чеченский, Назрановский (Ингушетия), Кабардинский, Балкарский и Карачаевский.

Опыт существования Горской республики оказался неудачным. Главным источником противоречий стало право собственности на землю, формы её распределения. Искусственно объединяя народы, которые находились на различных уровнях социально-экономического развития, имели различные районы обитания, различный уровень национального самосознания, нетрудно было предвидеть, что они не смогут долго проживать в одном государственном образовании.

В 1921 году трудящиеся Кабарды поставили вопрос о выходе из состава Горской республики и создании собственной автономии. Вслед за Кабардой этот вопрос был поставлен Балкарией. 16 января 1922 года Президиум ВЦИК принял решение об образовании Кабардино-Балкарской автономной области.

Одновременно с Кабардой, Карачай и Черкесия поставили вопрос о создании самостоятельных автономий. Осенью 1921 года представитель Наркомнаца выехал в Карачай, чтобы решить на месте вопросы, связанные с выходом Карачая из Горской АССР. Материалы исследования показали, что целесообразнее всего было бы создание единой автономии для черкесов, карачаевцев, ногайцев, абазин и русских, живущих в близлежащих станицах.

С 1921 по 1922 годы решается вопрос о создании автономии, в состав которой должны были войти Карачаевский округ, часть территории Баталпашинского отдела, на которой компактно проживали черкесы, абазин, ногайцы, а также шесть череполосных казачьих станиц.

Повсеместно, буквально в каждом населённом пункте Карачая и Черкесии обсуждался вопрос о создании объединённой автономии, который получил положительную оценку. 6 ноября 1921 года прошло общее собрание граждан аула Тазартуковского (н.а. Бесленей). В постановлении собрания было записано, что жители аула единодушно пришли к твёрдому заключению, что единственно приемлемой формой административного управления на местах, безусловно, является создание своей автономной области – наподобие Кабарды на Тереке, с центром обязательно в Баталпашинске, с прямым подчинением этой области во всех отношениях непосредственно соответствующим административным органам управления РСФСР в Москве. Аналогичные решения практически были приняты во всех населённых пунктах.

7–8 ноября 1921 года прошёл съезд черкесов, абазин и ногайцев Большого и Малого Зеленчуков и верховьев Кубани Баталпашинского отдела в ауле Эльбурган. На съезде присутствовали представители 22 аулов. Съезд решил, что самым разумным, практичными целесообразным является объединение народов черкесского, карачаевского, абазинского и ногайского и «образование одной автономной области». Съезд просил «высшие органы РСФСР Карачаево-Черкесскую автономную область, с включением в неё неизбежных череполосных русских станиц, согласно желанию последних, признать и утвердить».

На съезде также подчёркивалось, что горцы и русское население за многие годы совместного существования «вполне сжились – занятие, быт, даже костюм сделались тождественными». Между ними издавна существовало непрерывное общение, особенно экономическое, поддерживаемое глубоким доверием друг к другу.

Окончательно вопрос о создании автономии решался на состоявшемся 26 ноября 1921 года съезде народов Баталпашинского отдела, на котором присутствовали представители Наркомнаца, Карачаевского

округа и чересполосных русских населённых пунктов. В своём выступлении представитель Наркомнаца говорил: «Что касается автономии, то если съезд найдёт необходимым выделиться в автономную область, центральная власть пойдёт этому желанию навстречу».

Следует отметить, что особого единства во взглядах на создание области достигнуто не было. Представители станиц Исправная, Зеленчукская, Сторожевая отказались войти в состав области, представители станиц Кардоникской воздержались от окончательного решения вопроса, свои условия поставили представители станиц Усть-Джегутинской.

Не приходится удивляться тому, что при обсуждении вопроса об автономии не сразу выработалось единое мнение. Несмотря на то, что между горцами и русскими существовали тесные экономические связи, поддерживались добрососедские отношения, нередко перераставшие в крепкую дружбу, всё же последствия веками насаждавшейся царизмом политики недоверия и подозрительности одного народа к другому не могли быть изжиты в столь короткое время. С населением перечисленных выше станиц была проведена разъяснительная работа, которая убедила станичников в преимуществах единой автономии.

9 ноября 1921 года состоялось заседание коллегии Наркомнаца, на котором присутствовали представители Карачая и Черкесии У. Алиев, Д. Гутякулов, М. Батчаев, А. Калмыков и М.-Г. Мансуров. Коллегия приняла решение выделить Карачай из состава Горской республики, Черкесию и 6 казачьих станиц из Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области и создать объединённую Карачаево-Черкесскую автономную область.

12 января 1922 года ВЦИК утвердил образование автономной области, как части РСФСР. Область была названа Карачаево-Черкесской исключительно по титульному названию двух территорий Карачая и Черкесии, не потому, что она создавалась исключительно для карачаевцев и черкесов. Область была создана для всех народов, проживающих на её территории.

Карачаево-Черкесская автономная область состояла из пяти округов: Баталпашинского, Эльбурганского, Хумаринского, и Малокарачаевского. Позднее по просьбе

казачества был создан Зеленчукский округ.

В марте 1922 года был образован областной ревком в составе К.А. Курджиева, Д.Н. Гутякулова, Я.Ф. Балахонова и создано Карачаево-Черкесское оргбюро РКП(б), секретарём которого стал А.А. Селиванов.

Провозглашённая область просуществовала чуть больше трёх лет. Противоречия между вошедшими в состав КЧАО народами начались буквально с первых месяцев жизни образовавшейся области в период формирования властных структур, когда был нарушен принцип равного представительства в них (паритет). В избранный исполком, начавший работу 1 декабря 1922 года, самое большое количество мест получили карачаевцы. После острых споров, принимавших конфликтный характер, был решен вопрос о составе президиума, в который вошли черкес, двое карачаевцев и двое русских. Черкесы не были назначены в качестве представителей во ВЦИК. Это послужило основой для недовольства со стороны черкесов, породило «протест 13» (партийных и беспартийных советских работников-черкесов).

Следует заметить, соблюдению принципа паритета в строительстве органов власти в Карачаево-Черкесии придавалось особое значение, что объяснялось многонациональностью населения области, стремлением каждой из этнических общностей, проживающих на территории области, иметь своих представителей в органах власти, отстаивающих и защищающих интересы своего народа. Только соблюдение принципа паритета на практике содействовало бы стабильной обстановке в межнациональных отношениях в автономной области.

В декабре 1924 года Северо-Кавказский крайком партии, обращаясь ко всем членам крайкома, членам национальной комиссии крайкома писал: «С самого начала организации Карачаево-Черкесской автономной области по сегодняшний день не было более или менее продолжительного момента, когда руководящие работники были спаяны, и не было между ними напряжённой борьбы. Эта борьба имеет особое значение в Карачаево-Черкесии, поскольку эти конфликты или вытекают исключительно из источника национального антагонизма или же приобретают национальный характер».

На состоявшемся 29 декабря 1924 года заседании Наркомнаца основным вопросом

был вопрос утверждения национального мира и братства между всеми народами Карачаево-Черкесии.

И все-таки неоднократно в 20-е годы поднимался вопрос о разъединении области на Карачай и Черкесию. Считая разъединение области преждевременным, крайком партии пошёл по пути совершенствования административного устройства области, сохранив её единство.

Перестройка осуществлялась по национальному признаку: были созданы три карачаевских округа – Малокарачаевский, Учкуланский и Хумаринский. В национальном отношении они оказались компактными: кроме одного осетинского и двух абазинских аулов, не было ни одного населённого пункта, где не проживали бы карачаевцы. Казачьи станицы области объединились в два округа – Зеленчукский и Баталпашинский; черкесское, абазинское, ногайское население с несколькими небольшими русскими хуторами образовали два округа. Принятые Северо-Кавказским крайкомом партии меры по стабилизации обстановки в Карачаево-Черкесской автономной области даже на короткое время не сняли напряжённости во взаимоотношениях между черкесами и карачаевцами.

В марте 1926 года бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) вынесло решение о разделе Карачаево-Черкесской автономной области по национальному признаку. Фактически это было признание ошибочной политики в национально-государственном обустройстве народов, проживающих на территории области. Исполняя решение Президиума крайисполкома, 1 апреля 1926 года принято новое решение «О реорганизации Карачаево-Черкесской автономной области». 26 апреля 1926 года был опубликован Декрет ВЦИК «О расчленении Карачаево-Черкесской автономной области по национальному признаку».

Определённый интерес вызывает констатация этого факта в документах: «Ввиду выявившегося желания населяющих Карачаево-Черкесскую автообласть (так в документе. – *Авт.*) народностей и нецелесообразности дальнейшего объединения существующей названной области разделить Карачаево-Черкесскую автономную на 3 единицы: 1) Карачаевскую автономную область; 2) Черкесский автономный округ, с прямым подчинением краю; 3)

Баталпашинский район, объединяющий Баталпашинский и Зеленчукский округа с присоединением к Армавирскому округу». Административные центры всех трёх единиц временно оставались в Баталпашинске.

Постановление Президиума ВЦИК «О расчленении Карачаево-Черкесской автономной области по национальному признаку», принятое 26 апреля 1926 года, закрепило решение краевых властей.

Постановлением Малого Президиума Северо-Кавказского крайисполкома от 18 июля 1928 года было утверждено деление Карачаевской автономной области на 4 округа: Мало-Карачаевский (центр г. Кисловодск), Учкуланский (центр а. Учкулан), Хумаринский (центр а. Каменноостровский) и Марухо-Архызский (центр с. Марухское).

Дальнейший процесс национально-государственного устройства был связан с повышением статуса государственности Черкесии. 19 января 1927 года Малый Президиум крайисполкома постановил преобразовать Черкесский национальный округ в автономную область и войти в ходатайство об этом в центральные органы.

30 апреля 1928 года постановлением ВЦИК Черкесский национальный округ был преобразован в Черкесскую автономную область, входящую в состав Северо-Кавказского края. В области было два округа: Кабардино-Ногайский с центром в ауле Тахтамышевском (с. Икон-Халк), и Эльбурганский с центром в ауле Эльбурган.

В 1931 году большая часть бывшего Баталпашинского района с поясом предгорных казачьих станиц между Карачаем и Черкесией была разделена между этими двумя автономиями, что серьёзно укрепило их экономическую базу.

Примечания:

1. СССР в период восстановления народного хозяйства. М., 1955. С. 27–29.
2. Мартынов М. Производительные силы Карачаево-Черкесской автономной области. Кисловодск, 1926. С. 14.
3. Летифов А.Л. Исторический опыт национального государственного строительства на Северном Кавказе. Махачкала, 1972. С. 18–19.
4. Жизнь национальностей. 1921. № 28 (126). 3 декабря. С. 3.
5. Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М., 2011. С. 158–162.
6. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 11. Д. 10. Л. 4; Ф. 65. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.
7. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 138; Ф. 1318. Оп. 1. Д. 190. Л. 1; Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 70–71; Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 106б; Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 112об., 113.

IV. ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВИЯ НА КУБАНИ

А.В. Бабич, А.М. Галич

**Пастырское служение
военного священника
о. Иоанна Ястребова (1879–1916)**

Военное духовенство с момента своего возникновения было предназначено для духовного окормления лиц, находившихся на воинской службе. Так, например, еще Карл Великий заботился о том, чтобы при войске находилось достаточное количество лиц духовного звания, а с возникновением регулярных армий военное духовенство стало прочной организацией и образовало самостоятельное ведомство.

До Петра Великого на Руси духовные лица временно прикомандировывались к полкам либо патриаршим приказом, либо непосредственным распоряжением царя. По воинскому уставу Петра I, принятому в 1716 году, при каждом полку должен был состоять священник, а указом 1719 года повелено было и на флоте, на каждом корабле, иметь по одному иеромонаху или священнику, особенно вдовому или бесемейному. Для наблюдения за находившимися на кораблях духовными лицами назначались на время плавания обер-иеромонахи или начальные священники. В сухопутных войсках в мирное время наблюдение за полковыми священниками входило в круг обязанностей местных епархиальных властей, а в военное время воинский устав предписывал назначать особых обер-полевых священников, на правах обер-иеромонахов. Первое назначение таких обер-полевых священников относится к 1746 году.

При императоре Павле I Указом от 4 апреля 1800 года должность обер-полевого священника стала постоянной; ему было поручено «главное начальство» над полковыми священниками в административном и судебном отношениях. Первый обер-священник, протоиерей Озерецкий, получил право непосредственного сношения, помимо Синода, с епархиальными архиереями. При Александре I Озерецкому повелено было по всем делам и вопросам испрашивать предварительного разрешения Святейшего Синода и представлять ему от-

четы. В 1815 году, после образования Главного штаба его императорского величества, в его состав была введена новая должность обер-священника, с подчинением ему духовенства гвардии, а позже и гренадерского корпуса. В 1858 году обер-священники переименованы в главные священники. С 1883 года слились должности главных священников гвардии и гренадер, армии и флота, и, наконец, 12 июня 1890 года было Высочайше утверждено «Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств». Этим положением учреждено звание «протопресвитера военного и морского ведомства», который избирался Святейшим Синодом, утверждался императором и находился в непосредственном подчинении Святейшего Синода.

При протопресвитере было учреждено духовное управление, состоявшее из канцелярии и присутствия. Находившиеся в ведении протопресвитера военные священники состояли при подвижных церквах в войсковых частях и при соборах и храмах неподвижных, с приходами из обывателей и без них. Военные священники, находившиеся при полках, обязаны были совершать таинства и молитвословия для воинских чинов в церкви и на дому, не требуя за то вознаграждения. Для ближайшего наблюдения за духовенством войск, входивших в состав дивизии, протопресвитер назначал дивизионного благочинного. Епархиальный архиерей также имел право надзора за военными священниками, находившимися на территории его епархии⁷. В таком же состоянии система военно-духовного ведомства находилась и к моменту начала Первой мировой войны 1914–1918 гг.

В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. военные священники, находившиеся при полках, наряду с простыми воинами, несли на себе все тяготы фронтовой жизни. В то же время они не только самоотверженно и честно исполняли свои прямые обязанности, но и, порой, с крестом в руках, вместе с полковыми командирами, храбро шли вперед, вдохновляя воинов личным примером.

⁷ Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. С.-Петербург, 1892. С. 845–846.

В газете «Кубанский край» от 8 июля 1915 года описан яркий коллективный образ военного духовенства Российской империи, принявшего участие в Великой войне. Приведем некоторые цитаты из этой статьи.

«Из рассказов очевидцев, — сообщает нам автор, — из солдатских писем, из отзывов начальствующих лиц, из многочисленных сообщений печати, из длинных списков священников убитых, раненых, пропавших без вести, числящихся в плену, мы знаем, какую высокую энергию и силу духа проявила эта скромная, незаметная рать».

Далее автор приводит слова боевого генерала о том, что священники, «с крестом в руках храбро идут впереди своего полка, а по окончании сражения помогают перевязывать раненых» и поясняет: «В этих словах ... заключается верная общая характеристика деятельности духовенства на поле сражения в эту войну. Если прежде оно старалось принести духовное утешение воинам, находясь в тылу, около раненых и умирающих, то теперь оно перешло в передовые окопы и здесь ободряет и благословляет воинов, направляющихся в бой. Именно этим переселением духовенства из тыловых учреждений в передовые цепи и вообще в сферу огня и объясняется значительная убыль убитыми, ранеными, пропавшими без вести в сравнительно немногочисленной рати священников на войне.

Деля с солдатом ужас войны, священник делает такую государственную работу, которую не в состоянии выполнить за него никто другой, и равной которой нет. Как ни велико в современной войне значение техники, но силу армии составляет все же дух войска. Поднять этот дух до высоты самопожертвования, рассеять страх перед страданием и смертью при глубоко религиозной натуре русского солдата — трудно без духовного отца и пастыря»...

В настоящей публикации представлены материалы из фондов Государственного архива Краснодарского края и «Ставропольских епархиальных ведомостей» о военном священнике о. Иоанне Ястребове, служившем в 10-м пластунском батальоне и погибшем на Кавказском фронте 15 июня 1916 года.

Данный материал на взгляд авторов очень ярко и наглядно характеризует почти совершенно забытый в настоящее время подвиг православного духовенства, совер-

шенный им в Первую мировую или Великую войну 1914–1918 гг.

№ 1

Послужной список о службе священника станицы Полтавской Кубанской области Иоанна Ястребова за 1913 год

1. Сан, чин или звание, должность, имя, отчество и фамилия, лета от роду; когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно:

Священник Иоанн Петров Ястребов, 34 лет, рожден 29 августа 1879 года, имеет Высочайше установленную медаль в память 25-летия церковно-приходских школ и 300-летия Дома Романовых.

3 апреля 1913 года, за усердную и полезную пастырскую службу награжден набедренником. Кругового годового дохода на долю священника поступило 985 р. 68 коп., от аренды 27 дес. 360 кв. саж. причтовой земли 400 рублей, других источников дохода не имеет и казенного жалованья не получает.

Государь Император, согласно определения Святейшего Синода Всемилощивейше соизволил, в 22 день октября 1915 года, за отличия во время военных действий пожаловать орден св. Анны 3 ст. с мечами. Пр[иказ] по вед[омству] 15 апреля 1916 г. № 106 п. 4.

2. Из какого звания происходит:

Из духовного звания, сын диакона ст. Новоминской.

3. Есть ли недвижимое имение; у са-мого или у жены, и какое именно:

Имеет кирпичный дом с надворными постройками.

4. Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении; когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил оную, какие проходил и проходит особенные должности:

В июне 1903 г. Окончил курс в Ставропольской духовной семинарии.

IV. История православия на Кубани

9 июля 1903 г. рукоположен в сан диакона к церкви села Николаевского Ставропольской губернии.

19 июля 1905 г. рукоположен в сан священника к Вознесенской церкви ст. Суздальской Кубанской области.

26 июля 1910 г. перемещен на второе священническое место к Николаевской церкви ст. Полтавской Кубанской области.

С 1 сентября 1903 г. состоял учителем церковно-приходской школы села Николаевского [Ставропольской губернии].

С 1 сентября 1905 г. состоял заведующим и законоучителем церковно-приходской школы и законоучителем министерского училища ст. Суздальской.

С 1 сентября 1911 г. состоял законоучителем 1-классного министерского училища имени Шкиля.

С 15 ноября 1913 г. при параллельном отделении Полтавского женского училища.

21 июля 1914 года, по случаю мобилизации, прибыл в 10-й Кубанский пластунский батальон.

15 июня 1916 г., в бою с турками, убит артиллерийским снарядом.

5. Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях. Когда именно: не было ли каких особых поручений или отличий:

В походах против турок был с 18 октября 1914 года по 4 февраля 1915 года. Против австро-германцев с 3 мая по 6 марта 1916 года. В сражениях не участвовал, но совершал погребения убитых во время боев и после них, и напутствовал тяжелораненых.

С 26 марта по 15 июня 1916 г. с турками.

6. Подвергался ли взысканиям по суду, и каким именно, или не состоит ли под следствием или судом.

Не подвергался и ныне под судом и следствием не состоит.

7. Был ли в отпусках, когда и насколько именно времени; являлся ли к сроку, и если просрочил, то когда именно явился, и были ли причина просрочки признан уважительной:

Был с 1 июля 1911 года по 15 августа в г. Анапе.

В месячном отпуску с 14 ноября 1915 г. Прибыл в срок.

8. Был ли за штатом, или без места, и с которого по какое именно время:

Не был.

9. Холост или женат, кого имеет в семействе; год месяц и день рождения членов семейства; где кто находится:

В семействе у него жена Елисавета Ниловна 27 лет. Дети их: Юлия, рождена в 1904 г. 17 мая, Клавдия, рождена в 1909 г. 9 декабря, Александр, рожден в 1912 г. мая 1 дня.

10. Кто, кому, в каком родстве:

Никому.

11. Сведения благочиннического надзора о поведении священноцерковнослужителей с их семействами, сообщаемые для епархиального начальства:

В поучении прихожан неленостен, поведения весьма хорошего.

С подлинным верно:

Ставропольской Духовной Консistorии Секретарь /Подпись/

Сверял столоначальник /Подпись/

ГАКК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 58. Л. 218, 218об., 219. Машинописная копия.

№ 2

Телефонограмма № 1198
командующего 10-м Кубанским пластунским батальоном благочинному церквей
2-й Кубанской пластунской бригады

24 июня 1916 года

Сообщаю, что священник вверенного мне батальона О. Иоанн Ястребов, во время боя с турками 15 июня с/г., идя все время с крестом в руках в передней цепи, был убит артиллерийским снарядом турецкой батареи.

ГАКК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 9. Л. 107. Машинописная копия.

№ 3

**Выписка из Ведомости 10-го Кубанского
пластунского батальона о прибыли
и убыли в офицерском составе
и о последовавших переменах
в служебном положении офицерских
и классных чинов батальона
за июнь 1916 года**

Чин, имя, отчество, фамилия и должность	Отметка о прибыли, убыли и о переменах
Священник Иоанн Петрович Ястре- бов. Батальонный свя- щенник	15-го июня 1916 года в бою с турками убит артиллерийским снаря- дом. Прик. по батальону 15 июня 1916 г. № 16.

Командующий 10 Кубанским
пластунским батальоном
Войсковой старшина

Ткачев

8 июля 1916 года
№ 1272
Кавказская армия

Батальонный адъютант,
Прапорщик

/Подпись/

ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11173. Л. 104,
104об., 105. Подлинник.

№ 4

Священник Иоанн Ястребов. Некролог

**г. Ставрополь
17 июля 1916 г.**

15 июня сего 1916 года, в 12 часов дня, в бою с турками, неприятельским артиллерийским снарядом убит священник 10-го Кубанского пластунского батальона Иоанн Петрович Ястребов.

В указанный день о. Ястребов, всегда находившийся при перевязочном батальонном пункте, видя тяжелое боевое положение своей части, пошел в передовую линию батальона. Натиск огромных турецких сил доблестно и стойко сдерживался с июня пластунами №№ бригад. В числе батальонов, препятствовавших туркам прорваться, был и 10-й.

Яростные, ожесточенные атаки турок разбивались о беспримерную стойкость, мужество, храбрость и самопожертвование

пластунов. На смену убитым фанатично шли новые и новые колонны турок.

Занимая то одну, то другую позицию, то выбивая турок контратакой, то, под натиском в 10 раз превосходящих неприятельских сил, переходя на новые, более удобные позиции, испытывая во время этих кровавых боев и тяжелых передвижений по едва проходимым горным тропинкам, беспрерывно днем и ночью, в холоде, дожде и тумане, крайние лишения, пластуны не падали духом, с редким терпением переносили невзгоды, с изумительною стойкостью отражали многочисленные атаки врага.

Все, что переносил в эти дни 10 батальон, переживал и пастырь – о. Ястребов.

Участник всех переходов батальона, о. Иоанн ограничил, в силу необходимости, на первых порах, свою пастырскую деятельность перевязочным передовым пунктом, там подавая и медицинскую (как помощник врача) и духовную помощь раненым, утешая страдальцев, закрывая глаза умирающему пластуну.

15 июня о. Ястребов идет со словом ободрения и воодушевления в окопы своих духовных детей – пластунов.

Осенья Св. Крестом храбрых защитников Царя и Отечества, призывая благословение Господне на борцов за правду, о. Иоанн проходил ряд окопов, вливая дух бодрости в души казаков.

Дождь пуль, разрывы снарядов не колеблют духа пастыря. Исполняя свое святое пастырское служение с первого дня военных действий России с Турцией, о. Ястребов исполнил его... до конца: стакан вражеского артиллерийского снаряда врезался в левый бок о. Иоанна и вырвал все внутренности желудка. Подхваченный преданными ему пластунами, о. Ястребов жил около 10 минут, повторяя одно слово: «братцы» – это умирающими устами пастырь звал на борьбу за братство и счастье народов своих верных пластунов.

По дороге к перевязочному батальонному пункту тихо и отошел к Богу пастырь добрый, душу свою положивший за овец своих. На 37 году своей жизни скончал земные дни свои о. Ястребов.

Родился он, сын диакона, 29 августа 1879 года, в ст. Новоминской. В 1903 г. окончил курс Ставропольской духовной семинарии. В том же году, 9 июля, рукоположен в сан диакона к церкви села

Николаевского [Ставропольской губернии]. Через два года, 19 июля 1905 года, принял сан священника и состоял при церкви ст. Суздальской до 1910 года. С 26 июля с.г. свое иерейское служение совершал в ст. Полтавской [Кубанской области] до 21 июля 1914 года, когда призванный по мобилизации, и был зачислен в 10-й Кубанский пластунский батальон.

Не разлучаясь с батальоном ни на один день, о. Ястребов совершил с ним трудный поход по турецкой территории с 19 октября по 31 декабря 1914 года. Участвовал о. Иоанн и в боях этого периода времени.

Памятные всем пластунам дни 12, 13 и 14 мая 1915 г. о. Ястребов был при батальоне, переживал вместе с ним все ужасы этих дней, когда пластуны своею грудью сдерживали (и сдержали) натиск австро-германцев у с. Кальникув и Яворова [Галиция]. Под градом тяжелых неприятельских снарядов о. Ястребов тихо и незаметно совершал великое дело милосердия на своем перевязочном пункте.

Переброшенный из Галиции (Радымно-Яворов) в Буковину (за Хотин на берег Днестра) 10-й батальон 8-го июня пошел у с. Баламутовка в атаку на австрийцев. По недавнему полю битвы, 8-го днем, можно было видеть о. Ястребова, под артиллерийским огнем убиравшего павших в бою своих дорогих пластунов.

В дни после 8 июня перевязочный пункт 10 [пластунского] бат.[альона] со своим врачом и духовным пастырем был буквально под артиллерийским обстрелом австрийцев, находясь в самом с. Баламутовке. Во время атак 2, 3 и 4 июля у селений Громешти и Ржавенцы в окопах 10 бат. был и батюшка о. Иоанн, подавая помощь раненым, предавая земле убиенных на поле брани христоролюбивых воинов.

В бою 25 августа у дер. Венятенцы о. Иоанн опять сопутствовал своему батальону.

Разделяя со своей частью все лишения, о. Ястребов разделял всецело и готовность положить живот свой за Веру, Царя и Отечество.

Снова вернувшись на Кавказский фронт, с первого же боя 1 апреля на Карадере, о. Иоанн возобновляет свою пастырскую деятельность, которая не ослабляется и во время боя батальона 29-30 мая, когда он идет в самую передовую цепь свою и оттуда выносит раненых.

Во время отдыха батальона в резерве о. Ястребов неопустительно совершал Богослужения, наставляя живым словом проповеди своих пасомых в правилах веры в Бога, любви к Отечеству и преданности Царю – Божию помазаннику.

Заботами и трудами о. Иоанна организована и продуктивно функционировала походная библиотека для нижних чинов батальона. 15 июня многотрудная и тяжелая работа о. Ястребова внезапно и навсегда, Божиим произволением прерывается.

Отдав почти все свои силы на служение Родине в настоящую великую 2-ю Отечественную войну, ей же, дорогой Отчизне, отдает о. Ястребов и жизнь свою.

Своею геройскою смертью на славном посту боевого духовного пастыря о. Иоанн запечатлел в поддержку слабых духом, в укоризную сомневающимся в самоотверженности и опасности святой работы священника на позициях, в духовную радость и гордость пастырей, труждающихся ныне на театре военных действий – Святую заповедь Господа, для всех в переживаемую годину обязательную: «никто не имеет больше той любви, да кто жизнь свою положит за друзей своих»: за Веру Святую Православную, Царя – Божию Помазанника, за дорогую для всякого сердца русского многострадальную отчизну.

Боевая деятельность о. Ястребова отмечена: награждением его орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и представлением его к бархатной фиолетовой скуфье.

Покойный оставил после себя жену и троих малолетних детей: 12 лет, 5 лет и 4 года.

Тело о. Ястребова отправлено на место последнего его служения – в ст. Полтавскую Кубанской области.

*Благочинный церковей 2-й Кубанской
пластунской бригады
Священник Сергей Тихомиров.*

Ставропольские епархиальные ведомости. № 28. 17 июля 1916. С. 915–919.

№ 5

**Священник-герой.
(К славной смерти на поле брани
священника о. Иоанна Ястребова)**

8–9-го июля сего года в ст. Полтавской Кубанской области происходило

печальное торжество. Привезли тело убитого на войне священника ст. Полтавской о. Иоанна Ястребова. О прибытии тела было известно раньше, население станицы своевременно было предупреждено, и, так как в этот день случился праздник Казанской иконы Божьей Матери, то на станцию Полтавскую Черноморско-Кубанской железной дороги для встречи тела собралась к приходу поезда огромная толпа народа. К 1 ч. дня прибыло местное духовенство во главе с о. благочинным священником Г. Поярковым; на платформе станции к прибытию поезда расположились хоругви, хор певчих и оркестр духовой музыки. По прибытии поезда, гроб с останками был вынесен из багажного вагона и после краткой литии на плечах бывших прихожан перенесен в храм Св. Николая, где служил покойный. Шествие было грандиозное: народная толпа растянулась на целую версту, пока не остановилась возле двора покойного священника, куда по дороге занесли тело его. Здесь, после краткой литии была сделана попытка посмотреть лицо покойного; была снята крышка деревянного гроба, под которой оказался цинковый гроб с окошечком над головой, но стекло в нем настолько потускнело изнутри, что совершенно ничего не было видно. Тут горе семьи и престарелых его родителей и др. родственников особенно остро почувствовалось и, прежде насильно сдерживаемое, вырвалось наружу с особой силой и проявилось в громких воплях, потоках слез и обмороках. От двора до храма было уже недалеко и процессия, сопровождаемая печальными мелодиями, попеременно то церковного хора, то оркестра, к 4 часам дня достигла его. После великой панихиды, отслуженной соборне 5-ю иереями, до начала вечерни читалось над гробом св. Евангелие попеременно всеми священниками, а также после всенощной.

На другой день была совершена собором заупокойная литургия, в конце которой о. благочинным священником Г. Поярковым было произнесено глубоко прочувствованное слово, во время которого все молящиеся навзрыд плакали. По окончании литургии вместо чина погребения, который был уже совершен над телом почившего иерея в г. Батуме, была отслужена великая панихида, пред которой священником Н. Бордычевским была сказана краткая речь о величии подвига покойного иерея и его

достойной матушки с призывом к подражанию им. После панихиды гроб с телом на руках священнослужителей был вынесен из храма и, после троекратного обнесения вокруг него, был опущен в приготовленный в церковной ограде склеп, над которым общество ст. Полтавской имеет ввиду по окончании войны построить часовню в память Полтавских воинов, положивших в эту великую войну живот свой за Веру, Царя и Отечество, во главе со своим достойным пастырем.

Покойный о. И. Ястребов был еще молодой человек, лет 36, по окончании курса в Ставропольской духовной семинарии, он, пробывши недолго диаконом, пять лет священствовал в ст. Суздальской, а в 1910 г. перевелся в ст. Полтавскую, где обзавелся своим домиком и жил хотя и не богато, но счастливо, и пользовался расположением прихожан и знакомых. С первой же мобилизацией он отбыл к своему 10-му пластуному батальону, и с тех пор неотлучно сопровождал его сначала в Турцию, потом в Австрию и затем опять в Турцию, откуда ему суждено было вернуться уже бездыханным. Везде и всюду он исполнял свой высокий долг с величайшим самоотвержением: с крестом в руках, впереди своих пластунов, ободряя и воодушевляя их на великий ратный подвиг, он пал смертью героя, сраженный турецким снарядом не в тылу, а в передовой цепи, благословляя и напутствуя своих соратников на предстоящую атаку. Он был убит 15 июня близ селения Офы, между Трапезундом и Платаной. Своею славною смертью, своим величайшим подвигом, заставившим его положить душу свою за други своя, он заслужил неувядаемый венец славы на земле и венец нетления на небе.

Даруй же, Господи, не только ему вечное блаженство, но и малолетней семье его, состоящей из 4-х малюток, силу и бодрость терпеливо перенести посетившее ее тяжкое горе.

Очевидец.

Ставропольские епархиальные ведомости. № 30. 31 июля 1916. С. 975–977.

№ 6

**Памяти полкового священника
о. Иоанна Ястребова,
уроженца Ставропольской епархии,**

убитого 15 июня 1916 г. на Кавказском фронте

Вечная память борцу за свободу,
Славно погибшему в честном бою;
Родине милой, Царю и народу
Душу отдавшему в брани свою!

Подвиг твой ратный и брани невзгоды
В памяти нашей пребудут всегда.
В славе победы, в сиянье свободы
Вспомнят народы в восторге тогда.

Вспомнят, как пастырь под градом
шрапнельным
Долг свой святой, не боясь, совершал,
Мучимый голодом в окопах недельным,
Братьев солдат, не ленись, увещал.

Вечная память пастырю славному,
Душу отдавшему ради овец,
Подвигом воина, святости равному,
В небе стяжавшему славы венец.

Священник В. Щеглов

Ставропольские епархиальные ведомости. № 30. 31 июля 1916. С. 978.

Н.В. Кияшко

Обновленческий раскол в Армавирском округе Северо-Кавказского края в 1922–1930 гг.

История Русской Православной Церкви XX в. – это удивительный пример водительства Святого Духа, Его живого присутствия даже в самые тяжелые и трудные времена, когда все внешние силы были направлены на уничтожение и максимальное разложение Церкви Христовой. Самой серьезной болезнью XX в. являлся обновленческий раскол, с помощью которого советская власть стремилась расколоть Церковь, разделив на множество враждующих партий. Но вершители судеб советского народа забыли о словах Иисуса Христа, навсегда оградившего Церковь от посягательств внешнего мира: «...и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:18). Живым доказательством слов Спасителя стал совершенно очевидный для всех бесславный конец обновленческого движения, принесшего боготворческой власти лишь разочарование.

Сегодня среди специалистов давно признана справедливой оценка обновленческого раскола как стремления Политбюро и ОГПУ добиться организационного и идеологического разложения Русской Церкви. В связи со значительной разрозненностью источников к этому вопросу из исследователей практически никто не обращался. Эволюция обновленческого раскола и характер отношений Церкви и власти на местах отражены в некоторых публикациях автора статьи [1]. Настоящий материал основан на неопубликованных ранее документах Государственного архива Краснодарского края и архива Екатеринодарской епархии Русской Православной Церкви и характеризует положение обновленчества в Армавирском округе Северо-Кавказского края в 1922–1930 гг.

Обновленческий раскол на Кубани начал свою эволюцию с майского епархиального съезда 1922 г., на котором подавляющим большинством духовенства епархии во главе с архиепископом Кубанским и Черноморским Иоанном (Левицким) была признана легитимность церковной власти за группой «Живая Церковь» (далее – ЖЦ), захватившей высшую административную власть, и стремившейся к обновлению Церкви в соответствии с духом времени. Идейным руководителем и главой кубанских обновленцев был член епархиального управления протоиерей Федор Иванович Делавериди, назначенный 4 августа 1922 г. уполномоченным образованного ЖЦ Высшего церковного управления (далее – ВЦУ) в крае [2]. После съезда доверие духовенства к епархиальному управлению значительно возросло, «несмотря на определенное мнение о том, что в управлении [Епархиальном] сидят большевики», – как свидетельствовал сам Ф. Делавериди. На этом же съезде им был сформирован новый состав епархиального управления из лояльных к ЖЦ священников [3].

Основными проводниками идей обновленчества в 1922–1923 гг. были благочинные епархии, которые на собраниях духовенства практически не оставляли священникам никакого выбора, предлагая либо «встать на путь церковной революции», либо лишиться своих приходов. Большинство прихожан сельских храмов следовали за своими священниками, безоговорочно доверяя им. С целью укрепления позиций

обновленчества протоиерей Ф. Делавериди заменил многих благочинных вместо противников ЖЦ на сторонников [4].

К моменту подчинения главы епархии и духовенства края ВЦУ Кубано-Черноморская епархия включала в себя два викариатства: Ейское и Армавирское. Ейскую кафедру занимал епископ Евсевий (Рождественский), а Армавирскую – до своей смерти 27 июня 1922 г. занимал епископ Симеон (Никольский) [5]. Есть основания предполагать, что в силу своего болезненного состояния (он продолжительное время был болен после перенесенной холеры) епископ Симеон не принимал участия в майском съезде и не был причастен к расколу.

После его кончины, как известно из «Комментированных списков иерархов по епископским кафедрам с 862 г.», 16 (29 н.ст.) сентября 1922 г. во епископа Армавирского был хиротонисан поддерживавший ВЦУ благочинный Михаил Орлинский, имевший большой авторитет и популярность среди кубанского духовенства [6]. Очевидно, в это же время под руководством «епископа» Михаила было сформировано Армавирское окружное церковное управление. Относительно его епископской хиротонии достоверных сведений не выявлено, однако известно, что в ее участии принимал обновленческий епископ Казанский Иоанний (Дьячков) [7]. Такое же окружное церковное управление было организовано в г. Новороссийске, ставшем центром третьего викариатства.

Армавирское викариатство включало в себя территорию бывшего Армавирского отдела, преобразованного 2 июня 1924 г. в Армавирский округ. Территория округа была расширена и в нее входили Армавирский, Вознесенский, Григориполисский, Каменнобродский, Кропоткинский, Курганинский, Лабинский, Невинномысский, Новоалександровский, Отраденский, Петропавловский и Успенский районы (156 советов) [8].

«Епископу» Михаилу не пришлось столкнуться с оппозицией при управлении викариатством, так что, как писал епископ Краснодарский Флавиан (Иванов), он «увлек за собой большую часть епархии» в раскол [9]. В июле 1923 г. обновленческим Священным Синодом архиепископ Кубано-Черноморский Иоанн (Левицкий) был отправлен на покой, а Кубано-Черноморским епископом 16 августа назначен Михаил Орлинский [10].

Предположительно, около года Армавирское викариатство находилось во временном управлении «епископа» Михаила, и лишь 13 июля 1924 г. в г. Армавир с титулом «Армавирский и Майкопский» был назначен епископ Николай Чудновцев [11]. Одновременно с назначением епископа Николая решением Синода в состав викариатства были включены населенные пункты Майкопского округа Северо-Кавказского края.

В этот же период произошли серьезные изменения в государственном законодательстве о культах. В соответствии с инструкцией Наркоматов юстиции и внутренних дел от 15 апреля 1923 г. «О порядке регистрации религиозных обществ и выдаче разрешений на созыв съездов таковых» всем религиозным обществам предоставлялись большие права, чем прежним «двадцаткам». Об этом свидетельствует возможность регистрации собственного устава. При этом по-прежнему приходские советы оставались ответственными за религиозное имущество. Сохранились данные о составе приходских советов некоторых населенных пунктов Армавирского округа, сегодня входящих в состав Отраденского района Краснодарского края.

Из документов 1924 г. известно, что в это время в состав приходского совета Рождество-Богородицкого храма станицы Отрадной входили Сергей Васильевич Чикильдин (хлебороб), Павел Иоакимович Матиенко (портной), Петр Иоаннович Нечаев (хлебороб), Петр Андреевич Кривобок (хлебороб), Михаил Федорович Кандауров (хлебороб) [12]. Настоятелем храма в 1926 г. был протоиерей Иаков Дмитриев (1881 г.р.). Отец Иаков был выпускником Ставропольской духовной семинарии, в 1922 г. был награжден наперсным крестом, а в 1927 г. саном протоиерея. Вместе с ним служил псаломщик Михаил Курдюмов (1862 г.р.), выпускник духовного училища. В должности псаломщика он служил с 1880 г. В 1913 г. получил архиерейское благословение с выдачей грамоты.

В приходском совете Михайло-Архангельского храма станицы Надежной в 1924 г. состояли священник Вячеслав Григорьевич Веприцкий, священник Константин Михайлович Иванов, Косьма Носачев, псаломщик Андрей Новиков, псаломщик Ксенофонт Гайдман, Стефан Махно. Об отце Константине Иванове известно, что он

родился в 1884 г., в 1906 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию и поступил в епархиальное ведомство на должность псаломщика. В 1907 г. – диакон, в 1908 г. – священник. В 1916 г. за усердие к службе был награжден набедренником, в 1920 г. скуфьей.

В станице Попутной приходской совет состоял из 8 человек, в который кроме 4 человек причта входили Иван Матвеевич Иванов, Макарий Кудрин, Георгий Соколов, Игнат Наховский. В Константино-Еленовском храме служил с 1923 г. священник Евгений Фоменко – вначале штатным клириком, а затем настоятелем. В 1923 г. был награжден скуфьей, в 1927 г. наперсным крестом с возложением камилавки.

В Успенском храме станицы Удобной служили в 1924 г. два священника. Точно известно имя одного – Виктора Александрова (1884 г.р.), выпускника Ардонской духовной семинарии 1906 г. После окончания семинарии отец Виктор был рукоположен в сан диакона, а в 1907 г. в сан пресвитера. В 1911 г. занимал должность окружного духовного следователя. В 1911 г. был награжден набедренником, в 1919 г. скуфьей, в 1924 г. камилавкой.

В приходском совете Георгиевского храма станицы Подгорной из мирян были казначей Калинин Артемьевич Селиванов, Пантелеимон Краснов и Владимир Стефанович Дробот [13]. Сложная ситуация в приходе сложилась в 1925–1926 гг. Группа верующих «тихоновцев» стремилась закрепить станичный храм за канонической общиной, однако это сделать не удалось, и 1 января 1926 г. Армавирским окружным отделом ОГПУ было дано разрешение на регистрацию обновленческой общины Георгиевского храма [14]. В 1927 по 1933 гг. в станице служил священник Василий Терентьевич Черныш [15].

В 1920 г. настоятелем Никольского храма станицы Спокойной был назначен священник Александр Щадилов, но, вероятно, от этого назначения он отказался. В 1928 г. в состав ядра прихода Николаевского храма станицы Спокойной кроме священника Пантелеимона Чехова входили церковный староста Григорий Спиридонович Кабаненко, Филимон Власьевич Профсфиряков (фельдшер, неоднократно выступал против «тихоновцев» на епархиальных съездах), Клим Иванович Чаплынский, по-

мощник ктитора, Роман Васильевич Благодаров, алтарник, и Иван Гаврилович Тупольский [16]. Отец Пантелеимон (1879 г.р.) был выпускником Воронежской духовной семинарии, служил в Спокойной с 1923 г., в 1924 г. был награжден золотым наперсным крестом. Вторым священником прихода с 1922 по 1929 гг. был отец Димитрий Андреевич Нарыжняк [17].

В Михаило-Архангельском храме станицы Исправной с 1915 г. продолжал служение священник Николай Копачевский (1885 г.р.), выпускник Донской духовной семинарии. На службе в епархиальном ведомстве отец Николай состоял с 1907 г. Священником – с 1909 г.

В Дмитриевском храме станицы Передовой в 1926 г. служил протоиерей Василий Авдеенко.

В Покровском храме села Гусаровского в 1924 г. служил священник Архип Безродный. Службу Церкви он начал в 1910 г. псаломщиком, в 1917 г. диакон, в 1921 г. принял рукоположение в священный сан. В 1923 г. был награжден набедренником. Интересно заметить, что в документах 1925 г. отмечались его заслуги в деле ограждения прихода от «тлетворного влияния Тихоновщины» из хутора Опочиновского, Успенский храм которого принадлежал к канонической Патриаршей Церкви. Благочинный 43 округа докладывал в епархиальное управление, что «в приходе почти ни одного тихоновца» [18].

В храме хутора Подгорно-Синюхинского в 1924 г. служил священник Павел Дмитриевич Бельский (15 июня 1868 г.р.). Отец Павел из 1 класса Кавказской духовной семинарии был определен псаломщиком станицы Саманинской Терской области в 1884 г. 20 мая 1885 г. перемещен в ст. Тихорецкую. В 1896 г. был назначен диакону-учителем к Николаевскому храму станицы Северной и рукоположен в сан диакона 15 июня. В 1899 г. перемещен в станицу Лабинскую. Преподавал Закон Божий в Лабинском двухклассном училище с 1903 г. 25 августа 1907 г. перемещен в станицу Урупскую. В 1922 г. он был рукоположен в сан священника [19].

Согласно данным ОГПУ за 1924 г., «тихоновское движение в Армавире было полностью ликвидировано», а господствующее положение заняли обновленцы [20]. На основании вышеприведенных

материалов можно сделать вывод о полном уничтожении обновленцами канонического Армавирского викариатства в 1924 г.

После смерти Святейшего Патриарха Тихона (Белавина) обновленцы провели 1-10 октября 1925 г. «III Всероссийский Поместный Собор Православной Церкви на территории СССР», на котором надеялись организовать воссоединение с канонической Патриаршей Церковью («тихоновцами»). Однако этого не произошло. С целью обсуждения решений «Поместного Собора» и информирования духовенства о сложившейся на нем ситуации 16 ноября 1925 г. в г. Армавире в Никольском соборе был собран окружной съезд духовенства и мирян Армавирского викариатства. На съезде присутствовало 75 человек, его работа длилась два дня. Как известно из доклада присутствовавшего на съезде сотрудника подотдела милиции Евсеева, много говорилось о необходимости «сплочения и единения», были проведены дополнительные выборы на освободившиеся должности членов окружного церковного управления. «Были выдвинуты первые кандидаты из высшего церковного духовенства, каковые от своих кандидатур отказались, ввиду того, что теряется их доходность на местах. Из этого видно, что среди их рядов есть недовольство высших и низших чинов. Вдобавок, не все принимали активность», – сообщал представитель милиции [21].

Для обсуждения решений Собора и с целью выборов нового благочинного и благочиннического совета 36 округа 24 декабря 1925 г. в Никольском храме станицы Лабинской был собран съезд духовенства и мирян благочиния, на котором присутствовали 64 человека. С докладом о деяниях «III Всероссийского Поместного Собора» выступил епископ Армавирский Николай, в котором он подчеркнул, что «примирение между Синодом и «староцерковниками» не достигнуто по причине разделений в правящих сферах и старо-политической ориентацией «староцерковников». Чувство сомнения у некоторых священников и мирян в каноничности Собора епископ Николай стремился заглушить утверждением о полной поддержке Собора и Синода Вселенским Патриархом Василием, направившем свое Послание делегатам.

В заключение работы члены съезда приняли постановление, в котором вырази-

ли убеждение, что «Синодальный курс, принятый нашей епархиальной церковной властью, единственно правильный путь; так как он неизменно ведет к миру и успокоению среди верующих». «Староцерковнические же тенденции, часто соединяемые со старо-политическими чаяниями, все менее и менее встречают сочувствие среди пастырей и мирян. Верим и надеемся, что корабль Кубанской церкви, руководимый такими опытными кормчими, как митрополит Михаил и епископ Николай, преданными идеалу идейного церковного обновления, выйдет из временной церковной разрухи, сохранит в чистоте и усвоит великие начала истинно-христианского духовного обновления» [22]. Очевидно, что обновленческая иерархия старательно стремилась сформировать в глазах приходского духовенства и мирян образ сторонников Патриарха Тихона как борцов за монархию и царя.

Обновленчество в Армавирском округе в некоторых чертах заметно отличалось от положения раскола других округов Кубани. Это отличие заключалось в частичном восприятии раскола простыми прихожанами, которые стремились придерживаться высшей церковной иерархии и подчиняться Священному Синоду, но при этом сохранять привычные им формы православной обрядности. Приходской совет Покровского храма станицы Тифлисской и хутора Северина в присутствии члена Кубано-Черноморского епархиального управления протоиерея В. Молчанова 27 декабря 1925 г. выразил всем приходом «свою готовность быть преданными своему Владыке, митрополиту Михаилу, и стоять в святой православной вере», однако прихожане просили, «чтобы для успокоения верующих Владыка Михаил как можно осторожнее разрешал браки разведенных и если это будет допустимо, то всякий раз только после отзыва Приходского собрания верующих». «Мы просим и на наш приход не назначать второбрачных священнослужителей и для нашей епархии не назначать женатого Епископа» [23].

В дальнейшем раскол значительно укрепился на территории округа. Это подтверждают данные статистической таблицы «для сведения областных, окружных и оргбюро ВКП(б) о численности обновленческих структурных единиц Русской Православной Церкви в округах Северного Кавказа по

данным Краевого комитета ВКП(б) 1 января 1926 г.», согласно которой в Армавирском округе насчитывалось 111 храмов и 293 священнослужителя. Для сравнения стоит заметить, что канонических храмов в округе было только 37 [24].

В 1927 г. «епископ» Армавирский Николай был назначен «архиепископом Донским», а главой викариатства стал епископ Николай Розанов. Согласно «Комментированным спискам иерархов по епископским кафедрам с 862 г.», в 1928–1929 гг. на Армавирской кафедре был епископ Василий Смелов [25].

В 1928 г. архиепископ Александр (Шубин) и заместитель председателя Кубано-Черноморского епархиального управления протоиерей В. Молчанов проводили инспекционную проверку Новороссийского и Армавирского окружных церковных управлений [26]. Можно предположить, что целью этой инспекции была необходимость уточнения на месте возможности организации самостоятельных епархий. Для укрепления авторитета обновленцев 5 сентября 1928 г. Армавир посетил «митрополит» Александр Введенский и в Никольском городском соборе выступил с лекцией «Положение Церкви и ее задачи» [27]. Это событие произвело значительное волнение среди верующих округа и усилило позиции обновленчества.

В 1929 г. Армавирское викариатство Кубано-Черноморской епархии было выделено в самостоятельную епархию и сформировано епархиальное управление. Подтверждением настоящего заключения служит документ, выданный члену Армавирского епархиального управления А.В. Филомафитскому, который был командирован в епархиальное управление в г. Краснодар и участвовал в приеме и передаче личных дел духовенства Армавирской епархии, «кои в связи с выделением самостоятельной Армавирской епархии должны были быть переданы в ведение АРМЕУ [Армавирского епархиального управления]...», – сообщалось в документе [28]. В этих материалах председателем Армавирского епархиального управления указывался «архиепископ» Армавирский и Майкопский Илия.

Итак, раскол в Армавирском округе имел характерные черты, заметно отличавшие его от обновленческого движения в других районах Кубани. Сельское население

принимало раскол лишь в форме подчинения высшей «Московской» иерархии, входившей в Священный Синод, и местным епископам. При этом сохранялись все привычные формы православной обрядности, а именно: нежелательность совершения в приходе церковных браков над разведенными, сопротивление назначению второбрачных священнослужителей и женатого епископа. Оппозиция расколу в округе не имела организованной формы движения, а поэтому не представляла из себя серьезной опасности для епархиального управления. В основном, борьба велась среди прихожан на местах за право владения тем или иным храмом.

Скудность имеющихся материалов не позволяет широко охарактеризовать и выявить релятивные черты раскола в округе. Однозначно можно утверждать о том, что работа окружного церковного управления находилась под пристальным вниманием ГПУ. Формирование самостоятельного епархиального центра свидетельствует о желании духовенства округа получить самостоятельность в решении местных вопросов церковной жизни. Начиная с 1930-х гг., стало очевидным нравственное разложение части обновленческого епископата, что замечали и рядовые священники.

Примечания:

1. Кияшко Н.В. Из истории возникновения и развития обновленческого раскола на Кубани в первой половине XX века // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Славянск-на-Кубани, 30 окт. – 1 нояб. 2015 г.) / под ред.: Т.Г. Письменной, А.Н. Рябикова, Е.В. Манузина. Славянск-на-Кубани, 2015. С. 50–57; Кияшко Н.В. Репрессии как инструмент борьбы против православного духовенства и мирян в 1920-е гг. // Церковь. Богословие. История: материалы V Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 2–4 февраля 2017 г.). Екатеринбург, 2017. С. 73–79; Кияшко Н.В. Антицерковная политика власти и положение обновленческих и канонических общин на Кубани в 1920-е годы // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Междунар. науч. конф., Иваново, 5–6 апреля 2017 г.: в 2 ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. Ч. 2. С. 277–282.
2. Архив Екатеринодарской епархии. Д. Ф 29/1. Л. 1–1об.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 13. Л. 20, 21об.
4. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 287. Л. 45.
5. Кияшко Н.В. Армавирское викариатство Кубанской и Краснодарской епархий: динамика институциональных процессов церковной жизни в первые годы Советской власти // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. IV: Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения краеведа П.М. Галушко / Науч. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир – Отрадная, 2016. С. 214.
6. История иерархии Русской Православной Церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006. С. 29.

7. Догматико-каноническая оценка тихоновщины. Краснодар, 1926. С. 25.
8. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) // Госархив Краснодарского края / Сост. А.С. Азаренкова, И.Ю. Бондарь, И.С. Вертышева. Краснодар: Кн. изд-во, 1986. С. 77–78.
9. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 177. Л. 34об.
10. История иерархии Русской Православной Церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006. С. 255.
11. Там же. С. 29.
12. Архив Екатеринодарской епархии.
13. Архив Екатеринодарской епархии.
14. Архивный отдел Администрации г. Армавир (далее – АОАА). Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 26. Л. 102.
15. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 81. Л. 29–53.
16. Архив Екатеринодарской епархии.
17. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 289. Л. 38–39об., 42.
18. Архив Екатеринодарской епархии.
19. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 135. Оп. 73. Д. 903. Л. 41об.
20. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922–1925: в 2 кн. / Изд. подгот. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. Новосибирск; М., 1998. Кн. 2. С. 328.
21. АОАА. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 26. Л. 1, 77.
22. Там же. Л. 203–209.
23. Там же. Л. 108.
24. Бирюкова Ю.А. Материалы статистики по обновленческому и григорианскому расколам в Русской Православной Церкви на Северном Кавказе в 1926 г. // Научные труды Донской духовной семинарии: сборник. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2014. С. 304–305.
25. История иерархии Русской Православной Церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006. С. 29.
26. Архив Екатеринодарской епархии. Д. М 75/3. Л. 3.
27. АОАА. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 55. Л. 32.
28. Архив Екатеринодарской епархии.

З.П. Бердиев

Политика ВКП(б) в «церковном вопросе» и массовое религиозное сознание в 1930-е годы

Многие десятилетия во взглядах на отношения государства и религиозных организаций в советский период нашей истории, в оценке позиций и поступков каждой из сторон мы удовлетворялись однажды найденной «правдой», хотя и найдена она была в далекие 20–50-е годы XX века. «Атеистическая» литература, за редким исключением, обращаясь к данной проблематике, эксплуатировала одни и те же сюжеты и исторические факты, выставляя в качестве подпорок для выводов и заключений бесконечный ряд переходящих от автора к автору «классических» цитат. Добавим к этому установившийся негласный запрет на изучение «религиозной жизни» в стране и публикацию о ней материалов, закрытость учреждений, занимавшихся церковной политикой, недоступность для

исследователей документов, хранившихся в спецфондах и спецхранах. И, как итог – перед современными историками по существу стоит задача воссоздания максимально объективной истории государственно-церковных отношений.

Большевистская концепция церковно-государственных отношений, своеобразие которой заключалось в том, что, признавая необходимость отделения церкви от государства и вытекающих из нее секуляризационных мероприятий, она не принимала буржуазно-демократического тезиса – «религия есть частное дело гражданина» [1]. Однако в ряде конституций союзных республик, в том числе в Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР, говорилось, что церковь отделяется от государства и что свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами. Аналогичная формулировка была и в Конституции РСФСР, но в мае 1929 г. она была изменена. В ст. 4-й указание на свободу религиозной пропаганды было заменено свободой религиозных вероисповеданий, что совершенно меняло смысл статьи [2]. Конституция СССР 1936 г. статьей 124-й, в принципе, узаконила именно последний вариант: «...Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [3]. В редакционной статье к 20-летию опубликования декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви газета «Красная Черкесия» писала в том же духе: «Законодательство страны таково, что каждый имеет право исповедовать любую религию. Это дело совести каждого. <...> Но, проводя отделение церкви от государства и провозгласив свободу вероисповедания, мы вместе с тем сохранили за каждым гражданином право бороться путем убеждения, путем пропаганды и агитации против той или иной религии, против всякой религии» [4]. Таким образом, трансформация статьи о свободе религиозной пропаганды и принятие именно такой редакции в новой Конституции привело к беспрецедентному результату. Во-первых, извращенная сталинизмом конституционная норма создала юридическую основу для развития воинствующего атеизма. Во-вторых, в народном сознании затеплилась надежда на исправление подобной антирелигиозной политики. Рассмотрим эти тенденции.

Благотворную роль в диалоге государства и верующих сыграла Постоянная центральная комиссия по вопросам культов, созданная 7 мая 1934 г. при Президиуме ЦИК СССР. По далеко неполным и неточным данным этой Комиссии из 72 тысяч молитвенных зданий, бывших до революции, за 1934 – 1937 гг. было закрыто на территории РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР и УзбССР 41.868, то есть 57,4%. Из них было снесено 9,7%. Использовано под культурно-просветительные учреждения 34,9%, под склады – 33,3%. Не было закрыто 30. 543 молитвенных здания, но функционировали из них по назначению только 20.665 (67,4%) [5]. Характерным примером религиозной политики местных властей является постановление Кабардино-Балкарского облисполкома от 14 декабря 1934 г. об изъятии молитвенного дома села Кременчуг-Константиновского под хозяйственно-культурные нужды и передача трех колоколов в металлолом [6].

Кое-что удалось сделать Комиссии по вопросам культов в период подготовки в 1936 г. новой Конституции СССР. Комиссия передает докладную записку в ЦК ВКП(б) в ноябре 1936 г. о состоянии религиозных организаций в СССР: «...регистрация религиозного общества и служителей культа ведется не РИКом, а отделениями НКВД. <...> Большинство церквей закрывается без проведения достаточной антирелигиозной работы среди населения, без учета степени религиозности населения. В районах, зараженных сектантством, не учитывается то обстоятельство, что после закрытия всех церквей часть православных переходит в сектантство» [7].

Своеобразной «революционной» мистикой являлось и то, что в адрес Конституционной комиссии поступали такие радикальные предложения, как запрет всех религиозных обрядов и религиозного воспитания в семье. Предлагалось не давать служителям религиозных культов полноты гражданских прав, объявить незаконной деятельность всех сектантских объединений. Как отмечает В.А. Савельев, «на уровне обыденного сознания утверждались представления о том, что у служителей культа якобы отсутствовали нравственные качества, что необязательно учитывать их конституционные права» [8]. Комиссия по вопросам культов преграждала путь таким воинствующим рекомендациям.

После принятия новой Конституции, опираясь на статью 124-ю, П.А. Красиков, обращаясь в ЦИКи союзных республик, указывал на неблагополучие в религиозной сфере, которое, по его мнению, выражалось в необычайно резком сокращении числа действующих культовых зданий. От их до-революционного количества оставалось: на Украине – 9%, в Азербайджане – 4,3%, в Армении – 6,4%, в Узбекистане – 31%, в Белоруссии – 10,9%, в РСФСР – 35,6%, а всего по СССР – 28,5% [9]. Вследствие этого из 39.530 зданий до 1917 г. в России к 1936 г. было закрыто 20.318. Из не закрытых 19.212 действовали всего 14.090 [10]. Комиссия требовала возвращения верующим незаконно отобранных храмов.

Динамика жалоб и посетителей Постоянной центральной комиссии по вопросам культов говорит об устойчивом недовольстве политикой властей в религиозном вопросе. Если в 1935 г. количество жалоб было – 9.221, то в 1936 г. – 9.646. После принятия Конституции 1936 г. положение кратковременно несколько изменилось и отражало надежды народа на новую Конституцию в либерализации режима в религиозных вопросах, свидетельством чего является уменьшение жалоб в 1937 г. до 8.679. Такую же картину мы наблюдаем и с количеством посетителей [11]. «Церковники истолковывали Конституцию и таким образом, будто она обеспечивает свободу религиозной пропаганды в СССР», – отмечал некто Ф. Олещук [12]. «В Дагестане, например, муллы уже агитируют, что, согласно новой Конституции, разрешается отныне открывать религиозные арабские школы, что в председатели колхозов и сельсоветов надо выбирать самых почетных людей, т.е. мулл и кадиев. Такие же заявления поступают в исполком Изобильненского района – религиозники требуют открытия молитвенных домов. В Ессентукском районе кучка церковников до того распоясалась, что потребовали недавно разрешения устроить в праздник «крещения» т.н. иордань, уверяя, что крестный ход является тем самым уличным шествием, о котором трактует 125 статья Конституции. Додумались же люди до такого толкования!» [13], – возмущался платный агитатор Г. Штейнбук в статье «Антирелигиозная пропаганда не снята с очереди». Подобные настроения имели место и в Кабардино-Балкарии: «...во 2-м

Лескене <...> директор школы Левин говорил старшему классу, что Конституция разрешает держать «уразу» и ученики его слушали и держали «уразу» [14]. Следовательно, в массовом сознании жило осознание законности религиозной пропаганды. Но, к сожалению, надеждам народа не суждено было сбыться. На это указывает и письмо корреспондента газеты «Безбожник» из Украины: «Инспектора решили, что-де, поскольку массовые заявления об открытии церквей, подававшиеся в первое время после принятия Конституции, теперь прекратились, то верующие, очевидно, примирились с фактом и можно «добивать» оставшиеся единичные молитвенные дома» [15].

Хотя по Конституции СССР 1936 г. духовенство получило избирательные права наравне со всеми гражданами, однако обращает на себя внимание тот факт, что священнослужители по переписи 1937 г. были отнесены в одну группу с нетрудящимися категориями населения. В то время как в переписях 1920-х годов священно- и церковнослужители были включены в категорию лиц «свободных профессий», то есть отнесены к интеллигенции, не состоящей на государственной службе. К тому же, в середине 1937 г. среди партийного и советского актива получило широкое хождение и поддержку мнение о необходимости полной ликвидации законодательства о культах, и в частности, об отмене постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. С таким предложением, например, к Сталину обращался Г.М. Маленков. Утверждалось, что постановление создало «организационную основу для оформления наиболее активной части церковников и сектантов в широко разветвленную враждебную Советской власти легальную организацию в 600 тыс. человек по всему СССР», а потому требовалось «покончить в том виде, как они сложились, с органами управления церковников <...> с церковной иерархией» [16]. Еще большую цифру церковников и верующих приводит Е. Ярославский в своем выступлении на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б): «Имеется около 39 тыс. зарегистрированных религиозных организаций, примерно около миллиона одного только актива. <...> Но вы не успокаивайтесь, что этих религиозных организаций имеется всего около 39 тыс., ведь существует очень много сек-

тантских организаций, не зарегистрированных, подпольных, тайных, – быть может, несколько тысяч по всей стране» [17].

Комиссия боролась против такой «ликвидаторской» практики, указывала, что недопустимо называть «ярыми врагами Советской власти» всех, кто входит в религиозные общества и поддерживает действующие храмы. В своих обращениях в партийные и советские органы союзных республик она утверждала, что основным направлением государственной политики в «церковном вопросе» должно стать укрепление законодательства, совершенствование его и строгое его соблюдение как верующими, так и должностными лицами. С этой целью Комиссия разработала и направила в ЦИК и СНК СССР проекты постановлений: «Положение о постоянной комиссии ЦИКа СССР по вопросам культа», «Об отправлении религиозных культов и о молитвенных зданиях». Оба законопроекта несли на себе груз запретительства, сохраняли дискриминационные меры в отношении деятельности «групп» и «общин» верующих. В частности, им не предоставлялось прав юридического лица, запрещалось иметь какую-либо собственность и заниматься «внекультовой» деятельностью, не разрешалось «публичное» отправление культа, «хождение по домам» и «производство колокольного звона». В законопроектах предусматривалась возможность «ликвидации» молитвенного здания по требованию большинства населения данной местности. Однако ставить в вину это разработчикам мы не можем, поскольку, сохраняя ограничения и запрещения, П. А. Красиков получал единственную возможность отстоять «легальные условия» для существования религиозных общин перед административным Молохом, стремящимся вообще покончить с религией и религиозными организациями. Да к тому же члены Комиссии были «детьми своего времени», и их представления о должном уже несли в себе элементы деформации, вызванные почти двадцатилетним периодом эрозии ленинских принципов отношения к религии и церкви. А потому в целом предложения Комиссии не шли дальше устранения наиболее грубых приемов регулирования деятельности религиозных объединений и подновления других, они не несли в себе (да и не могли нести) возможности качественного обновления законодательства о

культах. Однако предложения П.А. Красикова даже не были рассмотрены. В апреле 1938 г. Комиссия была упразднена. По сути, это было знаком поражения тех государственных и партийных деятелей, которые длительное время противостояли антиленинской позиции в отношении религии и верующих. Это означало и ликвидацию самой возможности контактов между правительством и религиозными организациями.

Следовательно, с каждым годом массовая антирелигиозная пропаганда приобретала все наступательный характер. Как отмечал Е. Ярославский, на 1 января 1940 г. ячеек СВБ было 95.159, на 1 января 1941 г. – 115.477. Соответственно членов СВБ было – 2.992.038 и 3.450.182 человек [18]. Постепенно в сознании полуграмотных партийных и комсомольских работников укоренялось представление, будто каждый сторонник религии – это скрытый или потенциальный противник социализма. Насаждался идеологический стереотип: нет, и не может быть «хороших советских попов»; духовенство, особенно иерархия – контрреволюционная сила, явная или скрытая. Но первые же дни войны разрушили этот стереотип, справедливо считает М. Одинцов [19]. Вследствие этого самым кратким и радикальным путем решения всех проблем выбирались административные меры, – от закрытия церквей до репрессий священнослужителей. Характеризуя эту политику, вышеупомянутый исследователь цитирует письмо корреспондента газеты «Безбожник» Е. Ярославскому по итогам поездки на Украину весной 1938 г.: «Они (инспектора по культам при облисполкомах. – З.Б.) слишком упрощенно подходят к вопросу борьбы с религией. Люди стремятся поскорее прикрыть последние церкви, всеми правдами и неправдами организуя необходимые для этого подписи верующих» [20].

Образно и глубоко объяснил явление «революционного» нетерпения в вопросах религиозности человека французский писатель Андре Жид: «Что касается консервативного влияния религии на сознание, отпечатка, который может наложить на него вера, я знаю об этом и думаю, что было бы хорошо освободить от всего этого нового человека. Я допускаю, что суеверие, подержанное священником, наносит страшный ущерб морали в деревне и повсюду <...> и понимаю, что может возникнуть же-

вание разом избавиться от всего этого, но <...> у немцев есть хорошая поговорка, я не могу подобрать схожей французской: «Вместе с водой выплеснули ребенка». По невежеству и в великой спешке. И что вода в корыте была грязная и зловонная – может быть. Настолько грязная, что не пришло в голову подумать о ребенке, выплеснули все сразу, не глядя» [21].

Вместе с тем, руководители антирелигиозной работы в стране понимали, что в борьбе с религией дело вовсе не сводится к закрытию церквей. «Нужно вести массовую антирелигиозную разъяснительную работу среди верующих, чтобы их убедить, просветить. <...> Нужен дифференцированный подход к верующим. <...> Убеждать надо самыми разнообразными способами, где надо – наступать, разоблачать, бичевать отсталые настроения; но не надо забывать того, что религиозных людей миллионы, и что их надо убедить, работая терпеливо, умело, настойчиво, без наскока» [22], – предупреждал Е. Ярославский в докладе на Всесоюзном совещании работников антирелигиозных музеев в Москве 28 марта 1941 г.

Говоря о дифференцированном подходе, Е. Ярославский выделял и области распространения ислама, где, по его мысли «вредное влияние мулл и религиозных предрассудков сказывается в том, что из старших классов школ отсеивается много учащихся-девушек. Их в раннем возрасте выдают замуж, продают за калым» [23]. Выступая на II Орджоникидзевской партконференции в июне 1937 г., один из комсомольских руководителей цитирует выступление комсомольца на пленуме: «Мы, комсомольцы, не занимались разъяснительной работой, а во время солнечного затмения мулла, посмотрев календарь, начал распространять гражданам такие вещи, что вот, мол, я связался с аллахом и узнал, что потухнет солнце, но для того, чтобы солнце снова загорелось, нужно стрелять, нужно молиться, нужно, чтобы вы мне тащили баранов». «Получается, – продолжал он, – что мулла сумел по радио связаться с аллахом, а мы, имея в своем распоряжении по настоящему радио и всякие другие возможности, не можем, как следует связаться с массами» [24].

Генеральной линией антирелигиозной работы оставалось воинствующее безбожие. Политработники считали войну с религией

чуть ли не главной своей задачей, борьба против религии рассматривалась как борьба за социализм: «Религия проповедует частно-собственнический труд – «Каждый за себя, а бог за всех», отравляет сознание трудящихся ядом неверия в свои силы: «Человек предполагает, а бог располагает», «Без бога ни до порога» [25]. «Тотальная война» с религией, – вот какую характеристику дают сталинской антирелигиозной пропаганде в статье «Религия и политика в массовом сознании» современные исследователи С.Б. Филатов и Д.Е. Фурман [26]. «Календарь, в особенности рассчитанный на деревню, должен быть снабжен антирелигиозным материалом, поданным в духе воинствующего безбожия, а не в духе объективистского изложения истории религиозных обрядов, как это сделал автор статьи о пасхе», – критиковал теоретический орган партии журнал «Большевик» [27].

Контент-анализ Северокавказской региональной печати свидетельствует о том, что вопросам антирелигиозной пропаганды придавалось весьма существенное значение. По моим подсчетам, частота упоминаний и выступлений газет на эту тему равнялась 6,7% из 10 возможных. Такой процент занимает в спектре предпочтений газетных тем положение выше среднего. В этой работе, по мысли цензоров, не было мелочей. «Настоящим сообщаю, что мной обнаружено на складе Спицевского Райпо, что ученические чернильницы, присланные из Ворошиловской межрайбазы обернуты в листы церковной книги, чем религиозный дурман распространялся среди населения и детей. Мною составлен на это акт, изъяты все листы и переданы в Райотдел НКВД, где приняты меры расследования» [28], – доносил уполномоченный Крайлита по Спицевскому району (Орджоникидзевского края. – З.Б.) Герасименко. Как подчеркивает исследовательница Н.И. Музафарова, эта политика выразилась «в полном отрицании религии как феномена эксплуататорского общества» [29]. Однако «уподобление человека «общественному животному», беспредельная ярость при одном упоминании христианских заповедей (не говоря уже о вере в «иной» мир и не в «классовые», а в обыкновенные человеческие отношения) – весь кошмар воинствующего атеизма приводил к своей противоположности, обращая чувствующих и думающих людей к поискам веч-

ных ценностей, которые поднимают личность над физиологией быта» [30].

Исследователь нацизма О.Ю. Пленков писал: «В делах религии он вел себя более дальновидно, чем большевики – они проводили жесткую репрессивную политику, которая привела только к углублению религиозных чувств: как говорил Конфуций, «истинные верующие появляются во времена безверия» (то есть наиболее благоприятной для морального утверждения религии является враждебная среда). Большевики отличались от нацистов тем, что прибегли к фронтальному наступлению на церковь, сделав из нее страданицу за веру (это была их крупная тактическая ошибка); Гитлер же придерживался более гибкой тактики противодействия церкви, не желая усложнять внутривластную ситуацию» [31].

Андре Жид, посетив нашу страну, с горечью отмечал: «Я не уверен, что СССР ведет эту антирелигиозную войну как следует. Марксисты поступили бы правильно, если бы сосредоточились только на истории и, отрицая божественность (и даже существование) Христа, отбросив церковные догмы, идею воскрешения, попытались бы, тем не менее, отнестись критически и по-человечески к учению, принесшему в мир новую надежду и самый сильный революционный фермент, какой только был возможен в то время. <...> Ведь невозможно ни стереть, ни утаить прошлое, и из-за невежества, на которое обрекли народы СССР, они беззащитны и беспомощны перед эпидемией мистики, способной возникнуть в любое время» [32].

К сожалению, государственная политика была прямо противоположной. В марте 1937 г. на Пленуме ЦК секретари региональных парторганизаций говорили о «враждебных элементах», о кулаках и священниках, которые, как оказалось, воспользовались прошедшими кампаниями, чтобы открыто высказывать свои «антисоветские убеждения». Е.М. Ярославский, председатель «Союза воинствующих безбожников», расписывал, как некие могущественные силы только и ждут, чтобы организовать «антисоветские выборы» и разрушить существующий политический строй [33]. Выступая на II Орджоникидзевской партконференции в июне 1937 г., секретарь крайкома Сергеев говорил, что «...армия мракобесов в крае значительна. <...> Насчитывается

345 попов и больше тысячи других церковников, 600 монашествующих, 200 действующих церквей, около 70 сектантских течений, насчитывающих до 4 тыс. человек сектантского актива» [34]. Ему рефреном вторил секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) Бетал Калмыков в отчетном докладе XIV областной партконференции в июне 1937 г.: «Надо иметь в виду, что в нашей республике есть еще значительные кадры мусульманского духовенства и церковников. Достаточно напомнить, что имеется 341 мулла, 47 муэдзинов, 81 хаджи и сохт, 15 попов, 32 дьякона и церковных старост. Имеется 59 периодически действующих мечетей и 56, хотя и бездействующих, но официально не закрытых. Имеется 10 церквей (большинство которых в одном районе). В лице духовенства, как мусульманского, так и русского имеем известную силу, которую так просто сбросить с весов мы не можем» [35].

Обществу всегда нужна объединяющая сила идеала и веры. Повседневная практика сталинизма, авторитарные способы управления и военно-бюрократические методы решения стоявших задач, всеобщий контроль и тяготы быта сказывались на моральной атмосфере общества, нравственном здоровье народа. Состояние постоянной настороженности и мобилизованности, нехватки и теснота держали людей в нервном напряжении, озабоченности, рождали озлобление части населения. Формой духовного, нравственного неприятия действительности, стремлением сохранить традиционные ценности являлась сохранившаяся приверженность к религии. Эта сила единения людей действенна там, где общество воспитывается в подлинном уважении к свободе совести каждого его члена и где эта свобода охраняется законом. Но, к сожалению, это было время инквизиторских преследований за инакомыслие, за неподчинение официально признанному мировоззрению, составной и обязательной частью которого был атеизм. «С середины 30-х годов антирелигиозная работа окончательно приобретает погромный характер, – отмечает М.Ю. Крапивин. – Именно в это время все основные рычаги ее осуществления и координации сосредотачиваются в руках чекистских органов, так как именно в 30-е гг. документы отмечают резкое падение антирелигиозного энтузиазма бойцов из СвБ»

[36]. С легкой руки Е.М. Ярославского, одного из лидеров армии «бойцов идеологического фронта», в обиход входили цифры, призванные подтвердить триумф марксистско-ленинской теории, обеспечившей в СССР победу научного мировоззрения, вытеснившего взгляды, психологию, привычки верующих. В 1937 г., оценивая успехи атеистического движения за минувшие два десятилетия, Ярославский с гордостью подчеркивал, что уже половина советских граждан «полностью порвала с религией» [37].

В таких условиях люди начинают скрывать свои взгляды и собственные мысли, рядом с иконами помещают портреты вождей, то есть, «...как отмечалось в послевоенном Гарвардском проекте, изучавшем социальную систему СССР, советские граждане научились жить внутри режима по собственным правилам» [38]. Нередко это было единственным способом выжить. Это неожиданно подтвердила перепись населения 1937 года. Включение в переписной лист вопросов о религии и о принадлежности к общественной группе противоречило классическим требованиям статистики. Ибо на вопросы, затрагивающие интересы населения, можно было получить зачастую ответы далекие от истины, особенно по такому щепетильному вопросу, как религиозному убеждению, опасаясь гонений, преследований, ущемления в правах и, наконец, репрессий.

Уже первые сообщения с мест о ходе переписи показали, что вопрос этот стал предметом острых столкновений: «Разговоры идут главным образом о пункте – «верующий – неверующий. Одна часть граждан категорически отказались отвечать на этот вопрос, другая на всякий случай предпочла заявить о своем отрицательном или безразличном отношении к религии (речь в данном случае не идет о тех, кто действительно не веровал в Бога, был атеистом) и третья группа, наоборот, демонстративно стала заявлять о своей религиозной принадлежности и даже ратовать за признание в своей вере. На этой почве произошли недоразумения, размолвки и драмы» [39]. Сообразно с этим начальник Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР Краваль писал в марте 1937 г. в ЦК ВКП(б) Андрееву: «...Особенно активизировалась религиозная поповская пропаганда, в том числе и

сектантская. <...> Материалы переписи населения уже сигнализируют об этом. Вот наиболее характерная выдержка из ряда полученных нами сообщений: «Вопрос о религии увязывали со сталинской конституцией», «Пишитесь верующими, тогда откроют церкви», «К председателю РИКа приходили и спрашивали, когда освободят церковь от клуба» (Сталинградская область)» [40]. Подобные настроения наблюдаем и на Северном Кавказе. Выступая в прениях II краевой Орджоникидзеvской партконференции, делегат Виноградов говорил: «Если <...> в Невинномысской ходатайствуют о восстановлении церкви, то я должен сказать, что у нас в Ворошиловске (ныне г. Ставрополь. – З.Б.) существует церковь на Ташле, на оборудование которой колхозники собрали 35 тыс. руб.» [41].

Власти обратили внимание на недопустимость ослабления антирелигиозной пропаганды в период принятия и введения новой конституции и переписи. В вышеприведенном письме начальник ЦУНХУ Краваль писал в ЦК ВКП(б): «Казалось бы, что в настоящее время должен быть усилен выпуск антирелигиозной литературы. Однако имеющиеся в нашем распоряжении статистические материалы говорят о резком снижении выпуска антирелигиозной литературы. В 1933 г. было выпущено 209 названий книг антирелигиозного содержания с тиражом 1.807.000 экземпляров, в 1934 г. – 129 названий с тиражом 1.568.000 экземпляров, а в 1936 г. только 57 названий с тиражом в 478.000 экземпляров. Сообщая Вам об этом, прошу дать соответствующие указания издательским организациям о форсировании изданий антирелигиозной литературы» [42].

Вводя в опросный лист пункт о вероисповедании, Сталин предполагал неслыханную победу новой идеологии и повсеместное падение религиозных чувств. Тем не менее, по итогам переписи 1937 г. оказалось, что среди грамотного населения верующие составляли 44%, а среди неграмотного – 84%. Причем верующих было немало буквально во всех возрастных группах взрослого населения. Даже среди грамотной молодежи от 20 до 29 лет верующие составляли 38%. Среди неграмотных того же возраста верующих было 75%. Среди женщин всех возрастов верующих насчитывалось две трети [43]. Такая картина имела

место и в северокавказском регионе. Начальник Орджоникидзеvского краевого управления Нархозучета тов. Кордюков совершенно секретно сообщал секретарю крайкома Сергееву, что им была поставлена работа по выборке из материалов переписи населения по краю для получения ответа на вопросы: а) какой в крае % неверующих; б) какой в крае % грамотных. Он отмечал, что «эта работа выборочная, но и она заставляет сигнализировать о неблагополучии на этом участке работы». Вот эти тревожные цифры: «Процент неверующих в возрасте 16–50 лет и старше крае в целом (село и город) – 39,8%, в городских поселениях – 59%; в сельской местности, в частности, крае в целом – 29,5%, в том числе районы краевого подчинения – 34,3%, по национальным республикам и автономным областям – 24,4%» [44].

Сведения, собранные переписью, выявили большое разнообразие вероисповеданий. В частности, Северный Кавказ – единственный уникальный регион России, где сосредоточены народы, исповедующие основные мировые религии. В целом же по СССР только основных религиозных направлений было зафиксировано девять: армяне-григориане, католики, протестанты, магометане, иудеи, шаманисты, православные и христиане прочих направлений. Буддисты и ламаисты были отведены в одно направление. Естественно, самой распространенной религией было христианство разных направлений, ведущим среди которых было православие: православных оказалось среди неграмотных и грамотных 41.621.572 человек относительно 56.095.420 верующих, то есть 74,1%. Следующим по числу приверженцев был ислам. Магометан соответственно было 8.253.106, что составляло 14,7% верующих. Армян-григориан – 142.099 человек, то есть 0,25%. Соответственно, среди верующих в процентах составляли: католики – 0,74, протестанты – 0,81, христиане прочих направлений – 0,70, иудеи – 0,50, буддисты и ламаисты – 0,14, шаманисты – 0,03 (подсчеты мои. – З.Б.). Распространенное мнение, что верующих среди неграмотных было больше, чем среди грамотных, не оправдывается для таких конфессий, как православные (17.173.336 против 24.448.236), католики (89.784 против 326.893), протестанты (54.070 против 403.815). Это же

можно сказать о христианах прочих направлений (124.447 против 268.492), иудеях (92.207 против 188.905) и прочих неточно обозначенных (1.573.298 против 1.963.780) [45]. Эта же картина подтверждается и для грамотных мужчин. Среди них верующих было 14.469.591 человек против 5.924.315 верующих среди неграмотных, то есть в 2,44 раза больше. Таким образом, уровень грамотности еще не говорит об атеизме советских граждан, что религиозное чувство покоилось на весьма сложном переплетении как социальных, так и исторических, ментальных ценностей. В то же время верующих среди неграмотных женщин по сравнению с грамотными было в 1,18 раза больше [46]. Верующих среди женщин было в 1,75 раза больше, чем среди мужчин (подсчеты мои. – З.Б.). Обнародовать эти цифры не сочли возможным, но выводы сделали. Перепись 1937 г. была объявлена дефектной и засекречена.

Итак, анализ партийно-государственной политики в «церковном вопросе» и религиозности народа говорит о том, что, во-первых, несмотря на официальную воинствующую атеистическую политику властей, она характеризовалась приверженностью традиционной вере, во-вторых, народ не видел противоречия между социалистическими идеалами и своей верой в традиционные ценности, в том числе и религиозные.

Примечания:

1. Желнакова Н.Ю. Государственная политика по отношению к Русской Православной Церкви в 1920–1930-е годы: Автореф. ... к.и.н. М., 1995. С. 18.
2. Об этом подробнее см.: Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. М.: ИНТЕРПРАКС, 1995. С. 300.
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/10/#block_1010 (дата обращения: 03.05.2017).
4. Красная Черкесия. Ежово-Черкесск, 1938. 5 февраля.
5. Цит. по: Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности... С. 305.
6. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГАКБР). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 479. Л. 112.
7. Одинцов М. Хождение по мукам // Наука и религия. 1990. № 7. С. 57.
8. Савельев В.А. Свобода совести: История и теория. М.: Высшая школа, 1991. С. 78.
9. Там же. С. 56.
10. Там же. С. 57.
11. Одинцов М. Хождение по мукам... С. 57.
12. См., например: Олецук Ф. Боевые вопросы антирелигиозной пропаганды // Большевик. М., 1938. № 16. С. 36.

13. Орджоникидзе-правда. Ворошиловск, 1937. 8 апреля.
14. Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦДНИКБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 158.
15. ЦДНИКБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 158.
16. Цит. по: Одинцов М. Хождение по мукам... С. 56.
17. Вопросы истории. 1993. № 5. С. 5.
18. Политпросветраб. 1941. № 6. С. 2.
19. Одинцов М. Хождение по мукам... С. 19.
20. Там же. С. 57.
21. Жид А. Возвращение из СССР. М.: Московский рабочий, 1990. С. 99 – 100.
22. Политпросветраб. М., 1941. № 6. С. 3, 5.
23. Там же. С. 4.
24. Центр документации новейшей истории Ставропольского края (далее – ЦДНИ СК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 147.
25. Власть Советов. 1936. 9 января.
26. Социологические исследования. 1992. № 7. С. 4.
27. 1938. № 8. С. 94.
28. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-948. Оп. 4. Д. 6. Л. 35.
29. Музафарова Н.И. Политика советского государства в религиозном вопросе в 1917–1937 гг. (На материалах Урала): Автореф. ... д.и.н. Екатеринбург, С. 9.
30. Никитин А. Тамплиеры в Москве // Наука и религия. 1992. № 11. С. 60.
31. Пленков О.Ю. Третий Рейх. Арийская культура. СПб., 2005. С. 335.
32. Жид А. Возвращение из СССР... С. 99.
33. Baberowski J. Der rote Terror: Die Geschichte des Stalinismus / Jörg Baberowski. München: DVA, 2003. S. 188.
34. ЦДНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 97.
35. ЦДНИКБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177. Л. 53–54.
36. Крапивин М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917–1941 гг.). Волгоград: Перемена, 1993. С. 70.
37. Большевик. 1937. № 4. С. 32.
38. Куромия Х. Сталинская «революция сверху» и народ // Свободная мысль. 1992. № 2. С. 94.
39. Жиромская В.Б. «Православный-христианин» и «Гражданин российской державы» // Наука и религия. 1993. № 9. С. 14.
40. Всесоюзная перепись населения. 1937 г. Краткие итоги. М.: Институт истории АН СССР, 1991. С. 220–221.
41. ЦДНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 109.
42. Всесоюзная перепись населения. 1937 г. Краткие итоги... С. 222.
43. Возвращенные цифры (Всесоюзные переписи населения 30-х годов как исторический источник) // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 395; Всесоюзная перепись населения. 1937 г. ... С. 106–115; Свободная мысль. 1992. № 2. С. 94.
44. ЦДНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 110.
45. Всесоюзная перепись населения. 1937 г. ... С. 106–107.
46. См. также: Всесоюзная перепись населения... С. 108–115.

А.В. Бабич

Исторический очерк о приходах Курганинского благочиния Кубанской епархии в советский период

Введение

На территории современного Курганинского района Краснодарского края в период гитлеровской оккупации и после окончания Великой Отечественной войны

1941–1945 гг. действовало всего 5 приходов, а именно, в станицах: Курганинской (с 1961 г. город Курганинск), Константиновской, Петропавловской, Родниковской и Темиргоевской. Храмы в станицах Воздвиженской и Михайловской в советское время не возобновлялись.

Настоящий очерк посвящен православным приходам, действовавшим на территории Курганинского благочиния Кубанской епархии в советский период.

§ 1. Храм во имя Вознесения Господня в г. Курганинске

В 1857–1859 гг. в ст. Курганной Лабинского отдела Кубанской области, тщанием прихожан, была построена церковь во имя иконы Казанской Божьей Матери. Здание было деревянным, а колокола размещались на двух деревянных столбах под дощатой крышей.

В 1874 г., на средства прихожан, с добавлением средств Кубанского казачьего войска, была построена новая деревянная однопрестольная церковь, освященная 31 октября этого же года [1].

В начале XX века здесь служили священники Иоанн Алексеевич Перевозовский и Константин Иванович Руднев [2].

Однако уже в это время Казанская церковь не могла удовлетворять запросы православного населения ст. Курганной из-за малой вместительности и тесноты, поэтому, по проекту архитектора А.П. Косякина (1875–1919), в станице началось строительство нового храма, который фактически был готов уже к февралю 1916 года и освящен в мае этого же года [3].

В 1930-е годы храм был закрыт, колокола сняты, иконостас и церковная утварь разграблены, а здание приспособлено под хозяйственные нужды (за два года до войны его использовали как зернохранилище). В 1942 г. Вознесенский приход возобновил свою деятельность вначале как принадлежащий к обновленческой ориентации, однако, уже 19 января 1944 г. приходская община ст. Курганной, собравшись на Богослужение в количестве 1500 человек, во главе с настоятелем протоиереем Димитрием Евсюковым, единодушно постановила присоединиться к Единой Апостольской (т.е. патриаршей) Церкви и просить правящего епископа Фотия (Топиро) принять Вознесен-

ский приход под свою юрисдикцию.

В соответствии с договором от 20 ноября 1944 г. церковное здание официально передается Вознесенской православной общине [4].

Несколько слов о настоятеле Вознесенского храма, возрождавшем приход в 1942 году: о. Димитрий Федорович Евсюков родился 8 ноября 1869 г. в ст. Ильинской Кавказского отдела Кубанской области; в 1888 г. окончил Кубанскую учительскую семинарию; в 1917 г. окончил экстерном духовную семинарию; женат (по состоянию на 1913 год: жена Дария Павловна, 1877 г.р., дети: Евлампия, 1897 г.р., Валентина, 1899 г.р., Татяна, 1901 г.р. (обучались в Екатеринодарском епархиальном училище); Николай, 1903 г.р., обучался в Екатеринодарском духовном училище, Феодор, 1904 г.р., Мария 1907 г.р.); не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1944 г.; во время оккупации организовал приход и служил священником в ст. Курганной Краснодарского края.

Сведения о службе: 1 сентября 1888 г. был назначен учителем в министерское училище; 2 сентября 1897 г. определен на место диакона к Св.-Вознесенской церкви хут. Праздничного; 27 июня 1898 рукоположен во диаконы; 11 марта 1905 г. перемещен к Александро-Невской церкви ст. Новомалороссийской; 2 августа 1910 г. перемещен к Свято-Николаевской церкви той же станицы и до 1937 года служил – диаконом, а затем священником; с 1937 по 1941 гг. – на гражданской работе; с 1942 по 1952 гг. служил священником в ст. Курганной, затем был переведен в с. Белая Глина [5].

После ухода о. Димитрия, в октябре 1952 года, настоятелем храма назначен священник Иоанн Михайлович Бетьков.

Бетьков И.М. родился 26 апреля 1903 г. в с. Утевка Самарской губернии; русский; окончил 4 класса Самарского духовного училища и 2 класса Самарской духовной семинарии в 1918 г.; женат; в 1940 г. осужден гражданским судом г. Куйбышева за неуплату подоходного налога; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из г. Бузулука Чкаловской обл. в 1946 г.; во время оккупации служил диаконом в с. Кинель-Черкассы Куйбышевской области.

Сведения о службе: с 1919 г. – учитель начальной школы сел. Николаевка Самарской губернии; с 1920 г. занимался сельским хозяйством в семье отца в сел. Николаевке; с 1923 г. служил диаконом-хористом в Рождественской церкви в сел. Николаевка; с 1925 г. диакон Михайло-Архангельской церкви сел. Бобровка Куйбышевской области; с 1927 г. служил диаконом в церкви Рождества Пресвятой Богородицы в г. Куйбышеве; с 1930 г. – диакон Спасо-Преображенской церкви г. Куйбышева; с 1932 г. – диакон Петро-Павловской церкви г. Куйбышева; с 1937 г. – диакон Покровского собора г. Куйбышева; с 1940 г. – находился в заключении за неуплату налога; с 1942 г. – диакон Михайло-Архангельской и Свято-Вознесенской церквей в сел. Канель-Черкасы Куйбышевской области; с 1945 г. – диакон Свято-Георгиевской церкви в г. Краснодаре и священник Свято-Троицкой церкви в г. Бузулуке Чкаловской области; с 1946 г. – священник Свято-Троицкой церкви г. Краснодара; с 1947 г. – по 1950 г. – священник Свято-Успенской церкви в г. Кропоткине; перед назначением в ст. Курганную служил в г. Лабинске [6].

Вторым штатным священником в это же время в Вознесенском храме служил Александр Александрович Грачев, затем (с 1953 г.) – протоиерей Иаков Михайлович Христофоров. В феврале 1953 г. настоятелем был назначен Павел Андреевич Фоменко, служивший до этого в ст. Елизаветинской. О. Павел являлся уроженцем ст. Курганной (родился 1 марта 1888 г.) и выпускником Ставропольской духовной семинарии (окончил в 1908 г.). В обновленческом расколе не состоял, в период оккупации служил священником в ст. Новопластуновской [7].

С февраля 1954 г. настоятелем значился протоиерей Александр Алексеевич Покровский, а с марта 1955 г. – заштатный протоиерей Феодор Исидорович Сеглюк. Покровский А.А. родился в ст. Прочно-окопской 18 августа 1882 г.; русский; в 1905 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; во время оккупации и до назначения в Вознесенский храм служил священником в ст. Белореченской [8].

С ноября 1955 г. настоятелем значился протоиерей Иоанн Михайлович Кондратов. О. Иоанн родился 26 августа 1893 г. в сел. Средний Егорлык Ставропольской губернии; русский; в 1914 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию по 1-му разряду; вдов; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1932 г.; в Краснодарский край прибыл из Грузии в 1945 г.

Сведения о службе: с 1914 г. служил священником Св. Никольского храма Ставропольской губернии; с 1915 г. – в Свято-Михайло-Архангельской церкви с. Н-Михайловского Ставропольской губернии; с 1918 г. – в Свято-Георгиевской церкви г. Ставрополя; с 1919 г. – в Свято-Никольской церкви хут. Атарщикова Кубанской области; с 1922 г. – протоиереем в Казанской церкви ст. Курганной Кубано-Черноморской области; с 1923 г. в Свято-Успенском соборе г. Майкопа; с 1930 г. в Свято-Преображенской церкви с. Хоста; с 1931 г. – временно исполняющим обязанности псаломщика в Свято-Михайло-Архангельском соборе г. Сочи; с 1932 г. служил протоиереем в Свято-Никольской церкви г. Сухуми; с 1937 г. охранял консервный завод в г. Сухуми, затем служил счетоводом аптечного склада; с декабря 1942 г. на службе в РККА в г. Сухуми; с 1943 г. протоиерей Ильинской и Георгиевской церквей сел. Гаврда; с августа 1945 г. – Преображенской церкви ст. Брюховецкой; с октября 1945 г. – в Покровской церкви ст. Новотитаровской; с февраля 1946 г. – в Вознесенской церкви ст. Тимашевской; с ноября 1950 г. – в Сергиевском молитвенном доме ст. Усть-Лабинской; с августа 1953 г. – в Свято-Михайло-Архангельском соборе г. Сочи; с июля 1954 г. – в Свято-Успенском соборе ст. Белореченской [9].

С января 1956 года место настоятеля занял священник Вадим Яковлевич Гришин, с июня этого же года – бывший второштатный священник Покровского собора г. Кропоткина Николай Федорович Гетман.

О. Николай родился 6 декабря 1918 г. в ст. Брюховецкой Кубанской области; русский; в 1932 г. в г. Боржоми Грузинской ССР окончил 7 классов НСШ; в 1940 г. окончил бухгалтерские курсы; женат; не судим; в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации служил в РККА, [воинское звание] старшина.

Награды: в 1951 г. Архиепископом Краснодарским и Кубанским Гермогеном награжден набедренником.

Сведения о службе: с 1932 г. служил псаломщиком в г. Боржоми Грузинской ССР; с 1936 г. – псаломщиком в г. Гори; с 1937 г. – счетовод-калькулятор в Абазтуманском Союзкурортснабторге в г. Абазтумани; с 1938 г. – заведующий столом заказов издательства газеты «За коммуны» в г. Кропоткине Краснодарского края; с 1940 г. – бухгалтером Ж.Д. Орс. в г. Красноводске Татарской ССР; с 1941 по 1946 гг. служил в РККА в звании старшины; с 1946 г. служил иподиаконом в Свято-Екатерининском Кафедральном соборе г. Краснодара; с 30 марта 1947 г. рукоположен в сан диакона и назначен псаломщиком в молитвенный дом ст. Кушевской Краснодарского края; 26 марта 1950 г. рукоположен в сан священника и назначен настоятелем Свято-Георгиевской церкви ст. Казанской Кавказского района, в которой служил до сентября 1952 г., с 16 сентября священник собора в г. Кропоткине. 5 июня назначен настоятелем Свято-Вознесенской церкви г. Курганинска и благочинным Курганинского округа [10].

С марта 1965 г. настоятелем Вознесенской церкви г. Курганинска становится протоиерей Филипп Васильевич Старун; с февраля 1971 г. – священник Евгений Стефанович Бондаренко, а с декабря этого же года священник Владимир Иванович Есипенко. 1 октября 1986 г. настоятелем назначен священник Валерий Сергеевич Коваленко; 5 июля 1990 г. – священник Сергей Иванович Сидоров [11].

Как видно из вышеприведенных фактов, Вознесенская церковь в 1960-е годы не закрывалась и продолжает действовать в настоящее время, представляя собой один из великолепных памятников храмового зодчества Кубани.

§ 2. Молитвенный дом во имя Михаила Архангела в станице Константиновской

Михаило-Архангельская церковь в ст. Константиновской Кубанской области была построена тщанием прихожан в 1850 году. Первоначально здание было деревянным, на таком же фундаменте, покрытое соломой. Колокола размещались на деревянных столбах. В 1886 г. отставной унтер-офицер

Иван Иванович Сафронов «самолично отлил для церкви колокол весом в 103 пуда». 1 ноября 1886 г. этот колокол был повешен в церковной ограде на столбах и освящен.

В 1871 г. на средства Кубанского казачьего войска с добавлением средств прихожан построена и в том же году освящена новая деревянная церковь, располагавшаяся на каменном фундаменте, с трехэтажной колокольней, однако 12 апреля 1894 г. церковь сгорела, после чего в 1896 г. началось строительство новой, построенной тщанием прихожан в 1901 г. На этот раз здание было кирпичным с такой же колокольней в одной связи с церковью.

В начале XX века здесь служили священники о. Григорий Воинов и о. Михаил Жабин [12].

В 1932 г. Михаило-Архангельская церковь была закрыта. Через 10 лет богослужения в ст. Константиновской возобновились в здании бывшей церковно-приходской школы. В связи с тем, что назначения священников, производимые правящим епископом в период гитлеровской оккупации считались недействительными, 11 ноября 1943 г. православная община Михаило-Архангельского молитвенного дома, относящаяся к патриаршей ориентации, была официально зарегистрирована органами советской власти (решением Курганинского райисполкома, протокол № 20, п. 9).

Настоятелем общины на момент регистрации в 1943 г. значился священник Петр Исидорович Горбачев. О. Петр родился 19 декабря 1886 г. в с. Новокубанском Лабинского отдела Кубанской области; русский; в 1899 г. окончил курс одноклассной церковно-приходской школы; в 1904 г. окончил курс двухклассной учительской школы; женат, имел дочь и 3 сестры; осужден в 1937 г. по ст. 169; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1943 году.

Сведения о службе: до 1937 года служил диаконом, затем священником; с 1937 по 1942 гг. – находился в заключении; с 1943 г. – священник, служил в ст. Константиновской; по состоянию на 1952 год служил в ст. Родниковской Курганинского района [13].

30 июня 1947 г. исполком Константиновского сельсовета принял решение (протокол № 27, п. 20) о расторжении договора

с православной общиной на занимаемое ею церковное здание. В решение упоминалось, что здание, занятое молитвенным домом в ст. Константиновской до 1918 года принадлежало церковно-приходской школе, с 1918 по 1943 гг. было занято средней школой под пионерские комнаты и школьную библиотеку. В период немецкой оккупации здание было занято общиной верующих под молитвенный дом; в нем проведена внутренняя перестройка и ремонт.

В дальнейшем общине пришлось оставить это здание. Известно, что в 1955 г. был заключен договор аренды, по которому община арендовала под молитвенный дом, сроком на пять лет, у сельского совета здание на углу улиц Курганной и Почтовой, 7. Здание было деревянным, «покрытым дранью».

С октября 1950 г. настоятелем Михайло-Архангельского молитвенного дома становится священник Иоанн Андреевич Костенко. О. Иоанн родился 5 января 1884 г. в Слободе Ольшана Лебединского уезда Харьковской губернии, украинец; в 1901 г. окончил 6 классов Купянской мужской гимназии и богословские курсы при Харьковском епархиальном управлении; в 1922 г. окончил бухгалтерские курсы, вдов; не судим, в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации жил в с. Новоблагодарном Ставропольского края, работал в колхозе счетоводом.

Сведения о службе: с 1901 по 1905 гг. служил псаломщиком по месту рождения; с 1905 по 1918 гг. служил в Русской Императорской армии; с 1919 по 1925 г. служил в РККА; с 1925 по 1943 гг. служил в гражданских учреждениях г. Ставрополя; с 1943 по 1947 гг. служил псаломщиком в ст. Николаевской Успенского района Краснодарского края; 10 октября 1947 г. рукоположен в сан священника и назначен в ст. Упорную Краснодарского края; с октября 1950 г. служил настоятелем Свято-Михайло-Архангельского молитвенного дома в ст. Константиновской Курганинского района; с декабря 1959 г. служил в ст. Чамлыкской [14].

С сентября 1953 г. настоятелем Михайло-Архангельского молитвенного дома состоял священник Макарий Максимович Павленко. О. Макарий родился 25 июля 1888 г. в с. Ивановка Александровского уезда Екатеринославской губернии; украинец; в 1901 г. окончил начальную земскую

школу; женат (жена – Павленко Наталия Ивановна, 1889 года рождения; дочь – Павленко Мария Макаровна, 1921 года рождения; сын – Павленко Алексей Макарович, 1923 года рождения; не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из села Ивановка Днепропетровской области в 1939 г.; во время оккупации жил в с. Коноково Успенского района, работал плотником в колхозе им. Ленина.

Сведения о службе: до 1916 г. занимался сельским хозяйством и преподавал пение и музыку в училище (школе) в с. Ивановка Александровского уезда Екатеринославской губернии; с 1916 г. призван по мобилизации в действующую армию; с 1918 г. работал председателем Ревизионной комиссии кредитного товарищества; с 1921 г. служил псаломщиком в сел. Копани Васильковского уезда Екатеринославской губернии; с 1924 г. служил псаломщиком-регентом в сел. Ивановке Днепропетровской области; с 1926 г. служил псаломщиком-регентом в сел. Большая Михайловка Запорожской области, затем диаконом; с 1930 г. работал преподавателем пения и музыки в школах сел. Ивановка Днепропетровской области; с 1933 г. работал раздатчиком вагонного участка станции Иловыйское на Донбассе; с 1937 работал преподавателем пения и музыки в начальной школе в поселке Стрелка Темрюкского района Краснодарского края; с 1939 г. работал преподавателем пения и музыки в сел. Коноково Успенского района Краснодарского края; с 1942 г. работал плотником и пастухом в колхозе им. Ленина в сел. Коноково Успенского района; с 1944 г. служил псаломщиком-регентом в церкви Рождества Пресвятой Богородицы сел. Коноково Успенского района; затем был рукоположен в сан священника и в октябре 1945 г. назначен настоятелем в Свято-Покровский молитвенный дом ст. Черниговской Рязанского района; в 1946 г. перемещен в молитвенный дом Архидиакона Стефана ст. Новокорсунской Тимашевского района; в 1949 г. – в Свято-Михайло-Архангельский молитвенный дом сел. Ванновского Тбилисского района; с 1951 г. – перемещен в Свято-Казанский молитвенный дом ст. Темиргоевской.

С декабря 1954 г. в молитвенном доме ст. Константиновской недолго прослужил священник Василий Спиридонович Таченков, 1910 года рождения, а с мая 1955

г. настоятелем вновь стал Иоанн Костенко, которого в ноябре 1956 г. сменил Димитрий Андреевич Нарыжняк, а в июне 1958 г. священник Алексей Дионисиевич Панков.

В ходе антирелигиозной компании, развернутой Н.С. Хрущевым в конце 1950-х – начале 1960-х годов и в соответствии с постановлением Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР от 16 августа 1960 г. (протокол № 10) православная община в ст. Константиновской Курганинского района Краснодарского края была снята с регистрации, а приход закрыт [15].

В советское время деятельность молитвенного дома в ст. Константиновской более не возобновлялась, однако к концу XX века, в 1998 году, в станице был освящен храм во имя Архангела Михаила в реконструированном здании, который и в настоящее время является действующим [16].

§ 3. Молитвенный дом во имя Святителя Димитрия Ростовского Чудотворца в станице Петропавловской

До революции в ст. Петропавловской действовало две церкви: во имя первоапостолов Петра и Павла (Петропавловская) и во имя Святителя Димитрия Ростовского Чудотворца (Свято-Димитриевская).

Деревянное здание Петропавловской церкви было построено в 1846 г. «тщанием прихожан». В 1866 г., в связи с ветхостью церкви, на средства Кубанского казачьего войска, с добавлением средств прихожан, начато строительство новой церкви, которая была освящена в 1869 г. Здание церкви было деревянным с такою же деревянной колокольной. В 1885 г. церковь была отремонтирована, а купол и алтарь расписаны сюжетами из Священного Писания.

В 1906 году, на средства прихожан, с добавлением миссионерских средств в станице построена Свято-Димитриевская церковь. Здание церкви было кирпичным, на таком же фундаменте, с колокольной на четырех деревянных столбах, стоящих отдельно от церкви.

В начале XX в., в предреволюционное лихолетье, в ст. Петропавловской служили священники: Василий Наседкин, Петр Золотов и Николай Руднев [17].

В 1935 году Свято-Димитриевская

церковь была закрыта, а в следующем году переоборудована под общеобразовательную школу. 20 сентября 1942, в период гитлеровской оккупации, в ст. Петропавловской, по инициативе священника Александра Георгиевича Глазко, организована православная община обновленческой ориентации, позднее (в 1944 г.) перешедшая под юрисдикцию Патриарха Московского и Всея Руси Сергия (Страгородского).

Протоиерей Александр Глазко родился 1 сентября 1889 г. в с. Малая Джалга Благодарненского уезда Ставропольской губернии; русский; в 1917 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1944 г.; прибыл в Краснодарский край из г. Моздока в 1941 г.; во время оккупации организовал православную общину в ст. Петропавловской и служил священником.

Сведения о службе: после окончания духовной семинарии служил диаконом, затем священником; с 1937 по 1941 годы – на гражданской работе; в сентябре 1942 г. организовал приход в ст. Петропавловской и служил настоятелем в Свято-Димитриевской церкви; с 1952 г. – служил в ст. Отрадной [18].

В октябре 1942 г., в ст. Петропавловской был открыт еще один православный приход патриаршей ориентации, приход возглавил иеромонах Сосипатр (в миру Степан Миронович Сиваш). С.М. Сиваш родился 25 марта 1873 г. в с. Петропавловка Бердянского уезда Таврической губернии; русский; в 1889 г. окончил 5 классов земского училища; холост; не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл в 1935 г. из г. Тифлиса; во время оккупации служил священником в ст. Петропавловской Темиргоевского (Курганинского) района Краснодарского края.

В 1951 г. Архиепископом Краснодарским и Кубанским Гермогеном награжден наперсным крестом.

Сведения о службе: с 1901 по 1924 гг. находился в Ново-Афонском монастыре Сухумской епархии, в начале послушником, затем монахом, после чего был рукоположен в сан иеродиакона; в 1921 г. рукоположен в сан иеромонаха Митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином (Казанским); с 1924 по 1930 гг., после закрытия

монастыря, жил в лесу в Сухумском округе и занимался пчеловодством; с 1930 г. жил в г. Тифлисе, работал чернорабочим; в 1935 г. переехал в г. Краснодар и поступил сторожем на мебельную («стульную») фабрику имени В.М. Молотова; с 1937 г. работал сторожем в Краснодарсельхозснабе; в октябре 1942 г. назначен священником в ст. Петропавловскую, где служил до начала февраля 1953 г. [19].

30 июня 1949 г. Краснодарский крайисполком принял решение № 953 (протокол № 25) «учитывая, что в станице Петропавловской имеется еще одна зарегистрированная община Русской Православной Церкви, которая пользуется зданием церкви и имеет возможность обслужить верующих всей станицы, снять с регистрации Петропавловскую общину, занимающую школьное здание» [20].

3 февраля 1953 г. иеромонах Сосипатр оставил должность настоятеля Свято-Димитриевского молитвенного дома и на его место был назначен протоиерей Леонид Александрович Чернецкий; с июля этого же года – настоятелем значился священник Григорий Иванович Соломенный, а с сентября – Павел Петрович Танцюра.

Чернецкий Леонид Александрович; протоиерей; родился 18 июня 1898 г. в с. Таужне Балтского уезда Подольской губернии (Украина); украинец; в 1918 г. окончил Каменец-Подольскую духовную семинарию; женат (жена Александра Федоровна Березовская); не судим; в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации служил священником в ст. Темиргоевской.

Награды: в 1945 г. награжден наперсным крестом; в 1951 г. – саном протоиерея.

Сведения о службе: с 1919 по 1922 гг. работал делопроизводителем лесного подотдела Балтского земотдела Украинской ССР; 15 февраля 1923 г. рукоположен в сан священника к храму г. Бершади Винницкой области (Украина); в июле 1923 г. перемещен на должность настоятеля в сел. Голдашевку Винницкой области; в августе 1927 г. перемещен в с. Лесничевку Балтского района Одесской области; в июне 1931 г. вышел за штат; работал завскладом и бухгалтером; на военно-строительных работах до 1934 г.; с 1935 г. состоял в должности старшего бухгалтера консервного завода им. 1-го Мая в г. Тирасполе Молдавской ССР; с 1937 г. занимал должность ревизора Наркомата местной

промышленности Молдавской ССР; с 1939 г. работал главным бухгалтером кирпичного завода г. Тирасполя; 16 июля 1941 г. эвакуировался в Краснодарский край в связи с немецкой оккупацией, работал здесь с сентября 1941 г. по апрель 1942 г. бухгалтером в колхозе «Красный Партизан» в ст. Воздвиженской Темиргоевского района; с апреля 1942 г. инструктором-бухгалтером Темиргоевского райфо; затем вновь эвакуировался, в связи с немецким наступлением на Кавказ, но попал в окружение и вернулся в ст. Темиргоевскую; в октябре 1942 г. занял должность священника при молитвенном доме ст. Темиргоевской; 5 марта 1945 г. назначен настоятелем в молитвенный дом ст. Приморско-Ахтарской и благочинным в этом округе; затем перемещен на должность 2-го священника Свято-Георгиевского храма г. Краснодара; 17 октября 1947 г. перемещен на должность настоятеля молитвенного дома ст. Ленинградской с одновременным исполнением обязанностей благочинного, где служил до февраля 1951 г.; с 1951 по 1953 – в г. Апшеронске; с февраля 1953 г. – в ст. Петропавловской Курганинского района [21].

Соломенный Григорий Иванович, священник, родился 3 апреля 1901 г. в ст. Петровской Темрюкского отдела Кубанской области; русский; окончил двухклассное училище в ст. Петровской; в 1931 г. окончил Краснодарский музыкальный техникум; женат; не судим; в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации находился в рядах РККА, служил в г. Моздоке музыкантом.

Сведения о службе: с 1918 г. работал в ст. Славянской в редакции газеты переплетчиком; с 1920 г. служил в РККА в г. Минске; с 1924 г. в г. Минске учился на псаломщика; с 1926 г. служил псаломщиком в ст. Петровской Северо-Кавказского края; с 1928 г. учился в музыкальном техникуме г. Краснодара; с 1931 г. служил псаломщиком в г. Темрюке; с 1932 г. в той же должности в ст. Старонижестеблиевской; с 1933 г. переведен в г. Краснодар к Успенской церкви; с 1935 г. преподавал в средней школе ст. Крымской; с 1937 по 1943 гг. служил в РККА; с 1943 по болезни не работал; с 1944 г. работал преподавателем в педагогическом училище ст. Усть-Лабинской; с 1950 г. служил священником в станицах: Нижегородской, Передовой, Попутной, Петропавловской; со 2 ноября 1953 г. по март

1957 г. служил настоятелем Свято-Покровского молитвенного дома в ст. Федоровской Абинского района Краснодарского края [22].

Танцюра Павел Петрович, священник, род. 28 июня 1903 г. в ст. Ах-тырской Таманского отдела Кубанской области; русский; в 1918 г. окончил Екатеринодарское духовное училище; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1943 г.; во время оккупации служил священником в ст. Малотенгинской Отрадненского района Краснодарского края.

Сведения о службе: с 1920 по 1921 служил рядовым в РККА; в 1921 г. прослушал педагогические курсы в ст. Полтавской Кубано-Черноморской области, затем служил учителем начальной школы в ст. Ах-тырской; с 1922 г. служил псаломщиком и диаконом в ст. Ахтырской; с 1929 г. – счетоводом в ст. Черниговской; с 1932 г. – учитель и инспектор рабфо в ст. Зеленчукской Ставропольского края; с 1942 г. – служил в РККА в ст. Прохладной Ставропольского края и г. Ростове-на-Дону; с 1943 г. – священником Свято-Покровской церкви ст. Малотенгинской Отрадненского района; с 1945 г. – в Рождество-Богородицкой церкви ст. Отрадной; с 1948 г. – в Свято-Георгиевской церкви ст. Подгорной Спокойненского района; с 1951 г. – в Свято-Николаевской церкви ст. Спокойной; с сентября 1953 г. – в Свято-Димитриевском молитвенном доме ст. Петропавловской [23].

В марте 1959 г. настоятелем Свято-Димитриевского молитвенного дома был назначен священник Григорий Дмитриевич Паршинцев, а 24 апреля этого же года постановлением Совета по делам Русской Православной Церкви церковное здание было отнято у Петропавловской православной общины и передано средней общеобразовательной школе под учебно-производственные мастерские, на том основании, что церковь была закрыта «по решению схода граждан» в 1935 году, после чего здание переоборудовали под школу.

В ноябре 1960 года община, во главе со священником Григорием Паршинцевым перебирается в новое здание, представлявшее собой рубленый дом с железной кровлей, размером 89 м², расположенный по ул. Сталина (позднее ул. Гагарина), 158. По договору от 2 декабря 1974 г. Свято-Димит-

риевской православной общине было передано в пользование деревянное молитвенное здание с деревянной оградой по ул. Гагарина, 176 [24].

В феврале 1971 г. настоятелем Свято-Димитриевского молитвенного дома становится священник Александр Петрович Атьман; с 4 марта 1974 г. – протоиерей Иоанн Павлович Пономарев, 1927 года рождения, уроженец села Куликовки Воронежской области; русский; в сан иерея рукоположен в 1958 г. 10 февраля 1981 г. настоятелем Димитриевского молитвенного дома становится священник Валентин Васильевич Голиковский; 15 апреля 1981 г. – священник Николай Евгеньевич Петрук; 10 июня этого же года – протоиерей Александр Григорьевич Оборин [25].

24 ноября 1990 г. в ст. Петропавловской, по ул. Красной, 1, в реконструированном под церковь здании, был освящен Свято-Димитриевский храм [26].

§ 4. Церковь во имя Космы и Дамиана в станице Родниковской

Космодамиановская церковь в ст. Родниковской Кубанской области построена тщанием прихожан в 1859 г. Здание было деревянным, покрытым камышом. В 1861 г. на средства Кубанского казачьего войска (9000 руб.) с добавлением средств прихожан начато строительство новой церкви, построенной в 1863 г. и освященной 2 ноября 1864 г. Здание было деревянным, на каменном фундаменте, с такой же колокольней и железной оградой. В 1886 г. церковный староста казак Трофим Новиков с помощью благотворителей из прихожан пожертвовал в церковь икону славянских первоучителей Кирилла и Мефодия и киот к ней, а казачка из местечка Старые Секанары Полтавской губернии, Мария Волкова, временно проживавшая в станице Родниковской, пожертвовала в церковь икону Богоматери, киот для которой устроил церковный староста [27].

Накануне революционных событий 1917 года в храме служили священники Евстафий Орлов и Алексей Левицкий [28].

В 1921 году настоятелем Космодамиановской церкви ст. Родниковской назначается священник (впоследствии протоиерей) Александр Николаевич Безсонов.

Безсонов А.Н. родился 10 августа 1885 г. в ст. Приблизной Терской области; русский; образование среднее; в 1906 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; во время оккупации находился в г. Краснодаре, жил у брата; с сентября 1942 г. служил священником в молитвенном доме ст. Усть-Лабинской.

Сведения о службе: с 21 ноября 1906 г. служил диаконом в ст. Дмитриевской Кавказского отдела Кубанской области; с 1907 г. служил настоятелем церкви в ст. Фонталовской Таманского отдела Кубанской области; с 1916 г. – законоучителем Гиагинской гимназии; с 1921 г. – настоятелем церкви ст. Родниковской Кубано-Черноморской области; с 1927 г. – благочинным и настоятелем церкви сел. Успенского Армавирского округа Северо-Кавказского края; с 1929 г. – настоятелем церкви сел. Ольгинского Невинномысского района Северо-Кавказского края; с 1930 г. – благочинным и настоятелем церкви сел. Казьминского Невинномысского района; с 1931 г. – настоятелем собора в гор. Армавире; с 1932 г. – настоятелем Свято-Троицкой церкви г. Майкопа; с 1933 г. – благочинным и настоятелем церкви в ст. Удобной Отрадненского района Северо-Кавказского края; с 1934 г. – благочинным и настоятелем церкви ст. Отрадной Азово-Черноморского края; с 1936 г. – благочинным в гор. Обояни Курской области; с 1937 г. – настоятелем собора г. Белгорода Курской области; с 1938 г. – благочинным и настоятелем церкви г. Курска; с 1939 г. – настоятелем церкви ст. Славянской Краснодарского края; с 1940 г. – настоятелем церкви г. Новороссийска; с 1944 г. – настоятелем церкви ст. Апшеронской. По состоянию на 1952 г. служил в Свято-Успенской церкви г. Лабинска [29].

В декабре 1936 г. Косьмодамиановская церковь в ст. Родниковской была закрыта и переоборудована под сельский клуб, однако в сентябре 1942 года сельский клуб был вновь занят верующими и Богослужения возобновились. В это время в храме ст. Родниковской служил иеромонах Тихон Катасонов, о котором известно, что после окончания оккупации станицы он

ушел вместе с гитлеровцами. После освобождения ст. Родниковской, в феврале 1943 г., по приглашению православного населения настоятелем станичной церкви становится священник Александр Стефанович Фигуровский.

Фигуровский А.С. родился в 1867 г. в ст. Каладжинской Кубанской области. В 1880 году окончил Ставропольское духовное училище и с 16 августа этого же года по 23 ноября 1884 г. воспитывался при дворе Епископа Кавказского и Ставропольского Германа. 23 ноября 1884 г. назначен псаломщиком к церкви села Филипповского Кубанской области; в июле 1885 перемещен в ст. Новорождественскую; в декабре 1886 г. – в ст. Упорную, где с января 1887 по май 1892 г. состоял учителем церковно-приходской школы; в июне 1896 г. перемещен в ст. Лабинскую. В марте 1901 г. принят на службу в Грузинскую епархию и назначен священником и учителем к церкви села Хорошего Карской области. 9 мая этого же года рукоположен Экзархом Грузии Архиепископом Флавианом во диаконы, а 10 мая во иереи к Троицкой церкви села Хорошего, где служил до апреля 1905 г., после чего вернулся в Кубанскую область и назначен священником к церкви ст. Кабардинской, а в 1920 году был назначен священником к церкви ст. Родниковской. 24 мая 1928 г., работая на пасеке ст. Кабардинской был арестован ОГПУ и препровожден в г. Майкоп, где окружным судом был приговорен по ст. 58. П. 10 к 3 годам заключения, которые отбывал в г. Майкопе и Новочеркасске. В 1931 г. был освобожден в ст. Лабинской, на иждивении детей. Там же проживал и во время оккупации.

В составе семьи были: жена (умерла в 1926 г.), сын Алексей (1908–1928), сын Георгий, бухгалтер, в марте 1942 г. мобилизован в действующую армию и пропал без вести; дочь Надежда, бухгалтер [30].

В марте 1946 г., после смерти священника А.С. Фигуровского (точная дата смерти не установлена), настоятелем церкви становится священник Дмитрий Нарыжняк.

Дмитрий Андреевич Нарыжняк родился род. 15.11.1883 г. в ст. Нововеличковской Екатеринодарского отдела Кубанской области; русский; в 1902 г. окончил Екатеринодарское духовное училище; женат (жена Пелагея Зиновьевна); в 1938 г. осужден по ст. 107-а на 5 лет; по кассационной

жалобе досрочно освобожден Верховным судом РСФСР (г. Москва); был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1943 г.; во время оккупации жил в с. Натырбово Кошехабльского района.

Сведения о службе: с 20 сентября 1902 г. состоял псаломщиком в хут. Грязнушенском Лабинского отдела Кубанской области; с 1908 г. – в ст. Барсуковской Лабинского отдела Кубанской области; 29 августа 1918 г. рукоположен в сан диакона к церкви ст. Барсуковской; с 30 августа 1918 г. служил диаконом в ст. Платнировской Кавказского отдела Кубанской области; с 15 сентября 1921 г. служил священником в ст. Удобной Кубано-Черноморской области; с 1 августа 1922 г. – в ст. Спокойной; с 10 сентября 1929 г. – в ст. Кавказской Северо-Кавказского края; с 10 августа 1931 г. – в ст. Дондуковской Гиагинского района; затем в ст. Тульской. 28 сентября 1938 г. Тульским народным судом осужден по ст. 107 и лишен свободы на 5 лет. По кассационной жалобе перед Верховным судом РСФСР досрочно освобожден из заключения при Майкопской ИТК 31 мая 1940 г. С 25 июня 1940 г. работал сторожем в артели инвалидов в г. Майкопе; с 10 октября 1942 г. служил священником в хут. Сухая Балка Гиагинского района Адыгейской АО Краснодарского края, затем в с. Натырбово Кошехабльского района; с марта 1946 г. – в ст. Родниковской Курганинского района; с 23 августа 1947 г. – в ст. Дондуковской Гиагинского района. По состоянию на 1952 г. служил в с. Выселки Выселковского района; в ноябре 1956 г. назначен настоятелем Свято-Михайло-Архангельского молитвенного дома ст. Константиновской Курганинского района; умер не позднее 11 июля 1958 г. [31].

С августа 1947 г. настоятелем церкви в ст. Родниковской состоял Петр Исидорович Горбачев. П.И. Горбачев родился 19 декабря 1886 г. в с. Новокубанском Лабинского отдела Кубанской области; русский; в 1899 г. окончил курс одноклассной церковно-приходской школы; в 1904 г. окончил курс двухклассной учительской школы; женат, имел дочь и 3 сестры; осужден в 1937 г. по ст. 169; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1943 году.

Сведения о службе: до 1937 года – диакон, священник; с 1937 по 1943 гг. – в заключении, а затем, с 1943 г. по 1952 г. служил священником, вначале в ст. Константиновской, а затем (по состоянию на 1952 год) – в ст. Родниковской Курганинского района [32].

15 апреля 1953 г. Совет по делам Русской Православной Церкви постановил «изъять» здание Космодамиановской церкви у православной общины ст. Родниковской [33].

В августе 1954 года в станичную церковь, в которой на тот момент не было священнослужителя, был направлен сроком на один месяц священник Михаил Гаврик, с условием совершать Богослужения в храме до момента оборудования нового здания, в которое должна была перебраться со временем община. Присланный священник совершал Литургию и объяснял верующим цель своего приезда, неоднократно заявляя в течение месяца, что это здание необходимо освободить, а общину юридически оформить, так как из членов церковного совета остался только один человек, а из членов двадцатки – меньше половины.

Однако группа верующих станицы Родниковской, которая с мая 1953 г. производила моления в храме и совершала требы, не имея на то благословение правящего Архиепископа, отказалась покинуть церковное здание, заявив, что все они скорее умрут, нежели отдадут храм на поругание. В ответ на это Архиепископ Краснодарский и Кубанский Гермоген предложил верующим 15 июня 1954 г. перейти в другое здание, освободив старое и передав его в распоряжение местного Совета, после чего в приход будет назначен священник. В противном случае, община будет исключена из списка приходов Краснодарской епархии.

В результате этих событий, в мае 1955 г. настоятелем Космодамиановского прихода ст. Родниковской назначен священник Петр Григорьевич Костенко, 1927 года рождения, уроженец ст. Троицкой Славянского района, окончивший в 1949 году 2 класса Ставропольской духовной семинарии. В июне 1955 г. был зарегистрирован новый состав приходского совета в лице Дикого Андрея Павловича, Калининой Марии Николаевны, Жигальцовой Ирины Петровны, Шляхтиной Марии Гавриловны и Зайцевой Екатерины Платоновны. При

этом община получила здание для молитвенного дома, расположенного по ул. Карла Маркса, 81, на правах долгосрочной аренды.

В июне 1956 г. настоятелем прихода становится священник Старченко Никита Евфимиевич; с февраля 1959 г. – протоиерей Волконович Александр Иванович, с октября этого же года – священник Феодор Матвеевич Новицкий, а с мая 1960 г. – протоиерей Андрей Григорьевич Матвеев.

По договору от 5 ноября 1960 г. приход получил новые здания по ул. К. Маркса, 33 (рубленый дом с железной кровлей, размером 90 м² и каменный дом размером 35 м²) [34].

В начале 1960-х годов (не ранее 1962 г.) молитвенный дом был закрыт (точная дата не установлена). 10 мая 1993 г. приход восстановлен в реконструированном здании по ул. К. Маркса, 61 [35].

§ 5. Церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери в станице Темиргоевской

Казанская церковь в ст. Темиргоевской построена на средства Кубанского казачьего войска в 1855 г. (14000 рублей, в том числе 9000 руб. из войсковых сумм). Освящена 21 июля 1856 г. Здание деревянное на каменном фундаменте с такой же колокольней. Имеются косвенные сведения о том, что приход существовал с 1843 г.

В предреволюционный период здесь служили священники Николай Иоаннович Безсонов и Алексей Ястребов [36].

Казанский приход действовал до 1935 года, затем был закрыт, а здание церкви разрушено. Часть лесоматериалов разрушенной церкви пошла на строительство клуба.

В период гитлеровской оккупации (с октября 1942 г.) православный приход в ст. Темиргоевской вновь начал действовать, возможно, в здании станичного клуба. 1 декабря 1944 г. приход был перемещен в другое «деревянное оштукатуренное» здание, расположенное по ул. Пролетарской, д. 34 [37].

Настоятелем прихода служил священник (с 1951 г. протоиерей) Леонид Чернецкий.

Леонид Александрович Чернецкий родился 18 июня 1898 г. в с. Таужне Балтского уезда Подольской губернии (Украи-

на); украинец; в 1918 г. окончил Каменец-Подольскую духовную семинарию; женат (жена Александра Федоровна Березовская); не судим; в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации служил священником в ст. Темиргоевской. В 1945 г. награжден наперсным крестом; в 1951 г. – саном протоиерея.

Сведения о службе: с 1919 по 1922 гг. работал делопроизводителем лесного подотдела Балтского земотдела Украинской ССР; 15 февраля 1923 г. рукоположен в сан священника к храму г. Бершади Винницкой области (Украина); в июле 1923 г. перемещен на должность настоятеля в сел. Голдашевку Винницкой области; в августе 1927 г. перемещен в с. Лесничевку Балтского района Одесской области; в июне 1931 г. вышел за штат; работал завскладом и бухгалтером; на военно-строительных работах до 1934 г.; с 1935 г. состоял в должности старшего бухгалтера консервного завода им. 1-го Мая в г. Тирасполе Молдавской ССР; с 1937 г. занимал должность ревизора Наркомата местной промышленности Молдавской ССР; с 1939 г. работал главным бухгалтером кирпичного завода г. Тирасполя; 16 июля 1941 г. эвакуировался в Краснодарский край в связи с немецкой оккупацией, работал здесь с сентября 1941 г. по апрель 1942 г. бухгалтером в колхозе «Красный Партизан» в ст. Воздвиженской Темиргоевского района; с апреля 1942 г. инструктором-бухгалтером Темиргоевского райфо; затем вновь эвакуировался в связи с немецким наступлением на Кавказ, но попал в окружение и вернулся в ст. Темиргоевскую; в октябре 1942 г. занял должность священника при молитвенном доме ст. Темиргоевской; 5 марта 1945 г. назначен настоятелем в молитвенный дом ст. Приморско-Ахтарской и благочинным в этом округе; затем перемещен на должность 2-го священника Свято-Георгиевского храма г. Краснодара; 17 октября 1947 г. перемещен на должность настоятеля молитвенного дома ст. Ленинградской с одновременным исполнением обязанностей благочинного, где служил до февраля 1951 г.; с 1951 по 1953 – в г. Апшеронске; с февраля 1953 г. – в ст. Петропавловской Курганинского района [38].

В 1946 г. настоятелем Казанского молитвенного дома становится протоиерей Иоанн Москалев.

Иван Алексеевич Москалев, родился 28 августа 1882 г. в с. Плоском Тамбовской губернии; русский; в 1903 г. окончил Тамбовскую духовную семинарию по 1-му разряду, женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; в Краснодарский край прибыл из Сталинградской области.

Сведения о службе: до 1937 года – псаломщик, диакон, священник; с 1937 по 1942 гг. – на гражданской работе; с 1942 г. – священник; с 1946 г. – настоятель Казанской церкви в ст. Темиргоевской. По состоянию на 1952 год служил в ст. Пашковской Пашковского района [39].

При Иоанне Москалеве был избран новый церковный совет, членами ревизионной комиссии стали Стрянин Павел Иванович (председатель), Добрынина Екатерина Дмитриевна и Дедюк Василий Акимович. Приход в это время значительно укрепился, прихожане совершили множество пожертвований на храм, в том числе: два занавеса на царские врата, шали, платки, ковры, скатерти, полотенца и др. Накопление в кассе прихода составило 31 000 руб. [40].

С 1951 г. в Казанском молитвенном доме служил священник Макарий Павленко.

Макарий Максимович Павленко, священник; родился 25 июля 1888 г. в сел. Ивановка Александровского уезда Екатеринославской губернии; украинец; в 1901 г. окончил начальную земскую школу; женат (жена Павленко Наталия Ивановна, 1889 года рождения; дочь Павленко Мария Макаровна, 1921 года рождения; сын Павленко Алексей Макарович, 1923 года рождения); не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из села Ивановка Днепропетровской области в 1939 г.; во время оккупации жил в с. Коноково Успенского района, работал в плотником в колхозе им. Ленина.

Сведения о службе: до 1916 г. занимался сельским хозяйством и преподавал пение и музыку в училище (школе) в с. Ивановка Александровского уезда Екатеринославской губернии; с 1916 г. призван по мобилизации в действующую армию; с 1918 г. работал председателем Ревизионной комиссии кредитного товарищества; с 1921 г. служил псаломщиком в сел. Копани Васильковского уезда Екатеринославской гу-

бернии; с 1924 г. служил псаломщиком-регентом в сел. Ивановке Днепропетровской области; с 1926 г. служил псаломщиком-регентом в сел. Большая Михайловка Запорожской области, затем диаконом; с 1930 г. работал преподавателем пения и музыки в школах сел. Ивановка Днепропетровской области; с 1933 г. работал раздатчиком вагонного участка станции Иловая-ское на Донбассе; с 1937 работал преподавателем пения и музыки в начальной школе в поселке Стрелка Темрюкского района Краснодарского края; с 1939 г. работал преподавателем пения и музыки в сел. Коноково Успенского района Краснодарского края; с 1942 г. работал плотником и пастухом в колхозе им. Ленина в сел. Коноково Успенского района; с 1944 г. служил псаломщиком-регентом в церкви Рождества Пресвятой Богородицы сел. Коноково Успенского района; затем был рукоположен в сан священника и в октябре 1945 г. назначен настоятелем в Свято-Покровский молитвенный дом ст. Черниговской Рязанского района; в 1946 г. перемещен в молитвенный дом Архидиакона Стефана ст. Новокорсунской Тимашевского района; в 1949 г. – в Свято-Михайло-Архангельский молитвенный дом сел. Ванновского Тбилисского района; с 1951 г. – перемещен в Свято-Казанский молитвенный дом ст. Темиргоевской; с сентября 1953 г. – настоятель Свято-Михайло-Архангельского молитвенного дома в ст. Константиновской Курганинского района [41].

В 1952 г. настоятелем становится священник Емельян Дашенко. Емельян Дорофеевич, священник, род. 06.08.1883 г. в с. Воздвиженка Гуляй-Польской волости Александровского уезда Таврической губернии; украинец; в 1904 г. окончил Казанскую духовную семинарию; вдов; не судим, в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из Коканда Узбекской ССР в 1937 г.; во время оккупации жил в ст. Отрадной, работал заведующим школами.

Сведения о службе: с сентября 1904 г. служил учителем в с. Кресты Астраханской губернии; с 1919 г. – студент Духовной академии в г. Казани; с 1914 г. служил священником в селах Астраханской губернии; с 1919 г. – священник Св.-Троицкой церкви в с. Дивном Ставропольской губернии; с 1932 г. – в сел. Урожайном Ставропольского

края; с 1934 г. служил учителем в г. Гудермесе (Чечня); с 1935 г. – учитель в с. Хасавюрте (Дагестан); с 1936 г. – учитель в г. Коканде (Узбекистан); с 1937 г. – учитель в ст. Отрадной Краснодарского края; с 1943 г. – колхозник в колхозе «Путь социализма» в Отрадненском районе; с 1945 г. – безработный; с 1946 г. – священник в сел. Алексеевском Кущевского района; с 1948 г. священник ст. Воронежской Усть-Лабинского района. По состоянию на 1952 г. служил в ст. Темиргоевской Темиргоевского района [42].

С марта 1956 г. настоятель Казанского молитвенного дома – священник болгарского происхождения Христо Христович Христов. Родился 16.08.1883 г. в г. Велико-Тырново, Болгария; болгарин; в 1899 г. окончил 5 классов педагогической гимназии в г. Велико-Тырнове; женат (жена Пелагея Терентьевна, 1888 г.р.; сын Иван, 1923 г.р., служил в действующей армии, погиб в июне 1944 г.; сын Григорий, 1926 г.р., служил в действующей армии; сын Александр, 1928 г.р., дочь Любовь, 1930 г.р.) в 1934 г. осужден по ст. 118 УК на 5 лет; в 1939 г. судимость снята; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из Ставропольского края в 1910 г.; во время оккупации жил в хут. Терпуговском Красногвардейского района Краснодарского края, работал в сельском хозяйстве.

Трудовая деятельность: в 1900 приехал в Россию, работал в артели огородников в г. Таганроге, а также пастухом и ездовым на лошадях; с 1903 г. работал в г. Юзове на французских шахтах №№ 3, 5, 6 по найму у подрядчика, по строительным работам (каменщиком), подмастерьем, а затем мастером по кирпичной и каменной кладке зданий и других сооружений; с 1906 г. работал в саду Архиепископа Агафодора (на Архипрейском подворье) чернорабочим; с 1907 г. работал поваром там же; с 1908 г. работал в Ставрополе каменщиком-печником по найму, жил по месту проведения работ или в ночлежках; с 1910 г. служил сельским учителем в хут. Терпуговском Кубанской области; с 1912 г. служил псаломщиком в с. Архиповке Кубанской области; с 1922 г. работал в торговой сети хут. Терпуговского; с 1927 г. занимался сельским хозяйством; с 1930 г. по 1944 гг. состоял членом колхоза «Красный Моряк» в хут. Терпуговском Красногвардейского района Адыгейской АО; с 16 октября 1945 г. служил псаломщи-

ком в ст. Келермесской Гиагинского района Адыгейской АО.

По состоянию на 1952 г. служил в ст. Удобной Удобненского района [43].

При этом настоятеле интерьер здания молитвенного дома был частично изменен, кроме того в здание молитвенного дома включена пристройка размером 50 м² [44].

В марте 1959 г. настоятелем назначается протоиерей Василий Васильевич Постников.

Постников В.В. родился 20 марта 1893 г. в с. Тюменцево Барнаульского округа Томской губернии; русский; в 1912 г. окончил высшее начальное училище; в 1918 г. окончил учительскую семинарию; в 1921 г. окончил учительский институт в г. Красноярске; женат (жена Марфа Ивановна Гунаева, 1902 г. рожд., сын Валентин, 1932 г. рожд., сын Леонид, 1936 г. рожд., дочь Елена, 1941 г. рожд., дочь Ксения, 1945 г. рожд.); не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из Алтайского края в 1940 г.; во время оккупации служил в РККА.

Награды: в 1950 награжден скуфьей; в 1951 г. награжден камилавкой.

Сведения о службе: с 1922 г. – работал учителем начальной школы в сел. Уяр Красноярского края; с 1924 г. – диакон-псаломщик Скорбященской кладбищенской церкви г. Канск Красноярского края; с 1928 г. – диакон-псаломщик-регент Михаило-Архангельской церкви сел. Мало-Камалинского Троицко-Заозерновского района Красноярского края; с 1932 г. – счетовод-бухгалтер Усть-Сосновской МТС ст. Шишино Новосибирской области; с 1934 г. – счетовод-бухгалтер завода «Труд» в г. Новосибирске; с 1937 г. – учитель русского языка и литературы неполной средней школы сел. Соколово Бийского района Алтайского края; с 1940 г. – учитель начальной средней школы в ст. Шкуринской Штейнгардтовского района Краснодарского края; с 19.10.1941 г. служил в РККА; с 09.10.1942 г. – диакон-псаломщик в ст. Шкуринской; с 16.11.1944 – священник в ст. Холмской Абинского района; с 06.12.1950 г. – священник молитвенного дома Святых Константина и Елены в ст. Попутной Отрадненского района; с 6 августа 1951 г. – в ст. Новоджерелиевской Роговского района [45].

С 16 мая 1961 г. – настоятель Михаил Саввич Мирошников. Мирошников М.С.

родился 29.07.1895 г. в г. Екатеринодаре Кубанской области; русский; окончил 4 класса высшего начального училища; окончил Екатеринодарское духовное училище; женат; с 15 июня 1945 г. по 6 марта 1947 г. находился под следствием, по суду был оправдан; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; во время оккупации служил священником Ильинской церкви в г. Краснодаре.

Сведения о службе: с 9 сентября 1914 служил писарем в Екатеринодарском окружном суде; с 1 октября 1916 г. служил рядовым в Русской Императорской армии (Белый Ключ – Тифлис); с начала 1918 г. служил рядовым в РККА (Екатеринодар); с 17 января 1919 г. служил регистратором в Екатеринодарском окружном суде; с 15 апреля 1920 г. – секретарь народного суда 2 уч. Краснодарского отдела; с 1 сентября 1925 г. – конторщик в ст. Брюховецкой Северо-Кавказского края; с 14 сентября 1926 г. – секретарь прокуратуры в сел. Преображенском; с 30 апреля 1928 г. – учетчик в НИП институте (так в документе) в г. Краснодаре; с 11 февраля 1929 г. – техник-дезинфектор при КубОСОАВИАХИМЕ; с 15 октября 1931 – техник СКИНСТРО (так в документе) в г. Ростове-на-Дону; с 15 октября 1937 г. – ревизор-инструктор Крайсуда и Управления НКЮ по Краснодарскому краю; со 2 апреля 1942 г. – писарь горвоенкомата в Краснодаре; с 25 ноября 1942 г. – служил священником в молитвенном доме ст. Старовеличковской; с 15 мая 1944 г. – в г. Краснодаре в Свято-Ильинской и Троицкой церквях; с 1 апреля 1947 г. – в молитвенном доме ст. Екатериновской; с 1 июля 1948 г. – в ст. Вознесенской; с 14 августа 1949 г. – в сел. Натырбово; с 24 мая 1950 г. – в Рождество-Богородицкой церкви пос. Лазаревского Краснодарского края. По состоянию на 1952 г. служил в ст. Пластуновской Пластуновского района [46].

С октября 1961 г. православная община в ст. Темиргоевской оставалась без священника, несмотря на просьбы верующих, а здание молитвенного дома обветшало. 4 мая 1965 г. исполком Курганинского районного Совета депутатов трудящихся решил «удовлетворить ходатайство Темиргоевского сельского Совета депутатов трудящихся от 26 апреля 1965 г. о закрытии

Казанского молитвенного дома «ввиду его непригодности». И, наконец, 21 июля 1965 г., в соответствии с протоколом № 4 заседания Совета по делам Русской Православной Церкви Православная община в ст. Темиргоевской была снята с регистрации «как прекратившая свою деятельность» [47].

Через 24 года православная община в ст. Темиргоевской была восстановлена. Согласно выписке из протокола заседания Совета по делам религий при Совете Министров СССР от 13 ноября 1989 г. (протокол № 12) было решено зарегистрировать религиозное общество в Русской Православной Церкви и разрешить ему приобрести строение с последующим переоборудованием под молитвенные цели в станице Темиргоевской Курганинского района Краснодарского края» [48].

Однако новый типовой храм во имя Казанской иконы Божьей Матери был построен и освящен фактически 17 февраля 2000 года [49].

Заключение

В заключение хотелось бы упомянуть еще два прихода, действовавшие в ст. Воздвиженской и Михайловской до начала 1930-х годов и не возобновлявшихся в послеоккупационный период. Это – Свято-Троицкая церковь в ст. Воздвиженской и Свято-Покровская церковь в ст. Михайловской.

Свято-Троицкая церковь в ст. Воздвиженской Майкопского отдела Кубанской области была построена в 1844 г. тщанием прихожан. Здание деревянное, крестообразное, крытое тесом. В 1866–1869 гг. на средства Кубанского казачьего войска с добавлением средств прихожан построена новая деревянная на каменном фундаменте церковь с такой же колокольней, а прежняя – упразднена. В дореволюционный период здесь служили священники Алексей Рыкунов и Михаил Макарьев [50].

В Краснодарском краевом архиве имеются некоторые данные о священнике Николае Рыкунове.

Николай Алексеевич Рыкунов, 1871 года рождения, сын протоиерея села Кузьева Пышкинского уезда Ярославской епархии Николая Рыкунова, 25 июня 1893 г. окончил курс Ярославской духовной семинарии по 2-му разряду. С июля 1893 по

февраль 1896 г. состоял учителем Введенско-Клыковской церковно-приходской школы Мышкинского уезда Ярославской епархии. 14 февраля 1896 г. определен на священническую должность к Михаило-Архангельской церкви ст. Казанской Кубанской области. 25 февраля этого же года рукоположен в сан диакона, 2 марта – в сан священника. С 1 марта 1899 г. состоял законоучителем Казанского одноклассного училища. 14 февраля 1899 г. перемещен к Свято-Покровской церкви с. Пелагиады Ставропольской губернии; с марта 1899 по май 1902 г. состоял заведующим и законоучителем Пелагиадской одноклассной церковно-приходской школы. 30 мая 1902 г. перемещен к Свято-Георгиевской церкви с. Грушевского Александровского уезда Ставропольской губернии. В это же время состоял заведующим и законоучителем Грушевских школ: мужской одноклассной церковно-приходской школы и женской школы грамоты, а также законоучителем Грушевского одноклассного училища.

15 марта 1904 г. вновь перемещен, согласно прошения, в Свято-Покровскую церковь с. Пелагиады, где также состоял законоучителем мужской и женской церковно-приходских школ и законоучителем одноклассного училища. 1 июля 1905 г. перемещен к Михаило-Архангельской церкви ст. Темижбекской Кубанской области. В это же время состоял заведующим и законоучителем Темижбекской одноклассной церковно-приходской школы и законоучителем Темижбекского женского начального училища. 28 мая 1906 г., согласно прошению, перемещен к Свято-Троицкой церкви ст. Воздвиженской Кубанской области. С 1 сентября 1913 г. состоял законоучителем Воздвиженского высшего начального училища.

Награды: 6 августа 1904 г. награжден набедренником, в марте 1909 г., по представлению благочиннического совета награжден бархатной фиолетовой скуфьей.

Семейное положение: жена Александра Михайловна, род. 5 марта 1877, сын – Николай, род. 7 ноября 1899 г., обучался в Екатеринодарском духовном училище на средства отца; сын Феодор, род. 21 декабря 1903 г.; дочери – Екатерина, род. 24 ноября 1905 г., Мария, род. 13 июля 1909 г. (находились при родителях) [51]. О дальнейшей судьбе священника Н.А. Рыкунова в настоящее время сведений не имеется.

Свято-Покровская церковь в ст. Михайловской Лабинского отдела Кубанской области была построена тщанием прихожан в 1846 г. Здание было деревянным, без колокольни. В 1865–1869 гг., на средства Кубанского казачьего войска, с добавлением средств прихожан построена новая церковь, освященная 3 ноября 1869 г. Здание было деревянным, на каменном фундаменте, с такой же колокольной; снаружи побелено, а изнутри расписано в алтаре, куполах, по стенам и в трапезной священными изображениями событий Ветхого и Нового заветов. В предреволюционный период здесь служили протоиерей Евгений Кудрявцев и священник Иоанн Попов [52].

Свято-Покровский православный приход был восстановлен здесь 10 февраля 1993 г. в переоборудованном церковном здании и действует по сей день [53].

* * *

Таким образом, из вышеприведенных материалов мы видим, что все действующие до революции 1917 года храмы на территории современного Курганинского благочиния были закрыты в 1930-е годы. 5 из них возобновили свою деятельность в период гитлеровской оккупации, но 3 из них были вновь закрыты в 1960-е годы (за исключением храмов в г. Курганинске и ст. Петропавловской), Свято-Покровская же церковь в ст. Михайловской была восстановлена только в 1993 году.

Примечания:

1. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В.В. Белоконов; Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 269.
2. Кубанский календарь на 1901 год. Екатеринодар, 1901. С. 81.
3. ГКАУ «Государственный архив Ставропольского края». Ф. 135. Оп. 74. Д. 981. Л. 9-10; ГКУ «Государственный архив Ставропольского края» (далее – ГАКК). Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 328. Л. 281; Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в. Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 702; Курганинские известия. 2016. 9 июня.
4. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 328. Л. 1, 5.
5. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 3144. Л. 1–3; Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53.
6. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28. Оп. 2. Д. 232. Л. 57–57об.
7. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 328. Л. 18–20.
8. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 328. Л. 21.
9. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 328. Л. 28–28об.
10. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 304. Л. 57–59, 70; Д. 324. Л. 43–44; Д. 328. Л. 32–32об.; Д. 328. Л. 30–31.

11. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 328. Л. 38, 58, 70, 256, 299.
12. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В.В. Белоконов / Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 267–268; Кубанский календарь на 1902 год. Екатеринодар. 1902. С. 93; Кубанский календарь на 1907 год. Екатеринодар. 1907. С. 78–79.
13. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 329. Л. 2.
14. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 329. Л. 15, 29, 55; Д. 338. Л. 24; Д. 445. Л. 122.
15. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 278. Л. 21–22об.; Д. 329. Л. 36–37об.; Д. 329. Л. 52, 53, 62, 63.
16. Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в.: Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 699.
17. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В.В. Белоконов / Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 312; Кубанский календарь на 1916 г. Екатеринодар. 1916. С. 186.
18. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 33; Оп. 2. Д. 330. Л. 12, 92.
19. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 330. Л. 11–12; 77–81, 83.
20. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 330. Л. 74.
21. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 232. Л. 28–28об., 54; Д. 330. Л. 82–82об.
22. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 268. Л. 49–50об., 54–57.
23. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 330. Л. 89–89об.
24. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 330. Л. 99–99об., 104, 105, 117.
25. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 330. Л. 123, 133–135, 155, 158, 161.
26. Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в. Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 708.
27. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В.В. Белоконов / Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 279–280.
28. Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 186.
29. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 232. Л. 14–14об.
30. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 436. Л. 11–13, 57.
31. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Д. 289. Л. 38–39об.; Д. 289. Л. 39–39об., 42; Д. 329. Л. 52, 57, 58. Д. 436. Л. 18–20.
32. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 329. Л. 11–12.
33. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 436. Л. 60.
34. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 436. Л. 63–65; 68–70, 73, 75, 77, 101, 106, 107, 109.
35. Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в.: Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 709.
36. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В.В. Белоконов / Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 317; Кубанский календарь на 1916 г. Екатеринодар. 1916. С. 186.
37. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 331. Л. 1–2, 15.
38. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 232. Л. 28–28об., 54; Д. 330. Л. 82–82об.
39. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 331. Л. 23–24.
40. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 331. Л. 23об.
41. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 278. Л. 21–22об.; Д. 329. Л. 36–37об.
42. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 398. Л. 54–54об.
43. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 291. Л. 14–15об.
44. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 331. Л. 38.
45. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28. Оп. 2. Д. 233. Л. 82–82об.; Д. 331. Л. 44.
46. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 295. Л. 42–42об.; Д. 331. Л. 45.
47. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 331. Л. 56–60.
48. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 331. Л. 90.
49. Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в.: Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 712.
50. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В.В. Белоконов / Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 296; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 186.
51. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 6039. Л. 8–14.
52. Там же. С. 271; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 186.
53. Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в.: Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 704.

С.Н. Гетманская

Православная жизнь в станицах района г. Горячий Ключ (конец XIX – начало XXI в.)

Православная вера являлась основополагающей в иерархии ценностей кубанского казачества. На её обычаях и традициях создавалась как общественная, так и семейная жизнь жителей казачьих станиц района г. Горячий Ключ.

С момента основания станиц первопоселенцами возводились молитвенные дома на деньги прихожан, затем строились деревянные церкви на средства, выделяемые от Войска и казны в размере 9–10 тыс. рублей и жителей станицы в размере около 3 тыс. рублей. Таким образом, первые церкви начали действовать с 1864–1866 гг. в ст. Мартанской, Имеретинской, Суздальской, Бакинской, Пензенской, Ключевой, Фанагорийской, Саратовской, Черноморской [1]. В станицах Абхазской и Кутаисской самостоятельная приходская жизнь началась после возведения церквей: в ст. Кутаисской с 1885 г., Абхазской с 1894 г. До этого времени жители ст. Абхазской относились к приходу ст. Имеретинской, а жители ст. Кутаисской к приходу ст. Черноморской [2]. Вскоре на месте первых обветшалых церквей казаки сооружали новые, построенные, например, в ст. Бакинской в 1876 г., в ст. Саратовской в 1878 г., в ст. Суздальской в 1892 г., в ст. Черноморской в 1888 г., в Мартанской в 1892 г. [3].

Строились они, как правило, из местного дуба на каменном фундаменте, под железной крышей и были окружены деревянной оградой. Колокольня уже не стояла отдельно, а была совмещена с остальным

корпусом церкви. Деревянные храмы внутри и снаружи были выкрашены краской, например, в ст. Мартанской белой, в ст. Абхазской зелёной [4]. Росписи в них появляются в конце XIX в. и не во всех станицах. Например, в 1882 году на пожертвования мартанцев была выполнена роспись Михайло-Архангельского храма: «в куполеверху икона Богоотца... ниже в разных местах на облаках восемь изображений святых ангелов без /корпусов/, а ниже с обоих боков икона Пресвятой Троицы, находящейсяверху иконостаса, два ангела в молитвенном коленопреклонённом положении» [5]. В начале XX в. на Кубани стали возводить кирпичные храмы больших размеров, чего не наблюдалось в районе г. Горячий Ключ. До 30-х гг. XX в. здесь функционировали деревянные церкви, возведённые во второй половине XIX в.

Православное мировоззрение было присуще жителям района. Оно проявлялось в различных жизненных обстоятельствах. Например, через три года после поселения ст. Бакинской в 1866 г. произошло сильное наводнение из-за разлива р. Псекупс. Оно принесло большие убытки хозяйству первопоселенцев, лишило жизни четверых человек. Вместе с тем станичники осознали, что произошло чудо по молитве местного священника и молящихся в церкви в этот момент. По словам очевидцев: «в этот самый час, когда послышался благовест, возраставшая с шумом и пеной вода, остановилась, успокоилась и, через несколько минут, с удвоенным рёвом, устремилась обратно к своему ложу» [6]. Все жители безоговорочно восприняли это как чудо и милость Божию. В честь этого чудесного события императрицей Марией Александровной была пожертвована в приходскую церковь икона Великих Двенадцатых праздников «для вящего сохранения в станице памяти как о спасительном действии общей молитвы, так и о милости Божьей...» [7]. Икона была торжественно встречена местным священником Константином Петровичем Четыркиным, который служил на приходе с 1864 г., а также казачеством. Казаки просили благословения Наместника Кавказского, Великого Князя Михаила Николаевича и епархиального начальства совершать ежегодный крестный ход с подаренной иконой от местной церкви к реке Псекупс с служением там водосвятного молебна в день случившегося бедствия (4

декабря по старому стилю – С.Г.). Просьба была одобрена. Таким образом, возникла традиция в ст. Бакинской, которую свято чтили наши предки.

В казачьем сообществе чтились полковые памятные даты. Так, формирование Псекупского полка, командиром которого являлся И.Д. Попко, совпало с последними днями покорения Западного Кавказа. Днём окончательного формирования полка (16 октября 1864 г.) стал день памяти святого мученика Лонгина Сотника. Корреспондент описывал происходившие торжества в ст. Ключевой: «Образ мученика Лонгина, обрамлённый шалью, несли георгиевские ковалеры, служившие в конвое Его Величества... В полковом дворе совершён был молебен Лонгину Сотнику» [8]. Однопрестольная церковь ст. Ключевой, построенная в 1867 г. была также освящена в честь этого святого.

Среди жителей района считалось, что «*щастье буде*», если батюшка посетит дом перед праздником (Март305). В ст. Саратовской говорили, что батюшка перед праздником «*ходыл с новынкой*» (новина – новый урожай зерна или сельскохозяйственной продукции) (Сар3677), в Мартанской «*приходил с малитваю*» (Март305). За молитвы в доме перед праздником жители «одаряли батюшку». На подводу несли кто что мог, чаще пшеницу, яйца, сало, колбасы (Март305, Имер4252). В детских воспоминаниях информантов осталось посещение домов священником не только перед праздниками, но и в воскресные дни: «*молитву читав, и мы ото хрэст цылувалы. У очирыдь стоялы*» (Сар3977). Такие посещения прихожан на дому имели большое значение, так как способствовали установлению доверительных отношений между священником и паствой.

С начала 30-х годов XX века началось разрушение храмов, с 1918 г. ссылки и расстрелы священников и станичников, трудившихся в церкви (Март314, Март3942, Сузд3954, Сар3976, Сар3977, Март4232, Сар4243, Имер4253). «*Тода ж кто богомольный, кто в церкви дюже був, их тоже посажали [...], вlepили десять лет и сиди*» (Имер4254). Двоюродный брат жительницы ст. Мартанской на приказ новой власти «*уничтожить иконы*» ответил отказом, за это был расстрелян (Март3942).

В 1937 г. расстреляли священника ст. Мартанской: «*Отец Иоанн лет 50 ему было.*

Шесть деток. Хорошие они были прихорошие. И обидно было, что их постреляли. А потом ходил парень, взялся да стал искать, где их судили. Никто не знает где, похоронили где – не знает никто [...]. Он взял, начал запросы посылать. Тогда отвечают, что судили в Краснодаре, расстреляли в Трёх Дубах. А эти Три Дуба – их Кубань затопила» (Март3942). О нём же вспоминает другой респондент: «Невисилов фамилия (в первом случае называют фамилию Деясилов. – С.Г.) [...]. В 36-м его забрали [...], четверо или пятеро детей было, и его тоже расстреляли [...]. Тройка судила в Краснодаре. Присудила к высшей мере. Или расстрел, или 10 лет» (Март314). По свидетельствам наших информантов, в станице Имеретинской, сделали из церкви клуб, священника расстреляли. Примерно в 80-х гг. XX в., когда строили здание администрации, копали землю под фундамент и обнаружили могилу: «Открыли угол и нашли в церковном одеянии женщина и мужчина, батюшка. Вызвали (милицию. – С.Г.). Они нетленно, даже одежда была. Я помню, я в Совете работала [...]. Мы прибежали и уже их в машину погрузили» (Имер4253).

Трагична судьба отца Рафаила Ивановича Тихова, служившего в ст. Мартанской. С 1943 г., чудом выйдя из тюрьмы, где сидел вместе с другими в подвале, который заливали постепенно водой, он ещё там пообещал Богу служить верой и правдой до конца жизни. Когда его выпустили и назначили настоятелем Михайло-Архангельского храма, выглядел он, «как нищий странник»: «Пошел он к старосте, а он его не пустил, не поверил» (что это новый настоятель. – С.Г.) (Март3942).

Станичники/прихожане рассматриваемых станиц в своем значительном большинстве были казачьего происхождения. Первые церкви (молельные дома) возводились только на их средства. Это Покровская в ст. Черноморской, Казанская в ст. Имеретинской, Вознесенская в ст. Суздальской, Покровская в ст. Бакинской, Михайло-Архангельская в пос. Фанагорийском [8]. На их пожертвования церкви украшались иконами, крестами, росписями; строились иконостасы, церковные ограды; покупались богослужебные предметы: кадила, умывальницы, венцы и т.д. [9]. Во время и после оккупации при решении финансовых проблем – сбор средств на строительство

церкви, покупка свечей, икон – жители использовали народные традиции: ходили по дворам группой в 6 человек и исполняли шедевры и колядки (Март4237).

Во время церковной службы строго соблюдался принцип размещения прихожан внутри церковного пространства по половозрастному признаку: в передней части возле алтаря стояли дети, мужчины – справа, женщины – слева (Сар3976, Март4232). В передней части могли стоять и мужчины, а «женщины як сзади» (Сузд3955).

Семья или «малая церковь» являлись продолжением храма. Старшее поколение передавало церковные традиции своим детям и внукам. Прежде всего, в семье учили детей основным молитвам: «Царю Небесный», «Достойно есть», «Верую» (Март305, Сар3976, Сар3977, Март4223). Молились утром и вечером, перед едой и после, «редко, когда просто крестились». Глава семьи обязательно читал молитву и крестил пищу (Март305, Март317). Помимо вышеназванных молитв, встречаются и неканонические, например, читалась после еды: «Спасибо Богу, Матыри Божий, за хлеб, за соль, за дар Божий!» (Сар3976). Перед началом любой работы в семье молились, обычно краткой молитвой: «Господи благослови!» (Март324, Бак3925).

Родители приучали детей почитать старших: на большие праздники, а именно под Рождество Христово, дети несли кутью крестным, бабушке и дедушке, а затем соседям и старшим братьям, сёстрам, имевшим свои семьи, «в платок заворачивали и несли» (Имер4262, Март305, Март319, Март4239). Отделившиеся дети на Пасху шли к престарелым родителям, кумовьям разговеться, затем родителей приглашали к себе (Март305, Март318, Бак3922, Сар3952).

Невестки всегда помогали родителям мужа, что могло выражаться в следующих действиях: «вечером свёкру и свекрухе мыла ноги» (Март4223), работали по хозяйству, когда те шли в церковь (Имер4262). Следуя пятой заповеди, дети тогда очень уважали старших: «чё там старый человек скажет, а ты не должен отговариваться, [...] перечить нельзя» (Имер4262).

Особое отношение было к нищим, старцам. Если в каком-то доме были гулянья (свадьба, крестины, двенадцатый или престольный праздник), старались в первую очередь накормить нищих (Сар3985).

В детских воспоминаниях информантов сохранились эпизоды хождения к Причастию (Март3942, Сузд3971, Сар3978), к Плащанице Спасителя, которую выносили в страстную пятницу (Сар3952, Сузд3953), рождествование со звездой по домам станичников, качели и игры с яйцами на Пасху (Сар3976).

В семьях девочек приучали в церковь «ходить покрытыми» (с покрытой головой. – С.Г.) (Март318, Март321). В советский период времени детей посылали в церковь освящать паски и яйца за несколько километров – в ст. Мартанскую (Бак3940). Также ходили вместе с бабушками в моленные дома (Сузд3958).

По праздникам, после прихода из церкви, за праздничным столом пелись церковные песнопения, «Божественные песни» (Сар3976). Станичники остерегались работать в большие праздники, т.к. верили в Божье наказание (Сузд3972, Бак3915, Имер4262).

Когда в семье заболел ребёнок, родители обращались, как правило, за помощью к «бабушкам», но нередко случаи прибегания к помощи церковных святынь, несущих целебную благодать Духа Святого. Лечились рукавичкой (вещь, освящённая на святых мощах. – С.Г.), принесённой бабушкой респондента из Киева (Сузд3971), венчальным платьем или фатой (Март328, Март4232), освящённой водой с молебна и просфорой (Март310), освящённым на праздник Фёдора Тирона коливом (Март305), троецкой травой, взятой из-под колен во время церковной службы (Март325), крещенской водой (Бак3940, Март4237, Имер4262). Исцеляло и само таинство крещения (Март328).

В первые десятилетия советской власти детей прихожан, расстрелянных за веру, преследовали и ущемляли в правах (Сар3976), высылали иногда целыми семьями и тех, кто отказывался работать в колхозе на Пасху (Сузд3953, Сузд3970), запрещалось ходить по станице на праздники с шедровками и колядками (Бак3910). На месте разрушенных храмов сооружались школы, стадионы, спортплощадки, дома культуры (Март319, Сузд3971, Сузд3954, Сузд3955, Сузд3958, Сузд3965, Сар3997, Имер4252, Имер4253). Старшее поколение не разрешало своим внукам ходить в увеселительные места, возведённые на месте

храмов, говорили: «там церковь, плачет там кто-то по ночам» (Имер4262); на клуб – «цэ ж цэрква» (Бак3915). Осуждали тех, кто участвовал в разрушении храмов, осквернял иконы (Март3942).

Люди, разрушавшие храм, по словам информантов, были местные комсомольцы. Они преждевременно оканчивали свою жизнь, одни от тяжких болезней, другие сразу же на месте (Март309, Сар3677, Бак3910, Бак3915, Март3942, Сузд3955, Сузд3970, Имер4253). Любовь к храму у местных выражалась в заботе о нем, его украшении: «Покрасили её (церковь. – С.Г.) перед Троицей в голубой цвет [...], красивая была, нарядная [...], высокая [...], с купола Краснодар было видно» (Сар3989); «вручную пилили [...], сделать такую красавицу трудно было, но сделали» (Март4237).

О том, что старшему поколению удалось передать знания о вере и любовь к Богу молодёжи, свидетельствуют рассказы старожилов 1930–1940-х гг. рождения. В ст. Мартанской, когда подожгли церковь, местные ребята, рискуя жизнью, вынесли из алтаря антиминс, иконы, священные книги: «Они комсомольцы, два Жоры [...], как полковое знамя сохранили» (Март309). В 1950–1960-е гг. жители Горячеключевского района крестили детей, на праздники ездили в те станицы, где действовала церковь, в домах отмечали престольные дни. К престольному дню, как и старшее поколение, прихожане тщательно готовили церковь: мыли от пыли; чистили подсвечники; если престол приходился на Троицу, «одевали церковь» травой и цветами (Сар3677).

Жизнь человека строилась согласно календарному году, включавшему в себя великие двенадесятые и малые праздники, посты, дни поминовения усопших. Со слов своих родителей, бабушек и дедушек наши респонденты вспоминают, что в семьях обязательно держали посты не только многодневные, но и однодневные (пятница и среда), ничего не ели до выноса плащаницы в «страшную пятницу» (страстную пятницу. – С.Г.) и под Рождество Христово (Март305, Март318, Сузд3954). В ночь под Рождество старались не спать, а «славить Бога» – читали и пели разные молитвы (Март305). Вечерять начинали всей семьёй лишь после того как из церкви была принесена освящённая вода под Крещение или освящённые яйца и паски на Пасху. По праздникам одевали

лучшую одежду: «*Так с холстины носили, а как в церковь – ситцевую*» (Март305). Детям родители старались купить к празднику обновку. Например, к Пасхе – «*сандалики красни, платичка, хлопцам – рубашки*» (Сар3976).

Святой угол в доме преображался в связи с тем или иным праздником. Под Рождество Христово «*на покуть*» клали сено, на него – кутю, приготовленную из пшеницы, куда вставлялся крестик, сделанный из сена (Сузд3953, Сузд3971). Кутя украшалась крестом из ягод с узвара (Март305) или конфет. Перед образами, на стене, коптили крест свечой, принесённой из церкви после прочтения 12-ти Евангелий «*под пятницу*» и на праздник Крещение Господне (Имер4262). В Вербное воскресенье ставили в святой угол освящённую ветку вербы (Март4222). На Троицу клали травку и веточки с деревьев (Март325). На Пасху крашеные яйца и паски (Сузд3953). На Первый Спас, по словам респондента, все жители святили мак. Им посыпали цыплят, коров, «*шоб никто не позавидовал на них*» (Март308). На праздник в святом углу всегда горела лампада или зажжённая свеча. Угольник застилался рушниками (Сузд3953, Сузд3965, Сар3978), на каждой иконе висело полотенце, как и в церкви. Жители ст. Мартанской говорят о том, что традиция вешать в святом углу занавесочки и закрывать ими иконы появилась гораздо позже (Март305, Март308). В домах наших респондентов мы отмечали существование двух святых углов, расположенных по диагонали (Сар3676). При входе в дом крестились на иконы (Март321). Самыми распространёнными иконами в домах станичников были: «Иисус Христос», Богоматерь «Праворучица», «Троеручица», «Неапалимая Купина», «Николай Угодник, Иоанн Креститель» (Март321, Имер4248).

В период поста жизнь людей менялась. Перед началом Великого поста, после масляной недели в церкви «*начинали прощаться*», при этом говорили такие слова: «*Прости, если я чем обидела. И ты, Господи, прости, чтоб нам пост провести без соблазна, без греха [...]. Прости сестрица, прости братец [...]. Батюшка у нас просе [...], мы у батюшки*» (Март305). В субботу вечером, остатки скоромной пищи «*сносили бедным, у кого коровы нет*» (Сар3977). В «*жиловый поныдилок*» старались не работать (Имер4262), пекли «*жилянныки*» – ле-

пешки, которые делались на воде, соде и муке с добавлением соли и употреблялись в пищу вместе с тёртым хреном. Скоромного в пост не ели, «*всё на постном масле робылы*» (Сар3977). В церковь одевали чёрную одежду (Март305). В посты существовал запрет на свадьбы, гулянья, игры. Однако, сидя за рукоделием, могли вслух читать молитвы, в редких случаях петь духовные стихи (Март324, Март326). Смысл текста стихов наполнен покаянием и назиданием:

«*Чтоб во всем иметь смиренье, хуже всех себя считать,*

Ума и сердца помышленья в молитве Богу наполнять» (Март303).

Они располагали душу человека к осознанию своих грехов, раскаянию в них и обретению веры и надежды на Бога:

«*Боже, ты моя надея, мая радость в жизни сей.*

Упокой же миня, Боже, в горькай участи моей» (Март303).

В конце первой недели Великого поста, в день памяти св. Фёдора Тирона, станичники освящали коливо (варёная пшеница с мёдом. – С.Г.) (Март305). От Пасхи до Вознесения станичники «*христосувались*», т. е. приветствовали друг друга словами: «*Христос Воскресе*», отвечали «*Воистину Воскресе!*», (Сузд3954, Сар3976). В день Вознесения говорили: «*Вознеси меня, Господи, на небеса!*» (Сар3976).

Большую роль в жизни казачьих станиц района г. Горячий Ключ играли престольные праздники, которые отмечались весело и дружно. Приезжали люди с близлежащих станиц, хуторов и останавливались с ночёвкой у родственников. Кто не имел родных в станице, располагались на ночлег возле церкви. Местные готовили общий обед в ограде церкви для своих и приезжих (Имер4262, Сузд3971). К престольному празднику жители станиц жертвовали продукты. В ст. Суздальской, например, по дворам ходили с батюшкой, который читал молитвы, а женщины собирали пожертвования (Сузд3961). В советское время, когда запрещалось празднование престольных дней, станичники и приезжие шли в церковь, а после расходились по домам, где накрывали стол. Собирались родственники и соседи. За обедом пелись песни и велись разговоры (Март311).

В традиционной культуре, в обрядах жизненного цикла (родильно-крестильный,

свадебный и похоронный) и окказиональных обрядах (освящающих житейские нужды), мы наблюдаем синкретизм православных и дохристианских обрядов и обычаев.

В свадебном обряде в первый день свадьбы, перед тем как ехать к венцу, обязательным являлось благословение родителей. Сначала они трижды благословляли жениха иконой, хлебом и солью, при этом он стоял на коленях на шубе (Бак3922). В ответ жених целовал икону, хлеб и родителей. Родители невесты также благословляли свою дочь, а затем её с женихом, после чего они ехали венчаться в церковь с родительским благословением (иконами). Обычно родители говорили: *«Благословляем вас диты, щоб вам было щастье, здоровье»* (Март4222, Сар3978, Бак3925) или крестили головы детей, говоря: *«Плодитесь»* (Сузд3972). Невесту благословляли иконой с женским образом (Пресвятая Богородица), чаще «Казанской», потому что *«она охраняет брак»* (Сузд3972), а мужчину иконой с изображением Иисуса Христа, Николая Угодника. На вопрос, почему благословение происходило на шубе, отвечали: *«шоб богатство было, добро было, шоб любовь была»* (Сузд3972). Были случаи, когда жениха и невесту вели после венчания домой в венцах (Март4232). Гильце (свадебный атрибут. – С.Г.) во время празднования свадьбы могло стоять на угольнике в святом углу вместе с иконами (Март314).

Перед родами роженица с молитвой обращалась к Божьей Матери: *«Будь покровительница надо мной и над моим младенцем»*, после шла в храм, причащалась и просила, чтобы ребёнок рос и не болел (Сузд3957).

Говоря об имянаречении, важно отметить, что имя новорождённому давал священник. Бабушка, принимавшая роды, на следующий же день несла его к батюшке, который называл младенца по святым (Март320). Имена детей в семье могли повторяться.

Окрестить ребёнка в досоветский период старались в первые дни его рождения, что объяснялось высокой смертностью новорождённых и воцерковлённостью станичников. В советский период крещение откладывалось на неопределённое время. Чаще детей «октабрили», а после всё равно крестили, но тайно. Во время таинства крещения кровные отец и мать в церковь не

заходили. В обязанности крёстного отца входила материальная часть вопроса – покупка крестика и вознаграждение священника. Крёстная мать обычно держала ребёнка на руках во время таинства, а после приносила родителям со словами: *«Ну, брали мы у вас ребёнка некрещёнова, немалитвенава, теперь мы принесли крещёнава и малитвенава вам»*. В ответ кровные родители отвечали: *«Спаси Господи, вам, шо покрестили»* (Март319).

В досоветский период напутственным молебном на церковной площади провожали казаков на службу и благодарственным встречали. В благодарность о благополучном возвращении в церковь казаки заказывали иконы, делали пожертвования.

Православная символика прослеживается и в окказиональных обрядах. Приведённые ниже обычаи не являются распространёнными во всех станицах рассматриваемого района, однако бытовали и сохраняются до сих пор.

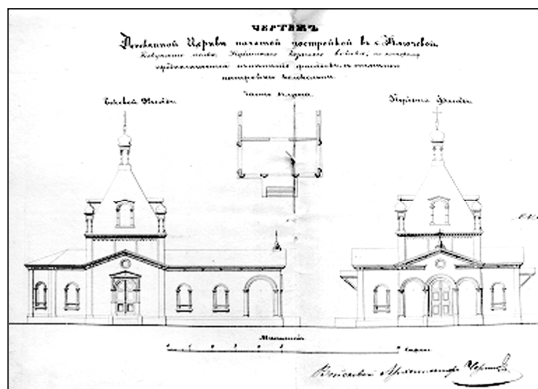
Перед тем как строить дом старались найти подходящее место, для этого звали священника, который на месте строительства забивал четыре колышка. Как построили, снова приглашали его, чтобы освятить дом. Во время строительства в святой угол закладывали деньги (Сар3977). В новый дом первым входил хозяин с иконой, и хозяйка с кошкой (Март308). При строительстве в большой хате, так называлась одна из комнат жилища, ставили три окна, объясняя, что так *«по-Божьему»* (Март307).

Во время засухи жители станиц района собирались около своего храма и крестным ходом шли *«з охрыстами»* на поле, где служили молебен, *«просили Бога, чтобы пошёл дождь»* (Март325, Сар3976, Сар3977). Либо заказывали обедню и молебен в церкви, а потом шли *«со святостями* (запрестольный крест, иконы, хоругви. – С.Г.) *по степам»* (Март324).

В кон. XIX – нач. XX вв. существовала традиция окропления скота в день его первого выгона весной, который приходился на какой-либо праздник. Служился молебен на улице, *«каждый скотину подгоняе и батюшка освящае»* (Март325). Эта традиция была не повсеместна. В советское время хозяйка могла сама перед первым выгоном окропить *«скотину»* крещенской водой. В настоящее время мы не отмечаем факта окропления святой водой домашнего скота.

Итак, возрождение Церкви и приходской жизни в начале 1990-х гг. XX в. дало возможность жителям некоторых станиц района г. Горячий Ключ восстановить свои разрушенные храмы и открыто исповедовать веру, как это делали их деды и прадеды. К сожалению, многие традиции не сохранились, в том числе хождение крестным ходом на реку Псекупс и служение молебна в память чудесного избавления станицы от наводнения.

На наш взгляд, одной из задач нового поколения прихожан является не допустить разрушения вновь отстроенных храмов, забвения местных народных обычаев и традиций, сохранить преданность своей вере и культуре.

Чертеж храма в ст. Ключевой

Михайло-Архангельский храм
в ст. Мартанской

Примечания:

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 47. Д. 402. Л. 1об.; Оп. 26. Д. 790. Л. 257, 263, 269; Оп. 24. Д. 643. Л. 231; Оп. 72. Д. 1727. Л. 79, 92, 104, 156.
2. Там же. Оп. 26. Д. 790. Л. 257, 269.
3. Там же. Оп. 72. Д. 1727. Л. 104, 116; Оп. 74. Д. 1038. Л. 182.
4. Там же. Оп. 47. Д. 402. Л. 1об.–2; Оп. 74. Д. 1038. Л. 1–6об.
5. Там же. Д. 402. Л. 1об.–2.
6. Кубанские войсковые ведомости (далее – КВВ). 1868. № 50.
7. Там же.

Список полевых материалов

- Март303 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к303. ст. Мартанская. Инф.: Колесниченко Е.У., 1930 г.р. Мишурова М.В., 1923 г.р. Иссл.: Шептун С.В.
- Март305 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к305. ст. Мартанская. Инф.: Мамаева М.П., 1916 г.р. Иссл.: Шептун С.В.
- Март307 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к307. ст. Мартанская. Инф.: Гришина М.Я., 1923 г.р.; Мишурова М.В., 1923 г.р., Марченко П.Г., 1906 г.р. Иссл.: Чмырёва И.Ю.
- Март308 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к308. ст. Мартанская. Инф.: Мамаева М.П., 1916 г.р. Иссл.: Чмырёва И.Ю.
- Март309 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к309. ст. Мартанская. Инф.: Колесниченко Е.У., 1930 г.р. Иссл.: Семенцов М.В.
- Март310 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к309. ст. Мартанская. Инф.: Колесниченко Е.У., 1930 г.р. Иссл.: Семенцов М.В.
- Март311 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к311. ст. Мартанская. Инф.: Гадина П.З., 1912 г.р.; Никонова В.Г., 1958 г.р. Иссл.: Семенцов М.В.
- Март312 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к312. ст. Мартанская. Инф.: Карпенко М.Т. Иссл.: Раевская И.
- Март314 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к314. ст. Мартанская. Инф.: Бражников С.П., Бражникова А.Т. Иссл.: Раевская И.
- Март318 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к318. ст. Мартанская. Инф.: Панченкина Г.Т., 1911 г.р., Спиридонова Е.М., 1917 г.р. Иссл.: Чмырёва И.Ю.
- Март319 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к309. ст. Мартанская. Инф.: Панченкина Г.Т., 1911 г.р., Корткова Н.П., 1905 г.р. Иссл.: Кремнинская В.Ю.
- Март320 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к320. ст. Мартанская. Инф.: Корткова Н.П., 1905 г.р. Иссл.: Кремнинская В.Ю.
- Март321 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к321. ст. Мартанская. Инф.: Носатова А.В., 1915 г.р., Корткова Н.П., 1905 г.р. Иссл.: Кремнинская В.Ю.
- Март324 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к324. ст. Мартанская. Инф.: Куприкова В.И., 1913 г.р., Горина Е.Л., 1910 г.р.
- Март325 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к325. ст. Мартанская. Инф.: Крычина Е.Л., 1910 г.р., Корткова Н.П., 1905 г.р. Иссл.: Куртометова Ф.
- Март326 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к326. ст. Мартанская. Инф.: Матющенко А.С., 1926 г.р. Иссл.: Зуб Е.В.
- Март328 – ПМ КФЭЭ – 1992. а/к328. ст. Мартанская. Инф.: Попова Л.А., 1942 г.р., Гавриленко В.Н., 1921 г.р. Иссл.: Жиганова С.А.
- Сар3676 – ПМ КФЭЭ – 2006. а/к 3676. ст. Саратовская. Инф.: Белоножко О.А., 1913 г.р. Иссл.: Бондарь Н.И.
- Сар3677 – ПМ КФЭЭ – 2006. а/к 3677. ст. Саратовская. Инф.: Василенко М.П., 1916 г.р. Иссл.: Зудин А.И.
- Бак 3910 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3910. ст. Бакинская. Инф.: Сенявская (Кинах) М.Я., 1925 г.р. Сенявский Г.Е., 1922 г.р. Иссл.: Зудин А.И.
- Бак 3915 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3915. ст. Бакинская. Инф.: Адабаш З.Н. Иссл.: Кузнецова И.А.
- Бак 3922 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3922. ст. Бакинская. Инф.: Адабаш З.Н., Каркач М.А., 1922 г.р. Иссл.: Кузнецова И.А.
- Бак3925 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3925. ст. Бакинская. Инф.: Чумак А.П., 1936 г.р.; Буланый А.М., 1931 г.р. Иссл.: Логвинова В.А.
- Бак 3940 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3940. ст. Бакинская. Инф.: Лазаренко (Малая) В.Н., 1939 г.р., Захарченко

IV. История православия на Кубани

(Малышко) Е.А. 1937 г.р. Иссл.: Жиганова С.А.

Март3942 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3942. ст. Мартанская.
Инф.: о. Сергей Брусов, Колесниченко Е.У., 1930 г.р. Иссл.:
Кузнецова И.А.

Март3943 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3943. ст. Мартанская.
Инф.: Колесниченко Е.У., 1930 г.р. Иссл.: Кузнецова И.А.

Сузд3952 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3953. ст. Суздальская.
Инф.: Сандальчиди Н.М., 1940 г.р. Иссл.: Зудин А.И.

Сузд3953 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3953. ст. Суздальская.
Инф.: Сандальчиди Н.М., 1940 г.р., Проценко М.Ф., 1926 г.р.
Иссл.: Зудин А.И.

Сузд3954 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3954. ст. Суздальская.
Инф.: Ганиляк А.А., 1917 г.р., Обруч Т.А., 1919 г.р. Иссл.:
Кузнецова И.А.

Сузд 3955 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3955. ст. Суздальская.
Инф.: Ганиляк А.А., 1917 г.р., Обруч Т.А., 1919 г.р., Горба-
тенко М.Т., 1927 г.р. Иссл.: Кузнецова И.А.

Сузд3957 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3957. ст. Суздальская.
Инф.: Люлюкова Н.Я., 1937 г.р. Иссл.: Кузнецова И.А.

Сузд3958 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3958. ст. Суздальская.
Инф.: Радченко В.М., 1929 г.р., Яковенко М.А., 1936 г.р.
Иссл.: Зудин А.И.

Сузд3961 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3958. ст. Суздальская.
Инф.: Ждан Н.Е., 1923 г.р., Хижняк Т.К., 1938 г.р. Иссл.:
Васильев И.Ю.

Сузд3965 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3965. ст. Суздальская.
Инф.: Панченко Л.Я., 1938 г.р., Панченко И.А., 1940 г.р.

Сузд3970 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3970. ст. Суздальская.
Инф.: Сушко Н.Д., 1927 г.р. Иссл.: Логвинова В.А.

Сузд3971 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3971. ст. Суздальская.
Инф.: Сушко Н.Д., 1927 г.р. Иссл.: Логвинова В.А.

Сузд3972 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3972. ст. Суздальская.
Инф.: Осипова (Левченко) В.А., 1928 г.р., Дудченко Н.Ф.,
1961 г.р. Иссл.: Логвинова В.А.

Сар3976 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3976. ст. Саратовская.

Инф.: Вереса Е.К., 1918 г.р. Иссл.: Бондарь Н.И.

Сар3977 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3977. ст. Саратовская.
Инф.: Вереса Е.К., 1918 г.р. Иссл.: Бондарь Н.И.

Сар3978 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3978. ст. Саратовская.
Инф.: Крапивка У.С., 1928 г.р. Иссл.: Бондарь Н.И.

Сар3985 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3978. ст. Саратовская.
Инф.: Чирва Г.М., 1924 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.

Сар3997 – ПМ КФЭЭ – 2008. а/к 3997. ст. Саратовская.
Инф.: Жданова М.Д., 1929 г.р. Иссл.: Логвинова В.А.

Март4222 – ПМ КФЭЭ – 2010. а/к 4222. ст. Мартанская.
Инф.: Мажневская В.Г. Иссл.: Бондарь Н.И.

Март4223 – ПМ КФЭЭ – 2010. а/к 4223. ст. Мартанская.
Инф.: Мишурова М.В., 1924 г.р., Кошель Е.М., 1926 г.р.
Иссл.: Воронин В.В.

Март4232 – ПМ КФЭЭ – 2010. а/к 4232. ст. Мартанская.
Инф.: Гончарова (Рыжкова) М.Ф., 1930 г.р. Иссл.: Рыбко С.Н.

Март4237 – ПМ КФЭЭ – 2010. а/к 4237. ст. Мартанская.
Инф.: Горбачёв И.А., 1927 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.

Сар4243 – ПМ КФЭЭ – 2010. а/к 4243. ст. Саратовская.
Инф.: Кислова М.А., 1927 г.р., Былынка В.П., 1926 г.р. Иссл.:
Бондарь Н.И.

Имер4252 – ПМ КФЭЭ – 2010. а/к 4252. ст. Имеретин-
ская. Инф.: Ткачёв П.М., 1913 г.р., Шеремет А.П., 1947 г.р.
Иссл.: Матвеев О.В.

Имер4253 – ПМ КФЭЭ – 2010. а/к 4253. ст. Имеретин-
ская. Инф.: Терентьев Н.Г., 1928 г.р., Терентьева (Ермак)
Е.Н., 1950 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.

Имер4254 – ПМ КФЭЭ – 2010. а/к 4254. ст. Имеретин-
ская. Инф.: Терентьев Н.Г., 1928 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.

Имер4262 – ПМ КФЭЭ – 2010. а/к 4262. ст. Имеретин-
ская. Инф.: Гапченко И.К., 1926 г.р., Гапченко В.А., 1930 г.р.
Иссл.: Васильев И.Ю.

V. ТРАДИЦИОННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Н.Г. Соловьева

О традиционном праздновании Масленицы

История народов Северного Кавказа складывалась в процессе социально-экономического и культурного взаимодействия. Установившиеся в результате этого крепкие межнациональные связи не оказали значительного влияния на национальную идентичность его участников, их культуры в целом. Многие специфические характеристики национальной культуры сумели сохраниться и до нашего времени. К ним можно отнести и традиционное празднование масленицы – важного события народного календаря русского населения Северного Кавказа.

Масленицу относят к традиционному славянскому празднику с языческими корнями [1]. Отмечается она в течение недели в преддверии Великого православного поста. Хронологические рамки масленицы меняются каждый год в зависимости от даты празднования Пасхи.

В народном календаре восточных славян праздник маркирует границу зимы и весны, а также Мясода и Великого поста [2]. Некоторые исследователи считают масленицу аналогом европейского карнавала. В календаре Русской православной церкви этот период называется Сырной седмицей. Названия Мясопуст, Неделя мясопустная и Сырная неделя на Руси употреблялись только в Святках как «церковное» название [3].

У казачества Карачаево-Черкесии традиционными атрибутами народного празднования масленицы было чучело масленицы, катание на санях, народные гулянья, блины и лепешки, а также вареники, сырники и др.

Масленичная обрядность отличалась сложностью и многоступенчатостью. И сегодня она сочетает в себе элементы как славянской мифологии, так и народного христианства. Сюда входят как обряды, относящиеся и к культу предков, так и обряды так называемого «рубежа времен», то есть связанные с началом нового цикла, в первую очередь с плодородием. Так, в дохри-

стианскую эпоху масленица праздновалась в период весеннего равноденствия, которое у большинства народов считалось началом нового года [4].

По мнению некоторых исследователей, в том числе Н. Дубровского, многие масленичные обряды являются чисто зимними и не могут отмечаться весной [5]. Он утверждал, что масленичные обряды перешли с Власия, у которого «и борода в масле». В Белоруссии, например, сохранилась поговорка: «На Аўласа бяры каўшом масла» [6] («На Власа бери ковшом масло» – перевод с белорусского языка). В Полесье и сегодня Широкий четверг называют «Власье» или «Волосий» [7].

Другие указывали на то, что главной целью масленичных обрядов является стимуляция плодородия, особо актуальная в связи с грядущим началом полевых работ [8].

Главным атрибутом масленицы у русского населения Карачаево-Черкесии выступало чучело. По мнению В.Я. Проппа, оно представлялось средоточием плодородия и плодовитости. Ритуалы его проводов носили символический характер. Так, пепел от чучела, или само растерзанное чучело, раскидывали по полям [9], что должно было стимулировать хороший урожай в новом году.

Для крестьянства, коим являлось и казачество, плодородие земли было крайне важно. Через подобные народные традиции и обряды на него оказывалось своеобразное воздействие.

С плодородием земли связывалась и плодовитость людей, плодовитость скота [10]. Поэтому в дни масленицы общество всячески показывало важность брака, исключительность воспроизводства населения, чествовало молодых людей репродуктивного возраста [11]. С этим был связан целый комплекс масленичных обрядов, сопровождавшийся своеобразным смотром молодоженов, походом их в гости, катанием на снях с гор и просто в упряжке, шуточным преследованием холостых людей и др. В этом контексте сожжение чучела масленицы символизировало как уничтожение старого и отжившего, так и смерть во имя

будущего рождения, то есть возрождение плодородных сил.

В комплекс масленичной обрядности казачества Карачаево-Черкесии можно отнести и некоторые поминальные обряды. Считалось, что ушедшие предки, находясь одновременно в ином (небесном, духовном, бестелесном) мире и в земле (материальном, телесном мире), обладали определенными возможностями влиять на плодородие, поэтому почитание предков в масленицу было обязательным. Масленичные трапезы сопровождалось приготовлением поминальных блюд и, в первую очередь, блинов. Первые блины предназначались малоимущим и детям, которые употребляли их «на помин души».

В современном массовом сознании блины являются главным атрибутом Масленицы. Вопреки широко распространенному мнению, блины не являются и никогда не являлись символом солнца у славянских народов [12]. Блины у славян всегда были поминальным блюдом, поэтому они как нельзя кстати соответствуют поминальной сущности масленицы [13].

Некоторые находят родство русской масленицы с западноевропейским карнавалом. Так, зарубежный путешественник, побывавший в Москве при Иване Грозном, писал: «Масленица напоминает мне итальянский карнавал, который в то же время и таким же образом отправляется... Карнавал тем только отличается от масленицы, что в Италии день и ночь в это время ходит дозором конная и пешая городская стража и не позволяет излишнего буйства; а в Москве самые стражи упиваются вином и вместе с народом своевольствуют» [14].

Говоря о масленице нельзя не отметить, что корни ее обрядности находятся в далеком прошлом и имеют некоторые черты языческой культуры. К ним относят широту и безудержность ее празднования. Со временем эти черты трансформировались, адаптировались к православной доктрине, утвердившейся в обществе. Теперь широта, с которой она отмечается, свидетельствует о том, что человек, имея многое в жизни, наслаждаясь разнообразной пищей, в преддверии Великого поста должен осознавать хрупкость мира и стремиться к преображению души.

Следующей чертой «языческой сущности» масленицы считают изготовление и

сожжение чучела. На наш взгляд, масленичное чучело никогда не являлось идолом и сам обряд, по всей видимости, имел игровые корни.

Сегодня масленица – это своеобразная адаптация народных традиций в жизнь православного общества, казачества в частности. Масленичная неделя включает два больших периода: узкую и широкую масленицу. В узкую масленицу входят первые три дня: понедельник, вторник, среда, а в широкую – последние четыре дня: четверг, пятница, суббота и воскресенье. Традиционно существовали определенные отличительные особенности празднования масленицы.

Каждый день масленицы имел свое название. Понедельник назывался «встреча». Обычно в начале узкой масленицы свекор со свекровью утром отправляли невестку к отцу и матери. Вечером сами приходили к сватам в гости. Там они договаривались о времени и месте общих гуляний, определяли состав гостей. К этому дню в станицах и хуторах заливались катки, строились снежные крепости, устанавливались качели и т.п. Везде разносился приятный запах праздничных блюд, особенно блинов и пирогов. Как уже отмечалось, первый блин отдавался малоимущим людям на помин усопших. В понедельник из соломы, старой одежды и других подручных материалов сооружалось чучело масленицы, которое насаживали на кол и возили в санях по улицам. Затем его устанавливали на окраине, где и проходили общественные праздничные гуляния. В последний день широкой масленицы – «прощеное воскресенье», чучело сжигали на костре.

Вторник – «заигрыши». В этот день происходили смотрины невест. С утра молодые люди катались с гор, ходили друг другу в гости поесть блинов. Для зазывания масленицы произносили слова: «У нас горы снежные готовы и блины напечены — просим жаловать!» [15]. По сути, все масленичные обряды сводились к сватовству, для того, чтобы после Великого поста, на Красную горку, сыграть свадьбу. В станицах и хуторах Карачаево-Черкесии также были распространены такие традиции.

Среда – «лакомка». Другое название – «скоромная середка» [16]. В этот день зять приходил к теще на блины, которые она сама готовила. В этот день теща демонстрировала свое доброе расположение к мужу

своей дочери. Кроме зятя теща приглашала и других гостей [17].

Четверг – «разгул». С этого дня началась широкая масленица и все хозяйственные работы прекращались. Праздник разворачивался во всю ширь. Народ предавался всевозможным потехам: устраивались катания на лошадях, кулачные бои и т.п. Эти гуляния заканчивались застольем. Главное действие в четверг сопровождалось штурмом и захватом снежного городка. Смысл широкого четверга, как и всей масленицы, заключался в выплеске накопившейся за зиму негативной энергии и разрешение различных конфликтов между людьми.

Масленичные гуляния повсеместно сопровождались разведением костров и ритуальными прыжками через огонь, которые символизировали очищение человека в преддверии Великого поста.

Пятница – «тещины вечерки». В этот день с ответным визитом теща приходила в гости к зятю. Блины в этот день пекла ее дочь – жена зятя. Теща приходила не одна – с родственниками и подругами. Зять должен был продемонстрировать свое доброе расположение к теще и ее близким [18].

Суббота – «золовкины посиделки». Молодые невестки приглашали в гости к себе золовок и других родственников мужа. Если золовка не была замужем, то невестка приглашала своих незамужних подруг. Если сестры мужа были замужем, то невестка звала свою замужнюю родню. Невестка должна была подарить золовке какой-нибудь подарок.

Воскресенье – «проводы», также называется «прощеное воскресенье». Этот день являлся кульминация всей масленичной недели. Все близкие люди просили друг у друга прощения за неприятности и обиды, причиненные в прошедшем году, происходило заговенье перед началом Великого поста.

Интересен обряд прощения у казаков Карачаево-Черкесии. Вечером, после ужина, самый младший член казачьей семьи начинал просить прощения у самого старшего. Затем он обращался к каждому последующему члену семьи с просьбой о прощении. Получив его от всех, он кланялся в пояс и отходил в сторону. За ним по старшинству этот ритуал исполняли остальные члены семьи. У младших по возрасту прощения не просили. Последней кланялась хозяйка дома,

причем, просила прощения только у мужа. Глава же семьи никому не кланялся [19].

На вечернем богослужении в храмах, заполненных казаками, также совершался чин прощения: настоятель просил прощения у клириков и прихожан. Затем верующие, кланяясь друг другу, просили прощения. В ответ на их просьбу отвечали – «Бог простит».

Вечером в «прощеное воскресенье» ходили в баню, что также символизировало очищение и подготовку к посту.

В конце масленичной недели торжественно сжигали чучело масленицы. Оно могло символизировать как саму Масленицу, так и Зиму, и даже Смерть. По нашему мнению, чучело, скорее всего, олицетворяло все прошлое, ненужное, старое и его сжигание предвещало начало нового благоприятного цикла в жизни христианина, связанного с его духовным обновлением через пост. Полученный пепел рассыпали по полям, что должно было содействовать хорошему урожаю.

Заключительная часть «разгульной масленицы» была связана с идеей избавления от сытной масленичной пищи, с подготовкой к обновлению – к посту. Так, в некоторых станицах было принято отдавать оставшуюся масленичную пищу животным и т.п.

Широкое бытование масленичных традиций нашло отражение в устном народном творчестве. Пословица «Масленица объедаха, деньгам приберуха» [20] свидетельствовала о значительных затратах, сопровождавших отмечание масленичной недели. А пословица «Не все коту Масленица, будет и Великий пост» [21] предупреждала, что период широкой масленицы закончится и наступит время строгого поста – испытания телесного и духовного.

Таким образом, празднование масленицы было широким и поэтапным. Оно сопровождалось определенными обязательными обрядовыми традициями. К ним относилось приготовление масленичной обрядовой пищи: вареников и блинов. Типичными были взаимные гостевые визиты, игровые и развлекательные моменты обрядов (ряженные и др.). Масленица хотя и имела языческие корни, но была почти полностью адаптирована к православному населению, отмечающему ее. Она была нацелена подготовить казаков к Великому посту, предшествующему Пасхе.

Примечания:

1. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. 816 с.
2. Агапкина Т.А. Масленица // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М., 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). С. 194–199.
3. Дубровский Н. Масляница. М., 1870. С. 13.
4. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. 608 с.
5. Дубровский Н. Указ. соч.
6. Васілевіч У.А. Беларускі народны календар // Паэзія беларускага земляробчага календара. Склад. Ліс А.С. Мн., 1992. С. 554–612. (белор.)
7. Толстая С.М. Полесский народный календарь. М., 2005. 600 с.
8. Пропт В.Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995. 176 с.
9. Пропт В.Я. Указ. соч. С. 81–85.
10. Артеменко И.И., Березанская С.С., Баран В.Д., Анохин В.А. и др. Археология Украинской ССР в 3-х томах. К., 1985. Т. 1. С. 262.
11. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
12. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. М., 1995.
13. Пропт В.Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995; Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX в. / Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1979.
14. Белкин А.А. Русские скоморохи. М., 1975. 192 с.
15. Сахаров И.П. Сказания русского народа. Народный дневник. СПб., 1885.
16. Толстая С.М. Указ. соч. С. 297.
17. Сахаров И.П. Сказания русского народа. Народный дневник. СПб., 1885. С. 168.
18. Сахаров И.П. Указ. соч. С. 169–170.
19. Энциклопедия суеверий. М., 1995. С. 257.
20. Михайлова Л. 20000 русских пословиц и поговорок. М., 2009.
21. Агапкина Т.А. Масленица // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М., 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). С. 194–195.

И.Х. Заубидова

От Эллады до Кавказа

(Из материалов фольклорно-этнографической экспедиции Карачаево-Черкесского музея-заповедника в греческие селения Хасаут-Греческое Зеленчукского района и Спарта Адыгге-Хабльского района)

Сбором материалов о греках Карачаево-Черкесии сотрудники музея начали заниматься только с 1986 года.

В том далеком, как сейчас кажется, 1986 году в план работы отдела дореволюционной истории Карачаево-Черкесского

областного краеведческого музея (с 1988 года музей-заповедник) были включены мероприятия по организации и проведению фольклорно-этнографической экспедиции в греческие селения области – Хасаут-Греческое Зеленчукского района и Спарта Адыгге-Хабльского района. Эта экспедиция стала продолжением экспедиционной работы, организованной музеем в 1972–1985 гг. для пополнения этнографических коллекций по народам, проживающим на территории Карачаево-Черкесии.

В фондах музея фактически не было материала о кавказских греках, за исключением отдельных разрозненных сведений в нескольких архивных документах, а на территории области находились два населенных пункта – два села, основанных греками в разное время.

Народы многонациональной Карачаево-Черкесии пережили много невзгод, переселений, страданий, что не могло не отразиться на материальной и духовной культуре народов, и, отнюдь не способствовало ее сохранению, что сказывается и поныне на качестве и полноценности музейных экспозиций.

Видимо, этим можно объяснить несколько однобокий, порой поверхностный подход к созданию исторических экспозиций, где целые вехи исторического развития народов из-за идеологических штампов просто выпадали из экспозиции. Кроме этого экспозиции музеев советского периода делали больше акцент на становление советской государственности, и в отчетах по составу коллекций обязательно указывалось количество предметов советского периода.

Создание исторических экспозиций в краеведческих музеях многонациональных регионов всегда сложно.

После распада Советского Союза национальные республики образовали свои государства, а народы России получили больше возможности заниматься собственной историей, открылись архивы, появился интернет. Сегодня перед музеями стоят сложнейшие задачи, как перед научно-исследовательскими, публичными просветительскими учреждениями.

Интересующиеся прошлым своих народов, ставят перед собой задачи не ради собственных амбиций, а для того, чтобы это восстановленное прошлое стало достоянием всех в музейных стационарных экспозициях.

Этим можно объяснить многочисленные обращения в музей с вопросом: «А это у вас есть? А это почему не показываετε?» и т.д. Никакие доводы посетителя не убеждают.

Даже в далекие 1970–1980 гг. люди искали многие ответы в музейных экспозициях; вспоминая первые годы работы в музее, всплывают в памяти вопросы посетителей, которыми меня забрасывали после экскурсии, казавшиеся невероятно сложными: трудные были ответы, которых я не знала: «Какая родословная Батал-паши? (О сражении турецкой армии под предводительством Батал-паши и ее поражении на месте нынешнего города Черкесска 30 сентября 1790 года мы рассказывали в экскурсии). Или: «Какие горцы воевали против Наполеоновской армии в 1812 году?» и т.д.

Я хваталась за энциклопедии, доставала вопросами тех, кто проводил экскурсии.

Сейчас вопросы другие и требования к музею возросли намного. Мы должны знать всю историю хорошо. Это стимулирует нашу память для овладения безграничной и бесконечной наукой «краеведение» и найти баланс между желанием посетителя и возможностью отразить в экспозициях самое главное в сложных перипетиях истории народов.

Можно предположить, что отсутствие этого баланса и не только, обуславливает создание самостийных, чуть ли не собственных музеев, (в советское время, когда все работали только на одну единственную социалистическую идеологию – там было очень много нужного и полезного для приобщения людей к краеведению – это было необходимо) которые прибирают к рукам многие вещи, даже археологические, которые затем никогда не попадут в государственные музеи, и не увидит обычный посетитель. Порой создатели таких музеев открыто кичатся этим, не скрывая и возможности пополнения своих коллекций.

При нынешней финансовой «поддержке», вернее её отсутствии, краеведческие музеи могут лишиться источников пополнения коллекций, упрощения экспозиций, выставок, соответственно это повлечет за собой потерю интереса людей к музею, а музей лишится посетителя.

Название статьи возвращает меня к основной теме, но понимая, что сейчас происходит в нашей работе, и какие сложные

задачи еще встанут перед музейщиками, позволила себе такое длинное вступление – отступление.

Приняв с большой благодарностью обращение в музей неугомонного отраденского краеведа С.Г. Немченко написать статью, я выбрала материал о греках, потому как, собранные в том далеком 1986 году, наши полевые дневниковые записи не нашли ни музейного, ни другого воплощения.

Пообещав, что мы приедем еще к ним, пригласим их ансамбль в музей, напишем о них, подготовим радиопередачи, (телевидения тогда не было), обещание не выполнили до сих пор по ряду причин.

Я посчитала своим долгом исправить эту несправедливость и сделать достоянием всех, кто интересуется краеведением, историей греков, материалы, собранные в ходе нашей экспедиции.

Экспедиция была организована с 8 по 17 сентября 1986 года. В ходе подготовки экспедиции была проведена предварительная работа, выезд в населенные пункты для установления контактов с представителями местной власти, учителями; им сообщили о времени проведения экспедиции, уточнили задачи. Эта работа полностью оправдала себя – мы приехали и сразу приступили к работе.

В экспедицию были командированы два сотрудника музея – Браткова Елена Ивановна, зав.отделом дореволюционной истории, и я – Заубидова Ирина Хасамбиевна, старший научный сотрудник отдела фондов.

Десятидневная командировка, проведенная в этих селах, для меня, музейщика с многолетним стажем, и сегодня остается одной из самых ярких и незабываемых. Все, что мы увидели, услышали, узнали было для нас ново и неожиданно.

В Хасаут-Греческом, например, где живут греки, карачаевцы, русские, в школе дети общались по-гречески, по-карачаевски, по-русски, пели и танцевали вместе в греческом ансамбле. Чем не школа-полиглот?!

В Спарте (рядом абазинские и черкесские аулы) молодой человек, которого пригласили для беседы с музейщиками, заговорил со мной по-черкесски, притом начал с поговорки – Савченко Василий Михайлович учился в Эрсаконе с черкесскими детьми.

Воспоминаний, сейчас чаще употребляют слово «эмоции», настолько много, что хватило бы на целую книгу.

Экспедиция началась с посещения библиотеки в Хасаут-Греческом, где по предварительной договоренности с Е.И. Братковой нас уже ждал заведующий библиотекой Кецеров Дмитрий Иванович, краевед-любитель, как он сам себя называл.

Встретил он нас очень приветливо, как старых добрых знакомых. Фактически он стал нашим гидом-проводником во время всей нашей работы в селе. Предложил нам сразу план и список жителей села, которые могут поделиться воспоминаниями с нами. В списке Дибигев Стефан Федорович, 1899 года рождения, Филимьянова Надежда Прокофьевна, Филимьянова Ольга Семеновна, Саулова Пелагея Иордановна, 1884 года рождения и др.

Мы обращаемся к Кецерову: «Дмитрий Иванович, почему у вас всех русские имена?» Он рассмеялся: «Это у вас греческие имена, дорогие Елена и Ирина, почему вам дали такие имена, знаете значения их?»

Я, конечно, знала, что греческое имя Ирина означает «мир». А про Елену Прекрасную из греческой мифологии – кто не помнит!? Вся казавшаяся нам компетентность и подкованность по истории Греции и греков были мгновенно развенчаны. Это был поучительный нам урок.

Нас только двое, и объять необъятное – невозможно. Тем не менее мы распределили обязанности: я вела дневник, записывала все впечатления от встреч с жителями сёл, беседовала с ними, оформляла акты приема.

Лена – Елена Ивановна Браткова – вела магнитофонную запись бесед на нашей единственной звукозаписывающей технике – магнитофоне «Романтик-3», затем переносила записи на бумагу, фотографировала всех собеседников-информантов, вещевой материал, в основном вязаные чулки и носки узорные, музыкальные инструменты, куклы в национальных греческих костюмах, привезенные из Греции. Кстати, по этим образцам были пошиты костюмы участников фольклорного ансамбля при Доме культуры Хасаут-Греческого.

А теперь перейдем к дневниковым полевым записям:

08 сентября 1986 года после встречи с Кецеровым Д.И. пошли в сельсовет. Председатель сельсовета Мария Кецерова (была в отпуске) – сестра Надежды Кецеровой, партизанки, казненной немецко-фашистски-

ми оккупантами в 1942 году. Центральная улица носит ее имя; на этой улице находятся сельсовет, школа, библиотека, магазин, почта, сберкасса. Эта улица – продолжение основной трассы из станицы Кардоникской в Хасаут-Греческое, вернее, едешь из Кардоникской, и в село въезжаешь по этой улице. Хасаут – тупиковое село (самое южное) расположено на реке Аксаут (реки Аксаут и Маруха, сливаясь, образуют ниже станицы Кардоникской реку Малый Зеленчук).

Погода прекрасная, сезон сенокоса, и фактически все взрослое мужское население там. Жители села работают в основном в бригаде № 3 колхоза «Знамя коммунизма» Зеленчукского района. В сельсовете нам дали несколько адресов и фамилий. Будем обходить подворно. Говорят, можно найти современные предметы женского рукоделия.

Когда мы вернулись в библиотеку, там нас ждал наш первый информант – Дибигев Стефан Федорович – симпатичный старик, сразу располагает к себе, держит себя с большим достоинством, без суеты.

Рассказывает Стефан Федорович: «Греки пришли не из Греции, а из Турции...». Здесь нужна историческая справка: на территории Восточной Римской империи – Византии жили разные народы, но цементирующим этносом были греки. Государственным языком империи в 4–6 вв. был латинский, с 7 века до конца существования Византии (1453 г.) – греческий [1].

К XIV–XV векам Византия перестала быть мощной империей. В 1453 году Османская Турция, разместившаяся на бывших имперских землях, завоевала последние византийские земли и осадила Константинополь. 29 мая 1453 года город пал, а Византийская империя перестала существовать. Греческое население Византии, как и другие народы, входившие в империю, попало под власть турок [2].

В XVIII веке в Турции усилились гонения на христиан, и многие греки стали переселяться на Кавказ, в Грузию. Наибольшие надежды, связанные с освобождением, греки возлагали на помощь России [3]. Давняя мечта греков выйти из турецкой неволи осуществилась только после очередной русско-турецкой войны 1853–1856 гг., когда русские войска, продвигаясь вперед на Кавказском фронте, освободили много сел и деревень, где проживали братья русских по религии, православные греки.

«...Но не сразу сюда, а через Грузию из Кутаисской губернии, город Цалка [4] там тоже греки живут, по-турецки говорят. Перезимовали там, а в марте 1864 года тронулись в путь во Владикавказ, затем по Ставропольской губернии доехали до Баталпашинской...»

Далее из летописи, составленной Кецевым Д.И. по воспоминаниям земляков: «...Вот и Баталпашинская – большая казачья станица (ныне город Черкесск). По прибытии предводитель группы греков-переселенцев Харибов Иван был принят начальником Баталпашинского отдела, генерал-майором Петрусевицем. Здесь нужно уточнение: Н.Г.Петрусевиц прибыл в Баталпашинскую в 1865 г. не в чине генерал-майора, а в чине штабс-капитана артиллерии, начальником Эльбрусского округа. В его приказе-прошении, адресованном Баталпашинскому станичному правлению с просьбой сообщить цены на рабочих и строительные материалы для постройки правления Эльбрусского округа стоит подпись: «заведывающий округом, артиллерии штабс-капитан Петрусевиц».

Далее по летописи: «Разговор шел на турецком языке, поскольку Харибов не знал русского, как не знал генерал (штабс-капитан Петрусевиц. – И.З.) греческого, но ... хорошо владел турецким!»

Просьбы переселенцев Харибов изложил кратко: «Предоставьте нам возможность поселиться там, где имеются «таш, агач и су», т.е. камень, лес и вода», на что Петрусевиц ответил, что они все это найдут выше по реке Кубань, где расположена крепость (возможно, речь идет о Верхне-Николаевской крепости (ныне станица Красногорская). Но не понравилось, что местность лишена лесов, хотя камня и воды было достаточно.

Затем, после долгих расспросов, разведок, они узнали, что есть место более подходящее, вдоль реки Аксаут. Но на пути к тому месту была станица Кардоникская, занявшая все плодородные земли. После долгих мытарств, они остановились в густом лесу на правом берегу Аксаута, начали корчевать деревья, строить землянки; греки осели здесь».

По словам Дибигева С.Ф., первыми поселенцами были Харибовы, Кецевы, Дибигевы, Кузьминовы, Кузнецовы, Халджиевы, Сауловы, Филимьяновы и др.

В своих воспоминаниях он ссылается на Халджиева Петра Дмитриевича, который старше его на 15 лет, родился в Хасауте. Видимо, год основания населенного пункта у жителей ассоциируется с рождением кого-то в тот год и т.д. Обычно говорят: «Такой-то родился уже на новом месте, или перевезли туда ребенком».

Дибигев С.Ф.: «...Когда греки приехали сюда, по-русски не знали ни слова, говорили только по-гречески и по-турецки. Вначале и с казаками было сложно, но постепенно стали налаживаться связи, греки стали даже сватать русских. Многие греки надели черкески как казаки; и я носил черкеску. Стали ездить в Кардоникскую к казакам за семенами, брали у них гречиху, кукурузу, картошку, лук, чеснок и сеяли у себя».

Продолжает Стефан Федорович: «...На заработки уходили в Теберду, строили монастырь, дома, где живут монахи. Строили Георгиевский монастырь на Шоане. Греки были хорошие каменщики. Еще добывали древесный уголь, жгли стволы деревьев 4–5 дней, просеивали золу, крупные куски погружали на плетёную повозку и возили в Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки, продавали уголь богатым владельцам домов, которые сдавали квартиры курортникам, у которых всегда на столе стоял самовар, а топку для самовара возили мы. Это было большим подспорьем; на вырученные деньги покупали зерно и муку в станицах Суворовской или Бекешевской, покупали одежду, обувь. С обувью всегда были проблемы, известно, что в селе была одна пара сапог, которую по очереди надевали молодые люди на своих свадьбах. Затем стали шить повседневную обувь из кожи крупного рогатого скота».

Далее, на вопрос, какую одежду носили женщины Стефан Федорович оживленно отвечает: «Шали покупали шелковые, разноцветные, красные, синие, красивые... А как замуж выйдет, лицо закрывает – турецкий закон, потом уже перестали закрывать, как на русских женщин посмотрели ...

Первую кузницу открыл армянин, женатый на гречанке. Всё для хозяйства делали в кузнице. Из дерева делали только ложки, а горшки глиняные и посуду покупали в Кардоникской. Женщины вязали разноцветные носки даже на свадьбу».

Из летописи села: «В конце XIX века на сбережения сельчан была построена

новая церковь, которая прекрасно сохранилась до 1960 года, когда была разобрана для строительства школы в станице Кардоникской».

«Первая школа построена в 1904 году, тоже на средства жителей. Она состояла из двух классов и маленькой комнаты-учительской. Оказалось, желающих учиться много – ввели двухсменные занятия. В 1937 году построили новое школьное здание. Преподавали на греческом: первый учитель Катязов Савелий. Учил Дибижева С.Ф., а с 1910 года начинают преподавать и русский язык. Один из первых учителей с образованием – Дибижев Виктор Георгиевич; он и своим четырем сыновьям дал высшее образование: двое – Георгий и Николай – стали учителями, Константин и Василий – врачами».

Далее Дибижев С.Ф. рассказывает, как в 1923 году 42 семьи, в том числе и его, выехали на место будущего села Спарта, как стали создаваться первые общества по совместной обработке земли. Окончил коневодческие курсы в Эрсаконе, работал в Спарте, затем вернулся с семьей в Хасаут, где продолжал работать в колхозе. На войну его не взяли. Военком, к которому он обратился с просьбой отправить его на фронт, сказал: «В тылу ты больше доходов будешь давать».

А сын его Григорий – курсант Орджоникидзевского пехотного училища – воевал на Марухском перевале, в 1942 был контужен. Во время немецко-фашистской оккупации Дибижев С.Ф. собрал людей вокруг себя – в селе оставались одни женщины и дети: скот раздал под расписку, все документы местной власти, печати спрятал и сберег до изгнания оккупантов.

В разговор вступает Кецеров Дмитрий Иванович: «Из нашего села на войну ушли сто десять человек, пятьдесят пять из них погибли, жители села помогали фронту. Дибижев Стефан Федорович организовал отправку посылок с шерстяными носками, варежками солдатам».

Записав воспоминания Дибижева С.Ф. и Кецера Д.И., мы отправились на поиски предметов материальной культуры.

У сестер Халджиевых, Феодоры Семеновны – 1906 года рождения и Ольги Семеновны – 1923 года рождения, приобрели вязаные чулки и носки, сфотографировали процесс вязания. Старшая сестра рассказала,

что к свадьбе сестры связала 50 пар носков для родственников мужа, но не хватило, пришлось еще 8 пар довязать.

Этот обычай одаривать подарками на свадьбе, не называть родных мужа по именам, не брать своего ребенка на руки при старших, не садиться за стол со старшими, закрывать лицо замужней женщине (обо всем этом нам рассказали жители села) вряд ли имеет греческие корни, возможно, из-за длительного проживания среди мусульман-турок обычай был перенят у них.

Сестры Халджиевы нам рассказали и показали, как вяжутся узорные чулки и носки. Есть два узора: хаш-хаш – «мак» и тур-тур – «гусеница». Чулки вяжутся по кругу, без шва: на темном фоне ромба светлый рисунок хаш-хаш или тур-тур, или наоборот; на светлом фоне – темный узор. Подошва вяжется отдельно в самом конце от пятки, что позволяет при износе довязывать подошвы и носовую часть с пяткой. Такой принцип вязания, разумеется, не этнический, а скорее практичный, скорее всего и узор перенят у турок. Мы приобрели несколько пар чулок и носков для музея.

Семья готовилась к свадьбе младшего сына Ольги Семеновны, назначенной на 4 октября, куда мы и собирались приехать, чтобы записать греческие мелодии и свадебный обряд.

Христина Харибова тоже мастерица по вязанию, принесла нам газету «Ленинское знамя» за 1978 год, сказала – почитайте, там обо мне пишут, пришлось читать весь очерк о жителях села и о ней. Написано, «... что к ней приезжали какие-то «деятели», которые обещали открыть цех по изготовлению вязаных изделий, где бабушка Христина могла бы работать и т.д. Великодушная хозяйка подарила пару чулок одной из деятельниц и те укатали, а цеха и поныне в Хасауте нет». Цех не открыли, бабушка Христина затаила обиду, – продавать нам что-либо из того, что она показывала, категорически отказалась, дала только сфотографировать.

По сведениям Кецера Дмитрия Ивановича, старейшая жительница села Саулова Пелагея (Полина) Иордановна, 1884 года рождения, девичья фамилия – Сиверопуло – «железо» по-гречески (т.е. Кузнецова). Полуторазэтажный деревянный дом утопает в зелени, дом старый, построен в 1906 году мужем Пелагеи Иордановны.

Дома были три женщины – Пелагея Иордановна, ее дочь Попова (по мужу) Ефимия Ильинична 1906 года рождения, Сенченко, по мужу Полина Дмитриевна – дочь Поповых, 1932 года рождения.

Три женщины совершенно разные, три эпохи...

Саулова очень пожилая, плохо слышит, носит очки, но память прекрасная, из-за того, что плохо слышит, приходилось буквально кричать; кричала и дочь и внучка, потому что переводили по очереди наши вопросы на греческий, хотя, по всей видимости, бабушка по-русски знала; иногда просила – *русика, русика*.

Помнит Я.Ф. Балахонова – командира 2-го револотряда, устанавливавшего советскую власть в Баталпашинском отделе. Он бывал в их доме в 1918 году. Помнит, как в соборе ст. Баталпашинской (ныне г. Черкесск) в 1912 (?) греки меняли фамилии на русский манер, принимали присягу, ибо грекам землю не давали, на службу не брали, льготами не пользовались, так как не были официально подданными России; также помнит, как в 1914 году, перед отправкой на фронт, фотографировались. Эту фотографию мы нашли у Дибигевоу Мариу Ивановну – жителницы села Спарта. Сейчас она в фондах нашего музея. Но фотография, к сожалению, без полной аннотации. На фотографии, скорее всего, есть муж Пелагеи Иордановны – Саулов Илья Яковлевич, его братья – Саулов Пантелей Яковлевич, Саулов Иван Яковлевич, потому в ее памяти так запечатлелся момент отправки на фронт Первой мировой войны. Из летописи села Хасаут-Греческое: «Из небольшого нашего села были мобилизованы на фронт 74 человека. Вот их фамилии:

1. Авжиев Виктор М.
2. Авжиев Константин М.
3. Авжиев Кузьма М.
4. Брайцевский Андрей.
5. Брайцевский Василий
6. Дибигев Федор С.
7. Дибигев Антон К.
8. Дибигев Харлампий И.
9. Дибигев Василий С.
10. Дибигев Лазарь К.
11. Дибигев Федор Е.
12. Дибигев Константин Ф. – на фото сидит 4-й слева.
13. Дибигев Иван Ф. – на фото

сидит 2-ой слева.

14. Дибигев Николай В.
15. Дибигев Савелий К.
16. Зурначов Константин И.
17. Зурначев Павел К.
18. Зарначов Андрей Г.
19. Ильев Савелий И.
20. Ильев Дмитрий И.
21. Кецеров Харлампий А.
22. Кецеров Иван А.
23. Кузьминов Иван Е.
24. Кецеров Алексей М.
25. Кецеров Алексей Л.
26. Кецеров Григорий И.
27. Кузнецов Иван И. – стоит 1-й

справа на фото.

28. Кузнецов Калина А.
29. Кузнецов Григорий П.
30. Кузнецов Константин П.
31. Кузнецов Константин Н.
32. Кузнецов Иван П.
33. Кузнецов Ефим Е.
34. Кузнецов Сергей Н.
35. Кузнецов Игнат Л.
36. Кайтязов Игнат С.
37. Кайтязов Георгий С.
38. Кузьминов Елис. Г.
39. Кузьминов Хор. А.
40. Кузьминов Иван Х.
41. Кузьминов Кузьма Х.
42. Кузьминов Софр.К.
43. Литиров Иван Г.
44. Литиров Стефан Г.
45. Лифтеров Лазарь М.
46. Лефтеров Федос
47. Мяжлонов Фома
48. Фанаилов Пр. Г.
49. Фонаилов Дм. Г.
50. Металлиди Савелий
51. Марморов Георгий
52. Повов Антон И.
53. Саулов Илья Я.
54. Саулов Иван Я.
55. Саулов Пантелей Я. – на фото

2-ой слева стоит.

56. Саулов Константин И.
57. Харибов Антон Л.
58. Харибов Григорий Г.
59. Харибов Георгий П.
60. Харибов Василий К.
61. Харибов Лазарь К.
62. Харибов Дмитрий К.
63. Харибов Кузьма Ф. – на фото

лежит слева.

64. Халджиов Константин Г.

65. Хитилов Харлампий Д.
66. Хитилов Георгий Д.
67. Цириков Константин Л.
68. Кузьминов Василий Ф.
69. Кузьминов Анастас А.

70. Халджиев Петр Д.
71. Халджиев Георгий Дм.
72. Дибижев Харлампий.
73. Кузнецов Павел.
74. Авжиев Устин М.

*Жители села Хасаут-Греческое перед отправкой на фронт 1913–1914 гг.,
третий ряд: второй слева стоит Саулов Пантелей Яковлевич (?)*

Мы нашли фамилии братьев Сауловых и в списке мобилизованных на фронт, среди других 73 жителей Хасаута в летописи села, составленной Кецеровым Дмитрием Ивановичем.

Пелагея Иордановна вспоминает: «Моего деверя Пантелея Яковлевича (он был в отряде Я.Ф. Балахонова) белогвардейцы казнили в станице Кардоникской в 1918 году». Зависла долгая пауза. Для столетней женщины, ее дочери и внучки, тоже уже не молодых, наш вопрос: «А как устанавливали у вас советскую власть?» – вернул их к воспоминаниям не самым приятным.

Помню реплику одной из них: «А кто у людей спрашивал? Говорили, будет новая жизнь».

Революция противопоставила людей даже родных, до самоистребления, одни

действительно надеялись на светлое будущее, другие не приняли ни революцию, ни преобразования, за которыми последовала братоубийственная гражданская война, а многие стали изгнанниками.

Разумеется, этих мыслей о революции тогда мы не озвучивали, если даже они были. Стереотип мышления чувствуется в воспоминаниях более молодых: все ровно, отлажено, как будто немного заучено, не было проблем, или они их обходят в разговоре. А старшие более естественны, открытвенны, и слушать их было интереснее.

А если воспоминания людей – часть нашей истории, то чем больше правдивости в них (хотя субъективизм восприятия присутствует), тем и история правдивее. Эти размышления всегда присутствуют при общении с людьми. Мы продолжили разговор

в другом русле. В доме оказалось много самодельных предметов из дерева – стол, стулья без единого гвоздя.

Попов Иван Антонович – зять Сауловых, был известным столяром, каменщиком.

Вспомнили, как на строительство здания школы в 1937 году собирали дворовые каменные ограды у жителей села.

Сенченко П.Д. говорила о проблемах: «... родной язык мы не забыли, говорим все по-гречески, но нет учебников, достать невозможно».

13 сентября мы были в школе. Встретила нас Кузнецова Роза Ивановна – завуч школы, математик. Попросила показать наши удостоверения; узнав мою фамилию, сказала, что работала в моем родном ауле Зеюко, в начале своей трудовой деятельности, вспомнила даже несколько фамилий своих учеников. Мир тесен. Беседовали в учительской. Школа небольшая, всего 83 ученика: греки, русские, карачаевцы. Учителя, в основном, греки. Роза Ивановна повела нас к музыкантам в семью Филимьяновых. Харлампий Георгиевич организатор фольклорного ансамбля при доме культуры; жена его Надежда Прокофьевна – руководитель ансамбля. Нам дали сфотографировать костюмы, музыкальные инструменты – трехструнную лиру и шестиструнную бузуку.

Позировали нам участники ансамбля в танцах «кочари», «лячи», «тик» и «пулин».

В Спарту мы приехали 15 сентября. Село небольшое, основано переселенцами из села Хасаут-Греческое. Из воспоминаний Дибигева С.Ф. мы уже знали, что на место нынешнего села стали селиться с 1922 года.

Рассказывает Марьев Антон Владимирович, пенсионер 1923 года рождения, в прошлом учитель-историк: «...Массовое переселение греков на Кавказ началось после русско-турецкой войны, добрались до Новороссийска, многие хотели вернуться оттуда в Грецию, надеясь на то, что Греция освободится от турецкого ига. Наибольшие надежды, связанные с освобождением родины, греки возлагали на помощь России, но пошли слухи, что в Греции голод; один из предводителей переселенцев сказал: «Если в России кто не накушается вволю хлеба, в других странах не ищите».

Скорее всего, род Марьевых из тех, кто переселился из Карской области Грузии. Позже они поселились в станицах Исправ-

ная, Зеленчукская, Сторожевая, затем перебрались к своим, в Хасаут.

Продолжает Марьев А.В.: «Начальную школу в селе открыли в 1930 году, а в 1933 г. школа стала семилетней, сюда даже дети из Эрсакона приходили учиться».

Первые учителя – Иванов Савелий Дмитриевич – директор школы, Мацукатов Феондафил Дмитриевич – учитель музыки, Стофариди Георгий Афанасьевич – преподаватель греческого языка. Греческий язык преподавали до 1937 года. Дибигев Иван Павлович, 1910 года рождения, и Мацукатов Илья Степанович, 1920 года рождения, рассказали о становлении колхоза им. Кирова Адыге-Хабльского района.

Колхоз объединил жителей четырех сел: Дубянский, Спарта, Апсуа, Баралки. Русские, греки, абазинцы, черкесы живут и работают дружной семьей в одном колхозе.

Самый большой подарок мы получили от Дибигевой Марии Ивановны – она подарила музею фотографию 1914 года, где сняты жители Хасаут-Греческого перед отправкой на фронт Первой мировой войны. На снимке ее свекор Дибигев Константин Федорович (2-й ряд, 4-й слева).

В колхозном дворе встретились с механизаторами, рассказали о наших задачах по сбору материалов о греках. Они сказали: «Марьев вам расскажет, он знает все». По всему видно, что Марьев пользуется большим авторитетом у односельчан. Мы сказали, что у А.В. Марьева мы уже были.

Из воспоминаний Дибигева И.П. 1910 год рождения: «Когда нам выделили землю, где сейчас наше село, здесь был пустырь, а село мы называли в честь легендарного героя Спартака... Переселяться стали из разных мест, не только из Хасаута, но из Нагутской, Исправной, были и беженцы из Карской области Турции. В Спарте долго не было школы, мы учились дома. Это я хорошо помню. Мы изучали греческий, русский. Наши мужчины были хорошими мастерами, тружениками. Первый трактор у нас появился в 1930 году, говорили «американский», мой брат на таком работал. <...> Я учился на курсах трактористов у Маковского в Апсуа; сел на трактор в 22 года. В Кувинском районе было 5 колхозов, на 16 трактористов было всего 5 тракторов. Со мной начинали Кужев Рамазан, Агов, Тамбиев, Гедегушев Муса, Гедегушев Махмуд с Вако-Жиле. Из Старокувинска Шенкао Муталиб, Ходжев, из

Эрсакон – Канкошев Ибрагим и Ашибокоев Айса. Были и женщины механизаторы: Куджева Маржанат из Апсуа, села на трактор во время войны, Тлисова Аминат из Ново-Кувинской, Жанова Маринат из Эрсакона.

Далее Иван Павлович сетует на то, что в Спарте сейчас нет хороших мастеров по дереву: «Как сюда переехали, стали заниматься хлеборобством: сеяли, пахали, пряли, вязали, но носки с узорами не греческое: переняли у турок». Что касается женского рукоделия – вязание узорных изделий предано забвению, и большинство опрошенных объясняли это тем, что на равнинной местности очень много времени уходит на полевые работы, нежели в Хасауте. Женщины вяжут, и вяжут хорошо, но не узорные вещи – «на вывязывание узоров не хватает времени».

Опять говорили о том, что многие греки двуязычные – говорят по-гречески и по-турецки, некоторые понимают и абазинский, и черкесский.

В селе есть семья: муж черкес – жена гречанка; жена абазинка – муж грек. И такие семьи живут хорошо. Большой удачей мы считаем, что есть возможность записать греческие народные песни.

Нас пригласили в дом Барановой Анастасии Георгиевны: пришли Шаманиды Семен Дмитриевич, 1920 года рождения, Михайлиди Николай Анастасович, 1908 года рождения (отец Михайлиди Анастаса Николаевича, председателя колхоза имени Кирова Адыге-Хабльского района, проработавшего председателем колхоза с 1979 года). Музыкальных инструментов не нашлось, пели без музыкального сопровождения.

Мы записали несколько греческих народных лирических песен в их исполнении, а Михайлиди Н.А. прочитал с большим воодушевлением стихотворение о 300 спартанцах на греческом языке и атеистическое стихотворение – обращение к богу на русском, которое учил еще в 1921 году в школе в Грозном, по первой советской хрестоматии».

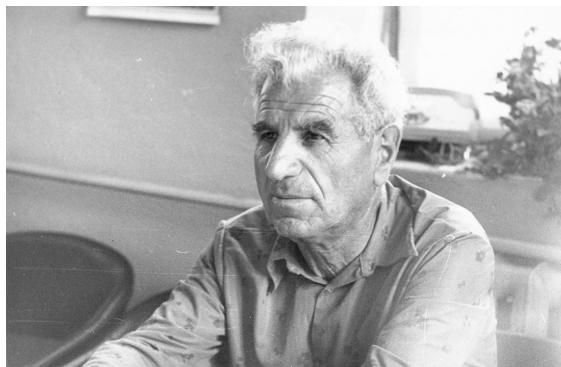
Далее, при подворном обходе были записаны пословицы, поговорки, сказки из греческого фольклора, собранные Петровой Еленой Христофоровной, учительницей русского языка и литературы, также рецепты национальных блюд греческой кухни: авлука, пашкитан, сирон.

К вопросу комплектования фондов материалами о греках музейщики вернулись и в 2000 году. К этому времени в Карачаево-Черкесии была создана общественная организация греков «Кали-Архи» – «Доброе начало», зарегистрированная официально в Министерстве юстиции Карачаево-Черкесской Республики 5 июля 1996 года. Филиалы есть в станице Зеленчукской, селе Спарта, городе Карачаевске.

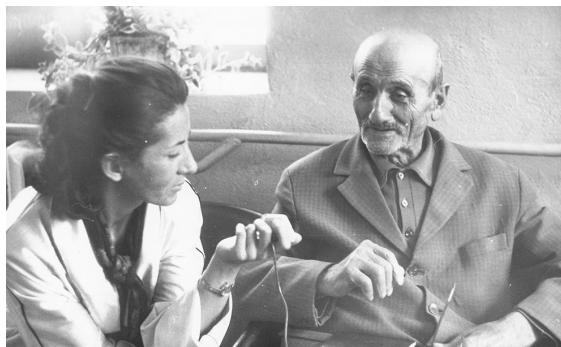
Я разговаривала по телефону с председателем республиканской организации Кузнецовым Владимиром Ивановичем, с Кузьминовым Николаем Ивановичем – жителем села Хасаут-Греческое (его сестра Марина Николаевна – организатор и директор сельского музея), с директором школы села Спарта Болтенко Надеждой Георгиевной. Порадовали тем, что в Хасауте открыт музей, что учебники греческого языка можно приобрести через книжный магазин и т.д. Сегодня национальные общественные организации успешно решают многие вопросы по сохранению (возрождению) культуры, языка. Тем не менее, работа с музеем, средствами массовой информации могла бы внести и свою лепту в эту работу.

В ходе работы над статьей просмотрела все экспедиционные материалы. Сегодня я понимаю все недочеты, ошибки по организации работы экспедиции; вопросник был схематичен, могло быть больше уточняющих вопросов. Нужно было охватить больше людей и, разумеется, в село надо ехать не в разгар сенокоса и уборочных работ, а когда можно беседовать неспешно.

Перечитывая книгу известного ученого-археолога В.А. Кузнецова «В верховьях Большого Зеленчука», по страницам которой он ведет читателя в увлекательнейшее путешествие в прошлые века, которые оставили на территории нынешней Карачаево-Черкесии множество памятников: величественные храмы, монастыри, крепости и башни, как свидетельство творения рук человеческих в разные периоды истории и духовности народов, еще раз восхитилась точностью цитаты из стихотворения Г. Державина: «...река времен в своем стремлении уносит все дела людей и топит в пропасти забвенья народы, царства и царей». Но остается надежда, что народ не может исчезнуть, пока есть память, и что мост из далекого прошлого в настоящее и будущее лежит через память.

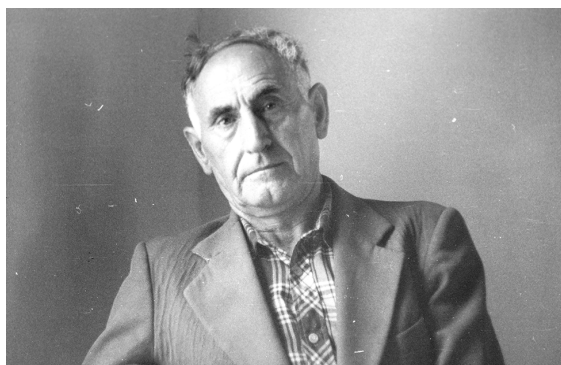
*Кецеров Д.И. – завбиблиотекой села
Хасаут-Греческое, 1986 г.*

*Зaubидова И.Х. беседует
с Дибизевым С.Ф., 1986 г.*

*Слева направо – Заубидова И.Х.,
Сенченко П.Д., Саулова П.И., Попова Е.И.,
с. Хасаут-Греческое, 1986 г.*

Марьев А.В., с. Спарта, 1986 г.

Примечания:

1. Карачаево-Черкесский музей-заповедник (далее – КЧМЗ). Полевые материалы экспедиции Карачаево-Черкесского областного краеведческого музея в греческие селения Хасаут-Греческое Зеленчукского района и Спарта Адыгге-Хабльского района. Сентябрь, 1986 г. Карачаево-Черкесский музей-заповедник.
2. Ф. 6. Д. 18 – История села Хасаут-Греческое; КЧМЗ ОФ 9043.
3. Ф. 6. Д. 38 – История села Спарта; КЧМЗ ОФ 9043.
4. Большая Советская Энциклопедия Т. 5. С. 103.
5. БСЭ. Т. 5. С. 113.
6. БСЭ. Т. 7. С. 901.
7. Ф. 1. Д. 48. – Н.Г. Петрусович – начальник Эльбрусского округа. КЧМЗ НВФ 2472/25 [2].
8. Ф. 10. Д. 276 – Материалы о деятельности региональной общественной организации греков Карачаево-Черкесии «КАЛИ-АРХИ». (Доброе начало). КЧМЗ ОФ 10307/1/2 [4].
9. Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. М.: Искусство, 1977. С. 139.

С.Н. Ктиторов

Первый храм черкесогоаев (черкесских армян) на Кубани⁸

В Армавире по ул. Кирова, 7 (лит. «А») сохранилась старинная армянская Успенская церковь. Этот храм является уникальным памятником духовной культуры самобытной субэтнической группы черкесогоаев (черкесских армян). Здание Успенской церкви принято под государственную охрану в качестве памятника архитектуры (региональная категория историко-культурного значения).

Фактически храм расположен в центре площади, ограниченной современными улицами Кирова, Осипенко, Дзержинского и Жукова. В дореволюционный период церковный двор занимал большую часть пространства между указанными улицами, включая здание нынешней начальной школы № 6. Современная территория, заключающаяся внутри церковной ограды (3896 кв. м), значительно меньше прежней [1].

Армянский Успенский храм является главным и наиболее ценным памятником ансамбля церковной площади, представляющей

⁸ Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (отделение гуманитарных и общественных наук) и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках научного проекта № 17-11-23013 а(р) «Субэтническое сообщество черкесогоаев (черкесских армян): историко-культурное развитие в контексте интеграции в социальное пространство Российского государства (конец XVIII – начало XX в.)».

собой изначальное историческое ядро Армавира. Это место имеет поистине уникальную историко-культурную значимость. Здесь находился религиозный, административный, культурно-образовательный и торговый центр аула черкесогаев.

На месте ул. Осипенко в 1839 г. для защиты Армавира от набегов горцев была сооружена первая оборонительная ограда аула, состоявшая из земляного рва, и вала с двумя плетнями поверху. В створе современной ул. Кирова здесь находились главные ворота со сторожевыми вышками.

Вокруг самой Успенской церкви в середине XIX в. жители возвели мощную каменную крепостную стену с бойницами. Судя по старинным фотографиям, эта ограда была построена из кирпича на каменном фундаменте, а ее высота составляла около 3-х метров. Сопоставляя изобразительные источники и старые схематические планы, можно сделать вывод, что в юго-восточном углу опоясывавшей весь церковный двор стены имелся большой полукруглый бастион. Второе похожее сооружение, представлявшее в плане незамкнутую на четверть дуги диаметра сферу, располагалось на западной стороне ограды, слева от центральных ворот [2]. Возможно, в северо-восточной части стены имелся еще один бастион или внешняя пристройка неизвестного назначения.

В 1894 г. в одном из газетных очерков с описанием истории Армавира сообщалось, что «внутри селения было укрепление, которое составляла высокая и прочная, с четырёхугольными пирамидальными отверстиями для ружей, кирпичная стена, окружавшая и поныне окружающая, армавирскую церковь» [3]. Фрагменты этой цитадели сохранялись еще в 1941 г. [4], но впоследствии это интересное сооружение было разобрано.

В 1841 г. к югу против храма начал действовать первый торговый ряд и базар, располагавшийся здесь до 1887 г. Рядом с церковью располагался «сборный дом», куда для обсуждения важнейших вопросов внутренней жизни Армавира сходились коренные мужчины-домохозяева. В 1889 г. на краю площади было выстроено здание волостного правления, где заседал армавирский старшина и все чины сельской администрации, тут же во дворе находился «арестный дом» (ныне угол ул. Кирова, 18 и

Осипенко, 132). Возле Успенской церкви открылись и действовали первые в ауле армянские мужское и женское начальные училища. В начале XX в. на северной стороне площади работала больница сельского общества [5].

Традиционно рядом с церковью стояли и дома священников. Так, на углу улиц Кирова, 2 и Жукова, 169 и сегодня можно видеть особняк первого священнослужителя из числа самих черкесогаев Вартака Каспарова; на противоположной стороне площади, на углу улиц Дзержинского, 39 и Осипенко, 138 сохранился кирпичный дом, принадлежавший Георгию Сеферову, который являлся настоятелем храма в последние предреволюционные десятилетия.

Окончив земную жизнь, некоторые из духовных отцов упокоились в церковной ограде. У стен Успенского храма можно увидеть два старинных надгробия. Внутри белого саркофага из ракушечника под мраморной плитой находится прах просветителя черкесогаев, первого армавирского священника Карапета Арцивяна. Армянская надпись на мраморной плите гласит: «Монах Арцивян Карапет жил героически / И теперь его дела живут / Среди рассеянных черкесских беспамятных армян / Он нашел истинных героических защитников веры / Своей пастве жизнь отдал, / Беззащитным горцам внушил бесстрашие / Недремлющей, работающей, бессмертной душой своей! / Возвратил их из чужеземного плена / Достойную память оставил он / Из поколения в поколение в Армавире армянском / Скончался в 102 года 3 октября 1866 г.» [6]. Рядом, под надгробием из черного гранита, похоронен священник Вардан Гаспарянц. На боковой стороне камня высечены строки на армянском языке: «Первый черкесогай священник Вардан, старейший священник Гаспарянц. По воле Господа скончался после сорокалетнего служения церкви. Родился в 1833 году – умер 11 декабря 1899 года» [7].

Над этими могилами не раз проводили поминальные службы приезжавшие в Армавир армянские епископы и католикосы. В 2007 г. рядом со старинными надгробиями появилась могила священника Тер-Гевонда Агаджаняна, отдавшего службе в Успенской церкви 45 лет своей жизни.

В 1998 г. один из прихожан Геворк Аветисян на свои средства пристроил к западному входу в церковь кирпичное крыльцо

[8], на стене которого появилась мемориальная табличка, в тексте которой сообщается об этом даре. В 2001 г. в юго-западной части церковного двора состоялось открытие хачкара, изготовленного из светло-коричневого туфа армянскими камнерезами [9]. В 2012 г. рядом с ним была установлена стела с портретами армянских национальных героев, борцов с турецким господством Андраника Озаяна, Гарегина Нжде и советских военачальников маршалов Ивана Баграмяна и Амазаспа Бабаджаняна.

Самые ранние схемы участка с постройками и поэтажные планы храма относятся к концу 1930-х гг. [10]. По данным технической инвентаризации от 23 октября 1943 г., здание армяно-григорианской Успенской церкви (лит. «А») имело следующие параметры: назначение – церковь; год постройки – 1844 г.; фундамент – каменный на известковом растворе; стены кирпичные на известковом растворе; перекрытия чердака – кирпичные сводчатые; крыша – железная; полы – деревянные; внутренняя отделка – потолки и стены оштукатурены и «разделаны живописью»; наружная отделка – оштукатурено. Объем по наружным очертаниям – 6 374 куб. м. Сведения о площади и высоте храма в инвентаризационных материалах 1943 г. были представлены отдельно для каждого помещения:

Помещения церкви	Площадь по наружному обмеру (м ²)	Высота (м)
Большой молеальный зал	255,75	11,6
Малый молеальный зал	143,19	8,8
Притвор	67,93	12,3
Купол большого зала	59,70	9,8
Колокольня, притвор	44,89	8,8
Тамбур	26,84	6,8
Тамбур	26,84	6,8
Алтарь	124,6	8,8

Отопление состояло из 1 голландской печи. В церковь были проведены электричество и водопровод. Канализации не имелось. Состояние основных конструктивных элементов здания оценивалось как удовлетворительное. Степень общего износа церкви определялась в 30% [11].

Рассматриваемое здание представляет собой редкий для Северного Кавказа образец относительно хорошо сохранившегося

памятника армянской культовой архитектуры середины XIX в. Успенскую церковь можно уверенно назвать главной и наиболее ценной в историко-культурном плане градостроительной доминантой первоначального исторического ядра Армавира, играющей важную эстетическую роль в комплексе сохранившейся застройки данного района. Храм с поразительной точностью обозначает место рождения аула черкесогоев, являясь фактически (с разницей в несколько лет) ровесником Армавира.

Решение о строительстве в Армавире первой армянской церкви было принято еще до появления самого аула черкесогоев на Кубани. Уже 23 февраля 1839 г. командующий Кубанской линией генерал-майор Г.Х. Засс, приказывая главному приставу закубанских народов майору Л.А. Венеровскому переселить черкесских армян на левый берег Кубани, напротив крепости Прочный Окоп, специально распорядился, чтобы на новом месте «не было большого стеснения, наблюдаена правильность улиц, и чтобы посредине всего поселения оставлена была площадь, достаточная для построения Церкви» [12]. Л.А. Венеровский в точности исполнил поручение командующего, и 21 апреля 1839 г. на показанном Г.Х. Зассом месте был основан объединенный аул черкесогоев [13], который через несколько лет получил название Армавир.

Одной из первостепенных задач обустройства переселенцев на берегах Кубани стало строительство церкви и возрождение в значительной степени забытых за годы проживания в горах христианских традиций и обрядности. По словам одного из военных чиновников К. Дульветова, «несмотря на перерождение в черкесов во всем, армавирцы твердо сохранили убеждение, что они армяне, григорианского исповедания» [14]. Весной 1840 г. на центральной площади аула началось строительство первой деревянной армяно-григорианской церкви [15]. Основатель Армавира Г.Х. Засс распорядился, чтобы храм возводился на каменном фундаменте, был покрыт железной крышей и увенчан позолоченным крестом [16]. По ходатайству генерала император Николай I повелел выделить для этих целей из государственной казны 2000 руб. серебром [17]. Появились и частные пожертвования. Так, например, армавирец Вартан Вартанов внес на возведение храма 1414 руб. [18].

Строительные работы шли быстро, и уже в мае 1840 г. Г.Х. Засс сообщал: «В течение лета церковь будет кончена; и снова будет слышаться за Кубанью святая благовесть после тех отдаленных времен, когда Греческая церковь была вытеснена из гор исламом» [19]. К сожалению, в одну из ночей 1842 г. недостроенный храм полностью сгорел [20]. Местные жители подозревали, что это был поджог, так как в ту ночь из аула внезапно исчезли трое гостивших здесь горцев [21]. Гораздо позднее, уже в начале XX в., одна из прилегающих к церковной площади улиц получила наименование Пожарной (ныне ул. Дзержинского), в чем, возможно, отразилась память об этом происшествии [22].

В условиях отсутствия церкви религиозные обряды совершались во временном молитвенном доме, который упоминается в сведениях об Армавире за сентябрь 1842 г. [23]. Богослужения здесь проводил армянский священник, уроженец Нахичевани-на-Дону, Карапет Арцивян.

Уже 15 августа 1842 г. последовало повеление российского императора о постройке в Армянском ауле, вместо сгоревшей, новой каменной церкви и о предоставлении для этого пособия [24]. После составления сметы всех работ 21 января 1846 г. император распорядился выделить на сооружение храма 10 тыс. руб. серебром [25]. Проект новой каменной церкви, составленный архитектором А.Я. Фарафонтьевым, был утвержден Военным министром 16 ноября 1844 г. [26].

В композиции и элементах убранства храма нашли выражение стилистические черты русской культовой архитектуры середины XIX в., что характерно для многих церковных построек, возведенных в армянских кварталах различных городов юга России. Наличники окон даже завершались кокошниками. Над квадратным в плане молитвенным залом располагался барабан, увенчанный куполом-луковкой; колокольня завершалась шатровым верхом с небольшой главкой. Кирпич для строительства доставлялся на подводах из Ставрополя [27]. Новую церковь начали возводить на месте сгоревшей старой.

Из-за ошибок, допущенных в проекте, недостатка средств и трудностей в подвозе стройматериалов сооружение храма затянулось. Судя по чертежу, составленному 20

октября 1855 г., поднятое до карнизов здание стало разрушаться [28]. Часть потолка у проема алтарной апсиды обрушилась, под тяжестью сводов начали расходиться углы храма, в стенах появились трещины [29]. В 1857 г. был утвержден новый проект достройки церкви. В интерьере главного зала появились четыре колонны, воспринимавшие тяжесть барабана и купола, которые, по сравнению с первым проектом, стали более крупными [30]. 25 августа 1861 г. первая в Армавире кирпичная армянская церковь была торжественно освящена Астраханским архиепископом Матевосом, получив название Верапохумн Сурб Астваццни (Успения Святой Богородицы) [31]. В русском варианте этот храм обычно именовался Успенским.

Через 25 лет после освящения Успенская церковь обветшала, и в 1887 г. был завершен ее капитальный ремонт, на что сельское общество затратило 23 тыс. руб. [32]. Возможно, что только после этого церковь приобрела свой нынешний облик, более близкий к армянской культовой архитектуре, нежели тот, который изначально был предусмотрен в проектах ее строительства.

На протяжении всего дореволюционного периода Успенская церковь оставалась главным из 4-х действовавших в Армавире армянских храмов. Неоднократно посещавшие селение католикосы обязательно проводили здесь торжественное богослужение. В 1910-х гг. активно обсуждался вопрос о переносе центра армянской епархии из Астрахани в Армавир, что превратило бы Успенскую церковь в кафедральный собор.

После установления в городе советской власти Успенская церковь осталась действующей. На официальном сайте Епархии Юга России Армянской Апостольской Церкви размещена информация о том, что после октябрьской революции пределы Астраханской епархии сузились до территории Северного Кавказа и Поволжья, и она была переименована в епархию Северного Кавказа и Астрахани с перемещением ее центра в Армавир. К сожалению, никаких подробностей о функционировании кафедры армянского епископа в городе не приводится. Сообщается лишь, что Армавир оставался центром Северо-Кавказской и Астраханской армянской епархии (одной из двух действовавших в советской России) до 1950–1960-х гг. [33]. Несомненно, что

кафедра упомянутой епархии должна была располагаться в Успенской церкви, так как другие армянские храмы в городе в 1930-х гг. были закрыты и уничтожены. Главной потерей храма в предвоенные десятилетия стала разборка крепостной стены с бастionsами.

В соответствии с решением Армавирского горсовета от 28.07.1936 г. армянская Успенская церковь была зачислена в фонд местного совета [34]. Община верующих продолжала пользоваться муниципализированным зданием на правах арендатора.

После разрушения в 1939 г. Армавире православной Николаевской церкви русские прихожане стали арендовать для богослужений западную часть армянской Успенской церкви, заняв помещение под колокольной и трапезную [35]. В период Великой Отечественной войны храм поврежден не был. Во время оккупации богослужения здесь не прекращались.

31 марта 1944 г. между Армавирским городским исполкомом и прихожанами был заключен договор, по которому муниципальные власти передали «Армяно-григорианскому религиозному обществу Успенской церкви в г. Армавире в бессрочное и бесплатное пользование для удовлетворения религиозных потребностей верующих – здание Успенского храма по улице Кирова № 5 со всеми зданиями и культовым имуществом». Церковному совету армянской Успенской церкви также разрешалось «передать для совместного пользования церковному совету Николаевской церкви часть здания – храма по особому договору». При этом оговаривалось, что «расходы, связанные с ремонтом здания храма и уплатой государственных налогов церковный совет Николаевской церкви обязан нести совместно с церковным советом Успенской церкви в долях, которые они должны обусловить договором между собой» [36].

Ввиду совместного использования храма прихожанами русской и армянской общин церковное здание было разделено перегородкой на две половины: большой и малый моленные залы. В помещении под колокольной, находившемся в пользовании общины Николаевской церкви, был устроен балкон для хора, а в трапезной – иконостас и алтарь [37].

Новый период гонений на верующих начался в 1960-е гг. Решением Совета по делам русской православной церкви при

Совете министров СССР от 4 октября 1962 г. Николаевская религиозная община была снята с регистрации и должна была освободить помещение [38].

К этому времени здание памятника сильно обветшало. Назначенный в 1962 г. настоятелем Успенского храма Тер-Гевонд Агаджанян вспоминал: «Церковь представала перед моими глазами в ужасном состоянии. С первого же взгляда на это чудесное по своей архитектуре и истории здание, глаза мои наполнились слезами. Девяносто процентов церковных окон были разбиты, крыша церкви, покрытая простой жесью, со временем абсолютно сгнила. Снег и дожди зимой и летом заливали внутренность церкви. Птицы и насекомые безраздельно хозяйничали в церкви, свивая здесь гнезда и уничтожая старинную роспись стен. Было ясно, что многие годы здание не ремонтировалось. Температура воздуха в церкви равнялась уличной. В северном приделе храма жил я со своей семьей. Зимой по утрам вода замерзала, превращаясь в лед, ибо никакого отопления в церкви не было. Во время литургии приходилось по нескольку раз менять под ногами нагретые на огне кирпичи, чтобы продолжить службу» [39].

После упразднения Николаевской православной общины, занимаемые ею помещения Успенской церкви, в соответствии с решением Армавирского исполкома от 28 ноября 1963 г., были переданы в аренду Горпищеторгу под продуктовый склад [40]. Располагавшийся под главным куполом большой молитвенный зал по-прежнему оставался в пользовании армянской общины. Тер-Гевонд Агаджанян вспоминал, что западную часть храма власти превратили в склад сахара, где его содержалось до 500 тонн. По словам священника, «груз давил на полы этой чудесной части церкви, разрушив их до основания. Проводя электропроводку, рабочие забивали гвозди в глаза святых, изображенных на стенах. Через пару месяцев проводка была похищена и настала очередь других картин..., я был вынужден пригласить комиссию горисполкома во главе с председателем общества по охране памятников архитектуры Фушановым для составления акта по охране картин и религиозных ценностей из-за невозможности их реставрации» [41].

В это же время территория бывшего церковного двора загромождается частными гаражами, буквально под стенами храма появляется стоянка автобусов и небольшой рынок.

3 мая 1978 г. Армавирский городской исполком принял решение передать «памятник культуры Армяно-Григорианский храм, состоящий под государственной охраной» на баланс управления культуры Крайисполкома [42]. Освободившиеся после вывода из церкви продуктового склада площади было решено предоставить армавирскому краеведческому музею под выставочный зал. Со своей стороны священник Тер-Гевонд и активисты из прихожан стали добиваться возвращения этих помещений армянской религиозной общине. Ходатайство верующих поддержали высшие церковные власти Эчмиадзина и народный художник СССР Мартирос Сарьян. В результате в 1981 г. Армавирский горсовет удовлетворил просьбы прихожан, приняв решение о возвращении общине армянской Успенской церкви западной половины храма [43]. После этого начинается процесс восстановления памятника, а также очистка и благоустройство церковной территории, которая была освобождена от автобусной стоянки и рынка и ограждена решетчатым железным забором. К 1990-м гг. ремонтные работы в храме были завершены.

В настоящий момент в здании армянской Успенской церкви проводится очередной капитальный ремонт. В результате многочисленных переделок и нецелевого использования помещений памятника изначальные интерьеры армянского храма, включая фресковую живопись, не сохранились. Еще в советское время была полностью утрачена наружная декоративная штукатурка. Были демонтированы старинные колокола на колокольне и разобрана крепостная ограда с бойницами и бастионами. Вместе с тем, первоначальные объемы храма, его основные конструктивные элементы и внутренняя планировка дошли до наших дней без серьезных изменений.

Примечания:

1. Архив армавирского филиала Государственного унитарного предприятия Краснодарского края «Крайтехинвентаризация-краевое БТИ» (далее – Архив армавирского филиала БТИ). Современные фонды. Д.15625/1-627. Ул. Кирова, 7.
2. Архив армавирского филиала БТИ. Современные

фонды. Квартал № 627. Д. 15624. Ул. Кирова, 5; угол ул. Жукова, 120.

3. Северный Кавказ. Ставрополь, 1894. № 21.

4. Архив армавирского филиала БТИ. Современные фонды. Квартал № 627. Д. 15624. Ул. Кирова, 5; угол ул. Жукова, 120.

5. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 349. Оп. 3. Д. 1661. Л. 1; План селения Армавир Куб. обл. Издание – август 1912 г. // Армавирский краеведческий музей. ОФ. № 2822; План селения Армавира, Лабинского отдела, Кубанской области. Ноября 1897 г. СПб., б.г.; Ктиторев С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918 гг.). Армавир, 2002. Приложение 17.

6. Ктиторев С.Н. Указ. соч. С. 53; Тер-Гевонд Агаджанян. Вера, люди, жизнь: эссе. Армавир, 2002. С. 11. Имеется несколько вариантов перевода вышеуказанной эпиграфии, которые, впрочем, близки по общему смыслу.

7. Тер-Гевонд Агаджанян. Указ. соч. С. 11–12.

8. Там же. С. 19.

9. В 2014 г. на постаменте этого креста была укреплен табличка, в которой говорится, что хачкар установлен в память о жертвах геноцида армянского народа.

10. Архив армавирского филиала БТИ. Современные фонды. Д. 15625/1-627. Ул. Кирова, 7.

11. Там же.

12. РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 55. Л. 21–21об.

13. Там же. Л. 27.

14. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 774. Оп. 1. Д. 216. Л. 48.

15. Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. Ереван, 1981. С. 37.

16. Там же.

17. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 2. Л. 5об.

18. Армянские церкви Российской империи (1717–1917). Ереван, 2009. С. 10.

19. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

20. Шаган-Симон. Памятник армавирскому четырехголосному хору. Тифлис, 1914. (На арм. яз.). С. 67.

21. Там же. С. 68.

22. Аракелов Р.К. Очерки топонимии Армавира и его окрестностей. Армавир, 2004. С. 24.

23. РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 55. Л. 82.

24. РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 623. Л. 10.

25. Там же. Л. 11.

26. РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1662. Л. 1.

27. Гончарова А.Н., Гончаров В.И., Боргилова В.Б. и др. Армавир. Краснодар, 1983. С. 26.

28. РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1663. Л. 1.

29. Халпахчян О.Х. Застройка Армавира XIX в. // Проблемы истории архитектуры народов СССР: Сборник научных трудов. № 3. М., 1976. С. 11.

30. РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1664. Л. 1; Халпахчян О.Х. Указ. соч. С. 11.

31. Архивный отдел администрации г. Армавира. Ф. Р-1271. Оп. 1. Д. 160. Док. № 8; Погосян Л.А. Указ. соч. С. 37.

32. Шаган-Симон. Указ. соч. С. 92.

33. Материалы сайта. URL: <http://armenianchurchsouth.ru/eparhia/history> (дата обращения: 14.10.2014 г.).

34. Архив армавирского филиала БТИ. Современные фонды. Д. 15625/1-627. Ул. Кирова, 7.

35. Материалы сайта. URL: <http://svt-nikolaj.ru/page.php?4> (дата обращения: 14.10.2014 г.); Тер-Гевонд Агаджанян. Указ. соч. С. 14.

36. Архив армавирского филиала БТИ. Современные фонды. Д. 15625/1-627. Ул. Кирова, 7.

37. Гончарова А.Н., Гончаров В.И., Боргилова В.Б. и др. Указ. соч. С. 27; Тер-Гевонд Агаджанян. Указ. соч. С. 14.

38. Архив армавирского филиала БТИ. Современные фонды. Д. 15625/1-627. Ул. Кирова, 7.

39. Тер-Гевонд Агаджанян. Указ. соч. С. 13–14.

40. Архив армавирского филиала БТИ. Современные фонды. Д. 15625/1-627. Ул. Кирова, 7.

41. Тер-Гевонд Агаджанян. Указ. соч. С. 14–15.

42. Архив армавирского филиала БТИ. Современные фонды. Д. 15625/1-627. Ул. Кирова, 7.

43. Тер-Гевонд Агаджанян. Указ. соч. С. 15–16.

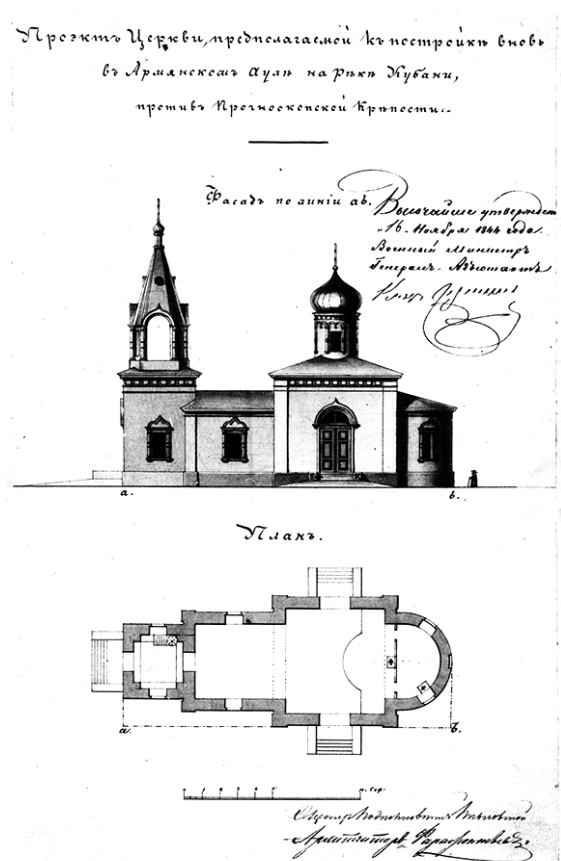

Армянская Успенская церковь
(современный снимок)

Церковь и крепостная ограда
с западным бастионом под куполом
(у левого края снимка). 1907 г.

Успенская церковь и крепостная стена
с юго-восточным бастионом (1912-1913 гг.)

VI. КАЗАЧИЙ АРХИВ

В.К. Чумаченко

Сын историка (К биографии Григория Фёдоровича Щербины)

Говорят, что на детях гениев природа отдыхает. Зачастую они рождаются болезненными, слабыми, страдают всевозможными физическими недостатками и даже психическими нарушениями. Но даже если этот жестокий закон срабатывает, родные дети, несмотря на весь трагизм ситуации, всегда остаются для их родителей самыми желанными, дорогими и близкими людьми. Так было и в истории, которую мы хотим рассказать.

Григорий, единственный сын историка Ф.А. Щербины, родился 30 января 1878 года в селе Бараново Одесского уезда Херсонской губернии, в «имении» своей матери Ксении Семёновны (в девичестве Шаповаловой), когда его отец отбывал ссылку в Вологодской губернии. По этому случаю Фёдор Андреевич хлопотал о краткосрочном отпуске к семье. Крещение ребенка состоялось 22 апреля в местной церкви Рождества Пресвятой Богородицы (восстановлена в 2007 году). Восприимниками были второй гильдии купеческий сын Алексей Семенович Шаповалов (брат роженицы) и жена войскового старшины Доминикия Курганская, любимая сестра Федора Андреевича, его нянька и первая учительница. Таинство крещения совершил священник Иоанн Стефанович [1].

Гимназическое образование юноша получил в Воронеже, где к моменту поступления в трёхлетнюю прогимназию Щербина исполнял обязанности помощника председателя Воронежского губернского статистического комитета и старшего сверхштатного чиновника особых поручений при Воронежском губернаторе. Прогимназический курс был подкреплён четырёхлетним обучением в собственно гимназии и увенчался дополнительным восьмым классом. В «Краткой характеристике» от 11 июля 1898 года, подписанной директором, говорилось: «в характере и образе ученика Щербины Григория не обнаружено особых склонностей дурного свойства; юноша ув-

лекающийся, но с благородными стремлениями, доброго характера, вежливый и почтительный к старшим, с должным усердием относился к исполнению своих ученических обязанностей. В нравственном отношении Григорий Щербина ни в чём предосудительном не был замечен. К дальнейшему образованию Щербина Григорий обнаруживает способности вполне удовлетворительные, может оказывать достаточные успехи в науках» [2]. В «Аттестате зрелости» по результатам выпускных экзаменов находим лишь две пятёрки – по Закону Божьему и географии. Четвёрками оценены познания по математике и русскому языку. А вот за греческий и латинский язык поставлены «тройки» [3]. Такая аттестация открывала путь к получению высшего образования. Выбор пал на Одесский Императорский университет, где на естественном отделении физико-математического факультета учился сам Фёдор Андреевич и откуда был «по прошению» в сентябре 1877 года. Одесский университет считался одним из лучших в Российской империи, южный город отличался здоровым морским климатом, и это было тоже важно, так как мальчик рос довольно болезненным. Но главный довод в пользу сделанного выбора – это наличие в Одессе крепкого семейного гнезда Шаповаловых, которые в случае чего и присмотрят, и обогреют, и не дадут новоиспечённому студенту умереть с голоду. К тому же Одесса с её пригородами – это были родные и хорошо знакомые Григорию Фёдоровичу места, где он появился на свет и где прошли его ранние детские годы.

В пакете документов, собранных для абитуриента заботливыми родителями, находим много интересного, в том числе два «Формулярных списка» Ф.А. Щербины от 13 июля 1898 года. Здесь говорится, например, что он имеет «серебряную медаль на Александровской ленте в память императора Александра III и бронзовую медаль за всеобщую перепись», но содержание за них не получает. Не забыт и императорский подарок – золотой перстень с алмазами и рубином, которым Щербина был награжден за воронежское издание «Истории Кубанского казачьего войска» 1888 года. Указывалось также, что 4 декабря 1897

года он произведён за выслугу в губернские секретари со старшинством с марта 1893 года и что в родном Кубанском казачьем войске его избрали почётным членом Кубанского статистического комитета. Основу же его благосостояния, согласно представленным в университетскую канцелярию документам, помимо жалования губернского чиновника, составляют 76 десятин земли в Кубанской области, 110 дес. в Черноморской губернии под виноградным хозяйством и 425 дес. земли в Одесском уезде Херсонской губернии». Имеется и довольно неожиданное указание на социальное положение супруги учёного (соответственно матери Григория): «Женат на дочери крестьянина Ксении Семёновой», которую наши историки обычно именуют купеческой дочерью. Да и размер принесённого ею недвижимого приданого, наверное, к тому невольно побуждает [4]. В других документах, имеющих в личном деле сына, она именуется также дочерью потомственного почетного гражданина города Одессы. Эти разночтения передают разные этапы экономического и социального положения семьи, в которую влился на правах полноправного члена небогатый (даже по сравнению с женой), но щедро наделённый талантами и неутомимой энергией уроженец Кубани.

Начинал Григорий Фёдорович свое университетское обучение, как и отец, на физико-математическом факультете по отделению математических наук. Но с самого начала всё не заладилось. На первом же курсе он заболел хроническим поражением верхушки правого легкого и в мае 1899 года был в срочном порядке отправлен в Австрию в один из туберкулезных санаториев. Неожиданный недуг, то затихающий, то возвращающийся с новой силой, превратил его в «вечного студента». К болезни лёгких добавилось хроническое, требующее длительного лечения кишечное расстройство. В конце концов, его признают «неспособным к воинской службе» и «неспособным к труду». С математического отделения он переводится на отделение естественных наук, а потом и вовсе на медицинский факультет, чтобы научиться лечить хотя бы самого себя. Насколько запущенной оказалась учёба свидетельствуют заключительные документы личного дела студента Г. Щербины. В них накануне революции 1917 года он всё

ещё студент второго курса, регулярно предоставляющий документ о воинской отсрочке и ежегодно отбывающий на пасхальные и летние каникулы, сначала в Воронеж, а потом в Геленджик, где, начиная с 1904 года, его отец работал со своими помощниками над четырёхтомной «Историей Кубанского казачьего войска».

События революции и Гражданской войны побудили Фёдора Андреевича перебраться в Екатеринодар, где он был избран войсковым судьей и членом Кубанской Рады. Туда же, поближе к войсковому архиву, его звали планы по завершению третьего и четвертого томов его фундаментального исторического труда. Вместе с ним в Екатеринодар перебирается и сын Григорий, которому уже не суждено было жениться и продолжить отцовскую ветвь казачьего рода Щербин. Постепенно он свыкается с ролью приживалы при знаменитом отце. В худшую сторону стал постепенно меняться и его характер. Ему всё чаще кажется, что прижизненная слава и почет, которыми был окружен казачий летописец в эти годы, приподнимает в глазах окружающих значение и его собственного бесцветного существования.

Любопытные воспоминания о мимолетных встречах с Фёдором и Григорием Щербинами оставил нам выдающийся ученый с мировым именем академик В.И. Вернадский, заброшенный революционными бурями в Екатеринодар. Вот какой портрет Фёдора Андреевича оставил он в своём дневнике: «Щербина – 76-летний старик, полный энергии, очень тщеславный, очень влиятельный – но уже много проявлений старческой болтливости. Хотя он всегда любил поговорить. Типичный запорожец с резким малороссийским акцентом. Ему едва дашь за 50 лет» (запись от 5 января 1920 г.) [5]. Дневник раскрывает нам и маршрут, которым уходил Григорий Фёдорович из уже обречённого по сути Екатеринодара. Из записи от 8 января мы узнаем, что через отплывающего в Италию сына Щербины Вернадский передает письмо в Белград [6]. А за две недели до падения кубанской столицы, 20-го февраля 1920 года, в обстановке строжайшей секретности в сторону Новороссийска отбыл специальный состав с регалиями Кубанского казачьего войска. В составе специальной комиссии по их спасению навсегда покидал Россию Фёдор Андреевич Щербина. Вскоре на сербской земле

он воссоединится с сыном Григорием и племянником, бывшим председателем Кубанского правительства Петром Ивановичем Курганским.

В Белграде Ф.А. Щербина не нашел себе подходящую вакансию университетского профессора, не заладилось дело с организацией кооперативного книжного издательства «Задруга» («Большая семья»). Предприятие провалилось, на его организаторов ополчились кредиторы. Немалые деньги требовали они и с Ф. Щербины. Зато в Чехословакии вдруг была объявлена акция помощи русским беженцам. Выделялись большие средства на открытие высших и средних учебных заведений для эмигрантской молодежи, открылись широкие возможности по трудоустройству российской профессуры. Сразу несколько вузов хотело заполучить известного статистика, члена-корреспондента Российской академии наук. Щербина уезжает в Прагу для устройства дел, оставив сына на попечение племянника. Как далось Курганскому это поручение, мы узнаём из его писем в Прагу. Несколько лет назад мне удалось опубликовать их с комментариями в журнале «Культурная жизнь Юга России». Судя по ним, в Белграде Григория Фёдоровича настигает психическая болезнь, от которой он уже не оправится до конца жизни. Время идёт, а учёный словно забыл о сыне. Это вызывает всё усиливающееся беспокойство Петра Ивановича, вынужденного совмещать с трудом найденную работу с заботой о двоюродном брате, сотоварище его детских игр. «Что значит, что от Вас нет никаких вестей? Гриша очень беспокоится и на днях послал даже Вам телеграмму, прося ускорить высылку ему визы. Прилагаю Вам его письмо, из которого Вы сами увидите, что он заболел нервным расстройством – и заболел серьёзно; болезнь развилась на почве его болезненной подозрительности. Стал бояться людей, оставаться в одиночестве, а последнее время боится даже принимать пищу, боясь, что его «отравят». Несколько дней тому назад у него разболелся зуб; доктор положил на зуб какой-то состав, обжегший десну, и Гриша усмотрел в этом покушение на отравление. С этого дня и началось. Сейчас, повторяю, нервное расстройство его настолько развилось, что нужно принять немедленные меры и, мне кажется, вывезти его отсюда, иначе поло-

жение его будет ухудшаться, особенно в последнее время, когда он целые дни предоставлен самому себе. Два месяца назад я поступил на службу. Рано утром уезжаю в Белград и возвращаюсь домой только к семи часам вечера. При мне он несколько успокаивается, но застаю я его в ужаснейшем состоянии. Последние четыре дня он одновременно со мной поднимается, едет в Белград и одновременно же со мной возвращается домой. Заговорил было с ним о необходимости помещения его в лечебницу, но получил ответ, что «я де хочу устранить его от себя и дать возможность врагам его расправиться с ним». А спорить, убеждать его – дело заведомо безнадёжное, тяжело и мне и ему. Не имея я службы, я бы выехал с ним на берег моря и, может быть, он поправился бы; самое лучшее – вышлите ему визу. Если бы я знал, что там найдется для меня заработок, я также поехал бы с ним, но на неизвестность ехать не решаюсь.

Доехать, я думаю, он доедет и один, но лучше, конечно, если бы Вы сами за ним приехали. Кто знает, какие формы примет его болезнь. Доктор сказал мне, что для него необходима смена впечатлений, перемена места. Курсы Гриша забросил.

Жду от Вас скорого ответа, а о высылке визы телеграфируйте, это успокоит Гришу, а лучше всего, если сможете, приезжайте сами (письмо от 16-17 марта 1921 года) [7].

А чуть позднее, стараясь быть хотя бы немного оптимистичным, он вновь сообщает Гришиному отцу несомненно тревожащие его новости: «После посылки моего последнего вам письма здоровье Гриши было улучшилось настолько, что он даже держал, совершенно не готовясь, экзамены и выдержал довольно успешно. Получив Вашу телеграмму о высылке визы, он совсем было вошёл в нормальную колею. Три дня тому назад он зашёл в чехословацкое консульство, и на другой день у него опять начались припадки страха и подозрительности. Опять начал нервничать; решил, что «несомненно виза получена», но что «умышленно» его стараются задержать в Сербии и тормозят выдачу визы. Одним словом, решил, что «затяжка визы неспроста, что тут что-то такое есть». Наведите справку и ускорьте высылку визы. Когда он получит визу, он, несомненно, успокоится, и я глубоко убеждён, что он сразу даже не

выедет, ссылаясь на то, что у него необычайно много работы по сборам в дорогу и т. п. Если он будет чувствовать себя скверно, я, конечно, проеду с ним до границы и дам, как Вы пишете, Вам телеграмму, а если Каленику будет виза, то Гриша поедет с ним. Я сам Каленика не видел, но Гриша его разыскал, и Каленик ему сказал, что по получении визы он выедет в Прагу. Если бы получилась поскорее виза, Гриша был бы человек, как и все, он сразу вошёл бы в свою обычную колею, так как об истории «с лечением зуба» он забыл и успокоился было» (письмо от 1 апреля 1922 года) [8].

Воссоединившись с отцом, Григорий зажил обеспеченной сытой жизнью члена семьи профессора европейского университета. Жалованья отца хватало и на съём квартиры, и на мелкую благотворительность, и на членские взносы во всевозможные общества, в которые отец записывал и его. Так, например, имя Г. Щербины значится в числе членов эмигрантского общества любителей книги. Изредка их навещали студенты-одногоспичники из Подебрадской хозяйственной академии, где Фёдор Андреевич профессорствовал. Тогда варилась большая кастрюля ароматного кубанского борща и закупалось вдоволь свежего белого хлеба. Григорий не одобрял этих посиделок, считая их излишним расточительством. Со студентами держался заносчиво. Но отказаться от этих встреч Фёдор Андреевич не мог. О профессорском сборище грезил многие подебрадцы, но эта привилегия предназначалась только для земляков.

В 1935 году, 14 сентября, Фёдор Андреевич написал завещание, которым все права после смерти на имение в Джанхоте передавались сыну, а в случае его смерти – государству, с условием, что на ста десятинах земли, прилегающей к правому берегу речки Хотецай при впадении её в Чёрное море будет отдано под акклиматизационную станцию, питомник и рассадник для всевозможных растений. Второй участок в десять десятин земли у самого устья реки Адербы он просил превратить в общественный парк без права возведения в нём зданий, с фонтанами, художественными памятниками, колоннадами и башнями для обзора местности [9]. Завещание это, как вы, читатели, догадываетесь, выполнено не было.

Григорий Андреевич был тем человеком, на руках которого великий сын Кубани

скончался. Произошло это 28 октября 1936 года. Через четыре дня тело ученого предали земле на погосте русской секции пражского Ольшанского кладбища. Ещё через месяц состоялось его перезахоронение в крипте недавно отстроенной изгнанниками кладбищенской православной Успенской церкви.

Вскоре психическая болезнь Григория Фёдоровича возобновилась. К счастью, среди любителей профессорского борща оказался добрый человек – М.Х. Башмак. В начале Второй мировой войны, когда Чехия была оккупирована немцами, в университетскую библиотеку, где работал Михаил Хомич, зачастил Григорий Щербина. Хотя и не в одной станице родились, а всё ж неподалёку. А по пражским меркам – чуть ли не родня. Завязалось нечто вроде дружбы. Так М.Х. Башмак, отлично понимавший значение трудов и архива учёного, вновь оказался в квартире покойного профессора, доступ в которую после смерти Ф.А. Щербины для всех его бывших знакомых был закрыт.

О том, какой образ жизни вел Григорий Щербина и до какого плачевного состояния он довёл бумаги учёного, мы узнаем из письма Михаила Хомича от 26 сентября 1964 г., адресованного краснодарскому архивисту Г.Т. Чучмаю: «У меня нет способностей, чтобы описать Вам этого человека. Он был всегда грязный, неопрятный, неряшливый, нечистоплотный, никогда не стригся, а сам себе подстригал волосы. Когда он шёл по улице, все оборачивались и крутили головами: откуда взялся такой грязный, обтрёпанный человек. Все мои сослуживцы-чехи смеялись с него и говорили мне: «Пусть не ходит такой грязный, вонючий человек в библиотеку». Он всё время ходил по городу, собирал всё, что валяется на улице, выбирал из сорных ящиков всё: какие-то коробочки, билетки от трамвая, кусочки угля, жестяные коробки от консервов – одним словом, хлам, что выбрасывали мещане в сорные ящики, и всё это оборачивал в бумагу, перевязывал веревочкой и складывал в своей квартире, в которую абсолютно никого не впускал – одним словом, тип Гоголя – Плюшкин. Как и Плюшкин, он имел множество ключей и, когда со мной говорил, переключивал связки с одного кармана в другой <...>. Где-то не то концом 1946 года, не то на зачатку 1947 года позвонил мне <...> знакомый

врач и сообщил, что Григорий Щербина находится в Богнице – это чешская больница для умалишённых – и что он желает со мной поговорить. Просил, чтобы я приехал к нему.

Я поехал – эта больница находится за городом Прага. Григорий Фёдорович меня начал просить, чтобы я его из сумасшедшего дома вызволил. Я обратился с помощью моего знакомого врача к главному врачу, тот ничего не имел против, так как Григорий Фёдорович был уже три недели под медицинским наблюдением и не был сумасшедшим, а потому не был опасен своему окружению. Я его взял на поруки. Оказалось, что всё, что было на нём, как костюм, бельё, было спалено – потому что было грязное, а самое главное, было в нем много паразитов – осталась одна только шуба покойного профессора Ф.А. Эту шубу только дезинфицировали, насыпали каких-то порошков. Так как он имел казённое бельё и должен был его оставить – я просил главного врача, чтобы он разрешил взять это бельё, – если не возможно даром, то я заплачу, – а главный врач засмеялся и приказал не снимать с него бельё. Так Григ. Фёд. в бельё, надел шубу, которая ему была велика, и мы сначала автобусом, а потом трамваем поехали в Прагу. Пассажиры только кружили головами и закрывали свой нос от запаха шубы.

Привез его домой, но квартира была полицией опечатана. Обратился в полицию, и после долгих разговоров по телефону согласились открыть квартиру. В полиции мне (Григория Фёдоровича отвели в другую комнату) сообщили, что он вовсе не сумасшедший, а что от него надо избавиться, так как он и его квартира угрожают заразными болезнями всем жителям его дома. Приблизительно за месяц после возвращения из сумасшедшего дома Григория Фёдоровича по телефону пригласил меня городской врач и сообщил мне, что он нарочно его послал в сумасшедший дом, чтобы избавиться от такого индивидуума. Просил меня, чтобы я повлиял на Григ. Фёд., чтобы он вычистил свою квартиру от хламу, а самое главное, от насекомых, которые могут распространиться на целый дом. Предупредил, что он через некоторое время придёт и посмотрит, и, если будут насекомые, он его опять поместит в Bohnice. После этого визита при встрече с Григ. Фёд. рассказал ему всё, что мне сказал городской врач, и предупредил его, чтобы он в кратчайшее время

вычистил свою квартиру.

Вы не можете себе представить, что представляла [собой. – В.Ч.] его квартира. Она состояла из одной большой комнаты с отдельным входом, с двумя окнами – одно окно было закрыто какими-то тряпками, а другое было такое грязное, что мало пропускало уличного света. Комната была набита какими-то свёртками. От двери к окну был маленький проход, по сторонам этого прохода лежали какие-то свёртки, то же находилось по всем углам: какие-то коробки, жестяные коробки от консервов, какие-то пакеты, завернутые в бумагу. На письменном старом столе стоял примус, какие-то кастрюли, тарелки, сухой хлеб и т.п. Возле стола находился диван, по которому разгуливали клопы, такая масса была их там, сел Григ[орий] Фёд[орович] и был атакуем этими клопами. По полу лазили тараканы, прусаки, многоножки и не знаю ещё какие насекомые. Вонь была страшная, окно было закрыто, и когда я сказал, чтобы он открыл окно, – оказалось, оно было прибито гвоздями. Григ. Фёд. предложил мне стул, но я не сел, а всё время (минут 10) стоял и переступал с одной ноги на другую, чтобы на меня не напали насекомые. Одним словом, комната представляла из себя какой-то склад рухляди. Резко сказал Григорию Фёдоровичу, что если он за месяц не уберёт эту рухлядь и не приведёт в порядок свою квартиру, опять очутится в Богнице. Он мне обещал и, конечно, ничего не сделал. Городской врач сдержал свое слово и вторично отправил его в Богницу, где он за некоторое время и умер. Было это в 1947 году.

После его смерти (на похоронах был только я, отпевал его православный священник, запрошенный администрацией Bohnice. Чешским судом я был назначен опекуном. После назначения меня опекуном нотариус, представители полиции, от городского управления и я открыли квартиру. Переданы мне ключи от квартиры и приказано в трёхдневный срок очистить квартиру от всякого хлама» [10].

Казак из Каневской М.Х. Башмак оказался тем человеком, который забрал обречённые бумаги Ф.А. Щербины к себе и 20 лет сохранял их у себя для потомков. В середине 1960-х годов для большей гарантии их сохранности он передал поделённый на две неравные части профессорский архив в Краснодар (меньшую часть) и в Нью-Йорк

(несравнимо большую часть), где они сегодня и сберегаются. Но это отдельная история, которую мы оставляем за кадром.

Разбирая личный архив М.Х. Башмака, который также хранится в Нью-Йорке в Украинском архиве-музее им. Д. Антоновича как составная часть архива Ф.А. Щербины, я обнаружил копию его письма от 14 февраля 1948 года некому Сергею Панкееву, родственнику Ф. А. Щербины по линии жены. В нём содержится точная дата смерти Григория Фёдоровича Щербины и место его погребения – 31 октября 1947 года в деревушке Богница близ Праги (психбольница), похоронен там же. Покойный оставил множество неоплаченных долгов. Однако запросы, посланные М.Х. Башмаком в два французских банка, принесли неожиданный результат. Оказалось, что в «Кредит-Банке» города Лиона на счету Григория Фёдоровича имелся вклад на 3958025 франков, а в «Лойд-Банке» в Париже 14310 франков [11]. Кому они в конце концов достались, автору не известно.

В заключение хочу выразить сердечную благодарность заведующей кафедрой истории Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова Олене Бачинской за помощь в получении копии личного дела студента Одесского Императорского университета Григория Щербины, а также всем американским и украинским коллегам и друзьям, обеспечившим мне самый широкий доступ к нью-йоркскому архиву Ф.А. Щербины.

Примечания:

1. Личное дело студента Григория Фёдоровича Щербины // Государственный архив Одесской области. Ф. 45. Оп. 18. Д. 3773. Л. 37.
2. Там же. Л. 9–10.
3. Там же. Л. 34–34об.
4. Там же. Л. 17–20.
5. Вернадский В.И. Дневники. 1917. 1921. Киев: Наукова думка, 1994. С. 203.
6. Там же. С. 208.
7. Курганский П.И. «...Хоть и умереть, да у себя дома, на Кубани» (Письма Фёдору и Григорию Щербине) / публ., предисл., коммент. В.К. Чумаченко // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 1. С. 52.
8. Там же. С. 54.
9. Текст завещания Ф.А. Щербины см.: Якаев С.Н. Фёдор Андреевич Щербина: вехи жизни и творчества. Часть I. Краснодар, 2004. С. 199–201.
10. Боук Б., Чумаченко В.К. «Американский след» в судьбе научного архива Ф.А. Щербины (от гипотезы к её подтверждению) // Научно-творческое наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность: Сб. материалов межд. научно-практ. конф. Краснодар, 2005. С. 31–33.
11. Украинский музей-архив им. Д. Антоновича в Нью-Йорке. Ф. 333. Неописанные бумаги Ф.А. Щербины.

Г.Ф. Щербина-гимназист

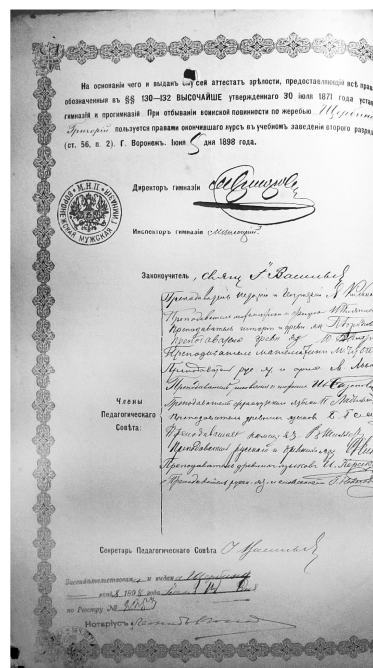

Двоюродные братья Григорий Щербина и П. Курганский

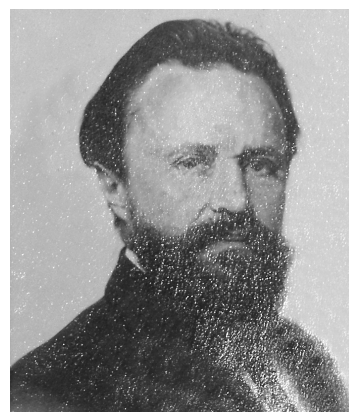
Аттестат зрелости Г. Щербины

Аттестат Г. Щербины. Обрат

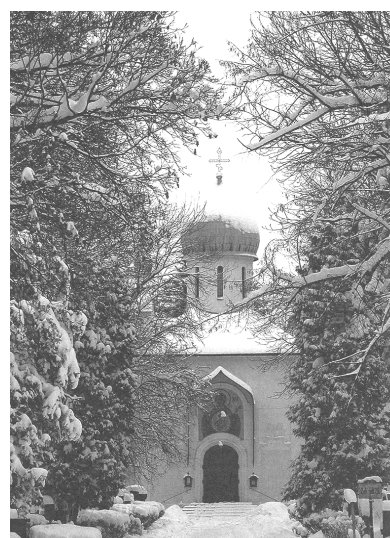
Ф.А. Щербина (публикуется впервые)

Г. Щербина. Прага. 1930-е гг.

с. Бараново. Церковь во имя пресвятой Богородицы. Современное фото

Успенская церковь на Ольшанском кладбище (русская секция)

С.Н. Лукаш

Потеряв родину...

В мой адрес от коллег по кафедре отечественной истории АГПУ поступили интересные документы. Писатель из Хабаровска, член союза литераторов России, действительный член Русского Географического общества, путешественник Плаксий Алексей Алексеевич написал такое письмо: «Уважаемый заведующий кафедрой! В моем архиве осталась переписка с русским эмигрантом в Париже Панариным. Я нахожусь в преклонном возрасте и очень болен. Может быть, это будет для Вас интересным? Не хочется, чтобы чужие письма валялись под чужими ногами! С уважением, Алексей Плаксий».

В конверте с обратным адресом Франция, Лион, улица Фиол было письмо от казака станицы Убеженской Панарина Василия Фомича, датированное 29 июня 1997 года, рукопись его стихов с пометкой «Из неопубликованного» и ксерокопия статьи из районной газеты поселка Мостовского Краснодарского края «Предгорье» с заголовком «Орел не покидает скалы». Привожу текст письма.

«Глубокоуважаемый А.А. Плаксий, посылаю Вам мои стихотворения и копию казачьей газеты, где написано о моей жизни. Я никогда не думал, что мое письмо преподавателю Армавирского университета будет помещено в газете. Ну, раз так получилось, то Вы подробнее ознакомьтесь с моей жизнью. Сейчас у меня сильный ревматизм в пальцах и мне тяжело печатать, поэтому прошу Вас извинить меня, что мое письмо такое короткое. Да хранит милостивый Господь Вас и Вашу семью и пошлет Вам свои великие милости. Глубокоуважающий Вас В. Панарин».

Предыстория описываемых событий такова. Более 20 лет назад Василий Фомич Панарин, проживающий во Франции в городе Лионе, вдохновленный возрождением казачества на Кубани, в родных ему местах Успенского района, написал письма на адрес Армавирского православного института, в которых он знакомил читателей со своим литературным творчеством. Послания из Франции попали в руки ректора АПСИ, настоятеля Армавирского Свято-Троицкого храма отца Сергия. Стихотворения В.Ф.

Панарина по ходатайству отца Сергия были напечатаны в газете Мостовского района «Предгорье», во вкладыше «Казачье слово». Общественность поселка Мостовского, казачество, ознакомившись с его стихами, от души порадовались истинно казачьему духу его творчества. Один из вопросов, с которым мостовчане обратились к земляку, была просьба подробней рассказать о себе. Василий Фомич выполнил просьбу, прислав в адрес районной библиотеки книгу своих воспоминаний и стихов. Вот некоторые выдержки из письма В.Ф. Панарина с небольшими поправками и сокращениями.

«От изболевшегося сердца по России благодарю всех, кто познакомился с моим маленьким литературным творением, отозвался о нем с любовью и понял меня и мои мысли, которые я вложил в книгу и стихотворения. Я писал это все для себя и моих детей и даже не мечтал издавать. Я не писатель и не поэт и не знал, насколько все это достойно литературного произведения. Но одна заведующая издательством в Париже убедила меня, и я согласился издать, так как нашла, что я хорошо описал в книге и в стихотворениях мои мысли и воспоминания.

...Когда окончилась война, и мы хотели возвращаться из Германии домой (В.Ф. Панарин находился в плену в американской зоне оккупации. – С.Л.), к нам в барак приехали члены репатриационной комиссии, старый майор и молодой офицер, вести беседу о возвращении на Родину. С одной стороны барака вел беседу с пленными этот старый майор НКВД, а с другой стороны – молодой офицер. Там стоял я с группой моих товарищей по плену. Когда он закончил говорить, я подошел к нему и спросил: «А скажите нам откровенно, нас Сталин и теперь считает изменниками и предателями Родины?». Он посмотрел на всех нас и ответил: «Хорошие вы ребята, жалко мне вас. Я уже сопровождал до нашей границы две партии возвращенцев и скажу теперь вам правду, что в лучшем случае вас ожидает 10 лет лагерей, а свинец в затылок Сталин вам приготовил. Разбегайтесь отсюда, так как ночью приедут за вами американские машины, и вас всех насильно повезут в лагерь для возвращенцев, а оттуда отправим на родину».

Пленные азербайджанцы где-то нашли и преподнесли ему стаканчик водки, а он угостил нас, кто был около него, папиросами и пошел к майору.

Так все и совершилось, как он сказал. Да и теперь многие считают нас изменниками родины. Когда я разыскал свою сестру, которая после Карагандинских лагерей жила в Грузии, в г. Кутаиси, я написал письмо Хрущеву, чтобы он разрешил ей приехать во Францию. Я написал, почему я не могу возвратиться домой. Хрущев разрешил ей приехать ко мне, и я послал все необходимые документы. Но председатель Тбилисского горсовета разрешение не дал, а ведь она, бедная, отсидела 12 лет лагерей ни за что. Ее посадили в 1934 году за то, что когда убили Кирова, она лишь сказала: «Ну что поделаешь? Другого посадят на его место». Я и теперь боюсь писать о родственниках, чтобы они не пострадали из-за меня. А о себе напишу вам, милые, довольно сжато.

Родился я в станице Убеженской, в 12 верстах от Армавира, в казачьей семье. Отец мой умер в 1920 году, когда мне было пять с половиной лет, оставив нам две паровые машины по обмолоту зерна, из-за которых мама и сестра были лишены права голоса, несмотря на то, что мама потом отдала их добровольно государству, в артель села Восточного. Мама умерла от голода в 1933 году, а я и сестра (она на 12 лет старше меня), опухшие от голода, выжили. Окончив убеженскую второклассную школу, я по совету преподавателя физики и математики поступил в Армавирское ФЗУ. Учился я очень хорошо и был ударником. Фотографии, характеристики хранятся у меня и сейчас (их прислала моя сестра). Но через полтора года меня исключили по доносу, что я сын лишенцев – кулаков. А в это время наступил голод (1932–33 гг.). Меня спас от голода мой двоюродный брат, красный партизан, а я помог сестре. Мне удалось поработать на Армавирском пивоваренном заводе, я там украдкой ел ячмень для пива, а обед приносил домой, который ели с сестрой вместе.

...В Армавире женился. Так как до женитьбы я заочно учился, то меня взяли работать бухгалтером на заводе «Армалит», потом переехал в Апшеронск и работал старшим бухгалтером. Затем перевелся в Хадыженский район, где также проработал старшим бухгалтером.

Оттуда и проводили меня на фронт жена с сыном, которому было три с половиной года. На фронте при минометном обстреле ранили в голову. Были окружены, и я попал в плен.

Но все это не так трагично по сравнению с теми несчастными случаями, которые происходили со мной потом. В 1954 году я лишился левой руки. Работал на текстильной фабрике в Лионе, а через 15 лет меня сбила грузовая машина, когда я ехал на велосипеде на работу. Мне парализовало правую руку и правую ногу. С тех пор я не работаю, но получаю две пенсии по инвалидности. Материально я вполне обеспечен и независим ни от кого. Но как тяжело жить таким инвалидом, не выходя из квартиры! Правда, у меня есть телефон, и я часто разговариваю со знакомыми, есть телевизор, и я каждый день смотрю передачи из Москвы по первому каналу. Хорошо, что у меня есть еще интерес ко всему, что творится в мире. Да и сыновья, и внуки очень хорошо ко мне относятся. Но все равно без Родины ты чувствуешь себя неполноценным человеком. И никто не поймет твоих душевных переживаний.

На производстве тебя тоже считают человеком второго сорта и платят в два-три раза меньше за более тяжелый труд. Здесь не признают иностранных дипломов, будь ты профессор, доктор, инженер и т.д.

Потеряв Родину, мне хочется сказать нашему кубанскому молодому поколению, чтобы они никогда не покидали добровольно свой родной край. Живите вы дома и благодарите милостивого Господа Бога, что вы на Родине, на родной Кубани, среди своих земляков и близких друзей.

И, как говорится в моем стихотворении про орла, что, где бы он ни летал и чтобы ни видел, он нигде не остался, потому что:

Всех родней ему была
Его высокая скала,
Его Отчизна, отчий дом,
Где он вырос, стал орлом.

...Еще раз благодарю всех и прошу Господа Бога в своих к нему молитвах, чтобы он послал вам свои великие милости и процветание родного кубанского края.

С казачьим поклоном В.Ф. Панарин».

Вот несколько стихотворений из творчества В.Ф. Панарина.

ГРУСТНО, БОЛЬНО ВСПОМИНАТЬ

Грустно, больно вспоминать,
Как казакам пришлось страдать,

Как в Сибирь их отправляли,
Где они и погибали.

А кто пришел домой живой,
Где стоял дом родовой,
По другой статье судили,
При доносах снова били.

«Говори, ты кто такой?
Ты – человек здесь всем чужой!»
И тот не рад был, что живой
И возвратился в край родной.

А дни военные настали,
Вот тогда-то и сам Сталин
Казаков стал призывать,
Власть Советов защищать.

Что, мол, было все – забудем,
Как одна семья жить будем,
Братья, сестры мы родные!
Казаки наши лихие,

Вы с Буденным в бой пойдете,
С ним фашистов разобьете,
Он испытанный герой
И назначен лично мной.

И казаков повел герой,
Крикнув: «Братцы, все за мной!
Не терять в бою осанки!
Шашки вон! И в бой на танки!»
12.02.1997 г.

КОМУ НУЖНЫ ЭТИ УГРОЗЫ?

Не угрожайте казакам,
Казак угрозы не боится.
Мы твердо заявляем вам:
Не тронь! Казак умеет биться

И защитить свой край родной,
Свои привольные станицы,
Честь и закон свой родовой
И священные границы.

По природе казак вольный,
Ничто не утрашит его,
Потому что край раздольный
Был колыбелью для него.

Вы говорите, что Кавказ –
Это родина не наша.
А мы уведомляем вас:
Если так, то и не ваша.

Кавказцы все сюда пришли
Из ближних азиатских стран,
И здесь они приют нашли,
А родина для них – Иран,

Турция..., но не Кавказ.
И наш казачий вам наказ:
«Не трогайте вы казака,
Чтоб не стряслась везде беда».

Кому нужны эти угрозы?
Тому, кто хочет нас стравить,
Чтобы видеть смерть и слезы
И наши села разорить!

23.05.1997 г.

В.В. Слободенюк

Казачья атака как превосходство народного духа (75-летию атаки под Куцевской посвящается)

В 2017 году исполняется 75 лет со времени знаменитой атаки 17-го казачьего кавалерийского корпуса (4-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса). Она вошла в историю как «Атака под Куцевской», за которую 27 августа 1942 года корпус в числе первых воинских подразделений получил звание «гвардейский».

В четвертом часу утра фашистская авиация одновременно атаковала 66 советских аэродромов. Особенно сильные удары были нанесены также по военно-морским базам, железнодорожным узлам, крупным военным объектам во всей западной приграничной полосе – от Финского залива до Черного моря.

Так гитлеровское командование начало осуществление своего плана с кодовым наименованием «Барбаросса» (по имени германского короля, императора священной Римской империи Фридриха I Барбароссы, совершившего в XII веке пять завоевательных походов в Италию).

Особое место в колонизаторских устремлениях рейха занимал Кавказ. Еще за полтора месяца до начала войны, 4 мая 1941 года, в штабе ОКВ (Верховное главнокомандование вермахта) был подготовлен «План по овладению кавказскими нефтеносными районами». В нем прямо утверждалось, что «Германия может покрыть

свою потребность в нефти только за счет Кавказа» [1].

Нефть – кровь современной войны! Она жизненно необходима для танков, самолетов, автомобилей... Если нет нефти – нет горючего, вся эта грозная техника превращается в одно мгновение в бесполезную груды металла. А потому именно захват кавказских нефтепромыслов во вторую летнюю кампанию на Востоке в 1942 году должен был обеспечить немецкую военную промышленность необходимыми запасами нефти и стать залогом победы – так считал Гитлер и его окружение. Но никто из нацистского руководства не мог и представить, какими невосполнимыми для Германии потерями обернется этот, казалось бы, тщательно продуманный план [2].

Гитлер рвался на юг – к нефти Кубани и Кавказа. В этом направлении наступали отборные фашистские части, несколько дивизий горных стрелков, усиленные полками СС, а на острие клина шли танки, разрывавшие советскую оборону в клочья. Равнинный ландшафт затруднял оборону – многокилометровые противотанковые рвы не могли перекрыть всю степь. Красная армия отступала. Причем отступала с такой скоростью, что возникла опасность попадания разбитых частей в «котлы». Кроме того, до нефтяных промыслов Краснодарского края оставалось около двухсот километров.

И тут на пути солдат Вермахта встали казаки [3].

Не один раз фашистские захватчики на своей шкуре испытали богатырские, сокрушающие удары советской рабоче-колхозной конной гвардии, кубанских пластунов.

2 августа 1942 года под станицей Кушевской два полка 13-й Кубанской казачьей дивизии 17-го казачьего кавалерийского корпуса в конном строю атаковали 101-ю немецкую пехотную дивизию с экзотическим названием «Зеленая роза» и два эсэсовских полка.

Атаку возглавили прекрасные кавалеристы, командир дивизии полковник Миллеров Б.С. и военный комиссар дивизии полковой комиссар Шипилов Б.С. На гнедых красавцах лошадях вынеслись они далеко перед построеными в боевой порядок полками. Так, чтобы их видели все казаки. В таких случаях команда голосом не подавалась – ее невозможно было услышать. При-

встав в стременах гарцующего коня, Миллеров обнаженной шашкой указал направление атаки. Затем его клинок описал блеснувший на солнце огненный круг. Это был сигнал. И тяжело ухнула и задрожала под копытами конской массы кубанская степь. За комдивом и комиссаром, набирая скорость, полки устремились вперед: «За нашу любимую Родину!» Встречный ветер рвал конские гривы и полы синих черкесок, крыльями поднимал трепетавшие алые башлыки.

Казачья лава, развернувшись по фронту до двух километров, пошла на противника стремительным карьером, невзирая на его сильный огонь. Молниями засверкали отточенные клинки. Над рядами конников перекатами грянуло «ура!». На полном скаку кубанцы яростно обрушились на фашистов, и началась жуткая для врага казачья сабельная рубка. Степь на 12 километров покрылась обезглавленными, расчлененными ударами шашек, зияющими страшными ранами, растоптанными лошадьми, залитыми кровью вражескими трупами. Остатки «розы» в диком ужасе бежали. Так встретила казачья Кубань незваных гостей.

Атака продолжалась до 14.40, и было пройдено 9 км в глубину обороны противника, считая от исходного положения дивизии.

29-й кавалерийский полк и 32-й кавалерийский полк вышли непосредственно к огненным позициям минометной и противотанковой артиллерии противника. И только благодаря тому, что в дивизии отсутствовал резерв, противнику удалось остановить дальнейшее наступление. Кроме того, в силу отсутствия поддерживающей авиации, противник сумел подбросить из глубины свежие части пехоты, вооруженной в основном автоматами.

В результате атаки на поле боя было уничтожено до 400 немецких солдат и офицеров, взято 3 радиостанции, 25 мулов, до 40 пленных, большинство которых было порублено казаками при выходе из атаки.

В этом бою дивизия потеряла: начальствующего состава – 42 человека, младших командиров – 64 человека, рядовых – 188 человек [4].

В Государственном архиве Краснодарского края в фонде «Коллекция документов по истории дивизии 4-го гвардейского Кубанского Великой Отечественной

войны на Кубани» имеются воспоминания бывшего командира первого эскадрона 32-го полка 40-й кавалерийской казачьего кавалерийского корпуса (ранее 17-го казачьего кавалерийского корпуса) Сердцова И.И., о боевом крещении 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса в конной атаке под станицей Куцевской 2-го августа 1942 года.

Командир 1-го Курганинского эскадрона 32-го кавалерийского полка старший лейтенант Сердцов Иван Иванович описал атаку своего эскадрона в конном строю. По словам Сердцова, атака проходила так:

«...В ночь с 1-го на 2-е августа 1942 года наша 13-я дивизия под командованием полковника Миллерова совершила ночной марш из станицы Ленинградской в направлении станицы Куцевской. И в 6 часов 30 минут утра 2-го августа заняла исходный рубеж для атаки в лесопосадках в 4-5 км юго-западнее станицы Куцевской.

В 9 часов утра началась артподготовка, то есть наша артиллерия открыла ураганный огонь по обороне противника. В то же время все командиры и политруки эскадронов получили боевой приказ для атаки противника в конном строю. Эскадроны находились в полной боевой готовности, казаки еще раз успели проверить лезвия своих сабель и другое вооружение.

Через некоторое время командир 32-го кавалерийского полка майор Полеводов вызвал командиров подразделений и зачитал приказ. Он потом сказал – передайте казакам, что сейчас мы пойдём в атаку, двигаться только вперёд. Биться будем насмерть. Успех будет зависеть только от нашей смелости, дерзости и бесстрашия.

Мы с политруком эскадрона Долженко Степаном Михайловичем объявили всему составу боевой приказ и перед каждым взводом поставили определенные задачи.

Перед эскадроном с горячей и вдохновляющей речью выступил политрук Довженко Степан Васильевич. Он призвал казаков сражаться с кубанской казачьей удастью.

Но строй эскадрона стоял и не поколебался. Только каждый суровыми глазами всматривался в даль, в невидимый пейзаж станицы Куцевской.

Артиллерийский огонь стал стихать, в воздух взвились одна за другой три красных ракеты.

Командир полка подает команду: «Поэскадронно! Развернутым фронтом! Для атаки! Шагом марш!».

В это время подавалась команда командира дивизии: «Для атаки вперед шагом марш!». Из лесопосадок на чистом ячменном поле появилась конная лавина, полки и подразделения заняли по приказу свои места и стали принимать боевые порядки, интервалы и дистанции. Схематически это было так: справа двигался 29-й кавалерийский полк, слева двигался наш 32-й кавалерийский полк, посередине – штабные подразделения дивизии. Курганинский первый эскадрон выдвинулся вперед и занял свое место, продолжая движение.

В это время враг открыл по нам артиллерийско-минометный огонь, мы сразу перешли в рысь. Отдельные снаряды и мины противника стали разрываться в наших боевых порядках, мы уже достигли лётного поля аэродрома, в северной его части по лесопосадке располагалась первая линия обороны противника. Враг открыл из пулеметов и автоматов ураганный огонь. В это время раздалась команда: «Шашки к бою!», «В атаку галопом – марш-марш!».

От солнечных лучей заблестели тысячи казачьих сабель, над Куцевским полем разразилось мощное кубанское «УРА»!

Мой эскадрон, как направляющий, первым принял на себя сильный огонь противника. Мы также первыми ворвались в оборону гитлеровцев. Началась сеча. Эсэсовцы не выдержали смелого и дерзкого натиска кубанцев, их охватило шоковое состояние, началось бегство, паника, многие из них подняли крик, рев, бегая по полю с перекошенными «образами», хватаясь руками за голову, защищаясь от удара казачьих сабель, ярость и мощь атаки все более нарастала. А когда мы вошли в сферу физического соприкосновения с гитлеровцами, мощный крик «УРА» произвольно смолк и превратился в какой-то шум и гам. Казаки погрузились в «работу» и каждый, когда опускал на голову фашиста шашку, приговаривал: «Вот вам, гады, кубанской земли и хлеба», «Вот вам курки, яйца и млеко», «А ягодки еще впереди»!

Без всякого преувеличения можно сказать, все сражались храбро и с казачьей удастью, но особенно проявили себя седовласые старики-чапаевцы Грачев Михаил Федосеевич и Каменев Павел Гаврилович.

Они вдвоем зарубили более двух десятков фашистских извергов. Зажигательным примером в этой схватке для всех явился политрук эскадрона Долженко Степан Михайлович. Но успел он уничтожить шашкой и огнем из автомата пять гитлеровцев и был смертельно сражен в грудь разрывной пулей врага. Падая с лошади, он с последним предсмертным вздохом, с трудом вымолвил лишь одно напутственное слово «Бейте их гад...» и на полуслове пламенное молодое его сердце навсегда погасло и перестало биться.

Яростно и храбро сражались коммунисты: лейтенант Дегтярёв Илья, младший лейтенант Лукьяненко Данил, рядовые: Забиякин Михаил, Озеров Владимир, Мурашкин Степан, Хомченко Василий Иванович, Буханов и многие другие.

Смело и отважно действовала Ксения Кулибабова, более 20-ти раненых казаков она вытащила с поля боя в укрытие, перевязала и отправила их на автомашинах, хотя и сама была нелегко ранена.

Атака продолжалась более часа. Поле от лесопосадки, что была севернее аэродрома и до полотна железной дороги Кущевская – Ейск, полностью от врага было очищено, живого ничего не оставалось. Только стояло три немецких танка в подсолнухах у полотна железной дороги, а экипажи под страхом дерзкой казачьей атаки бросили танки и бежали через полотно железной дороги в какие-то заросли или камыши. Я приказал своим трем смельчакам открыть моторные люки и забросать гранатами и поджечь танки.

Казаки открыли башенные люки, и оказалось, что танки почему-то были без боеприпасов, но зато в башне каждого танка было полно награбленного барахла, вплоть до детских рубашек и трусиков. Танки были подорваны и подожжены. Когда мы достигли железной дороги Кущевская – Ейск, повернули вправо по направлению элеватора и железнодорожной станции ст. Кущёвской, гитлеровцев еще больше охватила паника и бегство. Они всё бросали и драпали. А мы до того увлеклись успехом таким, что и не заметили сигнала о выходе из атаки. В это время 29-й кавалерийский полк, 3-й и 4-й эскадроны нашего 32-го кавалерийского полка уже почти скрывались за горизонтом.

Тогда мой 1-й и 2-й эскадроны повер-

нули на юго-запад и стали отходить. Немцы, заметив это, стали быстро приходить в чувство и открыли по нам сильный фланговый огонь из пулемётов и автоматов.

Я в это время оказался на левом фланге эскадрона. И вот в эти минуты со мной случилось происшествие. Подо мной была убита лошадь. На полном галопе она упала через голову, я по инерции вылетел из седла, несколько раз перевернулся через голову и упал недвижимым. Недвижим – потому что при падении я получил очень сильный ушиб головы и левой ноги. И кто бежал рядом со мной, конечно, посчитали, что я убит и подобрать меня при таком сильном и плотном огне, конечно, было невозможно. Но через какое-то мгновение я пришел в чувство и сразу увидел, что ко мне бежит группа фашистов.

Посмотрел вокруг себя, что никого нет, я вынул из кобуры пистолет, а в обойме осталось всего два патрона. «Но, – думаю, это только для себя, отдавать себя живым на муки нельзя, легче будет умереть от своей пули, чем от зверских пыток и издевательств». В это же мгновение я вспомнил про все и всех и прежде всего про любимую Родину, про семью и детей. Умирать в самом расцвете жизни не хотелось.

Мне тогда было 36 лет. В эти же роковые секунды я вспомнил, что на седле мой автомат. Превозмогая неимоверную боль головы и ноги, напрягая до предела силы, я подполз к лошади. К счастью, автомат оказался не под лошадью, а наверху. Я рванул его и лег за труп своего Дончака, приготовился к стрельбе. Фашисты были совсем уже близко, не более как 40-50 метров, уже ясно вырисовывались черты их противных «образин». Их было семь, они шли ускоренным шагом, что-то горланили, стреляя короткими очередями выше меня, видимо, по отходящей колонне наших эскадронов. Шли они скученно. Я прицелился и нажал на спусковой крючок автомата, дал одну за другой две или три коротких очереди. Два фашиста были сражены, третий, хватаясь руками за ногу, стал убегать, остальные пришли в нерешительность, двое из них залегли и открыли по мне огонь, остальные начали убегать, делая зигзаги. Этот удачный момент немного ободрил и воодушевил меня. Я прицелился точнее, дал ещё несколько очередей и сразил троих, тех, которые убегали. Затем я перевёл огонь по

тем, которые лежали на чистом месте в 50-ти метрах от меня и вели по мне огонь. Но они, видно, поняли, что им тоже несдобровать, вскочили и стали бежать, я ещё и ещё нажимал на спусковой крючок, и со всей этой группой было покончено.

Конечно, меня спасло то, что я вел огонь из-за укрытия трупа лошади. Немного я успокоился и решал бежать. Смотрю, из-за каких-то зарослей выскочила другая группа фашистов и бегут ко мне. Они находились примерно в 300 метров от меня. Я быстро достал из сумки своего седла запасной диск к автомату и три гранаты, борясь с болью ноги и шумом в голове, я устремился бежать. Сперва я споткнулся и даже два раза падал, но вставал и опять бежал. Фрицы всей группой открыли по мне автоматную стрельбу. Стрельбу они вели на бегу прицельную, пули свистели стороной, и лишь отдельные срывались по ногам и жужжали над головой.

Мне казалось, что я бежал быстро, а когда оглянулся назад, то было заметно, что расстояние между мной и гитлеровцами быстро сокращалось. Они становились все ближе и ближе, и огонь их становился все точнее, пули стали больше срываться рикошетом вокруг меня. Я понял, что они хотят подбить меня и захватить живым. И опять у меня пробежала мысль не попадать в лапы живым, ни при каких обстоятельствах.

Вместе с тем, я как бы самодовольствовался тем, что фашисты за мою жизнь заплатили уже недешево. Семь фрицев я уничтожил из автомата и при атаке пять. С каждой секундой силы меня покидали, бежать я уже почти не мог. Расстояние между мной и фрицами продолжало быстро сокращаться.

Наверное, оставалось не более 150 метров. В этот момент подскочил ко мне на лошади казак из моего эскадрона. Я ухватился за хвост его лошади, и мы стали бежать. Фашисты залегли и стали вести по нам прицельный огонь. Я почувствовал сильный удар в голову. Оказалось, что пуля ударила по каске рикошетом. Я уже не бежал, а волочился, крепко держась за хвост лошади. Поймали мы лошадь, бегущую без всадника. Я вскочил на неё и не успел еще поднять ее в галоп, как она была тоже убита. Опять мне пришлось бежать за хвостом. Но тут же мы поймали третью лошадь, и буквально через минуту и эта была ранена.

Хотя мы и оторвались от противника, но изредка пули еще свистели, и даже в десятках метрах разорвалось несколько мин и снарядов. Ну а когда мы пересекли лесопосадку северной части того временного аэродрома, мы уже были в полной безопасности, но дальше ехать я уже был не силах. Заскочили мы в самолетный капонир (укрытие) на аэродроме и спешились.

Наконец-то миновали роковые и зловещие минуты. Я крепко обнял и расцеловал своего спасителя, Забиякина Михаила Захаровича, которому обязан своей жизнью и счастьем за его великодушный человеческий поступок. Беспредельно я был рад и самодоволен до конца уже иссякающим своим силам и энергии, сумевшим выхватить меня из объятий ужаса. Боль головы усилилась, жажда меня изнуряла до предела, день был и без того жарким, и я уже не мог устоять и бессильно повалился на землю. Сколько я лежал, не знаю, но пришел в себя после двух глотков воды, которые из своей фляги дал мне Михаил. Он посадил меня на лошадь, и мы взяли направление на исходный рубеж. Когда мы выехали на чистое летное поле аэродрома, враг заметил и выпустил по нам несколько снарядов, но обошлось все благополучно. Мы прибавили аллюр и скоро скрылись за горизонтом. Через некоторое время мы подъехали к своим казакам. С удивлением и огромной радостью, со слезами на глазах подбежали к нам казаки, командир и комиссар полка, сняли меня с лошади и положили в лесопосадке.

Санитарные сестры хлопотливо и нежно обрабатывали и перевязывали раны на моей голове и на ноге. Командир полка майор Полеводов даёт указание немедленно отправить меня в полевой госпиталь. Я ему ответил, что ни в какой госпиталь я не поеду, а буду продолжать командовать своим эскадронам. Он немного от меня отошел и в полголоса, чтобы я не услышал, начальнику штаба сказал: «Командира 1-го эскадрона вычеркни из списка погибших». А вновь назначенного командира направил на прежнее его место.

Примерно через час поступила команда на построение. Старшина эскадрона подал мне другую лошадь. И хотя я уже около часа отдохнул, сам сесть на лошадь не мог. Мне помогли. Эскадрон я построил фронтом в сторону от станицы Кущевской и приказал места выбывших в строю не

занимать. Старшина эскадрона сделал по списку переключку, и, кого не оказалось в строю, рядом стоящий отвечал: «...Сегодня, 2 августа 1942 года пал смертью храбрых в бою с немецким фашизмом под станицей Куцевской...». Или: «Ранен в бою с немецкими фашистами и отправлен в госпиталь...». И оказалось, одиннадцать лучших наших друзей и товарищей пали смертью героев в этом неравном бою, 27 человек выбыли по ранению.

Я командовал: «Смирно! Снять головные уборы, склонить головы и минутой молчания почтить память боевых друзей». А затем заместитель политрука Варфоломеев выехал перед строем, повернулся в сторону станицы Куцевской и сказал: «Прощайте, боевые товарищи! За вас мы отомстим. Клянемся! Эскадрон громогласно три раза повторил – «Клянемся!»

Лица у казаков были грустные и угрюмые, а сердца окаменевшие, и почти ни один не выдержал, чтобы не проронить слезу. Я командовал: «Справа по звеньям шагом марш!» Эскадрон тронулся в поход, и тише, чем в полголоса, казаки запели любимую песню политрука: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой! С фашистской силой темною, с проклятою ордой...».

Ехал я впереди эскадрона, но рядом со мной уже не было политрука Долженко Степана Михайловича. Не стало в строю эскадрона многих моих товарищей.

Отошли мы от исходного рубежа в сторону станицы Ленинградской 10-12 км и заняли оборону. Враг двое суток не мог привести себя в порядок после этой атаки и не решался вступать в бой с казачьими частями.

По приказу командующего Северо-Кавказским фронтом маршала Буденного корпус отошел к предгорью Кавказского хребта и занял активную оборону [5].

Ожесточенные оборонительные бои советского 17-го казачьего кавалерийского корпуса хотя и замедлили немецкое наступление, но остановить его не смогли. Через транспортный узел Куцевская пешие соединения 17-й армии Вермахта пошли дальше на юг.

На левом фланге моторизованные соединения 1-й танковой армии захватили большое пространство и устремились к Кубани» [6].

Ставка Верховного Главного командования высоко оценила смелые и дерзкие действия кубанцев, блестящее выполнение поставленной боевой задачи в борьбе с фашистскими захватчиками.

Большая группа казаков и командного состава корпуса была награждена орденами и медалями.

Только из Курганинского эскадрона было награждено 62 человека, из них: орденом «Красного Знамени» – 12, «Красной Звезды» – 16, и многие медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», а Чапаевцы, Грачев Михаил Федосеевич и Каменев Павел Гаврилович, были награждены орденами Ленина каждый [7].

За умелые боевые действия, за организованность и отвагу личного состава приказом Народного Комиссара Обороны СССР от 27 августа 1942 года за № 259 17-му кавалерийскому корпусу было присвоено гвардейское звание, и корпус стал именоваться 4-м гвардейским казачьим кавалерийским корпусом. А с 20 ноября 1942 года, после выделения из его состава донских дивизий, он стал именоваться 4-м гвардейским Кубанским казачьим кавалерийским корпусом [8].

В оборонительных боях в августе 1942 года на рубеже станиц Куцевская – Шкуринская – Канеловская – Старощербиновская 17-й кавалерийский корпус понес тяжелые потери. Но эти смерти не были напрасными, атаки не были бессмысленными. Корпус в боях задержал наступление дивизий 17-й армии Вермахта на четверо суток и оставил обороняемые позиции только по приказу Командующего Северо-Кавказского фронта маршала С.М. Буденного. Не надо объяснять, что значили четверо суток в задержке немецкого наступления в то тяжелое для страны время. За эти четверо суток отступающие части Красной Армии сумели привести себя в порядок, занять последующие оборонительные рубежи и оказать сопротивление наступающему врагу. А уполномоченный Государственного Комитета Обороны по уничтожению нефтяных скважин и нефтеперерабатывающих предприятий в Кавказском регионе (будущий министр нефтяной промышленности СССР) Н.К. Байбаков, посланный лично И.В. Сталиным в Майкоп

для вывода из строя нефтяных скважин, успел выполнить приказ Главнокомандующего. Германия не получила ни литра Майкопской нефти и была вынуждена в период напряженных боев снабжать горячим свои наступающие дивизии из Румынии [9].

Бои 17-го казачьего кавалерийского корпуса в районе Куцевской – Шкуринской – Канеловской на несколько суток задержали продвижение противника на краснодарском направлении. Было выиграно время и для отхода войск, и для эвакуации районов, которым для вывоза людей и имущества оставались считанные дни, а нередко – и часы [10].

Стойкая оборона 17-го корпуса по южному берегу реки Еи, отвага и мужество казаков Кубани и Дона спасли многие жизни солдат из отступающих частей Красной Армии, не дали противнику воспользоваться майкопской нефтью и лишили Германию той экономической подпитки, в которой она очень нуждалась. Казаки 17-го кавалерийского корпуса битву за нефть выиграли!

Примечания:

1. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. Кн. 1: Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000. С. 17–19.
2. *Тике Вильгельм*. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942/1943. М., 2005. 448 с.; URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/129983/Tike_-_Marsh_na_Kavkaz._Bitva_za_neft%27_1942-1943_gg.html (Дата обращения: 01.05.2017).
3. Легендарная Куцевская атака. Ростов-на-Дону, 2012. С. 4.
4. *Куценко И.Я.* Кубанское казачество. Краснодар, 1993. С. 466–468; Легендарная Куцевская атака. С. 20–23, 27–30.
5. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 92а. Л. 1–11; Легендарная Куцевская атака. С. 30–33.
6. *Тике Вильгельм*. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942/1943. М., 2005. 448 с.; URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/129983/Tike_-_Marsh_na_Kavkaz._Bitva_za_neft%27_1942-1943_gg.html (Дата обращения: 01.05.2017).
7. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 92а. Л. 10.
8. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 92а. Л. 10; Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. Кн. 1: Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000. С. 326; Кубань в Великой Отечественной... 1941–1945. Краснодар, 2000. С. 24; Краснодарскому краю – 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани: историко-документальный альбом. Краснодар, 2002. С. 27; Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Краснодар, 2005. С. 51.
9. Легендарная Куцевская атака. С. 39–40.
10. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. Кн. 1: Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000. С. 326.

В.И. Росликова

Некоторые моменты из жизни станицы Отрадной, оккупированной немцами

Есть в станице Отрадной улица Мостовая (в настоящее время это ул. Балахонova), которая берет свое начало с восточной стороны конца моста через реку Уруп. Именно через нее можно было попасть из УЗОСА или Невинномысска, а также из прилегающих сел в станицу (не делая большого объезда через г. Армавир). Машин было мало. В отдельные дни проедет полуторка или проскочит всадник. Оживление вносили стада коров, а их было три. Почти в каждом дворе содержалась живность. Выпасы располагались на правобережье р. Уруп. Вечером каждая хозяйка считала своим долгом встречать свою корову, чтобы уберечь ее от захода в чужой огород, а заодно повстречаться с соседями и обсудить текущие дела. Народ приходил заранее до прихода стада, как на праздник. На рассвете по воскресеньям тишину нарушал скрип телег, запряженных волами или лошадьми. Это сельчане с близлежащих предгорий везли результаты своего труда на базар. Располагался он за мостом через реку Тигинь. Здесь люди общались, торговали. Заводили новые знакомства. Через дорогу от базара в сторону г. Армавир была мельница, возле которой обычно стояла очередь телег, груженных мешками зерна и подсолнечными семечками. Все это сдавалось в приемный пункт, а затем через несколько дней выдавалась готовая продукция. Мельница имела пристройку. Это была маслостанция, где из семян получали золотистое душистое масло, которого сейчас в продаже вообще не найти.

Базар был большой. Везли все: зерно, муку, семечки, душистое подсолнечное масло, молочную продукцию и живность. К телегам привязаны коровы, телята, в решетчатых ящиках ехали гуси, утки, а также поросята. Везли готовую шерстяную пряжу и особенно красивые перчатки, шапочки, свитера. Здесь женщины-эстонки отличались особым искусством вязания. Все это вместе наполняло улицу мягким гулом. Проходили и большие стада совхозных коров и овец, уходящих на лучшие выпасы в предгорья.

Все лето бурлящая сила водного потока, словно магнит притягивала к себе народ. Уруп – горная, быстротечная, мелководная река. Мы любили купаться в местах перекатов, но были и тихие заводи с глубокими ямами. Такое место находилось у «первого камня». На участке сразу за мостом, на крутом склоне над поверхностью воды нависали два камня (первый и второй) на расстоянии 30-50 м друг от друга. В данном варианте они представляли огромные глыбы сцементированных галечников железом и марганцем, торчащими из обрыва словно козырек большой фуражки. Из-под этих глыб, эрозионные потоки вынесли мелкозем в реку, и образовались большие углубления (типа пещеры) с хорошей ровной площадкой. Особенно излюбленным местом был «первый камень». Иногда ребята здесь разводили костерок, пекли картошку и с азартом ныряли с крутого берега. Наряду с тихой заводью и глубокой ямой здесь, у кромки воды, лежали большие ожелезненные и отшлифованные пласты, которые уходили под воду. Совершая прыжок, необходимо было так изловчиться, чтобы не угодить на эту плиту. Несмотря на рискованное место, смельчаки под возгласы «Васька, давай!» прыгали с довольно большой высоты. После дневного зноя, когда солнце скрывалось за горизонтом, улицу наполняли тонкие ароматы душистых цветников. Издалека, со стороны правления колхоза им. Крупской, доносилось красивое слаженное пение, видимо бригада женщин после трудового дня возвращалась домой. Наши родители тоже выходили на улицу, а мы играли здесь в чижики, классики, скакалки, прятки. И, несмотря на то, что бои шли не за горами, здесь у нас еще царила атмосфера мира и радостного бытия. В августе месяце дети были заняты заботами подготовкой к 1 сентября. Тетрадей и учебников в продаже не было. Заранее договаривались с учениками старшего класса и по окончании учебного года сразу их выкупали. Вместо тетрадей использовали все то, на чем можно было писать. Я, например, использовала какие-то квитанции. Одна их сторона была чистой. Они были бледно розового цвета, но это не имело значения – основное, что можно было писать. Размер их был небольшой, примерно 9х14 см, и для того, чтобы получилась тетрадь, необходимо склеивать. Клея канцелярского не было, и мы использовали желтую липкую смолу,

которую собирали со стволов абрикос и слив.

Наступил конец июля. Все изменилось в одночасье. Красная армия отступила. Последние бойцы ушли через мост, в сторону Невинномысска. Осиротевшие, с огромной тревогой, мы остались в ожидании чего-то страшного и непредсказуемого. Затихло все. Даже собаки, учуяв недоброе, не лаяли. Дети не плескались на реке. Народ не ходил по улице. Тишина охватила все наше жизненное пространство, от которой звенел только воздух. Напротив от нас, через дорогу, жили замечательные соседи Труновы. Они трудились в колхозе. Дядя Миша высокий, красивый, приветливый и под стать ему его жена – тетя Таня, с огромным красивым пучком волос на голове. Мы всегда, и летом и зимой собирались у них. Своих детей у них было трое (Раиса, Иван и Николай, который сразу ушел на фронт) и нас, соседских, четверо-пятеро. Комната одна, большая русская печь. На столе так называемый светильник (баночка с подсолнечным маслом), а в нее опущен фитилек из ваты. Весело потрескивают «кизяки» – сухие лепёшки из коровьего навоза. Тетя Таня хлопочет у печи, а мы усаживались на большую лавку и рассказывали о школьных событиях. Присутствовал сосед Витя Васильченко, который был старше нас и тоже составлял нашу компанию. Зимой он мастерил нам санки, какие-то лыжи. Было весело и шумно. В доме всегда стоял тонкий аромат сушеных фруктов, которые периодически просушивались на печи. Тепло и уютно, несмотря на бедность убранства. Двери этой гостеприимной избушки всегда были открыты. Витя, как и его сверстники, сразу ушел на фронт, и в первом бою они с его отцом и погибли. Старший сын Николай Трунов, также ушел на фронт. Раненый, вернулся домой и вскоре скончался.

Идет вторая неделя тишины. Немцы где-то на подступах к станице. Тоска одолела всех. В один из вечеров мы собрались во дворе Труновых, и кто-то из ребят промолвил: «Давайте совершим поход на Лубзавод». «Лубзавод» – это, наверное, громко сказано. По сути – небольшое предприятие, которое располагалось за станицей в районе колхоза им. Сталина. Оно занималось изготовлением разного диаметра веревок из конопля. Этой культурой засеивались значительные площади. Их не охраняли. Народ не имел понятия, что из этого растения

можно приготовить какое-то зелье или еще лучше – побегать по цветущим полям нагишом и затем собрать с тела прилипшую цветочную пыльцу.

Утром, как и договорились, собрались у моста и берегом реки направились по намеченному маршруту. Идти было нелегко. По галечниковой пляжной полосе идти босыми ногами вообще было не комфортно. Часам к одиннадцати добрались на место. Большой хозяйственный двор, постройки в виде вытянутых амбаров, вероятно для хранения сырья и продукции. Во дворе лежала куча аккуратно связанных снопов конопли, некоторая часть была разбросана. В стороне стоял механизм, напоминающий веялку. Отдельно лежало несколько куч каких-то деталей. Ребята начали копаться в них, из которых извлекли небольшие колеса, которые могли подойти только к тачке. Тачка в то время была основным домашним транспортным средством. Ребята скомандовали, что пора отправляться домой. Я стояла на середине двора и уже направилась к выходу в полном недоумении целесообразности своего прихода. Но вдруг мой взор остановился на большом мотке толстой веревки, лежавшей в конце двора у забора. Этот моток, умело скрученный, в виде столба длиной около одного метра и в диаметре сантиметров шестьдесят. Веревка темно-серого цвета, толстая, набита обломками острых щепок от остатков ствола конопли. Нести этот моток приходилось впереди себя и эти обломки не только царапали руки, а просто впились в тело. Вдобавок галечник и мелкая дрсва раскалились на солнце и обжигали ноги. Ребята видели, какая у меня тяжелая и неудобная ноша и сказали мне: «Валька, брось ты эту веревку. На гад она тебе нужна!». Бросить на берегу мне было жалко, а нести назад не хотелось. С большими трудностями, далеко за полдень, мы добрались до дома. И вот здесь меня поджидала неожиданная неприятность. Родители, узнав, где я добыла эту трофею, в один голос строго приказали «отнести ее и положить на то место, где она была взята». Для меня это был просто удар. Не послушаться я не могла (я была послушным ребенком), а нести назад не было никаких сил. Я начала плакать и просила не заставлять меня идти назад. Тетя на повышенных тонах говорила: «Ты хочешь, чтобы нас немцы на этой ве-

ревке повесили всех в первый же день своего прихода?» Но здесь бабушка заступилась за меня, сказав: «Геть от дивчины! Шо цэ за лыхо вона звершила? Дывись – вчипылись за цю бичевку!» Наконец, веревку решили спрятать в конце огорода у плетня, в зарослях крапивы и кустарника колючей дерезы. Так она и пролежала там до весны, а летом и до глубокой осени она оказала много добрых услуг не только нашему дому, но и соседям ближним и с прилегающих улиц. Сено для коров перевозили на повозках в виде стога, увязывая веревками. До войны эту работу выполняли мужчины, у них был весь инвентарь. Теперь все легло на женские плечи, а снаряжения для упаковки сена при перевозке у них не было. И вот, чтобы перевести сено с поля, необходимо было дожидаться очереди. И многие хозяйки потом были благодарны мне.

После нашего похода ребята предложили мне заглянуть на «свистюлькину фабрику». Так мы называли предприятие по изготовлению черепицы для крыш домов. Все крыши были в основном сделаны из камыша, а если у кого она была покрыта черепицей, – это считалось «очень круто», как говорят сейчас. Там был цех по изготовлению красочных глиняных птичек с несколькими отверстиями. В одно из них наливалась вода, а потом с силой нужно продуть второе отверстие. И при определенном соотношении в птичке воды и воздуха раздавались красивые, свистящие трели. Поэтому между собой и называли это предприятие «свистюлькина фабрика». После похода на «лубзавод» ребята настоятельно предлагали посетить и эту фабрику, но я наотрез отказалась от этого предложения.

К этому сюжету относится и другое немаловажное событие, которое произошло в последний день отступления немцев. Последние отступали не на машинах, которые ушли первыми, а небольшими группами, и в основном на лошадях. Зима была лютая. Спускались со стороны предгорий – Урупского совхоза. Были измотаны и уставшие. Наше первое жилье и являлось базой, где можно было, хотя бы немного передохнуть. Поздно вечером во двор заехало двое всадников. Освободив коней от уздечек, немцы поставили своих лошадей у стога сена, который горделиво возвышался в нашем дворе. Молча всадники вошли в дом, и, бросив шинели на пол, расположились на отдых.

Была полночь. Немцы спали. Мать вышла на улицу. Стояла гробовая тишина. Подошла к застоявшимся лошадям, сняла с них всё: сёдла, сбрую и отнесла в огород, спрятав в снопы кукурузных стеблей. Затем застоявшихся и замерзших животных тихонько вывела за двор, и они побежали по замерзшей дороге, создавая четкие конские отзвуки ударов копыт. Сама же мама спряталась в коровьем хлеву. Немцы, услышав топот, видимо решили, что вошли в станицу наши бойцы, стремглав выскочили и убежали. На следующий день, к величайшей радости, наши бойцы вошли в станицу. Радость была беспредельной. Это было 23 января 1943 г.

У нас в конце улицы, где она поднимается на крутой уступ второй террасы Урупа (здесь же стоял дом нашего любимого учителя по русскому языку и литературе Ивана Федоровича Садовенко), с левой стороны был скотный двор колхоза им. Н.К.Крупской! Там, в первые же дни освобождения было собрание, и мама торжественно передала руководству добытые с таким риском для всей семьи трофеи, за что получила благодарность.

С приходом Красной армии жизнь в станице закипела. Восстанавливалась власть, появились руководители колхозов, мы с радостью прибежали в школу, которая вся была забита сеном. Вместе с учителями все быстро очистили, отмыли, заготовили дров и начались занятия. Учились мы все лето без каникул, догоняя упущенное, так как совмещено два года обучения. Математику и физику преподавал Г.И. Калита. Уроки были насыщенными, он много времени уделял и дополнительным урокам без всякой оплаты, стараясь, чтобы ученики овладели необходимыми знаниями. Высокий, статный, его бессменный темно-серый костюм блистал чистотой и ухоженностью. Георгий Иванович был строг и в выражениях не утруждал себя тактичностью. Учеников частенько оскорблял. Мы его боялись. По воскресным дням и праздникам в Доме культуры устраивались танцы под небольшой духовой оркестр. Нам очень хотелось туда заглянуть и пообщаться в ином месте кроме школы. Однако нам не разрешалось туда ходить. В школе были свои вечера, где мы танцевали под бессменный аккомпанемент аккордеона Георгия Ивановича.

Шел урок физики. Георгий Иванович

объяснял нам новый материал, а потом стал нас спрашивать пройденный материал. Позади меня сидела Нюся Иванченко. Был задан вопрос: «Чем измеряется тепло?» В спину мне легонько толкнули. Это означало – подсажи. Я прикрыла рот рукой и тихо сказала – «калориями». Нюся, растерявшись, тут же ответила «Лабораториями». На что в ярости Г.И. крикнул: «Садись, Иванченко! Ты думаешь тем, на чем сидишь, а ты, Росликова, – вон из класса!» Здесь, еще в воскресенье, он выловил ребят в Доме культуры. Что было в классе, и не пересказать. С первого класса по 10-й я училась с Валею Владимировичем. Родители у него врачи. Валя был умным, воспитанным, хорошо играл на фортепиано, учился только на отлично и школу кончил с золотой медалью. Я не помню, чтобы у него были какие-либо конфликтные ситуации. Напряжение в классе дошло до предела и для Владимировича тоже. Получив на первом уроке «взбучку», мы вышли на перерыв. Второй урок – физика. Владимирович сидел за первой партой. Вдруг с задних рядов на парту ему упал небольшой кусок сала. Не раздумывая, Валя схватил его и стал усиленно мазать им стол и стул, а я, стоявшая рядом, не могла не поддержать начатое дело и натерла этим обрывком сала доску. После перерыва следы наших трудов не остались не замеченными. На вопрос кто это сделал – в классе стояла гробовая тишина. И нам пришлось признаться. Нас и наших родителей вызвали на педсовет, где вопрос о нашем исключении из школы стоял ребром. Мы оба плакали, но директор настаивал на исключении. И только голосование преподавателей не поддержало это предложение, и мы остались в школе, получив по выговору.

Прошло года два. Началась подготовка к выборам в Верховный Совет. По нашему Отраденскому району депутатом был выдвинут писатель М. Шолохов. Проводились собрания, а затем общий митинг в нашем парке. Не знаю, за какие заслуги выступать на нем от нашей средней школы № 1 поручили мне. Я очень волновалась! Мы с Наталией Ильиничной (преподаватель русского языка и литературы) готовились. Текст я выучила, и казалось – разбуди ночью, все скажу без запинки. Настал этот волнующий день. По-моему, эта была ранняя весна. В парке перед входом в кинотеатр, стояла

трибуна. Когда я поднялась, там стояли руководители нашего района. Они много говорили о величии и заслугах Шолохова. Подошла моя очередь. Я взглянула на толпу и обмерла – все, что я выучила, в одно мгновение мною было забыто, и я какие-то мгновения не могла произнести ни слова. И только Наталия Ильинична, стоящая рядом с трибуной внизу, кивком головы и улыбкой вдохнула в меня уверенность, и я на одном дыхании произнесла свою речь.

М. Шолохов приезжал к нам в станицу неоднократно, позже как депутат. В честь его приезда устраивались грандиозные праздники. Быстро сооружался ипподром. Казаки доставали свое казацкое обмундирование (бешметы, папахи, шашки, различные знаки отличия, залежавшиеся сапоги), которое в период советской власти не носили. Празднично одетые казаки устраивали грандиозные скачки. Я с великим восторгом впервые увидела, уже не молодых женщин, показавших также классное умение верховой езды.

Заканчивая свое повествование о суровых буднях детства в период оккупации необходимо отметить, что мы были целеустремленными. Почти все из нашего класса получили высшее образование. Валя Владимирович медалист, окончил Ленинградский политехнический и работал в Ростове-на-Дону. Валя Горбунова медалистка (прекрасной души человек), стала инженером-технологом пищевой промышленности. Петя Звездин после окончания физмата Одесского университета работал там же,

преподавателем; Надя Помазанова стала океанологом, окончив Одесский гидрометеорологический институт и работала во Владивостоке; Жора Садовенко окончил Ставропольский пединститут; Вася Потенко учился в Новочеркасске, впоследствии был директором совхоза; Нелля Сухорукова окончила Краснодарский медицинский институт; Вася Шапоренко (он фронтовик) работал в органах НКВД, Люба Чернятина – педагог, работала в Москве. Весьма интересная судьба Любы Семечевой. Её родители врачи и мечтали, чтобы Люба продолжила семейную традицию. Поступив в Краснодарский медицинский институт, она через полгода оставила его и в короткий срок экстерном окончила музыкальное училище, а затем поступила в Московскую консерваторию, которую успешно закончила. Я с красным дипломом, после окончания Ростовского университета по распределению молодых специалистов была направлена в Дальневосточный научный центр, где и продолжаю трудиться.

В заключение хочу сказать, что в каждый свой приезд в нашу родную станицу, меня охватывает радостное восторженное чувство предстоящих встреч: с друзьями, соседями, хорошими знакомыми, видом станицы с высоких предгорий и прекрасными пейзажами долины р. Уруп. Это чувство можно объяснить простыми словами Нонны Мордюковой из одного кинофильма, где она трогательно поет:

«...Здесь осталось мое сердце, но как же можно без него прожить!»

VII. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.Н. Арцибашев

Мои впечатления о встречах с Петром Ефимовичем Придиусом

Говорить вслух о том, что народ нынче стал черствый, редко кто осмелится. А тут, на Пленуме Союза писателей России, ко мне подошел незнакомец – невысокого роста, в годах, степенной осанки, – и обнял со словами:

Молодец уралец, спасибо за теплое слово о крестьянах, русской деревне. Я сам с Кубани, вроде бы благодатные места, но у нас с сельским хозяйством дела обстоят неважно. Земля «гуляет» и никого разлука не волнует. Это трагедия! Подрубаем сук, на котором сидим...

Так я познакомился с Петром Ефимовичем Придиусом. Он попросил у меня листочки с записями выступления на Пленуме (там все было зачеркнуто – перечеркнуто, трудно разобрать), но сие обстоятельство ничуть не смутило собеседника.

Приеду домой и опубликую в газете «Кубанские новости», – пообещал он. – Пускай народ знает, что у крестьян есть свои защитники, не дадим мужика в обиду!

Вскоре пришло письмо из Краснодара, бандероль, в которой была книга стихов П.Е. Придиуса и моя статья. И подумалось: «Видать, крепкой закваски человек, что держится земли, болеет за крестьянство...». К сожалению, в памяти не сохранились какие-то важные оттенки нашей встречи. Я понял, что затронул нечто личное в душе Петра Ефимовича. Но мы все торопимся и упускаем саму жизнь...

В июле 2001 года выпала поездка на юбилейном поезде «Транссибу – 100 лет». Писателей набралось аж три вагона: Михаил Алексеев, Валерий Ганичев, Юрий Лошиц, Владимир Костров, Николай Дорошенко, Карем Раш, Геннадий Иванов, Александр Сегень. И вдруг знакомое лицо: Придиус! Обнялись. Поблагодарил за его публикацию. Ехали до Владивостока десять дней. В Иркутске подсел в поезд Валентин Распутин. Были долгие остановки в сибирских городах, экскурсии. В частности, в деревню Овсянка под Красноярском, где жил покойный Астафьев. Он тогда находился в

больнице, и встретиться с ним не удалось. Много впечатлений, каждый из нас старался отразить свои наблюдения. Лично я вел записи в дневнике каждый день, но больше интересовался жизнью сибиряков. Увиденное – озадачило: мощный край и пустеет... Тогда-то и пришла мысль написать очерк «Удержит ли Россия Сибирь?» Рукопись была в том же году опубликована на двух полосах в газете «Завтра». Наверняка материал прочитали и в Кремле, и в Государственной Думе. Во всяком случае, громко заговорили о Сибири; туда срочно отправились министры-«реформаторы». Но им, по большому счету, было наплевать на Россию, они ее давно продали...

Петр Ефимович тоже прочитал мой очерк и при новой встрече высказал немало добрых слов. Он также вынес тяжелые впечатления от увиденного в Сибири, собирался написать об этом. Как знать, возможно, наши отношения переросли бы в дружбу, но он неожиданно ушел... Замечательный человек, с ранимой душой, волевым характером. Мог бы еще принести немало пользы и родной Кубани, и в целом России. Короткий миг и тем не менее – зарубка до крови... Так бывает, когда сводит с человеком сам Господь.

В.В. Тёр

На горе Лазоревой

Бывают люди – звёзды

«На митинге перед боем коммунист сержант Ф. Князев поклялся отомстить врагу за расстрелянную на Кубани его дочку, партизанку Шуру.

Когда сотня изготовилась к атаке, он повернулся лицом к своим боевым товарищам и, крикнув: «На месть священную за детей наших, за мной!», увлек за собой подразделение. Пластуны сбили противника с его позиции.

В ходе боя Князев был ранен в плечо, но оставался в строю и согласился уйти в санчасть, лишь когда наступило затишье».

И. Петрушин. «Пластуны Кубани», 1977.

«Когда фронт приблизился к предгорью, в Отрадной, Удобной и Спокойной сформировались партизанские отряды, вошедшие в Армавирский куст. Дислоцируясь в гористых местах, партизаны осуществили ряд боевых операций, вели разъяснительную работу среди населения. Многие из них пали смертью храбрых. В неравном бою погиб от вражеской пули комиссар Спокойненского отряда Петр Николаевич Соколов, после жестоких пыток был расстрелян гитлеровцами Тимофей Иванович Евтушенко, комиссар Отраденского партизанского отряда. В фашистских застенках скончались от пыток его жена Анна Ивановна Евтушенко и связная отряда учительница Александра Федоровна Князева...»

П. Придиус.
«Отраденское предгорье», 1980.

В этих двух отрывках, героических и трагических одновременно, упоминается имя отважной партизанки, учительницы Александры Федоровны Князевой. Ее имя начертано на мраморной плите у Вечного огня в станичном парке Отрадной.

Кто такая Александра Князева, как складывалась жизнь в мирное и военное время?

...Саша родилась 14 мая 1919 года в селе Ново-Репное Ершовского района Саратовской области. Она росла смелой и любознательной девочкой. Отец работал в свое время в батраках у зажиточного жителя станицы Удобной. Девочку серьезно беспокоил вопрос, почему одни живут сытно, а отец работает много, но в их доме часто пусто. Ответ матери Евдокии Иосифовны, кажется, не совсем ее удовлетворил...

Когда Саше исполнилось семь лет, она засобиравалась в школу. А принимали на учебу тогда детишек в 8-9 лет. Мать убеждала ее повременить, но та и слушать не хотела, просила, даже плакала. Настойчивость девочки была настолько велика, что мама согласилась и привела ее в начальную школу, которой заведовал тогда Кирилл Иванович Харланов. Он, по счастливой случайности, и стал ее первым и любимым учителем.

Саша была маленького росточка, ее не хотели принимать в первый класс. Слезы и настойчивое желание учиться растрогали Кирилла Ивановича. Он согласился посадить ее за парту, но в список учеников пока

не включать под тем предлогом, что вскоре, авось, новенькая разочаруется...

И ошибся! Все десять лет Саша училась хорошо, очень любила историю. Поэтому неслучайно поступила на исторический факультет педагогического института имени Коста Хетагурова в г. Орджоникидзе.

— Саша на одиннадцать лет была старше меня, — вспоминает ее сестра Тамара Федоровна Кушнарева (Князева). — Но я хорошо помню ее красивой и высокой девушкой, когда та приезжала на летние каникулы. Любила посидеть в темной комнате. Саша играла на гитаре и пела песни, романсы, отдельные я и сейчас припоминаю. А то неожиданно вспоминали наши счастливые дни, игры, яркие впечатления...

После окончания института Саша Князева приехала по направлению работать учителем истории в среднюю школу № 1. Тщательно готовилась к каждому уроку...

1941–1942 гг. Идет война, трудная, жестокая. Первые жертвы, слезы... Ее однокурсники уже воюют и пишут ей письма, присылают открытки, исписанные мелким почерком: как хочется им в грохоте снарядов, в отчаянной попытке выжить поделиться своим желанием и готовностью победить! В них много светлых строк, воспоминаний о прежней счастливой студенческой жизни, о мечтах больших, как небо. С ними, весточками, Саша не расстается даже тогда, когда вместе со взрослыми и подростками, учителями копает землю для противотанковых рвов под Армавиром. В минуты отдыха они согревают, придают силы.

Саша не отказывалась ни от какой тяжелой работы, хотя могла бы (папа был председателем райпотребсоюза). В сохранившемся черновике письма другу, фронтовику Коле, Саша Князева пишет (приводим выборочно): “Дорогой друг Коля! Тяжело все переживать, приходится. Я не буду падать духом, Победа будет, конечно, за нами, и мы с тобою еще будем жить, ведь мы еще молоды, наша жизнь еще впереди, молодость возьмет свое! У меня тоже сейчас есть желание идти на фронт, уже написала заявление, но еще не подала...” Сохранились записи-воспоминания мамы Саши Князевой: “Немцы подходили к Отрадной. Отец был определен в истребительный батальон. И Саша записалась туда же. Партизаны собирались уходить в лес, с ними — и дочь. Я ее просила покинуть Отрадную, но

вот что услышала: “Мама, я должна быть вместе с товарищами. Я комсомолка, мое место тоже в партизанском отряде, громить немцев, не давать им покоя. Не будет места фашистам на нашей родной Земле! Все равно, мама, победа будет за нами!” Саша много читала, любила поэзию, пела и играла на гитаре. Как захотелось мне, чтобы дочь осталась с семьей, эвакуировалась! Я заплакала. Саша обняла меня и прочитала стихотворение «Я памятник воздвиг себе нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа...» Эти стихи до последнего слова в моей душе звучат... Напоследок Саша сказала мне: “Мамочка, не плачь, мы все равно вернемся”.

В воспоминаниях мамы еще много добрых слов, которые волнуют. Сквозь строки сквозит материнская нежная любовь, которая вызывает слезы...

– Я была девочкой, – вспоминает ее сестра Тамара Федоровна Кушнарева, с которой мы встретились в домашней обстановке. – Но помню, эвакуироваться заблаговременно не разрешали (панику нельзя создавать!) и разрешили семьям коммунистов выезжать 8 августа. Машин не было. Мы выехали на подводе.

Отец, боец истребительного батальона, уговорил-таки Сашу уезжать с семьей в сторону хутора Ильич. Мы добрались к месту, а там уже хозяйничали немцы.

Вблизи хутора базировался партизанский отряд. Нас предупредили – уезжайте из Ильича. Мы, две семьи, Чертковых – 4 человека и нас – трое. У Чертковых два сына; находились в составе партизанского отряда. Оба, Василий и Дмитрий, погибли – участвовали в боевой схватке с немцами у въезда в хутор. Мы вернулись в Передовую. Вместе с отцом-партизаном ушла в отряд и Саша, моя любимая сестренка. Я помню, как ветерок трогал ее красное платье...

Полиции заставили нас вернуться в Отрадную. Отрадненский, Удобненский и Спокойненский партизанские отряды (по рассказам старших очевидцев) были разгромлены не без участия подлых предателей...

Сестра Саша, будучи связной, несла донесения остаткам партизанского отряда. Ее схватили...

Вместе с подружками в ноябре я стояла на улице Красной, когда увидела группу партизан – их вели в полицию. В первом ряду шла высокая девушка. Я в

ужасе отвела глаза, не хотела поверить, что это Саша.

Ко мне подошла женщина: “Тамара, ты видела Сашу?” Я ответила, что это не она. Потом подошла другая станичница и то же самое сказала: Саша...

Я побежала за группой уходящих партизан, их загоняли в ворота полиции. Я успела только крикнуть: «Шура!» Она обернулась. Но тут полицейский толкнул ее прикладом...

С той поры я ежедневно (в тайне от мамы!) приходила к полицейскому двору – страшному месту. Однажды незнакомая женщина шепнула мне, девочке: «Шура моет пол в полицейской столовой».

Я подошла к воротам, со слезами на глазах стала умолять охранника допустить до сестренки. И он сжалился – пустил.

Саша увидела меня, мы расплакались. А полицией: «Я вас не для того пустил, чтобы вы тут рыдали...»

Когда полицией вышел, Саша шепнула: «Тамара, меня пытаются страшно, интересуются, где папа и другие партизаны. Я молчу». И назвала имя арестованной отрядной девушки, которая выдает имена активистов (по понятным причинам я пока не могу назвать ее имя, хотя она до сих пор живет-здоровствует...).

Нашу маму (еще до ареста Саши) постоянно вызывали в полицию, избивали, пытали, все домогались, где прячутся коммунист Князев и его дочь комсомолка Саша. Как-то маму опять отвели в полицию. Я долго-долго стою на улице. Мороз страшный! От холода совсем превратилась в ледышку, уже и шевельнуться боюсь. И полицией сжалился, позвал меня в коридор. Проходит час, другой. В голове десятилетней девчонки рождается отчаянная мысль: «Если маму арестуют, кинусь на полицейского, укушу его, чтобы и меня посадили с мамой». Но маму вывели. Мы стоим за воротами. Полицией Мизин грозит: «Если муж и дочь не явятся в комендатуру, вас обоих возьму в заложники». И зло так посмотрел.

В ту жестокую морозную ночь мы вместе с мамой пешком ушли в Лабинскую, к знакомым Чертковых. Через день все же вернулись.

После встречи с Сашей вскоре всех отрядных партизан вывезли в гестапо Армавира. На словах трудно передать пережитое.

Мама вместе с одной женщиной взяли тачку (не трудно понять для чего), захватили немного продуктов и пешком отправились в Армавир. У спутницы какой-то родственник работал в гестапо каменщиком... При встрече тот сказал: «Никуда не ходите, никого не ищите. 30 декабря несчастных вывезли на Красную Поляну... Через полчаса машина вернулась пустой... Если позднее придется искать тела отрядненцев, на месте их расстрела стоит кол...»

Твердь земная провалилась под ногами несчастной Евдокии Иосифовны Князевой...

...В январе 1943 года советские войска освободили Отрадную, Армавир. Евдокия Иосифовна в Красной Поляне. Указанный земляной ров до краев был завален трупами казненных. Тела перекладывали – искали своих (часть уже увезли в город). Большинство лиц жертв были обезображены до неузнаваемости, были и настолько разложившиеся, что признать родных не представлялось возможным...

В Красной Поляне на месте казни партизан-активистов установили обелиск.

Связная партизанского отряда, мужественная учительница Александра Федоровна Князева указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года была награждена медалью «За оборону Кавказа» (посмертно).

Давно ушли из жизни родители героини, до последних дней бережно хранившие о ней святую память.

В доме Кушнаревых хранятся документы Саши Князевой.

– Мы узнали, что Саша вместе с Колей, ростовчанином, после окончания вуза доехали до Армавира (он – на фронт, она – учительствовать). Потом от него приходили письма – «треугольники» из Подмосковья, из-под Смоленска. Был бы жив – откликнулся бы! – говорит Тамара Федоровна. – Хранила открытку от Миши Ханеева – с фронта. Сердечно храним в памяти имена Сашиных однокурсников, друзей – Севы Скворцова из Попутной, Нины Галилеевой, Резник Тани...

Когда в Отрадной устанавливали памятник павшим в боях отрядненцам, мы попросили секретаря РК КПСС Г.Ю. Щеголькова написать на плитах имена партизанок Саши Князевой и Анны Евтушенко – с места их гибели положена земля...

Младшая сестра Саши Князевой – Тамара Федоровна – пошла по ее тропе – окончила учительский, а позже педагогический институты, многие годы преподавала физику и математику. Ее муж, Владимир Николаевич, фронтовик, кавалер орденов Отечественной войны II степени, “Красной звезды”, медалей “За отвагу”, “За взятие Кёнигсберга” и других наград, 18 лет учил детей автоделу в СШ № 1. Учителями стали их дети – Ольга и Александра, кстати, названная именем героической тети Саши, так как родилась с нею в один день... И внучка Таня, окончив музыкальное учебное заведение, приобщает детей к искусству – любовь к музыке и пению передалась по наследству от партизанки Саши.

...На постамент у Вечного огня возлагаются живые цветы. Приносят потомки тех, кто пал смертью храбрых, кто стойко вынес страшные пытки палачей и умер с гордо поднятой головой, кто ушел из жизни Человеком с большой буквы.

* * *

...На окраине Армавира, вдали от городских кварталов, среди зелени полей и тенистых лесополос есть место, памятное многим жителям окрестных населенных пунктов. Место страшное, овеянное множеством рассказов и былей о тысячах невинно убиенных женщин, детей и стариков. В военное время здесь находился противотанковый ров, который, по идее, должен был защитить город и его окрестности от врага. Но жестокая судьба распорядилась по-иному: этот ров стал братской могилой для 6680 мирных жителей, которых фашисты расстреляли, замучили и умертвили в душегубках в период немецкой оккупации Армавира с августа 1942-го по январь 1943 года.

В память о безвинных жертвах гитлеровцев после войны здесь был поставлен деревянный обелиск. Потом, в 1967 году, его сменила памятная каменная плита, к которой через широкое поле вела неширокая тропа.

Несколько лет назад армавирские ветераны и представители общественности обратились к руководству города с предложением создать на этом месте мемориальный комплекс. Ведь память о невинных жертвах фашизма достойна гораздо большего, чем просто могильный камень. Руководство города поддержало это предложение,

и к 70-летию юбилею Победы советского народа в Великой Отечественной войне в Армавире появилось еще одно памятное место.

Создавали его, что называется, всем миром – силами предприятий, организаций, равнодушных жителей города, общественности, администрации Армавира и Новокубанского района. Многие строительные и дорожные работы выполнены безвозмездно.

Идею памятника предложил армавирский художник Игорь Белевский. Ее тщательно прорабатывали и не раз обсуждали с общественностью города и с армавирскими ветеранами.

Центральной частью мемориального комплекса стал восьмиметровый обелиск. Гранитный памятник установлен на земляном валу. К нему идет анфилада лестничных маршей нижней части обелиска; барельеф с изображением замученных людей вверху на гранитной плите – изображение журавлей. Три птицы, словно души умерших людей, устремились ввысь. На памятнике надпись: «6680 жителям Армавира, Новокубанского, Отраденского, Успенского районов, расстрелянным и замученным немецко-фашистскими захватчиками в период оккупации в 1942–1943 гг.». Воплотил идею в жизнь местный скульптор Сергей Камышин.

Жатва

Из станицы Тбилисской, от директора районного Дома культуры А. М. Притупова, в Удобную на имя ветерана – учителя Ивана Тимофеевича Войцеха пришло письмо. Случайно познакомившись с песнями самодеятельного баяниста, он, в частности, писал: «Песня «Жатва на Кубани» чисто народная. В хоре она прозвучит прекрасно. Понравилась и другая – «Гуси-лебеди». Мне она особенно близка по своей интонации, задевает до глубины души. Непременно разучу ее».

Неожиданным и приятным был отклик незнакомого, но влюбленного в песенное творчество человека для старого музыканта. А вечером за чаем разговорились с женой о письме, вспомнили о многом – особо памятна для обоих встреча с поклонником таланта, известным композитором Григорием Пономаренко. Лет пять назад, после концерта в станичном Доме культуры,

Иван Тимофеевич встретился с ним, выразил искренние слова благодарности и сказал, что тоже пытается переложить душевные стихи на музыку, под баян. Почетный гость оживился: «Можете что-нибудь показать?». И Войцех подал листок с нотами на стихотворение Сергея Есенина «Черемуха». Г. Пономаренко, горячий поклонник русского поэта, написавший на его стихи четырнадцать популярных народных песен, буквально впился в ноты. «Мелодия действительно есенинская, – невольно вырвалось у композитора. – Мне она понравилась. Приезжайте ко мне в гости в Краснодар. Нам будет о чем поговорить».

Встреча с Г. Пономаренко так и не состоялась – сказались возраст (перевалило за семьдесят) и фронтовые ранения. Но и эти несколько минут общения с талантливым композитором будто озарили его жизнь. Ведь прожитые годы были нелегкими.

Иван Тимофеевич родился, можно сказать, в музыкальной семье. Отец и два дяди играли на гармонии, мать пела в церковном хоре. И ему повезло. В Благодарненской школе, где учился, встретил прекрасного учителя, балалаечника и гитариста Якова Ивановича Гарбузова (погиб он на войне под Ленинградом). Собрал он как-то сельских мальчишек и организовал струнный оркестр. Разучивали народные мелодии и даже произведения композиторов Шуберта, Шопена. Чуть позже научился играть на баяне, аккомпанировал ученическому хору. На районных смотрах школьная самодеятельность всегда была в числе лучших.

Под влиянием своего первого наставника Я.И. Гарбузова Иван Тимофеевич поступил в пединститут, но после года учебы его вместе с родным братом Михаилом призвали в армию и зачислили в Краснодарское авиаучилище. В годы Великой Отечественной его передислоцировали в Грозный. А вскоре курсантов отправили на передовую, в Крым. Здесь при ликвидации немецкого десанта в бою молодой пехотинец был тяжело ранен. Вынес его с поля брани родной брат, который через два дня тоже получил ранение. Иван Тимофеевич попал в госпиталь. И уже после освобождения Кубани от немецко-фашистских захватчиков инвалидом вернулся в Отрадную. Два года преподавал географию в первой средней школе.

Тяга к музыке оказалась на редкость живучей. Иван Тимофеевич играет на баяне. Как-то брат Михаил прислал из госпиталя письмо, а в нем стихи поэта Павла Крученюка. Понравились они нашему земляку, и он написал песню. Впервые она прозвучала на районной сцене в день Победы 9 мая 1945 года. Станичники восторженно приветствовали начинающего автора.

Закончив Владикавказский пединститут, И.Т. Войцех работал 48 лет в школах Малотенгинской, Удобной. Помимо географии, вел уроки пения. Его вокальная группа «Кубанушка», состоящая из школьников, выступала на многих сельских сценах, в репертуаре ее звучали песни учителя пения. А их у него сейчас 33.

– Я ведь музыкант-самоучка, – рассказывает И.Т. Войцех. – Сразу играл на слух. Нотную грамоту освоил много позже – помогли товарищи Михаил Федорович Слабиев и Анатолий Николаевич Кузнецов. Впоследствии перекладывал мелодии на ноты. Рассматривая их, Иван Тимофеевич на слух воспроизводит звучание. Рассказывает, что знаком с отраденскими музыкантами и авторами самостоятельных песен И.И. Сапрыкиным, Н. П. Мараниным, многими исполнителями. Примечательно, Войцех обращается к текстам не только известных авторов – С. Есенина, С. Орлова, Ю. Мельникова, В. Подкопаева, но и начинающих – Н. Прокудина из Апшеронска, Н. Тарасова из Армавира, А. Завгороднего из хутора Бараниковского, а также из Отрадной.

Одно время в средней школе № 7 ст. Удобной работал вместе с учителем математики Константином Федоровичем Николенко, ныне покойным, – рассказывает И.Т. Войцех. – Он писал хорошие стихи, которые печатались в районной газете. На одно из них, «Жатва», и родилась песня. Полюбилась нашим станичникам веселая песня «Марина» на стихи отраденца Владимира Карандашова. Есть в ней такие строки: «Засмущалась вдруг девчонка и не сходит с места, а в строю вздохнули звонко: «Хороша невеста».

В последние годы Иван Тимофеевич дружен с ветераном педагогического труда Александром Степановичем Яцуковым из села Благодарного. Он также давний автор районной газеты «Сельская жизнь». Совместно они написали песню «Встреча школьных друзей», которая несколько лет назад

прозвучала на школьном огоньке выпускников разных лет. Теперь ее поют и в Удобной, и в Благодарном.

Неразлучен старый музыкант с любимым баяном. Не только со сцены, в кругу педагогов, фронтовиков да и просто на сельской свадьбе любят слушать в его исполнении задушевные народные русские, украинские, белорусские, венгерские, румынские, кавказские мелодии и его собственные.

Недавно он принимал участие в районном празднике «Играй, гармонь». Нашлось много поклонников удобненского музыканта.

Он и интересный собеседник. По всему чувствуется – до седых волос сохранил юношескую любовь к народному творчеству. Неожиданно запел популярную в нашем предгорье песню Григория Пономаренко: «Это мое предгорье, это мое раздолье, это России родные края: Бесстрашная, Спокойная, Подгорная, Удобная, Попутная, Надежная – отраденская земля».

– Мелодия вроде и нехитрая, а как за душу берет, – задумчиво сказал Иван Тимофеевич. – Потому-то вот уже двадцать лет не только у нас в районе, а во многих местах Кубани ее напев будит в человеческих сердцах прекрасные порывы.

Перекрёсток

Вторые сутки раненый лежал на холодной январской земле. Боль в спине и ногах пронизывала каждую клеточку молодого, истекающего кровью тела. Глаза туманились. На островке изрытого керченского перекрестка отбитая пулями штукатурка, разбросанные кусочки кожи – видно, где-то стояла фабрика..

Мысли вспыхивали, как огоньки трассирующих в темноте пуль. Вот он бежит, путаясь в длинной шинели, тяжелый стук пулемета – и рядом падают солдаты. Стоит стон. Вот и он сам споткнулся. Пытается удержаться на ногах, поворачивается и – толчок в спину, который опрокидывает наземь.

Он, наверное, застонал. Кто-то низко наклонился: в свете дальнего огня открылось бледное лицо незнакомого солдата.

Парень оттащил раненого под стену ближнего дома, потом еще двоих. Кто он?

Мысли, как голыши, ворочались в казавшейся огромным шаром голове...

На рассвете на перекресток улиц откуда-то выскочили немецкие танки. Гусеница проехала по ногам ближнего убитого.

И раненый со стоном закрыл глаза.

...В темноте кто-то тронул его за плечо: живой ли? Санитар. Он приподнял голову раненого, посмотрел в глаза: «Пей!»

Жгучая водка согрела, но ненадолго. И боль не утихала.

Через несколько часов на него наскочили связные. Сколько несли на себе – не помнит, только город остался уже позади. Передали санитарам, которые занесли его в палатку, где лежало уже несколько окровавленных солдат. Обработывали раны быстро: на очереди были другие.

Ночь кончилась, рассветало. Виднелись одноконки и полуторная машина.

– Офицера сюда! – кричал солдат с кузова. Рядового Богачкова уложили в полуторку.

Поселок Опасный, палаточный городок. Раненого занесли в землянку. Здесь уютнее и безопаснее. Это он почувствует во время ночной бомбежки. Многие погибнут, так и не успев получить медицинскую помощь.

Утро. Самолетик У-2. Летчик-грузин нервничает. В числе «тяжелых» в тыл отправляют и Богачкова, забинтованного с ног до головы. Самолет летит над морем. Летчик шепчет молитву и за себя и за тех, кто подвешен на носилках у него за спиной. Но небо чистое, нет «мессершмиттов». Колеса касаются земли: посадка. Грузин поворачивается и улыбается облегченно. Через несколько минут он вновь улетит на передовую. Там ждала его новая партия раненых.

Станица Запорожская. Деревянный амбар. Хирург осматривает больных. Лицо усталое, напряженное, взгляд цепкий. Богачков слышит: «Гангрена. Надо ампутировать ногу». Операция. Палата. Солдат приходит в сознание. С ним беседует такой же раненый, который назвался Иваном, родом из Куцевской.

– Где твой наган? – спрашивает.

– Какой наган? Я не офицер, солдат...

Как потом выяснилось, Богачкова по накинута на него в спешке шинели с лейтенантскими погонами признали за офицера. И обходились с ним, как с командиром. И только сейчас до него дошел смысл слов, сказанных солдатом с полуторки: «Офицера сюда!», и землянка под бомбежкой, и роб-

кий девичий голосок: «Такой молоденький, с курсов, видать, только, и так искалечило!..» Командиров на фронте не хватало, они всегда шли впереди и погибали первыми, потому-то старались быстрее поставить их на ноги. Но для Ивана, офицера, повидавшего всякого на фронте, узнавшего цену солдату в сложных ситуациях передовой, не было разницы, кто перед ним: офицер или рядовой. Потому-то он и был внимателен к тяжелораненому.

В палату вошла пожилая санитарка.

– Няня, почешу ногу...

Та, подойдя к кровати, осторожно поправила одеяло. Отвела в сторону взгляд и тихо сказала:

– Миленький, нет ее у тебя...

Медленно и нудно тянулись бессонные госпитальные дни и ночи. Бесконечные перевязки, уколы, стоны раненых и умирающих. Богачков утешал себя тем, что вспоминал родных и близких. Почему-то перед глазами вставал образ одного соседа Шурупова, ставшего инвалидом в Гражданскую. Тяжело ему было справляться и по хозяйству, и семью кормить, и налоги выплачивать. «Лучше умереть, чем жить калеккой», – решил солдат. И он почти не ел.

Сочи. Санаторий – 1 НКВД. Богачков по-прежнему голодал, силы его таяли. Однажды ночью он уничтожил письма и фото, другие документы. Свидетельство о рождении спрятал в подоконник. Когда же его спрашивали: откуда, мол, родом, говорил – с Украины, которая в ту пору была оккупирована фашистами. Но санитарок трудно обмануть. Как-то его отнесли в перевязочную, а тем временем отыскивали свидетельство, узнали, где живут его родные.

В один день в палату на имя Гавриила Богачкова из Передовой пришло сразу 27 писем. От друзей, родных, соседей и девчонки – одноклассницы Марии. От нее аж сразу три. Писчей бумаги, видать, не нашлось. Они были написаны на газете. В каждое слово вчитывался и в душе что-то шевельнулось. Ждут!

Конец голодовке. И стали приходить письма в далекую казачью станицу из госпиталя. Мария, Маша – до войны она нравилась Гавриилу, а родители называли друг друга сватами. И в шутку и всерьез. Но теперь, находясь в госпитале, он все чаще думал о ней.

...На костылях вернулся в родную станицу Богачков. Стоял знойный июль, над цветами жужжали пчелы, отправлялись в поле колхозницы.

А где-то далеко еще шла война, лилась кровь.

Ко двору родителей приехал председатель колхоза «Красный Уруп» Максим Акимович Бородин, поговорил по душам, расспросил о делах фронтовых, а потом сказал, что для него правление выделяет пуд муки, бутылку подсолнечного масла, килограмм соли и килограмм шерсти. Сегодня это может показаться и смешным, а тогда, в военную годину, это было целое состояние.

И еще раз приехал председатель к Гавриилу Богачкову:

– Назначен весовщиком в звено полевых – рекордистов. Жить будешь на птичнике. Питание тебе положено такое: десяток яиц и литр молока с фермы. Договорились.

А Мария? Ухаживал за ней Гавриил. В феврале 45-го его избрали председателем ревкомиссии колхоза, а в ноябре они поженились.

С той поры много воды утекло в родном Урупе.

Как-то с женой, Марией Алексеевной, они поехали в сочинский санаторий. Отыскали тот самый госпиталь, где лечился, получал письма, мечтал о встрече. Теперь он носил новое название – «Салют».

Зашли в помещение, осмотрели стены. Они о многом напоминали старому солдату Гавриилу Васильевичу Богачкову. Откуда ни возьмись, появились медсестры, врачи: «Вы здесь выздоравливали?» Старый солдат улыбался, а по щекам катились слезы.

Памятник на холме

Уходили на фронт Ручкины, Суровы, Збарские, Гусевы, Калюжные... Не было такой семьи в хуторе Новоурупском, которая не провожала бы на защиту Отечества своих мужей, сыновей, братьев. И редко кто из них не окидывал взглядом гору Лазориковую, зеленые холмы Отрадненского предгорья. Тогда не задумывались даже, что через десятилетия на одном из них благодарные потомки воздвигнут памятник, на каменных плитах которого будет начертано, возможно, и его имя среди павших в Вели-

кой Отечественной. Пришедшие 9 мая к этому, теперь уже священному месту возложили цветы, постояли в суровом молчании, и чья-то горячая слеза упала на постамент.

Ивана Михайловича Збарского мы встретили зимним вечером на берегу Урупа. Угасли за изломанным горизонтом багряные отблески солнца, колючий ветер лохматил усохшие травы, тоскливо поскрипывало старое дерево на взгорье. В редкие минуты приходит сюда ветеран. Пришел и сегодня он, один из тех наших соотечественников, кто хранит в памяти многое, что дорого нашему сердцу, кто старается увековечить подвиг солдата. Но все по порядку.

Лет несколько назад открывали в Новоурупском ленинскую библиотеку. После торжественного митинга подошел Иван Михайлович к одному из руководителей района.

– Многие наши хуторяне не вернулись с войны. Пройдет время, и сотрутся в памяти имена земляков. Хотелось бы на самом видном месте стелу в честь их установить.

– Очень даже кстати ваше предложение. Сможете подготовить списки погибших?

Тот давний вечер был вечером воспоминаний.

...Колхоз с одноименным названием хуторка слыл богатым. С окрестных полей его труженики снимали щедрые урожаи. А когда приходила пора, весело играли свадьбы, украшая свезенные со всех дворов столы всякими разносолами и снедью. Молодежь собиралась на лужайке у самого Урупа, тогда еще широкого и бурного, пела песни и частушки, устраивала пляски под гармошку и балалайку. Звонкие переливы мелодий далеко слышались окрест. А по весне холмы пестрели яркими степными тюльпанами и оранжевым горичцветом – лазориками, и радостью наполнялось сердце и почтенного казака, и красной девицы с косою до пояса.

Новоурупской славился скакунами. Их растили, холили для армии и называли «фондовскими». Старшим на конюшне, ездовым, был Андрей. Почистить, промчаться на скаку по улице, искупать в Урупе коня для мальчишек, и особенно для Иванки, младшего в мужском роду Збарских, не расстававшегося с солдатской пилоткой,

подаренной старшим, кадровым офицером Василием, считалось за честь.

Но вот по всей матушке России загремело тревожное: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!». Как в Гражданскую, сборы были недолгими. Хуторяне провожали мужчин на фронт. Ушли вместе с ними и братья Збарские. Воевали как все. В ноябре 43-го получили письмо от Андрея, который сообщал из Киева, что тяжело ранен. Мол, буду жив – напомним о себе. Это была последняя весточка. Вскоре пришло официальное сообщение: «Умер от ран...»

Через месяц еще одна черная весть – при освобождении Мелитополя от фашистских захватчиков погиб Василий. И осталась вдовой с дочуркой на руках молодая жена. Не вернулись с войны братья Григорий Макарович и Алексей Макарович Збарские.

...Крепким сном спал степной хуторок. Иван Михайлович, взволнованный воспоминаниями, вновь и вновь мысленно возвращался в прошлое. Как живые, земляки вставали перед ним...

Осиротел Новоурупский. На смену старшим в дела колхозные впряглись, другого слова и не подберешь, подростки. Брата Андрея сменил на конюшне влюбленный в лошадей Иван. Пас табун на крутосклонах, запасал на долгие зимы корм. Среди местных парней не было ему равных в конных скачках, которые проводились в послевоенное время на праздниках. Году в 50-м знатный коневод Василий Михайлович Замятко пригласил в числе лучших джигитов предгорья и Ивана Збарского на краевые соревнования по скачкам. Казацкую удаль продемонстрировали в Краснодаре отрядненцы: Иван Посевин, Иван Съедин и Иван Збарский. Был бы жив Андрей, как бы порадовался успеху своего повзрослевшего брата в черкеске и кубанке с красным верхом!

Постепенно налаживалась жизнь в хуторе. Заговорили селяне об электрификации в районе. Увлекло новое и Ивана. Закончил курсы электриков, – теперь вручную вместе с другими энтузиастами ставил в степи опоры, протягивал линии электропередачи. И в жару, и в зной. И зажигались лампочки в хатах станичников и хуторян.

Уже в зрелом возрасте сменил Збарский лопату, плоскогубцы и когти верхолаза на баранку автомобиля. Водил машины по полям колхоза имени XX партсъезда, недосыпал в жатву. После реорганизации стал

трудиться в созданном опытно-производственном хозяйстве. Орден Трудовой Славы, медаль «За трудовую доблесть», грамоты – награды за безупречную работу. Вышел на пенсию, но никак не мог расстаться с привычным делом, влекли дороги...

После того памятного вечера списки погибших Иван Михайлович передал по назначению. Да только шло время, а до осуществления задумки было еще далеко. Не будем описывать всех перипетий, которые встречались на пути беспокойного хуторянина. В канун 45-летия Победы опять напомнил о памятнике руководителям Иван Михайлович. И тут лед, как говорится, тронулся. К его созданию немало приложили усилий директор ОПХ и председатель сельского Совета, инженер и кузнец, слесарь, ответственный секретарь районного отделения ВООПИК и сварщик, вездесущие строители и художник райцентра, и земляк-писатель. Бывало, улучит минутку и появится на холме Збарский: все ли так, как задумывалось, все ли имена новоурупчан начертаны на мраморной плите – никто не должен быть забытым.

На торжественном митинге выступил и разволновался Иван Михайлович. Все, кто знал о его благородном порыве, выражали свою благодарность. На постамент легли живые цветы. Среди них нельзя было не заметить бархатные красные степные тюльпаны и оранжевый горичвет как символы любви и разлуки в скорбный час – в память о тех, кто не вернулся в родной дом, погиб героически.

Недавно в хуторок в гости к Ивану Михайловичу приехал друг детства Н.В. Щербинин. Поднялись на холм, склонили головы. Пишет земляк, писатель Иван Николаевич Бойко. Его интересует история хутора, в произведениях которого он назван Труболетом. И Збарский по крупницам собирает уникальные данные.

Взору каждого, кто въезжает в хуторок Новоурупский, открывается панорама: на высоком холме – памятник погибшим воинам, в лучах солнца сияет орден Отечественной войны.

* * *

Василий Данилович Косухин, подполковник в отставке, ответсекретарь Отрядненской районной организации общества охраны памятников истории и культуры,

Заслуженный работник культуры Кубани рассказывал:

– В 1989 году администрация опытно-производственного хозяйства установила памятник, начертав на нем имена 53 павших в боях.

Иван Михайлович Збарский продолжал поисковую работу, выявил имена еще 26 земляков, не вернувшихся с полей войны. Теперь и они нанесены на мраморные плиты. Средства на эти цели выделили руководитель творческого центра «Отрада» Шота Алексеевич Игитханов и глава Отрадненской сельской администрации Владимир Борисович Румянцев. Низкий поклон и благодарности им от жителей хутора Новоурупского!

...Пятнадцать лет назад мне сообщили печальную весть: Иван Михайлович ушел из жизни. Весь хутор провожал его в последний путь...

А.Н. Ложкин

Славянский ход-1992. Путевые записки

*Посвящается светлой памяти
моего духовного отца,
протоиерея Виктора Федоровича Райша,
которому 9 марта 2017 года
исполнилось бы 70 лет*

*«Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой...»
А.С. Пушкин*

...В протоке Пыр-Сим наш «Омик» выглядел динозавром, вздумавшим искупаться в лужице. С обеих сторон наваливались берега. Временами судно почти останавливалось – будто невидимая рука, ухватив за корму и подержав, нехотя отпускала. Мы пошли этой протокой, желая спрямить путь до Берёзова. Однако, при ближайшем рассмотрении, она оказалась несудоходной. Назад поворачивать было поздно. На мостик поднялся о.Виктор, осмотрелся: «Не падайте, братья, духом. На все воля Божия. Идемте, сверим наши планы».

Здесь необходимо сделать некоторые пояснения:

Итак, 5 июля 1992 года, после акафиста Иисусу Сладчайшему, помолясь на дорожку, в 22:30 мы вышли из Сургута в Бе-

рёзово. Вышли несколько ранее намеченного срока во избежание излишнего шума в средствах массовой информации, что неуместно в начале любого серьезного дела.

Теплоход «ОМ», команда из четырех человек, как показало путешествие, милейшие люди.

Экспедиция наша проходит в рамках всероссийского Славянского хода. Миссия, как и год назад, смешанная – религиозно-культурная. По линии православия крещение и исполнение треб, снабжение религиозной литературой. Сургутская Свято-Никольская церковь представлена была настоятелем – о.Виктором Райш и диаконом Василием Чеплак, они трудились и путешествовали в сопровождении обеих матушек – Людмилы Райш и Анны Чеплак.

Меня, учителя музыки, и двух моих учеников-фольклористов Родиона Райша и Таню Корченкину, интересовали народные традиции: песни, обряды, игры. Целью нашего путешествия было обследование района от Сургута до Берёзова на предмет музыкальной этнографии. Удобство положения состояло в том, что почти все бабушки приходили к месту крещения – не ленись, записывай воспоминания далекой юности. Для тех, кто обезножил, мы делали исключение – шли к ним сами.

Фотохудожник Георгий Николаевич Корчёнкин находится в свободном поиске. Он не любит говорить о своих творческих планах. Но, спустя несколько лет, выпустит фотоальбом «Вера», куда будут включены материалы нашей экспедиции.

По пути в Берёзово во многих пунктах приставали и давали объявления, что на обратном пути вновь посетим эти села, чтобы люди были готовы.

Как показала практика, доверить информацию можно клубным работникам. Представители же местной власти в ряде случаев показали себя людьми с ограниченной ответственностью.

Прибыли, без всяких приключений, в середине ночи с 7 на 8 июля. Утром осмотрелись. За трапезой о. Виктор заметил: «Церковь здесь есть, только бывшая. Ни крестов, ни куполов».

Трудно представить будущее народа, у которого нет настоящего, а всё – бывшее. В том числе – и святые.

Из дневника экспедиции

Березово

Встретили нас хорошо. Крестили в здании поссовета, крещено двадцать пять человек, двое погружено. Народу могло быть и больше, но толком не успели оповестить. Вместе с юными фольклористами записали от переселенки Карповой Веры Авксентьевны рассказы о русской и зырянской свадьбе, несколько прекрасных свадебных песен. Дети сфотографировали зырянку в национальном костюме.

Через пару дней ждут прибытия в Берёзово миссии ЕХБ. Богатейшая, прекрасно организованная конфессия имеет свою резидентуру в Берёзове. Что могут противопоставить бедные православные приходы? Только Веру, да Любовь к своему народу, знание его истории. Мы другие, и имеем право таковыми быть. И нет необходимости это доказывать.

«...В 1727 году прибыл в ссылку в Берёзово князь А.Д. Меньшиков...

Граф (1702 г.), князь (1705 г.), светлейший (1707 г.) **Александр Данилович Меньшиков** (6 (16) ноября 1673 г., Москва – 12 (23) ноября 1729 г., Берёзов, Сибирская губерния) – русский государственный и военный деятель, ближайший сподвижник и фаворит Петра I, генералиссимус (1727 г.), первый Санкт-Петербургский генерал-губернатор (1703–1724 гг. и 1725–1727 гг.) президент Военной коллегии (1719–1724 гг. и 1726–1727 гг.).

Единственный русский дворянин, получивший от русского монарха титул герцога («герцог Ижорский», 1707 год). После смерти Петра I способствовал воцарению Екатерины I, стал фактическим правителем России (1725–1727 гг.): «первый сенатор», «первый член Верховного тайного совета» (1726 г.), при Петре Втором – генералиссимус морских и сухопутных войск (12 мая 1727).

В сентябре 1727 года подвергся опале, лишён имущества, званий, наград и сослан с семьёй в Сибирь, где через два года умер.

Меньшиков вместо бывшей сначала приходской, а потом – до 1725 г. монастырской, ветхой деревянной церкви... построил своим иждивением и личным участием в работах, деревянную же церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы с приделом Св. Ильи Пророка. В эту

церковь князь ходил с детьми каждодневно приносить молитву Богу и исповедовать свои согрешения...

Сам Меньшиков в октябре 1729 года умер и похоронен близ алтаря построенной им церкви во имя Рождества Богородицы... На место Меньшиковых вскоре же было прислано семейство кн. Долгоруковых... Старики Долгоруковы вскоре же умерли и погребены близ Богородице-Рождественской церкви, а дети, вследствие вновь сделанного на них в Берёзове доноса, пережили еще много несчастий.

В 1742 году место Долгоруковых занял граф А.И. Остерман с супругою, но через пять лет скончался и похоронен в 22-х саженьях от церкви, построенной Меньшиковым, на могилах обоих их и до сих пор существуют высокие черные деревянные кресты, водруженные, увы, не родственною, но совершенно чуждою рукою».

С точки зрения здравого смысла Богородице-Рождественскую церковь в Берёзове следовало сохранить в неприкосновенности. Хотя бы как памятник истории.

С юными фольклористами мы обошли березовских бабушек. Почти все переселенки. Собрали неплохие материалы по годичному кругу, свадьбе. К сожалению, материалов этих мало.

Шеркалы

Прибыли 9 июля в 8 часов утра. Крестили перед зданием бывшей церкви. Сейчас в стенах церкви клуб, бильярдный стол у входа, ударная установка в алтаре; над куполом надстроен второй этаж – библиотека. Наверх ведет лестница, перила с нотным станом. Оригинально для клуба. Раньше к вершинам духовности вела Лестница, она уходила в Бесконечность. В те Небеса, которые над голубым куполом.

Потомкам осталась лестница из 12 ступенек и 7 нотных знаков. Это конец восхождения, дальше пути нет.

Спасская церковь Шеркальского погоста, заложенная в 1904 году на месте обветшалой деревянной церкви XVIII века, сохранилась только в своем основании – нижних объемах. Ее фасады отделаны в традиционном русском стиле. Украшенные сдвоенными пилястрами и неглубокими прямоугольными нишами, они выглядят спокойно и торжественно.

В 1961 году к церкви был пристроен кинозал, в 1968 году здание оштукатурено и побелено.

За период эксплуатации здания в качестве церкви не последовало значительных изменений в его облике. Все перестройки были вызваны приспособлением здания под сельский Дом культуры.

Здесь прекрасный этнографический музей. Хантыйская экспозиция. Помог председатель сельсовета. Поселок маленький, люди в нем большие. А дело, которое они делают, – великое. Дай им, Бог, доброго здоровья.

В Шеркалах, по рассказам бабушек, утопили в 30-х священника в Оби. Просто сбросили с парохода в ледяную воду...

Крещение вылилось в светлый праздник. Зеленая травка. Солнышко, березки. Заметно, что в какой-то миг человек словно сбрасывает маску и становится самим собою. Окрещено 144 человека, погружено 8.

Параллельно трудилась этнографическая группа. Представителей местной традиции здесь, как и везде теперь, мало. От Устины Федоровны Антонеску, переселенки из Западной Украины, записали колядки. Бабушка волновалась и постоянно сбивалась на плач – такую бурю чувств поднимали колядки детства, далекой и недоступной теперь родины.

Этих людей, много и безвинно страдавших, называют либо казенным словом спецпереселенцы, либо «колонки». В дальнейшем будем именовать их просто переселенцами. В 16 часов окончили, благословясь, отплыли.

А я, забившись в свой уголок, вновь и вновь спрашивал себя: как я оказался в этой своеобразной компании?

Ответить на этот непростой вопрос удовлетворительно мог бы человек, хорошо знающий мою жизнь. Но кто мог ее знать лучше меня?

И вот, укрывшись в своем уголке после вечерней молитвы, я предался воспоминаниям.

...Родился я на маленьком хуторе Свободный пахарь Челябинской области, в отрогах Уральских гор. Раннее детство воспоминалось как сплошное лучезарное утро. Крошечный домишко дедушки вмещал две семьи: жили в нем дедушка с бабушкой, мои папа с мамой и я, младенец Анатолий.

Из 12 кв. м площади 2,5 м занимала русская печь. Но жизнь на оставшихся девяти квадратах не удручала – она буквально звенела от радости.

Первый ребенок в семье, первый внук, я всем был нужен, всеми любим. Но особенно близкой оказалась мне бабушка Марина. По крови мы не были с ней родственниками, но с рождения она выносила меня на руках. Поскольку своих детей у нее не было, то я оказался ее первенцем.

На четвертом году моей жизни родители переехали в райцентр Уйское. Ютились в землянке. И вот, в эту земляную нору, принесли из роддома крохотную мою сестричку Любушку.

Папа был шофером, работал, не считаясь со здоровьем, день и ночь. Уже через год мы перешли из землянки в новый, капитальный дом.

Народ наш в те послевоенные годы жил небогато. Родители людьми были не учеными. Образовательный ценз мамы составлял 4 класса, папа осилил только три. Интересно, что они были музыкально одарены и прекрасно пели дуэтом.

Развлечений в то время у народа было не много. В те редкие дни, когда папа был дома, мы выходили всей семьей и рассаживались на завалинке. Подходили соседи, просили: Коля, Прасковья, спойте!

Репертуар, состоящий из народных песен, у родителей был солидным, но особо любимыми народом были два «жесточких романса»: «Луна» и «Разбудил меня шум». В первом говорилось о некоем молодом человеке, который будучи разбойником, убил своего родного отца. Текст второго романса был безусловно авторского происхождения и повествовал о юной цыганке, которая, не пережив измены возлюбленного, покончила с собою.

Я с детства отмечен был вниманием Божьим. Выражалось это внимание тем, что во всех непростых обстоятельствах, которые складывались не по моей вине, Господь всегда протягивал мне руку помощи. Но как только начинало проявляться живущее во мне беззаконие, Создатель сурово предостерегал меня, не давая беззаконию возрасти, укорениться и дать плоды. На всю жизнь запомнилось мне одно из первых проявлений моего «Я», имевшее отрицательный характер.

Дело в том, что в роду нашем – ни с папиной, ни с маминой стороны – никогда не было уголовников. И очень мудро и своевременно была пресечена моя первая попытка встать на недобрый этот путь.

Друг моих детских лет, Толя Густов, жил через дорогу – напротив нашего дома. Папы у него не было. Его дедушка сделал внуку деревянную лошадку. До обеда мы по очереди катались на ней. Затем товарища позвали к столу. Я схватил лошадь, притащил ее домой и начал прятать. Мама, делая вид, что не понимает моих действий, спросила:

- А что это сыночек мой делает?
- Лошадку прячу.
- А зачем? А чья это лошадка?
- Толи Густова.
- Он отдал ее тебе?
- Нет, я сам ее взял.
- Так ты ее украл?
- Нет, просто взял.
- Ты украл ее!

Видя, что побудить меня к раскаянию не удастся, мама, имеющая несомненный актерский дар, закрыла лицо руками и завыла, как воют над покойником.

– Мой сынонька – вор! Он украл у друга лошадку! Вот, придет Черный Ворон, заберет нас всех милиция, и посадят нас в тюрьму!

Перспектива оказаться в тюрьме расстроила меня. В то время живы были еще в народе воспоминания о тюрьмах и лагерях. И я, в свои 5 лет, наслушался таких леденящих душу историй достаточно.

Мама продолжала голосить. Стал и я потихоньку подвывать.

– Ты хочешь в тюрьму? – вскричала мама.

- Нет-нет, я боюсь...
- Тогда давай отнесем с тобой лошадку на место, вызовем Густика с дедушкой, ты им все расскажешь и попросишь прощения.

Я согласился. Надо заметить, что на обратном пути лошадка значительно потяжелела. Легко, оказывается, воровать, да трудно возвращать ворованное.

Забросив лошадку во двор друга, я пытался бежать, однако мама строго остановила мой порыв.

– Ты забыл, что обещал вызвать дедушку и Густика и сказать им всю правду?

Вызвали хозяев, и мне пришлось ска-

зать им, что я украл, назвать себя вором.

В народной нашей традиции воспитания был, оказывается, такой прием: через публичное покаяние вырвать грех из своего сердца. И прием этот взят был из православной педагогики.

Благодаря этому опыту я и получил сильнейшую прививку от воровства на всю дальнейшую жизнь.

Сергино, 9 июля

Прибыли в 19 часов. По договоренности с главой местной администрации крестины должны быть во второй половине дня. На пристани встречающих нет. Звоним в администрацию.

– Знаете, мы Вас ждали во второй половине дня. Сейчас надо где-то искать автобус. И с клубом ничего не получается, продали билеты, в 20 часов будет фильм. Что же делать?

Делать всегда нужно то, что более необходимо, и администрация сочла более необходимым показ фильма, чем крестины.

А мы отправились дальше.

Октябрьское

Прибыли рано утром, в 9 часов были в исполкоме. Здесь нас тоже «ждали», мы сразу увязли в толще согласований. Количество облеченных властью, у кого предстояло получить разрешение на крестины, стало расти как снежный ком. Круговорот дальнейшей волокиты вынес нас на управляющего делами администрации г-на Макарова.

– Почему вы запрещаете нам проводить в клубе крестины? Видите, на улице холодно.

– Я по убеждениям атеист. И вам проведение религиозных обрядов не могу ни разрешить, ни запретить.

– «Да» или «нет» – прочее от лукавого. Скажите прямо: да или нет.

– Я не говорю ни «да», ни «нет».

Хозяин показал себя истинным ленинцем – насколько нестигаемым, настолько и лукавым.

Атеизм его антиправославен, поскольку иностранных миссионеров год назад в Октябрьском встречали с ковровыми дорожками. Таково же и окружение. Поговоришь с каждым в отдельности – хорошие, довольно милые люди. Но все вместе – клубок, система, порочный круг, разорвать

который простому смертному не хватит ни сил, ни самой жизни.

Уже на пароходе, анализируя эту встречу, о. Виктор сказал: «То, что они порушили – восстанавливать не будут. Но и продолжать ломать дальше мы им не позволим!».

Большой камень

Прибыли 10 июля в 12 часов дня. Недалеко от причала в Оби действительно лежит огромный камень, невесть какими судьбами сюда заброшенный. Селение бедное и забытое. К нашему приезду закончилось собрание, где совхоз преобразовывали в колхоз. Ясно одно: зарплату больше платить не будут. Практически же выплат нет с февраля. Говорят, что не дают даже пособие на детей и не на что купить хлеба. Матушка Людмила заметила, что, по сравнению с прошлым годом, люди обозлены и во всем разуверились. Местные руководители уверены, что все происходящее сегодня – это мистификация, эксперимент на живых людях в масштабе всей страны.

Погода стояла слякотная, поэтому крестили в клубе. Окрещено 22 человека, погружено 10.

Клуб на окраине села, дальше живет Петров, еще дальше – кладбище. Клуб в народе называют «Петровка-38», в центре поселка есть хорошее пустующее здание, но под клуб его не отдают.

Неподалеку – заброшенный концлагерь. Жив еще самоохранник. Строили дорогу на Салехард. По словам очевидцев, погибли тысячи людей. Но во имя чего? Если во имя дороги – то где эта дорога; во имя идеи – то где идея?

Лагерь назывались исправительно-трудовыми и преследовали цель путем упорного труда избавить человека от иллюзий прошлого: морали, совести, патриотизма. И добивались цели, заменив «пережитки» единой моралью: физиологического выживания любыми средствами.

Закон Божий повелевает воздвигать церкви. Закон биологический – концлагерь. Господь не отнимал у чад своих свободы воли, и мы, отринув тысячелетнее установление предков, выбрали второй закон – закон выживания. Что же сетовать, коль скорбен путь.

Здесь, как и везде по селам в низовьях

Оби, много переселенцев. Кузовникова Елизавета Кузьмовна, уроженка Алапаевска, рассказывает: «Когда выселяли, то забрали все. Сказали, что на новом месте дадут. Всю скотину забрали. Обманули, конечно, не дали ничего. Заново пришлось начинать жить. В 1933 году здесь был страшный голод, грибы ели, что на навозе растут, всё ели... Тятю голодом уморили. Чё пережито, дак не одну книгу можно написать доброму человеку...» Таких свидетельств сотни. Старики рассказывают такое, что ноги к полу примерзают от ужаса: по сравнению с этими историями «Блокадная книга» А. Адамовича покажется рождественской сказкой для малышей. А книг о страшных событиях 20–50-х годов все нет и нет. Видно, добрых людей поубавилось.

Пенсионер Карл Давидович – немец. Выселен из Поволжья.

«В Поволжье жили мы крепко. Когда выселяли – то переписали все имущество, всю скотину и обещали вернуть здесь. И ничего не вернули». В избушке, которую хозяин называет «фазендой», собака и кошка. Узловатые, раздавленные работой, руки.

О. Виктор, немец по национальности, обратился к нему на немецком, чем привел в страшное замешательство. Карл Давидович объяснил, что много лет не слышал родной речи. Даже с женой боялись говорить по-немецки при детях, которые могли назвать родителей фашистами.

Обследовали поселок, но записей фольклора сделать не удалось.

Красноленинск (Урманьный)

Прибыли в 8 часов 11 июля. Поселок на красивом месте, но неухожен. Организован в 30-е годы. Здесь, так же как и в Большом камне, клуб на окраине села и заброшенный концлагерь неподалеку. Были крестины, окрестили 64 человека, погрузили 7, потом водосвятие. Крестили здесь, как и всюду, во Славу Божию, людям нечем платить. Здесь всё было блестяще организовано заведующим клубом Олегом. Заранее оповещены по радио все жители.

От переселенки из Свердловской области Устины Григорьевны Николаевой записали «луговские» песни. Материал замечательный, песни редкой красоты. Не о подобных ли песнях сказано: «генотип славянского духа и поведения». К сожалению,

бабушка только поднялась после тяжелой болезни, быстро устает, и общение было недолгим. В 16.00 отправились в путь.

А я вновь отдался воле своей памяти.

Кедровый

Прибыли 11 июля в 19 часов. Поселок красивый и ухоженный, улицы мощены кедровым лафетом, красивая, живописная местность. На пристань набегали мальчишки. Тут же о.Виктор их крестил в количестве 10 человек. О.Василий погружал с дебаркадера в Обь.

Бесшабашные вначале, после купели и миропомазания отроки присмирели, изменились на глазах. Особенно Рома и хакасец Павел. Очень одухотворенные лица.

Вечером отслужили Всенощную, а утром Праздничную Божественную литургию, все верующие причастились Св. Христовых Таин. Батюшка ввел во храм матросика Андрюшу, практиканта с нашего корабля. Он неподдельно взволнован, передалось и нам, а матушки даже всплакнули.

Жители поселка утверждают, что впервые за всю историю увидели на его улицах священника. Заведующая клубом Татьяна Фоминична, увидев о. Виктора в полном облачении, обмерла. В 10 часов утра 12 июля, в день Св.апп. Петра и Павла, на площадке позади клуба начались крестины. Окрещено 106 человек. Потом отслужили водосвятный молебен и панихиду.

Здесь та же беда, что и во всех сёлах: отсутствие наличных денег. И хотя наш сургутский приход, в связи со строительством храма, крайне стеснен в средствах, о. Виктор сознательно жертвует материальным ради духовного.

В оповещении жителей и проведении крестин помогла завклубом Татьяна Фоминична.

В 16 часов отчалили вверх по течению Оби.

Прииртышское

Причалили около 23 часов. Тишина, белая ночь. Подошла группа молодежи, с ними завклубом. Все трезвые. Разговорились. Пригласили нас в клуб, прекратили дискотеку. Степенные, здравомыслящие люди. Вот таких бы в Думу!

Утром батюшка окрестил в Оби 60 человек, одного погрузил.

Здесь дети записали заговоры от Игнатовой Антонины Михайловны. Какая-то помесь языческих заклинаний и молитв. Близкий вариант приводила известная сказительница из-под Тобольска А.Ф. Ушарова. Она была уверена, что это молитвы и удивлялась тому, что они «не помогают».

Ближе к обеду отплыли вверх по Оби.

Ряд жизненных невзгод подтолкнул меня к более активному и целенаправленному поиску смысла жизни. Стал я искать Библию. Но в то время, в конце 80-х, приобрести её было не так просто.

Это теперь, спустя более тридцати лет, я понимаю, что всё случившееся тогда было проявлением закономерности. И разве не о моей судьбе говорит Псалмопевец: «Объяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя, скорбь и болезнь обретох, и имя Господне призвах».

А тогда, не имея ещё религиозного сознания, действовал я интуитивно. И тут забрезжил свет надежды: в нашем городе открылся православный приход. Стали говорить, что священник – человек неординарный, обладает редким проповедническим даром.

Я относился к этим разговорам несколько скептически. Ведь как учили нас при Советах?

– Поп должен быть жирным, глупым и ленивым, завистливым, хитрым и жадным.

– Поп любит блин, да ещё не один.

– У попа глаза завидующие, а руки загребущие.

Словом, в то время я являлся живым воплощением мысли о том, что предубеждение гораздо более удаляет от истины, чем полное незнание.

Увидев этого, нового для нашего города человека, я внутренне усмехнулся: батюшка действительно оказался очень полным. Уже позже я узнал, что полнота была следствием серьезного заболевания. И это было единственным сходством с коммунистическим стереотипом. На одном из городских мероприятий священнику представили слово. Говорил он, в отличие от большинства ораторов, без бумажки. Сказал очень кратко и просто, но при этом сильно, убежденно и памятно. Оказалось, что он депутат горсовета, член комиссии по культуре.

На одном из заседаний комиссии мы познакомились, и я попросил помочь мне приобрести Библию.

– Для чего вам нужна Библия? – спросил он.

– Хочу понять, в чём смысл и цель жизни человека, – ответил я.

– Вы человек вдумчивый и серьёзный. При чтении Священного Писания у вас неизбежно возникнут вопросы, много вопросов. И вы можете дать на них неправильные ответы. Я бы вам посоветовал начать чтение с Толковой Библии, – продолжил батюшка.

– Согласен, но где её можно взять? – поинтересовался я.

– На следующее заседание комиссии я вам её принесу! – ответил священник.

Так в нашем доме появилась главная для каждого христианина книга. Я бесконечно благодарен батюшке Виктору за этот совет. Действительно движение в малоизвестном направлении – а именно так можно назвать действия человека, только ищущего тропу, ведущую к Создателю – движение это лучше сверять по вехам, оставленным прошедшими этот путь ранее.

Вскоре эта книга стала основным чтением для всех членов нашей семьи. Читали внимательно, удивляясь и наслаждаясь поистине неизреченной мудрости Божией.

И незаметно для самих себя, просто и естественно, вошли в храм Божий.

Вскоре я уже пел на клиросе, преподавая в Воскресной школе Закон Божий, и отвечал за освещение жизни Сургутского прихода Святителя Николая в средствах массовой информации.

И вот – Славянский ход.

Нялино

Прибыли в 21 час 13 июля. Красивый таежный посёлок, рядом кедровый бор. В начале лета здесь все утопает в черемухе.

По рассказам местных жителей сюда, в 30-х годах, высадили несколько тысяч спецпереселенцев. Были только юрты, местные помогали, но зиму пережили не все, дети и старики к весне погибли. Летом начали отстраиваться.

Крестины и водосвятие были на другой день около школы, на открытой площадке. Окрестили 36 человек. Местные власти встретили нас тепло.

Житель Нялино Александр Михайлович Змановский предоставил текст купчей крепости – памятник словесности XVIII века:

«Мы остьяки Конец и Неуль заняли есми у ямских охотников Андрея да Зиновия детей Поджигановых денег 5 рублей московских, ходячих, прямых без приписи вплоть до сроку, до Масленой недели. А заняли мы эти деньги не для злого умысла, а для уплаты Государева ясаку...и детей наших в голодное время. И заложили мы под эти деньги наш остров Сосновый, на верхнем устье протоки Неулевой, вверх едучи на левой руке. А буде если мы эти деньги не вернем, то им Андрею и Зиновию вольно тем островом владети и домами ставиться скотину пущать и всеми курейными и перевесными местами владети.

За неграмотных остяков подписал гулящий человек сын Назымко Ивашко Погадаев.

Подпись удостоверяет надсмотрщик Антон Ермаков».

Лета 7628 г. (1727 г. от РХ).

Вот так. Кратко, живо и ясно. Как изумительно владели предки наши «русским, пушкинским, певучим», и как оскудели мы!

Под крылом белой лебеди – Тобольской Софии – стояли мы с резчиком нашего Сургутского храма, самородным русским человеком, Владимиром Ивановичем Ванюковым.

Вижу, на глазах у него слезы:

– Вот, какое диво, София. Красиво, просто, стоит века. А сотворил кто? Каменных дел подмастерье Герасим Шарыпин. Таких шедевров тысячи на Руси, и что ни автор, то – подмастерье. Кто же мы тогда?

Да, строги были ушедшие в самооценке. Никто не брал на плечи чужой крест. Зато с каким трепетом несли свой!

Селиярово

Клуб в бывшей церкви. На последнем венце сруба дата: 1857 год. Говорят, до креста было более 30 метров. Комсомольская ячейка начала свою деятельность с разрушения кулацких памятников на кладбище. А мы ломаем головы: откуда у современной молодежи вандализм?

В мятеж 1921 года в Зенково, в Оби топили коммунистов. Потом прибыл отряд красных карателей из Томска. В числе

расстрелянных повстанцев было несколько Собольниковых. Это старожильская фамилия. Сейчас старожилов, как и везде, почти не осталось.

Рассказывает Владимир Павлович Сумкин: «Вокруг нашего Селиярово было восемь деревень, почти все старинные: юрты Балинские, Чебыково, Гладково, Долгое Плесо, Сивохребет, Алехино, Елоково, Сигинчум. Невдалеке – остров Монастырский, там был стрежовой песок, монахи рыбачили.

Сейчас многие деревни либо исчезли с лица земли, либо тихо доживают при последних стариках свой век.

Где же население, эти деревни составляющее? Частью погибло на фронтах. Мы много воевали в этом веке. Вот и в Великой Отечественной сибиряки бились храбро и честно. Оттого столь велик в каждой деревне скорбный список павших. После отмены «крепостного права», в 1950-х, молодежь бросилась в города. В огромной массе пришедшего населения сибирские фамилии просто растворились. Редко услышишь о Коневых, Сумкиных, Змановских, Звягиных, Скрипуновых.

В.П. Сумкин: «Фамилии старожильские у нас были Сумкины, Горшковы, Чернобровцевы, Собольниковы, Солтагановы. Сейчас остались Горшковы, один Солтаганов, один Сумкин».

Попробуем обобщить

Старожильское население в Обско-Иртышском междуречье сильно поредело, а по нижнему течению Оби старожилов можно счесть по пальцам.

Основную массу сегодня составляют спецпереселенцы советского периода с Урала, Поволжья, Украины.

В отличие от царского правительства, которое придерживалось политики заселения Сибири компактными этническими группами, Советы действовали по принципу библейского Вавилона. В условиях смешения языков и обычаев традиционный уклад жизни, как правило, быстро теряется.

Население обследованных сел почти сплошь состоит из перемещенных лиц. Изжеванные и выплюнутые системой старики влачат нищенское существование, умудряясь при этом сохранять простоту и достойное спокойствие духа. Молодежь, видя перед собой такую перспективу, о работе не

хочет и слышать. Учиться негде. Стоит ли удивляться тому, что судимость – почти необходимое условие жизни едва ли не каждого молодого человека.

История же спецпереселенцев ждет своих объективных исследователей. От себя могу добавить, что это – история человеческого горя.

В результате демократических процессов к власти на местах пришли новые люди. Многие искренне хотят перемен. Удастся ли это? Вопрос вопросов: что делать с молодежью? Сложился духовный вакуум, заполнить который православие на сегодня не сумело.

Путешествие наше близилось к концу. Фольклорное обследование принесло результат – около трех часов аудиозаписей: песни, обряды, присловья. Результат довольно скромный. Причин, на мой взгляд, две.

Во-первых, мы посетили не землепашеские, а промысловые (рыба, пушнина, лес) районы, которые не блистали самобытностью и до «переломов». Это о них исследователь П.А. Словцов говорит: «Сибирь не имеет собственных ни песен, ни голосов и ...ей очень кстати название «безголосой».

Во-вторых, политика власть предержащих состояла именно в уничтожении личности, стирании граней. Народная культура явно не преследовалась, но в детсаду, школе, на предприятии долгие десятилетия высмеивалась, как пережиток. Выросли целые поколения, отравленные ядом подобного нигилизма. Им, этим поколениям, предстояло нести зажженный предками свет дальше. Что нести?

– Бабушкины сказки, бабушкины песни. Но ведь именно это выражение «бабушкины сказки», да еще исполненное величайшего сарказма, слышали мы из уст школьного учителя. Пушкинскую мудрость «Что за прелесть эти сказки» мы поняли лишь тогда, когда сами стали родителями. И, как всегда, было поздно что-либо поправить: нелегкий крест хранителей традиций был нашим поколением уже брошен. Поэтому, если где что и сохранилось, то не благодаря культурной политике властей, а вопреки ей.

Результат? В числе прочих утеряна и культура досуга. Посмотрите, как мы уныло, устало, обреченно отдыхаем. Чаепитие (с водочкой), суесловие, срамословие, мордобитие – слова сложные, а понятия простые.

Ни себя показать, ни людей посмотреть. Вот они где вылазят бабушкины сказки да детские игры. Предыдущие поколения справедливо сетовали, что не было досуга. Да, воевали. Били своих, потом чужих, потом вновь своих. Но вот, с 60-х замирились вроде, а отдыхать без надрыва, без ожесточения уже не можем.

Мне возразят: а вот Америка – она не знает народных традиций, а живет припеваючи! Да, материальный достаток имеет там каждый, но имя есть далеко не у всех. Говорят, что даже потребности в общении человек там не испытывает. Крохотная Япония отнимает у Америки одну позицию за другой. Секрет в том, что, взяв на вооружение достижения науки и техники, эта страна сохранила многовековую культуру, лицо и душу своего народа.

Некоторые выводы о состоянии православной веры

Священники в Приобских сёлах редкие гости. А в некоторых (Большой Камень, Кедровый) на памяти жителей не бывали никогда.

Церкви советская власть не возводила. Обезглавленные, стоят они ныне скорбным упоминанием об утраченной вере.

Наиболее распространенное применение храму в советские годы – это клуб: Скрипуново, Зеньково, Тундрино, Шеркалы. Был клуб и в Троицком, потом здание сгорело. В Берёзово, Октябрьском – радиоузлы. Если строение совсем уже ветхое, то его, как это сделали в Нялино, просто заколачивают.

Из десятков сохранившихся на сегодня зданий, ни одно не используется по назначению. Клуб, АТС, мастерские, все, что угодно, только не храм Божий.

В то же время в Берёзово, Сергино, Октябрьском открыты моленные дома Евангельских христиан – баптистов. Простой люд не задумывается – откуда, из каких источников черпает эта конфессия огромные средства в такое нелегкое для нашей страны время.

А власти упомянутых поселков отдают явное предпочтение заморским гостям, памятуя, видимо, о том, что нет пророка в своем отечестве.

Здесь дневниковые записи прерываются, кончается и наше путешествие...

*2 часа ночи
15 июля 1992 г.*

Об этнографической составляющей

Начало заселения Тюменско-Тобольского района до Тары относится к 1583 году. Важнейшим центром русской колонизации Сибири, одним из форпостов русского оседлого населения являлся Тобольск. Почему мы говорим об оседлом населении? Потому, что история русской песни Сибири начинается не с отрядов «охотников», не с торгового и военного сословия, но с массовой крестьянской колонизации.

Свое происхождение переселенцы раннего периода сибирской истории ведут от районов русского европейского Севера. Крестьяне Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Пермской и Вятской губерний принесли с собой и культурную традицию. Основные признаки стиля и своеобразия системы фольклорных традиций Сибири сложились при определяющей роли северо-русской традиции у старожилов уже к началу XIX века.

Сибирь заселялась поэтапно как по этносоставу, так и по времени. Это не единый равномерный и плановый процесс. Отсюда противоречивость и пестрота традиций. Особенно это заметно в районах позднего заселения и в выросших на нефтяных дрожжах городах. Селились хотя и компактно, но пестро и разновременно, поэтому единого комплекса сибирской культуры не получилось. В компактных же поселениях локальные стили вполне сформировались в единую систему фольклорных традиций Сибири.

Вот мы и подошли вплотную к разделу крестьянской песни.

Русская крестьянская песня исполнялась коллективом. В то же время творчество это сугубо индивидуальное. Коллектив – генератор идеи, а ее развитие, импровизация – удел личности.

Коллективизации сознания русская песня не вынесла и, как свеча без воздуха, стала угасать. «Нам песня строить и жить помогает». Какая замечательная, точная, надвременная мысль! Действительно, с песней на Руси и строили, и жили. И уходили в Вечность со смирением и достоинством, не хлопая на прощанье дверью. И тоже с песней. Русская песня врачует душу. Как пение, так и слушание можно назвать делом душеполезным. Это лекарство, но лекарство для внутреннего потребления, и большую

ошибку совершают те, которые видят только внешнюю сторону. Смысл народного искусства заключается в воспитании. Развлекательная функция его – явление побочное, следственное, а не причинное.

Поэтому так трудно, так болезненно идёт процесс приживания народной песни на сцене. Сцена ориентирована на развлечение зрителя. Ей нужно что-то броское, неглубокое и обязательно кассовое. Серьезное искусство, будь оно светским, духовным или народным, отвечает другим требованиям.

Нашей крестьянской песне по напевности, пожалуй, и равных нет. А вот язык русский, оказывается, вовсе не певучий – согласные подавляют своим количеством и трудностью произношения, одни шипящие да свистящие чего стоят! Вновь противоречие, на этот раз слова и мелодии. Как оно разрешается?

С согласными наши предки поступали оригинально: в распевах, словообрывах, огласовках и междометиях они исчезли, растворились. Широта души русской, как в зеркале, отражается в песне. Фраза не укладывается в прокрустово ложе классического метро-ритма, она асимметрична. Поэтому и не имеет точек соприкосновения с упрощенной до примитива музыкальной декламацией современной песни. Но народ так чутко слышит свою песню, так ловко расправляет эти складки на музыкальной ткани, что заметить их можно разве что в нотной записи.

Еще один, очень интересный момент. Язык музыки говорит об одном, а слово – о другом состоянии. В то же время, песня воспринимается вполне органично. И какая при этом открывается многоплановость, какая глубина!

Песни, за исключением плясовых, пелись а'capella. Многие наши современники считают, что делалось это вынужденно: будь на вечерке дядя Вася с гармошкой – и под гармошку пели бы за милую душу!

Нет, не так. В силу особенностей строя гармошка ограничена в своих возможностях. Может, баян? Но это инструмент 20-го столетия. Кроме того, темперированный. А настоящий народный хор поёт в зоне свободных частот, певцы подчёркивают тяготения, создавая непередаваемую словами красоту звучания.

Даже сильные академические коллективы чувствуют себя в пении без сопровож-

дения «не в своей тарелке». Строй валится, как только убирается подпорка в виде музыкального инструмента. Послушайте, для сравнения, запись деревенского фольклорного ансамбля. Бабушки никогда не «сползают». Иногда, если неловко начнет запевала – повысят или опустят строй. Голосовой аппарат народного певца работает в естественном, удобном, близком к речевому режиме.

В Тюменской области кондовые деревенские старики говорят на особицу, наречие северо-западных губерний России сказывается до сих пор.

Сибирские говоры вторичны, потому что коренное население было не русское: на севере – ненцы, ханты, манси, селькупы, на юге – татары.

Русские первопоселенцы были выходцами северных земель Европейской части России. Известный историк Афанасий Матвеевич Селищев доказывает северное происхождение первопоселенцев фамилиями: Новгородовы, Новгородцевы, Вологодские, Пермитины, Мезенцевы. Особенности говоров отражаются в фонетике. Это оканье – хорошО, молокО, зОлото; ёканье – полЁ, морЁ, горЁ, еканье – мЕкина, пЕтак. Ассимиляция сочетаний «дн» и «бм» – оннако, омманывать; упрощение конечных сочетаний согласных – мос(т), хвос(т), жись (жизнь).

Сказываются особенные северные приметы и в морфологии. Творительный падеж множественного числа зачастую имеет окончание -ам: рукам, ногам; особенность эта распространяется и на местоимения – этима, травама. Характерно для Сибири стяжание глаголов: «ашь» вместо «аешь» (делаешь – делаешь), «ат» вместо «ает» (бегат – бегаёт).

Отдельные говоры имеют отличительные черты. В языке жителей деревень Михайлово, Македоново, Ларионово, Зольниково, что под Тобольском, мы услышим следы мягкого цоканья новгородцев. То есть, аффрикаты на своём месте, но их не две, как в литературном произношении, а только одна – ц мягкое: матица, зубцики, цйй, цюлоцьки. Эта черта сохранилась до сих пор, но не в чистом, а в упрощенном виде.

В слитных по происхождению аффрикатах затвор исчезает, из двух звуков получается один – от ц остаётся с – сарь, улиса, куриса, а от ч сохраняется ш мягкое – решька, пешька, старишёк, это повсеместно

встречается не только в Тобольском районе, но и в других местах Тюменской области.

Аффрикаты упрощаются, скорее всего, от близкого соседства с тюркоязычными и народами финно-угорской группы.

* * *

Лаптей Сибирь не знала. Летом ребятишки бегали гологоловые. Конечно, в церкви девочка стояла с покрытой платком головой. Кокошник – головной убор замужней женщины – мог оказаться на голове девочки только в качестве нелепой шутки.

Свои художественные таланты сибирские крестьянки материализовали в вышивке. Она символична. Символичен и узор – в нашей области это был узор геометрический – свидетельство влияния тюркской и угро-финской культур. Это моменты характерные. В более поздний период могли быть в узоре и растительные мотивы – традиция южных губерний России.

* * *

Девушке на выданье полагалось иметь не менее двадцати поясов и к каждому – отдельный костюм. В моде были пояса тканые. Характерно изображение свастики – солярного знака, древнеарийского символа бесконечности жизни.

Для чего я об этом пишу? Ведь понятия все популярные. Да, популярные, но не все с ними знакомы. Мало знаем, понимаем еще меньше. Вообще, если говорить о народной культуре, то все мы – дети пробирки, выросшие в искусственной, оторванной от корней среде. Знание наше носит характер эклектический. Нет первоосновы, чувства, что это своё, родное. И мозаика никак не складывается в общую картину. Доходит до курьёзов. Приходит коллега:

– Давайте сделаем русскую программу для поездки за границу.

– Шоу а ля рюс?

– Нет, подлинную, фольклорную.

И начинается: на сцену выбегают мальчики в лаптях, в картузах с цветочками, играют на дудках, потом идут вприсядку под «Калинку». Появляются девочки: в кокошниках, коротких платьицах и красных сапогах, на плечах коромысла. Поют:

Пошла млада за водой

Коромысел дубовой...

– А почему именно «Калинка», поче-

му «коромысел дубовой»?

– За границей больше ничего не знают, и знать не хотят.

Стереотип там такой сложился: «рашен-деревяшен».

– А что, если не спешить, сделать хорошую программу сибирских круговых песен...

– Никто эти песни слушать не будет. Уже пробовали. Не нужны заграничной публике наши необработанные самоцветы – ей пластмассовый бриллиант дорог: два притопа, три прихлопа. Они с одной мыслью идут на представление: все большевики играют на балалайках. Потрафишь такому заказчику – видеодвойку привезешь. Не угодишь – в следующий сезон не пригласят.

Вот так, в рабской позе стоим перед Западом, что перед Западом – перед Африкой в глубоком поклоне: чего изволите-с?

В нелепом нищенском рубище представляем на позор культуру великого народа. Съездит такой «просветитель», отгастролирует, привезет видеодвойку. А по главной дисциплине – русской культуре – заграница поставит нам жирную единицу.

А.В. Пренко

Необычный роман

«Зачем врать?.. Пиши о том, что было, что ты действительно видел, пережил. Не надо лжи. Её и так много»
Лев Толстой

Полмесяца назад я проглотил подаренную автором книгу «Красная машина» и все думаю о ней. Когда это было? О чем это?.. И захотелось поделиться мнением о прочитанном.

Я не критик, поэтому мысли вразброс.

1

У большого мастера слова, моего старшего друга Гария Леонтьевича Немченко, лесковский дар. Он писатель-рассказчик, и как таковому, равных ему в России, считаю, нет. Читал я роман «Красная машина», названный документально-фантастическим (фантастического в нем не нашёл, а вот реального (документального) – да) и видел его лицо, заинтересованный вдумчивый взгляд, слышал голос, чуть

глуховатый, доброжелательный. То спокойный, то с восторженными, гневными или грустными нотами.

Что тут сказать? Автор много повидавший, много переживший — одна постоянно кровоточащая в сердце рана — смерть сына чего стоит! — много передумавший — искренний человек.

Гарий Немченко был редактором-составителем моей первой большой книжки «Эта непостижимая любовь...» (Москва, 1997 г.). В послесловии «Придет час искренности...» он высоко оценил ее «открытость», о которой я тогда не думал: писал, как Бог положит на душу. Но, прочитав об этом, задумался. И сейчас, размышляя о романе, считаю, что главное его достоинство — искренность, которая есть откровенность, честность, правдивость.

«Красная машина» — произведение необычное. Повествование в нем ведется от первого лица. Но «я» в нем — не лирический герой, некий собирательный образ. Это сам Немченко.

Автор делится: «Столь многое хотелось бы забыть, да что делать. Ведь было!» И, воспроизведя былое, он мог бы сказать словами надписи, сделанной кабардинским прозаиком Э. Мальбаховым на подаренной ему фотографии: «Моя память крепка и благодарна, чувства искренни и полны...» При этом, говоря о прошлом и настоящем, он откровенен, по выражению моих земляков-кужорян, «до дону». Без такой безоглядной откровенности и мужества были бы невозможны многие страницы романа, тем более — хватающая за душу история высоких отношений автора с Юлой Хрущевой (глава «Осенний роман»).

Название романа символично. «Красная машина» — не только легендарная хоккейная команда сборной СССР, выступающая в красной спортивной форме, но также и Октябрьская революция 1917 года, Гражданская война, коллективизация, индустриализация, сталинские репрессии, Великая Отечественная война, суровые послевоенные годы, да и сегодняшняя жизнь. Символичность — прием, используемый писателем и раньше. Вспомните блистательный рассказ-притчу «Воспоминание о Красном Быке».

У необычного произведения и архитектоника необычная. Повествование о личном и общественно значимом, истории о сегодняшнем дне прерывают репортажи

соброра «Правды» Льва Лебедева с международных хоккейных схваток 1983 года, проходящих в Западной Германии в ледовых дворцах Дортмунда и Мюнхена. Внешне беспристрастные (напряжение спрятано), они подчеркивают горячее биение сердца основного рассказчика.

Да, в романе «много хоккея»: Г. Немченко — его поклонник и знаток. «Для меня хоккей — усада. Своего рода музыка, где можно видеть, как пишутся ее ноты», — говорит он. Не случайно на одну из его ранних работ — «пролетарский рассказ» (его определение) «Хоккей в сибирском городе» обратили внимание ценители этого вида спорта.

К слову, прочитал его и заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС Е.М. Тяжельников. Он пригласил писателя на беседу. Большой партийный чиновник, у которого «ни руководящей стати, ни громоподобного голоса», внимательный к мнению собеседника, чуть ироничный приглянулся ему. Тяжельников назвал рассказ «честным» — что он имел в виду, автор не понял: «То ли нелады в семье главного героя, то ли социальную обстановку в рабочем городе», — и в качестве поощрения отправил его в ФРГ на чемпионат мира по хоккею.

Роман «Красная машина» содержательный, что Л. Толстой считал важнейшей составляющей художественного произведения. И вовсе не о хоккее. Многотемный. Впрочем, о чем бы литератор ни писал, он через отношение героев произведения к людям, природе, стране, миру, к их болям и радостям рассказывает о себе. Это особенно очевидно, если он, в данном случае Г. Немченко, ведет речь напрямую от себя. Потому глубоко личное произведение с полным основанием можно назвать творческой автобиографией писателя на фоне истории страны. Нет... на фоне — не точно, так как автор был свидетелем и участником, по крайней мере, значительного периода нашей истории. Может, лучше сказать: автобиографией в истории страны?..

В повествовании нередко совершаются «прыжки» из сиюминутного в прошлое, от личного к общественно значимому и наоборот, от одного персонажа к другому и в другом времени... Это тоже необычно. Кажется бы, должна получиться несуразная мешанина, а нет — выходит картина реального времени с реальными людьми: в романе все органично. Если сказать, что это

огромный ковер, сотканный из простых ниток, то картина есть, а ниток не увидишь. Название этому чуду – мастерство.

2

Язык «Красной машины» прозрачный, разговорный, образный, скупой, без словесных завитушек. Без всякой нарочитости и позы. Когда писатель или актер стараются заставить читателя, зрителя задумываться, восторгаться, смеяться или плакать, то те вряд ли верят прочитанному, увиденному, услышанному. Гарий Немченко тут «не старается», естественность повествования идет от его непосредственной цельной натуры.

Вот как он описывает весну: «Был солнечный конец марта. Перекусывали они в беседке с черными плетями виноградника, врезанными в удивительную небесную голубизну». Здесь ни одного лишнего слова («Самое главное в искусстве – не сказать лишнего». Лев Толстой), все точные, и каждое на своем месте. Итог – картину видишь.

Ярко нарисована Западная Германия: «Всюду цвели цветы, цвели кусты и деревья: на газонах, на клумбах, в сияющих чистотой игрушечных городках вдоль широких стремительных автобанов между ними.

Казалось, цветет сама Германия!

И не только цветет. Начало апреля, а она уже и щедро плодоносит.

Каких только овощей и фруктов не было на бесконечных лотках вдоль улиц...»; а «кормежка на обед!», а какие магазины, пивные бары и «та самая пивная, где когда-то замышлял свой путч Гитлер». А улица антикварных лавок!.. Но тут же – «опускающие» картину детали: «Супчик... Это тебе не наш борщ, в котором ложка может стоять...», «царит ощущение... сытого довольства» в «лопающемся от жира Мюнхене»...

Автору присуще чувство юмора. Геннадия Емельянова, который «сделал» из него заядлого болельщика хоккея, он называет «новокузнецким Давидом», Анатолия Тарасова – «столичным Голиафом». Перед поездкой в Канаду друзья встретились со знаменитым тренером. По словам Емельянова, «Тарасов смотрел на нас, как старый солдат на молодую вошь».

С невольной улыбкой читаешь о «системе питания Райха-Немченко», основой которой «было не безответственное и безоглядное питание, а неторопливое и вдумчи-

вое, на основе доброй закуски, принятие целебного для души лекарства». Ответ маршала Буденного на письмо дочери – то же самое. Нина написала отцу, что в студенческом отряде на уборке алтайского хлеба она и повар, и конюх, и что однажды заблудилась в степи. Маршал ей ответил: «Молодец, Нина, что хорошо готовишь, сама на телеге возишь еду ребятам, но в степи, пожалуйста, больше не блуди!..»

Выразительные страницы об огромном черном ньюфаундленде (водолазе) Квете, с которой автор не только «как со всякой умной животиной подолгу беседовал», но и «по ходу рассказа, бывало, советовался», невольно напомнили мне «Холстомера» Л. Толстого, «Каштанку» А. Чехова, «Великолепного коня Бечкана» Н. Куека. На таком уровне нарисована Собака (с прописной – написание автора).

3

Роман густо «населен» – еще одна его особенность. Гарий Немченко – человек общительный, равнодушный, с разносторонними глубокими знаниями и интересами. Для людей он магнит и, естественно, что у него масса знакомых, друзей по всей необъятной России. Это не могло не сказаться на очень личном произведении. Мне не известны роман, повесть, да и целая книга, в которых бы на 13,6 условных печатных листах «поместилось» столько лиц. Кого только ни встретишь у Г. Немченко! И у каждого своя судьба, своя манера говорить.

Много внимания, со значительной долей иронии, уделено бывшему капитану абвера Герхарду Зассу, «возможно» (слово автора) потомку генерал-лейтенанта Г.Х. Засса, который в годы Кавказской войны «прославился» такой жестокостью к черкесам, что император Николай I, правитель и человек якобы жестокосердный, был вынужден отстранить его от должности и отправить в отставку. Разведчик Г. Засс в годы войны искал на Кавказе таинственное нечто, которое могло бы дать фашистской Германии всемогущество, попал в плен, много лет жил в России, стал ее знатоком. Бывший враг нашей страны, он и сейчас собирает о нас сведения. Беседы автора с ним напряженны и познавательны.

На страницах романа читатели встречают прозаиков и поэтов В. Распутину, В. Чивилихину, А. Рыбакова, С. Викулова,

Э. Радзинского, В. Аксенова, Э. Мальбахова, Л. Балагову, Г. Владимова, Е. Богданова, А. Яброва, Н. Переяслова... И еще много других очень интересных людей, с которыми жизнь сталкивала автора или он слышал рассказы о них от других реальных лиц. Среди них – дочь Н.С. Хрущева – Юла, дочь С.М. Будённого – Нина, внук знаменитой Пассионарии, Долорес Ибаррури – «нищий гранд» Владимир (назван в честь Ленина) Эспинья, работник ЦК КПСС Борис Рогатин, «известный на всю страну» бригадир монтажников на Запсибе Николай Шевченко, «харизматичный бугор, кубанец» Виктор Цысь, дед-кержак – житель «шашнадцатой (раскольничьей) республики Горной Шории», который чуть было «не разобранный за запчасти» медведем, полуживым попав в больницу, не подпускал к себе «нечистых неумелых», а потом ткнул пальцем в хирургановичка с добрым лицом: «Пусть он меня сшивает... Без наркозу. А вас (это он об именитых профессорах!) штоба близка не была», родной дядя автора Георгий Миронович Лизогубов, десять лет «бедовавший на Колыме», которого «сломили не лагеря – сломило государственное признание, что он не виновен»; с удивительной судьбой Александр Иванович Козлов, наш бывший военный разведчик, «служивший» в абверовской школе в чине гауптмана, встречавшийся с Канарисом; жена автора – терпеливая, гостеприимная майкопчанка Лариса...

О каждом из них писатель приводит не замеченные другими мелочи — детали, в которых, как известно, прячутся и ангел, и дьявол. Детали помогают раскрыть характер, сущность этих неординарных людей.

4

Но, разумеется, в произведении интереснее всего сам автор. Каков он? К сказанному добавлю.

Судя по содержанию романа, верны его слова о себе: «Я – русский, но плоть от плоти кавказец»; «Я – дитя громадной ударной стройки»... Последнее поясню. Романтик и патриот, Г. Немченко больше десяти лет работал в Новокузнецке Кемеровской области на строительстве Западно-Сибирского металлургического комбината, и «свободолюбивая Кузня», конечно, оказала на него мощное влияние.

Гарий Леонтьевич – потомственный казак, человек свободный духом, чуждый

расчетливости. Ему подавай справедливость, правду, поступай по совести и чести. И только так!

В молодые годы, по мнению начальства, Немченко – «больно самостоятельный», «разгильдяй» и «ерник». Ну, конечно же! Ведь на уборке хлеба (алтайского), будучи у студентов бригадиром, он в ответ на незаслуженную брань секретаря райкома КПСС «послал его далеко». И единственный из многочисленного отряда университетских «целинников» остался без медали. Не помалкивал потом и на Запсибе. Потому-то и там – исключительный случай! – не получил ни одной, даже простенькой награды. А вот молодежь, чуткая к правде, к справедливости, уважала и ценила Гарика, так звали его в ту пору, не раз избирала делегатом комсомольских съездов. Он был человеком общественно активным, мыслил гражданскими категориями.

Вот, например, какова была его реакция на постановление ЦК КПСС 1957 года об антипартийной группе: «Коли убираете, мол, антипартийную группу «Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шипилова», пусть кто-то из них по радио выступит, расскажет, чего они хотели... Что ж – так? Молча. Втёмную!..»

В Чехословакии (был там в составе молодежной делегации) на него сильное впечатление произвела «знаменитая выставка документов, которая в пух и прах разнесла КПСС».

О «неожиданном» возмущении в Новочеркасске (1962 г.), где на подавление «некакнадомыслящих» были брошены войска, затем в Караганде, в Новокузнецке он пишет: «Но ведь в том и штука, что неожиданным это было лишь для неколебимо сидящих в президиумах столичных выкормышей».

Сравнивая жизнь на Западе с жизнью в СССР, автор с горечью отмечает, что побежденные живут намного лучше, чем победители. Устами безымянного героя говорит: «Гниет, конечно, Запад. Гниет. Но запах, скажу я вам!»

Рамки статьи не позволяют продолжить цитирование, показывающее отношение писателя к проблемам политической, экономической, социальной и духовной жизни страны. Обобщенно об этом сказал кубанский журналист Станислав Филиппов: «В его книгах немало страстных,

полемически острых размышлений о духовном оскудении общества, о забвении народных традиций, обычаев, морали, о судьбе России, русской культуры, русского народа».

О развитом чувстве собственного достоинства и смелости автора говорит такой его поступок: «Как-то в отдел идеологии ЦК КПСС вызвали для выволочки руководство «Советского писателя»... Но как только заведующий... повысил на меня голос, во мне сработало что-то давнее, куда старше меня и сильнее. Сибирью еще недавно подпитанное... Встал и сказал: еще раз крикните – тут же выйду, и дальше наставлять меня будете уже в мое отсутствие». В те годы Г. Немченко в издательстве «Советский писатель» заведовал отделом прозы. За такую «дерзость» мог лишиться работы.

Писатель не шадит себя: называет «в очередной раз «морским узлом» завязавшим» (ясно, о чем речь); признается, что у Геннадия Емельянова фактически похитил тему рассказа «Хоккей в сибирском городе». В яркой и грустной истории о «самой чистой в жизни любви» читаем: «Я ведь по сути украл Юлу, как в наших краях крадут невест... Другое дело, что распорядился украденным богатством как обыкновенный слюнтяй».

Известный режиссер Михаил Беликов снимал фильм по повести Г. Немченко «Скрытая работа», и ее автор сообщает: «Это был уже третий фильм Михаила по моим «бессмертным творениям». Последние слова им взяты в кавычки...

Гарий Леонтьевич считает себя писателем «не советским», а «русским». И это действительно так. Он никогда не был идеологизированным художником. По его словам: «Автор описывает лишь то, чему лично был свидетелем». Добавим: и что прошло через его равнодушное сердце. Это его творческий принцип – верный и плодотворный. По образованию он журналист (окончил журфак МГУ), работал редактором газеты и во многом потому в произведениях исходит из реальной жизни. В романе он сам называет прототипы многих персонажей своих произведений.

Какие люди греют ему душу, каких считает настоящими? Это правдоискатель Мишка Галочкин из первого романа, «не комсомолец» с ударной стройки. Милиционер Павел из второго: «Пашка, моя мили-

ция». Бывший главный редактор журнала «Сибирские огни» известный тогда поэт Александр Смердов, «опубликовавший мой остро-критический очерк «Новый город на земле», который «не сдал меня. Защитил!»; это человек чести — бывший контрразведчик Александр Козлов... Козлов встречался с самим Канарисом. Дал ему слово, что никому не расскажет о содержании разговора. Слово сдержал, и «дома», уже в России, это стоило ему восьми лет заключения. («Вы так и промолчали на следствии?» Он твердо ответил: «Я дал слово офицера»).

Писатель задается вопросом: «И можно ли наблюдать теперь о т т у д а (уже из царства вечного покоя. – А.П.), что продолжается в нашем погрязшем во всеобщем грехе и всеобщей неправде мире?»

Его надежда: «Жестокий мороз выжигает в человеке все дурное, подлое... на бескрайних просторах Сибири, как живой ручей под панцирем льда, упрямо течет обустроенная древними предками русская жизнь, которой суждено стать прообразом будущей спасительной цивилизации».

Человек, живущий с распахнутым миру сердцем, он с любовью относится к людям, щедр на высокие оценки. Например, Анатолий Ябров для него «ником за пределами нашей Кузни так и не оцененный мастер прозы, глубокий философ», Геннадий Неунывахин – «проницательнейший, как выяснилось потом, без единого титула ученый-пушкинист», в Борисе Рогатине он восхищается «удивительно русской чертой: искренне радоваться чужому успеху...».

Теплые слова он находит о своей малой родине – станице Отрадной Краснодарского края. А Майкоп для него: «Сказочно красивый и тихий. Солнечный, благословенный...».

Вот такой он – русский писатель Гарий Немченко!..

Осенью на Юге России выпадает короткая пора, образно названная народом бабьим летом. Небо в те дни – трогательно голубое, лучи солнца – яркие, пронзительные и печальные. Таким светом щедрой души озарены страницы одного из лучших, во многом итогового произведения талантливого прозаика Гария Немченко.

Недаром одна из глав называется «Осенний роман». Это – и о «Красной машине» в целом. И – о самом себе. О своем творчестве.

Г.Л. Немченко

«*“Лад”* эту публику никак не устраивал»

Беседа с В.И. Беловым

Кто достаточно близко был знаком с выдающимся русским писателем Василием Ивановичем Беловым, хорошо знает, с какой неохотой тот давал интервью либо соглашался на «беседу»...

Но вот и мне пришлось его уговаривать: а что делать? Настояли в редакции журнала «Российская Федерация сегодня», в которой я трудился тогда «обозревателем по культуре».

Настоять-то настояли, но когда Василий Иванович после долгого ворчания в мой адрес свои ответы прислал-таки, с публикацией стали медлить: и то, мол, не совсем так, и это – не этак... Дело нынче до боли знакомое: и в патриоты очень хочется, и в кассу два раза в месяц за авансом да за получкой – не меньше...

Каково мне было Белову все это объяснять, каково с ним потом встречаться?!

Но в чем только родная Кубань не поможет чтущему её сыну! В том числе и «Родная Кубань» в прямом смысле, только в кавычках.

Спасение на этот раз явилось в образе главного редактора «Родной Кубани».

– Собираюсь к Василию Ивановичу в Вологду, – стал при встрече рассказывать Виктор Лихоносов. – На юбилей... Надо бы его непременно поздравить и в журнале. Нет ли у тебя...

И я, ещё не дослушав, воскликнул радостно:

– Есть. Есть!..

Как и, и правда что, знать: может быть, для того и “понужали” меня в столичном-то, “думском” журнале уговорить Белова, чтобы через несколько лет общий наш старый товарищ лично и с легким сердцем отвез потом опубликованную им беседу писателю-юбиляру... С самыми сердечными, самыми искренними, дорогой Василий Иванович, пожеланиями ворчать на грешных своих соратников никак не меньше тридцати лет: и всё в добром здравии, и всё, несмотря ни на что, – в крепости духа!

* * *

Гарий Немченко: Не стану объясняться в уважении к тебе и к твоим книгам, дорогой Василий Иванович: всегда читал тебя и всегда почитал. Но вот недавно во время очередной книжной ревизии, так сказать, взял твой «Лад» и долго потом не выпускал его из рук. Написанные в семидесятые годы, твои «Очерки о народной эстетике» были не только памятником былой целесообразности и крестьянского быта, вообще русской жизни – они наверняка были и общей нашей надеждой. Но вот нынче как будто специально все делается «по принципу наоборот»...

Василий Белов: Гарий Леонтьевич, у меня нет даже маленького желания затевать разговор о моих книгах. Пусть бы о них говорили критики, либо журналисты, если им неverteпёж. Лишь давнее наше знакомство помешало мне отказаться от разговора с тобой. А что за журнал за твоей спиной? Да, «Российская Федерация»... Кто же из олигархов платит за такое роскошное оформление и за солидный тираж? Если у тебя журнал для губернаторов и законодателей, то не лучше ли бы и говорить нам о законах, а не о литературе? Согласен с тобой: литература тоже явление общественно-политическое. Но грязные события в мире делают разговор о ней если не бессмысленным, то каким-то мелким и даже несколько неуместным...

В центре Европы опять раскошегарена война. Того и гляди, пожар опять дойдет до нас. Культурнейшие европейские народы, видя покушение на Югославию, молчат либо открыто поощряют бесстыжих немецких вояк и трусливых, но агрессивных американцев. Неужели в таких условиях ты можешь говорить о народной эстетике? Впрочем, бомбы на Белград еще не летели, когда ты обратился ко мне с вопросами... Отвечу на эти вопросы, но пользуюсь случаем публично сказать, что натовские поджигатели войны – мерзавцы, что мое к ним презрение безгранично... Европа, которую так любил Достоевский, для меня больше не существует. Европа натовская вызывает отвращение... Какая разница между гитлеровцами и натовцами? Разницы нет!

Книга, о которой ты говоришь, написана через четверть века после Великой Отечественной войны. В той кровавой борьбе с фашизмом вместе с миллионами русских и сербов погиб мой отец. Почему я

выделяю русских и сербов? Потому что именно они понесли наибольшие жертвы, потеряли больше, чем те же англичане или немцы, затеявшие войну. Миновала еще четверть века, и вдруг перестроечная печать по какой-то извращенной логике обзывает фашистом уже меня, русского, автора книг «Лад», «Все впереди», «Кануны» и прочих. Книги изданы тиражом восемь миллионов, в том числе и в Европе. Да разве я один оказался в «фашистском» звании? Гайдары с чубайсами перекрасили русских в фашистов, то есть в гитлеровцев... Когда и как началась эта дьявольская подмена? Давай вспоминать... Уже в 70-х годах, когда вышла моя книга, перестроечную «демократическую» братию этот «Лад» никак не устраивал. Русофобам нужен был разлад, но отнюдь не лад. Ортодоксальный академик Николаев публично громил меня и мою книгу. Менее ортодоксальный критик, директор престижного столичного института Афанасьев обвинил меня в идеализации народного быта, в патриархальщине и т.д. Позднее он совместил проректорские и критиканские обязанности с обязанностью разрушителя нашего государства, стал одним из главных закопёрщиков депутатской группы, приведшей к власти Б.Н. Ельцина.

Да, Гарий Леонтьевич, «Лад» эту публику никак не устраивал! Их устраивал только «разлад» народной жизни. Но и этот разлад, отраженный в книгах моих старших друзей, таких, как Александр Яшин, Федор Абрамов, критиков тоже не больно-то устраивал. Таких писателей считали они очернителями хрущевской действительности. Вспомним и более раннюю пору, вспомним, какой ценой Шолохову удалось опубликовать «Тихий Дон». Так было всегда, начиная с Гражданской войны. «Комиссары в пыльных шлемах» быстренько обернулись искусствоведами, критиками, режиссерами. Православное мировоззрение, русский народный быт, его вековые традиции – все это ими оплевывалось и годами целенаправленно разрушалось. Нынешняя демократическая власть всего лишь завершала этот процесс. Как завершила? Если говорить о моей родной деревне, то постепенной и полной ликвидацией русского крестьянства. На юге Троцкий свирепствовал, казаков рассказывал, и на севере он же. Раскулачивали, расстреливали, ссылали вкупе со Свердловым, затем Яковлев (Эпштейн) начал раскулачи-

вать и ссылают. Даже слово «русский» было ненавистным для эпштейнов и троцких... Сталин тоже прикладывал к этому руки, пока не одумался и не понял, что войну без крестьянства страна проиграет...

Гарий Немченко: Получилось так, что книга как бы сама прежде всего раскрылась на том месте, где ты пишешь: «Нельзя забывать, что в старину многие люди считали Божьим наказанием не бедность, а богатство. Представление о счастье связывалось у них с нравственной чистотой и душевной гармонией»... Мог бы ты прокомментировать эти строчки с точки зрения нынешнего нашего житья?

Василий Белов: Гарий Леонтьевич, да что тут комментировать? С любой точки зрения – нынешней или какой другой – разрушение устоявшегося народного быта выглядит мерзко. По-настоящему православные люди и теперь считают богатство дьявольским искушением. Поговори с верующим человеком в городе или в деревне, и ты сам в этом убедишься. Однако же «Лад» православной жизни вовсе не поощряет нищенство... Все дело в том, своим ли, праведным ли трудом богатство нажито. Эту коренную особенность народной жизни «новые русские», на мой взгляд, начисто игнорируют, а банкиры считают ее нашей дурной чертой... Большевики, которых теперь изгнали, в деле искоренения национального духа, бытового и трудового разнообразия нивелировки, не годятся в подметки нынешним демократам-реформаторам. Речь ведь не только о русском быте и русских традициях. Традиции народов, населяющих нашу Родину, искоренялись комиссарами не менее яростно, и я считаю это одной из главных причин нынешнего обилия национальных суверенитетов. Космополиты ведь иной раз действовали весьма хитро, смешивая национальные традиции либо замещая и путая их. Но вмешиваться в национальные привычки, освященные веками, безнаказанно нельзя. Преступно и совмещать или силой менять национальные традиции, как бы они ни казались нелепыми западному или какому-либо иному иностранцу. Космополитизм дорого обошелся национальным особенностям всех народов.

Приведенная тобой фраза о богатстве связана больше с православной верой, с христианским мировоззрением.

Гарий Немченко: Мне очень симпатично то, что чуть ли не первый раздел твоего «Лада» называется «Подмастерья и мастера». Как припомнишь теперь: всё то издевательство над русским мастером, которое учинили «прорабы перестройки»! И тем не менее, каким-то чудом оно продолжает жить. И в моем «стальном граде» Новокузнецке, и в твоём Череповце, который немного знаю и очень люблю. Обращаюсь к тебе как к мастеру: что, на твой взгляд, мы должны нынче делать, чтобы не перевелись-таки на нашей Руси настоящие работники?

Василий Белов: Нынешние прорабы перестройки отнюдь не оригинальны. Эти перестройщики и переворотчики присутствуют в России давненько. Помнится, как преследовалось кружевоплетение, как объявились классово чуждым элементом валлящики валенок, сапожники, кузнецы, мельники, мастера гармонного дела и т.д. Искоренить профессиональное мастерство проще, чем его возродить. Господа перестройщики знали об этом...

Возрождение ремесел начнется, если Россия преодолет разруху и поголовное стремление к урбанизации, на что я надеюсь.

Окрепнет государство, восстановит и народ свои трудовые традиции, со всем этим явится и мастерство, граничащее в наших народных промыслах с искусством. Подлинных мастеров даже в нынешних условиях довольно много.

Гарий Немченко: Есть в книжке раздел, который называется: «Начало всех начал». С подзаголовочком: «Искусство народного слова». Извини, процитирую: «Дело в том, что слово приравнивалось нашими предками к самой жизни. Слово порождало и объясняло жизнь, оно было для крестьянина хранителем памяти и залогом бесконечности будущего». А теперь давай припомним речь нынешней улицы – хоть в городе. Давай припомним, будь он неладен, этот «ящик», из которого раздаются слова, которых и в подворотне не услышишь. Слог нынешних книжек..., что нас ждет, в конце концов? Если слово, и действительно, – «сама жизнь»? И как можно остановить этот процесс почти всеобщего разложения?

Василий Белов: Да, я с тобою согласен: «ящик» занял в нашей жизни слишком много места. Зомбирование широких народных масс продолжается с дьявольским упорством и последовательностью. Что такое

зомбирование? Заглянем в новейший справочник иностранных слов, выпущенный издательством АСТ (автор-составитель Е.С. Зенович). Увы, слова «зомбирование» там нет... Зомбировать – значит ‘околпачивать, обдуривать’, затуманивать не только голову, но и сердце. Так я понимаю этот термин. И то, что этого словца в новейшем словаре нет – сей факт, видимо, тоже входит в процесс зомбирования. Бог знает, что нас ждет, когда почти все средства телевизионного и печатного оболванивания находятся в руках, скажем помягче, не совсем чистоплотных. До всеобщего разложения пока еще далековато, но процесс разложения надо прервать. В этом и состоит наша с тобой задача. Писательская, между прочим, задача!

Русский язык деятельностью прессы и телевидения уничтожается не менее яростно и последовательно, чем народные бытовые, трудовые и профессиональные традиции. Это уничтожение тоже началось не сейчас. Вспомним, с каким трудом издавался словарь Даля, как шельмовался словарный состав «научным» пометками типа «местное», «провинциальное». Под видом очищения языка выкидывалась из употребления образная русская фразеология и целые гнезда слов выбрасывались. Одновременно словари разбухали от всяческой, якобы незаменимой иностранщины.

До сих пор считается некультурным говорить на нормальном русском языке, а в литературу уже проникла гнусная мода на мат и всевозможные похабные обороты. И демократические редакторы с удовольствием пускают в печатную продукцию подобную языковую плесень, и даже как бы борются за богатство русского языка. Прочитай страницу, где писатель начал материться, я закрываю книгу и бросаю ее под порог...

Гарий Немченко: Попытаемся войти в прекрасно описанный тобой «Жизненный круг»: «Младенчество», «Детство», «Отрочество», «Юность», «Пора возмужания»... Сам писал о детях и для детей. И не могу без боли в сердце размышлять о том, что нынче творим с нашими детьми, с мальчишками и девочками. Простится ли нам когда-либо этот грех? Уж все вроде было в нашей истории – «раскулачивание», «раскрестьянивание». Нынче же идет поистине сатанинское «расчеловечивание» – с пеленок. Сызмала. Можем ли мы ему что-нибудь противопоставить. Что?

Василий Белов: Ты спрашиваешь, простится ли нам этот грех? Но кому «нам», Гарий Леонтьевич? Надо же различать поклонившихся бесу матерщинников, циников, разрушителей и осквернителей прекрасного русского языка. Их нельзя путать с поборниками подлинной культуры, отстаивающими божественное призвание слова. Тут все ясно и даже просто.

Гарий Немченко: После опубликования в нашем журнале беседы с Валентином Распутиным, где он кроме прочего рассказывал о том, что ты восстановил в своей Тимонихе церковь, один наш общий знакомый буквально кричал мне: мол, кому это надо, ну кому?! Школе надо помогать, с нее надо начинать – причем тут церковь?

Василий Белов: Люди, не допускающие существование Творца, прожившие жизнь в атеистическом обществе, никогда не поймут, кому и для чего нужен восстановленный храм. Они никак не хотят понять, что школа-то ведь тоже восстановится, если восстановится храм. Да и не только школа, а еще кое-что... Полемизировать же с атеистами не хочу и не буду, тем более публично. Помните наш выездной пленум в Краснодаре, где мы слушали доклад главы краевой администрации Николая Игнатовича Кондратенко. Мне было стыдно до розовых щек за корреспондента, который спросил у губернатора, верит ли он в Бога. Не надо отвечать на такие вопросы! Как говорят нынешние бюрократы, такой вопрос «некорректен». Это все равно, что спросить, как человек с женой спит – валетом или головами в одну сторону.

Гарий Немченко: Недавно я взялся перечитывать сборничек Анатолия Передреева... какой был поэт! Там есть стих «Баня Белова». Молодец – скольких ты в свою сторону, в родную Тимонию приглашал! Так вот, Анатолий писал: жив, несмотря ни на что в деревне народный дух! И нынче жив? И в России?

Василий Белов: Анатолий Передрев был в поэзии предельно точным и предельно искренним. Как, впрочем, и Николай Рубцов. Обоих поэтов я считал своими друзьями. Потому еще при жизни моей матери и привозил обоих на мою родину. Может ли жить народный дух в деревне, которая уничтожена? В Тимонихе остались всего две старушки. В соседних селениях и того нет. Пусто. Есть ли там русских дух?

Не берусь говорить «нет», но сказать «да» тоже боязно. В России же этот народный, то есть русский дух, разумеется, еще жив, тут у меня нет никаких сомнений. Особенно это мне стало ясно после моего двукратного посещения Кубани и после знакомства с ее губернатором. Если народ наш опомнится во всех краях и областях после угарной поры, скинет паутину лжи и выберет себе таких предводителей, как Николай Игнатович Кондратенко, то Россия безусловно встанет на ноги и распрямится.

Гарий Немченко: Мы с тобой познакомились на Дону, во время первой поездки молодых писателей к Михаилу Александровичу Шолохову. Поездка эта – разговор особый. Я все мечтал собрать книжку воспоминаний участников той поездки. Геннадий Машкин первый прислал мне очень любопытный текст: начало положено. Но я пока не о том. Нынче чего только о Шолохове не говорят. Причем – как бы между делом, как бы походя. И все больше – вещи, прямо скажем, обидные. Мог бы ты сказать буквально несколько слов о своем отношении и к творчеству Михаила Александровича, и к его личности?

Василий Белов: Что значил в молодости для меня Шолохов и что значит он для меня сейчас, я все скажу когда-нибудь подробнее. И о моих встречах на Дону тоже. А пока могу лишь защитить Михаила Александровича от гнусных обвинений в плагиате.

Гарий Немченко: Вернемся к твоему «Ладу»... дай Бог, чтобы к нему часто возвращались у нас на родине – книжка этого стоит. Там есть и такая подглавка: «Помочи». Имеется ввиду та самая толока, о которой так любят говорить теперь и столичные политики: артельная работа за угощение, а бывает, за так, за доброе слово. Бескорыстна помощь соседу, другу, вообще – и ближнему соседу, и дальнему. Горят у тебя руки по этой общей работе: во имя Отечества. Надеешься ли, что будешь еще востребован, как многие другие русские и национальные писатели, о которых нынче предпочитают не говорить, которых бесстыдно замалчивают?

Василий Белов: Руки-то горят, да что от этого толку? Толока толоке рознь. Вон натовская Европа тоже устроила помочи по уничтожению югославского государства. Тоже работа артельная... С чего

они ополчились на сербов и почему Россия поступает по предательски к дружественной православной стране?

У меня руки и впрямь горят: взять бы автомат и в Сербию... Но опять же, как говорится, руки слишком коротки. А что значит быть «востребованным»? Тут я тебя не совсем понял. Пушкин говаривал, что слова литератора суть его дела. Замалчивание моих дел отнюдь не обидно. Даже полезно. Чем больше обо мне говорят, тем для меня неприятнее. Даже тогда, когда хвалят...

Гарий Немченко: И последнее: вспомним, что мы с тобой «беседуем» для журнала Федерального Собрания. Что ты достаточно долго был депутатом Верховного Совета и, следовательно, за плечами у тебя есть опыт политика. Что бы ты сказал нынешним политикам: и накануне грядущего тысячелетия и – накануне выборов, и «думских», и – президентских?

Василий Белов: Политик из меня вышел не ахти какой, поскольку я тоже позволил себя обмануть. Конечно, депутатский опыт не пропал напрасно. Теперь политическим жуликам надуть меня уже намного труднее, но... все еще можно! Поскольку русская доверчивость и всепрощенчество сидят в крови. Гены, так сказать... И не отказался бы я дать некоторые советы политикам накануне выборов. Только не лучше ли, Гарий Леонтьевич, сказать их тебе на ушко? Скажу вслух, а тебя из журнала попросят... Мне-то бояться совсем нечего, пенсию в 94 рубля авось не отнимут. А вот за каждое место в печатном органе необходимо держаться. Солдату России окопы бросать нельзя! Труссы и жулики тотчас занимают даже самый малый окопчик...

Сколько у вас народу в редакционном совете и редколлегии? А вы до сих пор не научились склонять существительные, оканчивающиеся на «о» («Родом из Инжавино»). Не стоит ждать от журналистов более важных дел, например, по спасению России. Надеюсь, ты понимаешь причины моего тяжеловесного юмора...

Разумеется, я надеюсь, на лучшее будущее и верю, что честные выборы состоятся.

А.Х. Карданова

Возвращение на Родину

Состоявшийся в феврале 1956 года XX съезд партии заложил основы крушения тоталитарной системы в стране, освобождения миллионов невинных людей и возвращения народов-переселенцев на историческую родину.

3 мая стал одним из самых светлых и радостных дней в жизни не только карачаевского народа, но и в жизни всех народов многонациональной Карачаево-Черкесии. В этот день после долгих четырнадцати лет депортации возвращающихся на свою историческую родину карачаевцев встречали на железнодорожной станции Ураковская (аул Эркен-Юрт) представители всех народов Черкесской автономной области. Почти все жители аула Эркен-Юрт с ногайским баурсаком, мясом, чаем, музыкой собрались на станции. На импровизированном митинге глава черкесской делегации, Герой Социалистического труда, председатель колхоза «Путь Ильича» А.Д. Аргунов, обращаясь к карачаевцам, подчеркнул: «Несмотря на долгую разлуку, вы всегда были и остаётесь нашими братьями. По решению правления нашего колхоза, мы приглашаем вас поселиться рядом с нашими аулом Зеюко, земли всем хватит и всем миром вам поможем, кто чем может. Мы также решили отвести вам 300 гектаров сенокосных угодий».

Были и слёзы печали по тем, кто не дожил до этого счастливого дня, и слёзы радости тех, кто ступил на родную землю.

В разгар Великой Отечественной войны, в 1943 году, по отношению к карачаевскому народу была допущена историческая несправедливость, была ликвидирована Карачаевская автономная область. 12 октября 1943 года был издан секретный Указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении карачаевцев. 2-3 ноября, практически в течение только двух дней, карачаевский народ был депортирован в республики Средней Азии и Казахстан. Обвинения, предъявленные карачаевцам, не имели под собой никакой почвы. И это происходит в то время, когда более 15 тысяч сынов и дочерей карачаевского народа со всеми представителями народов многонационального Советского Союза защищали свою Родину от немецких захватчиков.

По пути следования к местам переселения члены одной семьи теряли друг друга. Теряли из-за того, что их в спешке размещали в разных вагонах; по пути следования, при кратковременных остановках вышедшие из вагона, чтобы набрать воды, не успевали вернуться назад и т.д.

Не будем грешить против исторической истины, утверждая, что в Средней Азии и Казахстане переселенцы были встречены с радостью. На местах сразу был установлен жёсткий контроль за переселенцами – комендатуры. Без их разрешения никто не имел права выйти за пределы местопребывания. Но будет несправедливо отрицать и то, что в основном со стороны населения этих республик карачаевцы увидели человеческое внимание, понимание их тяжёлого положения, почувствовали их помощь. Об этом с благодарностью и сегодня вспоминает карачаевский народ.

Неисчислимы страдания принесла война всем народам нашей страны, всем было тяжело, но особенно тем, кто был подвергнут произволу и выселению с исторической родины. Как и другие репрессированные народы, карачаевский народ в результате свершившейся несправедливости перенёс лишения и страдания, потерял много детей, стариков, сыновей и дочерей по пути переселения и на местах переселения ввиду тяжёлых условий жизни. Но в самые трудные годы карачаевцы не теряли веру в справедливость. Обустроившись на новом месте, они активно включились в хозяйственную и общественную жизнь республик Средней Азии и Казахстана и внесли свой вклад в их народное хозяйство и культуру. Звенья и бригады, созданные из карачаевцев, по отзывам властных структур республик Средней Азии и Казахстана показывали образцы труда. Передовиками производства были тысячи карачаевцев. В 1946 году только в Джамбульской области за высокие производственные показатели были премированы более 3-х тысяч человек, в основном карачаевцы. Многие представители карачаевского народа стали мастерами высоких урожаев сахарной свеклы: молодой звеньевой Нузуле Кубановой было присвоено высокое звание Героя Социалистического труда.

Далеко за пределами Казахстана было известно имя мастера по выращиванию высоких урожаев сахарной свеклы Патии Ши-

даковой. В 1949 году она получила рекордный урожай сахарной свеклы – 1206 центнеров с гектара на площади 3 гектара. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 июня 1950 года ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Где бы ни трудились карачаевцы – на сахарных и табачных плантациях, на пшеничных и хлопковых полях, на освоении целинных и залежных землях, в строительстве канала в Голодной степи – были всегда в передовых рядах.

Карачаевцы – потомственные животноводы и замечательные мастера по выращиванию породистых и продуктивных животных. С учётом особенностей Средней Азии и Казахстана они сумели использовать этот опыт с оптимальным эффектом. Карачаевцы трудились не только в сельском хозяйстве. Многие из них работали на заводах и фабриках, на шахтах и рудниках, на транспорте и строительстве. За годы пребывания в местах переселения тысячи карачаевцев были удостоены высоких правительственных наград, становились участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. «Лучшими» в своей профессии и т. д.

Закрытое (вскоре рассекреченное) выступление Н.С. Хрущёва на XX съезде партии открыло дорогу сотням тысяч людей для возвращения на родину. После того, как содержание выступления Н.С. Хрущёва стало достоянием общественности, народы-переселенцы подняли вопрос о возвращении на родину. Во всех населённых пунктах компактного проживания карачаевцев прошли многочисленные собрания, на которых стоял вопрос о скорейшем возвращении карачаевского народа на историческую родину. Широко обсуждался также вопрос о составе делегации. В неё вошли самые уважаемые и заслуженные представители карачаевского народа: М. Акбаев, Р. Алиев, Б. Караев, А. Эбзеев, С.-У. Токаев и Х. Богатырёв. Делегация, подготовив все необходимые документы, выехала в Москву 23 мая 1956 года. Делегация 2 июня 1956 года была принята специальной комиссией ЦК КПСС. Требования карачаевского народа были обсуждены в трёхчасовой беседе. Члены комиссии ЦК КПСС, отмечая большой вклад карачаевского народа в годы депортации в экономику среднеазиатских республик, подчёркивали выгодность карачаевцам остаться там. Обещано было, что

государство пойдёт на то, что между Казахстаном и Киргизией, в местах, подобных Кавказу, будет образована автономная область.

Члены карачаевской делегации подчеркнули, что народом им дан единственный наказ – это возвращение на историческую родину: «Главное для нашего народа – Свобода и Родина, и поэтому мы хотим вернуться на Кавказ. А там заживём ещё лучше и построим лучшие дома, только возвращение на родину будет означать реабилитацию». В конце встречи карачаевской делегации было объявлено, что вопросы политической реабилитации будут решаться на заседании Президиума ЦК КПСС.

Для широкого ознакомления с результатами поездки в Москву, члены делегации выезжали в места компактного проживания карачаевского народа и подробно рассказывали о результатах поездки. В ходе этих встреч карачаевцы просили организовать ещё одну делегацию для встречи с главой государства Н.С. Хрущёвым.

В состав новой делегации вошли Н. Кубанова, М. Гаджаев, Ю. Байрамуков, М. Джаммаев, Т. Курджиев, И. Байрамкулов, И. Чагаров и У. Урусов. 4 июля 1956 года состоялась встреча второй карачаевской делегации с Н.С. Хрущёвым. Встреча была ускорена, как отмечали члены делегации, благодаря Герою Социалистического труда Нузуле Кубановой. Правительственные чиновники, увидев Звезду Героя на груди женщины, ускорили приём у Хрущёва. Карачаевская делегация изложила свое видение решения проблемы возвращения на свою родину. В конце встречи Хрущёв сказал: «Вопрос сложный, на территории, откуда высланы карачаевцы, живут уже люди, которые не виноваты в том, что их переселили. Это с одной стороны, а с другой – власти на местах расселения карачаевцев не очень-то хотят их отпускать».

На заявление Хрущёва авиаконструктор Маджир Гаджаев заметил: «Что касается местных властей, мы хотели бы предупредить Вас, что они будут за то, чтобы не отпускать нас на родину, так как карачаевцы им понравились как хорошие животноводы и полеводы. Если настоящее положение народа останется без изменения, то через 50 лет нашей нации не будет, она растворится, исчезнет». Хрущёв спросил: «Ассимилируется? Это правда, такая опасность

существует для вашей нации?». На это Гаджиев ответил: «Мы испытываем по этому вопросу тревогу».

После этих слов Хрущёв спросил всех, кто, где работает, и, провожая делегацию, отметил: «Да, я вас понял, всё вы объяснили достаточно, но я один не решаю. Мы сделаем всё для того, чтобы найти правильное решение».

«20 июля 1956 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпереселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев, членов их семей, высланных в период Великой Отечественной войны», в первом пункте которого указанные народы освобождались от спецпереселения. Но второй пункт Указа привёл в шоковое состояние народы: «Установить, что снятие ограничений по спецпереселению лиц, перечисленных в статье первой настоящего Указа, не влечёт за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют право возвращаться на места, откуда были высланы». Освобождая народы от спецпереселения, государство запрещало народам вернуться на историческую родину.

Народы, отмеченные в Указе, узнав, что государство не собирается вернуть их на историческую родину, наперекор всем запретам начали самостоятельно, поодиночке, правдами и неправдами, уходить на родину.

Такая ситуация в среде репрессированных народов заставила власти задуматься и пойти на уступки. Для встречи с карачаевцами из Москвы выехала специальная комиссия Центрального комитета партии. Встреча сторон состоялась 15 августа 1956 года. Представители карачаевского народа в составе Б. Караева, И. Чотчаева, Т. Биджиева, М. Байчорова твёрдо заявили, что их народ никогда не согласится остаться на чужбине, что в народе начнётся массовое неповиновение второму пункту Указа.

19–20 августа 1956 года карачаевская делегация вновь встретила с московской комиссией, и было заявлено, что альтернативы требованиям народа нет. Московская комиссия ещё раз убедилась, что для карачаевцев восстановление своей бывшей автономии и возвращение народа – единственный путь решения вопроса.

В районах компактного проживания карачаевцев начался сбор подписей с требованием вернуть их на родину. За неделю

было собрано около 30 тыс. подписей. 10 октября 1956 года подписи были представлены Правительственной комиссии во главе А.И. Микояном.

Президиум ЦК КПСС 26 ноября 1956 года принимает решение «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». Постановление предусматривало преобразовать Черкесскую автономную область в Карачаево-Черкесскую автономную область в составе Ставропольского края. Это была долгожданная победа репрессированного народа. Но это было политическое решение вопроса. По прошествии 1,5 месяцев, 12 января 1957 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область».

Чтобы дать ответ на вопрос – почему указанным постановлением была воссоздана Карачаево-Черкесская автономная область, сделаем небольшой экскурс в историю создания Карачаево-Черкесской автономной области.

Становление, развитие и совершенствование национальной государственности народов Северного Кавказа в 20-30-е годы прошлого столетия было основополагающей задачей в жизни этих народов.

С 1921 по 1922 годы решался вопрос о создании автономии для народов Карачая и Черкесии, в состав которой должны были войти Карачаевский округ, часть территории Баталпашинского отдела, на которой компактно проживали черкесы, абазинцы, ногайцы, а также в восточной части отдела карачаевцы и русские в шести чересполосных казачьих станицах.

12 января 1922 года ВЦИК утвердил образование Карачаево-Черкесской автономной области, как части РСФСР. Область была названа Карачаево-Черкесской исключительно по титульному названию двух территорий Карачая и Черкесии, а не потому, что она создавалась исключительно для карачаевцев и черкесов. Область была создана для всех народов, проживающих на её территории.

В 1926 году Карачаево-Черкесская автономная область была разделена на три части по национальному признаку: Карачаевская автономная область, Черкесский национальный округ (с 1928 года Черкесская

автономная область) и Русский (казачий) район с подчинением его Армавирскому округу.

В 1931 году станицы Русского района были выведены из Армавирского округа и разделены между Карачаем и Черкесией.

Возвращающиеся на родину карачаевцы с удовольствием заселялись в русских станицах, рядом с русскими и другими народами области. В целом все народы области в послевоенный период жили плохо, но, несмотря на это, они помогали обустройству карачаевцев на родной земле.

Для решения проблем прибывающих были созданы специальные комиссии областного, районного и сельского уровней. Для планомерной отправки людей из среднеазиатских республик туда были посланы представители народа. Они должны были рассказать о положении дел на родине, успокоить людей и установить очерёдность для возвращения. Это давало возможность отправить столько семей, сколько могла область принять в данный момент.

Первыми на родину отправлялись те семьи, которые могли работать в строительстве, органах госуправления, в образовании и медицине. Для координации приёма и расселения прибывающих был создан областной штаб. Такие же штабы были созданы в районах и населённых пунктах. Карачаевские семьи были в основном расселены в Карачаевском, Усть-Джегутинском, Малокарачаевском, Преградненском, Зеленчукском и Прикубанском районах и в г. Черкесске.

В течение первых трёх лет после возвращения карачаевцы на родной земле построили более десяти тысяч домов, около двух тысяч времянки. Интенсивное строительство жилья продолжалось и в последующие годы. За это же время из общего количества трудоспособных было трудоустроено более 27 тысяч человек.

Карачаево-Черкесская республика – один из самых красивых уголков нашей страны. И живут здесь народы единой многонациональной семьёй, живут в дружбе и согласии, благодаря мудрости народов, которая бережно передаётся из поколения в поколение.

Примечания:

1. Тебугев Р.С. Судьбоносные периоды в истории карачаевского народа. Ставрополь, 2016. С. 252–254.
2. Карданова А.Х. Восстановление народного хозяйства

в Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1976. С. 20–21.

3. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Советский период. Т. 2. Черкесск, 1972. С. 82.

4. Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеральные отношения: прошлое в настоящем. М., 2011. С. 161–162.

О.В. Андреева

**К юбилею основания
Отраденского районного общества
историков-архивистов
во имя святого преподобного
Нестора Летописца**

Четвёртый выпуск сборника «Отраденские историко-краеведческие чтения» районного общества историков-архивистов опубликован в августе 2016 года, в канун 5 – летней годовщины основания общества. Поздравляем с юбилеем!

На первый взгляд Общество совсем юное с точки зрения истории. Самое трудное – сделать первый шаг. Но этот шаг был сделан и общество успешно движется вперёд, вовлекая в свои ряды всех, кто живо интересуется богатой историей Кубани, Приурупья, Северного Кавказа. Оживают для потомков биографии наших талантливых и героических земляков.

В создании сборников участвуют авторитетные учёные – историки, известные писатели и журналисты, работники архивов, научные сотрудники музеев Краснодарского края, КЧР, Москвы и опытные краеведы. Очень оживляют биографические очерки живые и бесхитростные воспоминания людей, близко знавших наших знаменитых земляков.

Огромная заслуга в создании сборников такого высокого уровня принадлежит его научному редактору, автору идеи – кандидату исторических наук, доценту кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета С.Н. Малахову и С.Г. Немченко – председателю общества, неугомонному составителю сборника, ищущему всё новых и новых авторов-участников. Мне особенно приятно, что этот выпуск сборника посвящен 130-летию со дня рождения известного краеведа П.М. Галушко, моему деду, создателю народного музея в ст. Отрадной, ставшего со временем богатейшим историко-археологическим музеем во всём Приурупье.

Материалы сборника открывают новые, ранее неизвестные страницы жизни этого замечательного человека. С огромным интересом я прочитала статью С.Г. Немченко и В.К. Чумаченко «Шевченкиана П.М. Галушко, народного мастера из ст. Отрадной». Сколько неизвестных материалов пришлось извлечь авторам по крохам с большим трудом из небытия, не дав погибнуть этим хрупким, разрозненным страничкам истории, хаотично разлетевшимся во времени и пространстве.

Эти возрожденные страницы о постоянном стремлении кубанцев к дружбе и единению с самым близким для них братским украинским народом, особенно востребованы в наше непростое время. Пусть, живущая в глубинах наших народов, любовь и уважение друг к другу преодолает эти ужасные, навязанные силой сверху, черные страницы истории.

Мне очень понравилась мемуары «Воспоминания о далёких сороковых годах», их автор В.И. Росликова – доктора географических наук, гл. научного сотрудника Института водных и экологических проблем Дальневосточного отделения РАН, ныне проживает в г. Хабаровске. Её воспоминания о том, как приходилось выживать взрослым и детям в оккупированной фашистами Отрадной, нельзя читать без слёз. Хотя я родилась уже после войны, в 1947 г., но эти воспоминания мне очень близки.

Таким родным для меня повеяло от трогательных воспоминаний Валентины Ивановны о частых посещениях гостеприимного дома Петра Митрофановича и Глафиры Ильиничны. На стремление стать ученым географом – почвоведом в немалой степени повлияло её общение с учителем Петром Митрофановичем, человеком разнообразных талантов, увлекающим и других своим желанием познавать и любить природу. Его ученики стали прекрасными преподавателями, журналистами, горными инженерами, изыскателями – геодезистами. Я стала геологом и всю жизнь благодарна ему за выбор своей увлекательной профессии.

Читая воспоминания Н.П. Смирнова «Отрадная – край мельниц и пуганых мельников», радуешься, что наконец-то узнаешь о родной станице то, о чём так хотелось ранее узнать; сколько десятилетий всё это было закрыто негласной цензурой времени! Как выглядела церковь в парке, какие сады

были в пойме Урупа (один из таких садов, возле больницы, создавал мой дед по матери – Садовенко Фёдор Петрович), добротные мельницы, пивзаводы, большая ярмарочная площадь... И всегда ходили отраденцы на гору (высокое правобережье р. Уруп), чтобы полюбоваться с высоты прекрасным и роскошным видом станицы, вдохнуть пьянящие ароматы степных трав и цветов.

Так как я долгое время живу в Карачаево-Черкесии, с огромным интересом читала статью И.Х. Заубидовой «Государственному Карачаево-Черкесскому историко-культурному и природному музею-заповеднику им. О.М. Байчоровой – 100 лет». В наше время в состав музея входят ещё 11 филиалов. Все они пользуются большой популярностью среди жителей и гостей республики. Жаль только, что статья такая лаконичная.

Продолжая писать отзыв, который должен быть кратким, я поняла, что сделать это просто невозможно, настолько интересна каждая статья. Вначале быстро пролистываешь весь сборник, выхватывая из статей самое интересное. Потом уже не спеша, читаешь внимательно, отмечая закладками те места, которые будут интересны родственникам, коллегам, знакомым.

Для мужа, выросшего на Тамани, в г. Темрюке, в сборнике столько интересных статей, как про историю города, так и о подготовке к взятию Анапы в 1828 г. Е.А. Хачатуровой опубликованы новые материалы из архивов известного кубанского археолога Н.В. Анфимова: о синдах на Таманском полуострове и расселении их вплоть до р. Кубань, возникновении крупных античных городов – Гермонассы, Кепы, Фанагории.

Мы живем в часе езды от ущелья р. Большая Лаба, по которому проходил один из перевальных участков трассы Великого шёлкового пути. Особенно интересно было узнать новое о могильнике «Мощёвая Балка». Кроме уже известных уникальных находок фрагментов шёлковых тканей, в статье Ю.А. Прокопенко описываются найденные там самшитовые изделия: реликварий с искусной резьбой и разнообразные гребни. Автор прослеживает центры изготовления и сеть древних торговых путей вплоть до Великого Новгорода и других древнерусских городов.

Уроженцы ст. Кардоникской, с удовольствием взявшие у меня раньше оттиск сборника, посвященного С.Д. Мастепанову, теперь узнали много нового о талантливом писателе Г.А. Федосееве.

Хочется надеяться, что с любовью созданная, прекрасная статья известного журналиста, ветерана ИТАР – ТАСС Бурыка И.И., о нашем знаменитом земляке, всемирно известном фотокорреспонденте ТАСС, АПН, газет «Правда», «Известия», издательств «Плакат» и «Космос» А.Н. Жигайлове, станет началом большой книги.

А.Н. Жигайлов искусством фотографии запечатлел многие стороны жизни нашего Отечества в XX веке. Он своим снимком открыл всему миру образ Нерукотворного Христа, чудесно явившийся православным людям в 2000 году в горах Карачаево-Черкесии, в самый канун 2000-летия христианства.

С большим сожалением «добравшись» уже до почти последних страниц довольно объёмного сборника, надолго останавливаешься на очерке «Родное гнездо». Изумительный художник слова Г.Л. Немченко написал этюды-воспоминания о своих учителях-отраденцах. Талантливо и с блеском написанные произведения этого великого русского писателя, нашего земляка, украшают и одухотворяют и предыдущие выпуски «Отраденских историко-краеведческих чтений». Сколько в этюдах хрупкой доброты, глубоких философских раздумий, уроков жизни для всех нас.

Мне посчастливилось учиться в Отраденской СШ № 1, когда там еще преподавали заслуженные учителя РСФСР А.С. Колесник, Харланова Ю.Ф., П.С. Белецкий. и И.Ф. Садовенко, мой любимый дядя. Очень много прекрасного расскажет любой, кто хоть однажды общался с ним. Прочитав трогательные, еще детские воспоминания Гария Леонтьевича, как Иван Фёдорович, не мог пройти мимо початка кукурузы, упавшего в грязь, не подняв его, я сразу вспомнила рассказ моей мамы.

Семью отца Ивана Фёдоровича и мамы раскулачили в х. Спокойная – Синюха, где они жили. Отца забрали, а матери, Акулине Ивановне, с детьми пришлось скитаться и выживать по чужим углам. Иван Фёдорович с маленькой сестрой Полиной (моей мамой) поселился в ст. Исправной, снимая угол. Ему, старшему взрослому

брату, было 14 лет, и его взяли работать в школу. Мама ходила по дворам, выполняя мелкую работу, чтобы заработать немного еды. Ожидая брата из школы, мама перебирала в комоде лоскутки, пытаясь сшить себе куколку. Вдруг она нащупала что-то твердое. Это был початок кукурузы! Дядя Ваня

предложил в размолотую им крупу добавить цветы белой акации, чтобы лепешки получились сладковатыми. Это был трагический и голодный тридцать третий год...

Спасибо всем авторам и составителям сборника за сохранение памяти обо всех этих замечательных людях.

VIII. РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

С.Н. Малахов

Новое исследование о библиотеке генерал-лейтенанта И.Д. Попко

(Рец. на кн.: Материалы к библиографической реконструкции каталога личной библиотеки Ивана Диомидовича Попко / сост. И.В. Дубинин, И.Г. Иванцов; Книги из библиотеки И.Д. Попко в фонде Ставропольской краев. универ. науч. б-ки им. М.Ю. Лермонтова / сост. Н.Н. Авдеева, А.В. Ашихмина; под ред. А.И. Слуцкого, О.В. Кирьяновой. – Краснодар: Альбатрос Плюс, 2017. – 191 с.: ил.).

Изучение личных библиотек видных государственных, военных, общественных деятелей, ученых и деятелей культуры позволяет глубже вникнуть в их служение и творчество, ответить на многие вопросы взаимоотношений личности и общества, влияния идейно-культурной среды на формирование мировоззрения, творческих планов. Однако трудность на пути подобного рода штудий заключается в том, что слишком мало сохранилось полных книжных собраний, не лучше обстоит дело и с их каталогами.

Личная библиотека Ивана Диомидовича Попко (1819–1893) в определенной мере счастливое исключение в этом отношении: сохранилась часть книг и, самое главное, каталог, составленный при жизни библиофила.

Генерал-лейтенант Кубанского казачьего войска И.Д. Попко – видная фигура в культурной истории Северного Кавказа – краевед, этнограф, военный деятель, организатор первых музеев на Северном Кавказе, известный общественный деятель Кубани и Ставрополя.

Коллективная монография, вышедшая под редакцией А.И. Слуцкого и О.В. Кирьяновой, посвящена «возможным путям изучения личной библиотеки одного из первых черноморских историков» и включает в себя библиографическую реконструкцию части каталога библиотеки И.Д. Попко, хранящегося в фондах Государственного архива Ставропольского края (около 600 томов), и алфавитный список 56 названий книг из собрания Попко, выявленных исследователями в фонде отдела ред-

кой книги Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова.

Книга начинается очерком известного кубанского историка Б.А. Трёхбратова о жизненном пути и творческом наследии Ивана Диомидовича Попко (с. 6–21), из которого можно установить, что несмотря на обучение Попко в Астраханской духовной семинарии, и на первом курсе Московской духовной академии, он так и не получил «высшего» образования из-за проблем со здоровьем, имел среднее духовное образование, но всю жизнь занимался самообразованием. Из семинарии Иван Диомидович вынес любовь к книге, эта страсть осталась с ним на всю жизнь. Наделенный даром литературного слова, он начинает активно писать на историко-этнографические темы об истории, военном быте, хозяйстве черноморских казаков-потомков запорожцев, переселившихся на Кубань. По уровню образования И.Д. Попко был выше на голову таких кубанских историописателей, как Я.Г. Кухаренко, Е.Д. Фелицын, П.П. Короленко. Первые литературные опыты И.Д. Попко появляются в «Русском инвалиде» в 1855 г. В период прохождения военной службы в Санкт-Петербурге подполковник 2-го эскадрона лейб-гвардии Черноморского казачьего дивизиона публикует одно из главных своих сочинений «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту». В период службы на Кубани в должности командира Псекупского полка Иван Диомидович выступил поборником обязательного начального образования для мальчиков – будущих казаков, организатором школьного дела. Его любовь к книге проявилась в том, что в подчиненном ему Псекупском полку была одна из лучших библиотек, за состоянием которой он ревностно следил. Один из последних крупных трудов И.Д. Попко – «Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. Вып. 1. Гребенское казачество» – был издан в Санкт-Петербурге в 1880 г.

В обстоятельном библиоведческом очерке А.И. Слуцкого «Заметки о библиотеке Ивана Диомидовича Попко и ее каталоге» (с. 22–40) детально анализируются все стороны этого книжного собрания

с целью изучить историю формирования личной библиотеки, ее структуру в тематическом отношении, активность использования книжной информации автором собрания, отношение библиофила к книге, знание иностранных языков, личные взаимоотношения с авторами сочинений, источники поступления и приобретения книг, журналов, справочников и пр.

Во многом глубоко аналитический и образцовый в методологическом отношении очерк известного культуролога, источниковеда и библиографа А.И. Слущкого может стать модельным при изучении проблем книжной истории и культуры Северного Кавказа для начинающих исследователей. Поскольку не все раритеты из собрания И.Д. Попко сохранились, то «самым полным информативным источником для реконструкции библиотеки представляется ее рукописный каталог» (с. 23).

Как верно отмечает автор очерка, каталог личной библиотеки представляет интерес для изучения не только биографии и творческого пути ее владельца, его личностных и культурных связей, общественно-политической позиции, но дает также материал для анализа читательских запросов отдельных социальных групп, формирования книжного фонда региона в определенные исторические периоды, книжных связей столицы и провинции, становления региональной школы историописания, просвещения, науки и культуры. В то же время А.И. Слущкий предупреждает, что абсолютизировать информацию книжных каталогов нельзя, поскольку книги могут часто совершенно случайно попадаться в собрания их владельцев, здесь требуется привлечение для достоверности источников других видов.

По наблюдениям А.И. Слущкого библиотека Ивана Диомидовича Попко была «живой», ее состав менялся, а рукописный каталог, составленный по его распоряжению в 1877 г., отразил лишь один из этапов жизни личной библиотеки. Владелец библиотеки часто дарил книги своего собрания, давал их для прочтения, использовал в повседневной работе и в работе над историческими сочинениями. Каталог был составлен им самим только частично, хотя подготовительные материалы к нему уже были сделаны в 1871 и 1874 гг.

Формирование библиотеки И.Д. Попко началось в семинарские годы и не прекращалось до конца жизни ее владельца. Поскольку в каталоге были тематические разделы, то их количественный анализ позволяет говорить о читательских и профессиональных интересах ее владельца. Больше всего в собрании беллетристики и литературных журналов 307 (31,5%), по истории, статистике, географии, фольклору – 259 (26,6%), полные собрания сочинений – 132 (13,6%), в отделе «богословие, философия, медицина, естественная история, сельское хозяйство» перечислено 60 названий, или 6,2% от общего количества экземпляров книг, зафиксированных в I части каталога. Учебные книги, издания законов, военное искусство, уставы – 145 (15%) названий. Книги на иностранных языках составляли в библиотеке 38,7%, причем 69,4% приходилась на беллетристику.

Последнее указывает на то, что образованный, читающий и пишущий человек в России XIX века постигал мир ещё преимущественно через художественное и публицистическое слово, при этом в равной мере живо интересовался отражением жизни как в русском языковом дискурсе, так и особенностями «передовой» европейской жизни, отражавшимися во французской и немецкой литературе. Информация об окружающем социальном и экономическом мире черпалась из энциклопедий, справочников, ежегодников, календарей. Профессиональные интересы, безусловно, сказывались на подборе книг. Как профессиональный военный и историк, И.Д. Попко имел в своей библиотеке не только книги по современной военной истории России, представленной такими именами, как А.В. Суворов, А.П. Ермолов, Г.А. Емануэль, М.С. Воронцов и др., но и труды крупнейших историков – Н.М. Карамзина, Н.Г. Устрялова, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова и др. По наблюдениям А.И. Слущкого, владелец внимательно читал книги собственной библиотеки, был эрудированным человеком, с хорошей памятью, что неоднократно подтверждают цитаты и аллюзии, приводимые им в походном дневнике и демонстрирующие недюжинную читательскую эрудицию.

Весьма полной в библиотеке была подборка книг по истории Кавказа, которая служила постоянным источником информации для И.Д. Попко, как военного,

общественного деятеля, так и историографа. Судя по каталогу, Иван Диомидович был полиглотом, знал классические языки, европейские, интересовался татарским и турецким. Круг чтения генерал-майора И.Д. Попко из числа русских писателей и поэтов преимущественно современники: А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, И.А. Крылов, Д.В. Давыдов, А.А. Бестужев-Марлинский, Н.А. Некрасов, В.Г. Белинский, Л.Н. Толстой, А.К. Толстой, Н.Г. Помяловский, А.Ф. Писемский, И.С. Тургенев, из украинских – И.П. Котляревский, Т.Г. Шевченко, Г.Ф. Квитко-Основьяненко.

Дарственные надписи на книгах, хотя число их незначительно, позволяют восстановить деловые, творческие, служебные и личные связи И.Д. Попко с современниками, что, как верно отметил А.И. Слуцкий, может стать темой отдельного и увлекательного исследования в будущем.

Основную работу по библиографической реконструкции личной библиотеки генерал-лейтенанта И.Д. Попко и описанию находившихся в ней книг на основе рукописного чернового каталога по отделам, в современной орфографии, с присвоением названию порядкового номера провели книговед и библиограф И.В. Дубинин и доцент И.Г. Иванцов (с.42–176). В материалах к библиографической реконструкции библиотеки прилагается «Алфавитный указатель авторов и заглавий». Авторы проделали скрупулёзную работу по выявлению и уточнению недостающих в черновом каталоге элементов библиографического описания изданий по различным современным каталогам русской книги XIX в.

Алфавитный список книг из Библиотеки И.Д. Попко, с указанием инв. номеров, дарственных надписей, экслибрисов, владельческих знаков на этих изданиях, хранящихся в Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке им. М.Ю. Лермонтова подготовлен сотрудниками отдела редкой книги СКУНБ Н.Н. Авдеевой и А.В. Ашихминой. Издание иллюстрировано фотографиями из архивов составителей и фондов Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова.

Совместный проект, осуществленный в творческом содружестве ставропольских и кубанских библиографов и историков

книжного дела на Северном Кавказе является ценным и многообещающим началом в изучении библиофильства и книжной культуры Юга России XIX века.

С.Н. Малахов

Чтобы помнили...

(Рец. на книгу: *Орёл Л.Г. И это всё – о нем... Краеведческие очерки* / Научный ред. В.К. Чумаченко. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2016. – 202 с.: ил.).

Краеведческая книжная полка пополнилась ещё одним изданием, рассказывающем о творческом пути, научных исканиях, общественной позиции известного кубанского и украинского литератора, журналиста Василия Николаевича Орла (1928–1987). Его имя как литературоведа и краеведа Кубани становится широко известно с 90-х гг. XX века благодаря активной популяризации его имени Л.Г. Орёл, вдовой журналиста. Первый биобиблиографический очерк о Василии Николаевиче появился в сборнике «Кто есть кто в кубановедении», изданном под редакцией доктора исторических наук, профессора Б.А. Трехбрата. Сейчас уже изданы полная библиография работ В.Н. Орла, его избранные труды. Большая работа в этом направлении была проделана кандидатом филологических наук, профессором В.К. Чумаченко.

Архив журналиста, занимавшегося литературным краеведением Кубани, изучением украинско-северокавказских литературных связей бережно сохранен и передан Ларисой Гавриловной Орёл в Государственный архив Краснодарского края и Краснодарский историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, некоторые документы и их копии поступили в Отрадненский районный архив и Отрадненский историко-археологический музей, с которым в годы работы в станице Отрадной тесно сотрудничал В.Н. Орёл. Его пребывание в Отрадной в конце 1950-1960-х гг. оставило яркий след в развитии краеведения в Приурупье. Он одним из первых стал собирать и публиковать материалы о Гражданской войне и ее участниках в Приурупье, освещать историю пионерского движения. Супруги В.Н. и Л.Г. Орел создали один из

первых школьных литературных музеев на Кубани – в ст. Малотенгинской – посвящённый творчеству украинского поэта Т.Г. Шевченко, они стояли у истоков пионерского движения «соломахинцев», связанного с именем учительницы Т.Г. Соломахи, погибшей в годы Гражданской войны в борьбе за Советскую власть...

Краеведческие очерки под названием «И это всё – о нем...» – первый опыт самостоятельного широкого и многопланового показа литературно-краеведческой и общественной деятельности В.Н. Орла, предпринятый автором в виде отдельной книги, содержащей 17 очерков, двенадцать из которых были ранее опубликованы Л.Г. Орел в различных научных малотиражных изданиях, журнале «Родная Кубань» и др.

Уроженец станицы Васюринской, В. Н. Орёл много лет жил в Отрадной, работал журналистом в районной газете «Советское казачество», переименованной на излёте хрущёвского периода в «Сельскую жизнь», учительствовал, стал собирать материалы об украиноязычных писателях Кубани: Я. Кухаренко, В. Мове-Лиманском, Ф. Щербине, Г. Доброскоке, О. Кирие, Я. Жарко и других. Мечты написать полноценную книгу об украино-кубанских литературных связях, защитить диссертацию, к сожалению, так и не осуществились. Однако его изыскания об основоположнике кубанской литературы Я.Г. Кухаренко и его дружбе с Т.Г. Шевченко оказались настолько ценными, что известный украинский ученый-шевченковед Е.С. Шаблюковский отметил вклад В.Н. Орла в изучение творчества Кобзаря, как «важную страницу советского шевченковедения». Любовь к Украине, а также иные обстоятельства вынудили Василия Николаевича покинуть Кубань, и с 1964 года он переезжает на Украину, обосновавшись затем окончательно в городе Николаеве.

В книге увлекательно рассказывается об изучении В.Н. Орлом жизни и творчества Я. Кухаренко, Т.Г. Шевченко, К.Л. Хетагурова, оперного певца, уроженца станицы Отрадной. В.П. Дамаева, украиноязычных поэтах и писателях Кубани 20–30-х гг. XX века. Много страниц посвящено раскрытию неутомимой музейно-организаторской деятельности В.Н. Орла, которая выливалась не только в его конкретной работе (он был непосредственно причастен к организации Отрадненского краеведческого музея, школь-

ного музея им. Т.Г. Шевченко в станице Малотенгинской, литературного отдела в музее боевой и трудовой славы станицы Васюринской), но и в интеллектуальной, документально-материальной поддержке замыслов его коллег по литературоведческому и краеведческому «цеху» в период создания Литературного музея Кубани, дома-музея Т.Г. Соломахи в станице Попутной.

В течение жизни в книжном собрании В.Н. Орла накопилось много изданий с автографами. Посвящения и инскрипты раскрывают круг литературных и научных связей В.Н. Орла, помогающих уточнить его духовно-мировоззренческие, профессиональные и дружеские связи с украинской и кубанской интеллигенцией. Невольно эту семейную традицию продолжила автор очерков, Лариса Гавриловна Орел. Автографам, в которых отдается дань признания ее супругу на книгах, подаренных вдове литературоведа, посвящен отдельный очерк.

Уже забытая страница из истории пионерского движения в Приурупье (первый районный слет «соломахинцев» в станице Попутной, состоявшийся в 1964 г.) живо предстает в очерке «Соломахинцы». В книге можно найти новые подробности и фотодокументы об организации (от замысла до воплощения) Василием Николаевичем Орлом школьного музея имени Т.Г. Шевченко в станице Малотенгинской в 1963 г.

Новые подробности можно узнать об исследовательских и личных связях В. Н. Орла с современниками: кубанским писателем, поэтом и краеведом В.П. Бардадымом, осетинским поэтом и писателем Н.Г. Джусойты, композитором А. Кос-Анатольским и художником В. Касияном из Украины, советскими писателями Г. Степановым, В. Бородиным и Л. Большаковым, историком-архивистом Г.Т. Чучмаем и др. Книгу завершает публикация первых глав недописанной повести В.Н. Орла «Самородок земли российской», посвящённой оперному певцу В.П. Дамаеву.

Несмотря на некоторую тематическую и содержательную неравноценность очерков, их объединяет одна тема – воссоздание образа незаурядной личности журналиста и литературоведа В.Н. Орла. Автор пишет заинтересованно, стремится искренне, во всем многообразии бытия отразить широту, глубину жизненных и литературных планов близкого человека и современника,

к сожалению, во многом так и не реализовавшего свой творческий потенциал по причинам социальных, идеологических и исторических обстоятельств того времени. Уникальные фотодокументы из семейного архива удачно дополняют текст очерков, делая их главного героя и характеризуемую эпоху более зримыми. Книга очерков представляет важный материал для воссоздания полноценной истории литературного краеведения на Кубани, а также истории краеведения в Приуралье в середине XX в.

Е.В. Марченко

Материалы к биобиблиографии Петра Ефимовича Придиуса

Рекомендательное библиографическое пособие посвящено творчеству известного кубанского писателя Петра Ефимовича Придиуса, кубанского публициста, члена Союза писателей России и Союза журналистов России, заслуженного работника культуры России, заслуженного журналиста Кубани, Адыгеи и Республики Беларусь.

В издании представлен биографический очерк, составленный по материалам печати и электронных СМИ, библиографический список произведений Петра Ефимовича Придиуса и литературоведческих публикаций о нем.

Библиографическая информация сгруппирована в несколько тематических разделов. В первом разделе собраны художественные и публицистические произведения, изданные отдельными книгами. Записи расположены в алфавитном порядке названий произведений.

Во втором разделе собраны художественные и публицистические произведения, опубликованные в сборниках, журналах и газетах. Записи расположены в хронологическом порядке выхода в свет публикаций и изданий.

В третьем – информация о жизни и творчестве писателя, интервью писателя, сведения о наградах. Записи расположены в хронологическом порядке.

Библиографические записи частично снабжены краткими аннотациями.

Библиографическое описание осуществлено в соответствии с ГОСТами 7.1-2003 и 7.012-20011.

Часть библиографических материалов данного издания входит в Электронный каталог ККУНБ им. А.С. Пушкина, который постоянно пополняется новой информацией и доступен всем желающим не только в стенах библиотеки, но и в сети Интернет: <http://pushkin.kubannet.ru>.

Петр Ефимович Придиус Краткий биографический очерк

Придиус Петр Ефимович (1932–2003) – кубанский публицист, член Союза писателей России и Союза журналистов России, заслуженный работник культуры России, заслуженный журналист Кубани, Адыгеи и Республики Беларусь, Почетный гражданин Отрадненского района – родился 10 января 1932 г. в кубанской станице Бесстрашной Отрадненского района Краснодарского края в семье потомственного кубанского казака. Его родители научились расписываться в «ликбезе» – вечерней школе ликвидации безграмотности. Получивший там «образование» отец одно время был даже председателем колхоза «Заветы Ленина» в станице Бесстрашной. Отец его, Ефим Алексеевич, по словам самого Петра Ефимовича, меняя плуг на винтовку, прошел три войны, на четвертой, Великой Отечественной, погиб в 1944 году. Мать Фекла Устиновна за воспитание пятерых детей награждена медалью «Материнская Слава», умерла в 1977 году.

Петр в семье – младший. Старший, Алексей, работал председателем колхоза, Иван стал заместителем министра юстиции Кабардино-Балкарии, Павел – начальником противопожарной службы в Ухте, Григорий был знатный печник в Отрадной. А вот Петя выбрал журналистскую стезю. Окончив станичную школу с золотой медалью, поступил в Московский государственный университет им. Ломоносова на факультет журналистики при конкурсе 40 человек на место. С красным дипломом заканчивает факультет журналистики прославленного МГУ и с комсомольской путевкой, добровольцем, отправляется осваивать целинные земли, хотя ему предлагали теплое и престижное место в Москве, на кафедре журналистики. В течение одиннадцати лет работал на казахстанской целине. В 1955 году начал журналистскую карьеру в газете «Прииртышская правда» и на Казахском республиканском радио, был назначен

главным редактором «Целиноградской правды». За освоение целинных земель получил медаль. Затем вернулся на родную Кубань. Работал в газете «Советская Кубань», руководил печатными изданиями в разных районах Краснодарского края. Был главным редактором «Адыгейской правды», заведующим сектором печати крайкома КПСС.

В 1970 году Петр Ефимович Придиус возглавил редакцию газеты «Строитель коммунизма» в Брюховецком районе. С приходом Петра Ефимовича журналисты раскрепостились, раскрылся творческий потенциал каждого сотрудника районки. Он сам много писал, и был образцом мастера-журналиста. Получив престижную награду «Золотое перо Кубани», Придиус подал пример своим коллегам. И, кстати, на следующий год этот престижный знак получил сотрудник «Строителя коммунизма» Василий Бабич. По его мнению, Петр Ефимович был настоящим редактором, мудрым и тактичным, наставником всех, кто работал в то время в районке.

– «Я никогда не испытывал ранее и после такой творческой свободы и огромного желания трудиться на журналистской ниве, как при Петре Ефимовиче. Он – мой учитель на всю жизнь!»

Тираж газеты в ту пору сильно вырос, жители были влюблены в свою местную газету. Они с интересом и гордостью читали и первую книгу публициста Придиуса «Заветное поле» о легендарном председателе, Герое Социалистического Труда, орденосце Иване Ивановиче Буренкове. Подоброму радовались брюховчане и карьерному росту Придиуса: собственный корреспондент газеты «Советская Кубань», инструктор, заведующий сектором печати отдела пропаганды крайкома КПСС.

Впоследствии Петр Ефимович был заместителем редактора литературного альманаха «Кубань», трудился в краевом секторе информации.

В 1991 году по настоятельной рекомендации главы края Николая Игнатовича Кондратенко стал организатором и первым главным редактором новой краевой газеты «Кубанские новости», первый номер которой вышел в январе 1990 года. Главную газету Краснодарского края П.Е. Придиус возглавлял более десяти лет. Талантливый, яркий и опытный публицист был принят в

Союз писателей России, и до последних дней жизни руководил краевой писательской организацией.

«Кубанские новости» за короткий срок стала поистине народной газетой и трибуной кубанских писателей. Это говорит о больших организаторских способностях Петра Ефимовича Придиуса. Читатели «Кубанских новостей» всегда имели возможность пообщаться с такими кубанскими писателями и поэтами, как Иван Варавва, Виктор Лихоносков, Кронид Обойщиков, Николай Зиновьев, Иван Бойко, Валентина Саакова, Вадим Неподоба, Владимир Архипов, Виктор Ротов, Сеитумер Эминов, Нелли Василюнина...

Придиус опытный литератор с безошибочным чувством стиля, с огромными языковыми возможностями. Его личность полностью раскрывается в отношениях с простыми людьми. В течение ряда лет на страницах газеты «Кубанские новости» публиковались острые миниатюры писателя под псевдонимом Степан Хуторской, пользующиеся огромной популярностью у читателей. Позже они вошли в остро сатирическую книгу «Богато ж у нас всяких глупостев...». Рассказчик хорошо владеет простонародной речью, прекрасно чувствует станичный быт. Его великолепные бытовые эпизоды выхвачены прямо из жизни. И эта настоящая жизнь питала его творческие силы.

Петр Ефимович много внимания уделял возрождению казачества. По его инициативе «Кубанские новости» стояли у истоков развития и укрепления братских отношений Кубани с Белоруссией, с Югославией, Абхазией. На почве славянской дружбы между Кубанью и Белоруссией родилась его книга «Сестра наша – Беларусь». Естественно, самые теплые и добрые отношения у «Кубанских новостей» были с Республикой Адыгея. Кстати, П. Придиус – первый на Кубани заслуженный журналист Республики Адыгея. Как представитель творческой интеллигенции, писатель Придиус часто общался с выдающимися учеными, артистами, политиками, известными писателями. Его поездки в Белоруссию, Америку, Югославию, Чечню, Грецию, в различные регионы России всегда заканчивались великолепными путевыми очерками.

Очень занятый человек, уже при регахиях, Петр Ефимович ни в чем никогда не отказывал своим землякам. Приезжая в

родную Бесстрашную, обязательно обходил своих друзей и знакомых, узнавал, кто в чем нуждается, все записывал в свой блокнот. Присылал свои книги, газеты с интересными статьями. Интересовался делами совхоза и всегда оказывал посильную помощь. Помогал станичникам устраиваться на лечение в краевую больницу. Ветеранам войны помогал в бесплатной подписке на газеты. Совместно с другими писателями пополнял библиотечный фонд. Петр Ефимович приложил много усилий для увековечения памяти Дмитрия Федоровича Лавриненко. В родном районе его любили, читали с большим интересом, да и тираж «Кубанских новостей» в Отрадненском районе был одним из самых больших в сравнении с другими районами края. В поездку по району он часто приглашал и своих друзей-писателей, журналистов, поэтов, артистов, Героев Советского Союза, известных в крае врачей, лекторов, а бывало, с ним приезжали целые концертные бригады. Благодаря ему в Бесстрашной побывали и встречались со станичниками профессор Владимир Оноприев, атаман ККВ В.П. Громов, поэты и писатели К.А. Обойщиков, В.А. Архипов, В.И. Лихоносов, В.Т. Иваненко, старейший казак Кубани «дед Авдей» – Николай Петрович Авдеев, профессор А.А. Хагуров и другие известные люди. Для жителей станицы это всегда было большое событие. Врачи во время таких приездов вели прием больных, герои встречались с ветеранами, проводили в школах уроки патриотизма. А встречи с писателями, поэтами и артистами всегда превращались в большие станичные праздники с концертами, в которых сами станичники вместе с гостями на сцене выступали. Ну, разве не веселье! Петр Ефимович активно участвовал в возрождении казачества. Был избран атаманом станицы Бесстрашной. Всем районом доверили ему краевой депутатский мандат, а отрадненцы присвоили звание «Почетный гражданин Отрадненского района»

Петр Ефимович активно работал в жанре художественной публицистики. Он автор многочисленных очерков, статей, рецензий. В 1994 г. он был принят в Союз писателей России. Был избран сопредседателем правления Союза писателей России. Председателем его Краснодарской краевой писательской организации он оставался до последних дней своей жизни.

Петр Придиус – автор большого числа книг: «Родное», «Заветное поле», «Отрадненское предгорье», «Не погаси огонь Прометея», «Даша и Рыжка», «Сестра наша – Беларусь», «Звездопад», «Просто русские...», «Там солнце становится русским» и др. В 2006 году, уже после смерти писателя вышла его последняя книга очерков «Про писателей...». Смешные и грустные истории, были и небывлицы, забавные случаи, интересные факты, безобидные вымыслы, анекдоты и шутки. Они помогли нам заглянуть в таинственный мир писателя, о чем-то задуматься, они вызывают добродушную, сочувственную улыбку, а для молодых воскрешают уже, к сожалению, забытые имена: П.К. Иншакова, П.К. Игнатов, С. Эминова и др.

Литературная и общественная деятельность Петра Придиуса снискала ему высокое признание и уважение земляков. Он – заслуженный работник культуры России, заслуженный журналист Кубани, Адыгеи и Республики Беларусь, почетный гражданин Отрадненского района, лауреат журналистской премии «Золотое перо Кубани» (1995 г. под именем Степана Хуторского и за другие годы), «Журналист года» (1987), «Золотое перо России» (2001), почетный член ассоциации Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы, награжден орденом «Знак Почета», 6 медалями, Почетной грамотой Совета Министров Республики Беларусь» (8 янв. 2002 г.).

Ушел из жизни этот удивительно добрый, красивый, талантливый человек 14 октября 2003 г., на праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Имя его не забыто.

Помнят его и на факультете журналистики КубГУ, где он преподавал. Одна из улиц Краснодара носит имя замечательного журналиста и писателя Петра Ефимовича Придиуса.

Составлено по материалам печатных источников и данным электронных СМИ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Произведения П.Е. Придиуса, изданные отдельными книгами

1.1. Художественные произведения

Придиус, П.Е. Богато ж у нас всяких глупостей... (Думки Степана Хуторского) / П.Е. Придиус. – Краснодар, 1996. – 159 с.

Придиус, П.Е. Даша и Рыжка: повесть-быль / П.Е. Придиус. – Ростов н/Д.: Книга, 1999. – 31 с.

Придиус, П.Е. Заветное поле. – Краснодар: Кн. из-во, 1975. – 63 с.

Придиус, П.Е. "Звездопад": повесть-хроника / П.Е. Придиус. – Краснодар: Совет. Кубань, 2000. – 230 с.

Придиус, П.Е. Отрадненское предгорье. – Краснодар: Кн. изд-во, 1980. – 78 с.

Придиус, П.Е. Про писателей... / П.Е. Придиус. – Краснодар: Периодика Кубани, 2005. – 120 с.

Придиус, П.Е. Просто русские... / П.Е. Придиус. – Краснодар: Периодика Кубани, 2002. – 432 с.

Из содерж. : Мои станичники : [станица Бесстрашная, основана в 1859 г.] ; Казачий круг : две жизни казака Тимофея Винникова : докум. повесть ; Эпопея деда Авдея : штрихи к портрету казака станицы Некрасовской Н.П. Авдеева ; Где вы, Минины и Пожарские?.. : [о Н.И. Кондратенко] ; Кубань в судьбе генерала Парижской коммуны (Ярослава Домбровского) ; Как посох путника. Домик над морем : о В.Г. Короленко (Джанхот) ; К духовному очищению : заметки о встречах с русским писателем В. Беловым на Кубани в 1998 году ; Возвращение имени гению : новые данные из жизни провидца космической эры Кондратюка-Шаргея Ю.В. ; Калашников М.Т. ... : знаменитый и безвестный : [его родители жили в станице Отрадной] ; Мудрость сеятеля : [П.П. Лукьяненко]. Повести, очерки, эссе, публицистические исследования, путевые репортажи, сатирические миниатюры и размышления.

1.2. Документальная проза. Публицистика

Придиус, П.Е. Большая судьба Малой земли: [материалы конференции] / Сост. П.Е. Придиус, В.Г. Филимонов. – Краснодар: Кн. изд-во, 1978. – 80 с.

Придиус, П.Е. Заветное поле: [Колхоз «Заветы Ильича» Брюховецкого района] / П.Е. Придиус. – Краснодар: Кн. изд-во, 1975. – 63 с.: ил.

Придиус, П.Е. Каждый месяц – политдень / П.Е. Придиус. – Краснодар: Кн. изд-во, 1978. – 46 с.

Политико-массовая работа Краснодарского края: 10-я пятилетка, эффективность, качество.

Придиус, П.Е. О писателях... / П.Е. Придиус // Кубань литературная: альманах. – Краснодар, 2006. – С. 152.

Придиус, П.Е. Про писателей... / П.Е. Придиус. – Краснодар: Периодика Кубани, 2005. – 120 с.

Из содерж. : Поэт-невидимка : (С. Эминов) ; "В лесу родилась елочка" : (К. Обойщиков) ; Визит к "всесоюзному старосте" : (П.К. Игнатов на встрече с М.И. Калининым) ; Феномен партизанского "батьки" (П.К. Игнатов) ; Певец за сценой : (А. Кирий) ; Как делили Малую Землю : (Г. Соколов) ; Разлад : (В. Астафьев и А. Знаменский) ; А поэты – те же люди... : (Н. Зиновьев). "В этой книге вы встретите смешные и грустные истории и истории, были и небылицы, забавные случаи, интересные факты, безобидные вымыслы и шутки" (П.Е. Придиус).

Придиус, П.Е. Просто русские... / П.Е. Придиус. – Краснодар: Периодика Кубани, 2002. – 432 с.

Из содерж. : Мои станичники : [станица Бесстрашная, основана в 1859 г.] ; Казачий круг : две жизни казака Тимофея Винникова : докум. повесть ; Эпопея деда Авдея : штрихи к портрету казака станицы Некрасовской Н.П. Авдеева ; Где вы, Минины и Пожарские?.. : [о Н.И. Кондратенко] ; Кубань в судьбе генерала Парижской коммуны (Ярослава Домбровского) ; Как посох путника. Домик над морем : о В.Г. Короленко (Джанхот) ; К духовному очищению : заметки о встречах с русским писателем В. Беловым на Кубани в 1998 году ; Возвращение имени гению : новые данные из жизни провидца космической эры Кондратюка-Шаргея Ю.В. ; Калашников М.Т. ... : знаменитый и безвестный : [его родители жили в станице Отрадной] ; Мудрость сеятеля : [П.П. Лукьяненко]. Повести, очерки, эссе, публицистические исследования, путевые репортажи, сатирические миниатюры и размышления.

Придиус, П.Е. Родное: О земле и людях, радеющих о ней / П.Е. Придиус. – Краснодар: Кн. изд-во, 1986. – 272 с.

Придиус, П.Е. С Кавказом породненные / П.Е. Придиус; ин-т международного права, экономики, гуманитарных наук и управления им. К.В. Россинского. – Краснодар, 2000. – 58 с.

О Людях Кубани.

Придиус, П.Е. Сестра наша – Беларусь / П.Е. Придиус. – Краснодар: Кубанские новости, 2000. – 192 с.: ил.

Придиус, П.Е. Там солнце становится русским : мысли, навеянные путешествием по Транссибу / П.Е. Придиус. – Краснодар, 2003. – 143 с.: ил.

Ротов, В. Кубань: один год с Батькой Кондратом и его Дружиной / В. Ротов, П.Е. Придиус. – Краснодар: Советская Кубань, 1998. – 352 с.: фот.

О Н.И. Кондратенко, экономические и общественно-политические отношения Краснодарского края.

II. Произведения, опубликованные в сборниках, журналах и газетах

2.1. Художественные произведения

Придиус, П.Е. Большие игры вокруг "Малой земли" / П.Е. Придиус // Черноморская здравница. – 1990. – 23 окт.

Главы из повести "Звездапад" о застойных временах на Кубани, посвященные обсуждению книги Л.И. Брежнева "Малая земля".

Придиус, П.Е. Звездапад: повесть-хроника о том, что с нами было, что есть и что не должно повториться / П.Е. Придиус // Кубань. – 1991. – № 7. – С. 39–42; № 8. – С. 55–58; № 2. – Начало : 1989, 1990.

О застойных временах на Кубани.

Придиус, П.Е. Даша и Рыжка: рассказ-быль / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1993. – 27 июля.

Придиус, П.Е. В теплых ладонях Джанхота / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1999. – 20 нояб. – С. 3.

О доме-музее Короленко в Джанхоте.

Придиус, П.Е. Не ходи по косоугору: Думки Степана Хуторского / П.Е. Придиус // Просто русские... / П.Е. Придиус. – Краснодар: Периодика Кубани, 2002. – С. 381–431.

"По-моему, довольно удачно придуман этот персонаж – Степан Хуторской. В забавных заметках якобы похихатывающего хуторянина кроется сметливая народная оценка всего, что происходит вокруг..." (Виктор Лихоносов).

Кубань литературная: альманах / Краснодарское краев. отделение Союза писателей России; гл. ред. Н.А. Ивеншев. – Краснодар: M&D production, 2006. – 284 с : ил.

К юбилею писательской организации. Содерж.: Хохлов С.Н. Я не стану спорить с вами ; Так мало в мире тишины ; О чем тогда Россия думала? ; Обойщиков К.А. : стихи

(Край родной ; "Отмечтал, отбегал, отсмеялся..." ; "Ты можешь, мой город, меня не любить..." ; Отчий край ; Слон в сквере ; Заметки на салфетке ; "Высоту всей страной набирали..." ; "Сумев народы обокрасть..." ; "Ловкач поры своей дождался...") ; Бакалдин В.Б. ; Хохлов С.Н. ; Горбунов А. ; Лихоносов В.И. ; Бардадым В.П. ; Макарова С.Н. ; Зиновьев Н.А. ; Горобец А. ; Архипов В.А. ; Василинина Н. ; Логинов В.А. ; Дроздов И. ; Мутовин И. ; Ефременков Г. ; Ивеншев Н.А. ; Бойко И.Н. ; Мартыновский А. ; Варавва И.Ф. ; Знаменский А. ; Неподоба В. ; Эминов С. ; Гончаров В. ; Постарнак Н. ; Горский В. ; Подкопаев В. ; Ситников Н. ; Елагин В. ; Даньков И. ; Тищенко Е. ; Первенцев А. ; Стрыгин А. ; Придиус П. ; Динека В. ; Клебанов В. ; Серков В. ; Нестеренко В. ; Макарова С. ; Пошагаев Г. ; Голубцов А. ; Соколова Т. ; Лобанова Е. ; Бирюк Л. ; Агафонов П. ; Мазлумян Г. ; Ивашов С. ; Шевель А. ; Базалук С. ; Нестеренко Д. ; Нацевич Л. ; Голубь Д.

Придиус, П.Е. Эпопея деда Авдея / П.Е. Придиус // Литература Кубани: хрестоматия для 9 кл. / Сост. Ю.Г. Любимцев. – Краснодар, 2006. – С. 119.

2.2. Документальная проза. Публицистика

Придиус, П.Е. Отрадненское предгорье: Природа. Люди. События. Проблемы / П.Е. Придиус // Кубань. – 1980. – № 6. – С. 55–67.

Из содерж. : Оживший камень : [каменерезная фабрика] ; Скорняки ; Огни на горе : [племзавод "Урупский"] ; Хутор под облаками : [Ильич] ; Быть своей Мацесте : [о чудодейственном источнике в станице Бесстрашной] ; Медиапилак : [пчелоферма в станице Передовой] ; "Словарь наречий кубанских казаков в станице Отрадной".

Придиус, П.Е. Кавказ в судьбе генерала Коммунны / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отрадненский район). – 1981. – 19 марта; 21 марта.

Комиссар Ярослав Домбровский (1836–1871) – участник Кавказской войны, участвовал в строительстве станицы Отрадной (1857) и Спокойной (1858).

Придиус, П.Е. Родное / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отрадненский район). – 1982. – 1 мая; 4 мая; 6 мая; 8 мая; 11 мая; 13 мая.

Придиус, П.Е. Утоление жажды / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отрадненский

район). – 1982. – 18 нояб.; 20 нояб.; 23 нояб.; 25 нояб.; 27 нояб.

Придиус, П.Е. Член райкома / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1984. – 14 июля; 17 июля; 19 июля; 21 июля; 23 июля.

Очерк.

Придиус, П.Е. Таня: [главы из документальной повести] / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1984. – 11 окт.; 16 окт.; 20 окт.; 25 окт.; 30 окт.; 1 нояб.; 3 нояб.; 6 нояб.

Придиус, П.Е. Ожидание / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1985. – 28 февр.; 2 марта; 7–8 марта.

Придиус, П.Е. Слово о русской матери / П.Е. Придиус, С. Филиппов // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1985. – 6 апр.

Придиус, П.Е. Отрадная. Ложкину / П.Е. Придиус // Советская Кубань. – 1985. – 3 авг.

Михаил Ложкин – историк, археолог Отраденского района.

Придиус, П.Е. Отрадная. Ложкину / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1985. – 6, 8 авг.

Придиус, П.Е. Альманах «Кубань» в 1986 году / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1985. – 26 окт.

Придиус, П.Е. Цветы средь зимы... / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1986. – 11 февр.

Придиус, П.Е. Живи, красавица Отрадная / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1986. – 13 дек.

Придиус, П.Е. Поиск: [о книге Станислава Филиппова] / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1987. – 26 сент.

Придиус, П.Е. Бесстрашненские соловьи / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1987. – 6 окт.

Придиус, П.Е. Очарованный буднями: штрихи к творческому портрету нашего земляка Г. Немченко / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1988. – 9 янв.

Придиус, П.Е. Очарованный буднями: штрихи к творческому портрету нашего земляка Г. Немченко / П.Е. Придиус // Советская Кубань. – 1988. – 10 янв.

Придиус, П.Е. Кинопреьера в станице / П.Е. Придиус // Советская Кубань. – 1988. – 22 мая.

В станице Отрадной прошла премьера

фильма "Брат, найди брата!", снятый в станице по одноименной повести Г. Немченко.

Придиус, П.Е. Что читаете земляки?.. [о писателе Г. Немченко] / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1989. – 4 апр.

Придиус, П.Е. Мои станичники / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1989. – 12 авг.

Придиус, П.Е. Твоя родословная: [художественно-документальная повесть] / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1989. – 7 дек.; 9 дек.; 12 дек.; 14 дек.; 19 дек.; 21 дек.

Придиус, П.Е. Школа профессора Оноприева / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1989. – 26 дек.

Придиус, П.Е. Воспитание историей / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1990. – 8 дек.

Придиус, П.Е. Храмы Ложкина / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1990. – 30 нояб.

Придиус, П.Е. Храмы Ложкина / П.Е. Придиус // Советская Кубань. – 1990. – 8 дек.

О М.Н. Ложкине – известном кубанском краеведе, которому исполнилось 80 лет. По ЦТ показан документальный фильм по сценарию Г.Л. Немченко "Где Ложкин прячет золото", об историке, известном краеведе из станицы Отрадной.

Придиус, П.Е. Звездопад: повесть-хроника / П.Е. Придиус // Кубань. – 1990. – № 10. – С. 36–45.

Большие игры вокруг "Малой земли". Кубань периода правления С.Ф. Медунова. Продолжение: Кубань. 1990. – № 12. – С. 43–56; Начало: 1989. – № 8–10.

Придиус, П.Е. Чем станица очаровала столицу / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1992. – 15 февр. – С. 3.

Придиус, П.Е. Наш Казакевич: очерк / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1992. – 28 марта. – С. 6.

Придиус, П.Е. Учитель, перед именем твоим... / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1992. – 22 авг. – С. 7.

Очерк о поездке Петра Придиуса к педагогу Ивану Тимофеевичу Казакевичу, работавшему в 1946–1948 гг. директором школы в станице Спокойной.

Придиус, П.Е. В батраках / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1993. – 28 янв. – С. 3.

Беседа П.Е. Придиуса с М.А. Резоньковым, вчера председатель колхоза, сегодня батрак.

Придиус, П.Е. Две жизни казака Тимофея Винникова / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1993. – 16 окт. – С. 3.; 14 окт. – С. 3.

Род Винниковых из станицы Бесстрашной.

Придиус, П.Е. Есть казаки в Америке / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1995. – 18 янв.

О станице Новая Кубань в штате Нью-Джерси (США), где в том числе проживают кубанские казаки.

Ламейкин В.А. Можно ли прессе не зависеть? / В.А. Ламейкин, П.Е. Придиус, Б.И. Сальников // Вольная Кубань. – 1995. – 31 марта.

За "круглым столом" редакторы краевых газет обсудили проблемы современной прессы.

Немченко Г.Л. "Да неужто – 50!?" / Г.Л. Немченко, П.Е. Придиус [Текст] // Кубанские новости. – 1995. – 27 сент.

О директоре Отраденского историко-краеведческого музея С.К. Филиппове.

Придиус, П.Е. Наш столичный казак-летописец / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1996. – 18 июля.

О писателе Г. Немченко.

Придиус, П.Е. Светлая улыбка хирурга Мануйлова / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1996. – 27 июля.

А.М. Мануйлов – хирург Республиканского центра функциональной хирургической гастроэнтерологии.

Придиус, П.Е. Край казачий мой и кубанский хор / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1996. – 29 окт.

О юбилейный концерт в честь 185-летия Кубанского казачьего хора.

Придиус, П.Е. Ваша газета: газете "Кубанские новости" – 6 лет / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1997. – 5 янв.

Придиус, П.Е. "Никто, кроме нас...": штрихи к портрету уникального певца и композитора, казака Алексея Мелехова / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1997. – 6 янв.

Живет в Калининграде, часто приезжает на Кубань, выступает с концертами композитор казак Алексей Мелехов.

Придиус, П.Е. В небе Афганистана / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1997. – 11 янв.

О Герое Советского Союза, ветеране войны в Афганистане В.Ф. Гончаренко.

Придиус, П.Е. Мы любим тебя! / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1997. – 17 апр.

О журналистке газеты "Кубанские новости" В. Паленой.

Придиус, П.Е. Калашников: знаменитый и безвестный / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1997. – 11 июня.

О знаменитом конструкторе М.Т. Калашникове. Его родители жили в станице Отрадной.

Придиус, П.Е. Земля Кузьмича / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1997. – 23 авг.

К 60-летию журналиста газеты "Кубанские новости" Н.К. Рыжкова.

Придиус, П.Е. Наш Мамич / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1997. – 11 нояб.

Профессору КГТУ М. Аутлеву – 80 лет.

Придиус, П.Е. Новые сказки венского лета / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1997. – 6 дек.

Впечатления кубанских журналистов о посещении столицы Австрии – Вены. В Вене открылось представительство Краснодарского края и постоянно действующая выставка кубанских товаров.

Придиус, П.Е. Отец и сын Берлизовы / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1997. – 30 дек.

Известный кубанский журналист Е.М. Берлизов и его сын А.Е. Берлизов, погибший в Приднестровье.

Придиус, П.Е. Очарованный буднями / П.Е. Придиус // Советская Кубань. – 1998. – 10 янв.

Штрихи к творческому портрету нашего земляка Г. Немченко

Придиус, П.Е. "Плавучие станицы" / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1998. – 24 февр. – С. 1.

Подтоплению подверглись Динской, Тимашевский, Калининский, Славянский районы края.

Придиус, П.Е. Крепнут узы братства / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1998. – 25 апр. – С. 8.

О Днях культуры Кубани в Республике Беларусь.

Придиус, П.Е. Как станичники экзаменовали министра / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1998. – 14 июля. – С. 1, 2.

Министр сельского хозяйства России В.А. Семенов побывал в хозяйствах края.

Придиус, П.Е. Реликвии кубанского войска остаются в США / П.Е. Придиус // Кубань сегодня. – 1998. – № 30.

Кубанская делегация побывала в США по приглашению казачества зарубежья.

Придиус, П.Е. Литературная нива Кубани / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1999. – 20 марта. – С. 3.

22 марта в Краснодаре начинает работу выездной пленум Союза писателей России.

Придиус, П.Е. Оживает литературная нива Кубани / П.Е. Придиус // Кубань сегодня. – 1999. – 20 марта. – (За духовность, мир и согласие на Северном Кавказе).

О работе в Краснодаре выездного пленума Союза Писателей России по теме "Северный Кавказ. Духовное сотрудничество – основа мира и согласия".

Придиус, П.Е. Небо Покрышкина / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1999. – 26 июня. – С. 13.

На Кубани гостила М.К. Покрышкина – жена легендарного летчика, трижды Героя Советского Союза А.И. Покрышкина.

Придиус, П.Е. Кубанские звезды Александра Покрышкина / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1999. – 19 авг. – С. 3.

Исполняется 55 лет с того дня, когда летчику А.И. Покрышкину в третий раз было присвоено звание Героя Совет. Союза.

Придиус, П.Е. Прощальное слово о Медунове / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1999. – 2 окт. – С. 13.

В память о бывшем первом секретаре крайкома Краснодарского края С.Ф. Медунове.

Придиус, П.Е. В теплых ладонях Джанхота / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 1999. – 20 нояб. – С. 3.

О доме-музее Короленко в Джанхоте.

Придиус, П.Е. Россия поднимется с колен / П.Е. Придиус // Кубань сегодня. – 1999. – 24 нояб. – С. 5.

В Москве прошел съезд Союза писателей России, в котором приняла участие и делегация писателей Кубани. В состав Высшего творческого союза вошли И. Варавва и В. Лихоносов. В. Лихоносов избран членом Правления Союза писателей. В состав ревизионной комиссии включен критик В. Канашкин. П. Придиус избран членом Правления и секретарем Союза писателей России. Секретариат правления Меж-

дународной ассоциации писателей-баталистов и маринистов удостоил П. Придиуса медали им. К. Симонова за повести "Родное" и "Не погаси огонь Прометея".

Придиус, П.Е. Болевой "квадрат" хирурга Мануйлова / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2000. – 4 июля.

О главвраче 3-й городской больницы, враче больницы "Скорой помощи" республиканского Центра хирургической гастроэнтерологии А.М. Мануйлове.

Придиус, П.Е. Фоторепортер Олег Галушко / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2000. – 7 окт. – С. 3.

О фоторепортере «Кубанских новостей» О. Галушко.

Придиус, П.Е. Тяжкий крест батьки Кондрата / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2000. – 13 окт. – С. 1, 2, 15.

О работе губернатора Краснодарского края Н.И. Кондратенко.

Придиус, П.Е. Рыцари земли русской / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2000. – 16 дек.

Н.И. Кондратенко за укрепление государственности и возрождение казачества награжден орденом святого Андрея Первозванного.

Придиус, П.Е. "Ватикан" академика Трубилина / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2001. – 27 февр. – С. 2.

О ректоре КГАУ И.Т. Трубилине.

Придиус, П.Е. Склоним головы: уходит эпоха... / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2001. – 22 мая.

По поводу кончины Героя Сов. Союза летчика А.П. Маресьева.

Придиус, П.Е. Мудрость сеятеля / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2001. – 26 мая. – С. 1, 4.

К 100-летию со дня рождения академика П.П. Лукьяненко, автора лучших сортов кубанской пшеницы.

Придиус, П.Е. Наука выбирает рыцарей: к 60-летию ректора КубГУ В.А. Бабешко / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2001. – 30 мая. – С. 1–2.

Придиус, П.Е. "Он и ваш, он и наш – летописец Машбаш..." / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2001. – 5 июня.

К 70-летию адыгейского поэта И.Ш. Машбаша.

Придиус, П.Е. Броня / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отраденский район). – 2001. – 14 июня. – С. 3–4.; 7 июня. – С. 3–4.

- Очерк о земляках.
- Придиус, П.Е. Ожидание / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2001. – 15 июня. – С. 4–5. – (Шла война народная).
- О кубанской семье Янченко: летчике Ф.В. Янченко (пропал без вести в 1942 г.), учителе русского языка и литературы, завуче школы станицы Бесстрашной О.И. Янченко.
- Придиус, П.Е. На самый край земли / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2001. – 4 авг.
- Путевые заметки о научно-практической конференции железнодорожников, проходившей в специальном поезде, проследовавшем по Транссибу, от Москвы до Владивостока.
- Придиус, П.Е. Беседы у священного Байкала / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2001. – 8 авг.
- Посвящается 100-летию Транссиба.
- Придиус, П.Е. Там солнце становится русским / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2001. – 14 авг.
- О поездке во Владивосток.
- Придиус, П.Е. Сибирь открыли казаки / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2001. – 18 авг. – С. 4.
- Придиус, П.Е. Грядет по транссибу слово.. / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2001. – 22 авг. – С. 4.
- Путевые заметки.
- Придиус, П.Е. Про Сибирь, которую мы еще не потеряли... / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2001. – 1 сент. – С. 3.
- Придиус, П.Е. "Какие мы, русские?" / П.Е. Придиус // Краснодар. – 2001. – № 39. – С. 14.
- Придиус, П.Е. Мать генерала / П.Е. Придиус // Роман-журнал XXI век. – 2001. – № 11. – С. 94–97.
- Участник Всемирного Русского Народного Собора в составе Пленума Союза писателей России в Чечне в январе 2000 года П.Е. Придиус рассказывает о матери генерала В.Г. Казанцева.
- Придиус, П.Е. Небо Покрышкина / П.Е. Придиус // В гремящем небе Кубани: сб. / сост. В.В. Козлов, К.А. Обойщиков. – Майкоп, 2001. – С. 185–187.
- О Герое Советского Союза А.И. Покрышкине.
- Придиус, П.Е. И боец, и жнец, и в газете мудрец... / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2002. – 11 янв. – С. 5.
- О кубанском журналисте В. Любине.
- Придиус, П.Е. Исповедь грешника, или О том, как зарастала дорога к храму / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2002. – 23 марта. – С. 4.
- О разрушении церкви в станице Бесстрашной Отрадненского района.
- Придиус, П.Е. Исповедь грешника, или О том, как зарастала дорога к храму / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отрадненский район). – 2002. – 23 марта. – С. 4–5.
- О станице Бесстрашной и её жителях.
- Придиус, П.Е. У адыгов с Тембота – новая эпоха / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2002. – 21 сент. – С. 4.
- О жизни и творчестве адыгского писателя Т. Керашева.
- Придиус, П.Е. Русская Америка: дневник писателя / П.Е. Придиус // Кубань. – 2002. – № 3–4. – С. 103–121.
- Придиус, П.Е. Такие разные звезды // П.Е. Придиус. Просто Русские... Краснодар: Периодика Кубани. – 2002. – С. 65–85.
- О Дмитрие Лавриненко.
- Придиус, П.Е. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать... / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2003. – 4 марта. – С. 3.
- О кубанском фотомастере А. Рябко.
- Придиус, П.Е. Судьба казака-летописца / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2003. – 30 апр. – С. 21.
- 1 мая выдающемуся русскому писателю Анатолию Дмитриевичу Знаменскому, чья жизнь и творчество были тесно связаны с Кубанью, исполнилось бы 80 лет.
- Придиус, П.Е. За что я люблю районку? / П.Е. Придиус // Сельская жизнь (Отрадненский район). – 2003. – 10 июня. – С. 1.
- О местной газете «Сельская Жизнь».
- Придиус, П.Е. Оазисы духовности: [по поводу незамеченных в Москве юбилеев] / П.Е. Придиус // Кубань сегодня. – 2003. – 9 авг. – С. 4.
- О праздновании юбилеев: поэта В.В. Маяковского в станице Терновской и 150-летия писателя В.Г. Короленко в Джанхоте.
- Придиус, П.Е. Он родом – казак / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2003. – 1 авг. – С. 6.
- Об Александре Алексеевне – матери В.В. Маяковского, уроженке станицы Терновской Тихорецкого района.
- Придиус, П.Е. На том берегу... моя школа: воспоминания пожилого школьника / П.Е. Придиус // Кубанские новости. – 2003. – 22 нояб. – С. 4.

О школе в станице Спокойной, где автор учился.

Придиус, П.Е. Судьба казака – летописца: воспоминания / П.Е. Придиус // И в засуху бессмертники цветут...: к 80-летию писателя Анатолия Знаменского: воспоминания / Ред.-сост. В.С. Ротов. – Краснодар: Периодика Кубани, 2003.

Придиус, П.Е. О писателях.. / П.Е. Придиус // Кубань литературная: альманах / Краснодарское краевое отделение Союза писателей России; гл. ред. Н.А. Ивеншев. — Краснодар, 2006. – С. 152–156.

Содерж.: Поэт-невидимка ; Феномен партизанского "батьки" ; Как отвадили графомана ; Как делили Малую Землю.

Придиус, П.Е. Как делили Малую землю / П.Е. Придиус // Кубанский писатель. – 2012. – № 10 (65) октябрь. – С. 4–5.

Воспоминания о писателе Георгии Владимировиче Соколове. Из рубрики "65 лет Краснодарской писательской организации".

Придиус, П.Е. Поэт-невидимка / П.Е. Придиус // Кубанский писатель. – 2012. – № 10 (65) октябрь. – С. 4.

Воспоминания о поэте Сейтумере Эминове. Из рубрики "65 лет Краснодарской писательской организации. Архив".

Придиус, П.Е. Феномен партизанского "батьки" / П.Е. Придиус // Кубанский писатель. – 2012. – № 10 (65) октябрь. – С. 4: фот.

Воспоминания о писателе Петре Карповиче Игнатове. Из рубрики "65 лет краснодарской писательской организации".

III. Литература о жизни и творчестве П.Е. Придиуса

Писатели Кубани: библиографический справочник / сост. Л.А. Гуменюк, К.В. Зверев. – Краснодар: Кн. изд-во, 1980. – С. 145–148.

Носов, В. Повесть об отражениях / В. Носов // Сельская жизнь (Отраденский район). – 1980. – 29 нояб.

О книге П.Е. Придиуса «Отраденское предгорье».

Кравченко, Н. «С Кавказом породненные» / Н. Кравченко // Сельская жизнь (Отраденский район). – 2000. – 21 дек. – С. 4.

Так называется новая книга нашего земляка Петра Придиуса.

Писатели Кубани: библиографический сборник / под ред. В.П. Неподоба. – Краснодар, 2000. – С. 145.

Слово о редакторе // Кубанские новости: 10 лет: Газетно-информационный комплекс / Ред.-сост. Г. Шулякова; учредители: администрация Краснодарского края и государственное унитарное предприятие «Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости». – Краснодар, 2001.

Филиппов, С.К. Журналист, писатель, человек: к 70-летию П.Е. Придиуса / С.К. Филиппов // Сельская жизнь (Отраденский район). – 2002. – 10 янв. – С. 7.

Бойко, И. Солнце над Родиной: памяти первого редактора Петра Ефимовича Придиуса // Кубанские новости. – 2003. – 22 ноя. – С. 4–5.

Кубанские писатели в Отрадной // Сельская жизнь (Отраденский район). – 2004. – 15 мая. – С. 1.

Немченко, Г.Л. Из народных заступников / Г.Л. Немченко // Кубанские новости. – 2005. – 11 нояб. – С. 4.

О первом главном редакторе газеты «Кубанские новости», журналисте и писателе П.Е. Придиусе.

Шведова, Н. Публицист, писатель, атаман / Н. Шведова // Сельская жизнь (Отраденский район). – 2012. – 14 янв. – С. 4.

Электронные ресурсы о жизни и творчестве П.Е. Придиуса

Придиус, П.Е. Петр Ефимович Придиус – Биография : биография [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rompipro.ru/memogupage23077/biography. – Загл. с экрана. (последний просмотр 19 апреля 2017 г.).

Придиус, П.Е. Вечер памяти Петра Ефимовича Придиуса... : биография [Электронный ресурс]. – Режим доступа: slavakubani.ru/content/detail.php... – Загл. с экрана. (последний просмотр 19 апреля 2017 г.).

Решетняк Л.К. К 25-летию «Кубанских новостей». Майя Придиус: «Пока моего отца помнят – он жив» / Л. Решетняк. Беседа с дочерью... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krasnodar.bezformata.ru/listnews/pridius-poika-moego-ottca/36128939/>. – Загл. с экрана. (последний просмотр 21 апреля 2017 г.).

Ротов В. Гражданин своей отчизны (о Придиусе П.Е.) // В. Ротов. Ближе к истине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://profilib.com/chtenie/121645/viktor-rotov-blizhe-k-istine-79.php>. – Загл. с экрана. (последний просмотр 21 апреля 2017 г.).

Интервью писателя

Крупнейшие русские писатели на Кубани: беседа с председателем Союза писателей Кубани, главным редактором ГИК "Кубанские новости" П.Е. Придиусом / П.Е. Придиус; записала М. Богданова // Молодежный проспект Кубани. – 1999. – № 1.

В марте на Кубани состоится Форум интеллигенции, в котором примут участие делегации известных московских и российских писателей.

Восстановить разорванную цепь времен: беседа с главным редактором краевой газеты "Кубанские новости" П.Е. Придиусом / П.Е. Придиус; записал В. Богданов // Кубань сегодня. – 2000. – 8 июля: фот.

Об участии во Всемирном конгрессе русской прессы в Нью-Йорке, приуроченном к 90-летию газеты "Новое русское слово".

Десять лет – как один день: беседа с генеральным редактором ГИК "Кубанские новости" П.Е. Придиусом / П.Е. Придиус; записала Л. Тихонова // Кубанские новости. – 2001. – 5 янв. – С. 2.

Газете "Кубанские новости" исполнилось 10 лет.

Одно единственное оружие – слово: беседа с председателем Краснодарской краевой организации Союза писателей России, делегатом XI съезда Союза писателей России П.Е. Придиусом / П.Е. Придиус; записал Г. Соловьев // Кубанские новости. – 2001. – 4 янв. – С. 2.

"Кубанским новостям" – 10 лет: беседа с главным редактором "Кубанских новостей" П.Е. Придиусом / П.Е. Придиус; записал В. Богданов // Кубань сегодня. – 2001. – 5 янв. – С. 12.

Не терять веры в духовные силы народа: беседа с председателем Краснодарского краевого отделения Союза писателей России П.Е. Придиусом / П.Е. Придиус; записал В. Терский // Кубань сегодня. – 2001. – 6 янв.

О своей поездке на внеочередной съезд писателей России в Москве.

Чтобы читатель книгу находил: беседа с председателем краевой организации Союза писателей России П.Е. Придиусом / П.Е. Придиус; записала Л. Гринева // Краснодар. – 2001. – 7–13 сент. – С. 13.

О жизни и творчестве кубанских писателей

Десять лет – как один день. Откровения в канун юбилея: беседа с генеральным редактором ГИК "Кубанские новости" П.Е. Придиусом / П.Е. Придиус; записала Л. Тихонова // Кубанские новости: 10 лет: Газетно-информационный комплекс / Ред.-сост. Г. Шулякова; учредители: администрация Краснодарского края и государственное унитарное предприятие «Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости». – Краснодар: 2001. – С. 2–4.

Казак по-прежнему пахарь и воин: беседа с председателем правления Краснодарской писательской организации, атаманом станицы Бесстрашной П.Е. Придиусом / П.Е. Придиус; записала Н. Катаева // Гудок. – 2002. – 29 янв. – С. 3.

Награды и почетные звания

Орден «Знак Почета»;

6 медалей;

Заслуженный работник культуры России (20.08.1993 г.);

Заслуженный журналист Кубани;

Заслуженный журналист Республики Адыгея;

Почетный гражданин Отрадненского района;

Почетная грамота Совета Министров Республики Беларусь (8.01.2002г.);

Лауреат журналистской премии «Золотое перо Кубани» (1995г., под именем Степана Хуторского);

Член-корреспондент Международной академии информатизации.

IX. ХРОНИКА

Е.В. Тёр

Учитель, путешественник, краевед
(памяти Владимира Ивановича Чеснокова)

Буквально на днях, готовя статью в очередной сборник «Отраденских чтений», узнал печальную новость – ушёл из жизни Владимир Иванович Чесноков из станицы Надёжной, краевед, член Отраденского районного общества историков-архивистов, неутомимый путешественник, прекрасный человек.

Владимир Иванович Чесноков
(22.12.1949 – 11.01.2017)

С Владимиром Ивановичем познакомился в конце 1990-х годов, когда работал учителем истории в одной из отраденских школ. Вспоминается его молчаливая сдержанность, скажу больше – непроницае-

мость. Но это, как выяснилось, для посторонних. Когда наше знакомство стало более близким на заседаниях районных методических объединений, различных семинаров, конференций, В.И. Чесноков оказался очень интересным и увлечённым человеком. Родившись на Соловецких островах Севера, он искренне полюбил отраденское Предгорье, много путешествовал по заповедным местам, привлекал к этому школьников, воспитывая в них любовь к отечеству.

И нам, молодым учителям истории, рассказывал о красоте отраденских лесов и рек как увлечённый искатель приключений, опытный грибник и любитель-рыболов. Как-то на районную конференцию учащихся на тему «Музей – золотой запас человечества» он принёс ...старинный колокол. Где нашел его, в каких условиях берёт – не помню. Но находка потрясла всех своей необычностью и величием. Знал и о другой увлечённости – коллекционировании предметов старины, гармонии...

Вспоминаю нашу последнюю встречу, когда в мае 2002 года проводился семинар с представителями краевого департамента, известными археологами, после которой мы, историки-краеведы, посетили персональную выставку легендарного фотожурналиста Алексея Жигайлова, презентованную самим автором. Владимир Иванович рассказывал и о своих походах, планах на будущее, приглашал с собой путешествовать по Лабе. А потом был мой переезд на родину, в станицу Ленинградскую. Связи прервались. Как-то Владимир Иванович созванивался с отцом-журналистом, с которым много лет поддерживал творческие связи, передавал привет, приглашал в родные места.

И вот его нет. Вечная память человеку, истинному патриоту родной земли.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГПУ – Армавирский государственный педагогический университет

АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии

АНИИ – Адыгейский научно-исследовательский институт

АОАА – Архивный отдел администрации города Армавира

БСЭ – Большая Советская энциклопедия

ВВ – Византийский временник

ВМЖ – Военно-медицинский журнал

ГААО – Государственный архив Астраханской области

ГАКЧР – Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края

ГБНТУК КК – Государственное бюджетное научно-творческое учреждение культуры Краснодарского края

ГКУ КК – Государственное казённое учреждение Краснодарского края

ГКЧИКПМЗ – Государственный Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник им. М.О. Байчоровой

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей

КАО – Карачаевская автономная область

КВВ – Кубанские войсковые ведомости

кд – кавалерийская дивизия

КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им.Е.Д. Фелицына

КГУКИ – Краснодарский государственный университет культуры и искусств

КЛКВ – Кубанское линейное казачье войско

КНИИ – Карачаевский научно-исследовательский институт

КОВ – Кубанские областные ведомости

КубГУ – Кубанский государственный университет

КЧИГИ – Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований

КЧР – Карачаево-Черкесская Республика

МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР

МИСК – Материалы по истории Ставропольского края

МКУК – муниципальное казенное учреждение культуры

ММХА – Московская медико-хирургическая академия

НА – научный архив

НИЦ – научно-исследовательский центр

ПГЛУ – Пятигорский государственный лингвистический университет

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РАН – Российская академия наук

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РГБУ – Республиканское государственное бюджетное учреждение

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

РОИА – Российское общество историков-архивистов

РС – Русская старина

РСО-А – Республика Северная Осетия-Алания

СК – Северный Кавказ

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа

ФГБОУ ВО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

ФСБ – Федеральная служба безопасности

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны

ЦГА – Центральный государственный архив

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края

ЧКВ – Черноморское казачье войско

ЧНИИ – Черкесский научно-исследовательский институт

ЭО – Этнографическое обозрение

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Алексей Олегович – главный специалист ГКУ КК «Государственный архив Краснодарского края», заслуженный работник государственной архивной службы Кубани; e-mail: aleksey.an2011@yandex.ru (г. Краснодар)

Андреева Ольга Вадимовна – инженер, краевед (г. Медногорск, КЧР)

Арицбашев Александр Николаевич – секретарь правления Союза писателей России (г. Москва)

Бабиц Александр Владимирович – главный специалист отдела информационно-поисковых технологий и использования архивных документов КГУ КК «Государственный архив Краснодарского края» (г. Краснодар)

Бамбурина Ирина Владимировна – главный специалист архивного отдела администрации муниципального образования город Армавир, заместитель председателя Армавирского городского общества историков-архивистов (г. Армавир)

Бердиев Заурбек Пахатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник КЧИГИ; e-mail: verdiev53@mail.ru (г. Черкесск)

Бурцева Юлия Борисовна – студентка 1 курса магистратуры АГПУ; научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «АГПУ» Малахов Сергей Николаевич (г. Армавир)

Галич Александр Михайлович – ведущий специалист ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (г. Краснодар)

Гетманская София Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор»; e-mail: ribkosn@mail.ru (г. Краснодар)

Емельянов Олег Борисович – кандидат исторических наук, доцент Ставропольского государственного педагогического института (филиал в г. Ессентуки)

Заубидова Ирина Хасамбиевна – заслуженный работник культуры КЧР, заместитель директора – главный хранитель фондов РГБУ «Государственный Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник им. М.О. Байчоровой», e-mail: muzeykchr@yandex.ru (г. Черкесск)

Зеленский Юрий Викторович – старший научный сотрудник отдела археологических фондов КГИИМЗ им. Е.Д. Фелицына, аспирант кафедры истории и музееведения КГУКИ (г. Краснодар)

Казанков Владимир Иванович – краевед, член Отраденского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца; e-mail: vl.kazankov56@mail.ru (ст. Бесскорбная)

Карданова Ася Хусиновна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии народов Карачаево-Черкесской Республики КЧИГИ при Правительстве КЧР (г. Черкесск)

Кияшко Никита Витальевич – историк, член Комиссии по канонизации святых Екатеринодарской епархии Русской Православной Церкви; e-mail: kiyashkonv@mail.ru (г. Краснодар)

Колесников Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой воспитательной работы, дополнительного образования и технологии Ставропольского краевого института развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования (г. Ставрополь)

Корсакова Наталия Александровна – старший научный сотрудник КГИИМЗ им. Е.Д. Фелицына, заслуженный работник культуры Кубани; e-mail: kgiamz.istoriya@yandex.ru (г. Краснодар)

Ктиторов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Ложкин Анатолий Николаевич – протоиерей, благочинный церквей Успенского округа, настоятель Свято-Успенского прихода с. Успенского Успенского района Армавирской епархии Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) (с. Успенское Успенского района Краснодарского края)

Лубков Александр Игоревич – бакалавр юриспруденции, студент магистратуры, АГПУ; e-mail: alexander.lubkov@gmail.com; научный руководитель: доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «АГПУ» Великая Наталья Николаевна (г. Армавир)

Лукаш Сергей Николаевич – доктор педагогических наук, профессор ФГБОУ ВО «АГПУ» (г. Армавир)

Малахов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; с.н.с. отдела истории Института истории и археологии РСО-А (г. Владикавказ)

Марченко Елена Викторовна – ведущий библиограф по работе с детьми МКУК «Отраденская межпоселенческая центральная библиотека» (ст. Отрадная)

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории КубГУ, главный научный сотрудник НИЦ традиционной культуры Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар)

Немченко Гарий Леонтьевич – русский писатель, публицист, переводчик, общественный деятель, член Союза писателей с 1964 года, лауреат премии ВЦСПС и Союза писателей СССР, премий им. Николая Островского, «Казачий златоуст», «Образ», им. А.С. Пушкина, заслуженный работник культуры Республики Адыгея, автор около 50 книг прозы (г. Москва)

Немченко Сергей Гаринович – краевед, председатель Отраденского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца (ст. Отрадная)

Орел Василий Николаевич (1928–1987) – известный кубанский краевед и литературовед, долгие годы живший и работавший в ст. Отрадной

Петрова-Хорина Нианила Николаевна – журналист и краевед, кандидат филологических наук, доцент, член Союза журналистов РФ с 1986 г., член Отраденского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца (г. Краснодар)

Пренко Анатолий Савельевич – писатель, заслуженный работник культуры республики Адыгея (г. Майкоп)

Пылков Олег Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник МБУ «Армавирский краеведческий музей» (г. Армавир)

Пьянков Алексей Васильевич – ведущий научный сотрудник ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция» (г. Краснодар); e-mail: a.v.pyankov@rambler.ru

Радичко Любовь Викторовна – учитель истории МБОУ СОШ № 16 ст. Отрадной Отраденского района Краснодарского края, член Отраденского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца (ст. Спокойная)

Росликова Валентина Ивановна – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института водных и экологических проблем Дальневосточного отделения РАН, заслуженный деятель науки РФ (г. Хабаровск)

Русанов Константин Викторович – краевед; e-mail: kokamoka51@gmail.com (г. Харьков, Украина)

Слободенюк Виктор Викторович – главный специалист КГУ КК «Государственный архив Краснодарского края»

Слуцкий Аркадий Иосифович – кандидат педагогических наук, ассоциированный старший научный сотрудник сектора исследований истории культуры народов Юга России филиала Российского научно-исследовательского института культуры и природного наследия им. Д.С. Лихачева; e-mail: aiskiev@yandex.ru (США, Атланта)

Соловьева Наталья Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории и археологии КЧР РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена “Знак Почёта” институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР»; e-mail: soloviova_n31@mail.ru (г. Черкесск)

Суворова Надежда Николаевна – старший научный сотрудник отдела истории и этнографии КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар)

Тёр Виктор Васильевич – заслуженный журналист Кубани; e-mail: ter_75@inbox.ru (ст. Ленинградская Ленинградского района Краснодарского края)

Тёр Евгений Викторович – кандидат исторических наук, председатель Ленинградской районной организации краевого отделения Российского общества историков-архивистов; e-mail: ter_75@inbox.ru (ст. Ленинградская Ленинградского района Краснодарского края)

Ткаленко Никита Сергеевич – студент 3 курса исторического факультета АГПУ; e-mail: nik.tkalenko.1996@mail.ru; научный руководитель: доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ

ВО «АГПУ» Великая Наталья Николаевна (г. Армавир)

Фролов Борис Ефимович – старший научный сотрудник отдела истории и этнографии КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар)

Чумаченко Виктор Кириллович – кандидат филологических наук, профессор, с.н.с. отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Российского научно-исследовательского института культуры и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (г. Краснодар)

Шишканова Антонина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник КЧИГИ при Правительстве КЧР заслуженный деятель науки КЧР, заслуженный работник высшего образования КЧР; e-mail: shishkanova 2013 @yandex.ru (г. Черкесск)

Юрченко Татьяна Васильевна – главный хранитель КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар); e-mail: kgiamz@mail.kubannet.ru (г. Краснодар)

Яковлева Екатерина Сергеевна – студентка 1 курса факультета управления и психологии КубГУ (г. Краснодар)

Отраденские историко-краеведческие ЧТЕНИЯ

Выпуск V

Материалы международной научной конференции,
посвящённой 160-летию основания станицы Отрадной
Отраденского района Краснодарского края

*Научный редактор С.Н. Малахов
Составитель С.Г. Немченко*

Издательско-полиграфическое предприятие:
ИП Шурыгин Виталий Евгеньевич
г. Армавир, ул. Каспарова, 7.
Тел.: (86137) 7-56-96, (928) 2954-928.

Подписано в печать: 01.08.2017 г. Формат 60х90/8.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Тираж 250 экз.
Печать трафаретная цифровая. Усл.печ.л. 37,3. Уч.изд.л. 36,8.